

ОЛЕГ БЫСТРОВ
ЗРЯЧИЙ

Кто из нас порой не хотел бы получить подсказку от судьбы — принять должность или отказаться, сделать девушке предложение или подождать? А то и вовсе найти другую избранницу? Вся наша жизнь — один сплошной выбор. И вот приходят операторы Агентства Социальной Адаптации, просматривают варианты вашего жизненного пути и судьбоносные повороты. И дают эти самые советы. Дельные, точные, надёжные. Но иногда приходится вступать в борьбу с Линиями Судьбы — своими и чужими. И порой это может оказаться смертельно опасным.

ПРОЛОГ

Каждый, кому довелось побывать в столице, знает: Капиталла делится на две части, как разрезанное пополам яблоко. И темп жизни там различается, как течение реки на стремнине и где-нибудь в тихой заводи. Деловой центр высится громадами многоэтажных строений — банки, конторы, отели. Сияет вывесками дорогих магазинов, гудит клаксонами авто. Жизнь там кипит, захватывает и мчит человека, словно осенний палый лист.

А на окраинах города всё совершенно иначе. Узенькие улочки петляют между уютными домиками старой постройки, раскрашенными в теплые цвета. И перед каждым обязательная клумба с нарциссами и гиацинтами. Вдоль мощеных тротуаров тянутся старые развесистые липы. Тишина, покой, аромат цветов...

В обеденный час здесь не встретишь даже прохожих, добропорядочные люди обедают в кругу семьи. Честные граждане наслаждаются блюдами домашней кухни — борщами и солянкой, отбивными на ребрышках и бифштексами, салатами и сложными гарнирами — кому что нравится. Но в этот раз не все жители окраины предавались праздному чревоугодию.

В тени лип по тротуару шествовали двое мужчин. Один чуть впереди: высокий, с волевым, но угрюмым лицом, он вышагивал широко и размеренно. Из-под шляпы, надвинутой на лоб, выбивались черные волосы, густо припорошенные сединой. Хрящеватый длинный нос напоминал клюв хищной птицы. Фигуру скрывал просторный темный плащ до пят, а на плече висел тубус, какими пользуются чертежники, но больших размеров.

Второй, среднего роста и обычного сложения, выглядел как типичный молодой маргинал городской окраины: потертые кожаные штаны, заправленные в стоптанные сапоги, бесформенная рубаша, утратившая свой первоначальный цвет. Давно не мытые длинные волосы были схвачены сзади в хвост, а щеки покрывала трехдневная щетина. Молодой человек пытался идти расхлябанной ленивой походкой, но, чтобы не отстать от старшего товарища, ему всё время приходилось ускорять шаг, и парню это явно не нравилось.

— Слышь, дядя, долго еще топать-то? — ухмыльнулся молодой спутник. — Укромных мест мало? Да здесь за любым углом...

— Не бренчи, — резко оборвал старший. — Уже почти пришли. За любым углом нельзя.

Его пронзительные недобрые глаза внимательно ощупали улицу и нашли мясную лавку на углу. От одноэтажного домика с незамысловатой вывеской, изображавшей сочную вырезку, улица уходила вбок, а сразу за лавкой зеленела плотная стена живой изгороди.

— Здесь, — сказал старший и подвел спутника к узкому проходу в густом колючем

кустарнике.

Внутри оказалась обширная ровная площадка, заросшая невысокой травой. Было ясно, что люди сюда не заходят — трава имела совершенно нетронутый вид, то тут, то там синели васильки. Высокие кусты живой изгороди надежно укрывали пустырь от чужих глаз, лавка мясника осталась в стороне, никаких других строений поблизости не наблюдалось.

— Ну, вот здесь и расположимся. Нравится, Сиг? — обратился старший к напарнику.

— Нормально, — нехотя протянул тот. — По мне, так хоть посреди площади, лишь бы топтать недалеко. Но раз уж привел, будем здесь.

Старший бережно устроил на траве свою ношу, аккуратно сложил плащ и шляпу. Теперь стало видно, что это сухощавый, легкий в движениях мужчина в просторной, не стесняющей движений рубахе и широких штанах. Он перехватил ленточкой длинные темные волосы на затылке и принялся за содержимое тубуса.

Оттуда появились два клинка без ножен, обмотанные ветошью и обвязанные бечевкой. Мужчина быстро размотал ветошь, и на свет появился индийский тальвар — широкая и длинная сабля с небольшим изгибом к обуху. Обоюдоострое утолщение в конце клинка — елмань — придавало оружию вид грозный и внушительный. Бочкообразную рукоять украшало традиционное для этих сабель навершие в виде диска. Старший отложил тальвар в сторону, а спутнику протянул спату, прямой метровый клинок с заточенным острием, которым удобно наносить колющие удары. Массивная крестовина без украшений, рукоять, перевитая сыромятной кожей, навершие в виде шара — никаких изысков.

— Ты вроде к такому привык? — Старший посмотрел на товарища с легкой усмешкой. — Уговор помнишь?

— Что тут не помнить... Деньги принес?

— Сразу по окончании развлечения всё сполна. Так ведь договаривались?

— Ну да... — неохотно протянул Сиг, но, взяв оружие, оживился. — Хороший меч, таким работать одно удовольствие. Слышал я, дядя, что способен ты доставать правильные клинки, теперь и сам вижу. Ну, давай...

Рубанув несколько раз воздух для разогрева, а также чтоб почувствовать клинок, бойцы встали в стойку. Первые осторожные пробы — звякнула сталь. Поединчики сместились, двинулись по кругу, внимательно наблюдая друг за другом. Каждый примеривался, рассчитывал дистанцию, скорость, выбирая момент для атаки. Чувствовалось, что оружие в умелых руках: мужчины двигались с той особой грацией, что появляется в результате длительных и упорных упражнений.

Сиг не торопился, двигался как бы с ленцой. Охота дяде потеть в жару, и пусть его — главное, платит звонкой монетой, без обмана. Правда, и медлительность его, и расслабленность были кажущимися. Защитив свою жизнь в десятке поединков, этот неказистый с виду парень умел драться.

— Ну давай, давай, дядя, — подначил он. — Покажи мастерство... Сабелька у тебя знатная, а вот как ты умеешь с ней управляться?..

Старший не ответил, настроен он был более решительно. Лицо, и без того мрачное, стало и вовсе жестким, напряженным и сосредоточенным. Глаза сузились, выбирая место на теле соперника, куда вопьется тальвар. Боец нехорошо усмехнулся.

Бросок был стремительным. Рубящие вертикальные удары чередовались с секущими диагональными, справа и слева, потом опять рубящий удар сверху и снова горизонтальный. Клинок превратился в сверкающую разящую молнию. Но Сиг ловко переступал, уходя с

линии атаки, уклонялся, успевал отражать удары скудными сбивами, не подставляя спату жестко под атакующий клинок.

Дистанция между поединщиками увеличилась, и они вновь пошли по кругу.

— Ты осторожнее, дядя. — Сиг чуть запыхался. — Больно прытко начал...

— Договор был друг друга не жалеть, не так ли? Всё по правилам...

Последовал неожиданный и молниеносный выпад. Тальвар больше предназначен для рубки, но из-за небольшой кривизны клинка им можно колоть. Сиг успел увернуться, подставив свое оружие и изменив направление атаки, но всё же полностью уберечься не смог. Хищный зуб тальвара распорол рубаху, рассек кожу на боку. Теплая липкая кровь потекла из раны, и, почувствовав ее, молодой негодуя изогнул брови:

— Эй! Потихе, дядя! Ты в своем уме? Мы так не договаривались...

Закончить он не успел. Старший боец вдруг неуловимо изменился: лицо застыло, черты заострились. Вмиг отяжелевшие веки прикрыли глаза, но это никак не сказалось на его проворстве. Наоборот, он стал двигаться еще быстрее, удары посыпались на противника — размашистые, хлесткие, точные. Атакующий неуловимо менял направление, и косые секущие удары мгновенно переходили в горизонтальные или вертикальные.

С молодого бойца слетела вся его ленивая расслабленность. Он понял, что сейчас, на этом уединенном пустыре, защищаться придется всерьез, и теперь рубился в полную силу. Тальвар скрестился со спатой не на жизнь, а на смерть.

Сиг жестко отбивал атаки, надеясь использовать длину клинка и достать противника в молниеносном выпаде, но сделать этого не мог. В последний момент тот уклонялся неуловимым движением, похожим на танцевальное па, и тут же отвечал новой серией рубящих ударов, принуждая Сига всё больше уходить в оборону, пятиться.

Силы молодого поединщика начинали иссякать. Фью-у-у! — свистнул тальвар, и на груди бойца расцвела алая полоса. А сабля, повернутая легким кистевым движением, уже летела обратно, на добивание. Сиг ушел в низкий присед, пропуская ее над головой, и тут же получил сильный тычок ногой в бок. Упал, перекатился, попытался встать, но схлопотал новый удар эфесом в висок. В глазах поплыло, тело повело в сторону. В следующий миг волна острой боли обожгла спину, разрезала надвое, затопила сознание...

...Страшный сабельный удар настиг со спины. Боец выгнулся, как в судороге, хриплый клекот вырвался из горла. Но старший с мертвым лицом рубанул еще раз, потом еще и еще. Тело рухнуло на истоптанную траву, орошая всё вокруг кровью, но убийца продолжал свою страшную работу, превращая уже мертвого противника в груды изрубленной плоти.

Наконец он остановился. Отошел от мертвеца, покачиваясь, тяжело и надсадно дыша, с ног до головы покрытый чужой кровью, опустился на землю и, казалось, задремал: голова свесилась на грудь, руки плетями упали вдоль тела, сабля выскользнула из ослабевшей кисти. Какое-то время он пребывал в неподвижности, но постепенно дыхание его выравнивалось, плечи распрямились. Через несколько минут человек упруго вскочил на ноги.

Дальше он всё делал быстро и сноровисто, не обращая ни малейшего внимания на мертвое тело: собрал оружие, тщательно вытер клинки, руки и лицо ветошью, извлеченной из тубуса. Аккуратно обмотав оружие, спрятал его вместе с испачканной ветошью обратно. Оставалось только нахлобучить пониже на лоб шляпу и закутаться в плащ, что и было сделано. Теперь ничто не выдавало его участие в страшных событиях, разыгравшихся здесь совсем недавно.

Мужчина еще раз внимательно оглядел пустырь, проверяя, не забыл ли чего, и,

убедившись, что всё в порядке, двинулся к проходу. «Нет, не то! Всё-таки это не то, и делать надо не так...» — прошептал он сам себе, уходя и отрицательно качая головой. Колыхнулись ветви кустов...

Три часа спустя мальчуган, отправленный мамкой в лавку дядюшки Эдварда за гусиными потрошками, решит сократить путь — пройти со стороны пустыря. Он и обнаружит изрубленное тело с тучей вьющихся над ним черно-зеленых жирных мух. Прибывшего на место полицейского чиновника, бывалого служаку, повидавшего на своем веку всякого, чуть не стошнит от вида страшной находки. Документов либо чего-то еще, что помогло бы установить личность убитого, на теле не найдут. О происшествии сообщат по инстанции, дело ляжет в дальний ящик стола дознавателя. До лучших времен...

ЧАСТЬ 1. СЕНС

Глава 1

Бульвар Усталых Грез, тенистый и притихший. Милая старозаветная окраина Капиталлы, что зовется Предместьем. Ток времени здесь как бы замедляется, а сама ткань его густеет, становится более плотной, почти осязаемой. Станьте в тени раскидистой липы, замрите, затаите дыхание и прислушайтесь, — и вы услышите мерную поступь столетий по щербатым мостовым.

Я снимаю комнатку на улице Заплутавшего Счастья. Каждое утро покидаю сумрачную прохладу подъезда и коротким переулком Одинокой Мечты прохожу на бульвар Усталых Грез. Я люблю эти неспешные улочки с уютными одноэтажными домиками под черепичными крышами.

Здесь соседи знают друг друга по имени и чинно раскланиваются при встрече. Здесь «блошинные» рынки, где продают всякую всячину и где можно торговаться до упада из-за старого поломанного велосипеда и купить-таки его, совершенно ненужный, задешево. Здесь бегают красная дребезжащая конка, которая довезет вас всего за три монетки от Парка до Стадиона, и усатый добродушный кучер обязательно пожелает доброго здоровья и всяческих успехов.

Я иду по чисто выметенному тротуару под сенью старых лип. Вот аптека, где заправляет дядюшка Илларион. За двадцать минут он приготовит любое снадобье: от мигрени и насморка, от подагры и радикулита, от несчастной любви или для процветания в делах.

Вот антикварная лавка старины Поля, которую он открыл задолго до моего появления на свет. На витрине старинные кинжалы, чайный набор и картина неизвестного автора. Поль утверждает, что это работа самого великого Откена, но подобное заявление полностью на его совести.

На углу улиц Усталых Грез и Розовых Очков лоток — пожилой астматический толстяк Юлек торгует здесь газетами и табаком. Я каждое утро беру у него коробку крепких папирос с летящим всадником на этикетке, он меня давно запомнил и готовит товар, лишь только завидит, и всегда предлагает в придачу «Политик Ревю».

Я отказываюсь, политика меня не интересует, но он предлагает всё равно. Мы обмениваемся несколькими фразами о погоде и здоровье — это стало традицией, неким ритуалом, который мы добровольно, но очень тщательно соблюдаем.

Чуть дальше расположена известная пивная «Пена». Здесь собираются местные знаменитости: самый ловкий карманник Капиталлы и непререкаемый авторитет в этой области Антонин Кисть, предводитель разномастных рыночных жуликов Ганс Сундук. А

порой заходит неуловимый налетчик, легендарный Лорд Железный Коготь, гроза ростовщиков и содержателей ломбардов Предместья.

Через десять минут неспешной ходьбы улица выводит на проспект Свершений. Здесь всё по-другому — вас оглушит какофония звуков: топот копыт и шелест шин, протяжные крики извозчиков, рев моторов и резкие гудки клаксонов новомодных авто. Пронзительной трелью взрывается свисток полицейского — в ярко-синем мундире и ослепительно белых перчатках, он стоит в меловом круге посреди дороги незыблемым символом закона.

Толпы горожан, нескончаемым потоком идущие по тротуарам, создают тот неповторимый колорит большого города, который невозможно спутать ни с чем. А вдоль тротуаров разряженные, как новогодние елки, модные магазины, чопорные офисы, строгие банки, тяжелые строения муниципальных служб. Кажется, старые дома задумчиво наблюдают за прохожими.

Здесь царит дух деловитой напористости. Именно тут накапливаются деньги столицы, рождаются новые возможности, реализуются грандиозные проекты и авантюры. Или не реализуются.словно в некой огромной кастрюле, варится тут удивительный бульон под названием «благосостояние нации».

Молодые мужчины и женщины с жадными холодными глазами, дежурными улыбками и цепкими пальцами штурмуют мир больших денег. Кто-то добирается до вершины и получает право смотреть на сограждан свысока, кто-то срывается и летит в пропасть — обдирая кожу, ломая кости...

Вечером проспект заливают сияние электрических огней. Днем здесь деньги зарабатывают, вечером их тратят, стараясь получить максимум удовольствия. В шикарных ресторанах, модных кафе и закрытых клубах идет горячее болезненное веселье, когда самые грубые и низменные забавы соседствуют с самыми изысканными и утонченными развлечениями.

Экономикой я тоже не интересуюсь: не бегу вдогонку за птицей удачи, не принимаю участия в марафоне, где призами будут дом в престижном районе и именной счет в Мировом банке. Я двигаюсь между этими двумя мирами: сонным Предместьем и лихорадочным Центром — и не принадлежу ни одному из них. Они не властны надо мной, у меня своя судьба.

Мало кто пожелает поменяться со мной местами. Я — оператор Агентства Социальной Адаптации.

* * *

Утреннее путешествие заканчивается около неброского здания с затертой табличкой над входом. Может, по прихоти судьбы, а может, умышленно, следуя конспиративным планам первых руководителей проекта, трехэтажный особняк АСА теряется между двумя гигантами.

Справа расположена громада Мирового банка: циклопическое изображение земного шара на фасаде здания поражает воображение даже привычных ко всему иностранцев.

Слева — новомодный магазин «Вижу цель» с огромным макетом артиллерийского прицела под крышей — и не думайте безнаказанно пройти мимо, невидимый пушкарь вам этого не простит! В ассортименте есть всё: от булавок до стиральных агрегатов на электрической тяге, и вам не уйти от стрелка с пустыми руками.

На этом фоне особняк Агентства выглядит более чем скромно. У нас вообще не любят внешних эффектов, зато внутри всё очень благопристойно. На первом этаже небольшой зал для клиентов и приемная: глубокие удобные кресла, пальмы, столики с журналами. Бассейн с фонтаном и обои спокойных тонов создают атмосферу покоя и психологического расслабления. Это важно.

В приемной — милостивые улыбочивые девушки в униформе с логотипом АСА: стилизованный глаз на шахматном поле. Девушки выслушают вас со вниманием и сочувствием, проникнутся вашими проблемами, помогут составить заявку. А если до приема остается время, предложат посидеть в уютном кафе, где посетителю подадут горячий чай и свежие хрустящие булочки.

На втором этаже расположены бухгалтерия, вспомогательные службы и ряд глухих дверей, почти всегда закрытых. Владельцев этих кабинетов мы видим редко, но значение их для жизни Агентства огромно. Наконец, на третьем — начальство.

Я проскальзываю через прихожую, минуя зал, иду коротким боковым коридором и ныряю в малозаметную дверь в приемной. Это диспетчерская, и дежурит сегодня Лили, симпатичная девушка, общение с которой всегда улучшает мне настроение. Лили приветлива и улыбочива, и я теряюсь в догадках — то ли нравлюсь ей, то ли она легкий и отзывчивый человек по природе.

Скорее второе, внешность-то у меня самая заурядная: рост чуть выше среднего, никаких рельефных мышц, ничего от расхожего образа мужской привлекательности. Сухощав, подвижен, порывист. Да и лицом — не герой синематографа, увы. Глаза серые, скорее водянистые, брови — светлый пух, волосы цвета спелой ржи, но жидковаты. Всегда завидовал мужчинам с буйной растительностью на голове. Чтоб грива до плеч, усы роскошные... Не дал бог.

В общем, ничего примечательного. Но известен мне секрет обаяния — улыбайся! Будь приветлив, не хмурь брови! Не переносу серьезных людей — все беды от них. Такой всем видом своим показывает — я один знаю, как правильно! Лопается от осознания собственного величия, значимости мыслей, слов и свершаемых деяний.

Даже когда в голове пусто, слова еще не родились, а до поступков дело может и вовсе не дойти...

В приюте, где я воспитывался, простые истины вколачивали доступными методами. Стал чересчур серьезным, заважничал, посматриваешь на окружающих свысока — по ушам! Не усвоил урок — «темная». И так, пока не дойдет до спинного мозга: ты здесь равный, но не лучший.

И если что-нибудь умеешь, доказывай делом. Не пустословием, не цветастыми фразами и громкими обещаниями, а поступками. А если всё-таки пообещал — умри, но выполни. Потому что цена слова у приютских очень высока. Улыбайся и делай, даже когда силы на исходе и злые слезы закипают на глазах.

— Здравствуйте, Мартин, — улыбается Лили мне навстречу, — рада вас видеть. Проходите в операционную, клиент уже ожидает. — Тут она заговорщически подмигнула. — Директор у себя и пока не показывался...

— Здравствуйте, Лили, — улыбаюсь в ответ и я. — Вот увижу вас, и солнце светит ярче, и тучам не остается места в небе! А что до старой перечницы, нашего директора, так я сегодня вовремя...

Руководитель имеет обыкновение наведываться в приемную в самом начале рабочего

дня. У опоздавших сотрудников нет ни малейшего шанса проскочить незамеченными, так как директор почитает пунктуальность первейшей добродетелью служащего Агентства.

— Даже пять минут в запасе, — смеется Лили, — но я всё равно не люблю, когда он приходит. Станет за спиной и дышит в затылок, как цапля на охоте, а я поневоле начинаю чувствовать себя лягушкой...

— Если б все лягушки были столь очаровательны — я б жил на болоте! — восклицаю с жаром.

— Скажете тоже, оператор, — кокетничает Лили. — Но вообще мне показалось, что сегодня директор чем-то озабочен. Проскочил насупленный, еле кивнул в ответ... Обычно он так себя не ведет — всегда здоровается: «Как дела, Лили?»

— А как вы думали — большое начальство, большие заботы... — смеюсь я и прохожу дальше.

Вторая дверь, обитая металлическими полосами, пропускает меня в маленькую комнатку, где на складном стульчике сидит здоровяк Тодд по кличке Столб. Этот добродушный малый в форме охранника и с револьвером на боку держит здесь пост. По хорошему надо предъявлять пропуск, но меня Столб знает и не придирается.

Тодд, как и я, воспитывался в приюте и не имеет фамилии. В его понимании я символ человека, достигшего в этой жизни определенных высот, невзирая на сиротскую долю, и это вызывает его уважение и дружеское расположение.

К тому же мы оба увлекаемся боксом и оба страстные поклонники чемпиона мира в тяжелом весе Махмуда Алиа. Тодд сам не чужд кулачной забавы и по выходным выступает в Народном ринге. Как многие крупные люди, он выглядит добродушным, даже чуточку медлительным, но впечатление это обманчиво. При случае охранник ударом кулака легко своротит скулу любому.

— Привет, Тодд! В эти выходные Алий бьется с Хорхе, и я догадываюсь, на кого ты поставишь. У нашего парня убойная правая, Хорхе придется туго! — Спортивное событие будет предметом обсуждения всю предстоящую неделю.

— Привет, Мартин! Видит бог, против этой правой мало кто устоит! — Столб возбужденно потирает ладони. — Через верного человека я уже заказал себе билет на стадион. А как вы?

— Честно говоря, пока нет, но что-нибудь обязательно придумаю...

— Может, поспособствовать?

— Не стоит, дружище, справлюсь сам.

Тодд стремится поддерживать со мной хорошие отношения еще и потому, что у нас есть маленькая тайна. Вернее, тайна его, а я — поверенный. Хранитель и сообщник. Но об этом как-нибудь после...

С поста охраны крутая лестница ведет на глубину трех метров под землю. Здесь располагается узкий коридор с тремя безликими дверьми без табличек. Открываю своим ключом ближнюю — и вот я в операционной. В груди появляется легкий зуд, приятное нетерпение, почти как перед свиданием. Конечно, встреча с симпатичной девушкой — это не работа, это... Ох, ну кто из нас не знает, что такое свидание?! Только вот и перед встречей с клиентом я испытываю этакое томление духа. Радостное ожидание и предвкушение того основного, ради чего хожу в Агентство, — операции.

Не подумайте, что мы режем людей, к хирургическим операциям наше ведомство не имеет никакого отношения. И всё-таки здесь находится основная, самая главная часть Агентства. Именно здесь мы проводим операции по коррекции судеб людей, помогаем изменить жизненный путь человека, строим его будущее. Называйте как хотите. Я чуть позже постараюсь объяснить, чем именно мы занимаемся и как это делаем, но сейчас не до того — надо работать.

Стол пуст, если не считать листочка заявки на операцию адаптации, заполненную самим клиентом. Итак, что мы имеем:

«Карл Густав Бревиус» — недурно. Не потомственный аристократ, конечно, но наличие двух имен в Республике говорит об определенном социальном статусе. Буржуа средней руки, чиновник рангом не ниже мэрии, не исключены некоторые особые заслуги перед государством. Далее...

«Предприниматель». Расплывчатое, но самое распространенное определение в наше непростое время. Предпринимать попытки, прикладывать усилия можно в какой угодно области. Например, разводить крокодилов в бассейне городского Парка на потеху публике. Или продавать секреты бабушкиных пирогов. А можно проворачивать головокружительные махинации на фондовой бирже. Ясно, что господин не хочет афишировать свой род занятий, но правилами это не возбраняется.

Далее. Возраст, подданство, вероисповедание... Всё понятно... Вот:

«Цель визита — адаптация в сфере предпринимательской деятельности... создания оптимальных условий для делового сотрудничества... конструктивного развития коммерческой активности... перспективного взаимодействия в инновационной сфере...» Уф! Явно не обошлось без девочек из приемной. Только они умеют так лихо закручивать формулировки.

Если сказать простым языком, то Карл Густав хочет быть уверен в честности партнеров, их заинтересованности в «перспективном взаимодействии» и опасается оказаться обманутым на кругленькую сумму.

В углу кабинета имеется шелковый шнур, конец которого тянется к колокольчику в приемной. Как только я готов к работе, даю об этом знать девушкам-консультантам, и они направляют клиента. Посетитель спускается на три метра под землю, но уже с другой стороны: лестница здесь более пологая и нарядная, двери отделаны красным деревом и пронумерованы.

Услышав деликатный стук, распахиваю створку. Обмен приветствиями, представление: «Если угодно, просто Карл». — «С удовольствием, но и я прошу вас — просто Мартин!» — и я усаживаю «просто Карла» в кресло.

Операционная представляет собой обычный кабинет пяти метров в длину, трех в ширину и двух в высоту. Плюс три метра грунта над потолком. Операторам нужна тишина, в определенные периоды работы — максимальная сосредоточенность, даже вдохновение. По той же причине приглушен свет.

До недавнего времени мы пользовались свечами, но сейчас электричество вытесняет прежние виды освещения повсеместно. На улицах почти не встретишь масляных фонарей, разве что в самых глухих уголках Предместья. Технический прогресс добрался и до АСА: на стенах появились бра с матовыми стеклами, а на моем столе — лампа под зеленым абажуром с кисточками.

Салатные обои, такой же ковер под ногами, зеленый цвет преобладает во всём. Известно, что он успокаивает нервную систему.

— Прошу вас, Карл, несколько слов — вы сомневаетесь в честности партнеров, хотите выяснить их намерения или для вас важнее оптимальное решение проблемы?

— И то и другое, Мартин. Сделка подразумевает сумму не астрономическую, но для меня это немалые деньги. — При этих словах «просто Карл» слегка вильнул взглядом, как видно, денежки на кону приличные. — Коммерция всегда риск, но хотелось бы иметь некоторую уверенность. Насколько это возможно...

— Количество партнеров?

— Трое.

— И все будут решать судьбу соглашения?

— Нет. Двое имеют статус младших партнеров с совещательными голосами. Окончательное решение за третьим, и меня больше интересует он.

— Определимся сразу, Карл. Я не смогу дать вам точный прогноз поведения этого человека, предугадать, какие решения он будет принимать и как поведет себя в том или ином случае. Но я могу дать — и дам — анализ ситуации в целом, основное направление развития. Вектор, который может быть благоприятным или неблагоприятным для вас. И постараюсь подсказать, какие действия могут способствовать развитию событий в вашу пользу. Договорились?

— Безусловно, Мартин. Меня вполне устроит подобный результат.

— Когда вы виделись с партнерами?

— Вчера был предварительный тур переговоров, обговорили общие положения, даже, я бы сказал, намерения. Через два дня заключительная встреча, уточнение позиций и подписание.

Посреди операционной — стол, точно такой же, как и тысячи других в конторах и присутствиях Республики, и два кресла. Предназначенное мне — удобное рабочее кресло без каких-либо секретов, второе — для клиента. Оно несколько больших размеров, с подголовником и при помощи специального рычага может изменять свое положение, раскладываясь горизонтально, как кушетка.

— Хорошо, Карл. Теперь попытайтесь максимально расслабиться. — Я начал регулировать спинку кресла, укладывая клиента. — Вот так удобно? Немного выше? — секунду... Чудесно. Расслабляемся, Карл. Вы чувствуете, как ваше тело наливается приятной горячей тяжестью. Становятся горячими руки...

Стандартная процедура релаксации, только расслабление неглубокое. Именно для этого приглушен свет и в интерьере преобладают успокаивающие тона. Мне не нужно, чтобы клиент уснул или впал в транс, он должен сохранять ясное сознание, но быть при этом максимально расслабленным.

Подношу ладонь левой руки к темени Карла (левая рука воспринимающая, правая — дающая). На пальцы начинает давить поток энергии, подобный легкому теплему ветерку. Поток закручивается по часовой стрелке — я запоминаю этот факт. Пальцы слегка покалывает, энергия достаточно жесткая. Судя по всему, Карл Густав привык достигать поставленных целей. Тем лучше, больше шансов на положительный результат, а оценивают нашу работу именно по результату.

Потом устанавливаю ладони с обеих сторон головы, на расстоянии примерно десяти сантиметров. Вожу кругообразно — вначале в одну сторону, по часовой стрелке, потом

обратно. Теперь сверху вниз: от темени, над шеей, к плечам, как будто скольжу, разглаживаю нечто упругое и одновременно мягкое. Ощущаю легкое сопротивление поля: я действительно разглаживаю его руками, это не просто поэтический образ.

Справа, на уровне уха, в ладонь болезненно «стреляет». У клиента проблема, небольшое воспаление, походя можно немного «подчистить». Но долго задерживаться и лечить ухо мне не с руки (в данном случае в прямом смысле!), я не целитель, проблемы здоровья меня не интересуют. Еще несколько скользящих пасов: я отрешаюсь сейчас от всего земного, затихают мысли, гаснут эмоции, тело становится невесомым. Дыхание глубокое, с короткой задержкой сразу после вдоха. Раз, два, три и...

Распахиваю объятия миру, на резком выдохе разбрасываю руки широко в стороны, как будто хочу обнять всю вселенную. Одновременно делаю глубокий медленный вдох через вытянутые трубочкой губы и сжатые зубы. В области крестца возникает раскаленный шар. На вдохе он начинает подниматься вдоль позвоночника, достигает черепа и взрывается там миллионом цветных искр, тупо отдаваясь в затылок горячим ударом. Я издаю хриплый стон. Тело вытягивается в струнку, и, кажется, сейчас я воспарю над креслом с распластавшимся Карлом Густавом, над операционной, над особняком АСА...

Все мое существо наполняет неопишуемый восторг! Ради этих секунд стоит жить — мириться с господином директором, дружить с Лили и Тоддом, ходить ежедневно в Агентство. Ради секунд единения с потаенным смыслом, сокровенным содержанием наших судеб. Для того чтобы увидеть в конце вектор!..

Волна пьянящей радости накрывает меня и тут же стремительно отступает. Этот момент нужно уловить, почувствовать, в чем и заключается мастерство профессионального оператора. Чуть промедлишь — и миг чудесного перехода на новую ступень бытия будет безвозвратно упущен. Останется только память о волшебной возможности...

Вслед за «отливом» тело немеет, голова становится пустой и ясной. Наступает момент, из-за которого мы называем себя Зрячими.

— Карл, вы слышите меня? — Голос немного осип, во рту пересохло.

— Слышу... — слабо бормочет Карл, всплеск энергии не прошел незаметным и для него. Мои коллеги чувствуют точку прорыва на расстоянии: сотрясается ткань бытия, возмущение идет волнами, как от камня, брошенного в воду. Но и обычные люди ощущают нечто, краткий миг резонируют со мной, с каналами, с энергетикой мира. Чаще всего после этого развивается легкое оглушение.

— Прошу вас, Карл, начинаем работать. Вспоминайте вчерашний день, своих контрагентов, всех троих. Чем больше подробностей, деталей — тем лучше. Вообразите себе их внешность, жесты, постарайтесь услышать вновь, о чем и как говорилось во время встречи. Это очень важно...

Теперь многое зависит от самого клиента. Чем лучше у него зрительная память, воображение и способность к образному мышлению, тем легче будет мне. Похоже, у господина Бревиуса получилось, потому что я увидел — будто в кино.

Крест. Парусник. Копье.

Вглядываюсь, стараюсь различить детали. Не просто крест, а большой, темного дерева, стоящий у стены огромного полутемного зала. Стены выложены грубо отесанным камнем, маленькие оконца высоко под потолком, но это не темница, скорее зал старинного замка. Факелы на стенах. Блики от огня играют на гладкой поверхности дерева.

Взор скользит по кресту, по залу, упирается в низкую, окованную металлическими

пластинами дверь. Та беззвучно растворяется, и открывается широкий обзор: внизу море, зажатое в подкову бухты, пристань, от причала отходит парусник. Ветер туго наполняет его паруса, трепещут флаги на мачтах, и за кормой остается пенный след. У двери лежит сломанное копьё — свежий излом древка, сверкающий стальной наконечник.

Можно провести анализ увиденного: крест в общем смысле — затруднения и неудачи; полутемный зал, каменные стены, факелы — всё это характеристики ситуации. Намерения у партнеров серьезные с обеих сторон, они готовы к активным действиям. Отплывающий парусник символизирует предприятие с сомнительным исходом, пенный след за кормой — ненадежность и зыбкость.

Судя по образам, дело Карлу Густаву предстоит непростое, с гнильцой, а вот сломанное копьё — это хорошо. Возможность успеха в результате настойчивых усилий. И дверь — возможность выхода, преобразований.

А теперь действовать! Хватаю в руки обломок копья и бросаюсь к пристани. Бежать приходится с горки, спуск крутой, тропинка неровная. Под ноги то и дело попадают камни, выступающие корни растений, какой-то мусор. Тело ускоряет бег за счет инерции, земля чувствительно бьет в подошвы, дыхание перехватывает. Всё выглядит очень реально, я абсолютно уверен, что, если споткнусь, полечу кубарем и набью себе совершенно реальные синяки и шишки. Хотя всё это лишь череда образов...

В конце спуска всё-таки спотыкаюсь, нелепо размахивая руками, пытаюсь сохранить равновесие, и это мне каким-то чудом удается. И вот уже живым снарядом вылетаю на пристань, под ногами ровная надежная поверхность. На бегу, не снижая скорости, отвожу руку с копьём и за пару метров до кромки воды с силой запускаю снаряд вдогонку каравелле. Вкладываю в бросок всю мощь инерции движущегося тела!

Короткий посвист, тупой звук удара — копьё вонзается в корму. С дребезжанием вибрирует обломок древка со свежим сколом. Вот так — копьё моих благих намерений в корму ваших плутовских хитростей!

Потом неспешно поднимаюсь в гору, обратно к замку. По пути нахожу длинную прочную палку и, подойдя к двери, намертво зажимаю ее в открытом положении. Пусть вход и выход из ситуации будет свободным.

Всё, больше мне эти картинки не нужны. Мысленно помещаю галерею образов на школьную доску, ту, что была в моей приютской школе когда-то. Беру в руки влажную тряпку и всё стираю.

— Отлично, Карл, продолжаем. Теперь представьте себе хорошенько третьего, от которого зависит результат сделки. Постарайтесь увидеть его как можно ярче. Что он говорил, предлагал?

— Да, конечно... — Голос моего подопечного слегка плывет, и это хорошо. Значит, действительно пытается вспомнить и представить себе картину вчерашних событий.

— Какие предложения он вносил? Их последовательность, содержание... Помните?

— Да...

— Сколько было позиций?

— Всего четыре...

— Первая позиция! Вспоминайте!

Прикрываю глаза, концентрируюсь на точке между бровями. Вместо ярких образов в средневековом стиле появляется не такое красочное, но четкое серебристо-серое куриное яйцо. Оно правильной формы, с ровными краями, без изъянов и трещин. Это и есть образ

устремлений партнеров моего клиента. Поскольку форма гармонична, то и намерения честны.

— Отлично! Вторая!

Второе яйцо слегка вытянуто кверху, немного больше в размерах. Тоже нормально, хоть и примешиваются тут какие-то попутные интересы, но они для клиента не опасны. Между образами тянется отчетливая серебристая нить: образ причинно-следственной связи.

— Очень хорошо, Карл! Продолжаем! — Меня самого в подобные моменты охватывает нешуточный азарт. — Третья позиция!

Есть, вот оно! Скорлупа яйца в трещинах, сердцевина алая, пульсирующая, к краям алый фон затухает и цвет становится обычным, серебристо-серым. Верный признак тщательной маскировки. Это то, что на своем профессиональном сленге мы называем «гвоздем», — скрытое враждебное намерение, ущемление интересов клиента.

Серебристая нить после треснутого яйца превращается в пунктир. Если «гвоздь» сработает, интерес партнера к моему клиенту резко упадет: результат достигнут, к чему утруждаться? Прошу Карла «дать» четвертую позицию — так и есть, она размыта, форму рассмотреть не удастся. Не позиция, а скорее, страховка, запасной вариант.

Перевожу дух. Теперь энергетическая связь замкнута на меня и для просмотра можно тратить гораздо меньше усилий. Карл Густав тоже заворочался в кресле, до этого сидел (или лежал) не шелохнувшись.

— Можно открыть глаза, Карл. Возвращайтесь на бренную землю... Вы выступали со встречными предложениями, уточнениями? Предлагали свою программу сотрудничества?

— Да, Мартин. — Клиент слегка щурится, потряхивает головой, окончательно приходя в себя. Всё-таки насчет транса я был не совсем прав — в какой-то степени наши подопечные в него впадают.

Предприниматель по моей просьбе мысленно прокручивает цепочку предполагаемых действий, а потом и проговаривает вслух то, что считает возможным. Под звуки голоса Карла в моей голове, как на фотографической пластине, проступает энергетическая структура договора.

На темном, почти черном фоне проявляется, чуть колеблется, будто дышит, ажурная ярко-изумрудная сеть энергетических линий — прихотливый узор мыслей, чувств и устремлений клиента и людей, с ним связанных. Поверх узора, как проложенный на карте маршрут, пульсирует алым положительный вектор. Он струится, слегка меняя направление от одной опорной точки к другой, и чем-то похож на суставчатую конечность. «Рука судьбы», сказал бы я. Это благоприятный для господина Бревиуса сценарий развития событий.

— Вы обратились к нам не зря, Карл. — Я привожу кресло клиента в обычное положение. Карл Густав внимательно меня слушает — ни сонливости, ни рассеянности. — В третьем пункте предложений противной стороны скрыта безусловная угроза. Какой-то подвох, незаметный с первого взгляда. Этот пункт стоит изучить от первой буквы до последней, рассмотреть под увеличительным стеклом. Привлекайте самого грамотного юриста и требуйте от него тщательнейшего анализа сделки с оценкой всех возможных последствий. За два дня, я уверен, вы найдете ловушку и, избежав ее, сможете получить немалую выгоду от переговоров. Отказываться от партнеров не стоит, нужно только развернуть ситуацию в свою сторону.

Говорю и вижу мелькнувшее в глазах Карла узнавание. Похоже, и сам делец чувствовал

в третьей позиции какую-то гнильцу, только понять не мог. Если маскировка умелая и дело готовит опытный человек, то на логическом уровне можно ничего и не найти. Тут уже вопрос интуиции, чутья. Зубры с тонким деловым чутьем к нам за консультациями не ходят, все сами норовят...

На этом процедуру можно считать завершенной. Кстати, именно так этот этап работы мы и называем. Я раскланиваюсь с клиентом, мы трогательно прощаемся на самой мажорной ноте. Теперь «просто Карл» пойдет заниматься изучением документов и работой с юристом, а я буду заканчивать операцию адаптации своим, только мне доступным способом.

Называется это финтом.

* * *

Есть в Капиталле Университет Естественных Наук, один из старейших в стране. Можно пойти в библиотеку, заказать и перечитать стопку толстых научных трудов. Я всей этой зауемью голову не забиваю, да и образование не позволяет свободно разбираться в измышлениях высоколобых мужей. Но своими словами, простенько могу объяснить, чем мы тут занимаемся.

Миром правят причины и следствия. Всё, что случается с человеком, это не цепь случайностей, хотя нам порой кажется именно так, не хаотичный набор встреч, событий и сказанных слов. Каждый прожитый день есть прямое следствие дня предыдущего. Как прожил ты «вчера», так и аукнется тебе сегодня, а нынешний день будет строить светлое «завтра». Или не очень светлое, это уже как у кого получится.

Каждый из нас прокладывает свой курс в море житейских проблем. И каждый из нас проходит свой маршрут, свой путь. Но море — это не пассивная лужа стоячей воды. Это стихия — шквальные ветры, волны до небес, властные течения и подводные рифы... Да много чего встречается человеку в бурном океане жизни.

Представьте, что вам нужно добраться до некоего счастливого острова. Там цветут сказочные сады, пляшут веселые островитяне и жизнь наполнена счастьем. Но путь по прямой невозможен. Только взяли вы курс на желанные берега, а тут шторм — и вас относит к югу. Только выбрались из передрыги, сориентировались по солнцу, подправили курс — на дороге течение. Сносит к западу — хоть плачь! Приходится плыть по дуге, удлиняя путь, платить затраченным временем за экономию сил. Точно так же нужно обходить рифы и отмели, преодолевать прочие превратности стихии...

Вот так и человек на жизненном маршруте. Каждый двигается к намеченной цели, но путь по прямой далеко не всегда самый легкий и короткий. Кроме попутного ветра собственного желания и воли дуют сбоку — а иногда и в лоб! — чужие устремления и чаяния. Сносят течения посторонних мнений, скребут о днище поступки и слова других людей.

Дорога из одной точки жизненного пути в другую часто оказывается запутанной — с петлями, зигзагами, вынужденными возвратами и длинными обходными маневрами.

Если вы не нравитесь начальнику, ваше продвижение по службе может оказаться крайне затруднительным. Даже если он не преследует вас в открытую, не ставит подножки и не придирается по мелочам. Но напоминает вы ему, к примеру, соседского мальчишку из далекого детства. Того, что мутузил и обижал его по-всякому. Неосознанная глубинная

неприязнь может не проявляться в реальных поступках, но путь к цели в житейском море будет отклоняться настолько, насколько сильно эта неприязнь выражена.

А теперь представьте себе на миг, что есть где-то в мире лоцманская карта, на которой проложены все маршруты. На глубокой синеве морской глади прочерчены линии — пути следования людей. И карта эта не застывший кусок картона, косная материя, данная нам один раз и навсегда. Она живая. Струятся по ней алые векторы человеческих судеб — выются, изгибаются под влиянием слов, поступков, и даже мыслей других людей. Смещаются, а иногда и попросту ведут в тупик. К жизненному краху.

И пересекаются. Много-много раз — перекрещиваются, сходятся и расходятся, сдвигают друг друга, перекрывают одна другой путь... Всё это — встречи, поступки, разговоры, ситуации. И сильнее других — отрицательная энергия неприязни, раздражения, гнева. Она очень сильна и «не пропускает» объект коротким путем, отталкивает. Путь отклоняется и удлиняется, расход сил на его преодоление значительно возрастает. Вы можете побороть ситуацию, «пробить» препятствие и достигнуть желаемого, но результат, скорее всего, не оправдает затраченных усилий.

Вот это и видят сенсы во время процедуры. Паутину, ажурную вязь, восхитительный узор энергетических каналов, словно маршруты на карте. Работа с образами — лишь предварительный этап, необходимый, но не основной. Увидеть вектор — вот главная цель оператора. Посмотреть на ситуацию, как она выглядит на энергетическом плане — тоже в виде образов, — но через это подобраться к линии судьбы и... стать лоцманом! Капитаном! Кормчим! Пусть на небольшом, доверенном клиентом отрезке его жизни, но — корректором! Направляющим...

В этом и заключалась изначально цель проекта «Адаптация» — позволить всем гражданам Республики просчитывать с помощью операторов шансы на успех в своих начинаниях, жизненных планах и проектах. Выбрать лучший вариант и воплотить задуманное. Общество равных возможностей.

Случай с Карлом Густавом классический — надо делать деньги, рисковать, но есть определенные опасения. Таких клиентов у нас большинство, они надеются получить от оператора Агентства точные рецепты, как медный грош в короткий срок и безопасно превратить в хорошие деньги. Не ловчат ли партнеры, не собираются ли обмануть? Что способствует и что препятствует задуманному?

Траекторию жизненного пути мы называем линией судьбы. Чаще всего она выглядит как кривая с большим количеством петель и извивов. Точки, где пересекаются каналы, можно назвать опорными. Здесь энергетический потенциал гораздо выше, чем на остальном ее протяжении. Быть может, заряды суммируются, резонируют, как бы то ни было, именно тут происходят чудесные превращения: количество преобразуется в качество, лягушка обращается в прекрасную царевну, мышление принимает эвристический характер, и знаменитое яблоко падает на еще более знаменитую голову.

Опорные точки могут выполнять функцию неких трамплинов, значительно ускоряющих движение по линии судьбы. Как по камешкам через ручеек — прыг-прыг, и вы на другом берегу!

Может быть, везением как раз и называют способность попадать как бы случайно в узловые моменты ситуаций. Может быть, интуиция связана именно с этим — человек неосознанно, на уровне чутья, находит в жизни проекции опорных точек. Отталкиваясь от энергетических узлов, он достигает цели максимально быстро и с минимальными затратами,

принимает единственно верное решение. При этом логически оно может выглядеть спорным или даже ошибочным.

Вся эта механика плохо поддается изучению и измерению, ученые в этой области делают лишь первые робкие шаги, но есть люди, которые видят каналы, их переплетения, взаимодействия, опорные точки. Таких людей немного, для работы с информацией нужны специфические способности, и к тому же способности надо развивать, умение считывать информацию — шлифовать.

В официальных бумагах нас называют операторами, люди — сенсами, между собой мы зовем друг друга Зрячими. Отсюда и логотип АСА: распахнутый глаз на фоне шахматного поля. Глаз — данное нам природой видение, поле — линии судеб с опорными точками.

* * *

В правом углу операционной, за темной портьерой скрыта неприметная дверь, ведущая в совершенно особое помещение. Это сугубо мои владения, предназначенные для завершающего элемента работы. Открываю, вхожу и попадаю в темный обширный зал. Моя Мастерская, площадка для танц-коррекции.

Каждый оператор имеет свой метод воздействия на линию судьбы клиента, так называемый финт. Советы, которые я дал Карлу Густаву, сыграют свою роль: хороший юрист найдет в третьем пункте договора скрытый подвох, я в этом уверен. Клиент предупрежден, а значит, уже вооружен и предпримет необходимые меры. Ведь он сам назвал себя предпринимателем!

Но этого мало. Если контрагент горячо желает добиться результата, он сможет напряжением воли, за счет упорного стремления сохранить «гвоздь» в энергетическом узоре. Эта скрытая «мина» будет переходить в договоре с позиции на позицию, изменять внутренние связи, порождая всё новые возможности для обмана. Тогда даже многократные коррекции не дадут ощутимого результата. Брешь, заделанная в одном месте, обязательно появится в другом.

В конце концов, ловушка может и вовсе потерять зримые очертания, но это не значит, что она исчезнет. Изменится знак вектора, из положительного он станет отрицательным, после чего ситуацию не поправить никакими силами. Более того, несчастья и поражения могут распространиться по линии судьбы, и жизнь человека перейдет совсем в другое русло. Болезни собственные и близких людей, крах начинаний, фатальное невезение — вот неполный перечень печальных событий, угрожающих клиенту. Это полный провал для оператора — заказ на адаптацию не выполнен, квалификация сенса оказывается под вопросом.

Поэтому оператор, помимо процедуры, закрепляет линию судьбы клиента. Делает это каждый по-своему, и здесь не обойтись без специального помещения, методики и принадлежностей. Однако в свое время мне пришлось немало потрудиться, чтобы доказать необходимость такой вот Мастерской.

На стенах зала канделябры со свечами, которых ровно дюжина, и я зажигаю их одну за другой. Господин директор предлагал и сюда провести новомодное электричество и навесить светильники, но я наотрез отказался. Это моя территория, здесь всё будет обустроено на мой вкус. Разве можно сравнить холодное сияние ламп с теплым трепетным светом свечей? Это совсем другая атмосфера: игра теней, загадочные флюиды, совершенно

особый настрой.

Пол покрыт ковром, мягким и в то же время упругим. У дальней стены маленький изящный столик, на котором покоятся метроном и кинжал. Это мои инструменты.

Снимаю верхнюю одежду и обувь, надеваю что-то наподобие бриджей из мягкой хлопковой ткани. Достая кинжал из тяжелых ножен: мощная рукоять, обмотанная сыромятной кожей, круглая массивная головка, называемая навершием, широкий прямой клинок. На тусклом металле отсвечивают огоньки свечей. Никаких излишеств: инкрустаций, золота или камней. Настоящее боевое оружие.

Старина Поль, продавший мне клинок, клялся, что каких-то пятнадцать-двадцать лет назад им пользовались по прямому назначению — лишали жизни недругов. Кинжал принадлежал горцу. В тех краях еще и сегодня можно услышать о краже невест, кровной мести и непримиримой войне между кланами — это необычная страна с древними обычаями.

Клинок обагрался кровью врагов — кинжал напитывался силой.

Во многих мировых религиях и философских доктринах крови придается особое значение. Она рассматривается как некая сакральная субстанция, материальное воплощение души. На Востоке поток животворной энергии неразрывно связан с током крови, а перемещение энергии в теле — с кровеносными сосудами. В христианстве причащают кровью Христа. В огромном количестве культов, при совершении самых разных ритуалов именно кровь — человека или животного — является основным пусковым моментом магических превращений. Мы, сенсы, тоже относимся к священной жидкости с большим почтением.

В свою очередь, холодному оружию давно приписывают уникальные и даже мистические свойства. Это отражено во множестве сказаний разных народов о легендарных мечах древности, которые помогали воину побеждать чудовищ, противостоять злым чарам и спасти прекрасных принцесс.

Оружие ковали в единственном экземпляре, из особых материалов и по уникальной технологии. Мечи, сабли, боевые топоры и копья делали под определенного человека, героя, и давали им собственные имена. Чудо-оружие принимало не всякого. Если нет сродства с воином, клинок может проявить неповиновение, даже обернуться против хозяина.

В лавке старины Поля, кстати, неплохая коллекция холодного оружия. На витрине представлены имитации, а вот в закромах у старого антиквара можно увидеть вещи действительно любопытные. Например, старинные кинжалы. Здесь немало интересных экземпляров.

Я задумался, вспоминая, как сам покупал этот клинок...

По моей просьбе Поль провел меня в заднюю комнату, за тяжелую дубовую дверь, укрепленную металлическими полосами, и достал сундучки, шкатулки, кожаные скатки с карманчиками, где покоятся кинжалы всех времен и народов. Моему взору открылось богатейшее разнообразие клинков на любой вкус — треугольные и листовидные, широкие и узкие, прямые и изогнутые, двояковогнутые и волнистые.

Вот изящный старинный квилон с загнутой двухсторонней гардой. Широкий крестьянский хаусвер, более похожий на хозяйственный нож, да часто таковым и являвшийся. Вот тонкий, как шило, стилет и широкий итальянский чинкведеа, что в переводе значит «пять пальцев» — именно такова ширина клинка у основания. Рядом дага с чашеобразной мощной гардой. Этот кинжал вытеснил в свое время щит. Длинные и мощные

персидские карды, маленькие пиха-каетты из Шри-Ланки и множество других.

Отдельно Поль держит оружие с загнутыми клинками. Индийские кханджары и загнуто-выгнутые кханджарли, хищные арабские джамбии и, наконец, катар — нелепый с виду и крайне опасный в умелых руках кинжал, который надевают на руку наподобие кастета. Да при этом имеющий три лезвия, направленные вперед, вверх и вниз.

Был тут и мой любимец, длинный кинжал с богатой инкрустацией серебром и камнями. Не оружие, а воплощенный гимн оружейной эстетике. Несколько раз я порывался купить его, но Поль запросил столько, что я лишился дара речи. Все мои попытки торговаться со старым антикваром ни к чему не привели, он ни в какую не хотел сбрасывать цену.

Каждый раз, попадая в закрома, я беру кинжал в руки, люблюсь и шумно восхищаюсь им в надежде растопить его сердце торговца, но дальше разговоров дело не идет.

Коллекция не ограничивается короткими клинками, здесь есть и длинные. Отличный средневековый эсток: меч с широким основанием и тонким и острым, как игла, острием. Поль по праву считает его своей гордостью. Радуют глаз огромный двуручный эспадон и полуторный бастард, мечи внушительные и по-своему очень красивые.

Отдельно в небольшом простом ящике лежат две сабли: сильно загнутая турецкая пала и другая, малой кривизны, больше похожая на польскую карабелу. Судя по навершию в форме птичьей головы, с двумя нелепыми углублениями вместо глаз, это карабела и есть. У меня имеется сильное подозрение, что сабли — новоделы. Поль утверждает, что это не так. Палу он называет «султанской», приписывая ее некоей легендарной личности, рассказать о которой, правда, ничего толком не может. Ну да картина «великого Откена» тоже красуется на витрине...

Карабела имеет скромную табличку: «Сабля кавалерийская». Антиквар уверяет, что клинок очень старый, найден, мол, еще его отцом, когда тот только начинал дело далеко на юге, откуда был родом. Что в словах хитреца правда, а что нет — для меня загадка...

Я с трудом вернулся в реальность и поудобнее перехватил клинок. Сейчас не время для воспоминаний об оружии — время его использовать.

В моем случае кинжал — это связь с информационным полем, проводник, облегчающий приток информации. Продолжение моей руки, волшебная указка, способная находить верные направления.

Я беру благородное оружие, познавшее кровь врагов и радость побед. Клинок становится некоей дирижерской палочкой, способной управлять грандиозным оркестром, составленным из линий судеб. Как послушные музыканты, начинают они исполнять партии, подвластные моей воле, выстраиваться необходимым образом, струиться в нужном направлении. Картина мира наполняется новым содержанием и смыслом. В такие минуты я чувствую себя почти Творцом, созидающим хрупкую ткань мироздания...

Становлюсь в центре зала, кинжал прижат к внутренней поверхности предплечья. Метроном отмеряет пять восьмых — мой любимый размер. Стою на носочках, вытянувшись струной, прикрыв глаза. Жду, слушаю, внимаю всем телом — вот-вот должна появиться мелодия, созвучная миру, гармоничная с хрупкими линиями энергетических каналов.

Четыре опорные точки, четыре поворотных пункта Карла Густава Бревиуса. Сейчас я в первом, отсюда и начну писать его судьбу. Не всю, конечно, но тот ее отрезок, сопричастным которому я стал, который доверен мне Карлом.

Взрыв! Падаю в пропасть. Весь, без остатка. Очень глубокий присед на правую ногу с одновременныммахом правой руки вверх, левая нога вытянута в сторону, левая рука чуть

отведена. Кинжал устремлен ввысь.

Мелодия рождается в области солнечного сплетения, звучит всё громче, поднимается, заполняет грудь, горячей волной вливается в голову. А в животе холод! — ощущение морозной свежести! Медленно поворачиваюсь на опорной ноге, вычерчивая другой ногой правильную окружность, а потом переношу на нее вес тела. В средней точке встаю из приседа: руки вверху, кинжал устремлен в небо, скрытое потолком зала.

И начинаю кружиться волчком — каскад фуэте, нога как хлыст стегает пустоту. Рука с кинжалом делает мощные горизонтальные махи, клинок рассекает воздух. И следом переход в баллоне — прыжками передвигаюсь по залу сначала в одну сторону, затем в другую. Тело порхает, клинок продолжает рубить сверху вниз. Переход в ан дедан — вращение волчком по часовой стрелке, начинаю двигаться в нем. Именно по часовой стрелке крутился поток над макушкой клиента, и сейчас я это учитываю. Вращением своим व्यю тугой жгут будущих успехов, протаптываю тропу в рыхлом сугробе чужих недобрых намерений и досадных случайностей.

Останавливаю бег, переход — что-то вроде джиги. Топчусь и вышагиваю на месте, утрамбовываю достигнутый результат, закрепляю. Клинок сейчас в вытянутых руках, горизонтально лежит на ладонях. То низко кланяюсь земле, то выгибаюсь максимально, запрокидывая голову и поднимая руки к небу. Сейчас я во второй точке. Еще немного...

И опять взрыв! Жете ан авант — с ноги на ногу по кругу, высокий кабриоль — нещадно луплю в полете ногой об ногу, рассекаю пространство зала. Трепещут свечи, тени удивленно шепчутся по углам. Воздух становится густым и вязким, клинок режет его с мелодичным посвистом.

И еще каскад фуэте! Мой учитель балета — а было время, я обучался этому искусству вполне серьезно — остался бы доволен. Он говорил, что у меня есть будущее. Спасибо, учитель, сегодня я строю будущее других людей так же легко, как ты выпивал кружку крепкого пива после занятий со школярами.

Третья точка, самая ответственная. Теперь я выплясываю что-то наподобие горской лезгинки. Только не хожу по кругу, а вытанцовываю на одном месте, руки в это время работают с кинжалом — отмахиваю широко и свободно, перекидывая клинок из руки в руку, играю им. Закаленная сталь постреливает тусклыми бликами. В какой-то момент вижу, как острие наливается сочным малиновым свечением, кисть нещадно колет, по руке пробегают упругие волны...

И опять движение по кругу, в больших падеша взлетаю высоко над землей и парю, ноги тянутся в шпагат. Чередую падеша с револьтадами, закручивая тело в воздухе по часовой стрелке. Всё время по часовой стрелке. Во время махов — от плеча, с разворотом корпуса — с кинжала летят алые брызги. Тело наполняет пьянящий восторг, кружится голова, и хрустальные молоточки стучат в висках. Вот так, шире и сильнее, рублю всё ненужное, вредное и в то же время созидаю необходимое...

Из прыжка падаю на колени, замираю, припадаю к разогревшемуся клинку губами. Четвертая точка. Перед внутренним взором четко встает линия судьбы — такая, как надо, ровненькая, намертво вмороженная в ткань бытия. Зеленая улица для господина Бревюса.

Вслед за танц-коррекцией приходит похмелье. Тело заливают горячий пот, в голове гудящая пустота, меня словно выпотрошили, как рыбу перед готовкой. На слабых ватных ногах иду в душ. За него тоже пришлось побороться с господином директором, считавшим душ ненужной роскошью. И ведь знал о моем методе работы, понимал, что после сеанса от

меня пахнет, как от стада жеребцов после дикой гонки по степи, но всё равно сопротивлялся.

Теперь все мои усилия оправдываются: расслабленно, почти сонно стою под прохладными струями. Вода стекает по телу, унося напряжение, усталость, а вместе с ними и буйное счастье творчества.

В течение пяти долгих лет я честно служил в подотделе заштатного городишки в провинции, способствуя успешному развитию местной торговли и образованию новых супружеских пар. Однако три года назад где-то наверху скрипнули тайные пружины, непредсказуемо провернулись бюрократические жернова, грянула очередная реорганизация и меня перевели в столичный тринадцатый отдел АСА.

Теперь я чрезвычайно рад такому изменению в своей судьбе и сейчас, после сеанса, по инструкции обязан отдыхать не менее одного часа. Имею полное право!

Глава 2

Если подняться по лестнице, перекинуться парой слов со Столбом, улыбнуться Лили и пройти через приемную, то можно попасть в заднюю часть здания. Здесь располагается веранда, выходящая на задний двор особняка. Увитая диким плющом, тенистая и прохладная, она дает отдохновение утомленным операторам.

Возьмите легкий плетеный стул, присядьте за большой стол светлого дерева. Закажите чай, кофе или лимонад, булочки с конфитюром или швейцарский сыр и будьте уверены: чай подадут горячий и крепкий, а булочки — свежие. В жаркую погоду на веранде прохладно и тихо, осенью рабочие поставят остекление, и здесь можно будет посидеть с чашечкой какао, расслабленно глядя на потоки дождевой воды за стеклом.

В тринадцатом отделе служит пять операторов.

Стефан Стацки — живая легенда проекта. В системе с момента основания, а может, и раньше. С тех самых пор, когда существовал еще консультативный отдел Тайной полиции. Это опытный и умелый профессионал, у нас он за старшего. О себе распространяться не любит, но на его счету немало славных дел.

Выглядит Стацки желчным мужчиной хорошо за сорок. Невысокого роста, худощавого сложения, с грубым морщинистым лицом. Костюм, а он предпочитает цивильные костюмы от модных портных, сидит на нем, словно на вешалке. Волосы у Стефана совершенно седые, кожа желтоватая, а воротничок рубашки вечно несвежий.

Вне операционной он не выпускает изо рта толстую сигару, которая у него постоянно тухнет, и ветеран беспрестанно ее раскуривает, бросая на пол горелые спички. В кармане пиджака болтается неизменная фляжка с выдержанным коньяком, и хоть алкоголь в отделе строго запрещен, Стефан прихлебывает по глоточку. Стацки прощается многое.

Жан Клод Эйдельман — полная противоположность ветерану. Высокий мускулистый молодой человек, стройный и широкоплечий, из-под короткой челки смотрят наивные голубые глаза. Жан увлекается восточной борьбой, основанной на прыжках и ударах руками, ногами и головой, поэтому на лбу у него непроходящая шишка, которая, впрочем, его ничуть не портит. Он работает оператором второй год, опыта еще не набрался, и сложных случаев ему, как правило, не поручают. Но парень рвется в бой.

Помимо меня и указанных господ в штате состоят еще Венера Спай и Яков Патока. Венера — единственная известная мне женщина-оператор. Почему-то дамы не слишком

расположены к нашей профессии. Яков — совсем молодой сенс-стажер, у него всё впереди. Сейчас ни нашей матроны, ни юного дарования поблизости не наблюдалось. За столом сидели Стефан и Жан Клод.

Разговор протекал вяло. Это было заметно хотя бы по чашкам собеседников. Молодой оператор почти допил свой чай, чашечка же ветерана была, напротив, полна. Я давно заметил, что Жан Клод — спорщик по натуре — увлекшись, забывает обо всем, и о чае в первую очередь. Стачки же во время содержательной беседы обязательно прихлебывает коньяк из фляжки, опустошив предварительно чайную посуду.

— ...Вы этого, к счастью, не застали, — цедил Стефан. — Пятнадцать лет назад никто и помыслить не мог, что возможна другая жизнь. Без эрцгерцога, без всей этой одряхлевшей клики — князей-баронов-виконтов... Статус-кво казался незыблемым, и когда всё это рухнуло в одночасье — вы представляете, что началось в умах людей?! Левые и правые сомкнулись — революционеры, мечтающие о переделе мира, и сторонники крепкой власти на грани диктатуры пошли рука об руку, как воркующие голубки! Только что не целовались...

Стачки постепенно воодушевлялся, в его глазах появился задорный блеск. Старый оператор вспоминал молодость — я тихонько подвинул стул поближе.

— Тут подросли умеренные. У тех, кто никогда не мог сказать внятно, что же им нужно от властей, вдруг прорезался голос! «Выборов!» — кричали все они хором! «Хотим выборов!» И получили Президента. Первого Президента — вот так будет правильно!.. — Он чиркнул спичкой, но раскурить сигару забыл. — Вы бы видели, что здесь началось!

Жан Клод слушал с легкой усмешкой. Конечно, всё это можно прочесть в архивах и даже в учебниках истории. Но Эйдельман — воспитанный юноша, он не прерывает старших. Да и в рассказах ветерана порой мелькали очень интересные детали и подробности, каких не встретишь ни в одном официальном документе.

— Ну представьте себе, молодой человек! Аристократы обеими руками держатся за свои привилегии. Их вотчины, гербы, закрытые клубы... Бла-бла-бла! Денег-то у старой гвардии было к тому времени уже немного, а возможностей заработать — и того меньше. Традиции, неписанные правила... да и пункты Устава Дворянского собрания не позволяли им ни торговать, ни служить. С другой стороны подпирали денежные мешки, — вчерашние менялы и торгошники, — способные купить иного графа, а то и князя с потрохами. Со всеми его ленными владениями, родовым гербом и высокородной спесью! Они мечтали быть со сливками общества наравне — ан нет! Скоробогачей аристократия не подпускала к себе и на пушечный выстрел.

Он всё же раскурил сигару.

— Наконец, появилась еще одна группа. Руководители среднего звена, коим несть числа и от которых частенько как раз и зависит равномерное и исправное верчение шестеренок государственной машины. А вкупе с ними предприниматели средней руки — опора экономики и двигатель торговли. До денежных мешков ни те, ни другие недотягивали — доходы не позволяли! В дворянские клубы их тоже не пускали — рылом не вышли! А люди эти, заключив союз и поддерживая друг друга, уже осознали свою силу. Им хотелось признания!..

— А как же конституция? — не выдержал Жан Клод. — Свод законов...

— Да, появились и конституция, и свод, — перебил Стачки, — но вопросов они не решили. Парламент заседал круглыми сутками — комиссия сменяла комиссию, сессия —

сессию, за поправкой следовала поправка, а ситуация оставалась прежней. Работяги, те, кто как раз всё и производят, молча взирали на эту свистопляску, но долго так продолжаться не могло. Все понимали — еще немного, и полыхнет пожар народных бунтов! Тогда наверху поднатужились и родили Билль о правах. Этаким компромисс, разрешивший знати наживать состояния, заводчикам — получать из рук Президента титулы, а всем прочим, вернее, тем, кто оказался Президенту полезным, — примкнуть со временем к тем или другим. Но шансы у последних были невелики. Даже сейчас, через столько лет, посмотрите, господа, — много ли на ведущих должностях людей низкого происхождения? Дворянин на дворянине...

Я прихлебывал чай с лимоном и слушал с удовольствием — Стефан был неплохим рассказчиком. К тому же он увлекся — на свет появилась заветная фляжка. Чаю места в чашке не осталось, ароматный напиток окропил фикус, что стоит у окна веранды в древней деревянной кадучке.

— И вот прошло еще два года. Все — сверху донизу — изрядно устали от взаимных нападков, полумер и постоянной изматывающей борьбы, и кому-то пришла в голову идея. Было объявлено о проекте «Адаптация». Планировалось создать общенациональную сеть отделов и подразделов Агентства, этакую «службу всеобщего благоденствия»... Назвать идею гениальной трудно, но свою отвлекающую функцию она выполнила.

— А почему нет? — рассмеялся Эйдельман. — Плати денежки и получай прогноз, даже инструкцию — как быстро и без потерь прорваться к финишу первым!

Стацки снисходительно усмехнулся:

— Если не брать в расчет, что из-за плеча Агентства явственно проглядывают ушки Тайной полиции. Тайники на протяжении многих лет занимались планомерным поиском сенсов. Вначале сами, потом основали Академию и сейчас присматривают за одаренными юношами. Следят за подготовкой профессиональных операторов. Не удивительно, что именно там, в департаменте Тайной полиции, появился консультативно-аналитический отдел. А это прогнозы, господа. Социального и политического развития...

— Всё это верно, — кивнул я, — без тайников здесь, конечно, не обошлось. Но тема была интересна не только полицейским, ведь так? А политики? А высшая власть? Армия, наконец...

— Безусловно, — Стацки отхлебнул коньку, — начавшись под патронажем тайников, дело быстро расширилось. И хотя у истоков Агентства стояли совсем другие люди, скоро заинтересованных сторон стало как блох на дворовой собаке. А консультативный отдел существует и сейчас, слегка изменив название. Но это уже другой вопрос...

— А те вечно закрытые двери, куда мы сдаем свои подробнейшие отчеты? Любой оператор задается вопросом — куда они потом уходят? Если это не контроль состояния умов — настроений, идей, тенденций, то я ничего не понимаю в нашей жизни! Мы не впервые говорим об этом, но вы всегда уходили от ответа, Стефан...

— А как вы хотели, Мартин? — вяло отмахнулся он. — Любое государство стремится себя обезопасить, следит за подданными, промывает им мозги...

— Так, может, это и было первойшей целью? А всё остальное — для доверчивых дураков, тех, кто хочет искренне верить, что у нас тут и впрямь равные возможности?

— А разве ваши прогнозы и рекомендации не помогают людям? — насмешливо возразил ветеран. — Конкретным людям в совершенно реальных житейских ситуациях?

Иронии в его словах было куда больше, чем желания ответить на вопрос. Ах, Стацки, никогда не поймешь сразу — где ты шутишь, а где вкладываешь в сказанное неявный смысл.

Тот, который становится понятен лишь спустя некоторое время или под давлением обстоятельств — чрезвычайных и даже невероятных.

Недавно я стал замечать — Стефан приобрел странную способность выворачивать беседу, обычный застольный треп наизнанку. Переводить разговор на совершенно неожиданные темы. Раньше за ним такого не водилось, а вот теперь...

— Кстати, насчет промывки мозгов... Послушайте, Мартин, — Стацки прищурился, и я готов побиться об заклад, что дело было не в сигарном дыме, — а вы могли бы отсмотреть, если бы вам вдруг это чрезвычайно понадобилось, энергетику человека без его согласия? И построить произвольный вектор?..

Услышанное меня настолько ошеломило, что я не нашелся, что ответить.

— А энергетику ситуации, в которую вовлечена группа лиц? — продолжал он, глядя на меня испытывающе, с непонятным интересом. — Просмотреть и смоделировать конкретный результат?

— Глупости, Стефан. — Я слегка растерялся. — Никогда не слышал о чем-либо подобном...

— Тем не менее такие работы проводились, — задумчиво продолжил Стацки. Он смотрел поверх наших голов отсутствующим взглядом. — В самом начале. Я тогда был совсем молодым, начинающим оператором и многого не понимал...

— И что потом? — полюбопытствовал Жан Клод.

— Ничего, тема была признана негуманной, и ее свернули. С нас, участвовавших в работе, взяли подписку о неразглашении. Так что, господа, я только что нарушил инструкции, — он скупой улыбнулся, — прошу не выдавать.

Повисла пауза, но тут дверь распахнулась, и вошел посыльный:

— Господин Мартин, господин директор срочно требует к себе. Велел не откладывая...

Я раскланялся с коллегами и пошел к двери, чувствуя на спине испытывающий взгляд Стацки...

* * *

Директорствует в Агентстве господин Ганс Аусбиндер-Меерштрассер-Ладенау-цу-Бекрештоккер-цу-Грюненвальден... и прочая, и прочая, — попробуйте выговорить все имена высокородного аристократа! Воистину это по силам только герольду на приеме у эрцгерцога. Есть такой элитный клуб для дворян, где раз в месяц собираются все древнейшие фамилии города и тешат свое тщеславие. Да и пусть их. Так вот, поскольку в обиходе выговаривать все имена и титулы господина директора нет никакой возможности, то зовем мы его по-простому — господин Аусбиндер.

Его кабинет расположен на третьем этаже, и я поднимался туда со смешанным чувством. Экстренный вызов к начальству ничего хорошего не обещает по определению. Ну что можно услышать от директора, кроме вездливых вопросов и нудных поучений? С другой стороны, и промахов за собой в последнее время я не припоминал. Даже опозданий не было.

Хотя пунктуальность — это совсем другая статья. Опоздавших директор ловит прямо на входе, в приемной. Что же заставило его отправить за мной посыльного? Раньше такого не случалось... И странный вопрос Стефана...

В душе нарастала тревога. Чувство неловкости появилось еще на веранде, во время разговора со Стацки, и теперь усиливалось с каждым шагом, превращалось в неприятное

предчувствие.

Постучав и услышав короткое «Войдите!», я толкнул тяжелую дверь и оказался в просторном кабинете. Массивный стол, два кресла для посетителей, картины на стенах. В шкафах красного дерева фолианты в толстых обложках свиной кожи, с тисненными золотом названиями на корешках.

Никогда не видел патрона читающим, никогда не видел открытой книги на его огромном, орехового дерева столе. Да и что, спрашивается, может изучать господин директор в служебное время? Как улучшить организацию работы в Агентстве? Параграфы должностных инструкций и уложений, я уверен, он знает наизусть! Всё это чистый антураж...

Но профессионалом господин Аусбиндер является крепким и руководить умеет. Внешность его навевает мысли о классическом портрете аристократа: высокий, сухощавый, с гривой гладко зачесанных седых волос и гордым профилем.

Директор имеет неприятную особенность не смотреть собеседнику в глаза. Зрит поверх голов, туда, где виднеется некая конечная цель всей нашей деятельности и, более того, всей нашей жизни. Всякий поймет, что господину Аусбиндеру дано видеть много больше, чем прочим смертным.

В кабинете патрон обязательно надевает очки в тонкой золотой оправе. Курить предпочитает очень дорогие сигары, что привозят из далеких заморских краев, а горький дым запивает крепким чаем. Однако сейчас чаем с сигарами не пахло, неостребованные очки сиротливо лежали на столе, зато взгляд господина директора с порога уперся прямо мне в глаза.

— Заходите, Мартин, присаживайтесь, — указал он на одно из двух кресел перед столом.

Второе было занято, и это оказалось сюрпризом не меньшим, чем прямой взгляд аристократа.

Кресло занимала Ева Долорес Мария Сантос-Д'Эспиноза-и-Гальярес-и-Ностре и прочая, и прочая. Попробуйте перечислить все имена высокородной! А Ева из очень старинного рода. Но еще важнее то, что она — эксперт.

Экспертная служба была образована сразу же после создания Агентства. Изначально предполагалось приглядывать за операторами. Ну, представьте себе: сидит человек в кресле, сосредоточенно хмурит брови, шепчет что-то неразборчиво. Говорит, мол, исправляет энергетику ситуации клиента, но поди разбери — может, прикидывает, как ему ловчее после службы сходить в пивную или пригласить на свидание соседку? А оклад получает немаленький, и выделяет его казна.

Возникла необходимость в контроле, но контролеры сразу же столкнулись с трудностями понятного характера — как залезть в голову сенса? Говорить-то можно всё, что угодно, но как установить правдивость слов? Однако эксперты принялись добросовестно отрабатывать свой хлеб.

Понимая, что внутренний мир оператора доступен только через общение, они разработали систему психологических тестов. Тогдашние эксперты вели с сенсами длительные беседы, пытаясь наладить контакт, некую духовную близость, даже дружеские отношения. Однако те быстро осознали свою исключительность и кастовость, на контакты шли неохотно и всегда помнили, что эксперт есть структура проверяющая. А какая дружба может быть с ревизором?

С другой стороны, эксперты тоже люди, и им не чуждо общее отношение к сенсам. Они, эти операторы, конечно, помощники, порой даже спасители, но они ж ненормальные! Что там в голове у этих чокнутых? А если его обидишь невзначай, не так оценишь деятельность? Возьмет, да и наколдует в отместку какую-нибудь гадость. Надо быть с ними осторожнее. Примерно такие мысли, достойные больше обывателя из Предместья, чем образованного эксперта, посещали порой их головы.

Шло время, методы работы Экспертного отдела менялись. От дружеских бесед отошли ввиду неэффективности последних, и постепенно сформировалась нынешняя система отношений. Появились глухие двери на втором этаже, за операторами закрепили постоянных экспертов.

Сегодня эта служба приглядывает за операторами и попутно контролирует настроения сограждан. Достаточно большие полномочия позволяют эксперту вмешиваться в работу оператора. Например, после поведенной процедуры эксперт может опросить (или допросить?) сенса, уточнить что-то по отчету и даже встретиться и побеседовать с клиентом. На деле эксперты редко пользуются своими немалыми правами, ограничиваясь просмотром отчетов и дежурными встречами раз в неделю.

Ева Мария Сантос курировала наш отдел и вела себя в рамках традиционной политики: пока всё идет гладко, клиенты довольны, а отчеты подробны и поступают вовремя, можно не суетиться и не мешать оператору. Но за время совместной службы у меня создалось стойкое убеждение, что такой уровень ее не устраивает.

Ева — гордячка! Высокородная гордячка и немножечко стерва с амбициями. Ей недостаточно рутинной работы в отделе, деятельная натура требует большего — размаха, головокружительных комбинаций с тайниками, командных высот в АСА. Ничего этого пока нет, приходится возиться со штатными операторами и быть под началом директора, о котором она, судя по всему, не слишком высокого мнения. Отсюда постоянная маска холодности на красивом лице, подчеркнутая отчужденность ко всем и сугубый официоз в общении.

Вот и сейчас Ева Мария никак не отреагировала на мое появление — на ее узком лице застыло отрешенное выражение, табачного цвета глаза смотрят даже не на господина директора, а куда-то за его спину, в угол кабинета. Внешний вид до крайности строг: черные блестящие волосы стянуты в тугий узел на затылке, полное отсутствие косметики и украшений. На рукаве форменного костюма логотип Экспертного отдела — всё тот же распахнутый глаз, глядящий на вас через увеличительное стекло.

Она всегда строга, холодна и неприступна. А жаль, порой мне хотелось, чтобы госпожа эксперт была чуть-чуть приветливее. Но куда нам! — обычный штатный оператор, да еще сирота без титула не ровня высокородной аристократке...

Я осторожно опустил в свободное кресло, отбрасывая бесполезные и даже вредные мысли.

Госпожа Сантос продолжала изучать угол кабинета.

Директор побарабанил длинными холеными пальцами по полированной столешнице.

— Я собрал вас здесь, дамы и господа... — Директор запнулся, по-видимому, вспомнив, что он не на расширенной конференции сотрудников. Иногда патрона заносит. При всём своем опыте и умении угадывать желания начальства — первейшая и необходимейшая черта для чиновника! — на собраниях и форумах он чувствует себя увереннее.

Но сейчас вид у него был действительно растерянный. Что-то его беспокоило, а ведь

смутить господина Аусбиндера нелегко. Он начал руководить отделом задолго до моего прихода, повидал на своем посту всякого и был опытным управленцем. Но теперь директор, похоже, не знал, с чего начать. Подыскивал слова.

— Опустим вступление, — наконец стряхнул он нерешительность и хлопнул ладонями по столу. — Суть дела: клиент обратился с жалобой. Сбой в работе случился не у нас, в пятом подотделе, но вы помните — это наша территория. Жалоба пришла в региональное бюро, а оттуда ее перенаправили к нам. Ставится под вопрос работа оператора, его компетенция, есть реальная угроза судебного иска и материальных претензий...

Я молча слушал, пока не очень понимая, каким образом жалоба на оператора из подотдела касается меня. Сам пять лет трубил в провинции. Как правило, подотдел — это крохотный кабинет, где ведет прием зачастую один, редко два сенса. Структуры разбросаны по городам и весям, принимают на себя немалую нагрузку, но квалификация операторов там разная. При затруднениях они, как правило, направляют клиента в ближайший отдел, в чем и заключается принцип территориальной подчиненности. Но какова моя роль в предстоящем разборе жалобы?

— Неделю назад, — продолжал директор, — клиент обратился к оператору пятого подотдела по вопросу, связанному с выполнением профессиональных обязанностей. Проще говоря, просил помощи в карьерном продвижении. Служит он в какой-то небольшой конторе, названия которой я не запомнил. Что-то связанное с торговлей зерном, ничего секретного или ответственного в помине нет. Была проведена стандартная операция адаптации. Имеются отчеты оператора и записи его показаний, снятые экспертами. — Господин директор постучал сухим согнутым пальцем по кожаной папке с вытисненным золотом логотипом АСА.

Я продолжал недоумевать. Для работы с операторами подотделов есть эксперты регионального бюро, там же и региональная администрация, можно было разобраться на месте. Обычно так и делается, крайне редко регионалы передают дела на территорию, только когда отчетливо пахнет осложнениями... И при чем здесь Ева? Она сотрудник другого уровня, у куратора городского отдела свои обязанности... Кстати, госпожа эксперт пока не выразила отношения к происходящему ни единым движением.

Директор наконец заметил мое недоумение и смилоствовался:

— Я вызвал вас, Мартин, как одного из наиболее грамотных и опытных операторов. И, конечно, вашего куратора от Экспертного отдела, таковы правила. Дело в том, что после проведения стандартной, заметьте, именно стандартной операции адаптации на службе у клиента ничего не изменилось. Никакого продвижения не состоялось. Вместо этого его жена, назовем ее пока мадам N, на следующий день после процедуры пришла в тот же подотдел, к тому же оператору с предложением адюльтера. Получив категорический отказ, женщина покинула подотдел, но появилась вновь на следующий день и возобновила свои притязания. Так продолжалось три дня подряд. Сейчас несчастная в приюте для душевнобольных, в состоянии полного помрачения рассудка, а супруг возлагает вину за происшествие на Агентство...

Господин Аусбиндер удостоил меня еще одним прямым взглядом водянистых глаз. Воистину сегодня примечательный день! Но то, что я услышал, было полной неожиданностью.

Случалось, операции не приводили к ожидаемому результату. Бывало, клиенты ждали от нашей работы больше того, что мы могли им предложить. Рассчитывали на быстрое и

незатруднительное решение своих проблем, а это не всегда возможно. Недовольные в любом случае найдутся. Но получить совершенно иной, неожиданный эффект, рядом не лежавший с ожидаемым результатом?..

— Вы позволите несколько вопросов, господин директор?

Господин Аусбиндер склонил голову и стал похожим на старого мудрого грифа.

— Может такое случиться, что мадам N была больна еще до произошедших событий?

— Исключено. Мадам служит сестрой милосердия в госпитале Святой Барбары.

Это многое меняло. Госпиталь Святой Барбары славится далеко за пределами Республики. Там светила медицины проводят сложнейшие, уникальные хирургические операции, туда обращаются за помощью самые известные и знатные люди со всего света. Соответственно, персонал жесточайше отбирается и контролируется. Душевнобольная женщина никак не могла попасть в ряды сотрудников этого госпиталя.

— Совпадение по времени? Может, она заболела только что и начало болезни совпало с визитом супруга в подотдел?

— Сомнительно. — Господин директор слегка покачал головой. — Во всяком случае, психиатры так не считают. Они вообще не могут понять, что происходит с пациенткой. Картина болезни не укладывается ни в одну схему, поставить диагноз врачи не в силах.

— В таком случае, быть может, связь между оператором и мадам действительно имела место? Это объяснило бы многое...

— Клиент от подобных предположений приходит в ярость, уверяет, что его супруга была верхом благочестия. Могу добавить, что к делу подключились оперативники Тайной полиции, опрошено большое количество свидетелей, знавших пострадавшую, а также ее мужа. Установить какие-либо контакты между оператором и мадам N до последних печальных событий не удалось. Мы вынуждены считаться с версией, что они ранее не были знакомы.

Вот так-так — сразу подключили тайников! Уже само по себе это событие экстраординарное. Я помнил лишь несколько дел, когда с ходу вступали оперативники, в том числе знаменитое дело о похищении наследника. Обычно Агентство старается решать свои проблемы само, без постороннего участия.

— Действительно, много непонятного. Включая то, чем я могу помочь в данной ситуации, господин директор.

Господин Аусбиндер помолчал, пожевал губами и в третий раз посмотрел мне в глаза:

— Об этом и речь, Мартин, — несмотря на молодой возраст, вы у нас один из лучших сотрудников и достаточно опытный. Я хочу поручить это дело вам. Необходимо обследовать оператора. Поговорить с ним... Сейчас в Ставке решается вопрос о гипнотическом воздействии, может, и так — поговорить под гипнозом. Главное — увидеть линию судьбы, которую он построил, проверить вектор. Если попутно сумеете что-то исправить, бог в помощь, но основное — мы должны очиститься от обвинений. Если эта чертова тетка сумасшедшая, — он поднял сухой указательный палец, — что было бы самым простым и самым лучшим ответом на все вопросы, то нам придется это доказать. — Лицо господина директора затвердело, на нем читалась нешуточная решимость. — Если имела место супружеская неверность и теперь партнеры выгадывают какой-то свой интерес и путают всех нас, — нам придется вывести их на чистую воду.

— Может, просто провести повторную процедуру клиенту?

— Пострадавший и слушать об этом не хочет! Скорее он засудит всех нас, Мартин. Всё

это теперь нельзя оставить как есть, необходимо внести в историю полную ясность. И снять обвинения с Агентства. Работать придется с оператором, и работать придется вам...

— И последнее, господин директор, почему я? У нас в отделе есть куда более опытные работники. Например, Стефан Стацки, кавалер ордена «Большого Орла»...

— Поверьте, Мартин, предложение сделано вам, но другие варианты тоже были рассмотрены, — прервал меня господин Аусбиндер. — Мы уверены, что вы справитесь с задачей, и назначение уже согласовано на самом верху. К слову сказать, сам Стацки рекомендовал именно вас.

Вот это мне не понравилось. Что это Стефан отказался от задания? Трудностей он не боится, опыта и умения через край. Не захотел связываться?

— Вопрос решенный, оператор Мартин. — Ева Мария наконец повернулась ко мне и одарила взглядом своих чудесных, удивительного табачного цвета глаз. — Работать будем вместе. Любое содействие с моей стороны гарантировано. И я хочу быть в курсе всех ваших намерений, Зрячий. Постоянно.

Она смотрела на меня в упор, чуть изогнув бровь, а я думал о том, что всё это как-то странно и не к добру: подключившаяся с первых шагов Ева, отказавшийся Стацки и растерянный директор.

— Забирайте документы и приступайте немедленно. На втором этаже для этого приготовлен двадцать второй кабинет. Курировать вас будет эксперт Ева Мария Сантос. Как всегда... — Господин директор подвинул уже знакомую папку и посмотрел куда-то поверх моей головы.

* * *

Кабинет двадцать два на втором этаже Агентства встретил меня не слишком радушно. Слишком неуютно и голо. То ли дело моя операционная. Но выбирать не приходилось. Сказал директор работать здесь, значит, так тому и быть.

Посреди комнаты совершенно пустой стол и два стула. В одном углу рукомо́йник, в другом — сейф. Вот это, пожалуй, единственная примечательная деталь интерьера. Сейфы в наших помещениях редкость, да и кому они нужны, эти громоздкие железные ящики? Что в них хранить, от кого оберегать? Разве только... Вот оно как! Похоже, я попал в кабинет бойца невидимого фронта.

Сегодня Агентство раскинуло густую сеть своих структур на всю страну — региональные бюро, отделы и подотделы, Центральный департамент, который мы между собой называем Ставкой. Система исправно собирает информацию и прокачивает ее в таинственные кабинеты, где обитают молчаливые люди с незапоминающей внешностью.

Стефан прав: первоначально идею подали массам как перспективу равных возможностей для всех. За определенную плату любой гражданин Республики мог подать заявку в АСА, прийти на прием к оператору и получить рецепт преуспевания, решение насущных проблем. Рождалась своеобразная «служба успеха», призванная помочь каждому в достижении намеченных целей.

На деле всё получилось несколько иначе. Во-первых, стоимость процедуры оказалась не столь уж мала, и позволить себе взнос мог не каждый. Во-вторых, люди с опаской относились к сенсам. Воздействие рекламировалось как доброе волшебство, помощь, призванная облегчить жизнь, но многие видели в нем непонятное, а потому страшноватое

действие с неизвестными последствиями. Далеко не все решались на операцию адаптации.

С течением времени страхи эти потускнели, утратили былую остроту. У службы появилась добрая слава, ее несли люди, которым процедура реально помогла преуспеть. Поток клиентов увеличился.

Однако коммерческим предприятием Агентство так и не стало. Но и отказываться от сети отделов правительство не собиралось. По моему твердому убеждению, причина заключалась как раз в источнике информации. В первую очередь наша служба необходима Тайной полиции для контроля над умами.

Наконец, существовал еще один аспект. Официально работа оператора регламентируется определенными правилами, которые запрещают давать советы, несовместимые с этикой и моралью, не говоря уже о прямом нарушении закона. Практически же сенс не исповедует клиента, не вникает в этические подробности. Может сложиться так, что мелкий служащий затребует схему, как ему лучше подсадить директора; наследник третьей очереди попытается вступить в наследство, минуя прямых претендентов; коммерсант — ловчее обмануть партнера.

Вот еще одна причина, по которой мы пишем подробнейшие отчеты и сдаем их в те самые кабинеты. Молчаливым людям с незапоминающей внешностью, среди которых Ева Мария приятное исключение. Драгоценное украшение среди безликих истуканов.

Теперь можно посмотреть, в каких условиях трудятся бойцы невидимого фронта. В спартанских, прямо скажем. Я присел на жесткий стул, положил на пустой стол заветную папку и закурил папиросу. Пепельница имелаась.

В документах ничего необычного не обнаружилось. Некий господин, назовем его Х, обратился в подотдел со стандартным заявлением. Оператор Корг принял к обслуживанию... Стоп. Оператор Корг. Неожиданность и какая-то неправильность назначения не давали мне покоя. Парень имеет такое же простое, односложное поименование, как и я. Может, в этом всё дело?

Сословность в нашем обществе довольно запутана. Например, Венера в любом официальном документе будет прописана как «оператор В. Спай». Жан Клод имеет двойное имя, а поименование тоже будет простым — оператор Ж.К. Эйдельман. Но вот Стацки — другое дело, как кавалер ордена «Большого Орла» он имеет двойное поименование — Стефан Стацки.

Ну и дворяне: там при соблюдении официоза будут называться все имена, какие есть. На службе можно обратиться к Еве «госпожа Сантос», это допускается. Можно про себя назвать ее несравненной Евой, или прелестницей Евой Марией, или еще как душе угодно, но в документе будут прописаны все три строчки ее имен и титулов. А если понадобится, то и произнесены вслух.

Если бы в деле был замешан аристократ, а среди операторов они встречаются, хоть и очень редко, меня, скорее всего, к делу не подпустили бы. А тут Корг, и всё. Парень тоже из приюта, круглый сирота, как и я. Только у нас, приютских, нет ничего, кроме имени.

Может, начальство решило, что штатный оператор будет откровеннее с таким же, как и он сам? Один сирота с другим? Может, рассчитывают, что я хорошо знаком со службой в подотделе и мне легче окажется разобраться? Но Стацки вызывал бы у Корга помимо доверия еще и почтение, и поговорить ветеран умеет на равных... Странно всё как-то...

Итак, господин Х обратился в подотдел с весьма нередкой заявкой: помочь наладить отношения со старшим приказчиком. Для взаимопонимания и нужно-то было — провести

выгодную торговую сделку. Вот тут он и просил подсказки: с кем, как именно, в какие сроки. Ничего необычного, здоровые карьерные устремления.

Судя по отчету, оператор установил границы ситуации, выявил составляющие — старший приказчик, контрагенты, поставщики. Прodelал, и довольно грамотно, немалый объем работы и провел стандартную процедуру: вышел на информационный уровень, прочел энергетические каналы и определил опорные точки.

В отчете всё прописано: последовательная четырехуровневая конструкция, шесть опорных точек, из которых «горячими» являлись только три. На второй висел «гвоздь», судя по описанию, не очень-то и мощный. Скорее всего, взаимное непонимание в каких-то вопросах, амбиции... Именно этот «гвоздь» портил всё дело. Корг дал толковые советы — ситуация вырисовывалась вполне управляемая — и отпустил клиента с чистой совестью. По бумагам всё гладко...

Что же случилось дальше? Почему всё обернулось таким неожиданным и страшным образом? Почему сделка не состоялась, а мадам N принялась донимать сотрудника АСА? Имея вполне благополучную, по уверениям большинства опрошенных людей, семью. Двое детей, пяти и семи лет, вполне обеспеченный муж, мир и благоденствие в доме. Никаких поползновений на сторону ранее...

Оператор пишет, что ясно видел линию судьбы клиента, отработал ее «доступным образом». Именно так коллега счел возможным назвать деликатный момент финта, то, что я называю танц-коррекцией, и то, что никто из сенсов не раскрывает и не описывает детально.

Далее следовали показания свидетелей благонравия супруги клиента и его самого. Соседи, домовый староста, приказчики из торговой компании, сестры милосердия и врачи госпиталя Святой Барбары — работенка тайниками проведена немалая. И нигде ни одной зацепки, всё гладко. Из бумаг следовало, что семья абсолютно благополучная.

Пепельница наполнялась окурками. Ничего путного на основании документов придумать не получалось. Окажись я на месте Корга, делал бы всё точно так же, а потом составил бы точно такой же отчет и так же недоумевал бы: почему правильно отработанная линия судьбы привела не к успешному гешефту, а в психиатрическую лечебницу?

Есть еще один метод. Можно попробовать поработать с документами на энергетическом уровне, так же примерно, как и с человеком. Я сел насколько возможно удобно, расслабился. Начал вспоминать сухие строчки протоколов, отчет оператора и попытался представить себе его и проведенную им процедуру. Я никогда не был в пятом подотделе, не знаю, как выглядит Корг, не видел клиента, поэтому включил фантазию.

Перед прикрытыми глазами встала комната, как две капли похожая на мою операционную — да и откуда взяться другому образу? Можно придумать интерьер и внешний вид незнакомых мне людей. Попытался представить себе участников событий, услышать вопросы и ответы. Поиграл с обликами, потасовал образы...

Ничего путного не получилось: картинка вышла блеклой, фразы пустыми, а внешность участников расплывчатой. Нечего зря терять время...

И уже на выходе из релаксации неожиданно на границе поля зрения мелькнул силуэт черной птицы. Вдруг стало зябко. Резкий звук — будто крылья хлопнули! — прорезал тишину. Тень метнулась по комнате, скользнула по мне — и сразу торопливо, с перебоями забило сердце. Перехватило дыхание.

Я непроизвольно дернулся от стола в угол — защитная реакция. Птица смогла бы атаковать и там, только делать этого не стала. Черной тенью метнулась она к окну, и в

следующий миг всё исчезло.

Я жался в углу чужого кабинета: дрожащий, испуганный, не понимая, что произошло. По спине текла горячая струйка пота, руки дрожали. Мозг лихорадочно искал ответ — что это?! Или кто?! Как такое вообще стало возможным? В реальной опасности птицы я не сомневался ни секунды, даром, что выглядела она тенью — видением, мороком, порождением задремавшего разума... Меньше всего хотелось бы мне встретиться с такой фантазией вновь!

Возвращаться к столу почему-то очень не хотелось.

* * *

В этот самый момент дверь без стука отворилась, и вошла госпожа региональный эксперт Ева Мария Сантос. Выражение холодной неприступности на ее красивом лице сменилось легким удивлением. Я с трудом переводил дыхание, а Ева уже отреагировала:

— Что, оператор Мартин, ищите в углу истину? — Она насмешливо прищурилась и прошла к столу. — Всё правильно, истина не любит открытых освещенных пространств. Она прячется по темным пыльным углам. Но вооруженный фонарем истинного видения Зрячий всё равно ее отыщет.

Все-таки она стерва! Надменная, холеная, высокородная стерва. Даже перенесенное только что потрясение не могло затмить закипавшее в душе негодование. Применять в данном случае наше кастовое самоназвание — верх бестактности, но в этом вся Ева Мария! Ей глубоко плевать, что подумают другие. А может быть, просто делает вид, что плевать, но мне от этого не легче.

Я выбрался из облюбованного угла и уселся на свободный стул. Как-то так получилось, что госпожа эксперт теперь сидела на моем месте, а я — на стуле для посетителей. Сказано, урожденная аристократка — акценты вмиг расставлены, дистанция определена, право первой руки не вызывает сомнения.

— Как вам показались документы? Судя по благородной бледности, не иначе как на вас снизошло откровение свыше. Признавайтесь, какое гениальное открытие вы сделали?

— Дело обстоит как раз наоборот, госпожа Сантос, — промямлил я. — В бумагах ничего интересного я не обнаружил...

О видении говорить совсем не хотелось. Тем более, я еще не определил для себя, как к нему относиться — то ли это галлюцинация, то ли серьезное предупреждение? Скорее, второе, но необходимо время. Нужно подумать в спокойной обстановке, вспомнить всё детально, постараться оценить...

— Очень плохо, оператор. Вы зря потратили два часа казенного времени. Может, вычесть эти деньги из вашего оклада?

В ее голосе звучала откровенная насмешка, почти издевка. Но удивительно, я почти успокоился. Расслабился — перестали дрожать руки, выровнялось дыхание. Всё-таки нас теперь двое.

Мы работаем вместе полгода, с прошлой зимы. До Евы нас курировал господин Дортенд. Ни имени, ни поименования его мы не знали, он сам настаивал на таком обращении — господин Дортенд, и всё. Это был типичный клерк: невысокого роста, сухонький, невзрачный, с незапоминающимися мелкими чертами лица.

Он встречался с операторами раз в неделю, строго по графику, расписав для каждого

свой день. Задавал дежурные вопросы, говорил традиционные слова о гуманности нашего дела и исчезал до следующей встречи. Даже во время памятных событий, связанных с похищением наследника, когда весь отдел встал на дыбы и работа шла круглосуточно, он ухитрялся оставаться незаметным, как бы в стороне от происходящих событий.

Юноша был похищен террористами «двадцать-двенадцать». Организация эта прорицает скорый конец света. Цифра 2012 имеет для них некое мистическое значение, смысл которого сокрыт в туманных образах из забытых пророчеств и древних легенд. Накануне этого печального события члены организации, а проще говоря, бандиты, занимались грабежами, похищением людей и вымогательством в самой неприглядной форме. Практиковали крайнюю жестокость и оправдывали самые тяжкие свои преступления неизбежностью божьей кары.

Похищение было совершено дерзко, среди бела дня. Преступники потребовали за заложника миллион золотом. Стацки отследил ситуацию, помог полиции найти «крота» в их рядах и даже — редчайший случай! — смог вычислить загородный дом, где прятали похищенного. В результате тайники провели блестящую операцию, Стефана наградили орденом «Большого Орла», а его прогноз попал в анналы как классический пример работы с информацией.

Я успел поучаствовать тогда, помогал Стацки и снискал его благосклонность — заслуженный мастер начал относиться ко мне если не как равному, то с большим пиететом. А вот Еве такая возможность пока не представилась.

Усмешка тем временем исчезла с ее губ, лицо стало задумчивым, а взгляд — прицеливающимся. Под тугим узлом волос, в точеной головке шла упорная работа мысли.

Из недр стола Ева извлекла высокий стакан, наполнила водой и поставила передо мной. — Послушайте, Зрячий, — негромко проговорила она и села напротив. — Нам с вами надо очень постараться и дать результат. Господин директор поведал мне приватно, что кое-кто пытается свести дело к заболеванию женщины. Подумаешь, просто сумасшедшая, место которой в госпитале, под неусыпным присмотром врачей. С кем не бывает? На худой конец, другая, но тоже обычная ситуация: оператор тайно встречался с женщиной, обоих это устраивало, а потом всё пошло не так — может, он решил ее бросить, разлюбил или еще что-то... Мужчина начал рвать отношения, женщине это не понравилось. Далее по уже известному сценарию — от неразделенной любви у бедняжки помутился рассудок. Снова дело житейское, к Агентству никакого касательства не имеет.

Я глубокомысленно кивал в такт ее словам, прихлебывая воду.

— Но только дело обстоит совершенно не так. — Последняя фраза прозвучала так резко, что я невольно вздрогнул. — Есть информация, что это не первый случай, когда оператора используют в каких-то непонятных целях. Именно так — используют! Впервые это произошло пять месяцев назад, в Абитаре, небольшом городке на юге Республики. Там рассматривался матримониальный заказ: молодой мужчина решил жениться. Свадьба состоялась, и всё бы хорошо, но у невесты была родная сестра. Так вот — в роли жены оказалась она. Сватался к одной, а женился совсем на другой.

Ева откинулась на неудобном стуле, легким движением погладила пальчиком переносицу.

— Оператор клялся и божился, что делал всё правильно, линию судьбы вывел в направлении, заказанном клиентом. Как такое могло случиться, он объяснить не смог. Будто взял кто-то и передвинул вектор с одной цели на другую. Рядом расположенную. К счастью,

скандал не разразился — незадачу уладили внутри семьи полюбовно. Отцу было безразлично, которая из трех дочерей выйдет за достойного человека. Молодые тоже как-то между собой договорились. Но факт осел в архиве как не поддающийся объяснению. А это плохо, когда мы не знаем, что происходит в результате информационного воздействия. Такого Экспертная служба позволить себе не может...

Я забыл про воду. Сейчас госпожа инспектор открывала мне секретную информацию, в этом сомнений быть не могло. Ничего подобного я ранее не слышал, слышать не мог, да и не должен был. История поворачивалась неожиданным ракурсом, начинала играть новыми красками. Что же здесь так цепляет надменную красавицу? Разве рискнула бы она без веской причины пойти на серьезное нарушение устава? Не тот человек Ева Мария, чтобы откровенничать с оператором ради приятного общения. Совсем не тот...

— Повторный случай был зафиксирован спустя три месяца в Капиталле, — продолжала Ева Мария. — Обычная процедура с мелким банковским служащим, призванная способствовать его карьерному росту...

— Его тоже женили? — не выдержал я. — На дочери директора банка?

— Нет. — Ева улыбнулась, и я поразился, насколько идет ей улыбка. — Сети Гименея на сей раз оказались ни при чем. По роду службы клерк принимал почту у курьеров и передавал ее по инстанции. Однажды он задержал одно письмо и передал другое. Не по назначению. В результате казначейская карета отвезла мешок с деньгами совершенно иному получателю, которого потом не нашли. Ошибка обнаружилась не сразу, а чуть позже выяснилось, что служащий накануне был на процедуре. Дальше уже знакомо: клерк быстро и качественно сходит с ума, продолжать дознание в этом направлении не представляется возможным. Оператор пребывает в полном недоумении — все его действия укладываются в общепринятые схемы работы.

— И вы полагаете, что кто-то опять передвинул вектор?

— Полагаю.

— Кто проводил расследование? — Я немного вольничал, вставлять вопросы в беседе с вышестоящим начальником не принято, но госпожа Сантос не обратила на это ровным счетом никакого внимания.

— Регионалы. Имена называть ни к чему, но уверяю вас, Мартин, компетенция господ достаточно высока. Была создана совместная комиссия из экспертов и операторов, — я невольно отметил, что экспертов она поставила на первое место, — по заключению которой оператора признали невиновным. Это не было ошибкой в процедуре, Мартин. Это было целенаправленное воздействие. Теперь сомневаться в этом не приходится — кто-то активно разрабатывает методы перехвата линии судьбы, произвольно меняет ее направление и получает результат.

— А банк? — оторопело спросил я. Всё, что я сейчас услышал, еще не поместилось в моей голове.

— Банк? — Ева Мария недоуменно поглядела на меня своими удивительными глазами. — Банку Агентство выплатило компенсацию. Из своих резервов. Вы понимаете, что это дело должны поднять мы? Тайников привлекли втемную, они пока собирают информацию, не зная всех обстоятельств. Но долго так продолжаться не может. Скандал набирает ход, и скоро количество участников достигнет того уровня, когда места для секретов не останется. Мы должны успеть первыми, оператор.

Теперь я начал кое-что понимать. Еве необходимо громкое дело, масштабное, с

широким резонансом в пределах как минимум Агентства. Дело, на котором можно будет совершить карьерный скачок наверх, к ключевым постам. Мне тоже карьерные устремления не чужды, но еще больше меня заинтересовала суть происходящего. Я и предположить не мог, что такое возможно — перехватить вектор и перенаправить его в произвольном направлении!

Как там спрашивал Стачки: «А вы могли бы отсмотреть, если бы вам вдруг это чрезвычайно понадобилось, энергетику человека без его согласия? И построить произвольный вектор?..»

А далее Стефан сказал: «Тем не менее такие работы проводились...» Что имел в виду старый оператор? И что он знает?

Глава 3

В свое время в Академии нам преподавали специальный предмет — работа с клиентом, находящимся в состоянии гипноза или под действием инъекции «сыворотки правды».

Гипнотизер после ввода объекта в транс дает установку на полную и безоговорочную правдивость. Готовность к сотрудничеству становится абсолютной, и объект рассказывает даже то, что в другом случае попытался бы скрыть. Учтем, что устная информация для меня второстепенна, важнее, какие образы и схемы появятся в голове объекта.

Нужно поймать момент, когда оператор увидит линию судьбы, и проследить, как он оценит и построит вектор. Весь фокус гипноза заключается в том, что при отключении сознательной сферы обнажается подсознание, контакт становится максимальным и мои возможности многократно увеличиваются.

Считается, что гипнотическое состояние клиента значительно облегчает работу, но на практике я такого никогда еще не делал. Методы суггестии в отношении граждан запрещены законами Республики и применяются только с ведома Генеральной прокуратуры. В случаях, когда преступления представляют особую опасность для общества, выдается специальное разрешение на воздействие. И случаи эти можно пересчитать по пальцам одной руки.

Суть происходящего не давала мне покоя. Ускользая от ясного понимания, события, что мне открылись, вызвали неясную тревогу, наподобие ноющей зубной боли. Вроде бежать к дантисту сломя голову рано, но задуматься о визите вполне своевременно.

Во время обучения мы с Наставником не раз обсуждали возможности применения дара сенсов в криминальной среде. Мошенничества с недвижимостью, перевод денежных средств, липовые завещания и долговые расписки, многое другое становилось доступно оператору, если бы он вдруг решился использовать свои знания и умения во вред клиенту. Но отчет о процедуре тщательно изучают эксперты, а строить вектор без взаимодействия с клиентом до сих пор считалось невозможным.

И всё-таки преступления редко, но бывали. Нашумевшей историей — нашумевшей, естественно, в узких кругах сенсов — стал случай с оператором седьмого отдела. В течение месяца он, по сути, руководил деятельностью небольшого банка. Директор и управляющий обращались за консультациями, оператор принимал их раз за разом, но векторы строил так, что деньги утекали третьим лицам. В итоге банк разорился, а злоумышленники обогатились на очень значительную сумму.

Однако дело было раскрыто, виновные найдены и наказаны. Выяснилось, что жену и дочь оператора эти самые третьи, заинтересованные лица удерживали в заложниках. Теперь вот снова похожая комбинация. Но есть и отличие. Кардинальное. Там оператор сознательно

использовал служебную информацию в преступных целях. Пусть и по принуждению, но выполняя свою основную работу. Тут же — оператор клянется всем святым, что проводил стандартную процедуру, но вот эффект...

Эффект оказался совершенно иным.

Значит, вновь встает зловещая тень методики, дающей контроль над поступками человека.

И тут вспомнилась черная птица, и опять по телу прошла дрожь. Привиделся мир людей-марионеток: по улицам Капиталлы, по проспекту Свершений идут идеально ровные колонны. Застывшие лица, устремленные в одну точку глаза, механические монотонные движения...

Меня передернуло. Неужели бредовые идеи и досужие вымыслы о навязанном поведении могут воплотиться в реальность?

* * *

— Ну же, Зрячий! — Ева нетерпеливо теребила мой рукав, выводя из задумчивости. — Вы осознали важность происходящего? Готовы действовать решительно?!

— Да, госпожа эксперт, сделаю всё, что в моих силах, — твердо ответил я.

Мне теперь покоя не даст вопрос — что же случилось? Действительно возможно строить векторы без согласия клиентов или здесь что-то другое? В любом случае загадка эта требовала решения. Да и успешно проведенное дело не помешает. Утвердить свою репутацию в Агентстве — это мне на руку.

— Рада, что я в вас не ошиблась! Теперь вот что, бросайте копаться в бумажках. Всё равно из них ничего нового не выжать. С минуты на минуту привезут Корга, а гипнотизер уже находится в директорском кабинете. Я лично ходатайствовала перед региональным директором о подключении лучшего специалиста в этой области. Не будем терять времени на лишние разговоры и неэффективные методы дознания. Ах, если бы я сама могла его протестировать! — Ева азартно сжала кулачок. — Увы, бог не дал такого таланта. Поэтому всецело полагаюсь на вас. Проведите оператора по всем уровням, отследите все каналы и опорные точки, но найдите разгадку этой тайны!

На ее щеках проступил румянец, глаза сверкали, нежно очерченные губы сжались упрямой складкой. В сердце у меня что-то екнуло. Вот уж не думал, что могу залюбоваться госпожой экспертом...

— Куда доставить клиента? — Она перешла на деловой тон.

— В кабинет, там привычнее...

— Я так и думала и, уж извините, сама дала соответствующие указания. Ступайте, Мартин, и помните — в ваших руках сейчас ваше будущее. И не только ваше. Мы, аристократы, добро помним, Зрячий, это у нас в крови. И да поможет вам бог...

А ведь действительно, понятия о чести у благородных на недосягаемой для простых смертных высоте, и в некоторых вопросах они чрезвычайно щепетильны. Я еще раз взглянул на Еву Марию — да, такая действительно поможет в продвижении по службе.

Я покинул кабинет и направился в операционную. Улыбаться Лили или обсуждать со Столбом предстоящий боксерский матч желания уже не было, я настраивался на свой бой — с непонятным и грозным явлением. Если б знать тогда, чем всё это закончится...

На ступенях лестницы широкими мазками расплескались багряные цвета заката.

Невольно подумалось — как запекающаяся кровь, но я тут же попробовал одернуть себя. К чему такие мрачные сравнения! Предстоит знакомое дело: провести процедуру, как делал это уже много раз...

Нет, шептал внутренний голос, не просто процедуру, и ты прекрасно знаешь это. Зачем себя обманывать? Перед тобой будет не рядовой клиент, а твой коллега, оператор. Ты не ставишь себе обычную цель — устроить счастливый брак или посадить кого-то на теплое местечко, — а собираешься оживить построенный вектор, повторить состоявшееся действие. Одно это уже для тебя внове. Ты хочешь разобраться в событиях, которые не должны были произойти в принципе, но произошли...

Я толкнул дверь и шагнул в операционную. Одновременно с этим открылась дверь для посетителей, и незаметный человек в штатском завел оператора Корга. Его сутулая грузная фигура мелькнула в проеме, а потом он зашаркал к креслу. Виден опыт, даже подсказывать ничего не нужно.

В операционной присутствовал еще один участник предстоящего действа — пухленький коротышка с внешностью знакомого с детства доброго доктора Неболита. Старомодное пенсне, бородка-эспаньолка, пухлые розовые щеки. Лицо лучится улыбкой. Это и есть гипнотизер, понял я. Вот так, улыбаясь, он и выворачивает мозги наизнанку...

Корг опустилсся в кресло и поднял лицо. Посмотрел на меня, и сердце мое болезненно сжалось. Такого страдания мне еще не приходилось видеть: полные мировой скорби глаза, трагически опущенные, как на старинной театральной маске, уголки рта, печально обвисший нос. Человек, сумевший выразить столько горя на лице, не может быть злоумышленником. Права не имеет.

Что же случилось с тобой, парень? Кто же так жестоко с тобой обошелся? Это и предстояло выяснить...

— Приступим? — ощерился Неболит и весь подался к креслу с застывшим Коргом.

— Да, доктор, начинайте, — откликнулся я.

Улыбка исчезла с его лица, будто ее стерли мокрой тряпкой. Кошачьей походкой гипнотизер двинулся к креслу, натягивая на ходу черные замшевые перчатки. Весь он был облачен в темные одежды и за счет мягкости движений терялся на фоне операционной, сливался с интерьером. Как бесплотная тень, как морок в полуночный час.

Подойдя к оператору, забормотал успокаивающим голосом с мурлыкающими модуляциями:

— Дорогой мой коллега, расслабьтесь. Вы должны мне довериться. Садитесь поудобнее, ручки свободнее, вот так... и расскажите всю правду о событиях недавнего прошлого. Здесь собрались не враги — друзья. Мы хотим вам помочь, но и вы должны откликнуться на наш призыв...

Продолжая убаюкивать клиента бархатным голосом, специалист извлек из кармана хрустальный шар с огромным количеством мелких граней и расположил его перед лицом Корга. Луч от светильника упал на грани, и те сразу откликнулись острыми иглами света.

Из-за того что доктор был едва виден, а рука его облачена в темную перчатку, казалось, что переливчатый шар висит в воздухе сам по себе. Слегка вращаясь, сияя всеми цветами радуги.

Я прикрыл глаза — пусть специалист занимается своим делом, мне тоже нужно настроиться. Пусть ничего принципиально нового делать не придется, но и проводить подобные процедуры самостоятельно мне еще не случалось.

Интересно, что разрешение на гипновоздействие выдано фантастически быстро. Бюрократическая машина во всех сферах жизни работает примерно одинаковым образом, и такая оперативность могла означать, что мы столкнулись с чем-то очень опасным, угрожающим устоям государства. Либо приложил руку кто-то очень влиятельный и своей властью подвигнул неторопливых чиновников к активным действиям. Либо и то и другое вместе...

Я волновался. Всё-таки передо мной был оператор, попавший в непростую и опасную переделку. Такой же сирота, как и я, пробивавшийся в жизни сам. Может, не слишком талантливый и удачливый, но свой. Какие чувства я к нему испытывал? Радость оттого, что всё это произошло не со мной? Сочувствие? Ведь на месте этого парня мог быть любой из нас. Каждый оператор может оказаться под угрозой, и я в том числе!

Да, все эти мысли меня занимали, но еще — жгучий интерес к тому, как это могло произойти.

— Оператор... — услышал я и открыл глаза. — Клиент готов. Можете беседовать. Лучше задавать конкретные вопросы, обращаясь непосредственно к объекту по имени. Но у вас своя специфика, поэтому... Можно вызвать объект на разговор, пусть он рассказывает сам, только направляйте в нужное русло.

Гипнотизер жестом фокусника убрал свой волшебный шар, мягко отступил от кресла и тут же потерялся в тени у стены.

Я приблизился. Лицо коллеги, успевшего за короткое время стать «объектом», изменилось, стало неживым. Веки прикрыты, глазные яблоки утекли вверх, щеки и нос обвисли еще больше, но уже по-другому. Как-то безысходно...

— Приветствую тебя, оператор Корг, — начал я негромко. — Я — оператор Мартин, тринадцатый отдел. Сейчас мы будем работать. Это очень важно, нужно разобраться в том, что случилось. Постарайся вспомнить, коллега, как это происходило: пришел клиент, вы беседовали, что спрашивал ты, что отвечал он. Восстанавливай всю картину событий — постепенно, не торопясь и как можно подробнее. Начинай с момента появления клиента в операционной...

Корг начал монотонно рассказывать тихим, но внятным голосом. Всё, что он говорил, я уже хорошо знал, изучив документы накануне, поэтому я не стал вслушиваться. Поднес руки на десять сантиметров к его голове, стараясь ладонями почувствовать теплый ветерок энергии. Кожу стало покалывать морозцем, вращения не было, от Корга шел мощный холодный ток. Я сделал глубокий вдох с короткой задержкой — раз, два, три и...

Распахиваю объятия миру, на резком выдохе разбрасываю руки широко в стороны, как будто хочу обнять всю вселенную. Волна восторга захлестывает, тело вытягивается в струну, словно собирается взмыть в небо.

Деньги. Золотые монеты сыплются каскадом — на землю, в рыхлый жирный чернозем, и тонут в нем. В траву — ныряют между гибких стеблей, прячутся под широкие темные листья. Звенят по остроугольным, в трещинах, камням горного склона, по булыжной мостовой, по гладкому узорчатому мрамору чьих-то ступеней...

Столбиками лежат на грубом дубовом столе, между кружками с пивом и какими-то объедками. Звенят в маленьком кожаном кошельке, тяжелой тусклой массой заполняют большой кованый сундук...

Сейчас я вижу ситуацию господина Х так, как видел ее Корг во время процедуры. Образы у нас могут различаться, но суть остается прежней — человек был прямо-таки

помешан на деньгах. Сколько символов богатства одновременно! И рассыпавшиеся монеты — сожаление о каких-то упущенных возможностях. И желание обратить золото в насущные хлеб и вино.

И в то же время яркое стремление к накопительству, к сундуку. Жаден он, этот господин Х. Может, его супруге было с ним не так уж и сытно...

Но всё это «мусор», мне нужен энергетический рисунок.

Быстренько сооружаю образ бухгалтера-счетовода. Я видел такого как-то в банке: маленький, серенький, над сутулыми плечами выглядывает желтоватая, вытянутая огурцом лысина. Сажаю его за стол, даю мысленный приказ считать деньги и складывать в стандартные банковские мешочки по сто крон. Непропорционально большая рука с длинными пальцами с неимоверной скоростью пересчитывает монеты, ловко прихватывает и укладывает золотые столбики. На каждый пузатый наполненный мешочек счетовод ловко прищепляет ручным компостером бирку с прописанной суммой и подписью.

Отлично, пусть занимается делом, а рядом поставлю румяную щекастую хозяйку, дородную, статную, с лукавой веселой улыбкой. Пусть убирает со стола объедки и кружки, следит за порядком. Если надо, поможет бухгалтеру.

Все это расчищает ситуацию, облегчает выход к каналам.

Каким путем шел до меня Корг, сейчас не важно, главное — увидеть то, что видел он, и поймать линию судьбы клиента. И у меня получилось: несколько в отдалении от моей благолепной картинки, где бухгалтер продолжал сноровисто пересчитывать монеты, а хозяйка, благодушно улыбаясь, убирала со стола, тихо и незаметно трудился дворник. Маленький сгорбленный старичок в кошмарной шапке с торчащими ушами, в тулупе и высоких войлочных сапогах без каблуков, мел огромной метлой пространство. Что это за пространство, видно не было.

Вот так-так! Похоже, я поймал образ Корга! Что это, выверты контакта в гипнотическом трансе? И где он взял такой образ, совершенно не похожий на наших классических дворников в фартуках до пят, ботфортах и с бляхами на груди? Судя по всему, оператор работал незатейливо, сооружал собирательный образ уборщика, не размениваясь на детализацию и всякие красоты. Не гонялся за парусниками, не бросался острыми копьями. Это совершенно ему не в упрек, можно работать и так, порой эффект от простых картинок даже ярче.

Но всё это было уже неважно. Дворник медленно, но уверенно двигался в каком-то определенном, одному ему известном направлении. Конечно, ведь сейчас Корг шел уже проторенным путем, повторяя те действия, которые совершал. Не раздумывая, я пристроился за проводником, навел внутренний взор в точку между бровей и поднапрягся...

Краем сознания отметил, что оператор уже какое-то время молчит, грузное тело расплылось в кресле. Пусть...

Есть! Вот она, четырехуровневая модель ситуации. Всё как описывал Корг. Четыре четкие составляющие: сам клиент, старший приказчик, поставщик и партнер. Каким образом я разобрался, кто кем является, объяснить не могу, но мне самому всё совершенно понятно и хорошо видно. Рисунок у каждого уровня разный, но сомнений в распределении ролей никаких!

Вот шесть опорных точек, выстроились как на схеме. Так и есть — три горячих, оранжевых, и столько же холодных — голубоватых. На второй висит «гвоздь». Точка выглядит расплывчато, цвет «плавает», переходит из оранжевого в алый, мерцает.

Приглядываюсь, возникает знакомый образ куриного яйца, на скорлупе несколько трещинок и шероховатости.

Между второй и третьей точками связь не прямая и ровная, а волнистая. Но алого свечения внутри нет, грубой деформации тоже, так и было сказано — не особенно-то и мощный «гвоздь». Оператор должен был разложить этот участок по пунктам и дать необходимые рекомендации, что, наверное, и сделал.

Словно подслушав мои мысли, яйцо начало медленно вращаться, поверхность его на глазах становилась гладкой, появился здоровый блеск. Я зачарованно смотрел на картинку — сейчас передо мной открывался результат процедуры так, как он выглядит в информационной сфере. Результат не моей, а чужой работы!

Наверное, они о чем-то говорили тогда. Наверное, Корг убеждал господина Х, призывал понять или, быть может, простить своего начальника, старшего приказчика. Такой «гвоздь» чаще всего бывает результатом взаимного непонимания, мелких обид, борьбы мнений. Разве это трудно — послушать друг друга чуть внимательнее и постараться понять? И как часто мы этого не делаем...

Как бы то ни было, результат Корг получил. Яйцо медленно повернулось вокруг оси, и трещины на его поверхности исчезли. Связывающая нить между опорными точками потеряла извилистый характер, стала ровной и четкой. Точки засветились ярко и уверенно.

Все признаки информационной коррекции налицо. И следом, как столбик окрашенного спирта в термометре, немного рывками, от точки к точке, пополз рубиновый пульсирующий вектор. Линия судьбы.

Вектор прочертил всю информационную модель ситуации, от границы до границы, и застыл. Вокруг змеился изумрудный узор чужих мыслей и побуждений. Картинка слегка подрагивала, конфигурация линий немного изменялась, но общий вид устойчиво сохранялся.

А еще через миг призрачное видение затвердело, стало предельно четким и объемным. Линия судьбы — как замороженная в лед молния. Дивное полотно работы великого мастера... Финт! — понял я. Неким своим, неповторимым образом коллега выполнил финт! Теперь операция социальной адаптации считалась полностью завершенной, при этом с положительным результатом. Никаких вопросов к оператору после этого и быть...

Что за черт! Грязно-серые хлопья посыпались откуда-то сверху совершенно неожиданно. Представьте себе серый, истоптанный тысячами подошв снег городского тротуара, по неизвестной причине вдруг посыпавшийся с неба. Картинка на глазах стала терять четкость, размываться. И тут же вектор сдвинулся, как будто некая сила, ухватив за один конец, потащила его куда-то в сторону. На миг мне показалось, что я слышу треск и хруст раздираемой ткани бытия!

Я стоял потрясенный. На моих глазах некто неизвестным мне способом насильственно менял линию судьбы! Этого не должно было быть по определению, это не укладывалось ни в какие рамки, ни в какие представления о самой природе информационного поля. Это было невозможным, и это происходило здесь и сейчас!

Неожиданно на границе слышимости появился тихий, словно отдаленный аритмичный перезвон и еще что-то — может, топот ног, может, шуршание одежды. Одновременно на краю поля зрения мелькнуло движение, будто размытые тени за грязным стеклом...

Потом послышалось сдавленное и яростное: «Эк-х-х!» — и всё исчезло. Вектор встал под углом примерно в сорок пять градусов к первоначальному положению. Его верхний край теперь уходил за границу видимости, а цвет линии изменился: из рубинового он стал грязно-

бурным. Из положительного — отрицательным.

Я был совершенно растерян, почти паниковал. Что теперь делать? Применять свои методы? Затеять танц-коррекцию в тесном, заставленном мебелью пространстве операционной? Бессмысленно!..

Работу с образами отбросил не рассуждая, был абсолютно уверен — не поможет. Тут нужно было нечто иное, но что?

В отчаянии я потянулся к вектору. Хватать его руками, пусть даже мысленно, почему-то побоялся. Пришлось наспех соорудить крепкий, надежный на вид крюк. Зацепил им за ближнее колено и что было сил потянул вниз, туда, где вектор располагался еще совсем недавно.

Острая боль ударила под ложечку, горячей волной прокатилась по позвоночнику. Ноги стали ватными, подкосились, и я согнулся пополам, пытаюсь выровнять дыхание. И в тот же миг утробно и страшно закричал оператор Корг...

Белым блином мелькнуло лицо гипнотизера, в котором не сохранилось и тени розовощекого добродушия.

Меня скрутило, повело по операционной. В кресле грузное тело Корга выгнулось дугой, его начали сотрясать сильнейшие судороги. Руки и ноги мотались из стороны в сторону, как у тряпичной куклы.

Я двигался к дальней двери, налетая на мебель, неверными, мучительными шагами, словно пьяный. Сознание отстраненно фиксировало происходящее. Уже у самого выхода меня вытошнило прямо на бледно-зеленый ковер. Ударом плеча я распахнул дверь и вывалился наружу.

Чьи-то крепкие руки подхватили мое тело, но не разум, стремительно проваливающийся в темноту...

* * *

Я открыл глаза — белый, высокий, совершенно незнакомый потолок, на котором играют веселые солнечные зайчики. Комната, судя по всему, просторная, но я здесь никогда раньше не был. Осторожно повернул голову и увидел высокое стрельчатое окно, створка чуть покачивается от сквозняка. Вот откуда резвящиеся на потолке зайчики. В проеме близкие ветви акации, а дальше — бескрайнее небо.

Так я и лежал, глядя в бездонную голубизну. Совершать какие-либо движения совершенно не хотелось.

Думать тоже не хотелось, но я мужественно предпринял попытку логического анализа. Если за окном светло и, учитывая положение солнца, время движется к полудню, значит, настал новый день. Вчера было... вчера. А теперь сегодня... Очень глубокий вывод.

Что же случилось? Вереница удивительных событий, произошедших со мной и завершившихся неожиданным финалом. Память восстанавливает картинку за картинкой: директор Аусбиндер в своем кабинете, задание, разговор с Евой Марией. Оператор Корг с печатью вселенской скорби на лице, розовощекий гипнотизер, процедура...

Да, вот оно, самое главное. Вчера мне удалась полная реконструкция информационного воздействия. Я проследил все этапы, а в конце наблюдал финт моего коллеги Корга! Здорово! Оператор проделал всё безошибочно, получил положительный результат, устранил затруднения клиента, к вящему его удовольствию. А вот потом... Потом началось страшное

и невероятное...

Как наяву я опять увидел: вектор, меняя цвет, смещается, движимый враждебной непреодолимой силой. Затрещало, будто кто-то огромный рванул над ухом прочное полотно, и я опять в панике кидаюсь к злополучному вектору. И страшно кричит, бьется в кресле оператор Корг...

Под ложечкой екнуло, и тело моментально покрылось гадким липким потом.

В это время скрипнула дверь, послышался звук шагов, приглушенное: «Он проснулся!» — и надо мной склонились двое. Сестра милосердия в высоком головном уборе с красным крестом и господин Аусбиндер.

— Как вы себя чувствуете? — мягко спросила сестра и улыбнулась.

Я лишь шумно сглотнул и кивнул. Патрон смотрел на меня встревоженно и пытливо. Какое-то время он вглядывался в мое лицо, будто искал некие знаки, потом повернулся к спутнице:

— Вы позволите, сестра Анна? Нам с оператором необходимо побеседовать, дело чрезвычайной важности.

После воркования женщины голос директора прозвучал как скрип несмазанных дверных петель. Сестра Анна с сомнением взглянула на меня и неуверенно кивнула.

— Только недолго, — тут же заторопилась она. — Пациенту нужен покой...

— Конечно-конечно, всё будет так, как вы скажете. — Господин Аусбиндер, прихватив милосердную сестру под локоток и кивая в такт словам, уже тащил ее по направлению к выходу.

Хлопнула дверь, и орлиный профиль директора вновь повис надо мной.

— Давайте, Мартин, выкладывайте! — нетерпеливо заговорил он. — Уф! Как вы всех нас напугали... Что, черт подери, произошло вчера в операционной?

— Где Корг? — спросил я, глядя ему в лицо.

Патрон слегка запнулся, на секунду вильнул взглядом, но потом отчеканил, более не отводя глаз:

— Вчера после проведения процедуры Корг впал в глубокое беспамятство, а еще через два часа, не приходя в сознание, умер. У него было больное сердце. Что послужило причиной столь тяжелого приступа, врачи определить затрудняются. Но вы не придумывайте себе лишнего, Мартин. Пусть мертвые хоронят своих мертвецов, нам с вами надо думать о живых. Рассказывайте.

— А я где?

— Вы? — Господин директор чуть удивленно оглянулся вокруг. — В госпитале Святой Барбары, где же еще. Сказать правду, вы тоже были вчера не в лучшем виде. Вас притащили охранники еле живого и бледного как смерть. Я на своем авто стремглав помчал вас сюда. Здешние врачи просто кудесники — вкололи какое-то снадобье и обещали, что к утру вы будете на ногах. Слава богу, обещание свое они выполнили. А теперь рассказывайте. Чертов гипнотизер не смог связать двух слов. Всё, что удалось у него узнать, — вы стояли над Коргом в напряженной позе, тот вначале рассказывал, потом замолк, а затем началось это буйство. Ну же!..

На благородном лице господина директора отражался жадный интерес с легкой примесью беспокойства.

Говорить про меня, что я уже на ногах, наверное, несколько преждевременно. Но в голове действительно прояснилось, и чувствовал я себя вполне сносно. Сжато, без излишних

эмоций, я изложил директору самую суть вчерашнего происшествия. Лицо господина Аусбиндера по ходу повествования вытягивалось всё более, а к концу стало и вовсе обескураженным:

— Вы хотите сказать, что кто-то изменил линию судьбы, построенную Коргом?

— Да, господин директор. Именно это я и хочу сказать.

— Но этого не может быть!

— До вчерашнего дня я тоже так думал...

— Что же мы имеем? — задумчиво промолвил он, справившись с изумлением. — Некто неизвестный подключается к проведению процедуры или воздействует на результат по ее завершении. Может менять направление и знак вектора, смещать линию судьбы, куда ему заблагорассудится... Вы понимаете, что это значит?

Я молчал. Что тут можно сказать? Мои выводы были такими же, а о последствиях страшно помыслить.

— Этот некто сможет управлять людьми. Как бессловесными куклами, как опытный режиссер — актерами. И судя по всему, это только начало, проба пера.

О том, что это не первый случай, он промолчал. И я помалкивал. Как видно, в управлении отделом свои игры. Интриги, борьба интересов... Но я-то уже решил, кому буду помогать с большим рвением. И хоть стремление у нас пока одно на всех — поймать злоумышленника, но не стоит подставлять под удар Еву Марию. Кстати, где она? Мне очень недостает взгляда этих чудесных, табачного цвета глаз. И потом, мы же заключили договор, где же мой верный союзник?

— Мартин! Вы меня слышите? — Голос директора вернул меня к действительности. — Если всё так и обстоит — а у нас пока нет повода сомневаться в этом, — то дело принимает очень неприятный и опасный оборот. Под вопросом дальнейшее существование Агентства.

— Да уж, — поддакнул я. — Ни один оператор не сможет теперь спокойно работать...

— Не говоря уже о том, что применение подобного метода, даже его существование уже само по себе несет величайшую опасность для общества. Вы представляете, что может случиться, если навязать линию судьбы видному политическому деятелю? Это значит навязать ему линию поведения — заставить принимать нужные решения, утверждать необходимые законы. Какую ни возьми сферу — политическую, экономическую, да любую, — можно будет направлять жизнь Республики по своему усмотрению! Что это будут за усмотрения? И чьи? Врагов у государства предостаточно. А криминал? А «двадцать-двенадцать»? Только одних этих... господ хватило бы с головой!

Директор перевел дух и принялся шагать от койки до двери и обратно.

— Такой инструмент управления не должен оставаться в руках злоумышленников. Да вообще в чьих-либо частных руках. — Тут директор слегка замедлил бег и остро глянул на меня из-под излома брови.

Я понял, что в светлой директорской голове оформилась идея: в руках определенных государственных служб такой инструмент находится просто обязан. Эта мысль лежала на поверхности. Такие работы уже проводились, говорил Стацки, но исследования были признаны негуманными...

Патрон вновь возвышался над моей койкой:

— Мы должны его найти, Мартин! Именно мы, Агентство, и в ближайшее время, — директор слегка замялся, но ненадолго, — точнее, это сделаете вы. Как себя чувствуете? Я вижу, что неплохо. Некогда разлёживаться, оператор. Каждый потерянный день грозит

непредсказуемыми последствиями. Кто может знать, что в голове у этого маньяка? Быть может, прямо сейчас, пока мы с вами тут говорим, он задумывает какое-нибудь чудовищное злодеяние! Воздействие на первых лиц государства! Или уже претворяет свои низкие замыслы в жизнь...

При последних словах голос господина директора снизился до шепота. Несмотря на патетику, картина действительно получалась апокалипсическая. Чуть сбросив накал, патрон продолжил:

— Вопрос очень серьезный. Принимайтесь, оператор, немедленно. Любое содействие будет вам обеспечено: допуск к секретным архивам, при необходимости консультации любых специалистов. Самые широкие полномочия... Вот только у меня есть к вам просьба.

Ого! Господин директор, высокородный дворянин, обращается к штатному оператору, своему подчиненному, с просьбой?!

— Постарайтесь сделать всё это по возможности тихо. Тайников мы всегда успеем подключить, и вообще широкая огласка нам сейчас навредит. Слишком нестандартная ситуация. Поэтому пусть о наших выводах будем знать пока только мы с вами. Вот когда появятся результаты, подумаем, как эффективнее пресечь деятельность опасного чудотворца. И все новости о маньяке сообщайте мне в первую очередь...

Как видно, господин директор не чурается венца спасителя отечества. Он желает заполучить метод и разработчика, чтобы потом передать их скопом высокопоставленному покровителю. Эту персону Аусбиндер выберет сам, и его заслуги не будут забыты. А мне предстоит таскать для него каштаны из огня.

И сейчас он одной рукой выдает мне карт-бланш, а другой, в то же самое время, ограничивает мои возможности. Старый хитрец! Прежде чем делить шкуру медведя, надо бы ее сначала добыть! А что может произойти во время охоты, пока неизвестно.

Но моего мнения, похоже, не спрашивают. Всё уже решено, и если надо будет, господин Аусбиндер заручится любым, самым высоким покровительством. Я грустно молчу в ответ.

Тут дверь отворилась. К тому времени я уже сидел в постели. Заботливые сестры госпиталя Святой Барбары нарядили меня в длинную холщовую рубаху, но при появлении Евы Марии я испытал легкое смущение.

Быстрым шагом женщина приблизилась к кровати:

— Боже праведный, я уже всё знаю! Главное, что вы живы, Мартин! — Она заметила или сделала вид, что только сейчас заметила директора, и слегка замялась. Выдержала эффектную паузу. Мною овладевало чувство, будто я на подмостках — участвую в отлично срежиссированном и отрепетированном представлении.

— Хорошо, что вы пришли, Ева Мария, — протянул патрон. — Мы как раз обсуждаем с оператором Мартином будущую стратегию. Совершенно необходимо, чтобы в деле участвовали и вы. Сейчас я оставлю вас вдвоем: обсудите всё и выработайте совместную тактику.

С этими словами он обернулся ко мне, а я перехватил взгляд из-под пушистых ресниц, что метнула госпожа эксперт в господина директора. Не хотел бы я, чтоб на меня когда-нибудь так посмотрели!

Но тот ничего не заметил, сухо проронил:

— Уже сегодня надеюсь увидеть составленный план действий, оператор.

И с тем степенно удалился, бросив на прощанье взгляд поверх голов. Туда, где одному ему был виден результат наших будущих усилий.

Вот так! Обсуждать стратегию оператор Мартин будет с господином директором, а с вами, госпожа эксперт, только тактику. Ну, аристократы! Высший пилотаж!

Я посмотрел на Еву — презрительная усмешка превратила нежное личико в холодный отталкивающий лик. Но лишь на миг — дворянка быстро взяла себя в руки. Прикусила губку, усмехнулась и встретилась со мной глазами.

Этот чудесный табачный цвет начинает действовать на меня прямо-таки гипнотически. Не к ночи будь помянуто сие славное действо. Пусть высокородные играют в свои игры, мне до этого нет дела. Но вот за такой взгляд Евы я могу отдать многое...

— Вам придется теперь всё рассказать мне, Мартин, — мягко проворковала она.

Я смотрел на нее и думал: сколько во всем этом игры и сколько искреннего чувства? Я вам всем сейчас нужен, это понятно. Понятно и то, что господин директор посчитал достаточным отдать приказ. А что ты, Ева, готова пообещать? А подарить?

Пришлось всё рассказать снова. Она внимательно слушала, в ее глазах появился азартный блеск.

— Что ж, Аусбиндер благословил наш тандем, значит, так тому и быть. Я надеюсь на вас, Зрячий. Любая помощь с моей стороны гарантирована — только скажите, что нужно сделать. Мы должны найти этого парня, Мартин! Найти и препроводить тепленьким в Агентство. И тогда, я вам обещаю, наши имена прозвучат в самых высоких сферах. И прозвучат очень благоприятно.

О том, что предприятие может оказаться опасным, господа аристократы, похоже, не думали. То, что рисковать своей шкурой буду я, тоже никого не интересовало. Мне стало грустно, и Ева Мария это уловила.

— Послушайте, Мартин, — она придвинулась ближе, положила руку на плечо, и глаза ее вновь наполнило участие. — Я понимаю, вы порядочно пережили вчера. Может даже, были на волосок от смерти. Бедняга Корг так и вовсе ушел в мир иной. Но сделанного не воротишь, а нам надо двигаться вперед. Сейчас отдохайте, набирайтесь сил, я распоряжусь, чтобы уход был по высшему разряду. Только долго лежать нет возможности, время играет против нас.

Вот так, всё во множественном числе, объединяющее...

От нее шел дивный запах каких-то дорогих духов, очень женский, и я впервые подумал, что, может быть, Ева Мария не такая уж гордячка. И совсем не стерва, а просто стремится завоевать положение, достойное себя. И если я смогу ей помочь, то обязательно помогу. А попутно, может быть, спасу мир. Благо, не я первый и, наверное, — не последний.

* * *

Все произошло так, как обещала госпожа эксперт. Врач настоятельно рекомендовал остаться еще в течение нескольких дней (вам просто необходим покой!), попенял мне за мою нетерпеливость, но потом отпустил с богом. Меня накормили сытным и вкусным обедом, вернули вычищенную одежду, дали на дорогу пузырек с коричневой жидкостью (хотя бы принимайте лекарство, это вас поддержит), о котором я сразу же постарался забыть, и на госпитальной карете отправили в Агентство.

Несколько часов я составлял схему возможных направлений поиска и план действий. Окончательно утомившись, решил, что пора сходить на веранду — испить кофею с булочкой, пообщаться с коллегами, если таковые там найдутся.

Близился вечер, всё было как вчера. Тогда я вышел из директорского кабинета и направился на встречу с Коргом, закончившуюся столь трагически. Точно так же лучи заходящего солнца окрашивали ступени лестницы резкими багровыми мазками и сгушался по углам таинственный сумрак. И отражались на перилах, отполированных тысячами ладоней, загадочные алые блики.

Так же пружинил мягкий ковер под ногами и из приемной доносились негромкие голоса. На какой-то миг мне показалось, что ничего не было — операционной, злосчастной процедуры, Корга и задания директора.

Увы, всё это было.

На третьем этаже сидят два человека, ожидающих от меня быстрых результатов, и по крайней мере одному из них я хочу доставить эту радость.

Где-то ходит другой человек, задумавший превратить наш мир в театр, где он будет главным кукловодом.

Умер оператор, и этого не изменить, но очень хочется верить, что не по моей вине. Только кто может знать это наверняка? И если всё-таки я повинен в смерти Корга — хоть краешком! даже по неведению! — то я в неоплатном долгу. И отдать этот долг можно, только преградив путь преступнику. Тому, кто метит в кукловоды.

Наконец, я сам не желаю быть куклой. Если сегодня ничего не предпринять, не остановить злоумышленника — а в его злом умысле сомневаться не приходится, — то завтра все мы можем превратиться в покорных бессловесных рабов. А я — не раб!

Мысли эти крутились в голове безостановочно, и с каждым шагом решимость моя продолжать поиск крепла. Я шел будто не на веранду — выпить чаю, — а в бой! Будто там мог ждать меня противник. После вчерашних событий, после смерти моего товарища — такого же, как я, оператора, сироты и честного человека — я чувствовал, что неизвестный маньяк становится моим личным врагом.

На веранду я не вошел, а ворвался, полный боевого задора. Но противника там не оказалось — за столом в полном одиночестве восседал Стацки. Перед ним в крошечной чашечке кофе — давно остывший, в углу рта зажат неизменный окурок сигары — давно погасший. Может быть, чашечка наполнена совсем не кофе, а содержимым знаменитой серебряной фляжки Стефана.

Он уставился на меня из-под отяжелевших век, в глазах плавали шальные огоньки. Губы кривила пьяная усмешка. Таким я Стацки видел впервые. Он мог позволить себе чуть-чуть коньяку, но оставался всегда в рамках приличий.

— Наше вам с кисточкой, Зрячий, — ухмыльнулся ветеран. — Как продвигается расследование преступлений против Агентства?

— Здравствуйте, Стефан, — выдохнул я вместе с воздухом боевой задор и присел. — Вы о чем?

Он полностью в курсе событий? Как же насчет секретов, нежелательного подключения тайников и прочей конспирации? Допустим, Стацки пытались привлечь к вопросу, и он знает о проблеме, хоть и отказался участвовать. Однако у меня сложилось впечатление, что ему известен и результат вчерашней процедуры.

Стацки оперся, почти лег на стол и уставил в меня прокуренные пальцы с зажатым окурком:

— Бросьте, Мартин, — нараспев протянул он. — Вначале администрация с экспертизой ищут кого-либо, кто возьмется разобраться с бедолагой оператором, попавшим впросак.

Потом означенный бедолага неожиданно умирает от острого сердечного приступа. А заодно в госпиталь попадает тот, кто с ним работал. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы связать одно с другим.

Так и есть, его тоже приглашали на беседу, предлагали, а он...

— Почему вы отказались, Стефан?

— Потому что я уже играл в эти игры.

Стацки откинулся на спинку стула, на столе осталась лишь рука с забытым окурком. Он уставился куда-то в угол, веки прикрыли налитые мутью глаза, но голос прозвучал неожиданно трезво и внятно:

— Я говорил вам, что тема управления поведением людей уже разрабатывалась. Давно это было... Нам тогда поставили вопрос — как работать с информацией, как строить линии судьбы, чтобы человек поступал определенным образом? Можно ли через информационное воздействие запрограммировать отдельного человека, а еще лучше — группу людей на определенные поступки?

Стефан невесело улыбнулся воспоминаниям.

— Мы были молоды... Хотелось интересных сложных задач, неожиданных ярких решений. Хотелось славы, хоть бы и в пределах собственного Агентства. Из нас, тогда еще начинающих сенсов, сформировали группу. Четыре человека получили одну и ту же задачу: провести процедуру и завершить ее финтом так, чтобы клиент потом выполнил некие заранее оговоренные действия. Например, пошел и купил в ларьке коробку определенных папирос. Кто были эти испытуемые, я не знаю — от нас это скрывали, да мы и не интересовались...

Он помолчал.

— Все четверо уже имели опыт работы. Обладали своими методами, отработанным финтом, но результата никто получить не смог. Объект никогда не выполнял задание полностью, всегда что-то путал. Потом двое отошли от программы, заявив, что задача не имеет решения и управление людьми невозможно в принципе. Но двое остались — я и Ворон...

До этого момента я молча слушал, не пропуская ни слова, но тут встрепенулся:

— Как вы сказали, Ворон?

— Да, Ворон, — задумчиво повторил Стацки. — Так мы его называли. Кроме прозвища мы ничего про этого человека не знали... Он был талантлив, Мартин. По-настоящему талантлив. Он говорил, что танец, любовь и бой есть один и тот же процесс, проявленный в разных своих ипостасях. Все три действия — грани единого целого, а целое это поворачивается к нам той стороной, которую мы в состоянии воспринять. Отсюда танцевальные па могут походить на движения во время любовного соития. Любовь сродни завоеванию, схватке между мужчиной и женщиной. И, наконец, бой должен выглядеть со стороны как танец. И любая из этих граней — прямой путь к информационным структурам. И не просто к структурам, а туда, где нет различия между причиной и следствием. Где действительно зарождаются все происходящие в реальности события.

Стацки потянул из кармана заветную флягу, жестом предложил мне, и я так же жестом отказался. Я сейчас жаждал не коньяка, а продолжения рассказа. Стацки хлебнул из фляги, пожевал губами, и я не выдержал:

— Что же было потом, Стефан?

— Потом... А потом произошли мутные события, Мартин. Ворон увлекался

фехтованием. Встречался с такими же любителями поножовщины, как и он сам, — был у них свой клуб по интересам. Пропадал там целыми днями. Часами мог рассказывать о холодном оружии: кинжалах, мечах, рапирах. Он не устал повторять, что фехтование есть бой, совмещенный с танцем, почти готовый мостик к решению нашей задачи.

— Он добился успехов? — с замиранием сердца спросил я.

— Как сказать... Столь ярко, чтоб объект выполнил команды точно и в срок, такого результата он не получил. Но продвинулся дальше всех нас намного. Задания были простыми, объекты иногда путались, и всё же... Представьте себе человека, который в определенное время приходит в определенный дом, имея при себе мешок динамита. Поджигает фитиль и сосредоточенно ждет, когда прозвучит взрыв. Это не религиозный фанатик, не сумасшедший и не самоубийца. Это совершенно обычный, среднестатистический гражданин Республики. Конечно, задача была учебной, и динамит тоже, но я видел такое однажды собственными глазами. Реального воплощения подобные операции не получили, и всё же...

Оператор вновь замолчал, раскуривая сигару, но потом продолжил:

— А кстати, Мартин, Венера тоже знала Ворона. Она не входила в экспериментальную группу, но была с ним знакома через меня. Порой мы весело проводили время в кабачках и дансингах. Так вот, Венера слушала рассуждения Ворона, раскрыв рот, и, похоже, кое-что запомнила. А может, и применяет сегодня в работе. Ну да бог с ней, разговор сейчас не о том. Я тоже слушал своего товарища с неподдельным интересом, хотя мой финт лежит в совершенно иной плоскости. А потом, неожиданно, Ворон пропал. Говорили, что он убил человека на дуэли. Я знал, эти любители поножовщины в своем клубе практиковали такие вещи — биться до смерти одного из поединщиков. Естественно, полиция такого не одобряла. Но накануне что-то произошло в Агентстве, какая-то крупная неприятность, которую замяли. Сути никто не знал, но сразу три высших чиновника Главного управления подали в отставку. Без объяснения причин сменили директора регионального управления, который только набирал ход и имел, по мнению многих, большую служебную перспективу. Куда он подевался потом — никто не знает. Исчез и Ворон. Следом закрыли тему, а мне приказали всё забыть, будто ничего и не было. Через два года я узнал, что человек, которого мы знали как Ворона, погиб при невыясненных обстоятельствах. Даже могила его есть на ведомственном кладбище Агентства, и я там был. На надгробии только псевдоним и дата смерти, тайна Ворона погребена вместе с ним.

Я глубоко задумался. Мне сразу припомнилась тень птицы, преследовавшая меня, те странные звуки и звон, что слышались во время изменения вектора. Но главное, теперь я знал, что кто-то уже прошел этим путем, добился реальных результатов. Знал, что изменение линии судьбы, а следовательно, и поведения человека возможно. Значит, всё виденное не горячечный бред, не плод моей больной фантазии...

— Знаете, почему я вам всё это рассказал, Мартин? — Я вздрогнул от голоса Стефана, от прикосновения его руки к своему плечу.

Теперь я смотрел ему в глаза, и никакой пьяной мути в них не было.

— Вы единственный, кто может повторить путь Ворона. Уж не взыщите, все мы знаем друг о друге многое, и я знаком с вашим финтом. Танец с клинком — это почти прямое воплощение его идей. Немного иное, но очень близкое. Я любил Ворона, этот человек был мне другом, но незадолго до исчезновения он начал бредить своим величием. Грезил мировым господством и временами становился по-настоящему опасным. Сдается мне, что

сегодня старая забытая идея вновь приобретает актуальность. Не удивляйтесь тому, откуда я это знаю, слишком долго я в системе... Одно хочу сказать: если кто-то сегодня вновь вышел на тропу Ворона, да хоть бы и он сам, восстав из Ада, его надо остановить. Нельзя выпускать в мир такой метод, мир к нему не готов. Обязательно найдется деятель, который захочет переделать жизнь так, как ему это покажется правильным. Вот тогда и наступит конец света...

Мы смотрели друг на друга и думали об одном и том же — как найти и остановить маньяка?

— Если мне потребуется помощь, вы мне поможете, Зрячий? — спросил я Стефана.

— Да, Зрячий, всем, чем смогу, — ответил он.

ЧАСТЬ 2. ТЕМНЫЕ ГОРИЗОНТЫ

Глава 1

Сегодня утром я изменил своему обычному маршруту. Похоже, теперь многое предстоит менять в жизни, и порой кажется, что я живу уже в какой-то новой эпохе, другом времени, а может быть, и в ином измерении. Человечество стоит на пороге грандиозных событий, но никто об этом пока не знает и даже не догадывается.

Все так же лениво течет время в узких улочках Предместья, старенькая конка исправно везет пассажиров, и у поляка не переводятся папиросы моего любимого сорта. В пивной «Пена» подают свежих раков, размерами напоминающих сказочных подводных чудовищ, и, может быть, именно сейчас легендарный налетчик Лорд Железный Коготь сдувает с хмельного напитка летучую белую пену...

Вчерашний день, невероятно длинный, закончился относительно спокойно. Я составил-таки план действий и предъявил его господину директору. Патрон воспринял мои труды благосклонно, и теперь мне предстояло выполнить первый пункт — повидаться с Наставником.

Стать оператором можно по-разному, но чаще всего в АСА попадают со школьной скамьи. В современных школах предусмотрены группы детских психологов, исследующих психику ребенка: этапы взросления, адаптацию к новым условиям, усвоение знаний и сопротивляемость к нагрузкам. И мало кто знает, что почти все эти психологи являются штатными или хотя бы внештатными сотрудниками Академии Прикладных Знаний.

Количество психологов может быть разным и зависит от статуса учебного заведения. В престижном колледже для дворян такой специалист, как правило, один на класс, дюжину учеников, и действительно имеет не только диплом Академии, но и немалую практику в АСА, а порой и научную степень. В бедняцких районах это один, редко два человека на всю школу, ничем особенным во время учебы не отличившиеся. Они не тратят много времени на изучение детской психики, зато внимательно следят за пополнением рядов будущих операторов.

Проходя по школьному коридору, лавируя среди мельтешащей детворы и раскланиваясь с господами учителями, вы сразу и без труда определите психологов. Это сплошь мужчины, все как на подбор невысокого роста, в неброской одежде, невзрачной внешности, но с мягкими манерами и улыбчивыми лицами. Они часто и охотно кланяются, никому не перечат и никогда не конфликтуют.

В то же время психологи чаще учителей встречаются с детьми: с младшими играют, со старшими беседуют, находят общий язык, даже дружат и ищут, выявляют, отсеивают из

общей массы детей с повышенным чувственным фоном. У них есть критерии, которые позволяют точно определить у ребенка сенситивные возможности, и даже шкала, способная ранжировать выраженность этих возможностей.

Все это я узнал много позже, будучи уже курсантом Академии, а в приютской школе у нас был господин Батлинг. Я хорошо помню его лисью мордочку и вкрадчивый тихий голос. То ли квалификация Батлинга оставляла желать лучшего, то ли находить юные дарования действительно непросто, но никаких способностей школьный психолог у меня не определил.

Судьба ребенка, взятого на заметку, тоже может быть разной. В любом случае об этом сообщается родителям. Аристократы могут в будущем выбирать — стоит ли их чаду связывать свою жизнь с Агентством. Такой выбор делают очень немногие, и высокородных операторов в нашей системе единицы. Гораздо чаще титулованную особу, как и в нашем отделе, можно встретить в рядах администрации или экспертов.

Из людей простого сословия многие соглашаются отдать детей в обучение. Почета и уважения тут не заработаешь: люди операторов недолгобливают, и сенсы чаще ведут замкнутый, уединенный образ жизни. Но вот обеспечены сотрудники АСА очень неплохо и получают по выслуге лет хорошую пенсию. Это привлекает многих, и дети из бедных семей часто попадают на учебную скамью.

Пример — Жан Клод и Яков Патока. Оба оказались в Академии в пятнадцать лет. Жан Клод почти год как работает после пятилетнего обучения и стажировки. Патока стажирется после трех лет учебы. Срок обучения у всех разный, и определяет его только Наставник. Чем короче срок, тем способнее ученик. Если исходить только из этого критерия, Патоку ждет успешная карьера.

Из приютов пополнять ряды курсантов еще проще. Там брать согласие не у кого, сообщать некому, ребенка сразу переправляют в специальный лагерь и после короткого карантина приставляют к нему Наставника. Вырастают операторы, которые до поры даже не догадываются, что могли бы стать учителями, военными или дворниками. Впрочем, учитывая невеселую статистику, согласно которой большинство приютских пополняют собой банды Капиталлы, можно считать способности этих детей истинно даром божьим.

Со мной всё получилось не так. Родителей я не знал, сколько помню себя, отца с матерью заменяли воспитатели приюта Святого Мартина. Отсюда и имя, в нашем приюте Мартинами звали больше половины мальчишек. Воспитатели были не грубыми, били редко и еду у воспитуемых не воровали, что случалось довольно часто в других приютах. Так что грех жаловаться мне на тяжелое детство.

Рос как многие другие мальчишки: не хныкал, не просил и не очень верил окружающим людям. Как все учился в приютской школе, проскочил мимо недреманного ока господина Батлинга и в пятнадцать лет получил путевку во взрослую жизнь — направление на Биржу труда, которое до поры должно было заменить мне паспорт, а в придачу казначейский билет в пять крон. Но воспользоваться этой путевкой мне не довелось.

Так случилось, что, покинув гостеприимные стены приюта, давшего мне свое имя, по пути на Биржу я заметил уличных картежников. Двое мальчишек моего примерно возраста сидели около Рынка и катали зевак в блек-джек. Один метал карты, второй собирал деньги. Ощущая в кармане приятное похрустывание ассигнации, я подошел и стал наблюдать за игрой.

Надо сказать, что в то время я считал себя опытным картежником. В приюте развлечений было крайне мало, и все сверстники увлекались игрой в карты и кости, но блек-

джек стал для меня новостью. Достаточно быстро разобравшись в стиле и манере игры, я решил попытаться счастья.

Как всегда это бывает, вначале мне дали несколько раз выиграть, а потом незаметно вытянули все деньги — и выигранные, и собственные. Попытка восстановить справедливость привела к тому, что мальчишки брызнули в разные стороны, и я рванул за одним из них. Как забежал на задние дворы Рынка, в тупик, в пылу погони я не заметил. Малолетний картежник юркнул в какую-то малоприметную щель, а я в тот же миг получил такой удар по голове сзади, что свет в глазах померк.

Очнулся я с сильнейшей головной болью и изматывающей тошнотой. Первое время видел перед собой только смутные силуэты, слышал отдаленный непонятный говор. Потом к моим ощущениям прибавилось мерное покачивание, и лишь спустя несколько дней я разобрался, что нахожусь в цыганской кибитке. Дядюшка Марло был самым настоящим цыганом. Он подобрал меня, оглушенного, с разбитой головой, без денег и вещей, и принес в свой табор. Маленькую котомочку со скудным скарбом, что дали мне в приюте, уличные шулеры забрали, исчезло и направление, единственный мой документ в то время.

Цыгане не были редкостью в Республике, они кочевали по просторам страны, как и сотню, и две сотни лет назад. Занимались извечным своим промыслом — воровали лошадей, торговали контрабандой, женщины гадали, а дети таскали кошельки из карманов на ярмарках.

Повезло мне или нет, что табор проходил тогда через Капиталлу? Наверное, повезло, во всяком случае, я об этом никогда впоследствии не пожалел. Не говоря уже о том, что дядюшка Марло и его племянница Мера спасли мне жизнь. Они выходили меня, отпоили отварами трав, секрет которых известен только старым цыганкам, и приняли в свою дружную семью. Да и куда я мог пойти без денег и документов? Даже обратно в приют меня бы уже не взяли...

И начался незабываемый период моей жизни, самый яркий и авантюрный. Табор кочевал по всей Республике. На юге мы крали лошадей, на востоке выступали на ярмарках, на севере принимали у контрабандистов товар и везли нехоженными тропами, через горы, на юг. А там вновь крали лошадей...

В таборе меня научили танцам, жарким, как объятия цыганки, и пылким, как сердце молодого ромала. Там я познакомился и подружился с длинным, хищно изогнутым ножом. Цыгане показали, как в танце рождается движение, неожиданное и неуловимое, которое становится последним, что увидит враг в своей жизни.

Дядюшка Марло относился ко мне как к сыну. Мера лишила меня девственности в неполные семнадцать лет. «Это тоже надо знать и уметь, золотой мой...» — сказала она тогда. Три прекрасных года, наполненных ветром, риском и волей, я провел в таборе, три незабываемых года, пока однажды полиция не устроила на цыган облаву.

Конные жандармы загоняли нас, как опытные охотники лисиц. Место было выбрано с умом — голая степь под одним из южных городков, по которой нас беспощадно гнали, настигали, убивали, пленили... Спасти не смог никто.

Но дядюшка Марло остался верен себе. Он показал полицейским, что я — захваченный гражданин Республики, за которого цыгане хотели получить выкуп. Что к бродячему племени я никакого отношения не имею. А может, и приплатил кому следовало. Так или иначе, всех уцелевших цыган, Мэру и дядюшку Марло с простреленным плечом погнали в крепость Вюрт, а меня отпустили на все четыре стороны.

Я остался один, никому не нужный, всеми презираемый. Жандармы выдали справку, записанную с моих слов, но с такой справкой ни один фермер не хотел брать на работу. Всюду меня гнали как нищелюба и попрошайку. Неизвестно, чем закончились бы мои скитания, если бы не прибил я к бродячему цирку, дававшему представления на площадях небольших городков. Три года колесил с маленькой труппой по стране, выступал акробатом и фокусником. Точнее, фокусником был старина Росс, а я ассистировал. Трюк назывался «Зрящий в ночи» и заключался в том, что мой напарник угадывал предметы на расстоянии с завязанными глазами.

Росс становился на площади спиной к толпе. Я завязывал ему глаза полоской плотной ткани и просил зрителей разместить на небольшом, специально приготовленном столике какую-либо мелочь.

Что может быть у горожан при себе в ярмарочный день? Складной нож, гребень, пояс, что-то из фруктов. Потом вызывался доброволец. Под замирение толпы он поднимал любой предмет со стола. Напарник начинал шумно дышать, делать руками замысловатые пасы, всеми силами обозначая завязанного ясновидающего, и, конечно, называл предмет. Толпа ревела...

Предвидеть нехитрый набор вещей несложно, и трюк был незамысловатым: простыми, обговоренными заранее условными знаками я сигнализировал Россу о том, что ему в данный момент показывают. Вот и всё.

И всё бы хорошо, пока однажды мы не попали в захудалый городишко Тирсенброн. Публика там собралась на редкость вредная, восторгаться нашим искусством не торопилась, наоборот, норовила подловить на обмане и изобличить в шарлатанстве.

Для начала на стол легло золотое кольцо. Обычно дорогие вещи выкладывать опасались — кто их знает, этих заезжих чародеев! Потом местный полицмейстер, присутствующий на представлении и поглядывающий на нас с большим подозрением, достал свой большой черный пистолет. Мы выкручивались, как могли, но когда на столе появился микроскоп, принесенный в пылу азарта местным учителем...

Вещь, в сельской местности невиданная и, конечно, нами не предусмотренная. Я уже был готов к тому, что сейчас нас с Россом под ликующий рев толпы поведут в местную кутузку. Из последних сил я напрягся, пытаюсь сообразить, как подать знак партнеру, как выбраться из провального положения.

И в этот миг вдруг увидел изумрудную паутину силовых линий, опорные точки и стрелу вектора. Тогда я не знал всех этих названий, не представлял, с чем имею дело, но в отчаянии послал неведомому рубиновому лучу образ глаза! И напарник воспринял его каким-то чудом! «Глаз! — заголосил тогда он. — Волшебный глаз сейчас на столе!» Публика остолбенела, тем более что многие этот диковинный прибор именно так и называли...

С тех пор наш стиль работы изменился. Мы больше не обговаривали систему условных знаков. В нужный момент я находил благодатную паутинку, улавливал направление рубиновой стрелки и посылал по ней образ предмета. Фокус стал более изощренным и теперь пользовался у нашей непритязательной публики небывалым успехом.

Так длилось до тех пор, пока цирк не заехал в Капиталлу. Я опять оказался в родных пенатах, хотя выступали мы в Предместье, но мне всё равно была приятна встреча с городом моего детства. Именно здесь после очередного выступления ко мне неожиданно подошел человек, внешностью очень напоминавший господина Батлинга.

— Ну-ка, сынок, расскажи поподробнее, как ты это делаешь, — ласково обратился он ко

мне.

Тем же вечером за мной приехала карета с темными занавесками на окнах. Больше бродячего цирка я никогда не видел, для меня началась новая жизнь.

* * *

Сентиментальное путешествие я проделал вчера вечером в родной мансарде, с кружкой охлажденного пунша в руке. Его я приготавливаю по старинному пиратскому рецепту, вычитанному как-то в древней книге: крепкий ямайский ром, сухое красное вино, мед, сахар, ананасовый сок и немного специй. Тут главное — соблюсти пропорции, и у меня есть собственная формула. Вкус и крепость напитка просто восхитительны! Я прихлебывал из кружки, вспоминал свою жизнь и одновременно продумывал схему беседы с Наставником. Именно так мы их называли — людей, открывших для нас мир информационных взаимосвязей.

И вот я стою перед неброским зданием с вывеской «Академия Прикладных Знаний». Привлекать внимание здесь никто не стремится, и здание расположено под боком Университета Естественных Наук.

Этот старейшина учебных заведений страны выглядит основательно и тяжеловесно. Помпезное крыльцо главного корпуса — крылатые львы у подножья длинного ряда мраморных ступеней, портик с величественной колоннадой, золотые метровые буквы над входом сообщают миру, что здесь, собственно, расположено.

По всей территории разбросаны учебные корпуса. Меж ними по выложенным брусчаткой аллеям бегут студенты в мантиях, окликают друг друга, смеются. Неторопливо шествуют преподаватели в старинных напудренных париках, ведут неспешные беседы, чинно раскланиваются со студентами. Кажется, попадаешь в прошлый век...

А вот на задворках, за столярной мастерской, у заброшенной рощицы приютилась Академия. Здесь нет просторных лекционных залов, многолюдных аудиторий и учебных классов, увешанных наглядными пособиями. Не слоняются толпы студентов, не слышно веселых молодых голосов и смеха. Тишина и запустение. Одноэтажный домик хитро щурится на соседа-гиганта подслеповатыми окнами.

И это лишь верхушка айсберга. Подобно ледяной горе, здание уходит на многие уровни под землю. На каждом — уединенные кабинеты Наставников, которые занимаются с двумя-тремя курсантами по индивидуальной программе. Мы почти не встречались друг с другом, лишь раз в год, на выпуске можно было увидеть братьев по *alumni* в лицо.

Много позже, когда я стал оператором, мне не раз приходило в голову, что Академия, по сути, была моделью моей будущей жизни. Внешняя невзрачность, незначительность и мнимая простота нашей учебы сочетались с ярким и напряженным внутренним содержанием занятий. Картина мира, приоткрытая мне Наставником, манила и притягивала, а способность рукотворно изменять чужую судьбу пьянила сильнее всякого вина.

И подземные кабинеты, и старенькое, нуждающееся в ремонте здание как бы приучали нас, курсантов, к мысли — всё самое главное будет происходить в глубине, в тишине и уединении этого нового мира. Но всё это стоит много дороже, чем призрачная мишура и фальшивая позолота снаружи. Так куда же мне было идти в первую очередь, как не сюда?..

На входе охранник, похожий на нашего Столба, но не такой добродушный. Увидев удостоверение оператора, он вежливо интересуется целью визита, и я сообщаю трехзначное

число. Это номер, который пожизненно принадлежит моему Наставнику, и знают его очень немногие. В любое время, назвав число как пароль, я могу потребовать аудиенции с мэтром.

Охраннику цифра ничего не говорит, но по заведенному порядку он должен сообщить ее ответственному дежурному. И тут происходит неожиданное. Важно кивнув, охранник снимает со стены странное приспособление — некий раструб на короткой ручке, крутит рычаг и, к моему непомерному изумлению, говорит в раструб номер Наставника и мое поименование. Затем слышится треск, шипение, и голос собеседника отвечает, мол, пропустить, и называет знакомый мне номер кабинета.

Так вот ты какой — дальнотелефон! Еще его называют телефон. В последний мой визит здесь использовали вестового. Быстро же ориентируются в Академии, даром что снаружи домик неказист и явно требует ремонта. Действительно, техника развивается семимильными шагами.

Итак, Наставник на месте. Миновав проходную, я сталкиваюсь с новым сюрпризом. Вместо знакомой лестницы, ступени которой я исходил много раз, меня ожидает кабина лифта. Еще один вооруженный охранник гостеприимно распахивает передо мной металлическую дверь. Одно нажатие кнопки, и кабина начинает плавно спускаться под мерное жужжание мотора.

Нельзя сказать, что я не видел паровых лифтов ранее — громоздкие медлительные сооружения, требующие очень много свободного пространства, — но этот был явно на электрической тяге. Компактный и быстрый. Право же, сколько изменений за какой-то год, что я здесь не был!

Спустившись с помощью чуда технического прогресса на третий уровень, я прохожу в знакомый кабинет. А вот тут ничего не меняется.

Необъятный рабочий стол, заваленный бумагами, книгами в кожаных переплетах, старинными свитками. Вряд ли сам хозяин разбирается во всем этом. Бездонное кресло, сейчас пустое, способное поглотить троих человек моей комплекции.

А рядом — маленький изящный столик для кофе со спиртовкой и всем необходимым. Стулья на гнутых ножках, атласные пуфики. Вдоль дальней стены — книжный стеллаж под самый потолок, а все остальные стены покрыты масками африканских колдунов, асsegаями, старинными картами, зодиакальными таблицами и руническими текстами.

Электрические светильники освещают весь этот творческий бедлам.

Хозяин кабинета встречает меня на входе. Внешность Наставника полностью соответствует представлению сторонних людей о ненормальном профессоре, оторванном от жизни и витающем в эмпиреях неких загадочных исследований.

Блестящая лысина бильярдным шаром торчит из венчика легких как пух, совершенно седых волос. Розовые щеки и неизменная чуть виноватая улыбка. Голубые глаза радушно и слегка рассеянно смотрят на вас через круглое пенсне с треснувшей дужкой. Старомодный потертый сюртук, мягкие туфли и прямая английская трубка в руке дополняют впечатление простоты и благодушия.

Но меня всем этим не обмануть. Я-то знаю, что всё это — маскировка, отвлекающий маневр, хорошо продуманный образ. За броским антуражем скрывается умный и хваткий профессионал, знаток своего дела, подготовивший не одну сотню операторов. И мишура на стенах тоже для дураков — или для высокого начальства, которое Наставник никогда в грош не ставил и которое никогда не откажется от его услуг. Слишком высок уровень — такими специалистами не разбрасываются.

— Мартин, дружок, как я рад! — Наставник счастлив, глаза его излучают восторг, точно состоялась долгожданная встреча старых друзей. — Чай, кофе, может, рюмочку выдержанного коньяку? У меня есть отменный напиток...

— Здравствуйте, Учитель, — отвечаю я, поддерживая игру. — Спиртное на работе нельзя, и вы это знаете, а от кофе не откажусь.

— Ну да, ну да, — причитает Наставник. — Конечно, ты же на службе. Вы, операторы, всегда на работе. Безусловно — а кто же еще сможет охранить интересы наших соотечественников?

Этот человек ведет беседу только так, как сам считает нужным. Размешивает крупички полезной информации в потоке пустых слов.

Болтая необязательную ерунду, он молот кофе, потом, помешивая, варил его на спиртовке, а когда показалась шапка светлой пены — разлил в крошечные чашечки старинной работы. По комнате поплыл густой благородный аромат, Наставник, наивно улыбаясь, ждал, когда я перейду к цели визита.

Отхлебнув обжигающего кофе, я задал первый вопрос из числа тех, ради которых пришел:

— Учитель, вы стояли у истоков Агентства. То, что сегодня называют «социальной адаптацией», рождалось и развивалось у вас на глазах. Скажите, удачно выдать замуж дочь мелкого чиновника или помочь ее братцу выгодно повернуть очередную сделку — это действительно наша первейшая и ответственнейшая задача перед обществом?

— Конечно, дружок, и это широко известно! Общество всеобщего благоденствия — вот наша конечная цель! Агентство — один из столпов будущего мира свободных и равных людей...

— А если без агитационной шелухи, Учитель? Тайники охотятся за врагами государства, заговорщиками и прочим крамольным народцем, а мы? Куем в тиши своих операционных маленькие кусочки счастья для неудачников или?..

— Если без шелухи, Мартин, то скорее «или». А как ты думал, дружок, — кто родил АСА? Ты знаешь, чем занимался консультативный отдел? Прогноз тенденций развития общества, ни больше, ни меньше. Агентство — прямое продолжение упомянутого отдела. Ведь вы пишете отчеты, и наиподробнее.

— И они попадают на столы тайников...

— Они попадают в очень высокие кабинеты. Ну, не сами отчеты, конечно, а резюме. Выжимка из них...

— Пусть так, но одно дело — отслеживать тенденции, другое — влиять на жизнь общества. Так кто мы: исследовательская лаборатория Республики или действенное оружие власть имущих?

— А Тайная полиция — карающий меч или надежный щит Республики? Эти грани порой едва различимы, и вряд ли найдется человек, способный четко разграничить два лика единого. А операторы — недреманное око Республики! Не так ли, Зрячий?

— И двуединство предполагает использование целого и так, и этак? — не поддался я.

— Возможно, но мне об этом ничего не известно. Я всю жизнь работаю с молодежью, учу несмышленьшей, кую кадры... — Учитель благодушно улыбнулся.

— А я был способным учеником?

— Вне всяких сомнений, Мартин! Именно поэтому я не дергаю тебя часто на положенные встречи. Не беспокою, не отрываю от дел...

— Если мне дадут неожиданное и крайне непростое задание, вы поможете мне советом?

— Какие могут быть вопросы, дружок! всем, чем только смогу... А тебе дали такое задание?

— Да, Учитель. Мне поручили очень ответственную и... — я слегка замялся, — опасную работу.

— Не интригуй меня, Мартин. — Наставник ослепительно улыбнулся. — Что же это?

— Принудительное построение вектора и навязанное поведение, — негромко сказал я.

Наставник продолжал улыбаться, но улыбка утратила всю свою лучезарность, а через миг взгляд стал холодным и острым. Он потянулся за трубкой и начал набивать ее табаком.

— Слушаю тебя, оператор.

* * *

Синие клубы дыма крепкого трубочного табака поплыли по кабинету. С позволения хозяина я тоже достал папиросы.

— Ты действительно был очень способным мальчиком, — задумчиво произнес Учитель, попыхивая трубкой. — Учítывая, что поступил на обучение в двадцать один год...

— Когда мы с вами встретились, двадцати одного мне еще не исполнилось.

— Исполнилось вскоре после встречи... Оставь, Мартин, в такой дотошности сейчас нет необходимости.

— Вы сами учили меня точности.

— Это правда, но не перебивай меня. Так вот, всё равно это поздно. Обучение на сенса нужно начинать не позднее чем в пятнадцать-шестнадцать лет: лучше усвояемость, способности раскрываются полнее, не мешает жизненный опыт, называемый здравым смыслом. Скажу тебе по секрету, сейчас рассматривается возможность набирать детей более раннего возраста. Можно создавать интернаты и ковать кадры не спеша, нацелившись на тонкую специализацию операторов. Ребенок верит в чудо. То, что взрослому приходится многократно объяснять и доказывать, в чем его надо убеждать, ребенок способен воспринять на уровне игры. Если он тебе верит, то примет и правила игры.

— И дети эти, конечно, будут из приютов? Где же еще можно безнаказанно набрать малолеток? — невесело усмехнулся я.

— Ну-ну, не принимай близко к сердцу, дружок. В конце концов, тебе лучше многих известно, что судьба оператора АСА не худшая доля для воспитанника приюта. Порой даже самое благоприятное из того, что может с ним случиться. Но это в проекте, а нынешняя система подразумевает возраст от тринадцати до пятнадцати. В среднем. Ты появился в моем классе гораздо позже, но я как-то сразу поверил в тебя. В жизни каждого учителя бывают такие моменты. Каждый из нас втайне мечтает о блестящем ученике, который перевернет мир. Пусть даже это будет мир информации.

Нечасто увидишь Наставника задумчиво-неторопливым, без всегдашнего напускного благодушия и притворной наивности. И это уже третья его ипостась. Я рассказал ему о Корге (которого он знал) — и увидел Учителя встревоженным. Передал рассказ Стацки — передо мной предстал Учитель удивленный. Поделился своими мыслями и выводами — и Наставник, задав несколько скупых вопросов, глубоко задумался.

Теперь он рассуждал вслух, вспоминал былое:

— Ты прошел базовый курс за два года и три месяца — рекордный срок для наставляемого. Никто быстрее не справлялся с этой задачей. Да к тому же имел уже почти готовый финт, что тоже редкость. Не зря я целый год гонял тебя в балетную школу, к старому пьянице Буше. А потом еще год на уроки фехтования к Маркизи, хоть ты и сердился на меня за это.

— Вы сразу предполагали для меня определенный финт? — поразился я.

— Нет, — покачал блестящей лысиной Наставник и поправил треснувшее пенсне. — Никто не может угадать финт оператора. Это не в силах даже самого лучшего Наставника. Но я видел, что тебе это нравится, это — твое. Цыгане постарались?

— Может быть, Учитель. Я и сейчас с нежностью вспоминаю табор...

— Прекрасно, дружок, прекрасно. Я рад, что мы с тобой не ошиблись. — все-таки «мы», старый хитрый лис. Но Учитель продолжал: — Ты говоришь, Ворон... Нет, я его не знал. В те времена еще не существовало института наставничества. Я занимался другими вопросами, операторы учились сами кто во что горазд. Были только кураторы от Тайной полиции, но тайники не лезли в профессиональные вопросы операторов. Лишь следили за секретностью и требовали результатов. Стачки за это их очень не любил...

Учитель улыбнулся каким-то своим воспоминаниям и раскурил потухшую трубку.

— Да, периодически молодежь привлекали к тем или иным проектам. Быть может, был и тот, о котором тебе поведал Стефан, но я об этом ничего не знаю. Сама идея принудительного построения вектора кажется мне абсурдной. Наши профессиональные знания отрицают подобную возможность. Но что интересно, в древних шаманических культах, ныне основательно забытых, бытовала легенда о некоем герое, сумевшем при помощи танца противостоять врагам. Дело было очень давно, во времена общинного строя. Его звали Элколкост. Это имя в нескольких фонетических вариантах встречается почти у всех древних племен, и везде говорится, что герой исполнял перед лицом врага некий танец под барабан. Точнее, под то, что сегодня мы назвали бы барабаном. После чего враги — будь то люди или животные, неважно — обращались в бегство. В архивах Музея древностей можно найти и другие интересные сказки. Например, о пастушке со свирелью. По преданию он с помощью музыки направлял стада овец в нужном направлении. Заставлял их спать, пить и есть, когда ему этого захочется. Всё как в наблюдательном лагере для будущих операторов АСА. Ты помнишь лагерь?

— Да, Учитель. Такое не забывается...

— Ну, полно, дружок. Вас, сопливых пацанов, там, конечно, немножечко обижали. Вернее, воспитывали, и для вашего же, заметь, блага. Мужской характер куется в горниле лишений, в преодолении судьбы. Только так! А вот пастушок считал по-другому. Он принимался играть на свирели, потом пританцовывать, потом и вовсе пускался в пляс, орудуя свирелью, как дирижерской палочкой. И овечки послушно следовали его воле. Всё это, конечно, сказки. Легенды об Элколкосте были записаны древними значками на сводах пещер. Их скопировали исследователи древностей, передали музею, а там попытались расшифровать. Как одни копировали, а другие расшифровывали — одному богу известно! Нет сегодня методов управления людьми без их на то воли, равно как и управления животными...

Я и сам пляшу с кинжалом в руке, подумалось мне под рассуждения Учителя. И получаю реальный результат. Кинжал в руке... Дирижерская палочка...

— Были в истории человечества и мрачные культы — кровопролития, жертвоприношения, прочие страшные вещи, — продолжал Наставник. — Но в наше просвещенное время они бы считались откровенным криминалом. Хотя, заметь, сейчас повальная мода на холодное оружие, исторические бои, ролевые игры. Повсеместно организуются клубы, общества, «кружки умелого драчуна». Люди куют мечи, сабли, кинжалы по забытым рецептам, или лжерецептам, не знаю. Или покупают старинное оружие, а может, подделки под старину. Изучают приемы боя, которыми пользовались наши далекие предки...

Он помолчал и вдруг оживился:

— Да, оружие! Заметь, Элколкост исполнял ритуальный танец, и ему этого хватало. Пастушок помогал себе дудочкой — для достижения желаемого ему понадобился некий инструмент. И Черный Рыцарь не мог обойтись без Астракса. С течением времени оружие приобретает первостепенное значение, и в более поздних сказаниях без чудо-меча уже никак. И сейчас еще можно услышать о легендарных клинках — носителях мистических свойств. Настойчивые поиски продолжаются...

Я слушал очень внимательно. Наставник был верен себе: в водопаде слов и извержении насмешек были сокрыты некие вешки, указатели возможных направлений поиска. Недопитый кофе в чашке давно остыл.

— В чем причина этого феномена? Может, собирая крупницы древней мудрости, отделяя зерна от плевел, можно отыскать возможность изменить собственную судьбу? А тогда и пробовать должны были, и безуспешно. Или судьбу других людей? Я во всё это не верю, но сегодня люди ищут чего-то подобного. Ведь по преданию Элколкост после победы вознесся в верхний мир. Начал водиться с духами, ему повиновались стихии. Образ древнего героя сейчас актуален как никогда. В какой-то мере это и наша заслуга, я имею в виду АСА. Мы подготовили сознание людей к тому, что мир информации не сказка, а реальность, доступная нашим операторам. Способный человек может замахнуться на высокие цели. Или низкие...

Наставник смотрел на меня с неподдельным интересом, а я не мог понять — или он продолжает рассуждать вслух, или вновь развлекается.

— И вот еще. Для применения некоторых знаний необходим совершенно преступный склад ума. Черный Рыцарь из сказок северных народов, завладев чудотворным мечом Астраксом, используя уникальные приемы боя, добился трона Ледяной Страны и руки принцессы. Но чего ему это стоило? Помнишь интересные подробности? Все в детстве читали подобное, думаю, ваш приют не составил исключения. — Я кивнул, а Наставник продолжал: — Рыцарь не пережил победу. Под ним рухнула крепостная стена в тот самый момент, когда он обходил свои владения, любуясь достигнутым. Камень не выдержал его веса, читай — тяжести грехов, скопившихся на плечах. Если бы вдруг кто-либо решился на завоевание трона, я бы рекомендовал ему перечитать старую сказку и задуматься о соблюдении баланса: добра и зла, побуждений и возможностей, воздействия и результата. На энергетическом уровне все эти банальные истины обнажаются и работают в буквальном смысле. Сдвинутый камень в горах может раздавить неопытного скалолаза, но если этого не происходит, значит, парень умел и предвидит, куда камни покатятся...

Учитель помолчал и вдруг добавил:

— За всё в этом мире надо платить, Зрячий. Это известно давно, но я не боюсь повториться. Разменной монетой здесь всегда была и будет человеческая кровь — вот

субстанция, не подверженная влиянию времени. Ее невозможно обесценить. Золото застит глаза людям приземленным, рвущимся к сиюминутным результатам. Знания — это капитал, который дает силу, но часто сам ею не является. Это скрытая энергия, высвобождает же ее кровь. К этому выводу пришли все известные мистики древности, и сейчас я хочу сказать тебе: если кто-то задумал большое дело — переделать мир или подмять его под себя, — ищи, где и чью кровь он проливает. Без этого полет превратится в падение...

Лицо Наставника, только что серьезное, даже суровое, вновь осветилось улыбкой:

— Еще кофе, дружок?

Я понял, что аудиенция закончена, и встал:

— Спасибо, Учитель, — поклонился и вышел.

* * *

Вновь иду мимо корпусов Университета, вокруг студенты в мантиях. В голове немного гудит, мысли прыгают как испуганные белки. Сейчас мне нужен тайм-аут — отдышаться, обдумать полученную информацию. За кофе и разговорами мы просидели с Наставником дольше, чем могло показаться, и время стремительно приближается к обеду.

Молодежь направляется к маленьким кафе, разбросанным тут и там по территории. Не мешает перекусить и мне, но сейчас всё заплотнили студенты, и я выбираю небольшой парк, в эти минуты совершенно пустой. Присев на крашенную скамеечку, вспоминаю нашу беседу.

Итак, что упомянул Учитель — древние легенды, поиски нового в хорошо забытом старом. Криминальные круги. Общества исторического фехтования... И вся эта каша густо приправлена пролитой кровью. М-да, задачка — надо бы тебе, оператор, почаще вспоминать о собственной шее...

Так что из этого следует? Горячая информация может лежать в архиве Музея древностей. Среди древних сказок и забытых легенд Наставник находил интересные, те, что прямо касаются моей темы. Иначе не рассказывал бы обо всех этих Элколкостах, пастушках и Черных Рыцарях. Он изучал материалы, и, значит, в сказаниях присутствует некое рациональное зерно. То, что он не имел никакого отношения к проектам АСА, пусть старый лис рассказывает кому-нибудь другому — не могли тайники обойти вниманием специалиста такого класса.

Наставник редко рассказывал о себе и всегда очень скупой: обмолвки, намеки, обрывки воспоминаний. Но даже из этих обрывков было понятно, что этот человек начал заниматься сенсами задолго до появления Агентства. Тем более что стройной структуры еще не имелось, Академии не существовало, он же сказал — учились сами, кто как мог. Кого же еще привлекать, как не его?

А направление было заманчивым, вот и прорабатывал ученый архивные материалы, искал аналогии, строил версии. Значит, и мне необходимо пройти этот путь или хотя бы часть его. Прочитать всё то, что читал когда-то он. Про пастушков, рыцарей и прочих сказочных и былинных героев. Благо в океане пыльных бумаг у меня найдется отличный лоцман...

Далее — криминал. Что имел в виду Наставник? Бандитам-то что за интерес в сложных методиках, как старых, так и новых? Заставлять служащих банков выносить деньги и отдавать грабителям в руки? Стоп, но именно это и произошло три месяца назад! Ева рассказывала: чиновник действительно передал деньги в руки преступника, а то, что не

напрямую, так это вопрос техники. Значит, нельзя сбрасывать со счетов и рыцарей с большой дороги, какой-то интерес могут иметь и они. Как теперь всё это узнавать? У кого? Запомним вопрос...

Наконец, общества исторического фехтования. Это уже интереснее. Я тоже когда-то посещал такое, но было это еще во время обучения, лет десять назад. Учитель фехтования Маркизи, которому сосватал меня Наставник, пытался привить мне классическую итальянскую школу шпажистов, а я тяготел к мечам и саблям.

Любители собирались в заброшенном спортивном комплексе, рядом со Стадионом. Сейчас, наверное, и нет уже такого. Удобств не было никаких: переодевались в кустах, после боев обливались водой из ведра, чтобы хоть немного освежиться. Всю амуницию мастерили сами из подручных материалов. Только оружие покупали — имена мастеров, что ковали мечи на заказ, сообщали друг другу под большим секретом. Но как было весело, сколько было энтузиазма!

Что творится в этой сфере сейчас? Среда благодатная... Если предположить, что обязательным условием методики является бой или хотя бы фехтование, то лучше места для проб и тренировок не найти. Значит, надо искать среди фехтовальщиков и ролевиков.

И опять кровь... Учитель сказал: методика обретает истинную силу, лишь когда обагрится человеческой кровью. Только в сатанинских культах приняты человеческие жертвоприношения, да и то не всегда. Чаще обходятся черной курицей или другими животными. Неужели от этого зависит сила воздействия? Укокошил курицу — получи послушного дворника, угробил дворника — приказывай полицмейстеру. Так, что ли?

Но тогда дело может принять очень серьезный оборот. Пока что я лишь наблюдаю за событиями. Конечно, если не считать эпизод с Коргом. Но там я сам был хорош — хвататься за линию судьбы, словно подвыпивший гуляка за фонарный столб! Однако может прийти время, когда всё это коснется меня напрямую и рассуждения о человеческой крови обретут совершенно иной смысл...

Еще раз — береги шею, оператор...

* * *

Я не сразу обратил внимание, что кто-то подошел и присел рядом на скамейку. Однако близость незнакомца начала меня беспокоить, и пришлось отвлечься от размышлений. Рядом, почти вплотную, с независимым видом — разве что не насвистывая популярный мотивчик — расположился господин очень занимательной наружности.

Даже сидя он был много выше меня, а уж стоя имел наверняка не менее двух метров росту. На широченных покатых плечах основательно укрепилась крупная голова, покрытая буйной растительностью: шевелюра русых волос, пышные усы, щегольски завитые кверху, и мохнатые бакенбарды. Нос картошкой и маленькие хитрые глазки придавали лицу выражение простоватое и плутовское.

Сильные руки с огромными, как пивные кружки, кулаками расслабленно лежали на коленях, перстень с крупным камнем вызывал ассоциации с фальшивыми бриллиантами, а тросточка у правой руки казалась игрушечной. Круглый живот уютно возлежал на брючном ремне. Котелок, явно не подходящий по размеру, чудом держался на макушке. Серый мешковатый сюртук с короткой жилеткой, поверх которой вызывающе сверкала массивная латунная цепочка, вышел из моды лет десять назад, как и узкие, явно коротковатые брючки.

Добавьте к этому наряду ярчайший, совершенно дикой расцветки галстук бантом, и вы, быть может, получите отдаленное представление об этом господине.

— Сударь? — невольно отодвинулся я.

— Не стоит беспокоиться, оператор Мартин, — добродушно прогудел он.

Ах, вот как! Не иначе как господа тайники появились на горизонте. Пока директор с Евой еще только опасаются их подключения, они уже тут как тут.

— Агент Серый, Отдел глубоких исследований Тайной полиции, — развеял последние сомнения тайник.

— Только вас и не хватало... — вырвалось у меня помимо воли. Мной овладела досада — «Отдел глубоких исследований», придумают же такое! И что этот агент собрался глубоко исследовать? Или кого — может, меня?!

— Не ершитесь, оператор, — добродушно улыбнулся тот, — давайте лучше сотрудничать. Объясните хоть вы мне — из первых, так сказать, уст, — что случилось в Агентстве и кого вы ищете?

— Это секретная информация. — Я попытался принять вид независимый и строгий насколько возможно. — Господин директор строжайшим образом меня предупредил...

— Полноте, оператор, — лениво растягивая слова, прервал меня агент. — Какие могут быть секреты между своими?

— Мы уже «свои»? — поразился я.

— Безусловно, Мартин, — широко улыбнулся он, — одно дело делаем! — И тут же прищурился, отбрасывая всю свою вальяжность: — А вы как думали? — будете играть в свои игры, резвиться с летальным исходом для штатных операторов АСА, и всё это на собственной лужайке? Без присмотра?! Все, какие надо, допуски у меня есть, не сомневайтесь. Вот предписание...

Сомневаться не приходилось: бумага была совершенно официальная, с подписями и печатями, и указывала содействовать агенту Серому во всем, что касается расследования «дела оператора Корга». Вот так. Уже дело оператора... Совсем недавно считалось, что тот умер от сердечного приступа. Очевидно, приступ чем-то не понравился департаменту Тайной полиции. И еще, Серый — это оперативный псевдоним или поименование?

— Я бы вас назвал агентом Ярким, — обреченно проговорил я.

— Что делать, законы ремесла, — усмехнулся он, вновь принимая вид простака. Но, заметив мое недоумение, продолжил: — Да, классический вид тайного агента другой — невзрачно, неброско, незаметно. Точнее, классические представления о нем, этом образе, именно такие, а потому можно и так — ярко, глупо, вызывающе. Никто не подумает, что ты серьезный человек, относятся со смешком, а это, согласитесь, козырь. Так я вас слушаю.

Мне пришлось рассказать всю историю, но коротко, самую суть. А что делать? Агент внимательно слушал, похлопывая ладонью по рукоятке трости в такт своим мыслям.

— Интересные дела у вас творятся, — заключил он, когда я закончил повествование. — Стало быть, некто, используя ваши хитрые методы, может при желании заставить меня, например, купить на обед баранину, хоть я ее терпеть не могу. Так?

— Примерно так. Ни один сенс ранее не проводил подобных воздействий. Даже теоретически это считалось невозможным.

— А может, всё-таки это результат процедуры? Ну, мало ли — сделал оператор что-то не так, отошел от общепризнанной методики... Допустил ошибку, наконец. Все ж мы люди...

— С Коргом никакой ошибки. Предыдущие случаи я не изучал, но тут скажу точно: всё проделано квалифицированно. И развивалось в соответствии с законами нашего искусства. А потом будто пришел кто-то и дернул вектор за веревочку!..

На миг перед глазами вновь проявилось, как на фотографическом негативе: я тянусь к вектору, хватаю его самодельным крюком, тяну... И острая боль под ложечкой...

— Ну хорошо, а защита есть? — вернул меня к действительности агент.

— Нет. От тонких энергий не существует ни экранов, ни заслонов. Мы все сейчас беззащитны перед лицом маньяка. Если бы он захотел, сделал бы с нами всё что угодно... Хоть прямо сейчас.

От этой простой мысли холодок пробежал по позвоночнику. Действительно — в любой момент каждый из нас может превратиться в объект воздействия. Хорошо, если всё обойдется бараниной, но ситуация может обернуться и любыми другими сторонами. В том числе и самыми пагубными.

Агент промолвил после паузы:

— Примерно это и предполагалось. Конечно, оператор, мы отслеживаем ситуацию, фиксируем все странности и скандалы в вашем ведомстве. А как иначе? Не оставлять же столь необходимую структуру, как АСА, без внимания...

Я пожал плечами.

— Вот только масштаба опасности не знали — задумчиво продолжал он. — Теперь знаем. Надеюсь, вы тоже правильно оцениваете значение происходящего. Последствия могут оказаться даже серьезнее, чем представляется. Подобного оружия еще не было, а поэтому неизвестно, что можно ему противопоставить. Выпустили джинна из бутылки, теперь будем за ним гоняться... Есть мысли?

— Буду искать методику. Мне открыт доступ в архивы, обещана всяческая помощь и консультации. Слушайте, агент, а вы тоже консультант?

— Ну, в каком-то смысле...

— Тогда подскажите — кому это может понадобиться? Где искать автора? Может, это бандиты?

— Вряд ли, — с сомнением покачал головой он. — Грабитель проще — топором по шее и тащит деньги из кармана. Здесь скорее политика...

— Почему топором? Я думал, преступники оснащаются в соответствии с достижениями технического прогресса.

— Оснащаются, — кивнул Серый, — про топор это я так, к слову пришлось. Но холодное оружие, кстати, в ходу даже чаще огнестрельного. Не знаю почему, может, традиции? Достать револьвер сегодня не так уж и трудно...

— Возможно, именно холодное оружие играет в этой истории не последнюю роль. Ритуальное или боевое: меч, кинжал или что-то подобное.

— Вот как? Недавно нас подключили к работе Криминальной полиции — больно уж дело оказалось громкое. Вы знаете, что у эрцгерцога богатейшая в Европе коллекция мечей и сабель?

Об этом знают все. Время от времени его светлость выставляет коллекцию в Главном Вернисаже. Однажды я даже посетил такую экспозицию, о чем и сказал агенту.

— Но вам вряд ли известно, — продолжил тот, — что нашими совместными усилиями сорвана попытка хищения выставленного. Информацию мы получили странную и расплывчатую. Осведомитель сообщил, что в определенный день из Вернисажа будут

вынесены и переданы третьему лицу две единицы оружия. Кто именно вынесет, кому передаст — ничего этого узнать не удалось. Но сигнал был слишком серьезный: дело взял под контроль сам президент, сформировали смешанную группу. Мы устроили засаду, перекрыли все подходы, ждали под Вернисажем всю ночь, но никто так и не появился. Можно было бы принять сигнал за ложную тревогу, но осведомителя на следующий день нашли мертвым. Изрублен на куски. Это заставляет задуматься. Я свяжусь с коллегами из Кристо, постараюсь узнать подробности.

— Из нашей истории чем дальше, тем больше торчат уши фехтовальщиков и старинное оружие. Каким-то образом всё это связано... Вам известны клубы и общества, организованные любителями драк с использованием холодного оружия?

— Да, оператор. Мы фиксируем такие образования и отслеживаем тенденции, которые там главенствуют. В общей массе это нормальные ребята, спортсмены. Куют себе доспехи, безопасные мечи без заточки, устраивают красочные празднества. Хотя встречаются и любители острых ощущений, причем в прямом, а не переносном смысле. Год назад мы занимались группой «Ярые копыеносцы». Начинали они так же, как и многие другие, только предпочтение отдавали древковому оружию. Но потом начали скатываться к кровавым забавам, серьезно точить наконечники своих копий и биться насмерть. Заводилой там был некто Стокс, парень из низов, возмечтавший о власти, пусть даже над оборванцами, такими же, как и он сам. Всё держалось на нем — он был и идеологом группы, и ее флагом. Но в один не слишком счастливый для себя день Стокс был вызван на поединок...

Агент сделал паузу, возвел очи горе и тяжело вздохнул:

— Противник оказался сильнее. Намного сильнее. Предводитель был убит. А как вы хотели, оператор? Если выбираешь себе развлечением протыкать насквозь ближних своих, то будь готов, что и тебя когда-нибудь проткнут. Нет?

Я согласно покивал: «Конечно, справедливость всегда торжествует. Особенно если ситуацию отслеживает Тайная полиция».

— После этого группа распалась, и скоро о ней забыли. Однако сейчас у полиции появилась новая головная боль. Да и у нас тоже. Сообщество «Спата». Говорят, основатель обожал этот прямой меч, и его последователи поголовно носят именно такое оружие. Излюбленное место сбора — Предместье, заброшенный цирк. Ходят упорные слухи, что эти ребята практикуют поединки со смертельным исходом — до последнего вдоха, так сказать. Прямых улик нет, очевидцев, способных дать показания, тоже. Так — кто-то что-то видел, кто-то якобы даже участвовал и потом-де рассказывал другу... Но конкретных людей найти не удалось. Видите, как интересно получается — уехали ребята. Неожиданно, и все разом, и никто не знает куда. Достоверно известно лишь, что к сегодняшнему дню пропали шестеро членов сообщества. Ни тел не найдено, ни информации о месте их пребывания — как в воду канули. Полиция ведет расследование, но на быстрый результат в делах о пропаже людей рассчитывать не приходится.

Заброшенный цирк в Предместье я знал — полуразрушенный амфитеатр, непролазные заросли дикого кустарника вокруг, до ближайшего жилья не менее километра. Идеальное место для тренировок.

— Однако самому вам туда соваться не рекомендую, — словно прочитал мои мысли Серый. — Если то, что болтают об этих сборищах, правда хотя бы на треть, это может стоить вам головы. Давайте так — работайте в архивах, покопайтесь в Музее древностей. Пообщайтесь с коллегами, со знатоками оружия, продавцами и коллекционерами. А я, в

свою очередь, используя связи в полиции и некоторые другие возможности, попытаюсь найти подходы к «Спате» и нелегальным торговцам антиквариатом.

Агент Отдела глубоких исследований посмотрел на меня безо всякой веселости.

— Дело нам предстоит, оператор, непростое. Мне дали очень широкие полномочия, а это говорит о том, что на кон поставлено очень многое. Из высоких кабинетов следить будут пристально, а права на ошибку у нас нет. И давайте договоримся — всё, что будете знать вы, должен знать и я.

Он подумал секунду и всё-таки добавил:

— И наоборот.

Глава 2

Наскоро перекусив в ближайшем кафе, я отправился в отделение. Значит, решено — начинать надо с архивов. Не зря Учитель в свое время именно там разыскал интересные сказки и легенды.

Но, для того чтобы добраться до некоторых стеллажей, наверняка понадобится разрешение. Такой допуск может выдать только господин Аусбиндер, он ведь обещал широчайшие полномочия. Пришло время выполнять обещание, да и отчет о походе в Академию он всё равно потребует. Я представил себе лицо патрона, когда тот услышит о Сером! К тому же я не прочь увидеть Еву Марию, переброситься словечком, совета спросить. Тоже ведь было обещано всемерное содействие...

Однако ни господина директора, ни госпожи эксперта на месте не оказалось. Девушки из приемной сообщили, что оба в Ставке, отбыли по срочному вызову, когда появятся — неизвестно. Оставалось ждать. Слоняться по коридорам без дела в Агентстве не принято, и я решил заглянуть на веранду.

Честно говоря, чаепития в теплой компании меня теперь мало привлекали — просыпался охотничий азарт. Он настойчиво гнал меня в архив, пробуждал нетерпеливое желание поскорее погрузиться в документы, начать поиск. В то же время Стацки говорил, что Венера знала Ворона, а как раз сегодня она принимает клиентов. Вполне вероятно, что именно сейчас наша дама расположилась на веранде.

К счастью, так и случилось — она была там. Сегодня Венера надела длинное, до пят платье с индейскими узорами и выдержанное в том же стиле тяжелое ожерелье — что-то похожее на чередующиеся кости и зубы. Хотелось надеяться, это клыки и прочие останки леопардов, убитых во исполнение какого-то ужасно экзотического ритуала каким-нибудь диким-диким племенем где-то очень-очень далеко, в южной сказочной стране. Своей любовью к атрибутике Венера напоминала мне дражайшего Наставника.

Она сидела в расслабленной позе, перекинув традиционную косу через плечо, и теребила прядь волос. Глаза с поволокой нехотя уставились на меня, ярко накрашенные губы (никакой другой косметики Венера не признавала) тронула ленивая улыбка. Чашка с дымящимся напитком на столе издавала странный запах. С нашей дамы станется заказать не простой чай, а некий травяной отвар, травку для которого она приносит загодя.

— Ма-арти-ин... — пропела она грудным голосом с легкой хрипотцой. Черт подери, как всё-таки чувственно это у нее получается!

Сказала и умолкла. По понятиям Венеры, этого вполне достаточно, дань вежливости она отдала. Но мне сегодня нужно больше.

— Мое почтение, о лучезарная! При появлении твоём меркнет свет солнца, время замедляет свой бег, а мужчины теряют разум! А какое платье — о, я ослеп!

Я продолжал нести подобную чушь еще около минуты, но с Венерой иначе нельзя. Нужна некоторая прелюдия. Она щурилась, словно кошка, которой чешут за ухом, только что не мурлыкала. Улыбалась, чуть кивая в знак согласия. Мне никогда не понять, то ли всё это для нее игра, то ли женщина воспринимает мои слова всерьез.

— Ма-арти-ин... — снова пропела наша дива, бархатистых ноток в голосе прибавилось, и я понял, что нужно переходить к сути.

— У меня к тебе вопрос несколько деликатного свойства, — начал я, не зная, как половчее узнать то, что хотел. — Мы работаем вместе, кое-что знаем друг о друге... Конечно, спрашивать оператора о финте не принято, но поверь, для этого у меня есть веские причины. Иначе я ни за что бы не решился...

Я сбился, а Венера смотрела выжидательно. Операторы действительно нечасто обсуждают финт, это личное дело каждого из нас. Чтобы окончательно не запутаться, рубанул:

— Я слышал, ты для финта используешь... любовь?

— Использую любовь? — Венера рассмеялась грудным смехом. — С чего ты взял, мальчик? Да и как можно использовать любовь для чего-либо?

Она лет на десять старше и вполне может позволить себе такое обращение. Хотя Венера может назвать мальчиком и Стацки.

— Наверное, ты говоришь о плотских отношениях между мужчиной и женщиной, — лукаво улыбнулась она. — О постели? Или ты имеешь в виду возвышенные чувства, воспетые поэтами? Вздохи при луне, серенады под окном... Или поединки?! В честь прекрасной дамы, до смертельного исхода одного из соперников!

Она рассмеялась, а я при последних словах вздрогнул. Может статься, что и до смертельного исхода недалеко. Одного из соперников...

— Знаешь, в восточных культах любовь считается самым коротким и доступным путем к Абсолюту. Так называют единое начало, разлитое в мироздании. Источник всего сущего. Понять или познать Абсолют невозможно, можно лишь слиться с ним. И вот с помощью любви — речь идет именно о плотской любви, Мартин, — можно сделать это легко и быстро. Ты понимаешь меня? Нырять в постель, а выныриваешь уже в Абсолюте! Каково?!

— И для этого обязательно... э... — Я смутился. Разговаривать на подобные темы с женщиной мне еще не приходилось. После незабвенной Меры я встречался с несколькими девушками, но там всё было просто. Каждый знал, чего хочет, и не претендовал на большее. Оттенки чувственных отношений мы не обсуждали.

— Ты хочешь спросить, нужно ли для этого переспать с женщиной? — Венера коснулась моего плеча и заглянула прямо в глаза. Взгляд ее манил и обещал. Черт! Так и до греха недалеко...

В следующий миг лицо ее стало очень серьезным, почти строгим, и она торжественно продекларировала:

— Да, оператор Мартин. Ты просто обязан переспать с оператором Спай. Аминь.

И она звонко расхохоталась, а мои уши полыхнули пожаром.

— Ладно, Мартин. Не переживай, тетушка Венера не будет тащить тебя в койку... Так что ты хотел услышать? Как я делаю финт?

— Правильнее будет — как можно использовать... любовь в нашем деле... Ну, и в финте тоже...

— Вот. Это другое дело. Спрашивать сенса о финте — признак дурного тона. Верх

неприличия. При том что сексуальные контакты между оператором и клиентом строго запрещены, ты же знаешь. Тем не менее взаимодействие мужского начала и женского — есть основополагающий принцип существования вселенной. Не всегда для этого нужен телесный контакт, поверь. Хотя это было бы и неплохо... — Она опять лукаво улыбнулась. — Угости папироской.

Я достал коробку, и мы дружно закурили. Венера продолжала, тема ей нравилась:

— День и ночь, жар и холод, белое и черное, плюс и минус. Мужское и женское. В математике при сложении плюса с минусом получается ноль, а в жизни — рождается что-то третье, новое. Вернее, кто-то. Это простые вещи, сама жизнь, и ее не изменишь параграфом инструкции. В стародавние времена жила на востоке танцовщица Лейла. Она обладала чудесным даром. При помощи обольщения — а для этого она использовала танцы — могла изменять судьбы народов, переиначивать ход истории. Вынуждала владыку принимать необходимые решения. Она в совершенстве знала правила древней как мир игры и владела языком общения мужчины с женщиной. Соитие — лишь физиологический акт, где на первом месте гормоны. А игра — это нечто совсем другое. Вот тут есть место танцу. Так неужели я не могу применить нечто подобное для изменения линии судьбы?

— Ты танцуешь? — растерянно спросил я.

— Нет, — рассмеялась Венера, — но я тоже знаю правила игры. Я должна почувствовать партнера, представить его себе, слиться с ним. И я умею переводить внутреннее состояние в образ танца. Результат один и тот же.

— Лейла завоевала мир руками владык?

— Если бы это свершилось, жили бы мы сейчас при матриархате. Увы, везде властвуют мужчины. Но мы, женщины, знаем, как свою слабость превращать в силу, а вашу мужскую силу — в слабость. Танец, скажу тебе по секрету, должен быть эротичным. Не важно, существует он во внешнем проявлении или во внутреннем состоянии танцовщицы. Главное — поманить, вызвать движение к себе. В этот момент человек распахивается. На этом основаны многие эротические техники древности — управлять через слияние. Это вам, мужчинам, кажется, что вы выбираете женщину. На самом деле всё как раз наоборот...

— Ну да, — тихо проговорил я. — Элколкост танцем отпугивал от пещеры врагов. Ты обещанием любви приманиваешь клиентов. И был кто-то еще, кто считал, что танец, бой и любовь — три грани одного процесса. Танцем можно убивать, любовью — воевать, а войну превращаться в любовный танец. Когда же созидать?..

Какой-то миг Венера еще улыбалась, а потом улыбка ее угасла, как свечка под порывом ветра.

— Не знаю, Зрячий...

Вслед за улыбкой угасла и беседа. Венера сделалась задумчивой и печальной, рассеянно докурила папиросу, допила одним глотком свой необычный чай.

— Пока, Мартин... — Ее пышная фигура в несуразном индийском платье растаяла за дверью.

Значит, всё правильно. Венера знала Ворона и не забыла его. Сказанные когда-то слова запали в душу, и сегодня она пользуется одним из принципов друга юности. Может, даже сама не понимая этого до конца. И опять древние сказки, теперь о танцовщице Лейле. А за сказками — действенный метод работы, использование для финта особого внутреннего состояния — состояния танца. Как уж там она это проделывает, не знаю, да и не столь это важно, результаты у Венеры вполне на уровне. Но вот для Ворона этот путь вряд ли был

приемлем. Тот любил оружие, любил драку, схватку. Обожал клинки. Но и про танцы упоминал, и про любовь... Триединство процесса... Есть над чем подумать.

Поняв, что начальства сегодня не дожидаться и в отделе мне больше делать нечего, я ушел.

* * *

Покинув Агентство, я решил посвятить вечер изучению холодного оружия. Вспомнил лавку, где можно купить нужные книжки, а по пути решил зайти перекусить. Рядом расположилось чудное местечко под названием «BlueCafe», воспетое популярным артистом. В заведении тихо, прилично и кормят вкусно. Небольшой уютный зал на полдюжины столиков, пяточок для танцев посередине и струнный квартет. Состав музыкантов постоянный: две девушки-скрипачки, брюнетка и блондинка, обе хорошенькие; пожилой алыт во фраке и с гривой седеющих волос (мне почему-то кажется, что он руководитель) и улыбчивый молодой виолончелист.

Девушки в коротких темных платьях не стоят на месте: приплясывают, выходят в зал и общаются с посетителями. Классическую музыку здесь играют редко, чаще народные песенки, переложенные для струнных инструментов, попури из модных мелодий и оперетт. Всё это создает приятную и непринужденную атмосферу.

Я зашел — колокольчик на двери мелодично звякнул — и занял столик у входа так, чтобы лучше видеть оркестр. Свежекупленный гляцевый каталог положил рядом.

Посетителей было немного. В дальнем углу зала справа сидели четверо студентов: куртки с нашивками Университета, потертые синие штаны, какие в моде у нынешней молодежи, и ботинки на толстой подошве. На столе возвышались две большие бутылки красного вина: видно, ребята что-то праздновали. Одна бутылка была уже наполовину пуста.

Слева от меня расположилась парочка: молодой, приличного вида человек угощал мороженым свою барышню с внешностью институтки.

Чуть дальше приютилась благообразная старушка — старомодная шляпка с искусственными цветами, платье в оборочках. На столе зонтик и крохотная сумочка, какие были в ходу, наверное, полвека назад. Старушка чинно лакомилась пирожным, которые здесь делали на редкость вкусными.

Подошла симпатичная миниатюрная официантка в идеально чистом переднике и с заколкой в волосах. Я заказал котлету по-домашнему с гарниром из молодых стручков сладкого перца и свежими овощами, штрудель и чай.

Оркестранты находились прямо передо мной, пробовали инструменты. В ожидании заказа я открыл было каталог, но вскоре отодвинул его на край стола — читать не хотелось. Хотелось сидеть расслабленно в ожидании ужина: любоваться симпатичными скрипачками, слушать музыку и забыть хоть на время страшные сказки, героев и злодеев, директора и тайников...

Заиграли «Раз-два-три», развеселую и очень популярную в этом сезоне песенку. Одна из девушек, блондинка, двинулась по залу, подошла к компании студентов. Склонившись к молодому человеку с шапкой светлых спутанных волос, играла будто для него одного и улыбалась. Парень притоптывал ногой в огромном башмаке с квадратным носком, весело подпевал, компания разразилась радостными криками. Они подзывали вторую скрипачку, и та двинулась к столику, не переставая играть.

Все это выглядело забавно, хотелось подхватить незатейливый мотивчик, я даже начал мурлыкать себе под нос слова песни, отбивать пальцами такт по столешнице и потому, наверное, не сразу уловил изменение, произошедшее в зале. Будто начал сгущаться воздух, и дышать стало труднее. И вдруг словно прогрохотало где-то вдали — то ли гром неожиданной грозы, то ли хлопок крыльев гигантской птицы. И острое чувство тревоги родилось в груди, захотелось вдруг крикнуть в пространство: осторожно!..

Но крикнуть я не успел. Вообще ничего не успел, потому что в следующий миг все в зале разом сошло с ума — и события понеслись вскачь.

Светловолосый студент, не переставая улыбаться, схватил блондинку за руку и резко потянул к себе. Жалобно всхлипнув, смолкла скрипка. Девушка не удержалась на ногах и прыгнула к студенту, который уже вставал. Парень резко вывернул руку музыкантши, та согнулась, а студент со всего маха ударил ее ногой в живот. Пинок чудовищного квадратного ботинка подбросил хрупкое тело, скрипачка безжизненно рухнула наземь. С коротким тоскливым звуком отлетела скрипка...

В этот момент приблизилась вторая музыкантша и, не переставая играть и улыбаться, с ходу хлестко и сильно двинула светловолосого острым носком туфельки в коленную чашечку. Тот согнулся, неразборчиво вскрикнув, а девушка принялась хлестать его смычком. Хрупкая вещь превратилась в опасное оружие. Брызнула кровь...

Студенты повскакивали с мест, роняя стулья, и те, дребезжа, разлетались по мраморному полу. Альтист прекратил игру и бросился к столику, зажав в правой руке инструмент как дубину. Девушка с институтской внешностью истошно завизжала, а ее кавалер вскочил, растерянно озираясь по сторонам. Лишь я и нахохлившаяся, как птичка, старушка оставались на местах, да еще виолончелист продолжал играть свою партию, на лице его застыла мертвая улыбка, словно нарисованная красным по белому.

Безумство раскручивалось на глазах. Альтист сцепился с высоким и плечистым студентом: разбил об него свой альт, схватился за стул... Студент отвечал размашистыми ударами кулаков. Музыкант раскачивался, но не падал и отбивался обломками стула. Дрались яростно, не издавая ни звука.

Блондинка лежала под столом, не подавая признаков жизни. Брюнетка продолжала наседать на светлого, тот был уже весь в крови, но не прекращал попыток ухватить девушку за горло.

Тем временем двое оставшихся студентов, один темный и рябой, другой русоволосый, схватились с молодым человеком приличного вида. Тот ловко уходил от ударов, приседал, крутился на месте. Столы мешали студентам, и они отталкивали их сильными пинками. Пнули и тот, за которым сидела старушка, окаменевшая от всего этого бедлама. Та неожиданно резво вскочила, схватила зонтик и резко, с разворота, всадила его острый конец студенту в глаз. Тот рухнул, как подкошенный.

Я только теперь заметил, что у всех людей в зале неживые лица: плоские, со слепыми глазами и замершими, будто приклеенными улыбками. Мне казалось, мой рот тоже растягивается в такой же жуткой, нелепой ухмылке, но при этом не мог пошевелить и пальцем — словно всё тело сковали невидимые цепи. А внутри натянулись невидимые нити, и они вибрировали созвучно чему-то неведомому, но отдаленно знакомому. Казалось, еще чуть-чуть, и я узнаю, почувствую — за звоном бьющейся посуды и воплями драки — то ли в окружающем пространстве, то ли где-то внутри себя — почему? почему стало возможно всё это злодейство?!

На миг захотелось закрыть глаза и разбросать руки — как в операционной...

Но вместо этого я глаз не мог оторвать от старушки. А та топталась у тела поверженного врага, слегка пританцовывала на месте со страшным выражением лица, отряхивая ладошки, похожие на птичьи лапки. Русоволосый студент увидел ее, резко ударил по шее — отчетливо и мерзко хрустнули позвонки. Сухонькое тело невесомо упало на мрамор пола. Но молодой человек приличного вида уже зашел сбоку — прыгнул, вцепился студенту в горло. Вначале руками, а потом и зубами...

Плечистый добивал на полу альтиста. Брюнетка-скрипачка вместе с девицей, подругой молодого человека, пыталась совладать со светловолосым. Девушка висла на парне, вцепившись ему в плечи и руки, а скрипачка, забегая с разных сторон, колотила его чем попало, что подворачивалось под руку. В какой-то миг подвернулась вилка для рыбы — стальная, двузубая, длинная и острая игрушка. Музыкантша тут же пустила ее в ход, намереваясь попасть студенту в живот, но тот круто развернулся, и удар, предназначавшийся юноше, пришелся в поясницу девушки. Та выгнулась и закричала, потом рухнула под ноги дерущимся.

Но и студент не ушел от расплаты — окровавленная вилка вонзилась ему в пах, потом в живот, потом в грудь...

Я сидел на единственном уцелевшем стуле посреди всего этого ужаса, не в силах пошевелиться. Прямо передо мной распахнулась картина жуткой бойни, и если Учитель говорил об этой крови, то сегодня ее здесь с избытком. Столько, что впору захлебнуться любому, кто мечтает владеть миром.

Слева, страшно рыча, извивались в смертельных объятиях приличный молодой человек и русоволосый.

Правее плечистый покончил с альтистом. Он стоял, озирался, на лице его застыло выражение слабоумного ребенка. Вот только события в зале происходили совсем не детские. В следующий миг он увидел брюнетку. Резко нагнувшись, вытащил из-за голенища невысокого сапога нож с длинным прямым клинком. Брюнетка ничего не успела сделать — получила два удара в сердце и кулем повалилась на пол.

Повисла пауза, и в этой внезапной тишине дико и противоестественно звучала виолончель. Последний живой музыкант пилил струны на одной тоскливой ноте, приклеенная улыбочка кривила лицо. Плечистый с ревом повернулся к нему, одним прыжком оказался рядом, широко взмахнул ножом. Музыка стихла.

Плечистый озирался, тяжело дышал: глаза его были уже не слепыми, а совершенно безумными. И тут его блуждающий, полный ненависти взгляд остановился на мне. Последнем, как я думал тогда, живом человеке в зале.

И он пошел на меня. Приближался скользящей походкой хищника, вышедшего на охоту. И тут я очень отчетливо понял — да, это охота. Роли еще не распределены, и сейчас я сам могу стать дичью. А в загонщиках — тот, кого я искал.

Еще секунда, и убийца в окровавленной одежде навис надо мной — потянулась рука с растопыренными пальцами, но в тот же миг путы упали с моих плеч. И прорезался окончательно слух.

Ка-ар-р! — каркает ворон прямо в ухо...

Р-раз-з! — приседаю еще глубже, выталкивая стул из-под себя...

Фью-ю-ю! — прочерчивает над головой опасную дугу нож...

Дв-ва-а! — я в падении с переворотом назад кувыркаюсь через плечо и снова на ногах...

Ф-фух-х! — клинок летит мне прямо в лицо...

Три-и-и! — ухожу с линии атаки легким поворотом корпуса, прихватывая руку противника...

Х-хлоп-п! — крылья, оглушительно, над ухом...

Раз-два-три! — висну на сопернике, который еще не закончил движения...

«Раз-два-три» — самая популярная песенка сезона...

Раз!!! — моя левая рука на локтевом сгибе противника...

Два!!! — правая фиксирует кулак с оружием...

Три!!! — переступаю, придавая сопернику круговое движение, чуть подбиваю локоть и поворачиваю его кулак, направляя клинок в грудь...

Финал — наваливаюсь сверху на падающее тело, придавливаю, насаживаю противника на его собственный нож.

Плечистый всхрапнул, вздрогнул подо мной, дернулся... и затих.

Я с трудом встал... Меня шатало.

В углу, около служебного входа, сидела на корточках миниатюрная официантка — сжавшись в комок, прикрыв голову подносом, она негромко монотонно скулила. Второй после меня человек, оставшийся в живых из всех тех, кто был в зале, когда я сюда пришел.

Часы на стене показывали, что минуло всего десять минут — разум отказывался этому верить.

Вокруг творилось невообразимое: разгромленное помещение, перевернутая и разбитая мебель, осколки посуды. Из горлышка опрокинутой бутылки падали на мрамор багровые капли — ах, как весело гуляли студенты еще совсем недавно. В луже чего-то красного — то ли вина, то ли крови — плавал мой каталог, красивый и совершенно истерзанный.

От одной мысли, что я мог бы сейчас лежать рядом, мертвый, меня замутило.

За дверями «BlueCafe» бледными тенями появлялись лица любопытных, они вглядывались и испуганно шарахались обратно в темноту. Где-то далеко заверещал свисток потового...

Посидел, называется, расслабленно в хорошем кафе, полюбовался симпатичными скрипачками, послушал приятную музыку и забыл, хоть на время, обо всех своих проблемах.

* * *

Утро мое, как и вчерашнее, началось с рассматривания потолка. И я подумал, что жизнь моя становится похожей на шахматное поле, изображенное на нашей эмблеме. Темные поля странных и страшных событий чередуются с белыми квадратами утренних сомнений, страхов и надежд. Да со мной ли всё это было?

Было, ответил потолок. И было с тобой. И нет оснований не верить, потому что отвечал потолок моей собственной мансарды, родной и знакомый, с разводами высохшей влаги. По весне, во время дождей, протекла кровля. С потолка капало, и я пережил массу неприятных минут, пока не принудил домовладельца отремонтировать крышу. Эх, разве можно сравнить те неприятности с нынешними! Поистине всё познается в сравнении.

А уже через час мы сидели в кабинете директора — господин Аусбиндер, Ева Мария и я. Рассказывать о вчерашнем было очень трудно, но я смог: как гибли ни в чем не повинные люди, один за другим, даже не успев — я в этом уверен! — понять, что же происходит...

Как через несколько минут после окончания кошмара прибыли агенты Кристо. Бывалых

полицейских выворачивало при виде открывшейся картины. Они тут же вызвали бойцов Отдела физического воздействия, до зубов вооруженных, с надетыми под форму кольчугами из какого-то специального сплава. Оцепили улицу, а что толку? Размахивать саблями уже не имело смысла.

Потом появилось высокое начальство, всё задвигалось с новой силой, а меня повезли в участок. Но перед этим ко мне тихо и незаметно подошел агент Серый. Как такое возможно при его внешнем виде и комплекции, совершенно непонятно. Тем не менее всё происходило именно так — создавалось впечатление, что никто из окружающих агента не замечает. Одно слово — профи!

Серый был серьезен, даже мрачен, он ухватил меня за лацкан и, приблизив к себе, проговорил прямо в ухо:

— Теперь вы видите, во что влезли? Я вас прошу, оператор, постарайтесь ограничиться кабинетной работой. Архивы, бумаги, в крайнем случае беседы с приличными людьми — экспертами и консультантами. Видите, что порой бывает... Сейчас полиция начнет вытрясать из вас душу, ничего не поделаешь — так надо. Но и мне, уж не взыщите, понадобится подробнейший отчет о происшествии. Чуть позже...

Так всё и получилось. До двух часов ночи, сменяя друг друга, меня допрашивали дознаватели. Люди были разные, но интересовало их одно и то же: как началась драка, кто зачинщик, как могло случиться, что в бойню были вовлечены все музыканты и посетители, включая безобидную старушку?

И я отвечал одно и то же — не знаю. Что я мог им сказать? Что в чистом небе перед трагедией грохотал гром? Что я опять краем сознания уловил в самом начале драки отдаленный звон клинков и яростное «Экх-х!», хотя теперь и сам не уверен, было ли это на самом деле? Или следовало им рассказать, как трудно услышать хлопки крыльев и карканье ворон посреди предсмертных хрипов и стонов? Кто бы мне поверил?

Поэтому я только обрисовал подробно всё, что видел своими глазами, расписался под показаниями, и меня отвезли домой. Там я выпил полный до краев стакан рома и упал в постель без сил и желаний.

Теперь, по окончании рассказа, мы сидели в утрюмом молчании. И первым нарушил его господин Аусбиндер:

— Вы уверены, Мартин, что мы имеем дело с тем же самым человеком? Это он, маньяк? Случайности исключены?

— Какие уж тут случайности, господин директор, — ответила за меня Ева. — Где вы видели бабушек, убивающих зонтами, и студентов, дерущихся как заправские наемники? И главное — мотив. Из-за чего началась драка — Мартин, вы видели? Думаю, никто не смог бы ответить на этот вопрос. Вот так сразу — и все друг на друга! А при полевом воздействии подобные эффекты возможны. Заставил украсть, сможет принудить и к убийству. Конечно, это наш объект, вот только что теперь с ним делать? Одиннадцать трупов — и сам Мартин, чуть было не лишившийся жизни...

Директор смотрел в стол, на его худом породистом лице играли желваки. Не поднимая глаз, он произнес:

— С этого момента я ограничиваю вашу активность, Мартин. Всё это слишком опасно, я не могу посылать своих операторов в такую мясорубку. Забудьте всё, что я вам говорил, и вспомните всё, что написали в своем плане. Что там у вас — посещение архива? Музей древностей? Отлично, вот этим и займитесь. Никаких обществ, будь то спортивные или

криминальные. Никаких опасных контактов. В конце концов, у нас есть специалисты — оперативники Тайной полиции. Им положено заниматься такими вещами по долгу службы. Пусть отрабатывают свой хлеб.

— Уже отрабатывают, — вставил я ровным голосом. — На контакт со мной вышел агент. Еще вчера.

— Почему не сообщили? — изогнул бровь господин директор.

— Не успел...

— Завидная оперативность. Я надеялся на некоторый резерв времени, однако... — Директор задумчиво пожевал губами и бросил взгляд поверх наших голов, туда, где высвечивался одному ему видимый окончательный результат наших усилий. — Что же, теперь ничего не изменишь. Пусть тайники ведут расследование, а вы будете только собирать информацию...

Ева Мария закусил губку, но помолчала.

— Вам всё понятно, оператор? Это приказ. Я вас более не задерживаю, допуск к архивам получите в приемной.

Я встал, поднялась и Ева:

— С вашего позволения, я тоже пойду, господин директор, — промолвила она.

Директор рассеянно кивнул, и мы покинули кабинет. Стоило двери затвориться, как Ева ухватила меня под руку:

— Мартин! Я понимаю, вы побывали в ужасной передрыге! — заговорила она жарко и немного нервно. — В утренней газете написано расплывчато, мол, в кафе произошла кровавая пьяная драка. Криминальная полиция искажила информацию, чтобы не сеять панику среди обывателей. А теперь ваш рассказ — это чудовищно!

Я молча слушал, уже догадываясь, что будет дальше.

— Кто бы мог подумать, что дойдет до такого. И всё же, Мартин, я хотела вас просить...

Я повернулся к Еве, и она смолкла на полуслове. Ее удивительные глаза смотрели на меня с мольбой.

— Вы хотите просить меня продолжить поиски, Ева, — сказал я скорее утвердительно, чем вопросительно. — Мой ответ — да! Я сделаю всё, чтобы поймать маньяка. Хотя бы в память о тех людях, которые погибли на моих глазах...

Вдруг вспомнилась во всех деталях бутылка, валяющаяся на затоптанном мраморе. И из горлышка падают багровые капли — то ли вино, то ли кровь, — будто жизнь истекает из тела.

— Вся их вина заключалась лишь в том, что они хотели провести приятный вечер в кафе. — Голос предательски сел, но я нашел в себе силы закончить: — Я поймаю его, чего бы мне это ни стоило. Можете на меня рассчитывать.

— Но это действительно может оказаться опасным...

— Теперь это меня не остановит. Время игр закончилось вчера.

— Я в вас не ошиблась, — прошептала она, и мне показалось, что теперь мы с Евой связаны не только честолобивыми устремлениями. Появилось еще что-то...

* * *

Архив АСА — это государство в государстве. Он располагается в подвале Музея древностей, что для меня очень удобно. Верховодит здесь леди Грета Макензи, пожилая

дама с внешностью «синего чулка»: волосы, собранные в тугий пучок на затылке, неизменные круглые очки, темное платье до пят с глухим воротником. Даром, что мы обращаемся к ней запросто — леди Макензи. У пожилой дворянки два десятка имен и титулов, но она не бросает место скромного архивариуса. Видит в этом свое предназначение, берегает и дарит людям давно забытое Знание, и я уважаю ее за это.

Выражение ее лица может показаться холодным, даже высокомерным, но лишь до той поры, пока дело не касается старинных хроник, летописей и прочих пожелтевших бумаг. Как только это происходит, леди Макензи преображается — на щеках появляется румянец, речь становится живой и подвижной, а ее памяти можно только позавидовать.

Мне уже доводилось бывать в архиве, и отношения со стареющей леди сложились самые доброжелательные. Это ее я назвал для себя лоцманом в океане архивных документов, и хорошее отношение леди Греты дорогого стоит. Как-то я стал свидетелем сцены, когда одному невежливому и заносчивому просителю было отказано в помощи, а чуть позже случайно узнал, что сотрудник этот имел крупные неприятности — он попросту заблудился в горах бумаг, перепутал что-то и провалил важное задание.

После предъявления допуска хозяйка архива провела меня в свой кабинет на первом этаже. Здесь царил идеальный порядок. Небольшое элегантное бюро с аккуратными стопками книг, папок, свитков — всё подписано, промаркировано. В симпатичной вазочке букетик цветов. На отдельном столике заварной чайник с иероглифами, китайский чай, фарфоровые чашечки. Подавая мне ароматный напиток, леди Макензи поинтересовалась целью визита.

— О, Мартин, в архиве достаточно документов о деяниях великих героев, — воскликнула она, выслушав мою просьбу. — Трудно сказать, кто из них существовал на самом деле, а кого породила народная молва. Людям свойственно стремление создавать героев, мечтать о победах и свершениях. К сожалению, в жизни яркие события встречаются гораздо реже, — она улыбнулась, — и тогда великие подвиги приходится придумывать. Тем не менее многое из того, о чем говорится в старинных сказаниях, имеет под собой фактическую основу, отражает реальные события. Надо лишь уметь отделять правду от вымысла. Если научитесь читать древние послания между строк, вам откроется многое.

Говоря всё это, она достала три длинных ящичка с ярлыками. Края ярлыков были усеяны отверстиями. Потом она взяла обыкновенную вязальную спицу и отточенным движением просунула ее в одно из отверстий первой карточки. К моему удивлению, спица прошила стопку ярлыков на всю длину, и, когда архивная леди подняла свой инструмент, несколько карточек остались висеть на спице.

— Как вам такой метод сортировки? — весело улыбнулась архивариус. — Последнее изобретение наших ученых мужей. На карточке в зависимости от темы либо отверстие, либо щель. Теперь нет необходимости нудно перебирать ярлыки, достаточно один раз их упорядочить.

Следом леди Макензи проделала то же самое со вторым ящичком, потом с третьим. Уловом оказалась стопка пожелтевших архивных ярлыков. Вооружившись ими, архивариус повела меня в свои владения.

Мы спустились в подвал. Леди уверенно шагала меня в лабиринте пыльных стеллажей, мимо бесконечных полок, плотно заставленных папками, папочками, грессбухами и фолиантами. Попадались стеллажи, заваленные, словно вязанками дров, тубусами с древними свитками.

Грета Макензи, не останавливая движения, уверенно выхватывала с полок нужные папки, лишь иногда сверяясь с каталожными ярлыками, и вывела меня наконец в небольшую комнату. Вездесущее электричество добралось и сюда: на стене горел светильник. Пустой стол с настольной лампой и стул — вот и всё убранство.

— Присаживайтесь, Мартин. Здесь вам будет удобно. — Она положила на стол отобранные папки. — Это вам на первое время, часть материалов придется поискать.

Я поблагодарил и принялся за работу. Трепетно раскрывал пропахшие пылью папки, осторожно листал ветхие страницы. С легким шуршанием разматывались древние свитки. Оттуда буквами в старинных завитушках, выцветшими чернилами и поблекшими рисунками сходили герои и вожди. Люди, жившие когда-то, а быть может, и придуманные, и их необычные дела. Были тут и Элколкост, отгоняющий врагов от входа в родную пещеру, и пастушок со своей свирелью, и даже повелительница повелителей Лейла. Встречались и другие любопытные послания из глубины веков, но скоро я понял, что информация эта расплывчата, разрозненна и не всегда достоверна. Найти с ее помощью какие-то зацепки во времена нынешних вряд ли удастся, всё это были лишь красивые сказки.

Но вот на документах, посвященных истории оружия, я задержался. Всегда любил ножи, мечи и прочие колющие и режущие шгуки! Одна лавочка старины Поля чего стоит! При виде изящного кинжала, элегантной шпаги или доброй сабли настроение улучшается само собой. А стоит взять в руки славный клинок, почувствовать тяжесть отточенной стали в руке, рубануть воздух, чтоб прозвучал мелодичный посвист, — это уже просто восторг! Как свидание с любимой девушкой!..

Хотя девушки — это всё же нечто иное. Некстати появилась игривая мыслишка о Еве Марии, но я отогнал непрошеную фантазию усилием воли и вновь сосредоточился на бумагах.

По всему получалось, что стародавние герои еще могли себе позволить песни и пляски, но времена менялись. Менялось оружие и взгляды на его применение. Появились тяжелые доспехи, мечи и боевые топоры. Рыцарь нес на себе до тридцати килограммов брони — попробуй спляши в таком снаряжении! Рубящее оружие требовало физической силы и использования сил инерции — боец раскачивал собственное тело и свой тяжелый меч и уже потом вкладывал весь этот вес в удар. Все изменения, какие претерпел клинок за долгие годы, привели к появлению длинного узкого жала, способного проникать в щели доспеха. Так родились эсток и кончар — мечи с удлинненным острием. Всё это не приближало меня к решению задачи — невозможно представить себе воина, легко фехтующего пятикилограммовым оружием. Да и не фехтовали тогда, а рубились — просто и незамысловато.

Стало ясно, меч оружием энергетического воздействия быть не может. Я мысленно сравнил свой любимый кинжал с двуручником и еще раз убедился — нет, не может.

Однако люди с удовольствием продолжали совершенствовать орудия для убийства себе подобных.

Появилась шпага — колюще-рубящее оружие с длинным клинком и заточкой. На смену большому щиту пришел баклер: маленький круглый щит, легко удерживаемый одной рукой. Баклером можно было не только отражать удары шпаги противника, но и отвесить ему при случае увесистую оплеуху. Вторым вариантом стала дага — короткий кинжал с очень мощной гардой, которая вполне могла выполнять функции щита. А еще чуть позже пришли рапиры — граненые клинки без заточки, которыми только кололи.

Вот это уже было ближе. Со шпагой можно танцевать почти как с кинжалом. Я представил себя в Мастерской со шпагой или рапирой в руках — образ получился вполне правдоподобный. Ну а что там дальше? Кажется, я по-настоящему увлекся документами и справочниками...

Несколько особняком стояли сабли, появившиеся позже мечей, но обладающие мощным как рубящим, так и колющим потенциалом. При этом выбор — рубить или колоть — зависит от кривизны клинка и от смещения центра тяжести. Палаши и шпаги имеют тяжелый эфес и прямой, относительно узкий клинок, что делает особенно опасными колющие удары. Такими же могут быть слабо загнутые сабли с тяжелой рукоятью. Но если увеличить кривизну, а острие утяжелить елманью, получится оружие, сравнимое в рубке с топором.

До тех пор, пока на полях сражений основную роль играли тяжелые латники, сабля перспективы не имела — прорубить броню она не могла, а колющий удар не получался таким метким, как у эстока. Зато позже, когда от брони стали отказываться — пули легко пробивали доспех, — сабля начала по праву завоевывать всё большую популярность.

Нельзя сказать, что всего этого я не знал раньше. Лет десять назад у меня был свой полуторник — меч с прямым, почти метровым клинком и весом более килограмма. И в кружок «умелого фехтовальщика» я ходил, и в постановках исторических сражений участвовал, и старинные приемы боя изучал с большой охотой. Всё это нам очень нравилось тогда, но потом пришлось уехать к месту службы. Перед отъездом я подарил оружие одному из своих товарищей, такому же свихнувшемуся на мечах и историческом фехтовании, как и я сам.

Сейчас, роясь в горах документов и исследований, я начинал понимать, что если и существует техника, направленная на соединение фехтования и танцевальных движений, то более выгодного варианта, чем сабля, или горская пашка, не сыскать. Именно это оружие при определенном соотношении кривизны клинка и баланса позволяло гармонично совмещать колющие и рубящие удары. Именно сабля давала наибольший простор в движениях и перемещениях.

И скоро я нашел сразу несколько любопытных подтверждений своим мыслям. Первым я обнаружил документ двухсотлетней давности, повествующий о некоем Орландо, знаменитом бретере тех времен, который не знал себе равных в искусстве владения тальваром. Эта оригинальная индийская сабля имеет клинок средней кривизны и выраженную елмань, или перо — заточенное утолщение на острие. Именно такое оружие лучше всего приспособлено для рубки.

В документе было сказано, что Орландо добился блестящих успехов благодаря оригинальной методике тренировок, то ли разработанной им самим, то ли скопированной у кого-то из древних мастеров. Суть ее заключалась в том, что боец перед ответственной схваткой всегда практиковал многочасовой «бой с тенью», который, по свидетельству очевидцев, более всего походил на танец с саблей.

Вот так — опять танец и опять старые мастера! Если предположить, что во время «боя с тенью» Орландо мог ярко представить себе образ противника, становится понятным — бретер занимался информационным конструированием. По сути, он делал то, что мы называем финтом, выстраивая заблаговременно выгодный вектор будущей реальной схватки. Или что-то похожее...

От такого неожиданного вывода у меня пересохло во рту. Вот тебе и крупницы знаний, вот тебе и зерна с плевелами... Я перечитал документ внимательно еще раз. Получалось

именно так.

Но и это было не всё. Чем больше я изучал документы, тем больше убеждался, что многие мастера фехтования и великие воины любили поплясать и не упускали такой возможности в праздники, а в будни танцевали в виде своеобразной тренировки. Так, командир легендарной Раскаленной сотни Паприс сто лет назад устраивал для своих бойцов «танцевальный день», отменяя все другие виды подготовки и заставляя воинов выплясывать на специальной площадке под звуки полковых барабанов.

Время летело незаметно. Леди Макензи успела принести мне еще одну стопку папок и чашку чая. Я рассеянно поблагодарил пожилую даму, но оторваться от чтения не мог.

Следующая подборка перенесла меня с полей сражений в кузницы и мастерские. Здесь были собраны легенды и мифы об оружии, изготовленном особым способом и обладающем уникальными свойствами. Искусные мастера древности, стародавние рецепты, специальные материалы. Вопросыковки и металлургии, в которых всё равно ничего не смыслу, я отбросил, но основное для себя вынес.

Оказалось, большую часть оружия изготавливают по общим методикам, и клинки различаются лишь в частностях. Но есть особые случаи: возможности таких клинков много больше, а порой это оружие обладает даже собственной силой. Мастер брался выковать меч для определенного человека с определенной целью. Здесь важен был и материал, и способ изготовления. Непременным условием успеха считалось мастерство кузнеца, но этим дело не ограничивалось.

На эфес или тело клинка наносились надписи, символы или знаки, придававшие оружию новую информационную структуру. Это могли быть обращения к богам, магические формулы, наконец, обозначение цели, ради достижения которой изготавливался меч. Сегодня не всегда понятен смысл написанного, да и не умеем мы его правильно прочитать или расшифровать, но информационный заряд был обязательной составляющей будущего уникального клинка.

Часто надписи сделаны на давно и прочно забытых языках. Тут, к своему удивлению, я натолкнулся на упоминание о Черном Рыцаре и его чудесном мече по имени Астракс, на клинке которого тоже присутствовали загадочные знаки, помогавшие хозяину добиваться желаемого. А я-то думал, что все рассказы о Черном Рыцаре — выдумка от начала до конца. Вот уж истинно: сказка — ложь, да в ней намек.

Кстати, давать имя оружию — тоже древняя незыблемая традиция, и несть числа Суровым, Грозным, Разящим. Не говоря уже об оружии, принадлежавшем легендарным личностям, — например, Экскалибуре.

Но буквенные обозначения, к какому бы языку они ни принадлежали, не единственный метод кодировки. Вторым, еще более распространенным способом является нанесение узоров и орнаментов на эфес, основание клинка и в ряде случаев ножны. То, что мы можем принимать за необязательные украшения, на самом деле является графическим изображением информационной структуры.

Образы растений, животных и птиц могут иметь особый смысл, а хитросплетение ажурных линий орнамента напоминает картину, которую видит оператор во время процедуры. Тот самый изумрудный узор информационных каналов, сеть взаимных интересов и устремлений.

И, наконец, третье — возможность изменения информационной структуры за счет украшения оружия драгоценными камнями. В мистической традиции хорошо известно, что

кристаллическая структура минералов является идеальным хранилищем информации. Добавление одного такого камня в навершие клинка может придать ему уникальные свойства.

Таким образом, в чудо-оружии совмещаются личность мастера, личность бойца и информационная формула, нанесенная тем или иным способом.

Цель, то великое деяние, для которого изготовлен меч, и личность хозяина образуют нечто вроде души.

Душа подразумевает собственное имя.

Такая схема взаимосвязей порождает особые отношения между мечом и воином, когда меч может признать или не признать владельца. Если человек не соответствует определенным качествам, заложенным в клинок, он может считаться лишь хранителем, и меч не проявляет своих удивительных свойств.

У меня голова пошла кругом. Конечно, встретить подобные сложности я не ожидал, но и сдаваться не собирался. В глазах уже мельтешило от имен, дат и названий стран, но я настойчиво вчитывался, сравнивал, сопоставлял факты и начинал понимать, что легендарные клинки, известные на весь свет, вряд ли имеют отношение к моему поиску. Те, что лежат на стеллажах Музея древностей или экспонируются в коллекции эрцгерцога, — они уже выполнили свое предназначение. Ведь не зря попытка похищения из Вернисажа не возобновлялась. Или это совпадение и злоумышленник просто не имел такой возможности? Опять вопросы.

Последняя папка оказалась самой любопытной. Полицейские отчеты, доклады, допросы арестованных и пострадавших, а то и просто слухи и сказания о лихом атамане Дагомире, гулявшем по южным степям в давние времена. История гласила, что атаман был личностью необычной. Имел он мечту — найти сокровище, сокрытое в одном из курганов и якобы принадлежавшее его роду. А для этого заставлял своих ватажников заниматься раскопками. Нравилось это далеко не всем, но атаман умел настоять на своем. Да вдобавок обещал соратникам на эти деньги построить в степях вольный город, где всем будет житься сытно и счастливо.

Вот в одном из таких курганов и отыскался кривой меч, какими пользуются кочевники. Что это был за меч и кому он принадлежал, Дагомир не рассказывал, но после находки объявил ватаге, что клад будет обнаружен в самое ближайшее время и древний меч, мол, тому порука.

Но время шло, а сокровище так и не отыскалось. Тут еще удача отвернулась от ватаги — конная полиция преследовала их по пятам, устраивала засады. Добыча ускользала из рук. Часть разбойников погибла в стычках, другие ушли от неудачливого атамана, и остался он с малой кучкой приспешников.

Гонимый конными разъездами, атаман ушел на север и прятался с остатками ватаги в неприступных горных районах. Там-то, по слухам, и нашел разбойник кузнеца, мастерство которого славилось на весь Горный край. Он отдал ему меч, поврежденный из-за долгого хранения в земле, и наказал превратить его в боевое оружие. Старый мастер выполнил задание, но переделал меч в саблю и дал ей имя — Дагг-Ош.

С тех пор атаману стала сопутствовать удача. Он вернулся в богатые южные степи, набрал новую ватагу из злых и отчаянных бойцов и, хоть сокровище больше не искал, собирал богатую мзду с купцов и караванщиков. Мечту свою Дагомир не забыл, и денег у него скоро стало столько, что он мог ее осуществить.

Но налеты его были столь дерзкими, что власти взялись за него всерьез. К делу подключили армейскую кавалерию, и ватагу обложили в степи. Разбойники отбивались до последнего человека, в плен не сдался ни один, и все погибли. Разделил их судьбу и атаман, а Дагг-Ош попала в Полицейский музей.

История мне понравилась, я бы с удовольствием подержал в руках легендарную саблю, но сорок лет назад в музее случился пожар. Часть экспонатов сгорела, часть пострадала вследствие неумелого пожаротушения. Музейные посетители потом долгое время разбирались в пострадавших помещениях, многое было найдено и восстановлено. Но часть экспонатов отыскать не удалось, среди них была и сабля...

* * *

Только я закончил чтение, вошла леди Макензи.

— Время закрывать архив, Мартин, — сказала она. — Я надеюсь, вы почерпнули из документов что-то полезное.

— О да, уважаемая госпожа. Весьма благодарен вам за помощь. Скажите, я могу подняться в музей?

— Да, они заканчивают работу позже. Не все залы сейчас доступны осмотру, Большая галерея открыта всего четыре часа в сутки и охраняется. Потом ее запирают на крепкие замки.

— Мне нужен только оружейный зал...

Леди согласно кивнула, после чего мы тепло попрощались.

Наверху меня встретила смотрительница, очень похожая на Грету Макензи: такое же темное платье, волосы, собранные в пучок, очки, вот только в облике леди чувствуется порода.

Меня проводили в оружейный зал. Самые дорогие и редкие экспонаты действительно собраны в Большой галерее и во время выставки охраняются вооруженными стражниками. Там больше драгоценностей и золота, чем действительно оружия. Конечно, именная шпага национального героя генерала Толя или абордажная сабля прославленного географа, первооткрывателя, а по совместительству пирата Огюста Блейка вызывают восхищение.

Но вы можете себе представить, чтобы парадной рапирой эрцгерцога, эфес которой усыпан крупными бриллиантами, рубинами и сапфирами, бился кто-нибудь ну хотя бы на заурядной дуэли? Я, например, представить такое не мог, поэтому и прошел в оружейный зал — рабочее помещение музея, предназначенное для показа образцов холодного оружия различных эпох и народов.

У стен высокие стойки: алебарды, секиры, боевые топоры. Рядом копья, пики, дротики. Дальше, в стойках пониже, мечи: древние гладиусы и акинаки, более поздние спаты и эстоки, двуручные великаны цвайхендеры и фламберги. Более легкие — шпаги, рапиры, сабли и палаши — развешены на стенах. Отдельно разместилось оружие с изогнутыми клинками — хопеши, ятаганы, кописы и флакаты. Между стоек открывался проход к застекленным стеллажам с ножами, кинжалами и стилетами.

В углу кресло, обычно занимаемое служительницей. Сейчас она вышла, подчеркивая доверие к человеку с допуском из АСА. Я присел в это кресло и стал разглядывать экспонаты, перебегая глазами с одного на другой, пытаюсь представить, как можно использовать их для воздействия. Как вела бы себя при этом прямая спата, кривой, похожий

на секиру, хопеш или элегантная шпага. Как должен двигаться фехтовальщик, какие позы принимать...

Похоже, я слегка задремал — сказывалось напряжение предыдущей ночи, а полумрак и тишина музейного зала очень этому способствовали. Острое чувство тревоги заставило вздрогнуть. Опять, как тогда, в двадцать втором кабинете, стало вдруг зябко и заторопилось, засбоило сердце. Электрические светильники давали достаточно света, и я увидел, как под высоким сводчатым потолком с легким хлопком развернулось гигантское птичье крыло.

Оно жило своей потайной жизнью: чуть вздрагивало, трепетало и в то же время — я уверен! — было плотным и жестким, с бритвенно острым краем.

Я вскочил и кинулся к выходу, точнее, попытался это сделать, потому что крыло крутнулось на месте и спикировало в мою сторону. Острие нацелилось прямо в грудь, и мне с трудом удалось отскочить. Путь наружу оказался отрезан необычным, но грозным противником. Свободного пространства передо мною осталось примерно пять на пять метров. Рядом возвышалась стойка с мечами...

Крыло совершило в воздухе крутой пируэт, зацепив стену — брызгами полетела штукатурка, на беленой поверхности осталась глубокая борозда. Противник замер, готовясь к новой атаке.

Что же это творится, а?! Неведомый враг настигает меня повсюду — ввергает в гущу кровавой драки, превращая безобидных обывателей в бездушных убийц, машет над головой своими отточенными крыльями, гоняет меня, как мышь по углам! А я — мне так и бегать, спасая свою шкуру?! Нет уж, я не позволю прикончить меня хладнокровно и безнаказанно!

Страх пропал, появилась ярость.

Одним прыжком достиг я стойки с мечами и ухватил первое, что попало под руку. Им оказался двуручный фламберг — пятикилограммовый гигант с волнистым клинком до полутора метров. Таким можно пользоваться как увесистой дубиной.

Крыло шевельнулось, встало вертикально и теперь походило на нож громадной гильотины. А дальше — представьте себе исполинского повара, шинкующего колоссальным ножом невидимую гигантскую морковь! Точно такими же невероятно быстрыми рубящими движениями крыло-гильотина начало нарезать воздух от потолка до пола, неумолимо приближаясь ко мне.

Я попытался найти зазор в этом дьявольском движении — тщетно! Крыло занимало все пространство от стены до стены! Путь к бегству был отрезан...

Я стоял, выставив вперед двуручник, и понимал, что осталось только драться. Из чего состоит крыло? поддастся ли оно металлу? — этого я не знал, но выбирать не приходилось. И в миг, когда колоссальное лезвие приблизилось вплотную и начало падать, я качнул тело и рубанул по кругу, встретив опасную диковину мощным — по диагонали снизу вверх — ударом!

Клинок врезался на противоходе в темную клубящуюся ткань, брызнули алые искры, и в следующий миг крыло смялось, потеряло форму и утратило упругость. А вместе с этим и опасность.

Как раненое животное, чуть ли не поскуливая, оно отскочило к дальней стене. Ага! Не нравится?! Попробовало моего меча?!

Но сражение еще не закончилось. В следующий неуловимый для глаза миг крыло восстановило форму, налилось пружинной силой и стало на бок, напоминая теперь острие ножа. А еще через мгновение этот гигантский нож стремительно двинулся в мою сторону...

Сомнений, что противник способен легко расцечь мое тело, не оставалось ни малейших! В последнюю секунду я отступил с линии атаки, сильным ударом погрузил клинок в клубящуюся черную ткань почти по гарду и вцепился в рукоять, почти повис на ней, удерживая меч. Крыло продолжало двигаться, вспарывая самому себе — так и хочется сказать «брюхо», но нет брюха у крыла! — что? — эту самую ткань, плоть, черный как сажа туман, из которого состояло...

Опять летели фейерверком алые искры, я изо всех сил держал двуручник в прежнем положении, и крыло сдалось. Оно не распалось, как я ожидал, а снова скомкалось. Как бы свернулось. Крутнулось волчком и исчезло с легким хлопком.

Я стоял, тяжело дыша, посреди пустого музейного зала, сжимая в руках огромный меч с изогнутым, как змея, клинком. Было совершенно тихо, и я силился понять — может, всё здесь произошедшее мне привиделось? Может, я задремал в уютном кресле и утомленный мозг породил образ врага и сцену боя?

Вот только в воздухе остался неприятный запах плесени и влажной земли, а на стене зала — глубокая царапина, след первой атаки.

Я едва успел вставить меч в стойку, как вошла служительница.

— Вы закончили, господин? Подошло время закрывать музей...

— Да, благодарю вас, мне действительно пора уходить, — промолвил я, с трудом выравнивая дыхание.

Ноги едва держали меня, но, покидая зал, я сумел спросить почти обычным голосом:

— А что это за свежая царапина на стене?

— Царапина? — удивленно откликнулась женщина. — Недавно меняли стеллажи и стойки. Наверное, повредили рабочие... Обязательно скажу младшему смотрителю, чтобы заделал.

Я кивнул и покинул здание.

Всего лишь проулок отделял Музей древностей от проспекта Свершений. Я вышел на залитый огнями простор. Солнце село, и здесь начиналась бурная вечерняя жизнь: ярко горели электрические фонари, мерцали красочные витрины дорогих ресторанов, модных кафе и казино. Распахивались двери заведений, впуская хорошо одетых мужчин и женщин — степенных и вальяжных, веселых и беспечных. Отовсюду доносились музыка и смех.

По проезжей части двигались сплошным потоком экипажи и сверкающие авто, гудели клаксонами, лошадиное ржание смешивалось с рычанием моторов. Размахивал жезлом неизменный жандарм-регулирующий.

Люди спешили жить, торопились к счастью, успеху, удовольствиям. Никто не чувствовал и тени опасности, нависшей над миром. А я вздрагивал при мысли о кафе.

Можно зайти в отдел, директор и Ева наверняка еще там, но делать этого я не буду — отчитываться нет сил. Да и что я скажу? Что весь день читал древние сказки и подшивки старых документов? Это можно доложить и завтра, а выводы делать еще рано.

То, как бился с крылом? Так я и сам не уверен, было ли это на самом деле. Задремал утомленный оператор, привиделось что-то, спросонья помахал мечом. Хорошо хоть ничего не разбил. Стена поцарапана? Так, может, сам и поцарапал, неуклюжий. Или действительно рабочие выносили старые стеллажи...

Вот только для меня всё произошедшее было совершенно реальным. Я точно знаю, зацепи меня крылышко по руке — отсекло бы руку, обвалилось сверху — порубило бы в фарш. Неаппетитные кровавые куски мяса на полу музейного зала. И для меня всё это — знак того,

что я на правильном пути.

Кому-то очень не нравится направление моих поисков, а значит, надо продолжать. Теперь абсолютно понятно — это война, а на войне как на войне. И вопрос можно поставить просто и однозначно — или ты найдешь его, оператор Мартин, найдешь и приведешь в стойло — к директору, Еве, Серому, — но в темницу, каземат... В клетку, как опасного свирепого зверя. Или он тебя убьет, оператор Мартин. Без сомнений и сожалений.

Увы, не смогу я воспользоваться добрыми советами агента Серого и даже выполнить прямой приказ директора Аусбиндера — общаться только с приличными людьми и изучать документы. Потому что я теперь на тропе войны. Я — обозленный и жаждущий драки Мартин из приюта, готовый смять любого, кто посягнет на мое достоинство. Потому что я теперь точно знаю — победить противника можно, только сунув руку в пасть черту. Вооруженную руку. И я это сделаю — суну ее и вырву аспиду ядовитое жало! И пусть он хоть тысячу раз при этом назовется птицей!

Завтра же с утра займусь фехтовальщиками. И домой, в любимую мансарду, пить ром в одиночку — не пойду. Не до рома мне теперь, нужно искать зверя, открывшего на меня сезон охоты...

И я свернул на улицу Усталых Грез.

Глава 3

Интересно порой складывается судьба. Живет человек неторопливо и размеренно. Ходит изо дня в день в привычную контору, на верфь, в мастерскую, выполняет знакомую до мелочей работу. Когда интересную, а когда и не очень, но всем вроде доволен. Всё воспринимает как должное и не мыслит себе иного существования. А потом вдруг — бац! — словно включили свет в полутемной комнате! И всё знакомое и привычное тут же оборачивается новыми гранями. Вроде очертания прежние, а суть, значение, смысл — другие.

Раньше я думал, что пора резвой юности давно прошла. Приют, скитания с цыганами, бродячий цирк — тогда невзгоды и неожиданности были обычным делом, скорее повседневностью, чем исключением. Но потом началась учеба в Академии Прикладных Знаний, служба в АСА, отдел — я привык считать себя обычным столичным жителем. Пусть уникальной профессии, но рядовым гражданином Республики, каких много. И жар, и пыл юного сердца в далеком прошлом. А теперь?..

Я смотрел на Еву Марию как на недостижимую звезду, холодную красавицу аристократку, холеную и неприступную. А теперь?.. Мне казалось, что общая цель объединила нас, но не как заговорщиков, не деловыми партнерами мы с ней стали, а... кем?

Историческое фехтование, приключения, разгадывание страшных тайн — всё это мне заменили процедура и финт, возможность влиять на чужую судьбу. А сейчас я чувствовал холодок опасности между лопаток, легкую дрожь в теле, возбуждение в крови — и не сказать, чтобы всё это мне не нравилось! Что ж, я готов вновь, как в былые времена, взять оружие в руки и броситься в бой?! Не считаясь с последствиями и потерями?..

Но ответ являлся сам собой, бился где-то на краешке сознания — неявно, не в голос, но настойчиво повторял — да. Возьмешь. Бросишься. Победишь...

Я шагал по улице Усталых Грез молодой упругой походкой.

Когда я очнулся от размышлений, то не сразу и сообразил, что стою аккуратно напротив «Пены». Видно, ноги сами привели сюда, пока разум терзался сомнениями. Если в кафе меня сейчас не затянешь на веревке, то старая добрая пивная — как раз то, что нужно. Да и люди в «Пене» обычно собирались интересные. Я поднялся по невысоким ступенькам и толкнул массивную дубовую дверь.

В зале царил полумрак. Интерьер пивной оставался неизменным, наверное, уже лет сто. На стенах были развешаны фитильные лампы. Думаю, электричество еще не скоро найдет сюда дорогу, традиции важнее. Посетители сидели на крепких табуретах за столами, стилизованными под пивные бочки, пили крепкое темное пиво из рифленых стеклянных кружек и закусывали соленым сыром, вареным горохом и перьями зеленого лука. Всё здесь просто, прочно и добротно.

В воздухе висела плотная пелена табачного дыма, стоял ровный гул голосов, все столы-бочки были заняты, но меня интересовал вполне определенный человек. Пошарив глазами по залу, я нашел искомое — в дальнем углу, в окружении своих помощников восседал Ганс Сундук.

Если вы хоть раз увидите Ганса, то уже никогда не спутаете его с кем-нибудь другим. Это горбун, рост которого едва достигает полутора метров. Длинные, как у обезьяны, сильные руки с огромными кулаками свисают чуть не до колен, короткие ноги оканчиваются непропорционально большими ступнями, которые Ганс зимой и летом обувает в калоши громадного размера. Маленькая головка с хитрыми глазками, на шишковатом черепе редкий пух рыжих волос. Этот человек может показаться комичным или отталкивающим, и оба впечатления будут неверны.

Сундук держит Рынок — огромное пространство Предместья, застроенное павильонами, складами, палатками и торговыми рядами с хлипкими навесами. Здесь честно торгуют мясом, маслом, зеленью и фруктами. Но не только. В укромных местах и темных задворках Рынка играют в карты, продают и покупают контрабанду, сбывают фальшивые деньги. Круглые сутки обслуживают клиентов притоны с дешевыми проститутками. Тысячи людей зарабатывают на Рынке деньги самыми разными способами. Честными и не очень.

Обладая незаурядной физической силой, Ганс начинал вышибалой в павильонах. Многие поплатились тогда за то, что не восприняли сразу этого человека всерьез. Сколько челюстей сломал Ганс, сколько ушей отрезал, теперь уже не сосчитать, но сегодня это полномостный предводитель рыночного теневого народца.

Железной рукой правит он жуликами всех мастей: торговцами «веселой травкой» и оружием, шулерами, мошенниками и сутенерами. В то же время все грузчики и рубщики мяса, зеленщики и весовщики знают, кто хозяин на Рынке, и все платят нелепому горбатуому карлику долю с доходов. Теперь отношение к Гансу не только серьезно, но и с большой толикой уважения и страха. Сундук слывет предводителем жестоким, но справедливым. Он выступает третейским судьей в спорах между здешними уголовниками, наказывает виновных и держит подпольную казну.

Вот к этому человеку я и направился. Ганс сидел в окружении троих отъявленных маргиналов, ни одного из которых я не знал, но это и неважно — я знаю Ганса. И что еще важнее, Ганс знает меня.

Вернее сказать, он был знаком с цыганами и уважал дядюшку Марло. Этот вольнолюбивый народ умел заставить себя уважать: стоило обидеть цыгана, и на его защиту вставал весь табор. Обидчику предстояло разбираться с отчаянными парнями, умевшими

даться и, если необходимо, не щадившими ни себя, ни врагов. Поэтому с цыганами, считавшими себя одной большой семьей, старались не связываться. А с дядюшкой Марло Сундук вел когда-то дела и признавал за старым цыганом ту честность, которая ценится в этих кругах превыше всего.

Я остановился за шаг от стола и выдержал почтительную паузу. Первый из компании, высокий, с сумрачной физиономией мужчина средних лет, жевал, уткнувшись в тарелку, и ни на что не обращал внимания. Второй, постарше, воззрился на меня с подозрением, а третий, совсем молодой, со шрамом через всё лицо, вопросительно уставился на вожака. Не сомневаюсь, если бы возникла необходимость, меня бы тихо прирезали прямо здесь, незаметно и аккуратно. Потом вынесли бы через черный ход и спрятали так, чтоб никто никогда не нашел. Но Сундук расплылся в улыбке.

— Мартин! — проговорил он высоким надтреснутым голосом. — Черт меня заberi, я страшно рад тебя видеть! Ты, наверное, подумал над моим предложением и решил перейти в команду папочки Ганса?

Действительно, помимо нежных воспоминаний юности, он знал меня и в более позднее время как артиста цирка. Постоянно гастролируя в провинции, мы тем не менее несколько раз выступали в Капиталле, давая представления как раз на Рынке. Ганс видел наш с Россом трюк, и его изощренный криминальный ум сразу построил несколько вариантов мошенничества с использованием моих способностей. Он предлагал мне участие в аферах, и кто знает, если бы не АСА, может, я бы сейчас либо являлся подданным империи Ганса, либо находился бы на каторге.

Кстати, к операторам главарь вообще относился уважительно, и Агентство было чуть ли не единственной службой, которую он признавал. Конечно, после полиции.

— Мое почтение всей честной компании, — ответствовал я с поклоном. Эта публика любит уважительное отношение. — Спасибо, Ганс, но я еще подумаю...

— Ха! — откликнулся он. — Думай и, когда надоест казенная похлебка, подмигни. Старина Ганс обязательно найдет для тебя теплое местечко! Садись, парень...

Как по волшебству появился еще один табурет, на столе оказалась полная кружка и лишнее блюдо с сыром. Потекла неспешная застольная беседа, рыночные новости: кто с кем, когда и за что. По большей части всё это мне не интересно — людей этих я не знаю, от криминальной жизни Рынка далек. Я слушал ради приличия, кивая и прихлебывая пиво, и ждал возможности задать интересующий меня вопрос.

Как-то незаметно разговор перешел на недавнюю драку, случившуюся в рядах, чью-то смерть, а потом заговорили о ножах. Тут я и влез:

— Ты же знаешь, Ганс, я всегда был равнодушен к клинкам, — заговорил я доверительно, но так, чтобы слышали все. — У меня есть хороший кинжал, но хочется собрать приличную коллекцию. Сабли, шпаги, мечи...

— Хо, Мартин! Ты становишься настоящим обывателем. Будешь вешать их на стену? — засмеялся главарь. — Могу поспособствовать в приобретении отличной навахи! Нож надо носить за поясом или, на худой конец, за голенищем сапога...

— Да нет же, Ганс, я не собираюсь никого резать...

— И в этом твоя беда, парень. Оружие должно действовать, применяться по назначению. Оно живо, пока питается кровью! В противном случае клинок покрывается мертвой ржавчиной.

Его слова неожиданно откликнулись во мне:

— Ты знаешь людей, которые оживляют клинки кровью? — спросил я вроде в шутку, но внутри меня все замерло.

— Конечно, — рассмеялся горбун. — Ты видишь их сейчас перед собой. Это мы не даем клинкам ржаветь! Правда, парни?

Компания дружно заржала, и у меня отлегло от сердца — обычный треп подвыпивших бандюков.

— Что тебе вся эта старинная дребедень? — гнул свое Сундук. — Или ты надумал открыть антикварную лавку, наподобие старины Поля? Вот у кого, кстати, бывают интересные экземпляры. Ты не смотри, что пройдоха Поль с виду прост, дело открывал еще его отец. Тогда собирать редкие образцы было проще...

— Я захожу к нему постоянно, но старый хитрец ломит такие цены, что на приглянувшуюся вещьцу оклада оператора не хватает!

— Вот! А тут отличные клинки из Толедо! Задешево... А тебе, по знакомству, так и вовсе считай задаром.

Беседа продолжалась в том же духе, Ганс предложил мне еще с полдюжины ножей, армейский револьвер и краденное новенькое авто. Но в конце заявил:

— Ты не по адресу обратился, парень. Дорогими штучками типа сабелек мы не промышляем. Слышал я, антикварным оружием занимался недавно Коготь. Их светлость, — тут рыночный король скривился, — изволят гулять сегодня здесь, в отдельном кабинете. Поскольку я знаю тебя с юных лет, могу устроить аудиенцию. Авторитета на это хватит. Много времени он тебе не уделит, не того ты полета птица, но несколько минут...

— Мне бы только узнать, Ганс.

— Рубец, сынок. — Главарь поманил пальцем молодца со шрамом через всё лицо и пошептал что-то ему на ухо. Тот, сорвавшись с места, ускакал по лестнице на второй этаж.

Через несколько минут я поднимался в сопровождении Рубца по пологим ступеням. Здесь располагались кабинеты для особо важных гостей. Сундук едва ли мог претендовать на отдельные апартаменты, хоть и утверждал, что хозяин «Пены» ему это предлагал. А он, мол, гордо отказался, дескать, с народом ему приятнее. Но, по-моему, всё это отговорки.

Около кабинета стоял мрачный громила с подозрительно оттопыренной полкой пиджака. Он цепко оглядел меня с головы до пят и мрачно кивнул: я допущен в кабинет.

Здесь всё было обустроено по-другому, никакого сходства с деревенской корчмой уже не угадывалось. Свечи в канделябрах, бархатные портьеры на стенах, изящная мебель. На столе хрусталь и серебро, тонкие блюда и благородные напитки.

Лорд Железный Коготь больше похож на благородного искателя приключений, какими их рисуют в романтических романах. Курчавые темные волосы до плеч, голубые глаза взирали на мир открыто и дружелюбно, красивое мужественное лицо с тонкими чертами украшала располагающая улыбка.

Но и здесь первое впечатление обманчиво — этим ребятам порой могли позавидовать профессиональные актеры. Передо мной в свободной элегантной позе сидел самый дерзкий, жестокий и неуловимый налетчик Капиталлы, а может, и всей Республики. Никакого отношения к дворянству он не имел, зато пролил немало крови честных ювелиров и ростовщиков.

Коготь не предложил мне сесть, не сказал каких-то приветственных или вступительных слов, произнес только: «Что?» Я понял: сам факт аудиенции говорил о достаточном доверии к моей особе, и следовало быть предельно кратким.

— Сабля либо шпага, — сказал я без эмоций, по-деловому. — Старинной работы, лучше известного мастера. Может быть, с предысторией...

— Антиквариат? Дорогое оружие с драгоценными камнями, золотом и платиной? — изогнул аристократическую бровь Коготь.

— Нет... — Я замялся. — Дорогие побрякушки, усыпанные камнями, меня не интересуют... — Действительно, как объяснить, что я ищу оружие уникальное, способное участвовать в информационных процессах?

— За обычными «рабочими» клинками не обязательно обращаться ко мне, — проронил Лорд. — Их можно приобрести гораздо проще.

— Старое, даже старинное оружие. Может быть, коллекционное. С «биографией»... Может, забытое, но всплывшее недавно...

Еще несколько мгновений Лорд смотрел на меня с легким удивлением, а потом в глазах его мелькнуло неожиданное понимание, и он резко встал.

— У меня нет ничего похожего. Иди и передай своему хозяину, что я не желаю играть в эти игры. Это мое последнее слово, и я очень надеюсь, что больше не увижу ни тебя, ни кого-то похожего на тебя или твоего патрона...

— Не понимаю... — промямлил я, совершенно не ожидая такого оборота.

— Не понимаешь?! А я думаю, ты отлично всё понял! Что приключилось с Персивалем? Почему он найден мертвым недалеко от Вернисажа? И не просто мертвым, я бы понял, если б бедолагу хватил удар от переживаний. Но его зарубили, как свинью на бойне!

Коготь сверкнул глазами, и я невольно попятился. Стена сзади не позволяла двигаться, но я с радостью вжался бы в нее целиком, сам стал бы камнем.

— Я честный разбойник, так и передай своему хозяину! Я зарабатываю свой кусок хлеба тяжким трудом и непомерным риском! Агенты Крипо много бы дали, чтоб знать, где я ужинаю. Но никогда не убиваю ради развлечения или каких-то туманных целей! Только в самом крайнем случае... А этот твой господин — ему не место среди людей!..

— Но... — я смешался окончательно.

— Никаких «но»! — Глаза налетчика сверкнули, и я как-то сразу поверил — будет нужно, этот человек легко переступит через чужую жизнь. Несмотря на заверения...

Вдруг зрачки его расширились, и он страшно прошипел мне в лицо:

— Уходи!

Я вылетел из кабинета, как пробка из бутылки. Вот так-так! Похоже, кто-то уже обращался к Лорду с подобным предложением. Похоже, налетчик меня с кем-то спутал, но главное — Коготь боится этого человека! Обижен, не хочет связываться — и боится. Кто же мог напугать отчаянного головореза, которому сам черт не брат? На сегодняшний день я знал только одного такого человека. Того, который очень легко льет кровь и уже присылал ко мне смертоносное крыло.

Я посидел еще немного с парнями Сундука и скоро стал прощаться, а перед уходом спросил как бы невзначай:

— Ганс, ты знаешь такое сообщество — «Спата»? Ребята дерутся на длинных ножиках...

— Ха, ты посмотри на морду нашего Рубца! Где, ты думаешь, он получил столь шикарный шрам? Всяко не в уличной драке...

Я вопросительно уставился на юношу, и тот согласно кивнул.

— Хочу вспомнить молодость, помахать клинком, размяться. Устроишь?

— Сынок, надо помочь моему другу! — пропищал со своего места пьяный Сундук.

Рубец кивнул еще раз:

— Завтра в два, у заброшенного цирка. Знаешь, где это?

Я знал. Хоть в чем-то сегодня да повезло...

* * *

Утро началось с совещания у господина директора. Я коротко, по пунктам доложил о своих архивных изысканиях и обозначил выводы. О крыле и посещении пивной я не сказал ни слова.

Директор глубокомысленно выслушал, потом благословил мой дальнейший план действий — продолжить работу в архиве и Музее, покопаться в полицейских картотеках (всякое содействие, Мартин, вам будет оказано!) — и отпустил меня с богом.

Ева слушала доклад с серьезным видом, кивала, и из кабинета мы вышли вместе. Как только дверь захлопнулась, она прихватила меня под локоток и жадно заглянула в глаза.

— Ну же, Мартин! Я надеюсь, ваши действия не ограничились тем, что вы повели к этому напыщенному болвану?

Я вновь почувствовал запах восхитительных горьковато-терпких духов, увидел эти удивительные глаза, взирающие на меня умоляюще и требовательно, и в груди что-то дрогнуло. Сегодня она собрала волосы в хвост, смещенный по нынешней моде к правому уху, и это придавало ей вид задорный и совершенно юный...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я не заблуждался на счет Евы Марии Сантос. Что ей обычный штатный оператор Агентства, безродный сирота, пробивающий себе дорогу в этом безжалостном мире. Да и внешне ни особой стати, ни красоты и обаяния знаменитого актера Харрисона Плимута.

Но и считать себя лишь орудием в ее руках мне не хотелось. Мысли эти появлялись, но я гнал их, убеждая себя в том, что мы союзники, делаем одно дело и к общей пользе... Получалось плохо. Всех этих рассуждений мне становилось недостаточно. Я теперь многое бы отдал за благодарную улыбку Евы.

А главное, пропасть между высокородной дворянкой и простолудином больше не казалась столь непреодолимой. Проводится операция против опаснейшего государственного преступника. В этой борьбе все мы — и тайники, и директор, и Ева — выступаем одним отрядом, но я незаметно выхожу на острие атаки, начинаю играть в поиске ключевую роль. И в случае успеха приоритеты будут расставлены, а награды, хотелось бы надеяться, розданы по праву.

Однако до поры я спрятал свои мечты и желания поглубже. Подробно рассказал Еве Марии о событиях вчерашнего дня и поделился планами на сегодня.

Эксперт слушала предельно внимательно.

— Это может быть опасным, — Ева закусила губку, — но я с вами согласна, Мартин. Только постоянно тревожа маньяка, наступая ему на хвост, мы сможем добиться результата. Сделаем так. Я тоже знаю, где заброшенный цирк. Все называют его Ареной. С десяти утра я буду поблизости и постараюсь подстраховать вас на случай неожиданностей. Насколько это окажется возможно. И вы, Мартин, будьте осторожны...

Она вновь посмотрела мне прямо в глаза, и я опять подумал, что между нами возникает некая новая связь. Или мне просто очень этого хочется? Не родился еще мужчина,

способный до конца понять женщину...

В ответ же тряхнул головой и улыбнулся как можно беспечнее:

— Не волнуйтесь, госпожа эксперт. Все будет в порядке. Порой мужчинам приходится играть роль истинных героев, даже если не очень хочется.

Мы встретились с Рубцом, как и договаривались, в два часа неподалеку от Арены. Парень принес собой большой мешок с амуницией и три клинка на выбор.

— Сегодня особый случай, предполагаются гости из сообщества «Елмань». Поборемся...

Ага! Судя по названию, там будут саблисты! Как раз это оружие меня сейчас интересует больше всего. Очень хорошо!

Рубец принес немецкий гросс-мессер, широкий и длинный, тяжелый и надежный меч, похожий на горячо любимую спату; индийский тальвар, саблю с сильным загибом и мощной елманью, и, наконец, слегка изогнутую польскую карабелу.

Я выбрал как раз ее — рукоять с навершием в виде головы орла удобно легла в ладонь, вес был подходящим, а элегантность и пропорциональность неширокого клинка радовали глаз. Крутанул саблю кистевым движением, и она радостно откликнулась посвистом рассекаемого воздуха. Я не поверил себе, осмотрел и осторожно потрогал лезвие пальцем — так и есть, заточка была вполне серьезной. Рубец осклабился, видя мои манипуляции, и довольно покивал — мол, «полный порядок!».

В мешке для амуниции нашлись толстые шерстяные перчатки, длиной почти по локоть и обшитые кожей, налокотники, наплечники и наколенники и, наконец, два жилета из толстой кожи с металлическими полосами. Памятуя былые дни, я оделся в легкие просторные штаны и прочные, но тоже легкие ботинки.

И всё бы хорошо, но только такая защита помогает, когда оружие не заточено. Тупой клинок соскользнет по коже, толстая шерсть смягчит удар. Бойцу грозит синяк, в крайнем случае — перелом. Но всё это ерунда при использовании заточенных клинков — острая сталь прекрасно разрубит и кожу, и шерсть, и плоть.

— А где шлемы? — озадаченно спросил я Рубца.

В наше время войлочная шапка, обшитая металлическими бляхами и с защитой для глаз, считалась обязательным элементом экипировки. Впрочем, здесь та же история — всё дело в заточке. Едва ли самодельный шлем спасет от вострой сабли.

— А вот шлемы у нас не приняты, — ухмыльнулся фехтовальщик. — Настоящий воин встречает противника с открытым лицом! Так завещал великий Ван Гааль. Если надо, возьмишь баклер, там будет.

Ага, Ван Гааль, стало быть. Тот самый основатель, помешанный на прямых клинках.

— Он сегодня будет? — спросил я.

Рубец удивленно воззрился на меня, а потом поведал снисходительно, явно сочувствуя моему невежеству:

— Руперт Ван Гааль, магистр сообщества «Спата», погиб полгода назад, защищая честь нашего братства. Он бился с двумя противниками сразу, обоих победил, но умер от ран чуть позже...

Вот так-так! Ничего этого агент Серый мне не говорил, то ли не знал, то ли не счел существенным. Конечно, что особенного? Бился предводитель на заточенных мечах с двоими противниками, порубил обоих, судя по всему, в капусту и сам благополучно представился. А шлемов мы не носим, гордые...

Сомневаться в серьезности молодцев из «Спаты» не приходилось, но и отступать было некуда. Да я и не собирался — Арена влекла меня! Хотелось взять клинок в руки, почувствовать азарт сечи! Испытать то особое состояние, когда кровь закипает в жилах, а тело невесомо порхает над землей в опасном танце сабельной схватки.

Мы быстро переоделись, побросав лишнюю одежду в опустевший мешок, и двинулись к Арене.

Старый цирк порядком обветшал. Когда-то, в незапамятные времена, здесь проводились спортивные состязания, массовые игры и праздничные концерты. Потом отстроили Стадион, и все зрелища переместились туда, о цирке забыли.

Сейчас амфитеатр зиял чудовищными проломами в каменном теле на западе и востоке, как раз там, где когда-то были входы. Вокруг стеной стоял дикий колючий кустарник, но к большему пролому вела протоптанная дорожка, которой, судя по всему, постоянно пользовались. По этой тропе мы и вошли в цирк.

Сама Арена находилась много ниже входа, и я мог хорошо рассмотреть всё сверху. На аккуратно подстриженной траве стояли группами, бродили, переходя от компании к компании, переговаривались и смеялись около трех десятков человек. Перчатки, обшитые кожей, пока все держали в руках, оружие — в ножнах. Большинство, как и мы, носили кожаные жилеты.

Однако часть участников, примерно треть, отличалась от остальных. Эти были одеты в легкие кольчуги, на головах — круглые войлочные шапки. Хоть какая-то защита, не то что наши пижоны... Гости, стало быть...

Оружие пока не доставали. У «наших», которых легко было узнать по однотипным жилетам и непокрытой голове, имелись в основном прямые клинки. Ведь спата — длинный, прямой, обоюдоострый меч с закругленным или заостренным окончанием. У чужих, которых я про себя назвал «кольчугами», были сплошь изогнутые клинки — разные виды сабель и восточные мечи.

Мы с Рубцом как раз приближались к Арене, спускаясь по проходу мимо полуразрушенных зрительных рядов, когда толпа оживилась. Из людской массы вышел высокий парень с мощными плечами и поднял руки, призывая к тишине.

— Наш старшина! — жарко выдохнул мне в ухо Рубец.

— Доброго всем дня, господа! — заговорил он громким голосом. — О, простите, дамы и господа!

Послышались смешки. Приглядевшись, я, к своему удивлению, заметил среди «кольчуг» девушек. Их было немного, но они стояли среди ребят, экипированные и с оружием. Это оказалось для меня новостью. Мы тоже иногда приглашали девчонок, но только в качестве зрителей.

— Сегодня наконец свершилось давно задуманное и ожидаемое — мы принимаем гостей из славного братства «Елмань»! — продолжал глашатай. — Это наши братья по духу, единомышленники и единоверцы! Для каждого из нас нет ничего краше и притягательнее отточенной закаленной стали!

Под одобрительные выкрики мы влились в толпу. Я продвигался среди оживленных молодых людей. Ребята гомонили, сыпали шутками и незлобивыми подначками, готовые в любой момент взорваться хохотом. Чувствовалось, что у всех приподнятое настроение и здесь собрались для праздника.

Рубца многие узнавали, приветствовали и хлопали по плечу. На меня мало обращали

внимание, иногда мельком кивали. Всех поглотила подготовка к действию.

Голос старшины гремел над Ареной:

— Рад поделиться с вами секретом, дорогие соратники, — наши друзья-елманцы тоже точат свои сабли! Они, как и мы, не променяют огненный праздник истинного боя на вяленькую забаву с тупыми клинками. Оставим такое развлечение сытым ленивым обывателям, нам с ними не по пути! Мы привыкли развлекаться трудно, с потом и кровью, с победной песней на сведенных судорогой губах!

Слова потонули в одобрительном реве. Глашатай сделал паузу и поднял руку. Гул стих.

— В наших рядах много отважных и умелых бойцов. В первую очередь давайте вспомним основателя «Спаты» Руперта Ван Гааля, павшего в неравном поединке и обессмертившего свое имя! — Толпа взревела. — И Збышека Ягодку, основоположника «Елмани»! Наш брат Збышек в тюрьме, власти заточили его за стремление к воле и победе! Но мы помним тебя, брат! Настанет день, и ты вернешься в наши ряды! И обыватель вздрогнет!..

Все потонуло в многоголосом реве. Клинки покинули ножны и заблестали на солнце, но старшина вновь поднял руку. На миг мне показалось, что он управляет толпой, как опытный дирижер оркестром. Тоже ведь информационная работа...

— Конечно, это не значит, что мы собрались в этот чудесный солнечный день для того, чтобы перерезать друг друга! — Из толпы слышались смешки. — У нас дружественная встреча, потому прошу соблюдать осторожность и пользоваться баклерами, — он указал на груды круглых щитов, обитых медью. — Тут должно хватить на всех желающих...

Предложение бойцы встретили вяло, я понял, что и от такой защиты многие откажутся.

— А сейчас традиционный выбор. Как всегда — гостям почетное право. Бой один на один, два на два, трое против троих. Групповые, если будут к этому желающие, проведем во второй половине дня. После перерыва...

* * *

Гостей оказалась дюжина, членов «Спаты» — вдвое больше. Мы выстроились в шеренгу по левую руку от старшины, и началась, как я догадался, хорошо знакомая многим процедура. Из группы «кольчуг» выступал боец. Иногда сразу подходил к нашей шеренге, иногда прохаживался в раздумьях перед строем, потом выбирал противника и хлопал его перчаткой по плечу. Соперники выходили на свободное пространство и обнажали оружие, отбрасывая ножны к щербатому бордюру арены.

Зазвенели клинки, и арена превратилась в ристалище.

Начавшиеся схватки меня несколько успокоили — бойцы не бросились в рубку, не спешили калечить друг друга. Во всяком случае пока. Есть еще, правда, азарт, который возникает и крепнет по ходу поединка. По себе знаю, сам был таким, но сейчас всё выглядело вполне благопристойно.

День выдался теплый и солнечный, веял легкий ветерок, и казалось, молодежь выехала на пикник и теперь разминается от нечего делать.

Пары фехтовали, нанося удары вполсилы. Образовалась и четверка, где упражнялись двое на двое. Время от времени бойцы останавливали спарринг — по-другому назвать происходящее было трудно — и показывали друг другу приемы боя, повторяли движения в замедленном темпе.

Я почти успокоился — ну действительно, не каждое же сборище должно обращаться в кровавую вакханалию. Хотя случай для злоумышленника предоставляется удобный. То, что я успел понять о своем противнике, диктовало — нет, просто кричало! — он где-то рядом. Куча народа с боевым оружием в руках! Если он умеет сводить с ума толпу — а он это умеет, кафе тому подтверждение, — то самое время...

Тут Рубец толкнул меня в плечо.

Передо мной стояла девушка. Гибкую фигуру не могла скрыть ни кольчуга, ни широкие просторные шаровары, на боку в ножнах висела сабля. Девушка поиграла перчаткой, а потом, грациозно изогнувшись, хлопнула меня по плечу.

Миловидное лицо, волосы заправлены под круглую шапку, на губах чуть застенчивая улыбка. Я слегка замешкался, хотя на подобном сборище надо быть готовым к вызову на бой. Делать нечего — я шагнул навстречу судьбе.

Мы вышли на свободное пространство и обнажили сабли. Я показал жестом на баклеры, сваленные кучей в стороне, но девушка опять улыбнулась и отрицательно помотала головой.

Стали в стойку, у девушки оказалась гаддарэ, широкая восточная сабля с сильно загнутым клинком и массивной елманью. Оружие тяжелое, в опытных руках очень опасное и, на мой взгляд, девичьей руке не подходящее, но воительница с ходу обозначила два хлестких засечных удара — сверху и по диагонали. На первый я ответил отводом, на второй — сбивом. Сталь зазвенела о сталь. Не останавливая руку после сбива, я и сам махнул несильный горизонтальный удар, от которого девушка легко ушла, отпрянув назад.

Ногами она работала отлично — легко перемещалась, пританцовывая вокруг меня, меняла позиции. Потом неожиданно сделала глубокий выпад. Движение получилось очень быстрым, и хоть колоть такой саблей, как гаддарэ, не слишком сподручно — ею пристало более сечь и рубить, — но острое мелькнуло в опасной близости от моей груди. И заточено оно было по-настоящему!

Спасла скрутка корпусом — клинки скрестились с шершавым скрежетом, и я направил ее саблю в сторону. И тут же, следом, с вывертом кисти провел свою карабелу под оружие девушки — гарды сабель уперлись одна в другую, — а потом широким кругообразным движением, двумя руками откинул ее от себя.

На девичьих щеках играл румянец. Воительница прерывисто дышала, и я видел, что всё происходящее приводит ее в восторг. Мы продолжали кружить друг против друга. Краем глаза я заметил, что поединки оживились, движения бойцов ускорились, а удары и сбивы стали резче. И всё равно ничего опасного вокруг не происходило. Слышались возбужденные голоса, порой звучал смех...

Когда неприятный холодок пополз по телу, я воспринял это почти спокойно, почти привычно. Слишком было бы просто — вот так потренироваться немного, размяться на свежем воздухе и пойти с Рубцом пить пиво. Маньяку требовалась кровь, и чего-то подобного я ожидал с самого начала. Хоть и не желал...

На этот раз не гремел гром вдалеке, не звучал птичий клекот, но знакомо заторопилось и тут же сбилось сердце. Девушка продолжала улыбаться, вот только улыбка стала другой, пугающе знакомой по «Bluescafé». Я не забыл ту страшную кафешку и те мертвые, будто приклеенные улыбки на лицах.

Стиль поединка сразу изменился. Теперь «кольчуга» рубила сосредоточенно и сильно, полностью используя преимущества своей тяжелой гаддарэ. Девушка наступала, секущие удары — диагональные, сверху и снизу — сыпались на меня градом. Принимать их на

клинок моей карabelы было смерти подобно: сабля не выдержит, а там и мой черед. Поэтому я сбивал атакующую сталь, уходил уклонами и отступал — отступал — отступал, почти бежал уже по широкой дуге от фурии, в которую превратилась девушка, только что такая милая.

В какой-то момент я поравнялся с грудой баклеров и, прихватив один, попытался отбиваться теперь уже щитом. Получилось раз и другой, но я понял — третьего удара такой силы баклер не выдержит. Сабля разрубит его вместе с моей кистью.

В поединке образовалась короткая, в долю секунды, пауза, и я отчетливо осознал, что вокруг идет отчаянная сеча. Никакого благодушия на Арене не осталось и в помине. В тот же миг воздух прорезал крик ярости и боли...

Ристалище превратилось в поле боя.

Фурия продолжала атаковать. На ее стороне были молодость и быстрота, а то, что сил во время воздействия прибавляется, я знал по «Bluescafé». Помнил, как сосредоточенно, не ведая усталости, била скрипачка двузубой вилкой девицу и сталь с мерзким хрустом вонзалась в поясницу. И как девица, в свою очередь, держалась до последнего издыхания за студента, вцепившись ему в шею.

Сильный горизонтальный удар по верхнему уровню — и я еле успел спастись низким подсадом. Следом так же сильно по нижнему уровню — выпрыгнул что было мочи. Стремительно, по среднему — спас отрыв живота, я втянул его, кажется, до самого позвоночника... Надо было что-то предпринимать, больше всего мне сейчас хотелось выйти из боя...

Чем виновата эта девочка? Ведь сейчас она марионетка, не владеет собой, не ведает, что творит! Кто-то умелый и очень жестокий превратил судьбы этих ребят в разменную монету своих чудовищных планов и непомерных амбиций. Их всех надо спасать, выводить из рубки, заканчивать быстрее эту бойню. Только как? Если со всех сторон на тебя нацелено отточенное боевое оружие? Да одной этой девчонки хватило бы! Чужая злая воля превратила ее в автомат, машину для убийства. Как же ее остановить?

— Стой! — попытался крикнуть я в краткий перерыв между ударами.

Дыхание сразу сбилось, в звоне клинков и звуках боя мой крик был едва ли громче комариного писка. Но я повторил попытку:

— Остановись! Брось оружие, я приказываю тебе!

Приказывать девчонке я, конечно, никакого права не имел, надежда была лишь на властные интонации старшего по возрасту человека. Но тирада моя не возымела ни малейшего действия...

— Да погоди же! — отбивая очередной опасный удар, уже не прокричал, а проревел я. — Брось саблю! Я всё объясню, дай мне возможность...

Девушка возможности мне не дала. Я еле успел уйти из-под вертикального удара, но второй, невероятно быстрый, летел мне прямо в голову. Уже не щадя карabelы, я защитился сбивом и одновременно с этим метнул бесполезный баклер в голову «кольчуги».

Лишь на секунду она потеряла ориентацию. Сила инерции развернула ее тело, открыв на миг незащищенную спину и шею, и я рубанул по этой беззащитной шее с еле заметным бугорком позвонка.

Девушка замерла, какой-то миг я думал, что не достал ее, хотя рука чувствовала сопротивление удару, но в следующее мгновение ноги воительницы подкосились, и она рухнула ничком в истоптанную траву. Голова неестественно вывернулась, и из широкой

раны хлынула кровь.

Поле боя превратилось в бойню.

Вокруг неистово рубились. Сквозь неумолчный звон клинков слышались яростные крики, хрип и стоны. Кто-то тонко заверещал вдруг на одной ноте. В бойне участвовали все, «жилеты» смешались с «кольчугами», теперь все бились против всех, каждый — против каждого. Вокруг мелькали неживые лица бойцов, искаженные бешеным оскалом и замороженными улыбками — потухшие глаза и тупая настойчивость в стремлении рубить, рвать, крошить живую плоть...

Прости меня, девочка! Видит бог, я не желал твоей смерти, но и отступить не могу! Чем виноваты эти ребята? Только тем, что сегодня на их собрание пришел я?! Как остановить это помешательство?! Хотелось выть, кататься по земле, кусаться...

Но ничего этого делать было нельзя, потому что я понял, как остановить кровопролитие — единственно правильным способом. Сейчас мне не нужны были особые условия — сосредоточенная тишина операционной или трепетный полумрак мастерской. Градус возбуждения заменил всё это.

Я отскочил от бьющихся воинов и, не покидая бранного поля, раскинул руки с окровавленным оружием. Раскинул, как будто хотел обнять всю вселенную...

* * *

Знакомый рисунок информационных линий возник перед глазами, совместился с реальной картиной боя. Изумрудный узор, живой и трепетный, принял необычные очертания. Линии противостояли, будто пытались оттолкнуть друг друга. Во время процедур я такого никогда не видел.

Но еще более поразился я линиям судеб. Во-первых, их оказалось непривычно много. Во-вторых, они изготовились, как клинки перед сечей. Угрожали, опасно изламывались в опорных точках. Казалось, еще миг — и ринутся друг на друга, встретятся со звоном и лязгом.

А по краю картинки пролегал особенно яркий вектор — толстый, пульсирующий рубиново-красным. Он появлялся из ниоткуда и исчезал в никуда. Руководил всей этой свистопляской, направлял кровавые события.

Зачарованно смотрел я на открывшийся вид, забыв на миг, где нахожусь и что делаю. И вдруг один из воинственных векторов поменял в опорной точке свое направление и нацелился прямо мне в лицо, как наставленное копьё. С усилием я сфокусировал взгляд на реальных событиях — так и есть! Невысокий крепыш в жилете, сжимая в руке сильно загнутый килич, кинулся на меня, как волкодав на загнанного зверя.

Я еле успел отмахнуться, уйти в сторону. Мы начали рубиться — зло, нерасчетливо, осыпая друг друга градом ударов. Из-за спины первого вдруг вынырнул второй, они попытались взять меня в «коробочку». Я сместился вбок, так, чтобы один перекрывал линию атаки другому. Но ребята ловко перестроились, чувствовался опыт работы в группе.

Противники уже готовы были атаковать меня с двух сторон, когда рядом с криком: «Держи-и-ись!!!» — неожиданно появился Рубец. В его руке был тот самый гросс-мессер, который я видел утром. И оружие, и сам парень были все в крови, но, не теряя ни секунды, мой нежданный помощник включился в драку. Вот кстати! Студенты в кафе тоже бились единым отрядом против всех остальных, видно, так тоже бывает... Но раздумывать над

превратностями группового помешательства было некогда.

Гросс-мессер с ходу скрестился с клинком одного нападавшего. Противники, размахивая мечами, выпали из поля зрения. Я сосредоточился на том, что остался передо мной. Он нанес удар сверху, целя в голову, но я поймал его клинок своим, крутанул кисть. Карabela за счет малой кривизны хорошо приспособлена для колющих ударов, и я в глубоком выпаде, вложив в оружие вес тела, вогнал саблю в грудь крепыша. Как раз над вырезом жилета.

Отточенное лезвие с хрустом прорезало грудину, порвало аорту, лицо бойца вмиг стало пепельно-серым, и он начал заваливаться. Помогая себе ногой, я выдернул саблю из падающего тела. Ни одна капля крови не показалась снаружи, вся она излилась внутрь грудной клетки.

Парень рухнул — уже второй мертвец на моей совести! Только за сегодня. Что же это делается, а?! Почему мне приходится обагрять свои руки кровью невинных?! За что мне это...

Я оглянулся. Рубец заканчивал схватку — на моих глазах он отрубил противнику левую руку по локоть. Кровь фонтанировала из раны, парень страшно кричал. Потом, получив удар по правому плечу, упал.

На Арене сражались лишь несколько бойцов. Картинка замедлилась, они двигались как во сне, но не оставляли попыток поразить друг друга. Арена была завалена телами, «кольчуги» и «жилеты» лежали вперемешку, кто-то еще стонал. Вытопанная трава сплошь была залита кровью. Всё, чего я сейчас хотел, — достать виновника этого кровавого пира!

Я выскочил за бордюр, на кольцевую брусчатую дорожку, что опоясывала Арену, и здесь наконец перевел дух. Секунды хватило, чтоб зажмуриться, сосредоточить взгляд на точке между бровями... Есть!

Изумрудная сеть трепетала, вздрагивала, векторов стало меньше. Часть еще пульсировала рубиновым цветом, другие потеряли яркость и четкость, двигались едва заметно. Как беспомощные инвалиды, пытались они менять направление в опорных точках. Третьи обратились в безжизненные борозды, заполненные розовой мутью — остывающая зола сгоревшего костра. Я понял, что это мертвецы.

Поискал глазами главного виновника всех бед. Вот он! — никуда не ушел, не спрятался, не растворился в череде страшных событий. Висит у верхнего края картинки, взирая холодно и беспристрастно на происходящее. Нет, он не просто наблюдатель! Он действует, поддерживает боевой дух своих пленников, и люди на Арене из последних сил убивают...

Стремительно закручиваюсь в головокружительном волчке — фуэте! Нога хлещет воздух. Чередую фуэте и ан дедан и с ходу выпрыгиваю в высокий жете ан авант, потом в большой падеша — парю над брусчаткой птицей, вытягиваюсь в струнку сам и тяну носок так, что мог бы поразить им противника, точно пикой. Чувство легкости наполняет тело, но вместо восторга я испытываю сейчас лишь ожесточение.

Я не могу изрубить противника мечом, в моем распоряжении только информация, но и она может стать оружием. И я вкладываю в танец весь жар души, всё огромное желание победить. Так сложилось, что только я сейчас могу повлиять на ситуацию.

И ситуация стала-таки меняться. Едва живые векторы перестали атаковать, начали расходиться, меняя направления в опорных точках. Мне показалось, даже окраска поблекла, стала менее воинственной.

Люди на Арене разом прекратили сражаться. Их осталось всего четверо: израненные,

обессилевшие бойцы. Они слепо озирались по сторонам, потом начали разбредаться в разные стороны, спотыкаясь, волоча окровавленное оружие по земле...

И тут главный злодей, вектор-дирижер, двинулся к верхней границе картинки, норовя уйти за кромку. Он покидал поле боя! На раздумья не осталось ни секунды. Да и не знал я, если честно, что нужно делать, однако рука с мечом вдруг настойчиво потянулась вверх. Полностью доверившись телу, я принялся крутить клинок против часовой стрелки — вначале кистью, потом от плеча, потом всем корпусом. Секундная пауза — и всё сначала — кисть, плечо, всё тело. И еще — раз за разом!

Я не понимал, зачем это делаю. Попросил бы кто объяснить — не смог бы. Но что-то внутри меня знало — будто горн запел вдруг в сердце высоким и чистым голосом, — и неведомая, но властная сила заставляла продолжать вроде бы бессмысленное верчение. А еще через миг я почувствовал, как создается вокруг меня некая воронка, что-то вроде водоворота, затягивающего в свое кружение энергетику пространства.

Воронка тянула к себе чужака!

И тот затормозил: я почувствовал почти физически, как он напрягся, пытаюсь вырваться из моей хватки, и я еще усилил вращение! Люди на Арене остановились, стали оглядываться, искать глазами — меня? Мелькнуло лицо Рубца, залитое кровью...

Тень скользнула по брусчатке, и я еле успел отпрянуть в сторону. Клинок рассек воздух на том самом месте, где я только что находился. Старшина! Пятый оставшийся в живых после страшной рубки.

Вблизи парень оказался еще выше, чем казался издали, — настоящий гигант! Сколько времени прошло с тех пор, как он объявил начало праздника, — час, три, вечность? Мощная шея, плечи, длинные руки и спата с метровым клинком. Да и могло ли быть иначе, чем еще мог быть вооружен старшина сообщества, названного в честь этого самого оружия?

Совершенно дикие глаза, лицо, искаженное гримасой ярости, я понял: он ничего не соображает, себя не помнит! Беззвучно и потому еще более страшно старшина кинулся на меня. Все преимущества были на его стороне: и в оружии, и в силе, и в ярости — я-то не хочу с ним драться, не желаю ему зла!

И я отступил, попятился, пытаюсь сбивать чужой клинок и уклоняться, но напор был слишком силен. Удар, еще удар! — я неловко подставил саблю, спата обрушилась всей своей тяжестью на карабелу... и перерубила ее у самого эфеса!

Гигант остановился, воздел руки к небу и победно заревел, а я, воспользовавшись паузой и отшвырнув рукоять сабли, бросился бежать. Вверху виднелся пролом в стене, через который мы с Рубцом входили в цирк. Я кинулся к нему по проходу, в считанные секунды достиг пролома, вылетел из цирка, как снаряд из пращи, и стремглав помчался по дорожке.

Тропинка круто уходила вниз, неровности били по ступням. На миг появилось чувство, что всё это уже было недавно. Конечно! Сейчас всё происходило в точности так, как в процедуре с господином Бревиусом! Вот только вместо безопасной тишины операционной сзади топали тяжелые сапоги преследователя.

Я летел как на крыльях, едва успеваю перебирать ногами и вписываться в повороты. Впереди уже виднелась небольшая полянка, что мы с Рубцом проходили утром, — и я лихорадочно соображал, как отделаться от преследования.

Человеческая фигура выросла на пути совершенно неожиданно. Я еле успел вильнуть, избежать столкновения и теперь с трудом тормозил, чудом сохраняя равновесие... Встал, оглянулся и охватил одним взглядом — камзол амазонки на стройной фигурке, краги,

ботфорты, широкополая шляпа, из-под которой задорно торчит хвост иссиня-черных волос, по нынешней моде сдвинутый к правому уху. Ева.

Гигант вылетел из-за поворота, размахивая спатой. Инерция движения была столь велика, что казалось, его не остановит даже каменная стена — огромное тело протаранит преграду одним ударом! Но Ева вскинула руку, и я увидел небольшой дамский револьвер. Что она делает? Разве можно остановить бешеного слона выстрелом из рогатки?

Выстрел прозвучал совсем негромко, но голова старшины дернулась. Не снижая скорости, он начал заваливаться набок, спата сверкающим колесом полетела в кусты. Потом огромное тело грохнулось на землю и еще несколько метров скользило по тропинке в туче пыли, пока наконец не замерло у ног девушки — пуля попала прямо в правый глаз...

— Я же обещала подстраховать вас в случае неожиданностей, Мартин — произнесла Ева спокойным голосом. Слишком спокойным, деревянным...

* * *

— Где вы научились так метко стрелять? — с трудом восстанавливая дыхание, спросил я.

Надо было хоть что-то спросить. Черт, третий! Пусть убитый не моей рукой, но при моем непосредственном участии. Когда же будет конец череде этих жертв?

— Наш инструктор по стрельбе ставит мне всегда низшие оценки. Говорит, что я слишком невыдержанна. Сюда бы его сейчас... — Голос девушки дрогнул, она всхлипнула.

Ясно, у эксперта шок, а из шока два выхода: либо действие, либо истерика, рыдания, сопли. Я шагнул к ней вплотную, взял за плечи и крепко встряхнул — колыхнулся хвост у правого уха. Рывком развернул девушку к себе лицом — застывшая маска и омуты табачного цвета. Встряхнул еще раз:

— Ева! Слушайте меня! Он где-то рядом!

— Кто?

— Маньяк! Он был рядом, он регулировал воздействие, его можно найти!

— Так... — в глазах появилось осмысленное выражение, — за мной!

Она оттолкнула меня и бросилась вниз по тропинке. Я кинулся за ней.

Всего в десятке шагов, за густыми кустами, притаился автомобиль. Красивая лакированная игрушка темно-вишневого цвета — двухместный кабриолет. Ева одним прыжком вскочила на водительское место и, крикнув мне «Садитесь!», завела двигатель. Я еле успел следом, как мотор взревел, и авто рвануло с места.

От растерянной всхлипывающей Евы не осталось и следа, лицо стало сосредоточенным, жестким. Совершенно не щадя дорогую машину, по ухабам и буеракам она вырулила из кустов. Мы промчались сотню метров едва заметной дорожкой и выскочили на проселок, разбитый и запущенный, что лихую наездницу нисколько не смутило.

— Я знаю эти места, объезжала здесь лошадь для конкур... — прокричала она сквозь рев двигателя. — Здесь одна дорога, на колесах больше деться некуда... Даже верхами здесь непросто, только если он удирает пешком...

Я молча вцепился в никелированный поручень, открыть рот означало рискнуть зубами. Авто немилосердно трясло и подбрасывало, жалобно скрипели рессоры, днище цеплялось за грунт с неприятным скребущим звуком, но Ева не сбавляла скорости. Длинный шлейф пыли тянулся за нами. Поворот, еще поворот, и вот впереди показался точно такой же пыльный

столб. Эксперт добавила газу.

Мы нагоняли беглецов. Уже можно было рассмотреть, что это легкая двухосная карета, запряженная двойкой, и кучер немилосердно настегивает лошадей. На ровном шоссе машина легко догнала бы конную повозку, но на проселке использовать полную мощность двигателя трудно. За счет колес большего радиуса карета даже имела некоторое преимущество. За счет этого же она проигрывала в устойчивости, но дорога была прямой, без поворотов, и карета, отчаянно раскачиваясь на ухабах, как судно на волнах, продолжала резво двигаться вперед.

И всё-таки расстояние между нами неумолимо сокращалось. Я уже раздумывал, как остановить экипаж, когда мы поравняемся, и вдруг, после плавного поворота, впереди блеснула водная гладь — один из бесчисленных притоков широкой Капаллы, на берегу которой расположилась столица.

Лошади безбоязненно бросились в воду, и карета, поднимая фонтаны брызг, начала преодолевать водную преграду, но Ева резко затормозила. Знакомо закусив губу, девушка досадливо забарабанила кулачками по рулевому колесу.

— Что? — дернулся я к ней.

— Нам не проехать! Даже им вода по ступицу, а мы просто сядем на брюхо. Двигатель зальет...

Но уже в следующий миг лицо ее стало решительным, и, взревев двигателем, она развернула авто круто влево. Теперь мы мчались по берегу вдоль кромки воды, безнадежно удаляясь от кареты. Той оставалось совсем немного до противоположного берега. Но Ева жала на газ, и скоро впереди показался горбатый мостик, построенный во времена оны. Девушка направила авто прямо к нему.

Подъехав, мы увидели безрадостную картину. Мост представлял собой бревна, закрепленные на опорах, поверх которых был уложен дощатый настил. Но посреди моста настил отсутствовал — между несущими бревнами зияло пустое пространство метра в три. Теперь даже пешему, решишь он перебраться, пришлось бы преодолевать это расстояние, балансируя, подобно канатоходцу в цирке.

Я был уверен, что Ева остановится, но не учел, с кем имею дело. Авто, почти не снижая скорости, въехало на мост. Под колесами застучали разболтанные доски, машина неумолимо приближалась к поврежденному участку. Я бросил взгляд на Еву — девушка окаменела, вцепившись в руль, глаза ее расширились, но ножка в ботфорте упрямо нажимала на акселератор. В следующий миг машину тряхнуло, настил кончился, и у меня засосало под ложечкой. Я будто почувствовал, как при падении обрывается сердце, и — боль от удара, объятая холодной воды...

Не тут-то было! Авто продолжало двигаться — ювелирно точно Ева вырулила колесами на бревна! Несколько бесконечных секунд под урчание двигателя продолжалось это скольжение. Приближался покрытый участок. Сейчас передние колеса ударятся в возвышение, зад авто поведет, и — оборвется сердце от падения, скомкает тело удар, покроет холодная вода...

Ева аккуратно притормозила перед самым настилом и в тот момент, когда колеса уперлись в него, газанула на низкой передаче. Машина подпрыгнула — и вновь застучали доски...

Только на другом берегу девушка позволила себе остановиться: шумно выдохнула, диковато покосилась на меня и тут же тронула машину. Я сидел, еле переводя дыхание, и молился о том, что госпожа эксперт знает, куда рулит и что делает.

Так оно и вышло. Скоро вновь показался шлейф пыли, знакомая карета мчалась по относительно ровной и достаточно широкой дороге со всей возможной скоростью. Но Ева смогла обогнать беглянку по окружному пути и сейчас норовила выйти наперерез. Наша дорога должна была вот-вот пересечься с той, по которой мчалась карета.

Оставалось совсем немного, мы успевали первыми и могли бы перегородить проезд. И вдруг скорость резко упала, машину повело юзом, а скоро она и вовсе встала. Под колесами оказался желтый, мелкий, как мука, песок. Колеса авто увязли. Откуда взялся на плотном проселке этот рыхлый участок, теперь было не важно, но мы на нем безнадежно застряли.

Ева давила на газ: мотор ревел, из-под задних колес песок летел фонтаном. Машина раскачивалась взад-вперед, но тронуться с места не могла. Ева выкрикивала слова, которые молодой женщине ее положения и знать-то не положено, а потом сунула мне в руку тяжелый продолговатый предмет.

Я автоматически принял его и только потом разглядел. Чугунное грушевидное тело, от верхнего полюса спускается выгнутый рычаг, повторяющий форму корпуса. В верхней части рычага кольцо. Вот так-так, граната! Я однажды видел такую — во время памятной операции против «2012».

Тогда бойцы отдела физического воздействия захватили адрес с террористами. Нам со Стачки позволили войти и посмотреть. У бандитов было немало всякого оружия, и среди прочего — ручные гранаты. Офицер показывал нам тогда эти доступные, с его слов, лишь специальным подразделениям, новинки. Теперь выяснилось — террористам доступные тоже. Рассказал даже, как ими пользоваться, но после того случая я никогда не держал в руках этих опасных игрушек. И вот теперь...

— Когда они приблизятся, — кричала Ева Мария, — дерни кольцо и бросай! Иначе уйдут!

Она еще пыталась вырвать автомобиль из цепких объятий песчаной ямы. Двигатель ревел, колеса буксовали, а экипаж уже почти поравнялся с нами. Я рванул кольцо — рычаг пружинисто надавил на ладонь, — размахнулся и бросил гранату по ходу движения кареты. Туда, где экипаж должен был оказаться секундой позже.

Может, я плохо рассчитал расстояние, а может, конструкция гранат пока несовершенна, но карета безнаказанно миновала место падения снаряда, проскочила еще несколько метров, и тут оглушительно грохнуло. Взметнулась туча пыли, над головой тонко пропели осколки. Лошади шарахнулись, и повозка перевернулась.

Я видел, как рыбкой нырнул с облучка кучер. Лошади, разрывая построики, вырвались из упряжи и ускакали прочь. Карета лежала на боку, в облаке пыли, и никакого движения там не наблюдалось.

Мы с Евой, прекратившей наконец терзать авто, кинулись туда. Ева размахивала револьвером, ее миловидное лицо покраснелось и выражало самые решительные намерения. Первым к поверженному экипажу подоспел я и, не думая об опасности — азарт погони оказался слишком велик! — ухватился за дверцу, рванул и заглянул внутрь. Там никого не было.

Спустя пять минут мы выловили в кустах обезумевшего от страха кучера. Тот, заикаясь и стуча зубами, поведал нам, как был нанят неким прилично одетым господином, внешности которого он не запомнил. Как ждал сего господина недалеко от цирка — тот заплатил вперед и сполна, а по прошествии времени вернулся и велел гнать, потому что его преследуют грабители.

Сам господин выскочил из кареты сразу после ручья, наказав ему, кучеру, гнать что есть мочи, так как преследователи, если догонят, не пощадят. Закончил бедняга слезной просьбой сохранить ему жизнь, ссылаясь на троих малых детей и больную жену...

* * *

Первый раунд мы проиграли. Маньяк запугал кучера и заставил нас гнаться за пустой каретой, а сам в это время растворился в неизвестном направлении. Что ж, надо было возвращаться в отделение. Не скажу, что мне этого хотелось после всех приключений. Я представил, какие вопросы посыплются со стороны директора. Похоже, Ева думала о том же.

При помощи кучера мы вытащили авто. Тот, уяснив, что опасность ему не грозит и мы не душегубы, а служащие солидного учреждения, немного успокоился и тут же попытался стребовать с нас компенсации за лошадей, которых теперь якобы не отыскать, за поломанную карету, которую не починить, и за моральный ущерб. В ответ плут удостоился такой тирады от госпожи эксперта, что враз поскучнел и об исках более не заикался.

Так мы и уехали, провожаемые его тоскливыми взглядами и плаксивыми стенаниями, пообещав прислать помощь из ближайшего полицейского участка.

Кабриолет, подозрительно поскрипывая и постукивая на каждой кочке, доставил нас к особняку. Так мы и явились в Агентство: покрытые с ног до головы толстым слоем пыли и грязи. Камзол Евы утратил свой первоначальный цвет и выглядел теперь однородно серым, пышный хвост волос превратился в жалкую кисточку, и только глаза горели на перепачканном лице неукротимым огнем.

Я пребывал всё в той же кожаной жилетке, которую дал мне Рубец, в наплечниках и наколенниках. Перчатки куда-то пропали, и я совершенно не мог вспомнить куда. Волосы стояли колтуном, и вдобавок к дорожной грязи весь я был покрыт бурыми пятнами самого неприятного вида.

В Агентстве нас ждали. В приемной снова дежурила Лили, она попыталась нам улыбнуться, улыбка получилась жалкой, и девушка сразу же попросила подниматься наверх, к господину директору. В директорском кабинете, помимо господина Аусбиндера, находились агент Серый, расположившийся у окна с независимым видом, и статный седой полицейский с полковничьими погонами, нервно мерявший шагами комнату.

Директор сидел за столом. Он оценил наш внешний вид покачиванием головы и жестом пригласил садиться. Полицейский тут же подошел и замер в шаге от нас, вытянувшись в струну и вздернув подбородок. Агент отвернулся и стал смотреть в окно.

— Не знаю, будет ли для вас новостью, оператор, — начал господин директор, обращаясь ко мне и будто не замечая до поры Еву Марию, — что в районе заброшенного цирка в Предместье обнаружены тридцать два мертвых тела. Сейчас туда направлены все мобильные силы Криминальной и Тайной полиции. Господин начальник Крипо, полковник Штотц, — жест холеной кисти в сторону седого полицейского, — поедет туда тотчас же после ваших объяснений. Мы слушаем вас...

— Сегодня с десяти утра, — ровным голосом начал я, — на арене старого цирка поводилась встреча сообществ исторического фехтования «Спата» и «Елмань». Я участвовал в качестве приглашенного... — и без выводов и ненужных подробностей изложил суть событий, ровно до того места, когда за мной погнался старшина.

Полицейский полковник кивал. Не знаю, насколько его удовлетворил мой рассказ, но свое место в расследовании он, определенно, знал и что в государственные секреты его не пустят, тоже понимал. Главный полицейский произнес короткую, но прочувствованную речь о распоясавшихся хулиганах, взявших моду махать мечами, уточнив, что, мол, и на них найдется управа. С чем и откланялся: «Извините, господа, я должен лично руководить работой своих людей!»

Мы не возражали. Напоследок полковник напомнил, что позже мне придется дать подробные показания полицейским дознавателям. Что ж, мне не привыкать...

Как только дверь за ним затворилась и в комнате остались лишь посвященные, господин Аусбиндер дал волю чувствам:

— Какого черта, Мартин! Я же вам говорил, да что говорил — приказывал: работать с архивами, документами, учеными мужами. Кто просил вас лезть на рожон, размахивать саблей и рисковать порученным делом?

— Но господин директор, я лишь собирался познакомиться с людьми. Поговорить, разузнать подробности, — сделал я попытку отбиться. Не хватало еще, чтоб озабоченный руководитель отстранил меня от поисков. С него станется, передаст всё тайникам — недаром же агент Серый в этом кабинете? — и дело с концом. Точнее, конец делу.

— Разузнали, поговорили?

— Не успел. Кто мог предполагать, что именно в этот день и час маньяк устроит там кровавую баню? — и следом я рассказал всё остальное: про информационную работу, про то, как засек маньяка поблизости от Арены и как Ева спасла меня от разъяренного старшины.

— Представление, стало быть, устроено в вашу честь? — Директор остро взглянул на меня и следом удостоил вниманием Еву. — А вы, сударыня, как вы оказались вовремя в столь нужном месте?

Ева еще выше вздернула благородный подбородок. Ровным голосом, чеканя слова, поведала она окончание истории. Пришлось сознаться и в нашей договоренности.

— Я восхищен! — с сарказмом воскликнул директор и трижды хлопнул в ладоши, подчеркивая степень этого своего восхищения. — Мой оператор и региональный эксперт составляют этакий заговор и бросаются сообща в романтическое приключение, а я, непосредственный руководитель и начальник, ничего не знаю. При этом оператор нарушает прямой приказ, а эксперт ему в этом потворствует. Как это понимать?

Ответить было нечего. Мы действительно действовали на свой страх и риск, нарушая и субординацию, и все имеющиеся предписания.

— В итоге блестяще спланированной и ювелирно проведенной операции мы имеем тридцать зарубленных плюс одного застреленного. Спасибо, теперь хоть ясно, что это результат снайперских упражнений нашей уважаемой госпожи Сантос. Кстати, есть еще один, обнаруженный за оградой Арены. Изрублен так, что фрагменты тела собирали по кустам. Сейчас туда съезжаются все самые высокопоставленные лица, наделенные очень серьезными полномочиями. Дело получит широкий резонанс, ни о какой секретности уже речи быть не может. Контроль будет осуществляться с самого верха.

Директор еще долго упрекал нас с Евой, сетовал на судьбу — теперь именно ему придется улаживать вопрос об убиенном старшине. Я же размышлял о том, как образовался последний погибший. Почему за оградой? Кто-то сражался в кустах, покинув Арену? Зачем? На площадке гораздо удобнее, больше места, да и происходило всё на глазах.

Волна навязанного поведения накрыла всех участников трагедии сразу, с головой, застигнув на месте. Сомнительно, чтобы морок погнал кого-то за ограду, хотя полной уверенности у меня не было.

— Не стоит пенять оператору Мартину за его инициативу, — вдруг прогудел от окна агент Серый. Ева с удивлением воззрилась на него, и господин директор представил:

— Специальный агент Серый, Отдел глубоких исследований Тайной полиции.

Ого, уже специальный агент! Наш новый знакомый повышает свой статус на глазах. Похоже, он пока единственный, кому удалось составить на этом деле определенный капитал.

— Я также давал оператору некоторые рекомендации по соблюдению осторожности, — продолжал Серый, — но что теперь говорить — сделанного не воротишь. Однако благодаря его усилиям мы теперь имеем не только неоспоримый факт наличия самого злоумышленника, но и неприглядности, чтоб не сказать большего, его методов. Если сам по себе случай в «Bluesafé» еще можно рассматривать как случайность, то происшествие на Арене двоякое толкование исключает. Это уже система. Методы его, — тут он взглянул на меня, — связаны с жертвоприношением?

— Не совсем так, скорее это поединок, схватка, но обязательно со смертельным исходом для противника. По какой-то причине ему необходимо пролить кровь ради достижения нужного результата.

— Подытожим, — продолжал агент, взяв на себя роль ведущего. — Есть человек, имя которого неизвестно. Мы называем его по-разному, но пока для простоты можно обозначить как маньяка. Этот термин будет сегодня наиболее корректным. Конечная цель, которую преследует маньяк, нам не ясна, хотя ничего хорошего, судя по всему, задумать он не мог. Поэтому будем рассчитывать на худшее. О нем вообще ничего не известно, кроме одного — человек этот активно разрабатывает, а может, и уже овладел методикой навязанного поведения, направленной как на отдельных людей, так и на группы. Методика эта требует кровопролития. Мне удалось просмотреть полицейские сводки. Непосредственно перед казусом с Коргом, а до этого и в Абитаре, и в случае с банковским клерком в Капиталле — всегда накануне были зафиксированы странные, немотивированные убийства, произведенные одним и тем же способом. Уверен, вы уже догадались каким. Совершенно верно, люди зарублены холодным оружием с длинным клинком: саблей, тесаком, палашом или мечом. Личности убитых не представляли для полиции большого интереса, мотивы остались невыясненными. Дела повисли как не имеющие следственной перспективы.

— Значит, он берет меч, находит жертву и, совершая процедуру, рубит ее в куски — заключил я. — Эти люди имели отношение к клинкам — изготовлению или продаже?

— Нет, о таком аспекте никто не подумал, и теперь это предстоит выяснить.

— А те члены «Спаты», которые пропали? Вы о них говорили...

— Тоже ноль информации. Тела не найдены, выяснить место их пребывания, если таковое существует, не удалось. Боюсь, в свете новых данных и не удастся.

Серый сделал паузу, выпил воды из графина и продолжил:

— Первый групповой опыт привел к смерти одиннадцати человек, второй — тридцати двух. Как вы считаете, Мартин, ваше участие в обоих эпизодах — случайность или спланированное действие?

— Скорее, удачное для маньяка стечение обстоятельств, — ответил я. — Не думаю, что он убивал такое количество людей ради меня одного, но и я ему мешаю. Во всяком случае,

он знает о моих поисках и пытается им воспрепятствовать.

И я рассказал о птице, нападавшей на меня в двадцать втором кабинете и в музее. Господина директора особенно поразил случай в кабинете: «Как?! Здесь, в Агентстве, моего оператора атакует невеста кто или что?!» — но агента больше заинтересовал как раз музей.

— Вы всерьез думаете, что это крыло причинило бы вам ущерб? — с улыбкой спросил он.

Я к смеху был не расположен: если бы не фламберг, неизвестно, чем бы всё закончилось.

— В таком случае, сам собой напрашивается вывод: вопрос оружия является первостепенным, — продолжал специальный агент. — А скажем, из револьвера его подстрелить можно?

Этого я не знал, но вопрос об оружии действительно оставался актуальным. Не зря все те жертвы, которые были обнаружены, убиты одним способом. Огнестрельное оружие обладает совершенно другим разрушительным действием, другой эстетикой, другим содержанием, если угодно. Воздействие его дистанционно, не дает контакта с противником и потому безлично. Не говоря уже о том, что оружие это является гораздо более поздним изобретением человечества. В легендах и мифах ружья и револьверы не упоминаются.

— Тем не менее, — продолжал тайник, — если есть человек, то можно попытаться его найти. Где-то он живет, появляется в обществе, с кем-то общается. Покупает овощи у зеленщика, наконец, и, значит, оставляет следы в этом мире. Разыскать эти следы — вопрос техники и количества людей, которых можно будет привлечь. Всё это я беру на себя. Думаю, дело заберут у Кристо и передадут нам, в Тайную полицию. Ваши проблемы с убитым старшиной, госпожа Сантос, будут решены. Я абсолютно уверен, что оружие было применено правомерно.

Ева слабо улыбнулась. Девушка устала, сказывалось нервное напряжение последних часов. Она не принимала участия в беседе, отрешенно глядя в сторону.

— Вам придется продолжить поиски меча, Мартин. — Как-то незаметно роль руководителя перешла к агенту. — Но прошу вас — исследуйте каталоги, коллекции, посещайте выставки, оружейные лавки, наконец. Вы нам нужны как аналитик, а не как оперативник. И не вступайте в контакты с проблемными личностями. Криминалом, например...

Серый благодушно улыбнулся, но я понял, что мой визит в «Пену» для него не остался незамеченным.

— Да, да, Мартин! — подал голос господин директор. — Я повторяю свой приказ — ваше место в тиши библиотек и архивов, — сухой аристократический палец постучал по столешнице, — никакой оперативно-поисковой работы во всех этих обществах, сообществах, компаниях, шайках, бандах и так далее. Этим есть кому заниматься, не так ли, специальный агент?

Серый кивнул:

— Да, мы примем все необходимые меры для проверки всех сколько-нибудь подозрительных персон. Мы прочедем места их пребывания частым гребнем. Силы будут мобилизованы нешуточные, и это пока единственное положительное следствие несанкционированной активности Мартина и госпожи Сантос. Однако нужно дать господам оператору и эксперту возможность отдохнуть. День выдался трудным, все заботы, как и полицейских дознавателей, можно отложить на завтра. Я думаю, мы можем их отпустить,

господин директор? Нам-то с вами еще есть чем заняться...

* * *

Мы покинули кабинет. Незаметно пролетел этот действительно трудный и долгий день. Над Капиталлой сгустились сиреневые сумерки, на проспекте Достижений зажигались огни. Начиналась шальная ночная жизнь, но нам с Евой было не до того.

— Садитесь в машину, Мартин, — сказала девушка усталым голосом. — Я надеюсь довести нас домой эта колымага еще в состоянии.

Авто, поскрипывая и постукивая, тронулось. Ева вела машину, не спрашивая, куда ехать, и вообще не произнося ни слова. С проспекта мы свернули к богатому спальному району и, немного покружив, остановились у основательного многоэтажного особняка с портиком, бельведерами и эркерами в псевдостаринном стиле.

— Я подумала, — взглянула на меня с мимолетной улыбкой госпожа эксперт, — что после всего пережитого имею право пригласить вас в гости. Уверена, Мартин, у вас нет даже ванной комнаты...

Как видно, у аристократов это в крови. Неужели даже после всего пережитого она помнит о дистанции? С другой стороны, ванны у меня в мансарде действительно нет. Зато есть душ.

Мы прошли в обширный вестибюль. Вышколенный консьерж в богато расшитой ливрее почтительно поклонился, не показав, что хоть сколько-то удивлен нашим внешним видом, и провел нас к лифту. Поднявшись на третий этаж, мы оказались в покоях. Иначе назвать анфиладу просторных, богато обставленных комнат не поворачивался язык. Я не сомневался, что в доме имеется прислуга, — в моем понимании это неотъемлемая составляющая быта дворян. Но в комнатах оказалось пусто. Заметив мое недоумение, Ева Мария улыбнулась:

— Не люблю чужих. Здесь горничные приходят, уборщицы, всё необходимое приносят. Дворецкий следит за порядком очень хорошо, не нужно заботиться обо всяких бытовых мелочах.

В апартаментах оказалась и ванная комната, и душ. Ева ушла в ванную, предупредив, что ей потребуется не менее двух часов, чтобы прийти в себя. Можно пока вызвать упомянутого дворецкого и заказать ужин, «он знает мой вкус, Мартин, он же принесет чистое платье...».

Действительно, дернув за шелковый шнур, я вскоре услышал деликатный стук в дверь. На пороге стоял высокий пожилой джентльмен, по виду очень похожий на директора Аусбиндера. Я не знал, что говорить и как держаться, но дворецкий понятливо кивнул:

— Ужин для госпожи? Переодеться?

Мне оставалось только кивнуть. Чувствовал я себя полным дураком. Что, такие заказы (в смысле переодеться) здесь не редкость? К своему удивлению, я почувствовал укол ревности. Может быть, все мои надежды — пустые фантазии. Наше опасное предприятие может всяко повернуться, и в любом случае — приз еще предстоит завоевать. Но сердце всё равно неприятно сжалось.

Пока Ева принимала ванну, я, не чинясь, воспользовался душем и переоделся в новое запакованное белье и чистые вещи, принесенные хорошенькой горничной. Куртка свободного покроя и штаны из синей хлопковой ткани с модными строчками были весьма кстати, и я почувствовал себя гораздо свободнее.

Скоро принесли ужин, а там появилась Ева, в красивом, но скромном домашнем платье. Лицо девушки посвежело, от прежней усталости не осталось и следа. Глаза заблестели, а на щеках появились очаровательные ямочки.

Мы с аппетитом поужинали: омары, три вида салатов, запеченное мясо — такого я никогда еще не пробовал, но было очень вкусно — и фрукты. Выпили выдержанного красного вина дорогой марки. После ужина я подумал, что быть аристократом и иметь много денег не так уж плохо. Ради этого стоило, наверное, карабкаться по служебной лестнице, и поделился этим глубоким наблюдением с Евой.

— Мой отец умер семь лет назад, — задумчиво проговорила она. — Мама живет в Брокскене, это местечко на востоке Республики. Там у нас небольшое имение. Крестьяне ленивы и тупы, земля родит плохо, доходы мизерные... Мама отчисляет мне на содержание, но этих денег не хватило бы даже на оплату таких вот апартаментов. А я люблю роскошь, Мартин. Люблю комфорт, люблю окружать себя красивыми дорогими вещами. Люблю хорошую пищу и тонкие вина, красивую одежду. То, что вы видите вокруг, это еще не роскошь, но тоже требует всего моего жалования эксперта. Да еще долги...

Ева смотрела куда-то в пространство, а я молча слушал.

— Вы не знаете, как трудно пробиваться женщине без поддержки, без связей и денег. Вокруг засилье мужчин. На любой хоть сколько-нибудь стоящей должности уже сидит начальник, до краев полный мужского шовинизма. Выше — такие же, заинтересованные в его продвижении, ниже те, в продвижении которых заинтересован он сам. И нет никакого просвета в этой череде...

Она помолчала, как бы собираясь с мыслями.

— Кое-кто пытается пробиться в ряды власть имущих мужчин через постель. Другие рассчитывают на хитрость, подлость, интриги. Мне всё это претит, Мартин. Я, урожденная Сантос-Д'Эспиноза, — девушка невесело улыбнулась, — не буду утомлять вас перечислением всех своих имен, и я достойна лучшей доли. Вот только, Зрячий, одного имени сегодня мало. Только на громком деле можно себя проявить, доказать свое право быть наверху, повелевать, а не бесконечно подчиняться чужим приказам. Когда грянуло похищение наследника молодчиками из «двадцать-двенадцать», я подумала — вот оно, пробил мой звездный час! Наконец-то смогу блеснуть умом и талантом, ведь они у меня есть! Не тут-то было... Меня отодвинули нагло, почти не скрываясь, используя всё те же интриги.

Вот оно, значит, как. Знатное имя и титулы, не давшие на деле никаких преимуществ. Засохшая ветка некогда могучего дерева, на которой строптивым побегом, диким цветком распустилась Ева Мария.

Современные женщины склонны искать счастья во всех сферах жизни. Желают без малейших скидок составлять конкуренцию мужчинам, бороться за власть и влияние. Вот только возможностей у них гораздо меньше. Во многом Ева права, хотя я считаю, что женщина должна оставаться прежде всего женщиной. Не след представительницам прекрасного пола гарцевать на авто по разбитым проселкам и размахивать револьвером. С другой стороны, если бы не Ева, неизвестно, чем закончился бы для меня сегодняшний день.

— Отец был чиновником высокого ранга. Очень высокого, а умер в нищете и безвестности, всеми забытый и покинутый. Никто не поддержал его в трудную минуту, не протянул руку и мне. Или стать женой какого-нибудь напыщенного идиота? Золоченой игрушкой, что выводят в свет по праздникам... Приложением к чванливому ничтожеству,

которое не стоит твоего мизинца... Нет, это не по мне. Я, дочь своего отца, стою большего и докажу это!

Ева замолчала, а я подумал: хотелось бы мне иметь в женах высокородную, да еще с такими амбициями? Жить с нею, наверное, было бы очень непросто.

— Но одной слабой женщине в этом жестоком мире не пробиться, Мартин! — продолжила девушка, заглянув мне в лицо своими удивительными глазами. — Женщине нужен герой. Кто-то, кто мог бы стать опорой в бурном море житейских невзгод.

Она уже не говорила, а горячо шептала. Ее глаза обещали, и на щеках появился тот самый румянец, который был ей так к лицу. Жар заливал и мои щеки, перехватило дыхание...

— Стань моим героем, Мартин! — то ли прошептала, то ли выдохнула она.

А может, мне померещилось? Может, я только очень хотел это услышать? Будто дуновение ветерка...

Я потянулся к ней всем сердцем, душой и телом. Я потерял над собой контроль, забыл обо всех своих сомнениях. Я забыл обо всём на свете. Даже о пропасти, что лежит между нами. Даже о том, что обзаводиться семьей не входит в мои планы. Я раскрыл свои объятия, будто собрался обнять всю вселенную в лице этой единственной женщины. Будто начал процедуру, самую главную в своей жизни.

Пусть нет у меня в руках моего верного кинжала — он мне сейчас не нужен! И не буду я выпрыгивать по апартаментам фуэте и падеша, хоть сердце и колотилось в груди от счастья. Ведь танец может стать внутренним состоянием! Раньше мне было неизвестно, что это так прекрасно — танцевать всем существом своим, каждой клеточкой тела. Я невольно прикрыл глаза...

Снег. Образ появился совершенно неожиданно, я даже не сразу понял, что это. Незнакомый захламленный переулок, крупными хлопьями падает и падает снег. Наметает сугробы, укрывает землю холодным ровным покрывалом. И посреди этого снегопада стою я в наряде дворника из процедуры бедняги Корга — дурацкая ушастая шапка, тулуп, высокие войлочные сапоги — и пытаюсь мести снег огромной метлой. На губах моих застыла глупая улыбочка...

Она говорила, мол, не надо спешить и торопить ее не надо. Что победителю достанется всё, и у нас еще будет время, и возможность будет, и говорила еще что-то... А я остро чувствовал ее маленькую, изящную, но крепкую ладошку у себя на груди, остановившую мое движение. Ах, эта ручка не дрожала, она умела быть сильной, хотя, наверное, — и нежной. И я теперь точно знал, что Ева играет: эта честолюбивая и красивая женщина лишь использует меня.

Интересно, что чувствует кот, возмечтавший съесть хозяйскую сметану, но не дотянувшийся до кувшина? А если бы он вдруг узнал, что в кувшине совсем не сметана, а, например, негашеная известь?

Но и кинжал — тот самый, сделанный для великих побед и свершений, — может порой обладать собственной волей. Может иногда спорить с хозяином, расценивая его лишь как носителя. И тогда стоит попробовать посмотреть на верного помощника с другой стороны.

И если танец вдвоем сегодня не получился, то настанет завтра. Обязательно настанет завтра...

ЧАСТЬ 3. КОГДА ВОЙНА СТУПИЛА ЗА ПОРОГ

Глава 1

Вчерашний вечер сохранился в моей памяти как самый необычный и самый печальный в жизни. На сердце — досада, глухая тоска, но в то же время и надежда.

Как только я всё понял, тотчас ушел от Евы, чувствуя себя полнощным вором, покидающим место преступления. Дворецкий многозначительно глядел мне вслед...

Вот только кража не состоялась. А что состоялось, требовалось хорошенько обдумать. Этим я и занимался в своей мансарде до глубокой ночи в обнимку с кружкой крепкого рома. Кто для меня теперь Ева? Партнер, вышестоящий начальник, женщина, отвергшая любовника? Хотя любовник — это слишком смело, поправлял я себя. Между нами ничего не было кроме взглядов и редких прикосновений. Но, черт возьми, порой и это немало!

Кто я, в игре затеянной АСА и тайниками? Проходная пешка? Лошадь, на которую ставят те и эти? Инструмент, отмычка, ключ к заветной двери, что ведет к неограниченной власти? Но есть еще и изобретатель методики, злоумышленник, готовый сметать любые преграды на своем пути...

От вопросов пухла голова.

В итоге я для себя вывел: сейчас стоит держаться Евы. На сегодняшний день она мой самый верный союзник. Личные вопросы мы решим потом, и многое здесь будет зависеть от моих успехов. Директор, скорее всего, сошел с дистанции, а роль Серого пока не ясна. Тут еще предстоит разобраться. И, наконец, злоумышленник. Вот с ним как раз всё понятно — это мой враг. Мой личный, персональный враг, которому объявлена беспощадная война. Я буду расчетлив и умел, холоден и осторожен, решителен и точен в ударах — и побью его! Клянусь святым Мартином!..

С тем и уснул.

На следующее утро, в полном соответствии с вновь полученными инструкциями, я сидел в знакомом двадцать втором кабинете, обложившись каталогами и справочниками по холодному оружию. Этому предшествовали два события. Первое — визит в полицию и объяснение с дознавателем. На сей раз визит закончился гораздо быстрее, чем после злосчастного кафе, — меня не мучили многократными допросами. Быстро, даже формально сняли показания и отпустили с миром. Видно, дело забирали тайники, и в полиции об этом уже знали.

Второе событие взволновало меня гораздо больше. По возвращении в отдел новенькая девушка из приемной передала мне послание от Стачки. В плотном конверте лежал листок мелованной бумаги, где Стефан своим каллиграфическим почерком просил меня быть на веранде в два часа пополудни. Далее следовал намек на новые сведения по интересующему нас делу.

Шел уже пятый день с того памятного вызова в кабинет директора, а поиски особенно не продвинулись. Мои бдения в архиве завершились туманными догадками о возможности существования новой методики, а в это время злодей с успехом ее применяет. Улучшает, пробует варианты. Гибнут люди, я сам не единожды подвергался опасности.

Личность злоумышленника остается тайной, и к разгадке я не продвинулся ни на шаг. Правда, есть еще специальный агент Серый и аппарат сыска, может, им повезет больше. Но мне и самому хотелось расшифровать преступника. Одно слово — враг, а с врагом лучше встретиться лицом к лицу.

Стефана я не видел с того самого дня, как он рассказал о Вороне и обещал свое содействие. Потом мы не встречались, и я понятия не имел, где он и чем занимается,

поэтому сейчас испытывал нетерпение: что нашел ветеран, о чем поведает? Но до условленного момента приходилось сидеть в кабинете, вяло листать каталоги, постоянно поглядывая на часы. Как всегда бывает в таких случаях, время тянулось мучительно медленно. Имена и даты не откладывались в голове, названия клинков путались.

Мельком заглянула Ева, спросила про успехи и убежала. Разговор получился короткий и нейтральный. Будто ничего вчера не произошло, будто я не побывал у нее в гостях и не звучал в тишине апартаментов ее жаркий шепот, не блистали в вечернем полумраке огненные взоры... А может, и правда ничего этого не было?

В два часа дня я направился на веранду. Стацки был там. Сегодня он выглядел подтянуто, даже строго: гладко выбритый и благоухающий хорошим одеколоном, в ослепительно белой сорочке, без всегдашней своей сигары. Как-то непривычно даже...

— Здравствуйте, Мартин, — сказал он совершенно по-деловому и указал на стул рядом с собой. — Город полнится слухами. Вы газеты читали?

Я отрицательно покачал головой. Зачем мне газеты, если я и так непосредственный участник новостей?

— Побоище в «Bluesafé» представлено пьяной дракой, мол, музыканты что-то не поделили со студентами, отсюда все беды. Трагедия на Арене — всего лишь хулиганство двух неформальных объединений. Тоже случайность, допущенная по недосмотру властей. Давно надо было взять под контроль всех этих фехтовальщиков и ролевиков. Ваше имя нигде не упоминается. — И неожиданно спросил: — Как вам работается с Евой?

Вопрос застал меня врасплох. Что интересует Стацки? С некоторых пор отношения с Евой Марией стали для меня вопросом особенным, обсуждать который не хотелось даже с ним. По счастью, ответа и не потребовалось.

— Вы помните «дело Сантьяго»? Это было лет десять назад, вы тогда уже работали в Агентстве?

— Нет, Стефан. Я тогда еще обучался у Наставника. Но о Сантьяго слышал, все мы тогда интересовались этим делом. Только информация была крайне скудная.

— Что ж, тогда послушайте одну занимательную историю, — усмехнулся Стефан и начал рассказ.

Десять лет назад возникла реальная угроза возобновления Горского конфликта. Строго говоря, конфронтация в Горном крае никогда до конца и не прекращалась, то затухая на время, то вспыхивая вновь. Таковы горцы — они воюют всю историю своего существования. Если вдруг, не дай бог, нет внешнего врага, они ищут его на собственной территории. Повод для войны между кланами найти нетрудно и можно чудесно резать друг друга.

Но тогда обстановка сложилась иначе. Появился сильный и волевой лидер — Шай-Дагг. Скорее всего, это не имя, а прозвище, в переводе с их тарабарского наречия что-то вроде «удачливый как черт» или «дьявольски успешный». Или «тот, кому покровительствует нечистая сила».

Это был поистине исключительный человек, обладавший сумасшедшей харизмой. Молва приписывает ему любимую поговорку: «Когда война ступила на порог — сожги свой дом». Он так и жил — конь, сабля, вольный ветер... И еще непомерное честолюбие и гордость!

Ему удалось собрать под своей рукой вождей всех основных кланов и примирить их, насколько это вообще возможно в отношении горцев. Он затеял беспрецедентную акцию, а именно: проведение тайного референдума. Обсуждался вопрос о полном отделении

Горского края от Республики с предоставлением краю суверенитета.

В последующем Шай-Дагг как независимый правитель планировал обратиться к северному соседу с просьбой о протекторате. Вы же знаете — обычаи и уклад жизни северян гораздо ближе горцам по духу. Вожди, образовавшие к тому времени так называемое «Братство Шай-Дагга» и полностью покорные его воле, должны были склонить к повиновению свои племена. В финальной части — на собрании совета вождей — они предоставили бы согласие горских народов с решением Шай-Дагга. Беспроегрешный вариант!

Тайники отслеживали ситуацию, и Аналитический отдел утвердился на острие этой интриги. Директором отдела был тогда Князь, двоюродный брат эрцгерцога. Личность сиятельная, но совершенно не сведущая в тайных операциях. Князь блистал на балах и охотах, проводил время в светских развлечениях и был никудышным профессионалом. Он лишь номинально руководил структурой, а вот Сантьяго, а точнее, Карлос Сантьяго Д'Эспиноза-Рубио и прочее, и прочее — совсем другое дело.

Стефан прервался и испытующе посмотрел на меня, но я и сам уже уловил знакомое имя:

— Д'Эспиноза?

— Да, да, — покивал мой собеседник, — отец Евы. Сантос она по матери. Сантьягс Д'Эспиноза считался отличным аналитиком, крепким профессионалом и заместителем Князя. Он стоял у колыбели АСА, являлся инициатором создания Агентства и его основоположником. Сам не был лишен экстрасенсорных способностей, но стезя оператора его не привлекала. Его стихией стали комбинации и интриги, глубокий и многосторонний анализ запутанной международной политики. Легендарный человек, мы тогда только что не молились на него.

Именно Сантьяго разработал операцию с горцами. Считалось, что он ответственен за информационное обеспечение, но, по существу, он держал в руках все нити. А ведь привлекали и армейскую разведку, но мозгом был Сантьяго.

«Братство Шай-Дагга» на самом деле оказалось не столь сплоченным и однородным. Амбиции бродили в нем, как молодое вино в курдюках, а наши агенты умело пользовались этим и подогревали страсти. Одним из ближайших соратников Шай-Дагга был Шада-Озз, или, по данным других источников, Шада-Оззи.

Вождь одного из самых многочисленных и воинственных кланов, Шада-Озз поддерживал лидера на словах, но на деле мечтал о самостоятельности. Посудите сами, прозвище его означало: «следующий за Шай-Даггом». А при желании «Озз» можно перевести как «поклоняющийся» или даже «прислуживающий». Каково такое гордому сыну гор?

Тайникам удалось подвести к Шада-Оззу своих агентов. Ловко играя на его честолюбии и подогревая амбиции республиканским золотом, агенты сумели заручиться его согласием выступить против Шай-Дагга. Дата и место всеобщего сбора вождей и окончания референдума были известны. Предполагалось, что произойдет всё в старинной мечети, связанной с какой-то древней легендой.

Мечеть состояла из большого молельного зала и минарета. В зале должны были собраться в условленный день и час «Братство Шай-Дагга» и небольшое количество вождей, в «братство» не вошедшие, чтобы принять единое решение, подразумевалось — выгодное Шай-Даггу. Вот тут-то Шада-Озз и должен был выступить с заявлением, суть которого

заклучалась в требовании предоставить автономию его клану, а его самого провозгласить полновластным правителем этой автономии.

Таким демаршем вождь противопоставлял себя и весь свой народ остальным горцам и вызывал раскол в рядах. Допустить такого Шай-Дагг не мог, он никогда не потерпел бы никаких автономий внутри своего края. Далее, в зависимости от хода событий, Шада-Озз либо поднимал бунт, опираясь на своих сторонников, либо его захватывал Шай-Дагг. Учитывая характер предводителя, второй вариант сценария был более вероятен. В любом случае, лично или через соплеменников, возмущенных захватом вождя (верные люди в клане для этого имелись), Шада-Озз должен был обратиться за помощью к правительству Республики и самому Президенту.

На этот случай у границ края стоял наготове Корпус горных стрелков в полном штатном расписании. По приказу он занял бы главные коммуникации: дороги, мосты и всё прочее, что делают военные в подобных случаях. В результате имя Шай-Дагга было бы скомпрометировано, сам он либо убит, либо захвачен в плен и заточён, а войска утвердились бы на территории края на основании законного требования одного из вождей. Со временем тайники нашли бы возможность привести к власти нужных правителей...

Стацки перевел дух. Нам принесли чай, никакого коньяка Стефан на этот раз не пил. Я слушал с неослабевающим вниманием, захваченный этой старой историей.

— Всё было готово, но, как это часто бывает в крупных операциях, что-то пошло не так. Где-то произошла утечка информации, или не хватило решимости кому-то из исполнителей, да мало ли... В назначенный день Шай-Дагг заранее призвал Шада-Озза в молельный зал, но не для того, чтобы прижать к груди верного соратника, а препроводил его в маленькую каморку под самой крышей минарета и там запер под охраной.

Заседание вождей началось без Шада-Озза. Шай-Дагг объявил, что его лучший друг и сподвижник заболел, не может принять участие в совете и от его имени будет говорить он сам. Может статься, что всё так и вышло бы, авторитета и воли у лидера хватило бы на три совета, но в рядах вождей были подкупленные тайниками провокаторы. Этаким страховочный вариант на случай непредвиденных обстоятельств. А обстоятельства оказались непредвиденными донельзя.

Стацки помолчал, улыбнулся каким-то своим воспоминаниям... Оператор достал-таки сигару, но раскуривать не торопился:

— Нас, операторов АСА, привлекали к сбору информации, вот почему я знаю об этом деле. Факты собирали по крупицам, составляя картину из отрывочных донесений и показаний оставшихся в живых свидетелей. Дело, кстати, до сих пор считается секретным.

— Ворона тоже привлекали?

— Да, и его. Какой-либо роли в событиях мы не сыграли, но суть знали. Кончилось всё печально.

Провокаторы тайников затеяли на референдуме вначале спор, а потом и раздор. Горцы, народ горячий и необузданный, ограничиться парламентскими дебатами не смогли — обсуждение перешло во взаимные обвинения, а следом в драку. Что там происходило, достоверно неизвестно, но они все перерезали друг друга. Погибли и Шай-Дагг, и многие его сторонники. Может, это стало результатом подкупа и работы агентуры, а может — противоречия в рядах вождей имели еще более глубокие корни, чем думали тайники.

Как бы то ни было, уцелели единицы из числа прибывших. Даже запертый наверху Шада-Озз был найден с перерезанным горлом. В результате мы получили то, что получили:

гражданскую войну в Горном крае на три долгих года, непопулярный в народе ввод ограниченного контингента горных стрелков и широкий отрицательный международный резонанс. Дипломаты потом еще долго сглаживали углы и обходили скользкие места в отношениях с дружественными и недружественными соседями.

Операция потерпела крах. Как водится, начали искать виновных. Влияние эрцгерцога было уже не тем, что прежде, и всё-таки трогать Князя не осмелились.

Надо сказать, что Сантьяго был из тех дворян, что приняли революцию и стали под знамена Президента сознательно. Но к тому времени одно из самых громких некогда имен потускнело. Маленькое имение в Брокскене почти не давало доходов, отсюда постоянная нужда и стремление занять в обществе достойное место. За несколько лет Сантьяго сделал головокружительную карьеру, но и врагов за это время нажил достаточно: служаки завидовали его успехам, аристократы ненавидели за сотрудничество с республиканцами. Лучше фигуры было не сыскать. Сантьяго обвинили в провале, лишили чинов и отправили в отставку. Он оказался вынужден был вернуться в родовое имение и зажил тихой жизнью сельского помещика.

— А дочь?

— Еве было тогда пятнадцать, — отвечал Стефан. — Девушка имела возможность вращаться на равных в среде золотой молодежи, посещать светские рауты в самых знатных домах, учиться в престижном лицее и прочее... А потом в миг всего этого лишилась. После столичного света — захудалый городок, узкий круг мелкопоместных дворянчиков, убогие сельские праздники и незатейливые развлечения. В перспективе — брак с отпрыском какой-либо захудалой фамилии, куча детей и общество местных сплетниц по выходным. Три года спустя Сантьяго умер, всеми забытый и покинутый, а Ева приехала покорять столицу.

Стацки всё-таки зажег сигару.

— Не знаю, снабдил ее отец перед смертью рекомендациями, или девушка сама оказалась столь талантливой, но успехов добилась немалых. Амбиции, гордость и честолюбие в ней выражены еще больше, чем в родителе. Добавьте к этому желание реабилитироваться и чувство ущемленного достоинства, и вы получите гремучую смесь. Перед смертью бывший тайник наверняка научил дочь кое-чему из того, что умел сам. К тому же Ева имеет определенные экстрасенсорные способности, что поделать — фамильная черта. Их не сравнить со способностями вашими или моими — она не смогла бы стать оператором, да никогда и не стремилась к этому, — но в совокупности с острым умом и настойчивостью кое-чего стоит. Так что дружите с ней, Мартин...

Я слушал и понимал, что вчера вел себя глупо. Разве можно обижаться на девушку, с которой жизнь обошлась столь сурово? К чему еще может она сейчас стремиться, кроме восстановления справедливости?

— А где вы пропадали три дня, Стефан? — спросил я.

— Занимался сентиментальными путешествиями, Зрячий, — откинулся на спинку стула Стацки. — За эти дни я повидался с множеством людей из тех, что начинали вместе со мной когда-то. Не все стали операторами, среди них много самых разных персонажей, но все, так или иначе, знали Ворона. Мы разговаривали, вспоминали былое, и вот что я вам скажу, Мартин. Ворон если и не разработал метод управления людьми полностью, то подошел к этому вплотную. Вы же понимаете, в нашем деле слово «разработать» имеет особый смысл. Скорее всего, метода как такового, в общем понимании этого слова, не существует — слишком многое здесь зависит от оператора, его интуиции, его искусства. Короче, от его

личности. Оператором в данном случае я называю любого человека, который проводит информационное воздействие.

Он помолчал, пристально глядя на меня:

— Я настаиваю, Мартин, — вы наиболее подходящий человек для этого дела. Вы похожи на Ворона — по внутреннему содержанию, отношению к жизни, пониманию того, что такое путь воина и каким должен быть настоящий мужчина. У вас много общего с тем молодым Вороном, которого я знал когда-то.

Стацки на время задумался, вспоминая то ли себя в молодости, то ли друга.

— Не удивляйтесь, — продолжил он, — я давно наблюдаю за вами, и вы мне нравитесь, но дело даже не в этом. Я продолжаю настаивать, что только вам по силам остановить маньяка, пользующегося методом Ворона. Да, именно так — метод, в том или ином виде, есть. Авторство у меня сомнения не вызывает, но это сейчас не столь важно. Важно, что им пользуются, и, как показали последние трагические события в кафе и на Арене, не без успеха.

Старый оператор еще раз испытующе поглядел мне в глаза.

— Завтра многое должно проясниться, Мартин. Предстоит встреча, после которой я, возможно, смогу вам сообщить нечто важное. Но не буду забежать вперед, сейчас скажу следующее: и мне запомнилось, и в беседах со старыми знакомыми прозвучало красной нитью — Ворон, особенно в последние дни перед исчезновением, активно искал оружие. Некий меч, который, как я теперь догадываюсь, был обязательным условием воздействия, его неотъемлемой частью. И, судя по всему, не нашел. Не обнаружен он и сейчас, иначе акции проводились бы по другой схеме: не сумбур со всеобщей поножовщиной и кровопролитием, а точечные воздействия на ключевых людей, выгодных для достижения того или иного результата. Именно таким планировал свой метод Ворон. Именно такую задачу ставили нам сверху в те далекие годы.

Стацки попытался затянуться, сигара погасла, и ветеран принялся крутить ее в руках.

— Так бывает, когда не хватает компонента для нормальной работы системы. На переходном этапе его пытаются заменить избытком другого компонента. Может, отсюда столько крови... Наверняка я, конечно, знать не могу, но в любом случае это временная мера. Злоумышленнику, кто бы он ни был, до зарезу нужно оружие. То единственное и уникальное, которое делает метод по-настоящему действенным. Значит, этот меч необходим и нам. Нельзя допустить, чтобы он попал в руки маньяка, слишком тяжелые последствия он может нарезать этим клинком, уж извините за каламбур. Ищите меч, Мартин!

Он опять пристально посмотрел на меня, сунул сигару в рот, пожевал, но так и не раскурил.

— Ищите не в Музее древностей, не в известных коллекциях и не на громких выставках. Уверяю вас, все эти места Ворон прочесал частым гребнем еще тогда. Думаю, последователь уже повторил его путь...

Я сразу вспомнил рассказ специального агента Серого: покушение на коллекцию эрцгерцога закончилось ничем. Убитый осведомитель и ни малейших попыток повторить кражу. Значит, всё-таки грабитель потерял интерес к объекту преступления. Очень похоже.

— ...У него были на то и время, и возможности. Ищите в оружейных лавках. Займитесь знатоками оружия, антикварами. Не обладателями крупных коллекций, а мелкими собирателями и посредниками. Среди тех клинков, что продаются и покупаются через них — что сделаешь, модно! — может мелькнуть хвостик золотой рыбки. Так мне кажется...

Стефан вытащил из внутреннего кармана плотный конверт и протянул его мне:

— Возьмите. Здесь адрес и время нашей завтрашней встречи и еще кое-что.

Я открыл конверт, внутри оказался квадрат плотной бумаги с написанным адресом. Я знаю этот район, и найти дом не составит труда. Время — шесть часов вечера. А следом на ладонь выкатились два овальных ограненных камня размером с ноготь мизинца. По виду рубины — острый багровый лучик стрельнул в глаза. Я не знаток драгоценных камней и сейчас глядел на них с сомнением.

— Возьмите-возьмите, — сказал Стефан, — пусть они пока побудут у вас. Эти камни оставил мне Ворон незадолго до своего исчезновения. Наши отношения тогда были уже не безоблачны, но никого ближе у него всё равно не имелось. Видно, что-то угрожало Ворону или кто-то, он просил сохранить камни, обещал вернуться, но больше живым я его не видел.

Я покатал рубины по ладони — две багрово-красные застывшие капли чуть удлиненной формы. Зачем они мне? Но если просит Стачки, отказывать неловко.

— Мой бывший друг ничего не объяснил тогда. Я не знаю, зачем они нужны и какую роль могут сыграть. Может, и никакой... Но Ворон был поглощен идеей с головой, ни о чем другом думать не мог, и если доверил мне камни, то это неспроста. Возьмите, потом разберемся. И жду вас завтра, Зрячий, в указанное время в указанном месте. Думаю, у меня будет, что вам поведать...

Стефан подарил мне еще один внимательный взгляд, его рука легла на мое плечо. А затем вышел, так и не раскурив сигары.

* * *

После встречи со Стачки я, не откладывая в долгий ящик, отправился в приемную и по дальнотелефону созвонился с информационным бюро Агентства, имеющим достаточно полную базу по самым разным вопросам. Мне выдали не менее двух десятков фамилий и адресов лиц, занимающихся торговлей старинным холодным оружием. Я и не предполагал, что их так много. Записав данные на листе бумаги, я вернулся в кабинет и принялся внимательно изучать их.

Барышня из информбюро любезно сообщила мне не только адреса лавок и магазинов, но и примерный ассортимент. Оказалось, что часть заведений занимается главным образом ножами и кинжалами, и можно поставить их во вторую очередь. Например, лавку старины Поля. Соблазн пойти в первую очередь к нему, поговорить и полюбоваться своим серебряным любимцем я подавил волевым усилием — уж что-что, а коллекцию Поля я знаю досконально.

Отбрасывать эти заведения совсем тоже не стоило, помимо ножей там могло оказаться что-то интересное, но существовали и специализированные магазины, в которых продавали почти исключительно длинные клинки. Я выписал их в отдельную группу, составил маршрут и направился к директору утвердить план действий. После всего произошедшего я меньше всего опасался взысканий или выговора, но кровь невинных жертв в кафе и на Арене стучала в моем сердце, преследовала меня и побуждала к действию.

Посещение директорского кабинета оказалось недолгим, но плодотворным. Мы согласовали план действий и договорились о казенной карете, которую я получал в свое распоряжение с сегодняшнего дня. Также директор выдал некую сумму денег на представительские расходы. При необходимости я мог совершить не очень дорогую покупку

в интересах дела. И я отправился наносить визиты.

Потянулась длинная череда одинаковых встреч и бесед. Карету с зорким глазом на дверце я предусмотрительно оставлял в некотором отдалении. Афишировать расследование не в моих интересах — маньяк может двигаться по пятам. В магазинах я представлялся коллекционером, благо необходимые знания в данной области у меня имелись. Потом следовало долгое изучение ассортимента, разговоры о клинках, обсуждение и вопросы. Всё это отнимало достаточно много времени и забирало не меньше сил, к вечеру я обошел едва ли полдюжины заведений, торгующих антикварным оружием. Но делать нечего, с утра предстояло заняться всем этим сызнова.

На следующий день я не смог отказать себе в удовольствии и всё-таки посетил лавочку Поля, поиграл с кинжалами, полюбовался на своего фаворита и поторговался со стариком для порядка. Мне было интересно узнать его мнение, и, не открывая всех обстоятельств дела, я спросил, где и как лучше искать прославленные мечи. И не получил в ответ ни грана полезной информации. Старый хитрец с ходу начал сватать мне свой эсток, но потом заинтересовался, зачем мне нужны клинки.

— Я слышал, Мартин, — шептал он мне заговорщицки, — на старой Арене случилась недавно жуткая трагедия. Погибла куча людей. Не связывайтесь вы с этими мечами, всё равно все сообщества скоро запретят. И в дальнейшем, я слышал от знающих людей, меры будут только ужесточаться!

Знал бы ты, старина Поль, что говоришь с непосредственным участником, а может быть, и виновником этих страшных событий...

Я покинул гостеприимную лавочку и ее радушного хозяина и пустился в дальнейший обход магазинов по списку. Визит следовал за визитом, дело пошло веселее, видно, сказывался вчерашний опыт, но ничего интересного я так и не обнаружил. К тому же чем ближе большая стрелка на часах приближалась к шести, тем большее я испытывал нетерпение. Что же такое архиважное собирался сообщить мне Стефан?

Мсье Ришак стоял в списке предпоследним. Он владел магазином подарков и сувениров для мужчин под названием «Для него», и оружие здесь продавалось больше в подарочном варианте. Но поскольку в ассортименте фигурировали мечи и шпаги, я решил не пренебрегать и этой возможностью.

Сам мсье Ришак, пухленький коротышка с розовой лысиной и с пышными бакенбардами на щекастой румяной физиономии, в пиджачке с коротковатыми рукавами, перекатывался по залу собственного магазинчика наподобие мячика — из угла в угол, от стойки к стойке.

Зал был поделен пополам: слева висели витрины с сияющими кубками, серебряными флягами, подарочными портсигарами, трубками, пепельницами и прочей тому подобной мужской мишурой. Справа — ножи для резки бумаги и колки льда, подарочные тупые кинжалы, декоративные шпаги и мечи. Я уже было подумал, что зря пришел и надо, коротко поговорив и вежливо попрощавшись, уходить. Но мсье Ришак не дал мне такой возможности.

Едва услышав, по поводу чего я посетил его торговое заведение, он деликатно, но плотно прихватил меня под локоток и препроводил на второй этаж, в личный кабинет. Тут же служанка принесла крошечные чашечки кофе, меня попотчевали сигарой, и потекла беседа двух любителей и знатоков холодного оружия. Вернее будет сказать, беседовал в основном мсье Ришак, на мою долю оставалось слушать. Но торговец оказался

действительно знатоком, даром что продавал сувениры, и я услышал много любопытного.

— Вы видите, господин Мартин, — говорил мсье Ришак, прихлебывая кофе, — я торгую блестящими игрушками. Ничего серьезного, боже упаси! В городе творятся страшные вещи, слухи ползут один ужаснее другого. Но это не значит, что я не понимаю в клинках. Было время, когда у меня в кладовочке стояли настоящие пары. Вы знаете, что такое пара?

Я удивленно воззрился на мсье, и он довольно хохотнул:

— Я так и думал. Это редкий вид вооружения, не получивший широкого распространения. Дело в том, что мастер берется изготовить сразу две единицы оружия. Например, шпагу и дагу к ней или меч и кинжал «милосердия», коим добивали поверженного противника сквозь щели в латах. Милосердие по-рыцарски, ха-ха! Или палаш и «засапожник», короткий широкий нож, который боец в самый неожиданный момент вытаскивает из-за голенища и наносит им неуловимый для глаза завершающий удар.

Щеки мсье Ришака разругались еще больше, глаза блеснули, видно было, что беседа приносит ему истинное наслаждение.

— Обычные наемники, которые ватагами бродили по проезжим трактам Республики каких-нибудь двести лет назад, подбирали себе оружие по руке, не заботясь о его происхождении. Другое дело — мастера фехтования, настоящие искусники боя на мечах, шпагах, саблях. Таковые были всегда: и во времена рыцарства, и позднее, — и вот они-то относились к оружию по-другому и заказывали именно пары. Настоящий мастер вкладывает в творение не только свое умение. Баланс клинка, выделка металла, специальные виды стали — булаты и дамаски — всё это тоже важно, но не только.

Я с возрастающим интересом слушал Ришака. Сейчас он озвучивал мои недавние выводы, сделанные после прочтения толстой стопки исторических документов в архиве, и мне было крайне интересно, что он скажет дальше. К счастью, понукать мсье не требовалось, сев на любимого конька, он с упоением говорил без остановки.

— Специальное оружие мастера древних и не очень древних времен не изготавливали, а творили. Первоочередным для них было предназначение клинка. Сам воин тоже должен был знать и понимать предначертанный путь. Только гармония взаимопонимания и полное слияние воина с оружием могли дать тот уникальный результат, на который и ориентировались истинные герои. Во всяком случае, так должно быть. Но в поединке двух героев, силы и оружие которых равноценны, цели равно благородны и устремления одинаково высоки, кто победит? Для нас это вопрос праздный, а для них он был очень актуальным. Они рассчитывали на встречу с равным противником и не хотели проигрывать.

Мсье Ришак раскурил погасшую сигару и увлеченно продолжил:

— А теперь представьте себе, что оружейная пара делает бойца сильнее даже не вдвое. Подсчитать точно тут не удастся, но силы его увеличиваются многократно. Взяв в каждую руку по клинку, — тут торговец изобразил, как это нужно делать, — боец оказывается в центре коловращения. Он становится осью, вокруг которой вертится смертоносная сталь. На востоке это называли мандалой, священным кругом, символом вечного движения. Остается только слегка направлять это движение, обрушивать рубящее колесо на выбранный объект. С таким противником сражаться крайне трудно.

Вот так-так! Мало мне было нестандартных методик боя, уникальных клинков и прочих заклинаний в камне и металле, теперь еще и оружейные пары. Когда-то я слышал краем уха о методиках боя двойным оружием, но внимательно этим вопросом не занимался, и рассказ о нем оказался крайне интересным.

— Обычно вторым в паре, — продолжал мсье Ришак, — выступал нож, стилет или небольшой кинжал, носимые скрытно — за голенищем сапога, под одеждой, даже на спине. И только у горцев пара была скорее правилом, чем исключением.

Опять горцы! Что-то слишком многое в последнее время замыкается на этом диком крае и его народе...

— Горцы носили и шашку, и кинжал открыто, при этом второй иногда мало уступал по длине первой. Бой велся обоими клинками от начала до конца и требовал особой филигранной техники. Сейчас эти стили утрачены, а последним человеком, который, по слухам, владел боевой парой, был легендарный атаман Дагомир...

— Кто?.. — я чуть не подавился остывшим кофе. — Как, вы говорите, его звали?

— Дагомир... — удивленно поглядел на меня Ришак. — Есть такая легенда: много лет назад в южных степях гулял лихой атаман. Вы знаете ее?

— Не важно, мсье Ришак. Прошу вас, продолжайте, вы чудесный рассказчик, и мне всё крайне интересно...

— У этого чудака была мечта — построить страну Утопию, где все люди будут свободны и счастливы. Но путь к Утопии пролегал через грабеж на большой дороге... — Ришак помедлил мгновение. — Так вот, имелся у атамана Дагомира чудесный клинок, выкованный старым горским мастером. А точнее, мастер сумел переделать в саблю очень древний меч. Одни говорят, что принадлежал он Горчаку, покорителю степных народов. Другие, наоборот, приписывают оружие личности не менее легендарного царя Куса, что правил этими народами и возглавлял борьбу с тем же Горчаком. Честно говоря, обе теории кажутся мне довольно спорными, но дело не в них. Меч был основательно поврежден, но старый кузнец, как гласит легенда, не сразу согласился выполнять требуемое, посмеив отказать самому Дагомиру! Однако он всё же взялся за работу, но только после того, как нашел достойный материал. Этим материалом оказался старый длинный кинжал. Как мастер определил, что именно этот кинжал может быть использован? Более того, каким образом смог взять часть кинжала на перековку меча? Всё это является тайной, которую теперь вряд ли кто-нибудь разгадает. Во всяком случае, современной металлургии такие способы неизвестны. Получился новый меч, названный мастером Дагг-Ош, что в переводе с горского наречия обозначало «приносящий удачу», и небольшой кинжал. Два этих клинка образовали уникальную пару, как бы связанную кровным родством. Вот этим оружием и владел виртуозно Дагомир...

— Удивительно, в имени атамана присутствует тот же корень — «даг». Это совпадение?

— Скорее всего.

— И что дальше?

— К сожалению, атаман был самым натуральным разбойником. Клинки действительно приносили ему удачу, но до тех пор, пока власти не поставили себе целью уничтожить его. От пули ни меч, ни кинжал защитить не могут...

— А судьба оружия?

— Где находится Дагг-Ош, не знает никто. Я пытался наводить справки, но результатов не добился. Что же касается кинжала... — тут мсье Ришак застенчиво потупился, — то его владелец перед вами...

К счастью, к этому моменту я уже допил кофе, иначе я бы всё-таки подавился. Молочный брат Дагг-Оша, так интересовавшего меня, был всего в двух шагах! Пришлось

взять себя в руки и постараться не показывать своей заинтересованности, хотя старого торговца это не обмануло. Он смотрел на меня с хитринкой во взгляде, как бы говоря: «Я знаю, что тебя интересует этот товар, и своего не упущу!»

— Можно взглянуть? — сколько мог спокойно спросил я.

— Конечно, господин Мартин! Один момент, — и Ришак вышел из комнаты.

Не прошло и трех минут, как он вернулся со свертком в руках. Действительно, это был кинжал. Больше всего клинок походил на квилон — круто загнутые выступы гарды, узкое как жало, не очень длинное лезвие. Мощная рукоять, оплетенная толстой кожей. Из общего стиля выбивалось только навершие — круглое и массивное, характерное для горской оружейной традиции.

Я взял кинжал. Чувство, охватившее меня вслед за этим, трудно передать словами: радостное волнение, предвосхищение чего-то светлого, что ждет впереди и непременно вот-вот случится!.. Прилив сил, ожидание чуда!..

Я положил клинок на стол, и наваждение тут же исчезло. Интересная вещьца...

— И название его звучит как-то вроде Дагг-Озз? — попытался я блеснуть знанием горской этимологии.

— Почти правильно, — с уважением посмотрел на меня Ришак. — «Озз» может означать и слуга, и друг, хотя чаще мы переводим это горское слово как «последователь». У горцев понятие «слуга» значительно отличается от нашего, там слуга сам выбирает себе хозяина, а тот, принимая служение, одновременно принимает значительную долю ответственности за судьбу человека. Есть еще одно слово: «Оззи». Это тоже последователь, можно сказать — и младший слуга, но чаще так называют младшего брата. То есть кровное родство или хотя бы родство по духу. Мастер назвал кинжал Дагга-Оззи. Что это означает, вы теперь знаете...

Да, теперь я понял. Значит, Шада-Озз был не просто сподвижником Шай-Дагга и уж никак не слугой. Так ли сильны были его амбиции и стремление к самостоятельности, как это представил Стацки?

Ведь его еще называли Шада-Оззи, то есть верный друг, братишка. Может быть, коварные замыслы умело взрастили агенты тайников, посланцы Сантьяго? И не приложил ли к этому руку Ворон со своей чудодейственной методикой? Одни вопросы, и как же всё переплелось...

— Красивая легенда, смелые и красивые люди, звучные имена, — сказал я Ришаку. — И знаете что, я, пожалуй, куплю у вас кинжал.

Мсье потупился вторично и заломил совершенно несусветную цену. Моих представительских не хватало на покупку категорически, и вряд ли господин директор выпишет мне такую сумму даже после соответствующих объяснений.

— Погодите, мсье Ришак. — Я понял, что придется торговаться. — Но к кинжалу наверняка должны прилагаться ножны?

— Ножны? — Легкая тень досады промелькнула по лицу собеседника. — Да... Вы правы, ножны существуют, это незыблемая традиция. Что такое горский кинжал без ножен — брачная ночь без невесты!.. Вот только у меня их нет.

— Ну... я даже и не знаю... — Теперь пришел мой черед сбивать цену. — Без ножен кинжал стоит совсем других денег... А где они могут быть?

— Я искал их, и очень усердно, но, увы. — По всему было видно, что мсье Ришак принял решение. — Согласен, господин Мартин. Кинжал без ножен будет стоить меньше.

Названная цена, гораздо более приемлемая, по словам торговца, была окончательной и обсуждению не подлежала. Моя попытка сделать ее равной той наличности, что звенела в кармане, наткнулась на ожесточенное сопротивление. Мы договорились, что я оставляю задаток. Той суммы, которая была у меня при себе, на это хватало. Оставшуюся часть денег я должен буду занести завтра в первой половине дня. Тогда же заберу кинжал.

Мы расстались чрезвычайно довольные друг другом, попрощавшись, словно добрые друзья. Я был совершенно уверен, что смогу добыть недостающие кроны в Агентстве. В списке оставался последний магазинчик, но я туда катастрофически не успевал. Времени едва хватало на то, чтобы добраться по адресу, данному мне вчера Стефаном. Даже наличие экипажа не меняло дела.

Со всей возможной скоростью кучер помчал меня по вечерним улицам.

* * *

Адрес располагался в западной части города, рядом с набережной Капаллы. Серебристая гладь реки угадывалась между темными домами и листвой деревьев.

Застройка здесь была редкой, перемежаясь обширными пространствами, заполненными кустарником почти в рост человека и развесистыми дубами. Редкие фонари еще не зажглись, и закатное солнце окрашивало старые дома в призрачный таинственный цвет, смесь темно-серого с багряным.

Я отпустил кучера — сегодня мне его услуги уже не понадобятся — и прошел к означенному в записке зданию. Это был трехэтажный особняк, мрачный и тяжеловесный, с большим количеством лепных украшений. Так строили в начале прошлого века, когда-то дом мог принадлежать богатому промышленнику или чиновнику достаточно высокого ранга.

Сейчас особняк пустовал. Без человеческого пригляда и ухода здание медленно, но неуклонно разрушалось: штукатурка местами отвалилась, и ранами мясного цвета проглядывала кирпичная кладка. Краска на дверях и ставнях поблекла и облупилась, под крышей виднелись потеки не просыхающей сырости.

Зачем Стефан назначил свидание в заброшенном доме? В душе появилось неприятное предчувствие.

Окна первого этажа были закрыты ставнями, на третьем — кромешно темны, только лучи заходящего солнца бликовали на стеклах кровавыми отблесками. На втором этаже, прямо по центру фасада, виднелись два освещенных окна. «Значит, мне туда», — понял я.

Дверь неожиданно легко и без скрипа подалась на хорошо смазанных петлях. Внутри царил мерзость запустения. Широкий коридор уходил в обе стороны: толстый слой пыли, обрывки старых газет, еще какой-то мусор и обшарпанные двери апартаментов говорили всем своим видом — тут давно не живут.

По заплыванной лестнице с обрушенными кое-где перилами я поднялся на второй этаж. Здесь был такой же коридор. Стачки не указал номер апартамента, наверное, рассчитывал, что я разберусь сам. По моим прикидкам, нужная комната находилась слева, и действительно, одна из дверей резко отличалась от остальных. Прочная на вид, подкрашенная, она поблескивала новенькой ручкой.

Я осторожно постучал. Ответом мне была звенящая тишина, только где-то наверху хлопало на сквозняке неприкрытое окно или дверь. Я постучал еще раз и, не дожидаясь ответа, толкнул створку. Та подалась, и я вошел внутрь.

Вполне жилая прихожая со всеми необходимыми приметами такого помещения: неяркая лампа под потолком, вешалка, зеркало, диванчик, стойка для обуви. Всё имело вид вещей, которыми пользуются ежедневно. Я прошел коротким коридором и очутился в просторной комнате с одним неярким светильником, тонувшей в полумраке.

Всё пространство комнаты, за исключением левого дальнего угла, представляло собой мастерскую художника. Большой стол для смешивания красок заставлен банками, баночками, бутылками и флаконами. Разложенный мольберт с установленным, но не тронутым холстом, рядом палитра и кисти. В углу подрамники, накрытые бархатным покрывалом.

Так вот куда пригласил меня Стефан — в святая святых, в мастерскую, где он творит финт! Картины, что стоят под покрывалом в углу, наверняка результат проведенных процедур, окончившихся финтом в этом странном заброшенном доме. Впрочем, почему странном? Оператору и нужна такая обстановка — уединение, доведенное до крайности.

Но каков ветеран! Поводить процедуры днем в Агентстве и лишь вечерами писать картины, обращая их в финт?! Воистину, чтоб вытворять такие штуки, нужно обладать незаурядным мастерством! Недаром Стацки считается не только самым опытным, но и лучшим оператором в Отделе...

В левом дальнем углу стоял изящный столик, покрытый веселенькой скатертью и заставленный какой-то снедью. В центре стола красовалась большая бутылка вина. Два кресла, одно сейчас пустовало, в другом сидел человек.

Единственный светильник давал недостаточно света, высокая спинка не позволяла рассмотреть подробно, и в сумерках я видел только плечо и руку, безвольно свесившуюся с подлокотника. Но я сразу узнал пиджак Стацки. Именно в нем он был вчера во время нашей встречи.

— Стефан... — несмело окликнул я. Предчувствие, появившееся сразу, как только я вошел в этот мрачный дом, усилилось. Человек сидел слишком неподвижно и неестественно тихо. На мой призыв никакого ответа не последовало. — Стефан, это вы? — позвал я громче и сделал неуверенный шаг к столу.

И тут он застонал.

Тяжело, тоскливо, предсмертно...

Я кинулся к столу, развернул кресло и увидел. Даже в полумраке лицо Стацки было совершенно бледным, черты заострились. Из груди, чуть выше сердца, торчала рукоять ножа. Всю одежду ниже раны пропитала запекшаяся кровь, и я не решился вытаскивать клинок, зная, что это может усилить кровотечение. На какой-то миг меня охватила паника: «Что делать? Кого позвать? Как ему помочь?»

— Стефан! — крикнул я в отчаянии, беря его за безвольную руку. — Держитесь, старина! Я сейчас вызову карету неотложной помощи! Или вас перевязать? Черт, чем я могу вам сейчас помочь?!

— Не надо, — тихо ответил он. Голос его прерывался. — Потом карету, отсюда до ближайшей помощи двадцать минут добираться... Слушайте меня, Мартин... Это Ворон! Он был здесь, и я видел его так же ясно, как сейчас вижу вас. Ошибиться я не мог, да он и сам не скрывал. Мы разговаривали, даже вспомнили немного молодость... Он довел дело до конца, создал метод... Но без меча ему приходится проливать реки крови, и он вынужден убивать случайных людей. Результат его не устраивает...

Лицо Стацки сморщилось от боли, тело вздрогнуло, кровь опять потекла из-под ножа.

— Стефан! Я сейчас отнесу вас вниз! Мы найдем какой-нибудь экипаж и поедem в госпиталь!..

Он неожиданно цепко схватил меня за руку, зашептал горячечно:

— Нет времени... По этим улочкам никто не ездит... Слушайте, Ворон ищет меч... Он очень опасен, Мартин! Очень!.. Мечтает о мести, считает, будто все его предали... Но мстью Ворон не ограничится, пойдет дальше... Его надо остановить. Если вы найдете оружие, Ворон сам придет к вам... Вы сможете... Там...

Стефан указал на прикрытые покрывалом картины, но силы оставляли его. Голос затихал с каждым словом, а следом тело обмякло, рука беспомощно упала, глаза закатились.

— Стефан! — закричал в отчаянии я, но тщетно. Жизнь покинула старого оператора.

Я потерянно стоял возле кресла, перед остывающим телом, одетым в тот же костюм, что и вчера, когда мой товарищ был жив и так интересно рассказывал истории десятилетней давности.

Все точки над «і» расставлены. Теперь у меня есть еще и последняя воля умирающего.

Что я могу противопоставить Ворону? Волю и несокрушимое стремление к победе! Этот человек ответит за всё совершенное — за мертвых студентов, девушку из «Елмани», а теперь еще и за Стефана Стацки, которого я считал своим другом, хоть и не отдавал себе в этом отчета. Мало? Я знаю, как можно победить Ворона — нужно лишь отыскать заветный меч. И я найду клинок, чего бы мне это ни стоило! И наконец — я сенс, оператор, Зрячий и могу воевать с врагом на его поле и тем же оружием. Хватит?

Вот и я думаю, что хватит.

У дальней стены, — где указал Стацки, — я сдернул бархатное покрывало и увидел... На картине огромная черная птица распластала крылья. Угрожающе тянулись, казалось, прямо ко мне страшные когти. Голова птицы с изогнутым, как кривой кинжал, клювом была чуть вздернута, но сквозь птичьи черты отчетливо проступало человеческое лицо. Пронзительные темные глаза, волевой подбородок, упрямая линия губ. И хрящеватый хищный нос, похожий на орлиный клюв.

Я запомнил это лицо сразу — во всех деталях и навсегда. Я найду тебя, Ворон...

* * *

Отчаяние вперемишку с решимостью погнали меня прочь из комнаты. Через наполненную одиночеством тишину, грязь и запустение, мимо слепых заколоченных дверей — по коридору, по полуразрушенной лестнице, на пустую улицу. Уже зажглись фонари, хоть солнце еще не село за горизонт, и сливочно-желтый электрический свет смешивался с багрянцем закатных лучей.

Нужно было сообщить о происшествии директору и специальному агенту, вывезти тело Стефана и забрать его картины. Надо было, наконец, выбираться, черт побери, из этого мрачного безлюдного района...

Я метнулся по улице в одну сторону, потом в другую, потом встал. Всё это слишком походило на паническое бегство. Надо сосредоточиться. Я не беглец, я — мститель и сделаю всё необходимое, возобновлю поиски. Ворон будет пойман, и тогда посмотрим...

Но сейчас нужно идти к набережной. Там можно найти извозчика, там всегда полно людей, даже поздним вечером, а мне это сейчас необходимо — услышать живую речь, встретить чей-нибудь взгляд, пусть даже совершенно незнакомого человека.

Раздумывая, каким путем лучше пройти к набережной, я не сразу заметил две фигуры, вынырнувшие из сумерек. Только когда звук шагов стал слышен совсем близко, я обернулся. Они двигались быстро и сосредоточенно, широкополые разбойничьи шляпы надвинуты на глаза — лиц разглядеть невозможно. Один, высокий и плечистый, шел чуть вразвалку. Второй — маленький, легкий, почти скользил, стелился над поверхностью земли.

Улица была совершенно пуста. Вокруг заброшенные дома, откуда здесь могут взяться случайные прохожие? И на празднующихся эти двое никак не походили — слишком деловиты, собраны...

Я стоял столбом. В фигурах чувствовалась неприкрытая угроза, и я не сомневался, что люди приближаются ко мне, причем с самыми недобрыми намерениями. Что я могу им противопоставить? Драться-то я умею, но что можно сделать против двух опытных противников? А в опытности их сомневаться не приходилось, достаточно увидеть, как они двигаются.

Незнакомцы приостановились. Так хищники приседают в последний миг перед броском. Я продолжал стоять, ноги сделались ватными. Силы и выдержка изменили мне после всего пережитого, я сейчас не мог ни бежать, ни драться...

— Одну минуту, господа! — послышался знакомый спокойный голос от двери, через которую совсем недавно я покинул особняк.

От крыльца к мостовой вел недлинный проход, окруженный с обеих сторон запущенным газоном с окаменевшей землей. Специальный агент Серый, а это был именно он, шел вальяжной неспешной походкой прямо по газону, срезая путь. Крохотный котелок удерживался на голове вопреки всем законам физики.

Незнакомцы не испугались, не бросились наутек. Длинный подобрался, как перед прыжком, хотя до агента было слишком далеко, а маленький выхватил нож. Растопырив руки, он сделал аккуратный скользящий шаг навстречу противнику. Отдавать свою жертву, то есть меня, без боя они не собирались. Почему-то я был уверен, что длинный тоже вооружен, но появление специального агента придало мне сил. Я шарил глазами по земле в поисках хоть чего-нибудь, что можно использовать как оружие.

Серый остановился, не доходя до нашей группы несколько шагов. Одним быстрым движением он выхватил из недр своего широкого бесформенного сюртука чудовищных размеров револьвер. Он сильно отличался от того, что я видел у Евы, пуля к такому оружию была, наверное, не меньше крупной вишни.

Агент неторопливо переступил, выставя правую ногу вперед, поднял руку с револьвером и изготавился к стрельбе. Маленький разбойник продолжал двигаться навстречу, на лице его мелькнуло искреннее недоумение. От такого нелепого, даже комичного персонажа, каким казался специальный агент, разбойники не ожидали столь решительных действий. Кажется, они не верили, что незнакомец может выстрелить.

Серый не произнес больше ни слова. Он не угрожал злоумышленникам и не предупреждал об ответственности. И не требовал сдаться. От грохота выстрела заложило уши.

Пуля угодила маленькому в грудь. Будто удар бревном швырнул легкое тело на мостовую. Разбойника вынесло прямо под ноги длинного, и труп кувырком прокатился мимо. Длинный ошарашенно проводил полет мертвого товарища взглядом, не в силах пошевелиться или вымолвить хоть слово. Потом поднял голову и заворуженно уставился на агента...

А Серый тем временем перевел свое грозное оружие на него. Длинный встрепенулся, крутнулся на месте и бросился бежать. Он успел сделать несколько шагов, когда грохнул второй выстрел. Пуля ударила человека в спину, сбила с ног и протащила по мостовой.

Всё закончилось в считанные секунды, оба разбойника, растеряв широкополые шляпы, недвижимо лежали на земле.

— Вас совершенно нельзя оставлять без присмотра, Мартин. — Специальный агент подходил ко мне неспешным шагом, пряча свой громобой в закутки просторного сюртука. — Вы буквально притягиваете к себе всяких темных личностей. Вот эти, например, — шелупонь, любители уличных драк, пасующие при виде серьезного оружия, но для безоружного человека, да стай, могут быть очень опасны.

Серый был совершенно спокоен, как будто не пристрелил только что двоих, а отогнал назойливых мух. Он встал передо мною, я с трудом перевел дыхание:

— Господи, специальный агент! Откуда вы здесь взялись?

— Стацки сообщил мне о вашей предстоящей встрече. Я на всякий случай пришел чуть раньше вас.

— Стацки мертв, лежит наверху, — я кивнул в сторону окон второго этажа.

— Знаю, — посмурнел лицом Серый. — Я прятался на первом этаже, потом крался следом и заглянул в студию сразу после вас. Стефан снял эту берлогу пару месяцев назад, раньше он квартировал в другом районе. К сожалению, я не видел, кто был его гостем, всё произошло еще до моего прихода...

— Прятались?! Крались?! Сдается мне, господин Серый, что вас крайне интересовало, кто и каким образом встретит меня на улице. Вы использовали меня как живца! — я был близок к истерике.

— Прекратите, оператор! — жестко одернул меня агент. — Не в бирюльки играем. Да, я должен понять, кто вами интересуется. Тем более что теперь это вплотную связано с убийством. Ничего страшного к тому же с вашей персоной не произошло...

— Ну да, если не считать двух трупов. И что, помогло вам всё это? Вы теперь знаете, кто на меня охотится?

— Увы, нет. Эти двое — мелкие сошки, скорее всего их наняли за небольшие деньги. Я уверен, они не смогли бы даже внятно описать личность нанимателя. Руки еще марасть... — Агент зло сплюнул.

— Уходим отсюда, — сказал я. — Думаю, надо идти по направлению к набережной.

Улица давила, какие-то тревожные флюиды продолжали витать в неподвижном воздухе.

— Вы совершенно правы. Там есть полицейский пункт, недавно оснащенный дальнотрубом...

Не закончив фразы, агент сгреб меня рукой, притянул и тут же резко навалился на плечи всем своим немалым весом. Одновременно он резко присел, как бы укоротив ноги одним движением.

Я не успел ни удивиться, ни воспротивиться, как с другой стороны улицы, из кустов засверкали вспышки и загрохотали выстрелы — один, второй, третий! Над головой опасно засвистело. Восхититься чутьем и проворством Серого я тоже не успевал — мы были на открытом пространстве. В десятке метров от нас, выступая из-за дома изогнутым языком, начинались заросли кустарника, но туда надо было еще добраться!

Тайник выхватил револьвер, трижды выстрелил навскидку в сторону засады и, прихватив меня за шкуру, рванул в сторону зарослей. Ноги, компенсируя приданое

ускорение, заработали с немыслимой скоростью. Вслед нам противник открыл шквальный огонь: пули свистели, казалось, над самой макушкой, с тупым звуком вбивались в грунт, взбивая фонтанчики пыли, срезали ветки кустов, к которым мы отчаянно рвались.

Последний метр до укрытия я преодолел в прыжке и живым снарядом протаранил зеленую стену. Ветки больно хлестнули по лицу и рукам, я еле успел защитить глаза. Сзади взбесившимся бегемотом проламывал заросли Серый. Насаждения имели вид неширокой полосы, за которой образовался довольно просторный проход. Мы бросились по нему вправо...

Агент оказался впереди. Я не возражал — бежать, ориентируясь в сумерках на его широкую спину, стало легче. Это был настоящий коридор в густом кустарнике, с поворотами то вправо, то влево, как лабиринт, и мы следовали ему, не представляя, куда этот путь выводит.

Заросли кончились разом, и мы выскочили на поляну. Сюда открывались еще два или три подобных прохода-коридора. Из одного навстречу вылетел худой тип в кожаной жилетке, бандане и с револьвером в руке. Он успел вскинуть оружие первым. Специальный агент прикрывал меня своим мощным телом, но сам представлял собой отличную мишень. Мы продолжали сближаться, замедляя бег.

— Падай! — крикнул мне партнер, и я послушно рухнул на землю, продолжая наблюдать за происходящим. Руки Серого были опущены вдоль тела. Он начал пританцовывать на месте с удивительной для его комплекции легкостью. Постоянно менял положение корпуса, двигая плечами, подергиваясь неожиданно то в одну сторону, то в другую.

Худой выцеливал агента, поводя стволом. Вот рот его искривился в хищном оскале, похожем на судорогу, и он нажал на спуск. Но за долю секунды до этого Серый дернулся, неуловимо коротким движением повернулся боком к стрелку и уклонился от пули. Та просвистела точно там, где только что находилась мишень.

Я слышал об этом приеме, называемом «качать маятник», но видел его впервые. Моих отрывочных знаний по огневой подготовке хватило, чтобы понять — проделывать такое может только очень подготовленный человек...

Худой нервно рассмеялся и принялся целиться вновь. Агент продолжал свой странный танец, я с удивлением заметил, что в то же самое время он незаметно сокращал расстояние до разбойника. Второй выстрел! — и всё повторилось! Неуловимый уклон в сторону в самый последний миг, и пуля просвистела мимо.

Нервы худого сдали, он начал палить подряд раз за разом, а тайник глубокими нырками, раскачивая корпус, уходил от пуль, неминуемо сближаясь с противником. После шестого выстрела курок глухо щелкнул, и Серый, сорвав дистанцию, вырос перед стрелком. Могучий кулак с зажатым громобоем описал широкую дугу и со всего маху врезался худому в висок. Злоумышленник рухнул, не издав ни звука.

В тот же миг откуда-то сбоку вынырнул еще один, небольшого роста и юркий. В его вытянутой руке был зажат длинный нож, нацеленный напарнику в спину. Рывком поднявшись с земли, я бросился ему наперерез и еле успел отбить оружие. Юркий крутанулся на месте, ловко переступил. Нож играл в его руках как живой, перелетал из руки в руку, боец постоянно менял хват с переднего на задний и обратно.

Потом он кинулся на меня, показывая прямой удар в лицо, но в последний миг неуловимым движением изменил траекторию, и клинок сверкнул уже где-то сбоку и снизу.

Я откачул корпус и носком правой ноги хлестко рубанул противника под коленную чашечку опорной ноги. Слитное движение бойца немедленно сломалось — он присел, вскрикнув, вооруженная рука на миг зависла на отлете.

Не теряя времени, я прихватил кисть с ножом и надавил в сторону локтя. Созданный рычаг позволял мне теперь вести его тело в любом направлении, и я отправил противника по кругу, чуть приседая и нагружая движение массой своего тела. Юркий начал отчаянно перебирать ногами, пытаясь удержать равновесие — он шагнул спиной вперед, и ему стало совершенно не до ножа.

Прихватив клинок, я вывернул оружие через большой палец. Потом, резко поменяв направление излома, рванул противника к себе, навстречу его же клинку. Удар получился таким сильным, что клинок вошел в щуплую грудь по самую рукоять. Разбойник вскрикнул, неожиданно тонко и жалобно, но тут же в груди у него заклокотало, на губах появились розовые пузыри. Я выдернул нож из раны и оттолкнул обмякшее тело.

Специальный агент стоял, тяжело дыша, поводя стволом револьвера вокруг себя, и косил налитым глазом в нашу сторону.

— Для кабинетного работника очень даже неплохо, оператор, — прохрипел он.

— Ну, до вас, специальный агент, мне далеко, — преодолевая одышку, просипел я. — Но спину вам прикрою. Мы ж теперь в одной лодке!..

— Да уж, — крикнул Серый, но прозвучало это скорее одобрительно. — Однако пора в путь...

Перед нами располагались два прохода в стене кустов, в обоих могли поджидать злоумышленники, но надо было на что-то решаться. Вдруг слева от нас наметилось какое-то движение, послышались сдавленные выкрики, и мы тут же бросились в правый. Снова стремительный бег, мелькание веток перед глазами, повороты. Откуда в этих зарослях самые настоящие лабиринты?

Сзади слышался топот преследователей...

Неожиданно заросли закончились. Мы очутились около строения, соседствующего с особняком Стефана, такого же темного и заброшенного. Всё это время мы петляли вокруг двух домов! Уже порядочно стемнело, но как раз здесь горел один из немногих фонарей, и мы оказались в желтом круге света.

Серый сразу же повлек меня в тень, он рассчитал правильно. Выскочившие вслед за нами двое преследователей на свету ослепли и замешкались. Этого оказалось достаточно, чтоб агент метким выстрелом свалил одного, но тут патроны в револьвере закончились. Перезарядить оружие во время бегства было совершенно некогда.

Второй вскидывал тем временем обрез дробовика устрашающего калибра, но я оказался проворнее. Нож оставался в моей руке, и я метнул его что было сил! Как учил когда-то дядюшка Марло, непревзойденный специалист по этой части. Клинок рассек противнику гортань, сосуды и застрял в шейном позвонке. Ноги злоумышленника подкосились, и тело рухнуло навзничь.

Мы стояли, обратившись в слух, но вокруг царил полная тишина. Не слышно было треска веток, не топали шаги в проходах, не лязгало оружие. Серый перезарядил свой громобой, сыпя под ноги гильзы размером с палец. Потом, со словами: «Идите сюда», он потащил меня к мертвецам.

Оба были в кожаных жилетках и черных банданах с рисунком, напоминающим стилизованные человеческие кости. Ствол револьвера агент сдвинул отворот рубахи на

убиенном разбойнике и показал татуировку на его груди — «2012».

— Видите? Готов побиться об заклад, у остальных можно найти такие же тату. Первая двойка уличных босяков была пробным шаром, в засаде же сидели люди более опытные. Увидев, что первоначальный план — а я думаю, что вас собирались спеленать и препроводить в какое-либо потайное место, — не удался, приступили ко второму, резервному варианту. И он, судя по всему, допускал физическое уничтожение вас, оператор, коль скоро захват окажется невозможным.

Я не мог не согласиться с логикой агента. Если к делу подключились парни из «2012», это еще более усугубляло ситуацию. Хотя я уже почти свыкся с постоянным пристальным интересом к своей персоне. Интересом очень недоброжелательным.

— Похоже, на сегодня приключения закончены... Или еще нет? — Серый посмотрел на меня, и я не понял, чего было больше в его взгляде — иронии или надежды. — В любом случае, надо отсюда выбираться...

— Будем надеяться. — Я постарался улыбнуться как можно бодрее. — Но сейчас я полагаюсь на вас, специальный агент. Ведите.

— Дай, господи, нам сил... — откликнулся гигант.

* * *

Мы пошли в сторону набережной, огни которой были хорошо видны в стусившемся мраке. Поплутав какое-то время по темным и безлюдным тупикам и переулкам, мы наконец сумели выйти на ярко освещенное пространство, заполненное нарядными людьми. Парами и группами они прохаживались по набережной, пили газировку, ели мороженое, оживленно беседовали, смеялись и шутили. Здесь не было месту страху, стрельбе, погоням и кровавым расправам, и мы с агентом словно попали в другой мир, иное измерение.

Наша пара продвигалась сквозь праздничную толпу, словно ледокол и ведомое судно через поле ледяных торосов. Будто возвращались в тихую гавань из длительного плавания, пережив бури, шторма, нападение пиратов и еще бог весть какие жуткие приключения.

Сюртук Серого был изодран в клочья, яркий шейный платок сбился набок, но смешной котелок незыблемо держался на кудлатой, гордо поднятой голове, а бакенбарды воинственно топорщились в разные стороны. Я двигался в кильватере его грузной фигуры и выглядел не менее потрепанным. Да еще во время бега по кустам успел расцарапать себе лицо и руки. По счастью, на нас мало обращали внимания. Толпа жила своей жизнью, лишь иногда я ловил на себе чей-то удивленный взгляд.

Другое дело — постовой: пузатенький коротышка в выглаженном синем мундире, с вислыми усами и значительным лицом человека, всю жизнь посвятившего службе. Он-то сразу приметил двух странных субъектов самой непрезентабельной наружности, слоняющихся среди чистой публики. С решительным видом полицейский двинулся к нам.

Специальный агент перехватил его, не дав произнести грозное «Документики!», сунул под нос удостоверение и повел в сторону парапета. Выражение лица служивого из подозрительного быстро превращалось в почтительное. Серый втолковывал, что нам нужно, тот понимающе кивал, и я подумал было, что сейчас всё наконец устроится, когда что-то в толпе привлекло мое внимание. Мелькнуло, зацепило взгляд и тут же исчезло. Пока тайник и полицейский договаривались, я шарил глазами, пытаюсь найти в суете праздных людей причину своей тревоги. И увидел...

Знакомая бандана вынырнула из-за голов и плеч и тут же скрылась, потом еще раз, уже ближе. Человек двигался к нам в потоке праздной публики. Я стоял за спиной агента, тот продолжал беседовать с постовым. Вокруг нас образовалось пустое пространство: слева в двух шагах находился каменный парапет, справа, в нескольких метрах, — живой людской поток.

Я потянулся к плечу Серого, желая привлечь его внимание, и в тот же миг человек в бандане сделал резкое движение. В нашу сторону полетел, вращаясь и оставляя в воздухе дымный след, блестящий предмет.

Он приземлился в нескольких метрах, подпрыгнул от удара об землю раз и другой и подкатился прямо к постовому. У него под ногами лежала самодельная бомба — продолговатый цилиндр, многократно обмотанный клейкой лентой, с дымящимся запалом, вставленным с одной стороны.

Я остолбенел, не в силах вымолвить ни слова, но полицейский с неожиданной для его фигуры резвостью наклонился и подхватил бомбу. Он начал поворачиваться в сторону реки, намереваясь, как видно, бросить страшный снаряд за толстый каменный парапет, в воду...

Секунды растянулись на часы. Я видел, как постовой отводит руку с дымящейся бомбой... Широко размахивается, вот сейчас бросит... Как Серый с искаженным лицом выхватывает из-под изорванного сюртука свой чудовищный револьвер и вскидывает руку...

Яркая вспышка ослепила, не спас даже свет фонарей. Тугой хлопок больно ударил по барабанным перепонкам, и тут же стена плотного горячего воздуха сбила с ног, подбросила и со всего маху приложила о брусчатку набережной. Пыль и едкий дым затянули всё вокруг...

Какое-то время я провалился на камнях, не в силах понять, где нахожусь и что со мной произошло. Потом ветерок с реки отнес дым в сторону, и я увидел: от бедняги постового осталось обожженное тело без правой руки и со страшной черной маской вместо лица. Синий мундир, еще недавно отутюженный, такой парадный и праздничный, превратился в дымящиеся лохмотья.

Судя по всему, бомба взорвалась либо в руке служивого, либо только-только покинув ладонь. Но его плотное тело стало своеобразной преградой на пути взрывной волны, и специальному агенту досталось уже меньше — он слабо шевелился на земле, загребая руками. Грузное его тело, в свою очередь, прикрыло меня...

На набережной началась паника: сквозь звон в ушах я слышал женский визг, топот ног и перестук каблуков. Кто-то хрипло ругался, кто-то зывал о помощи. Люди бестолково метались по аллее, лишь некоторые сообразили броситься наутек. Мостовая была усеяна оброненными во время бегства зонтиками, сумочками, еще какой-то мелочью.

И в совершенном одиночестве, посреди всего этого сумасшествия стоял убийца в ненавистой бандане и традиционной кожаной жилетке. Он не бежал и не прятался, бандит считал, что мы с агентом, оглушенные взрывом, легкая добыча, и намеревался довести начатое до конца. И возился с кресалом, намереваясь поджечь фитиль второй бомбы, зажатой в руке.

В какой-то миг я подумал, что всё кончено. Сейчас бандит метнет вторую бомбу, и нас ничто не спасет, но Серый, издав натужный, сдавленный стон, из последних сил выбросил руку, и в мою сторону — гремя и позвякивая о тротуар — заскользил некий предмет...

Громобой агента! Серый передавал мне свое оружие!..

Я потянулся, зацепил указательным пальцем за предохранительную скобу и потащил

револьвер к себе. Он оказался еще тяжелее, чем производил впечатление снаружи, — настоящая пушка, достойная своего хозяина.

Уперев рукоять в землю и молясь, чтобы револьвер не был на предохранителе — искать его на незнакомом оружии времени уже не оставалось! — я начал выцеливать бомбиста. Тот справился с огнем, дымно занялся фитиль. Противник уже разворачивался для броска. Ствол револьвера подрагивал, я пытался ухватить рукоять покрепче, но та скользила в потной ладони. Тело мое окаменело, глаза заливал едкий пот, но медлить больше было нельзя! Я нажал на спуск, крепко при этом зажмурившись...

Отдачей мне чуть не оторвало руку, звук выстрела оглушил, но глаза распахнулись. Я видел, как бомбист, уже готовый к броску, вдруг крутанулся на месте, как будто ужаленный в бок. Рука со смертоносным снарядом, предназначенным для нас с агентом, неловко подогнулась внутрь, к животу. И в тот же миг мелькнула яркая вспышка, и взрыв вторично прогремел над набережной. Фигура бандита разлетелась бесформенными клочьями, а мне в лицо во второй раз за сегодняшний день ударила горячая волна, воняющая гарью и пироксилином. Глаза запорошило пылью...

— Где это вы научились так стрелять? — хрипло проговорил Серый. — Из моего револьвера далеко не каждый смог бы произвести прицельный выстрел.

— Я со страху, агент. И не просите повторить этот фокус снова, — пролаял я, сплевывая коричневую от пыли слюну. Песок противно скрипел на зубах.

— С вами небезопасно гулять по вечерам, — молвил специальный агент. — Но и оставлять без присмотра тоже нельзя. Так, чего доброго, по вашей милости весь город взлетит на воздух.

Над пристанью повисла необычная тишина, еще более явственная после грохота взрывов. За парашютом с мерным шумом катила свои воды неутомимая Капалла.

— Спасибо, Серый — тихо и серьезно ответил я. — Сегодня, если бы не вы...

— Да бросьте, Мартин. Одно дело делаем.

Глава 2

Стояло чудесное солнечное утро, легкий ветерок играл листвой деревьев, солнце отражалось в хрустальных струях фонтанов улицы Первой Встречи, по которой мы с Евой катили в авто. Не в том, что приняло участие в знаменательной погоне по проселкам Предместья за Вороном. Тот автомобиль, по словам Евы, нуждался в основательном ремонте, и ездить на нем можно будет нескоро. От управления Тайной полиции госпоже эксперту выделили другой.

Откровенно говоря, я чувствовал себя немногим лучше того несчастного самобеглого механизма.

Вчера после взрывов всю набережную оцепили полицейские вооруженные всадники, прибывали открытые экипажи с оперативниками и закрытые кареты с гербами на дверцах. Началось столпотворение, сравнимое с гуляньями, которые были здесь всего десять минут назад, но вместо фланирующей праздной толпы теперь всюду сновали сумрачные деловитые люди в серых сюртуках.

Впрочем, мне и Серому не пришлось наблюдать работу сыщиков и криминалистов. Нас сразу же погрузили в медицинскую карету, врач осмотрел первым специального агента и нашел у него тяжелую контузию. Потом меня — я отделался ушибами и царапинами.

Серого намеревались отправить в госпиталь Святой Барбары, ему предстояло провести там несколько дней в строгом постельном режиме. Но еще до отправки он пошептался с

подтянутым невысоким господином с суровым непреклонным лицом. Господин внимательно выслушал агента и потом коротко и властно бросил несколько фраз врачу, после чего оказалось, что меня тоже везут на обработку ран.

В госпитале меня действительно отмыли и обработали. Ночь я провел в отдельной палате, под заботливым наблюдением сестры милосердия, но, когда открывалась дверь, я видел толпившихся в коридоре вооруженных гвардейцев в серебристых мундирах и тайников в серых костюмах.

Ушибы и ссадины не слишком меня беспокоили, зато одолевали мысли. Стефана больше нет, Серый выбыл из игры на неопределенное время. Рассчитывать придется только на себя, а в союзниках осталась только Ева Мария. Разбрасывать широкие сети поиска, копаться и дальше в среде коллекционеров и перекупщиков не остается времени, необходимо верное решение. И действие — точное и эффективное. Однако разгадка была где-то близко, это я чувствовал. Нужно срочно забрать Дагга-Оззи, кинжал, что в паре с заветным мечом...

Тут сестра поднесла мне склянку с лекарством, и я погрузился в глубокий, без сновидений сон.

Утром за мной приехала Ева, и это было чертовски приятно. Мне казалось, я не виделся с ней целую вечность. Девушка вбежала в палату, она была взволнована, и мне оставалось лишь догадываться, каких усилий ей стоило не показывать этого при посторонних. Тревога сквозила во взгляде, чувствовалась в подрагивании руки и прерывистом дыхании. Она присела на заправленную кровать (ко времени ее прихода я успел не только подняться, но и побриться, и выпить чая), взяла меня за руку и заглянула в глаза.

— С вами ничего не должно случиться, Мартин, — произнесла она дрогнувшим голосом. — Хватит Стефана. Какой ужас! Поверить не могу, что не увижу его больше...

— Вы с ним работали?

— Более того, я считала его своим другом. Это был единственный человек, кто дал положительный отзыв по делу отца. Он говорил вам об этом?

Я кивнул, и девушка продолжила:

— Тем лучше. Отец рассказывал, как операторов привлекли к анализу провальной операции в Горском крае. Стацки один стал на защиту Сантьяго и оценил перспективу комбинации как положительную. Еще один оператор попросту отказался делать анализ, остальные написали то, что им было приказано. А ведь именно отец основал Агентство, выносил эту идею и воплотил ее в жизнь. Они уничтожили его, применив его же собственное оружие...

— Тот, что отказался, его звали Ворон?

— Я не знаю. — Ева тряхнула волосами, сегодня свободно ниспадающими на плечи. — Ни отец, ни Стефан не делились подробностями. Я очень хорошо относилась к Стацки... Мы встречались иногда, с ним можно было поделиться сомнениями, посоветоваться. Он помогал мне...

— Стефан и мне рекомендовал вас, Ева Мария, как надежного напарника.

— Только напарника? — улыбнулась Ева. — Хотя, конечно, что еще мог сказать Стефан...

В ее голосе мне послышалась горечь. Или сожаление... Но перед внутренним взором вновь встало видение: я гребу и гребу снег здоровенной метлой, в дурацком треухе и странных войлочных сапогах.

Еще недавно я бы, наверное, пришел в смятение. Я терзался бы сомнениями и без счета решал бы одни и те же теоремы: кем я считаю Еву, кем вижу себя по отношению к ней и как тоскливо мести нескончаемый снег, падающий с неба в безлюдном чужом переулке.

Но прошлая ночь не прошла даром, как и все предшествующие события. Я рассказал Еве о дворнике, но закончил тем, что иногда такая метла может расчистить путь к новой, счастливой жизни.

— Глупенький мальчик, — сказала Ева и нежно погладила меня по волосам. — Разве в отношениях с женщиной можно полагаться на сверхчувственное восприятие, логику или рассудок? Можно верить только своим чувствам и своему сердцу...

Я наклонился к ней, вдохнул аромат терпких духов, утонул в дивных глазах и приник к губам. Ответом мне был страстный поцелуй.

И тут за дверью послышались шаги. Мы отпрянули друг от друга. Появившийся вестовой доложил, что госпожу эксперта хочет видеть начальник Тайной полиции, прибывший только что. Ева встала, но прежде, чем она покинула палату, я рассказал о найденном вчера кинжале и своих соображениях.

— Положись на меня, — она слегка сжала мою руку, — мы еще всё обсудим.

Стефан Стачки был прав — девушка действительно многого добилась в столице. Начальник тайников приезжает в госпиталь собственной персоной для встречи с экспертом АСА, пусть даже и региональным! Такое встречается нечасто. Впрочем, меня не вызывали, и я был этому рад — чем дальше от высокого начальства, тем лучше.

Отсутствие Евы не продлилось долго, но результат превзошел мои ожидания. Уже через двадцать минут мы имели в своем распоряжении авто, ярко-красный кабриолет, такой же, как пострадавший в гонке за Вороном. Но еще сверх того очень серьезный документ: «Подателю сего... оказывать всяческую поддержку и всемерное содействие... имеет право на изъятие материальных ценностей и документов, представляющих интерес для расследования дела государственной важности... в кратковременное либо долгосрочное пользование... в целях защиты безопасности Республики...» Подпись начальника департамента Тайной полиции и первого секретаря Президента Республики. Печати. Ничего более солидного я не только не держал ранее в руках, но даже не видел издали.

Мы заехали ко мне, и я переоделся. Потом добрались до особняка АСА и увиделись с господином Аусбиндером — нехорошо действовать через голову непосредственного руководителя. Я доложил по всей форме, и мы с Евой получили начальственное одобрение.

Говорю «мы», потому что Ева Мария заявила мне, что несет теперь за меня персональную ответственность, одобренную якобы в самых высоких сферах управления государством, и никуда меня одного теперь непустит. Я не возражал, господин директор тоже.

За нашим авто неотступно следовал черный крытый лимузин, набитый вооруженными тайниками, и в плане безопасности — в первую очередь не своей, а девушки — я мог чувствовать себя относительно спокойно.

Сейчас мы ехали по улице Первой Встречи по направлению к магазинчику «Для него», и я представлял себе, какой неприятный сюрприз ожидает мсье Ришака. Вместо обещанных звонких монет ему придется познакомиться с моими новыми полномочиями.

Так всё и получилось. Мсье владелец встретил нас широчайшей и сладчайшей из своих улыбок, только что не кинулся обниматься, а Еве наговорил кучу комплиментов. Пригласил

испытать чаю и после вежливого отказа уже начал потирать руки в предвкушении денег, но завершение сделки оказалось совершенно не таким, как ему представлялось.

Увидев казенную бумагу, наш торговец спал с лица, улыбка его стала более похожей на гримасу человека, хлебнувшего по ошибке уксуса вместо тонкого выдержанного вина. Но перечить не посмел — в документе всё прописано очень четко: «имеет право на изъятие материальных ценностей...» Так-то, братец, надо было соглашаться, когда предлагали тебе реальную цену!

Я взял в руки Дагга-Оззи — радостное волнение, предвосхищение чего-то светлого, что ждет впереди и непременно должно вот-вот случиться, вновь охватили меня. Колдовской клинок! Больше меня не интересовали переживания Ришака. Я был ему благодарен за рассказ о Дагомيره, еще более того — за кинжал, но впереди меня ожидала важная и интересная работа, и стало не до торговца.

Я попросил Еву ехать обратно в отдел. Сопровождаемые охраной, мы возвратились в особняк. Тайники остались у входа. В приемной и холле было непривычно тихо, ни одного клиента, зато в коридорах стояли вооруженные гвардейцы. Стояли и сидели, по одному и по двое, опираясь на магазинные винтовки и положив на колени тяжелые армейские палаши.

Господин Аусбиндер встретил нас у входа и пояснил, что в течение нескольких дней прием клиентов приостановлен в связи с чрезвычайными обстоятельствами. Я не слишком внимательно слушал директора, по мере приближения к Мастерской мною овладевало нетерпение. Видно, всё как-то сложилось — смерть Стефана, бой в кустах, ранение Серого, ночь в госпитале и поцелуй Евы, — но сейчас я точно знал, что делать дальше.

Прижав к груди кинжал и недослушав пространные объяснения, я кинулся в закуток Столба, проскочил его, даже не поздоровавшись, и устремился вниз. За мной следовала Ева, я позволил ей зайти и сесть в свое кресло, но дальше, в Мастерскую, не пустил. Ничто не должно отвлекать меня сейчас, и девушка осталась сидеть в пустой комнате, грустно глядя, как я закрываю за собой двери. Потом, всё потом...

Я зажег свечи, всю дюжину.

Я скинул костюм и надел мягкие бриджи. Голые ступни утонули в ворсе ковра.

Я установил метроном и взял в руки Дагга-Оззи. «Помоги мне найти своего брата!» — заклинал я мысленно.

Неверный свет свечей, трепетные тени по углам, удобная рукоятка кинжала в руке. Чувство радости и взволнованного ожидания притупляется, на смену приходит сосредоточенность. Теперь необходимо расслабиться и отбросить все мысли — о важности миссии, о потерях и находках, об ослепительной перспективе выигрыша и катастрофичности проигрыша.

Выравниваю дыхание, расслабляю руки, освобождаю тело... В груди зарождается в такт ударам метронома робкая мелодия, пока еле слышная... Еще вдох-выдох, теплая волна разливается по телу от затылка до пяток... Раз, два, три, и...

Руки сами распахиваются, как будто я хочу обнять сейчас весь мир! Тело рвется ввысь, вытягивается струной, хочет взлететь! Горло исторгает хриплый вопль восторга и ликования...

* * *

Статный человек на коне. Вислые усы, глубокий шрам через всё лицо, серьга в ухе. На

голове черная папаха с белым верхом. Он смеется и что-то говорит беззвучно, только губы шевелятся. За ним ватага людей, вооруженных пиками, саблями, старинными пистолетами. Передний ряд я могу разглядеть, остальные сливаются в сплошное людское море — вздетые руки, неразличимые улыбающиеся лица, кто-то подбрасывает шапку. Все они смеются, приветственно размахивают оружием.

Я нигде не встречал описаний внешности Дагомира, но сейчас точно знал, что это он. Человек, в имени которого заключено понятие «счастливый мир» и который мечтал построить этот мир если не для всех, то хотя бы для своих товарищей.

Видение стоит перед глазами еще какое-то время и вдруг сменяется. Те же люди, что стояли в первом ряду со своим предводителем, но теперь в степи спина к спине. Изорванные одежды, непокрытые головы, отчаянная решимость на лицах и окровавленные сабли в руках.

А вокруг кружат на лошадях драгуны. Их много, первый десяток подъезжает почти вплотную и дает залп из карабинов. Беззвучные вспышки выстрелов, султаны дыма, и ватажники валятся один за другим. Дагомир что-то кричит, распылив рот.

Строй рассыпается, всадники разъезжаются, но на их место выступает стройная шеренга новой десятки. И всё повторяется — вспышки выстрелов, дым застилает конников, на телах окруженных разбойников вспухают и лопаются алые пузыри. Валятся убитые. Падает Дагомир.

На мгновение мелькает лицо командира драгун — суровое, брови сходятся на переносице под козырьком фуражки с кокардой, но в глазах нет ни ненависти, ни презрения. Может даже, нечто похожее на уважение. Чем-то лицо командира кажется мне неуловимо знакомым, но видение исчезает, и я вновь оказываюсь в зале...

Осторожно переступаю ногами по ковру, почему-то зная наверняка — сегодня никаких танцевальных па, прыжков и подскоков делать нельзя. Медленно кружусь по залу, за ногами не слежу, всё внимание кинжалу. Руки сами, без участия воли, играют в некую затейливую игру: расходятся, сходятся, переплетаются. Кинжал переходит из руки в руку, хват постоянно меняется с переднего на задний и обратно, клинок описывает затейливые петли, дуги, спирали...

Стоит только моргнуть, и появляется новая картинка. Спешившиеся драгуны собирают оружие: сабли, палаши, ножи и стилеты. Всё укладывают на повозку. В отдалении видны тела, выложенные в ряд и прикрытые дерюгами. На миг мелькает лицо командира кавалеристов: сумрачное, озабоченное. И тут же исчезает.

И снова повозка с наваленным окровавленным оружием. Тело Дагомира, сабельный удар через всё лицо, и теперь там одна сплошная рана, но видна знакомая серьга в ухе, а на голове двухцветная папаха. Спина в зеленом мундире заслоняет убитого атамана, кавалерист тянется к отброшенной в сторону руке трупа, чтобы забрать зажатый клинок. Сейчас я увижу Дагг-Ош!

И в тот же миг черная тень заслоняет картину. Тень в форме птичьего крыла! И здесь ты успел, Ворон!

Но теперь всё не так, как прежде. Он уже не нападает, не атакует, не целит в меня острым своим оружием. Не дает разглядеть картинку, но это лишь тень силы бывшего Ворона. Значит, я на правильном пути, нужно продолжать!.. Драгун забирает оружие из охладевших рук и исчезает из поля зрения. Опять повозка, клинки навалом, где здесь чей — теперь уже не разберешь...

Танцую медленно и плавно по залу. Кинжал в руках продолжает выписывать

затейливые пируэты, а я топчу ковер, стараюсь тверже ставить стопу, будто троплю дорожку к заветной цели. Знаю — сейчас надо именно так. Спросите почему? — не отвечу, просто знаю, и всё. Уже не только Дагга-Оззи, само поле ведет меня, беззвучно подсказывает правильные ходы. Я сроднился с клинком, вошел в информацию с головой, я слился с ними — проводником и тропой! Теперь только вперед!..

Комната казенного вида, и в ней такой же казенный человек: в круглых очках, сером сюртуке, с желтым недовольным лицом. На широкий стол перед ним руки в зеленой кавалерийской форме вываливают трофейное оружие: клинки беззвучно сыплются из мешка, скользят друг по другу, падают на пол.

Человек что-то гневно выговаривает невидимому собеседнику, размахивает руками, мол: «Забирайте весь этот хлам к чертовой матери и проваливайте!» Потом сокрушенно качает головой и обреченно машет рукой...

А следом в поле зрения появляется витрина, стандартный музейный застекленный шкаф с помещенным туда клинком, но даже форму его я рассмотреть не успеваю, потому что вновь вмешивается злосчастное крыло. Вот как, Ворон?! Ты заслоняешь от меня Дагг-Ош. Мешаешь из последних сил, пакостишь по-мелкому... Я различаю только смутный силуэт, и видение сменяется.

Пожар, пламя, языки огня! Мечущиеся люди, остроконечные пожарные ведра с выплескивающейся водой, багры, топоры... Горят картины в золоченых рамах, сияющий кубок темнеет на глазах... Пожарный в каске неловко и размашисто орудует багром, цепляет прекрасную статую — женщины в венке из роз, — та падает и беззвучно разлетается на сотни осколков. Пожарный не обращает на это внимания, продолжает тушить...

Внутренний двор, обгорелые экспонаты свалены кучами на землю, между ними суетливо бегают люди. Появляется знакомый желтолицый служитель, растерянно разводит руками, выговаривает что-то невидимому собеседнику. Всё это время я не слышу ни звука, но краски яркие, предметы — объемны, игра теней, движения, выражения лиц — всё это различимо.

Служитель показывает собеседнику на ближнюю кучу изуродованных вещей, нагибается и вытаскивает из навала удлинённый предмет. И опять я не могу его рассмотреть — налетает тень, делает изображение расплывчатым, неузнаваемым. А следом — мелькание искаженных картинок, каких-то обрывков, сумбур без смысла и порядка. Появляется давление в висках. Судьбу клинка до пожара я знал и раньше, а вот потом?..

Я понял, что таким образом дальше не продвинусь. У Ворона есть эффективный метод блокады моего восприятия, и я могу сейчас видеть всё что угодно, кроме Дагг-Ош. И его нынешнего места хранения. Так найти саблю не удастся, надо предпринять что-то иное, новое.

Я кинулся к двери, распахнул — в кресле испуганной птицей встrepенулась Ева. В глазах вопрос и тревога.

Стацки рассказывал, что ты не чужда способностям сенса? В тот незабываемый вечер, проведенный в твоих апартаментах, ты говорила, что любишь танцевать? Пришло время поучаствовать в увлекательном путешествии по образному миру — миру информации и энергетических каналов, ясновидения и разгадок самых страшных тайн...

Не теряя времени на объяснения, я подошел и схватил девушку за руку, выдернул из кресла и потащил в Мастерскую. Ева непонимающе пискнула, но не сопротивлялась. Мы ввалились в зал. Дверь я захлопнул, Ева ничего не видела со света в полутемном помещении.

На ней был надет форменный костюм эксперта. С рукава жакета паялился увеличенный лупой всевидящий глаз — я сорвал жакет. Она опять пискнула, теперь уже протестующе, но протесты сегодня не принимались. Юбка была узкой, ниже колен, с небольшим боковым вырезом, и стесняла движения...

Раздевать девушку полностью не входило в мои планы, поэтому я с силой рванул ткань там, где заканчивался вырез, и юбка разошлась по шву почти до пояса. Мелькнули розовые трусики, а глаза Евы расширились в полном недоумении. Но я и тут не снизошел до объяснений, а вместо этого, завершая действие, сдернул с ее ног туфельки.

Правой рукой я продолжал сжимать Дагга-Оззи, но левой крепко обнял госпожу эксперта за талию. Она положила мне руки на плечи, и мы начали танцевать. Это был странный танец: без музыки, под мерное щелканье метронома, под перестук сердец. Три четверти — ритм вальса, и мы закружились по залу в этом удивительном вальсе, под едва слышное потрескивание свечей и шелест нашего дыхания.

Ева прикрыла глаза, на щеках появился румянец. Она была потрясающей партнершей, чувствовала малейшее мое движение, даже желание движения, и позволяла вести себя: покорно и пластично, гибко и чутко. Это не был вальс в полном смысле слова, иногда я закручивал ее послушное тело волчком, иногда вдруг ронял себе на колено, как это делают в танго. Я шагал широко и уверенно, она двигалась вслед легко и скользяще — это было слияние не столько тел, сколько душ.

Жил на свете молодой талантливый оператор. Мечтал изменить мир, быть может, хотел сделать людей счастливее и богаче. Он говорил, что танец, любовь и бой — три грани единого процесса, некоего чудесного созидающего начала. Мы с Евой сейчас следовали его выводам и соединяли любовь с танцем ради боя. И бой придется давать именно ему, человеку, предавшему свое предназначение.

Я прикрыл глаза, всё земное отодвинулось в иную сферу бытия. Вдохнул дивный аромат девушки, сжал крепко ее талию, в другой руке — кинжал... Реальность отступила. Веером темного бархата раскрылось перед взором информационное поле, изумрудными нитями проступили энергетические каналы. Рубиновым светом пульсировал наш с Евой вектор.

Он виделся мне сейчас единой широкой полосой, двухцветной, с двумя оттенками красного: мой более насыщенный и жгучий, ее — с розовым отливом, нежный и трепетный. Линия судьбы, одна на двоих.

По краю поля зрения, напряженно и угрожающе, натянулась темно-багровая струна. Я догадывался, чей это вектор, но не собирался предпринимать что-либо. На этом поле, здесь и сейчас, я властвую безраздельно. Мне открыты любые информационные источники, я вижу всё, и только в моей воле, станет ли это доступным кому-то другому.

Пусть вибрирует в бессильной злобе вектор Ворона, ему не дано знать того, что открылось мне. Я не позволю ему видеть каналы так, как вижу их сам, заблокирую понимание происходящего. А всё важное я скрою легким, но совершенно непроницаемым крылом любви и нежности. Быть может, он увидит его как голубиное...

Мы с Евой остановились. Метроном еще щелкал, но размер нам был больше не нужен, танец завершился. Девушка открыла глаза, чуть встряхнула черной гривой волос: «Ма-а-арти-и-ин...»

Я размахнулся и с силой метнул кинжал. Тот вонзился в столик для инструментов, и тут же метроном смолк. Я крепко обнял девушку, и она утонула в моих объятиях: «Ма-а-арти-и-ин...»

Мы стояли посреди задумчивой Мастерской, связанные незримой, но неразрывной нитью в этом огромном гулком мире. И вдруг я с предельной ясностью понял всё: где сабля, что она в себе несет и что дает оружейная пара человеку.

Во времена Дагомира не существовало сенсов, во всяком случае, специально обученных профессионалов. Тогда Дагг-Ош и Дагга-Оззи были лишь саблей и кинжалом — оружием хорошего качества, но не более. Ими можно было только рубиться, но теперь... При наличии определенных знаний и умений эти два предмета обретали совершенно иное содержание, и я невольно содрогнулся от предчувствия, какой силы оружие может попасть нам в руки...

Однако пару еще предстояло собрать.

Мы переоделись. Ева вновь натянула жакет, состояние юбки ее несколько не волновало. Покинув Мастерскую, мы через толпу вооруженных гвардейцев и тайных агентов поднялись в приемную.

Я был уверен, что теперь охранять нас нет необходимости. Ворону стало невыгодно убивать меня, я стал теперь единственной ниточкой, связывающей его с Истинным Оружием. Так я назвал для себя Дагг-Ош, составляющий пару с Дагга-Оззи. Скорее, он попытается договориться, принудить отдать ему пару. Но это мы еще посмотрим...

На пути вырос господин директор, но я, направляясь к выходу, отодвинул его в сторону. Ева едва поспевала за мной, теперь мы не смогли бы друг без друга. Надо отдать должное господину Аусбиндеру: чутьем опытного управленца он уловил, что сейчас мне лучше не мешать, и не сказал ни слова.

Мы сели в авто, предоставленное тайниками.

— Куда? — спросила Ева.

— Домой... — ответил я.

* * *

— Домой? — не поверила она. — Я думала...

— ...Мы бросимся ловить злодея и через час приведем его в АСА?

— Ну, примерно так...

— Домой, пока домой, моя госпожа, — успокоил я эксперта, — а по пути заглянем в Музей древностей.

Ева понятливо кивнула, удивление на ее лице сменилось воодушевлением. Девушка верила в меня: после загадочного танца она чувствовала себя участницей погони и готова была преследовать маньяка со всем жаром. Кабриолет тронулся, вслед потянулся автомобиль, набитый вооруженными тайниками.

Добрались мы без приключений. Во время езды по улицам Капиталлы я успокоился, на смену горячечному нетерпению пришла холодная собранность.

Бессменная, так похожая на «синий чулок» Грета Макензи приветливо встретила нас у входа:

— Я рада вас видеть, Мартин. Сегодня вы будете изучать бумаги вместе с госпожой экспертом? — она с интересом взглянула на Еву и на ее разодранную юбку.

Та ответила ослепительной улыбкой, означавшей: «Это ни в коем случае тебя не касается, старая перечница!» Подразумевались, конечно, и цель визита, и состояние наряда, но в мои планы не входило способствовать ссоре двух дам. К архивариусу я относился с искренней симпатией, не говоря уже о Еве.

— О нет, леди Макензи! — воскликнул я и улыбнулся широко и дружески. — Сегодня нас интересуют не документы, и просьба моя может вам показаться несколько странной, но это очень важно. У вас существует склад ненужных вещей? Что-то вроде чуланчика, где бы хранились экспонаты, не нашедшие места на витринах и стеллажах музейных экспозиций?

— Вы правы, Мартин. Такой чуланчик есть, он обязательно появляется в процессе хранения. Но что вас может заинтересовать в наших кладовках?

— Леди Макензи... — нетерпеливо начала Ева, но я остановил помощницу движением руки:

— Нам очень надо туда попасть.

— Ну, хорошо, идемте, — удивленно проговорила она и повела нас уже знакомыми мне проходами между полок и стеллажей с манускриптами и свитками.

Чуланчик имел самый обычный вид — небольшая комната, захламленная мешками, кулями и свертками.

— Где тут у вас холодное оружие? — спросил я.

В углу стояли ящики и сундуки, и леди подвела нас к одному из них.

— Вот здесь непарные экземпляры, не имеющие ценности...

Я уже открывал сундук, точно зная, что и где нужно искать. Под ворохом ржавого железа лежало то, ради чего я пришел. Ножны. Скромные на вид кожаные ножны с инкрустацией медными пластинами, без камней и золота. Но пластины покрыты сложным орнаментом.

Я вытащил из внутреннего кармана завернутый в холстину Дагга-Оззи, развернул и вложил в ножны. Так рука входит в перчатку. Так воссоединяются два близких человека, две любящих души. Я почувствовал восторг этого слияния, будто зазвучала вдруг под низкими сводами светлая и радостная мелодия.

Предъявил Грете волшебную бумагу, дающую право брать всё, что может пригодиться для защиты государства, и удостоился понимающего кивка.

Мы с Евой неспешно поднялись наверх и прошли к авто. Наша охрана была на месте. Парни, как видно, тоже немного успокоились: двое из них контролировали обстановку снаружи, трое агентов сидели в автомобиле. Вслед за нами они расселись в своем экипаже.

— Вот теперь домой, — сказал я Еве, — но по пути заглянем еще в одно место. Я скажу, где остановиться.

Вырулив на улицу Усталых Грез, автомобиль подкатил к антикварной лавке старины Поля. Я попросил Еву остановиться: нужно навестить старого пройдоху, заодно засвидетельствовать почтение серебряному любимцу, и не только...

Ева затормозила. Наши ангелы-хранители встали на расстоянии нескольких метров за нами. Двое выскочили из лимузина и принялись зорко осматривать окружающее пространство. В это время дня улицы Предместья безлюдны, и сейчас прохожих на тротуарах не было совсем. Только старые липы шумели ветвями.

Мы прошли в лавку. Поль разулыбался при нашем появлении. После взаимных приветствий, как только я представил ему Еву Марию, он провел нас в заветную комнату и стал доставать сундучки и скатки.

При Еве старик чрезвычайно оживился, начал сыпать комплиментами, засверкал глазами. Ему не терпелось похвастаться перед новым человеком своими богатствами. Пусть даже это не специалист в области оружия, зато это молодая привлекательная женщина. На малиновой скатерти стола, как по волшебству, стали возникать кинжалы: треугольные и

листовидные, широкие и узкие, прямые и изогнутые, двояковогнутые и волнистые. На любой вкус, для любых нужд, всех времен и народов.

Поль принялся живо рассказывать Еве их историю, способы изготовления стали и область применения. Девушка внимательно слушала, кивала и улыбалась. Я тихонько отошел немного в сторону, оставив их вдвоем. Пусть старик потешится с симпатичной слушательницей. Скоро мне предстояло его огорчить.

Бережно взял я в руки клинок, стоявший под скромной табличкой «Сабля кавалерийская». На ножнах такие же пластины из блестящей бронзы, как и у Дагга-Оззи, по пластинам вился тонкий орнамент. Я провел пальцами по шероховатой поверхности, почувствовал на ощупь линии, изломы, петли и вензеля. Вгляделся в сложный причудливый узор, рисунок показался мне теперь знакомым.

Массивный эфес, крестовина вызывала ощущение надежности, но одновременно радовала глаз изяществом линий. Нижняя ветвь ее под углом чуть больше прямого плавно переходила в изогнутую гарду, покрытую совсем уже тонким, едва заметным рисунком. Место соединения гарды с рукоятью слегка сужалось, что подчеркивало форму навершия. Птичья голова, скорее всего, орлиная — хищная, плоская, с воинственным хохолком, мощным, загнутым книзу клювом и слепыми углублениями глаз.

Я вытащил клинок из ножен. Девяносто сантиметров смертоносного металла: кривизна небольшая, радиусом не более пяти сантиметров; едва заметная елмань, органично переходящая в заточенное острие. Широкий дол — продольный желоб — пролегал по всей длине клинка.

Сабля очень напоминала мне верную карабелу, которой я отбивался на Арене, только была тяжелее, массивнее. Ощущение хрупкости не возникало совершенно. А вот в эстетике и функциональности не уступала ни на йоту.

Ведь я не один раз держал эту саблю в руках, и ничего в душе не ворохнулось. Древние герои, легенды и мифы, может быть, собственная приверженность в молодости к спатам и фламбергам — всё это настраивало воображение на образ меча. Если не двуручника или полуторника, то всё равно тяжелого и большого, как мечу и положено. Элегантная и легкая сабля таких ассоциаций не вызывала.

Прочитав документы в Музее древностей, я пришел было к выводу, что оружие должно быть достаточно легким и динамичным, рассуждал, что сабли и палаши для этого подходят почти идеально, и всё-таки...

Я перешел к противоположному краю стола. Вложил саблю в ножны, устроил на малиновой скатерти и достал портмоне. Поль с интересом наблюдал за моими манипуляциями, ручеек его рассказа журчал всё тише, а потом и вовсе иссяк. Ева тоже с любопытством на меня поглядывала. Повисла пауза.

— Чем вас, Мартин, заинтересовала вдруг эта старая сабля? — спросил антиквар. — Вы ее видите не первый раз, но никогда еще не держали в руках с таким благоговением...

— Вы говорите, это старинное оружие, Поль? Найденное еще вашим отцом где-то на юге? Или всё-таки новодел?

— Э-э-э... Да... Конечно, сабля... — Хитрый старый лис! Печенкой почувствовал опасность для своей собственности и готов признать в клинке чуть ли не самоделку. — Не то чтобы новая, но и... — продолжал тянуть Поль.

Глядя в глаза Полю, я достал из портмоне два маленьких рубина, тех самых, которые дал мне Стачки в нашу предпоследнюю встречу. Приложил один камень к странному

углублению на навершии рукояти — размер и форма совпали идеально. Слегка нажал — щелк! — и камень встал в углубление, как будто всегда там и находился. Потом повторил то же самое со вторым, и птичья голова обрела два красных пронзительных глаза.

Ну, здравствуй, Дагг-Ош!

* * *

Следом, как фокусник достает из шляпы кролика, я извлек из портмоне свой карт-бланш, документ, дающий мне нешуточные права. Антиквар молча кивнул, он уже всё понял.

Мы вышли из лавки на улицу и сели в кабриолет. Наши сопровождающие не покидали салона своего автомобиля, только захлопнули дверцы. Ева возилась с ключами зажигания, я рассматривал вновь обретенную оружейную пару, все мои мысли были заняты только ею, и мы не сразу обратили внимание на приближающийся звук двигателя.

Лавка располагалась на перекрестке — прямо напротив в улицу из недр Предместья вливался узкий тенистый переулочек. И по нему катилось самое настоящее механическое чудовище.

Сразу после появления легковых авто, элегантных кабриолетов и строгих лимузинов на улицах Капиталы довольно скоро стало можно увидеть и грузовые автомобили. По внешнему виду они сильно проигрывали своим легковым собратьям, но полезность их не вызвала сомнений. Обычно за закрытой кабиной такого авто следовал вместительный кузов. То, что увидели мы, было изначально именно грузовиком, но что с ним сделали!

Везде, где только возможно, — перед решеткой радиатора, по обеим сторонам капота, над дверями кабины — были установлены клепаные бронированные листы самого внушительного вида. Над колесами нависали такие же металлические штормки. На лобовом стекле натянута стальная сетка, и силуэт водителя в кабине лишь угадывался. Кузов грузовика нес такую же защиту из металлических щитов, но еще большего размера. На крыше кабины возвышалась тренога странного вида непонятного назначения.

И вот этот угловатый неповоротливый монстр медленно и тяжело катился по переулку прямо на нас, надсадно сипя и чахоточно кашляя двигателем, выплевывая облака сизого дыма. Не доехав до нас с десятков метров, он встал у противоположной стороны улицы.

В кузове обозначилось движение, и оттуда вынырнули две головы в уже знакомых мне ненавистных банданах. После короткой суеты «банданы» с видимым усилием извлекли из кузова продолговатый предмет вроде большого ружья с толстым стволом и установили его на треногу. Один из бандитов тут же приладился к «ружью», поводит взад-вперед стволом и что-то коротко сказал второму. Тот производил некие действия сбоку, открывал и закрывал крышку на «ружье», расправлял нечто длинное и блестящее, похожее на змею.

Я зачарованно следил за действиями «бандан» в этом нелепом грузовичке, когда Ева, первой разобравшись в происходящем, истошно закричала: «Ложи-и-ись!» и нырнула под торпеду. И тут же на конце «ружья» расцвел огненный желто-красный цветок вспышки, по ушам ударил грохот выстрелов, сливающийся в один непрерывный звук. Казалось, сказочный великан, проходя по улице и шутки ради, провел циклопической палочкой по колоссальному забору из штакетника. Но сказка только начиналась, с мерзким звуком «вьи-и-ю-ю-ю» над головой запели пули...

Так вот оно что! Пулемет! Эти изделия лишь недавно появились в войсках, о них писали в газете «Волонтер», восхваляя мощь республиканских вооруженных сил. В статье

говорилося, что теперь наша армия оснащена по последнему слову техники, имеет и пулеметы, и броневые автомобили.

Сейчас я воочию убеждался в том, что пулеметы действительно есть, только пользуется ими банда террористов, а мишенью стали мы с Евой и тайники.

Длинная очередь свинцовым горохом сыпанула по лимузину наших защитников с левого борта. Металл крыльев, капота и дверей с визгом и жестяным гулким звуком покрывался россыпью круглых ровных дырок. Автомобиль сотрясала мелкая дрожь, на глазах он превращался в решето. Под градом пуль крошились и разлетались сверкающими осколками стекла, потом лопнули баллоны, и кузов с шипящим звуком просел на одну сторону.

Водитель погиб на месте, мертво распластавшись в кресле. Остальные тайники посыпались из салона с противоположной стороны. Пользуясь корпусом авто как прикрытием, они открыли отчаянную стрельбу по самодельному броневика из револьверов. Пули с визгом, выбивая искры, рикошетили от металлических щитов, не причиняя противнику видимого урона. Казалось, пробить такую броню было под силу только артиллерийскому снаряду.

Я, оцепенев, забыв об осторожности, смотрел на происходящее. Благо, в нашу сторону не прилетело пока ни одной пули. Видно, нападающие ставили себе целью уничтожить в первую очередь тайников, подавить их плотным огнем.

В стрельбе наступила короткая пауза — пулеметчики перезаряжали свою мясорубку. В этот миг один из тайников выглянул из-за изуродованного лимузина и, размахнувшись, бросил в сторону броневика небольшой предмет. Разгадав, что это, я поспешно пригнулся в автомобиле и всё-таки успел увидеть вспышку у правого колеса железного чудовища.

От грохота взрыва заложило уши, по броневым листам звонко хлестнули осколки, на нас с Евой посыпались куски горячего каменного крошева. Броневик затянуло дымом, но уже в следующий миг пулемет ожил, дождь пуль снова забарабанил по лимузину тайников, не давая им высунуться из-за прикрытия.

Наш кабриолет по-прежнему был вне зоны огня, и я мог продолжить наблюдение за обстановкой. Ева сделала попытку высунуться из-под торпеды, но я удержал ее, с силой нажав на плечо. Достаточно с нас одного наблюдателя, и если что, наблюдателю тоже будет достаточно одной шальной пули или осколка.

Тем временем под прикрытием пулемета началась высадка десанта. От грузовика к старым развесистым липам и кустам метнулись быстрые тени. Сосчитать я не успел, но было их не менее пяти-шести человек.

В этот момент тайники бросили еще одну гранату. Она перелетела через изрыгающий огонь грузовик и взорвалась за ним. Зазвенели стекла в окне ближнего дома. Броневик опять не пострадал, но взрыв вызвал суматоху среди десантников. Кто-то закричал, кто-то упал, а двое, пригибаясь, кинулись через дорогу. Остальные спрятались за деревьями, и их стало не видно.

Тайники разделились, теперь двое стреляли по атакующим, а двое других сосредоточились на пулеметчиках. В сторону броневика полетела третья граната, и вот она уже угодила точно в кузов.

Из-за высоких броневых щитов хarkнуло огнем и дымом, к грохоту взрыва добавился звук, сходный с гулом колокола. Вновь зазвенело битое стекло. Взрывная волна подбросила тело одного из стрелков высоко в воздух, он описал дугу и рухнул на мостовую бесформенным ворохом обгорелого тряпья. Второго террориста не было видно, но стало

ясно, что живых в кузове нет. Броневик стоял безмолвный, как памятник.

Тем временем двое разбойников форсировали дорогу и укрылись за массивными мусорными баками у края тротуара. Им навстречу, стреляя из револьверов, кинулись двое тайников. Завязалась ожесточенная перестрелка.

Два других агента сместились ближе к нашему авто. С другой стороны улицы, заложив длинную дугу и намереваясь воспользоваться кабриолетом как прикрытием, атаковала еще одна пара разбойников. Я ничем не мог помочь нашим защитникам, оружия кроме Дагг-Оша и Дагга-Оззи у меня не было.

Тайники обтекали кабриолет с правой стороны. Над дорогой, значительно ухудшая видимость, стелился черный едкий дым от загоревшегося грузовика. Вот из клубов этого дыма и выскочили атакующие — два рослых детины в банданах с рисунком, очень напоминающим человеческие кости, и с револьверами в руках.

Они буквально столкнулись с тайниками нос к носу. Никто из них — ни бандиты, ни агенты — не успевал спрятаться. Да и укрытий никаких поблизости не было — пустая и гладкая проезжая часть, вымощенная брусчаткой. Всё это происходило прямо перед капотом кабриолета и мне было видно как на ладони.

На мгновение и те и другие замерли. Агенты расположились ко мне спиной, а вот физиономии бандитов просматривались очень хорошо: всё те же приклеенные улыбочки и пустые глаза. Все четверо одновременно вскинули руки с оружием и открыли огонь.

Стреляли почти в упор — я видел, как содрогаются тела под ударами пуль, как выплескивается кровь из ран. Один из тайников начал пятиться, откидывая корпус и отступая на шаг с каждым новым выстрелом, но при этом сам не переставал стрелять...

Пальба прекратилась неожиданно, тишина, еще более гулкая после канонады, разлилась над пустой улицей. Четыре тела обрушились на брусчатку одновременно, глухо стукнуло по камням выпавшее из рук оружие.

Выстрелы позади тоже стихли. Дым плыл над полем боя, над пустынной улицей. Ни одного человека не показалось на тротуаре за всё это время, ни один силуэт не мелькнул в окне — полное безлюдье. Я больше не мог оставаться в авто. Сдавленно выдохнув Еве: «Сиди!» — я вывалился из машины и огляделся.

От расстрелянного лимузина ко мне медленно, чуть покачиваясь, шел последний нападающий. Невысокий плотный тип в бандане и кожаном жилете. В вытянутой руке он сжимал револьвер, дуло которого было направлено прямо мне в грудь...

Клинки, пусть даже самые лучшие, пусть хоть сто раз легендарные, не способны защитить от пули. Как не спасли они Дагомира от кавалерийских карабинов, так вряд ли помогут сейчас и мне. Но другого оружия не было, а стоять и покорно ждать выстрела и смерти я тоже не мог. Поэтому одним движением стряхнул ножны с клинков.

Плотный ухмыльнулся. Лицо его, перемазанное сажей, было совершенно нормальным, живым и подвижным. Он удобнее перехватил рукоять револьвера и стал тщательно целиться...

Повинуясь больше наитию, чем здравому смыслу, — тому чувству, что появилось недавно и вело меня, помогало в трудную минуту, — я распахнул руки как можно шире. Освободившись от ножен, клинки мелко задрожали, в один миг вибрация стала такой, что щекотало ладони. Руки сами, без вмешательства воли, начали расходиться: правая пошла вверх, левая — вниз и в сторону.

В лице разбойника что-то дрогнуло, он продолжал целиться, но ухмылка стала какой-то

неуверенной, почти жалкой. А я узнал на себе, что называют коловращением, священным кругом, символом вечного движения.

Я усиленно размахивал руками и со стороны напоминал, наверное, ветряную мельницу. Клинки свистели, чертили в воздухе два прозрачных круга — один чуть больше, другой поменьше. Ступни плотно стояли на земле, корпус раскачивался из стороны в сторону. Мое оружие не доставало противника, до него оставалось не менее двух метров, но что-то изменилось.

Лицо террориста исказилось, и он нажал на курок. Грохнул выстрел, пуля просвистела около моего уха. Рука бандита ходила ходуном, он давил на спуск еще и еще раз. Пули пролетали мимо. Он ухватил револьвер обеими руками, на лице отобразилось нечеловеческое напряжение — он пытался направить оружие. На миг ему это удалось, дуло опять смотрело мне в грудь.

Я не двинулся с места, продолжая работать клинками в прежнем ритме. Палец стрелка нажал на спуск, но за долю секунды до этого ствол дрогнул — опять мимо! «А-а-а-а!» — тонко и страшно заголосил он и начал беспорядочно стрелять, слепо направляя револьвер в мою сторону. Пули пролетали мимо, не причиняя вреда.

Наконец боек глухо щелкнул, пустой барабан повернулся, боек клацнул еще раз — патроны закончились. Одновременно силы оставили нападавшего: он безвольно уронил руку с оружием, крик его оборвался. Я сделал шаг вперед и резким вертикальным ударом рубанул саблей по ненавистой бандане.

В этот удар я вложил всё напряжение последних минут, всю свою ненависть к преследователям и весь свой страх тоже. Отлично приспособленный для секущих ударов клинок не застрял в ране, не скользнул по черепу — он развалил голову пополам. Тело обрушилось с тупым звуком...

Броневику чадно горел, перед ним еще дымилась воронка от взрыва гранаты. Я прошел к кабине и заглянул внутрь — водителя убило при взрыве в кузове. Не защищенная с этой стороны кабина не смогла стать преградой для осколков.

Вокруг лежали трупы. Изрешеченный остов лимузина горбился уродливым скелетом, подле него тоже валялись мертвые — свои и чужие. Где-то стукнула ставня, далеко в небе вскрикнула птица...

— Мартин... — раздался тихий жалобный голос. Ева испугано выглядывала из салона кабриолета, вздрагивая и озираясь.

Я подобрал ножны, обтер клинок и сел в авто.

— Поехали в Агентство, Ева, — тихо проговорил я. — Может быть, там мы будем в безопасности...

Не успела Ева завести мотор, как к перекрестку подкатил огромный черный лимузин тайников, набитый до отказа агентами. За ним, ревя двигателем, следовал армейский броневик — строгая, по-своему даже красивая в своей функциональной завершенности стальная коробка. Угловатая, вся из клепаного металла, с двумя башнями, из которых угрожающе глядели, шевеля дулами, пулеметы. Кустарная поделка «2012» в сравнении с ним казалась бы жалкой и смешной, если бы я не наблюдал ее в деле каких-то десять минут назад. Пять мертвых агентов лежали на земле, мне было не до смеха.

Из лимузина выпрыгнул тот самый подтянутый господин с непреклонным лицом, который был на набережной. Неужели это случилось только вчера?! Он быстро огляделся, деловым шагом прошел между трупов и склонился над бортом кабриолета:

— Я вижу, вы живы. Не пострадали?

Мы молча смотрели на тайника. Какие тут могли быть комментарии? Все его люди пали, спасая нам жизнь. Молодцам из «2012» нужны были клинки, но агенты связали их плотным огнем, отвлекли на себя, и только благодаря погибшим ребятам мы с Евой остались целы. А могли бы лежать вместе со всеми на горячей брусчатке...

— Можете вести машину? — спросил господин у Евы. Та знакомо закусил губку и вздернула подбородок — никто, никакой тайник не смеет усомниться в силах и возможностях гордой аристократки! Господин понял всё без слов:

— Езжайте... — и, повернувшись к броневика, махнул рукой.

Тот взревел двигателем, куда более мощным, чем был у грузовика. Мне показалось, что я теперь все автомобили буду сравнивать с чудовищем, чуть было не убившим нас. Ева тоже завела мотор и тронула кабриолет. Броневики поехали следом, сопровождая нас почетным эскортом. Так мы и двигались по улицам Капиталлы, под надежной охраной двух пулеметов.

* * *

В Агентстве суety прибавилось: гвардейцев и тайников стало еще больше, броневики занял позицию у подъезда. Нас встретили встревоженные взгляды девушек из приемной. Откуда ни возьмись появился господин Аусбиндер:

— Мартин, Ева! Больше из особняка ни ногой! Это приказ, слышите — приказ! Наверху есть гостевые апартаменты — занимайте. Отдыхайте, и никакого расследования, никаких встреч... Здания не покидать.

Директор на время утратил весь свой аристократический лоск. Как видно, наше дело вызвало серьезный резонанс, а господин Аусбиндер, судя по всему, получил от вышестоящего начальства серьезную накачку. Ева кивнула, вид у нее был утомленный. Как видно, остаток сил ушел на вождение автомобиля.

Она сразу отправилась на третий этаж, где действительно располагались гостевые комнаты для командированных сотрудников. Я же знал, что ни спать, ни отдыхать сейчас не смогу. Потому отправился в операционную.

Тодд сидел в своем закутке. На миг мне показалось, что тишина и незыблемость его комнатухи, основательность и спокойствие самого Столба — это и есть истинная реальность. Всё, что произошло со мной за эти дни, было страшным сном, мороком и совершенно не затронуло охранника и его службы. Да так оно, в сущности, и было. Каждый делает свое дело.

— Привет, Тодд, как ты тут, бродяга? — спросил я устало.

— Здравствуйте, господин Мартин, — почтительно прозвучало в ответ.

Вот так-так! Никогда раньше Столб не обращался ко мне столь официально. И такого уважения, какое звучало сейчас в его голосе, я тоже раньше никогда не замечал. Слухи о наших приключениях, по-видимому, гуляли по отделу, придавая нам с Евой героический ореол.

— Когда состоится поединок Алиа с Хорхе? Мне не терпится поставить последнюю корону на этого безумного эфиопа...

— Завтра, господин Мартин, уже завтра! Это будет знаменательный день! Обязательно приходите на Стадион, бой состоится под открытым небом. Ни один зал не вместил бы всех желающих! К тому же говорят, что на спортивной арене теперь разместили

громкоговорители. Это что-то вроде дальнотруба — бой будет комментировать диктор, а его голос смогут слушать сразу тысячи людей по всему Стадиону. Даже те, кто не смогут увидеть, хотя бы услышат, как проходит бой!

— Конечно, Тодд! Конечно... — Знать бы еще, как сложится завтрашний день. Да и директор не велел никуда выходить. Эх, мне бы твои заботы, дружище Столб...

Я спустился в кабинет. На пустом столе разложил оружие, клинки и ножны отдельно. Орнамент на них очень привлекал меня. В архиве я прочел с десятков документов, исследований историков и знатоков древнего холодного оружия о том, что такие узоры и орнаменты могут оказаться вовсе не простым украшением.

К тому же еще камни, не зря же Ворон в свое время нашел и хотел сохранить любой ценой эти два рубина. Не побоялся обратиться к Стацки, хотя друзьями их, судя по всему, к тому времени назвать было уже трудно. Не из-за них ли он вонзил в грудь бывшему другу кинжал? Теперь спросить это можно только у Ворона, и, может быть, я еще спрошу...

Камушки нашли свое место, стали глазами птичьей головы в навершии Дагг-Ош. Надписей на незнакомых языках, вообще каких-либо символов я на клинках не заметил. Зато орнаменты имелись в избытке. Кое-что из этой области — о языке символов и переплетений линий и черт — я почерпнул из тех же документов.

В столе у меня с давних времен лежала лупа, почти такая, как на эмблеме Экспертного отдела. Сейчас она очень пригодилась. Достав увеличительное стекло, я вознамерился внимательно изучить все четыре предмета и начал с Дагг-Ош.

Уже после беглого осмотра стало ясно, что на самой сабле узоров много меньше, чем на ножнах. Клинок был свободен от них, только около эфеса, на незаточенной части, называемой пятой, с обеих сторон располагался крылатый диск. Это символ свободного нравственного выбора каждым человеком благих мыслей, устремлений и деяний.

По гарде шел тонкий витой узор, который под лупой мог смотреться как две переплетенные змейки. Переплетающиеся змеи сами по себе — знак двойственности природы: дня и ночи, севера и юга, плюса и минуса. В более широком понимании — противодействие темного и светлого в человеке, добра и зла. Или мужского и женского.

На время я оставил клинок и взялся за ножны. Гарнитур был выполнен из темного металла, и здесь тоже одной из ведущих деталей инкрустации были перекрещивающиеся ленты, сделанные из бронзы. Бронза от времени не позеленела, старый мастер знал секреты своего ремесла. Возможно, уже тогда он умел соединять медь с алюминием или каким-то другим металлом. Ленты шли снизу, от наконечника ножен до их верхней части — обоймицы, и встречались под самой крестовиной.

Я вложил саблю в ножны и отодвинул ее от себя на расстояние вытянутой руки. Получились те же переплетающиеся змеи, заканчивающиеся крыльями. Двойственность природы, две ее составляющие, призванные в конце концов соединиться. Крылья, как символ преодоления границ, безбрежности. Если клинок принять за жезл, то получался кадуцей, древний символ ключа!

У меня вспотел лоб. Ключ к какой двери я сейчас держу в руках? Одно ясно, сочетание всех этих знаков древний мастер нанес не зря. Процесс прочтения тайного языка символов захватывал меня всё больше.

По лентам шел гравированный орнамент по типу меандра — ломанной под прямыми углами линии. Меандр был сложный, образовывал повторяющиеся правильные геометрические фигуры — квадраты, — но различался на двух лентах. Один был более

частым, напористым, другой — более разреженным, плавным.

Вообще меандр — это выраженный в графическом изображении ритм. Что, орнамент задает ритм? Тогда это ритм чего — танца? Или скорость передвижений в бою? Я задумчиво провел пальцами по ребристой поверхности ленты снизу вверх, повторяя ход ее колец. Помимо всего прочего, есть еще и спираль, символ развития всего сущего. Пока одни загадки...

Между переплетениями лент (или змей?) на гарнитур были инкрустированы бляхи, овальные и в виде стилизованных ромбов. У наконечника ножен они были меньше по размеру, у обоймицы — самые крупные. Я принялся рассматривать через лупу верхние, самые крупные — сначала одну, потом другую, на обороте ножен.

Обе имели форму овала и были покрыты узором, более всего похожим на кельтскую плетенку. По контуру расположились символы птичьих — опять птичьих! — голов; в центре находилась сложная вязь линий. Или одной линии?..

Плавно изгибаясь, эта линия выписывала сложные пируэты, кольца, ныряла под изгибы самой себя. Совершив неожиданный поворот, струилась дальше, закручивалась в хитросплетениях. Угадывался некий общий рисунок — но лишь угадывался. Проследить его последовательно и детально было крайне трудно, почти невозможно.

Я перевернул ножны. Там красовалась такая же бляха. Рисунок орнамента был похож, но не одинаков, отличался от предыдущего в мелочах, если очень внимательно приглядеться. На других фрагментах и форма блях, и рисунок орнамента тоже были несколько другими.

Я чувствовал, что этот рисунок имеет прямое отношение к поискам Ворона. Это было бы логично. Информация, открывавшая перед злоумышленником столь широкие возможности, могла быть сокрыта именно здесь, в этих скользких, переплетающихся линиях. Оставалось только ее прочесть и понять.

На Дагга-Оззи роспись была скромнее. Сам кинжал сделан полностью по канонам горских традиций и не расписан. Рукоять, обмотанная сыромятной кожей, навершие тоже традиционное, в виде полусферы. Полное отсутствие крестовины и совершенно чистый клинок.

Но вот ножны в этом плане были куда интереснее. От наконечника к обоймице шла одна широкая лента из той же блестящей бронзы. По ней также вился затейливый меандр, при этом неоднородный. Здесь наблюдалось чередование квадратов как символов земли, кругов — как символов солнца и, конечно, треугольников — символов гор. Эти фигуры следовали друг за другом в разных вариациях, змеясь по всей длине ленты.

В свободных зонах нанесен узор по типу арабского аканта — остроконечные листья, направленные навстречу друг другу, расположенные гармонично и симметрично. И под самой рукоятью кинжала с обеих сторон красовался анх, египетский крест с петлей на вершине. Тоже, кстати, символ ключа, но земного.

Вообще символы земли преобладали в рисунке — горы, листья, твердь земная — и вызвали ощущение некой подчиненности, а может, сопричастности, неразрывной связи с более «крылатым» Дагг-Ошем. Ну, что скажешь — младший братишка!

Символы... Меандры... Плетенка...

Я принялся снова разглядывать под лупой рисунок плетенки. Попытался увидеть его под другим углом — как путь, траекторию движения. Вот эта петля — здесь можно было бы крутануть на месте волчка, — и сразу уход влево. А потом что, присед? Скорее всего присед, и тогда он будет выглядеть на рисунке вот таким образом: одна линия ныряет под другую.

Клинок обороняющегося ныряет под клинок атакующего... Вектор одного бойца ныряет под вектор другого...

Прыжки — заостренные пики, линия как будто взмывает ввысь. На фоне сложного узора, составленного плавными закругленными линиями, просматривался другой — четкий геометрический квадрат, вплетающийся в его ткань, в его плоть. Прошивающий его слева направо и сверху вниз. Плотность линий в зоне квадрата была много выше, чем в других участках узора.

Я перешел в Мастерскую. Затеплились, мерцая, свечи — все двенадцать. Тени испуганно попрятались по углам, тишина настороженно ждала — что будет дальше? Кинжал я пока положил на столик, рядом с его более крупным собратом. Дагг-Ош держал в ножнах перед глазами.

Осторожно провел пальцами по одной ленте-змее, завивая спираль. В теле отозвалась легкая вибрация. Под ложечкой дрогнуло нежно и трепетно, как робкий огонек свечи. Я скользнул пальцами по орнаменту еще раз, надавил чуть сильнее, вздохнул глубоко и услышал...

Тугими горячими ударами ритм начал пульсировать в животе, солнечном сплетении, отдавался в позвоночник. Теперь не нужен был метроном, ритм и размер жили во мне, их подарил мне Дагг-Ош.

Клинок, вжикнув, покинул свое обиталище. Ножны я держал перед глазами, пришло время попрактиковаться. Я мысленно наметил себе квадрат три на три метра и двинулся по периметру, стараясь попадать в ритм, заданный клинком. Шаг получался легким, как бы скользящим, стремящимся перейти то ли в бег, то ли в полет!

А если представить себе линии узора как энергетические каналы, тогда их пересечения есть не что иное, как опорные точки! Я тут же попытался проверить догадку и двинулся по диагонали. В один вдох я оказался на другом конце мысленно очерченной фигуры, как по камушкам через ручей — раз, два, и там! Вот так-так! Кто мог знать, что такое перемещение возможно?

Неожиданно в голову пришла мысль, и я тут же ее проверил: провел по второй ленте-змее подушечками пальцев. Характер движения сразу стал другим, более вязким, тягучим, шаги как будто растянулись. Какое-то время я двигался этим замедленным растянутым шагом, но, вспомнив предыдущий ритм, сразу перешел на скользяще-летающий шаг. Вот как резко можно менять ритм и скорость, спасибо тебе, Дагг-Ош!

С квадратом стало ясно, а основной округлый узор, несущий квадрат в своем теле? Если приглядеться внимательнее, создается впечатление, что это одна замкнутая линия. Я попробовал двигаться, выдерживая ее рисунок. Ничего не получилось, квадрат и закругленный узор не сочетались...

Пришлось присесть на ковер, подогнув ноги по-турецки, и более внимательно рассмотреть орнамент. Через некоторое время я пришел к выводу, что линий всё-таки две. В любом случае в каждом конкретном фрагменте узора линию можно рассматривать как взаимоотношение двух пересекающихся извилистых отрезков. Тогда весь рисунок можно разложить на ряд законченных фрагментов, неких узловых ситуаций, связанных между собой в один большой узор. Теперь у меня потел не только лоб — всё тело.

Я встал и еще раз попробовал двигаться по линии, изображенной на орнаменте, шаг за шагом. Ничего не получалось, я сбивался, даже ритм стал чувствовать хуже. Надо было что-то менять, и я изменил. Отложил ножны на столик, где пребывали старый верный кинжал и

метроном, взял в левую руку Дагга-Оззи, стал в середину зала. Вдох и выдох... Прикрыть глаза... Отрешиться от всего земного... Дать свободу мышцам... Раз, два, три — я раскинул руки с клинками в стороны, как будто хотел обнять весь мир...

Это был танец. Может, снаружи он выглядел иначе — без привычных фуэте, ан деданов и падеша. Может быть, внешне это были прыжки с парой клинков в руках, хаотичные и бессвязные. А может, яркие взлеты и плавные глиссады — я этого не знал. Я ничего не знал и не чувствовал, кроме внутренней гармонии.

Не видел Мастерской, трепетных огоньков свечей и удивленных гримас теней по углам. Не чувствовал ковра под босыми ногами, движения воздуха, не слышал звуков, если таковые где-то и раздавались. Мои руки, движимые коловращением клинков, двигались в одном ритме. Ноги, направляемые линией узора, переступали и перешагивали в другом. Тело же, опираясь на крылья оружейной пары, подбрасываемое в опорных точках, запечатленных в орнаменте, парило над землей, над миром, над переплетениями чужих судеб.

Именно так: я видел сейчас одновременно тысячи векторов, видел их объемно, во всём многообразии, во всевозможных вариантах развития. Я мог при желании выбрать любой из них, приблизить его мысленно и рассмотреть в увеличении, как под лупой.

Ради опыта, а еще более того — повинаясь жгучему интересу, нетерпеливому желанию, я представил линию судьбы Евы Марии и увидел яркий взлет, всплеск силы и энергии, успех в начинаниях. Я видел, что этот вектор может идти рядом с моим, может прильнуть, прижаться тесно, поддерживая и подпитывая... Может...

Я взглянул на линию господина Аусбиндера и увидел монотонную прямую с умеренной пульсацией. Поворотов и изгибов там не предполагалось, лишь в одном месте от опорной точки мог пойти мощный росток. Я видел лишь тень этого ростка — быть может, это нынешняя история? Выигрыш в гонке за Вороном?

Я посмотрел в таинственную книгу судеб, на страницу агента Серого, и взгляду моему предстала зубчатая пила, череда пиков и провалов, потерь и находок... Тебя ждет полная событиями жизнь, дружище! Держись, служака, твоя судьба в твоих руках!

В какой-то миг я понял, что теперь мне становится подвластной сама жизнь, любая судьба, любой вектор. Твердой рукой я могу сейчас взять любой из них на выбор и править его по своему разумению. Так, как считаю нужным.

Мы с Евой можем быть вместе, а можем и не быть. Жизнь слишком сложная и непредсказуемая штука, в ней находятся тысячи причин, — но вот здесь, в этой точке я могу взять и подправить слегка, и всё тогда сладится. Гарантированно.

Я могу вдохнуть жизнь и силу в тот единственный росток, который видел в линии господина директора, и всё изменится — он станет совсем другим человеком. Могу сгладить провалы и подрисовать больше пиков в судьбе Серого, наметить ему блестящую карьеру. И не только карьеру.

А могу запрограммировать завтрашнюю победу Алиа над Хорхе в матче века.

Я понял всё это и остановил танец, безмятежное свое скольжение по Мастерской и чужим судьбам. Именно этого и добивается Ворон, именно так он и хочет осчастливить человечество.

В истории подобное уже было: когда одни люди брали на себя право решать за других. Обещали построить рай на земле, всеобщее счастье, а если кто-то не понимал, что это и есть рай, его вели туда силой: на цепи, погоняя ударами плети. Или проливая кровь, оставляя на обочине столбовой дороги в светлое будущее трупы сомневающихся и несогласных.

Я остановил танец — я не стану изменять линию судьбы Евы Марии. Ей придется самой делать выбор — кем быть и с кем. Я не хочу вмешиваться в чужие жизни, строить судьбы, создавать чье-то благосостояние. Как и не желаю защищать интересы Президента, Республики, дело мира и прогресса во всем мире. Карать виновных и воздавать достойным...

Я хочу только одного — обязательно остановить Ворона. Теперь это дело чести и моей мести. К этому взывает кровь друзей и невинных жертв. «Когда война ступила на порог — сожги свой дом», — говорил Шай-Дагг. А если война переступила порог твоего дома?

Ну а программировать боксерский поединок и вовсе неинтересно — пусть победит сильнейший!

* * *

Я вложил оружие в ножны. Как всегда после танц-коррекции, мучило похмелье: сухость во рту, ватные ноги и влажные ладони, слабость и озноб. Как всегда, я долго потом плескался в душе, отвоеванном когда-то у господина директора. Обтирался махровым полотенцем, приходил в себя.

Был уже поздний вечер, прошел еще один длинный-предлинный день. После душа надо подняться на веранду, выпить горячего чая, только неизвестно, есть кто-либо в такое позднее время на кухне. С другой стороны, Агентство на осадном положении, наверняка можно где-нибудь найти горячей воды, да и перекусить не мешало бы.

Занятый подобными мыслями, я поднялся в холл, потолкался между гвардейцев. Они развернули в кафе что-то наподобие полевой кухни, получали питание даже ночью и всегда имели кипяток. Ребята угостили меня кашей с мясом, чай они заваривали крепкий, добавляя в него много сахара, как раз так, как я люблю.

Напоследок я выкурил с ними папиросу, потрепался о жизни и собрался было уже подняться наверх, в апартаменты, когда из приемной появилась Лили. Я и не думал, что она может быть здесь в такое время, наверное, девушкам тоже назначили дежурства. Лили подозвала меня знаками.

— Вас к телефону, Мартин, — как всегда с улыбкой, сказала она. — Он не представился, но сказал, что дело крайне важное и не терпит отлагательств.

Я взял большой эбонитовый наушник, уже догадываясь, кто будет сейчас со мной говорить. Голос оказался чуть хриловатый, приятный и сильный — возникал образ мужественного и привлекательного человека. Вот только руки его были по локоть в крови невинных людей.

— Здравствуйте, Мартин. — Незнакомец сделал едва уловимую паузу, ожидая моей реакции, но я молчал. — Мне кажется, уровень наших с вами противоречий достиг той степени, когда требуется очная встреча главных участников. Вы теперь вооружены и наверняка не опасаетесь меня...

— Вы зря думаете, что я боялся вас раньше, Ворон, — ответил я сдержанно.

— Чудесно. Вы знаете о моем существовании, может, так даже лучше. Нет необходимости прятаться хотя бы от вас. Кстати, каким образом вы обо мне узнали?

— Стефан рассказал. Я говорил с ним перед смертью. Зачем вы убили старого друга?

Слышимость была отличная, казалось, что собеседник находится в соседней комнате, но сейчас на другом конце провода повисло молчание. Потом Ворон тихо и с сожалением произнес:

— У меня не было другого выхода. Я не хотел его смерти, но иначе было нельзя. Вряд ли вы поймете... Единственное, что я мог сделать для старины Стачки, — убить его одним ударом, избавив от предсмертных мучений. Но даже этого, как выясняется, не получилось. Видно, старею...

— Видно, это не так просто — убивать дружбу, — горько заметил я.

— Похоже, вы действительно меня не боитесь... — с едва заметной иронией ответил Ворон.

Он опять замолчал, потом вдруг заговорил совсем другим тоном, жестко и сухо:

— Завтра. В десять утра. На Стадионе. За трибунами есть укромный уголок, куда не заходят зеваки. Обойдете, углубитесь в рощицу по аллее, я вас встречу. Там есть чудные полянки: много места, удобно и укромно. Но запомните — только вы и я. Если появится хоть кто-нибудь из посторонних — тайники, полиция или, к примеру, госпожа Ева Мария Сантос, — разговора не получится. И много тогда еще крови прольется, Мартин. Лишней крови...

— Буду, — сказал я. — И буду один. Это наше с вами дело, Ворон.

— Так тому и быть, Зрячий, — было мне ответом.

Глава 3

...Доброе всем утро, уважаемые дамы и господа! Вот и пришло время самого замечательного спортивного события этого года! Бой, которого все мы ждали с таким нетерпением, начнется через тридцать минут. Но прежде я хотел бы выразить самую искреннюю признательность электрической компании «Оптималь Дайнемикс», предоставившей сегодня возможность присутствовать на матче тысячам людей. Ринг установлен под открытым небом Новой Спортивной Арены, все мы привыкли называть ее Стадионом. Но даже чаша этого грандиозного сооружения не в силах вместить всех желающих посмотреть бой века! Обратите внимание, на всей территории Арены — а ведь это около четырех гектаров лесопарковой зоны! — установлены громкоговорители. Да, да, вот эти плоские тарелочки, из которых сейчас раздается мой голос! Вы можете наблюдать их над своей головой, на столбах. Это последняя разработка компании, где используется тот же принцип передачи звука, что и в знакомом нам телефоне. Но дело не в технических деталях. Благодаря этому изобретению очень многие любители бокса, не уместившиеся на трибунах Стадиона, услышат мой подробный репортаж о бое. Удачного нам всем дня, дамы и господа!..

Я отлично выспался. После звонка Ворона я отправился спать с чистой совестью. Утром в кафе удалось позавтракать омлетом и чашкой крепкого кофе. Ева не показывалась, и я сделал вывод, что она набирается сил после вчерашних приключений. Меня это устраивало, впутывать девушку в финальную часть наших с Вороном разборок я совсем не хотел.

Господин директор укатил с утра в Ставку по вызову начальства, и это тоже было на руку — не воспоследует неожиданного вызова с нудными разборами вчерашних полетов и ненужными теперь рекомендациями на будущее. Это дело я закончу сам.

Итак, обстановка благоприятствовала, если бы не приказ — не выпускать меня одного из особняка даже за любимыми папиросами через дорогу. В наличии такого приказа я не сомневался и потому заблаговременно повидался с начальником караула из тайников и сказал ему, что иду работать в операционную. Попросил не беспокоить по пустякам и

получил в ответ заверения в понимании важности момента.

Я действительно спустился в кабинет, взял клинки, завернул их в дерюгу и поднялся в комнатушку Тодда. Здоровяк должен был вот-вот смениться и испытывал серьезное нетерпение — у него есть билет на бой Махмуда Алиа с Хорхе.

Место на Стадионе Столбу удалось достать хорошее, и он сейчас весь в предвкушении зрелища. Но пока что он пребывает на посту и не сможет отказать мне в маленькой просьбе — помочь выскользнуть незаметно через забытую всеми, незаметную дверь.

Есть у нас с Тоддом маленькая тайна. Дело в том, что парень неравнодушен к женскому полу. У него постоянно случаются романы с девушками, вдовушками, сотрудницами Агентства и женщинами совершенно сторонними. Где он их находит, это знает только он сам, да мне это и неинтересно. Интересно другое. Столб умудряется гулять от зверски ревнивой жены.

Я догадываюсь, что вечером или в выходные дни он попросту не имеет возможности бесконтрольно покинуть свой дом, супруга не позволяет ему этого. Посему романтические встречи Столб проводит в рабочее время.

Для своих походов охранник приспособил старый пожарный выход. После реконструкции особняка, проведенной в прошлом году, об этой двери все как-то забыли. К ней ведет укромный коридорчик, в который легко попасть из комнатушки Тодда, и он имеет возможность незаметно покидать особняк на время свидания с очередной пассией.

Конечно, это грубейшее нарушение служебной дисциплины. Узнай кто-нибудь об отлучках охранника с поста, он вмиг лишится своего теплого места. Но Столб директорских проверок не боится: тот никогда не ходит дальше приемной, и работа охраны его не интересует.

Другое дело — жена. Она может нагрянуть в Агентство неожиданно, под предлогом, что соскучилась. Вот тут и надо Тодда прикрыть, отвлечь ее разговором и слегка поморочить голову, пока незадачливый Дон Жуан вернется на свое место.

— Дружище Тодд, — проникновенно начал я. — Только ты можешь помочь мне. Эти чертовы бюрократы запретили выходить из особняка. Они, видишь ли, опасаются за мою жизнь. Но ты-то должен меня понять — чтоб попасть на бой Алиа и Хорхе, можно рискнуть и самой жизнью...

— Истинная правда, Мартин... — кивал кудлатой головой Столб, — лучше и я бы не сказал...

— Я знал, — я положил руку ему на плечо, — ты не откажешь. Только б выскользнуть незаметно и сразу после боя обратно. Никто и не заметит. В любом случае ты будешь совершенно ни при чем...

— Ох, господин оператор, принуждаете к должностному преступлению, — кряхтел Тодд.

«Кто б говорил...» — подумал я, а вслух воскликнул:

— Но ведь этого дня мы столько ждали!

— Только ради мирового бокса!.. — тряхнул головой охранник, и волшебная потайная дверь открылась для меня.

Я сразу попал на улицу Забытых Снов. Оттуда рукой подать до Парка, а дальше на старой доброй конке до Стадиона.

Вокруг бурлило людское море. В переполненном вагоне, на подступах к Спортивной Арене все разговоры крутились только вокруг предстоящего боя: слышались имена боксеров,

споры, смех. Знатоки громко давали прогнозы, кто-то заключал пари...

Никто даже заподозрить не мог, что в это же время, совсем рядом может произойти еще один поединок, по важности много превосходящий спортивную схватку.

...Сколько публики собралось сегодня на трибунах Стадиона, дамы и господа! Сколько поклонников бокса, этого чудесного вида спорта! Нет ни единого свободного места, зрители толпятся в проходах, самые молодые оседлали ограждения. И это еще не всё! Только что мне сообщили, что около трибун, в зеленой зоне, рядом с громкоговорителями тоже расположились большие группы болельщиков. Эти люди не смогли попасть в зрительные ряды и будут следить за ходом поединка по моим комментариям. Спасибо «Оптимал Дайнемикс»! А теперь о предстоящем бое: Хорхе Лопес-и-Баррера по прозвищу Бей-В-Нос, действующий чемпион в тяжелом весе. Тридцать два года, вес — сто один килограмм. К настоящему моменту Хорхе провел в ринге сорок восемь боев и не проиграл ни разу. Ни одной ничьей, сорок пять боев закончил досрочно. Чемпионский пояс забрал три месяца назад у Джозефа Фрейза, победив его в третьем раунде нокаутом. Махмуд Алий, называемый чаще Молотом, экс-чемпион мира. Ему тридцать восемь лет, вес — девяносто три килограмма. Представлять этого боксера нет необходимости, но напомним: сорок шесть боев, сорок четыре победы, одна ничья и одно поражение. Памятное всем поражение как раз Рукастому Джо Фрейзу! В начале текущего года он вызвал Фрейза на бой и проиграл ему по очкам! Побывав при этом на настиле ринга в нокдауне! К сегодняшнему бою за титул чемпиона боец готовился долгие пять месяцев, но, увы, — Хорхе Бей-В-Нос успел за это время отобрать титул у Рукастого! Какая интрига! Теперь Молоту придется сразиться с бойцом, равного которому еще не знал профессиональный бокс. Этот Хорхе, он ведь настоящая нокаутирующая машина! Он моложе Али, отлично подготовлен, и сегодня мнения экспертов единодушны — шансы Махмуда вернуть себе титул оцениваются как один к десяти. Говорят, Махмуд уже не тот...

Чем ближе подходил я к Стадиону, тем больше становилось болельщиков. Все, кто не смог попасть на трибуны, расположились вокруг, на траве. Из развешанных плоских черных тарелок громкоговорителей звучал бодрый голос спортивного обозревателя. Люди стояли плотными группами, другие разворачивали подстилки, выставляли на них снедь, пиво и вино, усаживались шумными компаниями. Спортивное событие грозило перейти во всенародный праздник.

Большое количество полицейских, снующих тут и там в толпе, видимо, несколько не мешало этому. Стражи порядка лишь внимательно следили за болельщиками, не мешая согражданам праздновать бой века и готовясь вмешаться только в случае вспыхнувшего скандала или драки. Такое, к сожалению, бывало, но пока ничто не омрачало приподнятую атмосферу радостного события.

Однако стоило отойти от Стадиона на два десятка шагов, и количество любителей бокса значительно поубавилось. Вот и рощица, через которую действительно пролегла неширокая аллея. Сзади оставалась бурлящая чаша Стадиона, впереди расстилались просторы лесопарковой зоны, выходящей на берег Капаллы.

Надо признаться, что место было выбрано с умом. С одной стороны, в такой день и в таком столпотворении два человека не привлекут ничего интереса. Да и внимание всех, кто пришел сегодня на Новую Спортивную Арену, было занято предстоящей боксерской

схваткой. С другой стороны, стоило отойти немного в глубь рощи, и вы оказывались в полном уединении. Вся публика, пришедшая сегодня на Стадион, тянулась ближе к трибунам и громкоговорителям, хотя стрекот диктора было хорошо слышно и здесь.

Я ступил на плиты аллеи и углубился в зеленый прохладный сумрак. Поначалу дорожка имела вид вполне благоустроенный: вымощена плиткой, на небольших площадках с обеих сторон имелись удобные симпатичные лавочки с урнами для мусора. Было заметно, что сегодняшнее безлюдье объясняется исключительно боксерским матчем, в другое время здесь полно гуляющей публики.

Однако чем дальше я подвигался в глубь рощицы, тем меньше становилось примет цивилизации: лавки исчезли, плитка под ногами закончилась, и аллея незаметно превратилась в тропинку. Роща стала более походить на лес.

...И вот, дамы и господа, боксеры поднимаются в ринг! Хорхе, как всегда, блистателен! При почти двухметровом росте это сто килограммов тренированных мышц. Знакомая грива иссиня-черных волос, глаза как горящие уголья — совершенно брутальная внешность! Да он мачо, этот Бей-В-Нос! Не одно женское сердечко вздрагивает, когда этот красавец ныряет под канаты. Трибуны взрываются аплодисментами, болельщики скандируют имя бойца, размахивают его портретами и национальными флагами. Это ли не всенародная любовь?! Но вот и Молот. Он ниже Хорхе, не так фактурен и заметно легче, но не заблуждайтесь на его счет! Форму боец держит отличную: ни грамма лишнего веса, легкость в движениях, а внешняя расслабленность — это состояние плети, готовой в любой момент стегнуть страшной силы ударом! И это наш Махмуд! Он еще очень опасен и может стать неразрешимой проблемой для любого противника...

* * *

Фигура в серой куртке и бриджах вынырнула из-за кустов неожиданно — легкая, стремительная походка и грация хищника в движениях. На плече висел тубус, какими обычно пользуются чертежники, но больших размеров. Я узнал его сразу — тот же пронзительный взгляд, волевой подбородок и упрямая складка губ, что и на портрете Стефана. Старый оператор не зря пользовался именно таким финтом, он действительно был мастером: лицо, несмотря на отсутствие полного портретного сходства, было узнаваемо сразу и без труда.

Издали Ворон показался мне моложе, и только вблизи я понял, что он действительно сверстник Стацки. Читалась во взгляде накопившаяся усталость, морщины расходились от упрямо сжатого рта. Заметная седина в волосах. Лицо еще крепкого, но уже стареющего мужчины. И ничего inferнального во внешности, если бы только не нос, очень уж похожий на клюв.

Мы остановились в трех шагах друг от друга.

— Здравствуйте, Мартин, — начал Ворон. — Я представлял вас несколько иным.

— Более героическим? — ответил я с усмешкой. — Сказочным богатырем?

— Может быть... Хотя сущность человека не всегда соответствует его внешности. За то долгое время, что я живу на земле, пора бы это уяснить. Порой в невзрачном теле встречается неукротимый дух...

— Как было, например, со Стефаном Стацки. Другом вашей молодости.

Лицо моего визави помрачнело:

— Не будем о нем. Я предлагал Стефану партнерство, еще тогда, в те далекие времена. Предлагал союз и сейчас — вдвоем мы смогли бы перевернуть мир. Достичь невиданных высот!

— За счет жизней других людей? — более утвердительно, чем вопросительно проговорил я.

— Вы многого не знаете! — нервно выкрикнул Ворон. — Пролитая кровь лишь досадная издержка на пути исканий! Мне не доставало настоящего инструмента, приходилось оттачивать метод на людях. Если их можно только назвать людьми: человеческие отходы, никчемные пустые личности. Да, мне приходилось их убивать, но это были неизбежные жертвы, предтеча грядущих великих свершений! Совершались и ошибки, как без них в новом деле?.. Будь у меня необходимое оружие, да еще в тандеме со Стефаном, воздействия имели бы другой вид. Совершенно некровожадный...

— Другими по форме, но теми же по содержанию: люди должны стать послушными вашей воле. Совершать необходимые действия как куклы, как стадо...

— Бросьте, Зрячий, — горячо оборвал меня Ворон. Сейчас я верил, что он действительно маньяк — в его глазах разгорался неистовый и неукротимый огонь. — Людям нравится, когда их ведут и направляют. Они не хотят принимать решений, не хотят ответственности, они предпочитают готовые рецепты, поданные в виде команд. Толпа просто обожает поводырей и кормчих, готова следовать за ними и при этом боготворит и превозносит своих кумиров!..

— Вы зря называете меня Зрячим, Ворон. Вы не имеете на это права, — холодно бросил я, сбивая патетику его речи.

— Что так? — обиделся мой противник. — Я как-никак стоял у истоков АСА. И процедуры проводил уже в то время, когда вы, Мартин, только учили арифметику в одноименном приюте. Даже названий таких: процедура, финт — тогда еще не существовало, но уже была работа с информацией.

— Опять ошибка, — с деланным сожалением поправил я. — Это меня называли в честь святого Мартина, а не наоборот. А Зрячими называют себя сенсы, выполняющие свой профессиональный долг. Честные и порядочные люди. Когда-то, наверное, и вы были таким, а теперь?..

— Приберегите этот словесный мусор для митингов в честь господина Президента, Мартин. — Ворон неожиданно успокоился. — Давайте рассуждать здраво. Что ждет вас на службе? До конца своих дней помогать всяким недоноскам устраивать собственную счастливую жизнь? Творить им успешную карьеру, достаток, выгодные браки? При этом получать ничтожное жалование, а впереди — скромный пенсион... И тешить себя сознанием причастности к государственной политике! Ну станете вы со временем живой легендой АСА, каким был Стацки, и что? Жалкий старый дурак! Я предлагал ему блестящее будущее, но он уперся. Да еще не хотел вернуть то, что ему не принадлежало. Что ж, это был его выбор...

— Я очень уважал Стефана и почитал его как старшего товарища. Наши взгляды во многом совпадали. К тому же, Ворон, не поздно ли договариваться? Вы неоднократно хотели убить меня. Положили кучу людей, под угрозой была и Ева Мария Сантос, мой партнер. Только когда ничего не вышло, вы приступили к переговорам.

— Если бы здесь сейчас была Ева, мы, может быть, смогли бы договориться, —

усмехнулся мой противник. — Возможно, это моя ошибка — запретить вам привести ее сюда. Это очень здравомыслящая девушка с чудовищным честолюбием. Ее папенька Сантьяго передал ей стремление к власти вместе с кровью, как фамильную черту. А насчет переговоров — они, как видно, затягиваются. Прощу сюда...

С этими словами Ворон шагнул за стену кустов, росших недалеко от тропинки. Я последовал за ним и оказался на чистой и просторной поляне с невысокой травой. Вокруг стеной стояли деревья, ни одной живой души не наблюдалось.

— Предлагаю в последний раз, — проговорил противник, напряженно глядя мне в глаза, — давайте договариваться, Зрячий. Вы отдаете мне Дагг-Ош... Вы ведь нашли ее и даже поняли силу этого оружия? Но вам с ним не справиться. Только я имею право распоряжаться саблей. Я истратил на поиски всю жизнь, терял друзей, мне самому пришлось погибнуть и родиться заново. Да, я, черт возьми, положил за право обладать саблей кучу народу и не жалею об этом! И не вам, Мартин, останавливать меня. Взамен я позабочусь о вашем будущем и клянусь — вы никогда не пожалеете о своем выборе.

Он говорил и сбрасывал с плеча свой тубус. В серьезности его намерений сомневаться не приходилось, да я и не сомневался. Но лишь покачал отрицательно головой. Быть куклой в чьих-то руках очень не хотелось, и про Еву он так зря. Он ведь совсем ее не знает.

...Итак, дамы и господа! Событие, которого мы все так долго ждали, началось! Последний удар перчаток о перчатки и... гонг! Я думаю, вам не трудно будет различать спортсменов: более светлый в алых с серебром трусах — Хорхе и темнокожий, в снежно-белых трусах и гетрах — Алий. Бой начался. Хорхе бросается в атаку, похоже, он сразу хочет показать, кто хозяин в ринге. Чемпион проповедует атакующий стиль: работать от обороны, строить хитроумные комбинации не в его правилах. Напор, ураганный натиск, удар — вот его испытанный прием! Всем любителям и знатокам бокса хорошо известно — Молоту нельзя уходить в углы ринга. Там Хорхе забьет любого, самого стойкого и выносливого бойца. Эфиопу придется разрывать дистанцию, уходить, искать счастья в контратаках. Посмотрите, как он движется! Как работают ноги! Хорхе придется попотеть сегодня... Но какая мощь в кулаках чемпиона, его удары отбрасывают Молота к канатам! Только виртуозное владение корпусом спасает пока претендента. После таких ударов очень многие оказывались на настиле ринга, теряя ориентацию в пространстве и волю к дальнейшим выступлениям. Это будет замечательный бой! Опыт и мастерство против силы и натиска! Две железные воли, два страстных желания победить встретились сегодня на ринге. Я поздравляю всех нас, нам выпало присутствовать на незабываемом зрелище!..

Я скинул дерюгу и достал оружие. Ворон впился взглядом в клинки, казалось, еще чуть-чуть, и у него потекут слюнки. Он пробормотал что-то неразборчивое, вроде: «Ага, и ножичек здесь...» и криво усмехнулся.

Его серенькая курточка полетела на землю, следом отправился и тубус. Ворон остался в белой шелковой рубаше с воротником апаш и своих удобных бриджах. В его руках сверкнул индийский тальвар — мощная сабля с длинным, широким и тяжелым клинком. Таким оружием можно легко разбить саблю, учел ли это фехтовальщик? Через миг я понял — да, учел, всё продумал и принял решение.

— Или Дагг-Ош достанется мне, или не достанется никому, — прошипел мой

противник. — Время уговоров прошло, Мартин. Пусть нас рассудит бой!

* * *

Я тоже сбросил всё лишнее: просторная светлая рубаша, широкие штаны, не стесняющие движений, и обнаженный клинок в руках. Ворон крутанул саблю кистевым движением, и тальвар призывно свистнул.

Стойку он принял классическую: немного боком, чуть выставив вперед левую ногу и отведя назад вооруженную руку. Статичность и обыденность позы меня не обманывали, это был слишком опытный и умелый боец, и положение он мог сменить в любой момент.

В то же время мне требовалось несколько мгновений для того, чтобы почувствовать информационное поле. Моя сила заключалась не в искусстве фехтования — здесь Ворон наверняка мог дать мне сто очков вперед, — а в возможности противостоять ему построением вектора. Я собирался выиграть схватку в призрачной ипостаси финта, тем оружием, за которое бился Ворон. Клинки уже привычно развели мои руки наподобие крыльев ветряной мельницы.

Может, необходимая мне пауза была тому виной, может, в глубине души я помнил, что передо мной ровесник Стачки и Венеры Спай, но первая же атака противника чуть не стала для меня фатальной. Она была столь стремительной, что только разведенные руки, благоприобретенные автоматизмы и уникальные клинки спасли мне жизнь.

Скрутка развернула тело быстрее, чем мозг успел что-либо понять, и я ушел с линии атаки. Сабля Ворона мелькнула в сантиметрах от моей груди, но тут же неуловимым движением, прямо-таки мистическим каким-то образом вновь оказалась перед моим лицом.

Я успел сделать скользкий сбив атакующего клинка и вынужден был отпрыгнуть от противника, разрывая дистанцию. Да, такой прыти я не ожидал! Но и отступать было некуда. Кто-то из нас останется сегодня здесь, на этой поляне, а уцелевшему в награду достанется весь мир...

...Третий раунд! Если кто-то опоздал к началу состязания, хотя я даже представить себе не могу такого человека, скажу вкратце, что бой складывается пока в пользу действующего чемпиона. Подавляющее преимущество Хорхе Лопеса: он забрасывает Махмуда Алиа градом ударов, прижимает его к канатам, загоняет в углы ринга. Поистине удивительно, как экс-чемпион выдерживает всё это! Молот принимает удары на руки, на плечи, использует уклонь и приседы. Его работа корпусом достойна восхищения — едва уловимые движения, тело отклоняется на какие-то миллиметры, но удары Лопеса получаются не акцентированными, а скользкими, не достигают цели. Между тем кроме джебов — легких ударов передней рукой, отвлекающих внимание противника, — Молот еще ничего не показал. Он пока не смог прицельно ударить Хорхе ни разу, только защищается! Как долго выдержит Алий такой натиск? Хватит ли сил претенденту, чтобы дотянуть до конца схватки? Ведь формула чемпионского боя — пятнадцать раундов! Давайте же следить за поединком дальше, дамы и господа! Пока в ринге ничего не меняется. Хорхе в который раз прижал Молота к канатам, загнал в угол, обрушивает на него тяжелые удары по корпусу с переходом в голову. Левый боковой, кросс в голову, еще двойка по корпусу! Алий держится, часть ударов принимает на защиту, часть пропускает мимо. За счет своих феноменальных ног он выворачивается из угла и порхает по рингу... Смотреть на этих

величайших боксеров нашего времени — истинное наслаждение! Ну а кому не хватило мест на трибунах, может хотя бы послушать мой репортаж. За это поблагодарим электрическую компанию «Оптималь Дайнемикс», предоставившую возможность...

Какое-то краткое время мы кружили друг против друга, тяжело дыша, а потом Ворон бросился в атаку вновь. Удары летели справа и слева, диагональные секущие, вертикальные рубящие и опять секущие, но уже горизонтальные. За счет более тяжелого оружия Ворон имел преимущество — жестко принимать его клинок я не рисковал. Дагга-Оззи в данном случае тоже был бесполезен.

Оставалось только отступать, и я отступал. Кружил по поляне, и она уже не казалась мне такой просторной, как раньше. Менял стойки и пятился, пятился, пятился — Ворон гонял меня как зайца. Слева и справа опасно посвистывал тальвар, отточенная сталь мелькала в сантиметрах от моей головы, плеча, руки...

Вот я запнулся обо что-то и упал на спину, ушел перекатом через плечо, но вставать пришлось бы прямо под горизонтальный секущий удар, и я нырком кинулся вперед. По шее горячей волной прошелся воздух, рассекаемый саблей противника, и клинок срезал мне прядь волос с головы. Так долго продолжаться не могло — в конце концов Ворон поймал меня на удар. Одними уходами, только защитой победить невозможно.

И тут я вспомнил о лентах-змеях на ножнах Дагг-Ош. Ритм бился во мне с самого начала схватки, я чувствовал его в области солнечного сплетения и только благодаря этому мог поддерживать тот бешеный темп, который навязал мне Ворон. Но это был ритм ленты с более частым и сложным рисунком меандра, а ведь существовал еще и другой рисунок на второй ленте!

Я представил себе второй меандр как можно более ярко, и в тот же миг мое движение замедлилось, как и тогда в Мастерской. Изменение застало меня в резком перемещении, почти прыжке, но секунды вдруг начали растягиваться, как резиновые. На миг я завис в воздухе, потом плавно опустился на землю.

В то же время я видел, как Ворон продолжает атаковать пространство впереди меня, там, где я должен был появиться, но не появился. Надо отдать ему должное, мастером он был выдающимся и сориентировался мгновенно — удары посыпались назад, за видимого противника, как бы в пустоту. Но для меня это значило — прямо в лоб!

Для ухода пришлось тут же возвращаться в исходный ритм, ускорение рвануло сухожилия, болью резануло по мышцам, но сумасшедшим рывком я ушел из-под атаки. Вот, значит, как! Я могу менять ритм произвольно, опережая противника или намеренно отставая от него по мере необходимости...

...Итак, заканчивается пятый раунд, дамы и господа, первая треть боя! Каковы же предварительные итоги? Бей-В-Нос главенствует в ринге, он всё так же атакует Алию, осыпает его жесткими ударами, прижимает в углах ринга. Но экс-чемпион стоит. Непостижимо, но после такого количества пропущенных ударов Молот остается на ногах и выглядит довольно свежим. Чего не скажешь о чемпионе, пять раундов длится сплошная непрерывная атака — какие силы надо иметь, чтобы поддерживать такой темп?! Движения боксера уже не так быстры, он меньше перемещается, порой входит в клинч, виснет на сопернике, пытаясь восстановить силы. Сейчас Хорхе нужен сильный завершающий удар, «лаки панч», как его называют. Если чемпиону не удастся свалить

претендента на настил в шестом раунде, бой грозит перейти в позиционное противостояние с непредсказуемым исходом. Хорхе атакует! Это его шанс: двойка — удары с левой и правой, тройка — левая, правая и еще раз левая. Правый апперкот в туловище и сразу левой в голову — смотрите, экс-чемпион потрясен, он шатается! Уходит в глухую защиту! Вот сейчас, сейчас Молот не выдержит и рухнет!.. Гонг! Минута перерыва для спортсменов...

Ворон продолжал атаковать, но темп снизил. Видно, понял, что одним напором и скоростью ему меня не взять. От рубки мы перешли к фехтованию, и у меня появилась надежда, что сейчас я смогу наконец приступить к информационной работе. Тем более что вслед за сменой темпа я прикинул в голове узор-плетенку с ножен. Я уже видел большой овал, вписал в него квадрат, примерился для передвижения по опорным точкам... И чуть не пропустил опасность.

В какой-то неуловимый миг глаза Ворона стали плоскими, неживыми, будто подернулись пеплом, движения — размашистыми. Шагал он теперь гораздо шире, как бы скользя над землей. Момент перехода я пропустил и теперь отчаянно искал возможности противостоять новому бойцу, который был передо мной.

А еще через миг левая рука Ворона превратилась в крыло, широкое и острое, черное птичье крыло. В сравнении с ним тальвар казался игрушкой, и, как и тогда в Музее, не было времени размышлять: фантом это или материальный объект? У меня не имелось ни малейшего сомнения в том, что, попади мне этим крылом по руке, руку отсечет начисто.

Вновь пришлось зайцем скакать по поляне. Только теперь это был не простой заяц, а со сверхчувственным восприятием. Я передвигался по заветному плетеному квадрату, по пересечениям его нитей, отталкиваясь от опорных точек, как от трамплинов. Поймать меня, возникающего то там, то тут, было крайне трудно, почти невозможно.

Однако и противостоял мне человек, всю свою жизнь посвятивший фехтованию и информационным воздействиям. Он встретил меня в момент прыжка, когда изменить уже ничего невозможно. Тело оторвалось от земли и стремительно двигалось по намеченной траектории.

Крыло выросло впереди неожиданно — бритвенно острая кромка летела мне навстречу точно на уровне глаз. Я едва успел сложиться, но этого оказалось мало — я не помещался в зазор под крылом. И тогда в отчаянии я выставил перед собой Дагга-Оззи. Правая рука с Дагг-Ош была на отлете, и тело само распорядилось согласно инстинкту самосохранения. Кинжал врезался в крыло!

Раздался громкий хлопок, клинок разлетелся на сотни сверкающих осколков до самого эфеса, в моей руке осталась лишь рукоять с почти незаметной, по горской традиции, крестовиной. Я грохнулся на землю, приземление стало больше похожим на падение. И тут же где-то высоко в небе раздался протяжный тоскливый звук, будто крик расставания и боли. Завибрировала в руке Дагг-Ош, всхлипнув по младшему братишке...

Но и крыло, резко вздрогнув, метнулось в сторону. Ворон вскрикнул и, прижав левую руку к животу, согнувшись, попятился от меня. Я вскочил, выставив бесполезную рукоять, и не мог двинуться с места — передо мной распахнулась детальная картина информационной структуры.

На темном бархатистом фоне изумрудными нитями пролегли энергетические каналы, мерцали опорные точки, рубиново пульсировали векторы. Картинка совмещалась с

реальным ландшафтом, и сквозь пелену изображения я хорошо видел Ворона на поляне с поникшей, вытоптанной травой.

...Седьмой, седьмой раунд, дамы и господа! Посмотрите, как всё изменилось в ринге! Махмуд Алий выстоял! Да, дорогие друзья, это фантастический бой! Хорхе затратил на атаки столько сил, что этого хватило бы на троих соперников, но не хватило одному Молоту. Прошу учесть, что если каждый акцентированный удар забирает силы боксера, то каждый удар, не попавший в цель, «провалившийся», забирает их вдвойне или даже втройне. Посмотрите на Хорхе, на его ватные удары, на замедленные движения! Положительно, Бей-В-Нос без сил! Искусно работая корпусом и уклоняясь, Молот измотал Лопеса и сумел выйти с честью из первой половины боя. Сохранил силы для дальнейшей борьбы и, — посмотрите! — теперь переходит в атаку! Теперь уже двойками и тройками бьет Махмуд! Смотрите, он начал плотно ставить стопу, удары его жалят Хорхе в полную силу. Чемпион шатается, он с трудом выдерживает этот натиск! Прошло время кружения и порхания по рингу, настало время познакомиться с кулаками Молота. А прозвище свое Алий носит по праву!

Информационная картинка и ландшафт накладывались, совмещались, но не мешали одна другой. Орнамент четко возник перед внутренним взором. Я прикрыл глаза, теперь настало время расслабиться — пусть Дагг-Ош ведет меня по завитой и прихотливой дорожке, начертанной на ее ножнах. Узором танца, равного схватке. Тактикой боя, сравнимой с развеселой пляской. Ты ведь сам так говорил, Ворон? — вот и попляшем...

Это действительно был танец. Я не приближался к противнику: крутил на поляне фуэте, взлетал к небу в кабриолях и больших падеша, связывал глиссадами элегантные жете. Мой учитель балета был бы горд, мой противник — стал беззащитен.

Свой вектор я хорошо отличал от вектора Ворона. Теперь мы скрещивали не клинки, мы фехтовали линиями судеб. Казалось, лязг и скрежет наполнили пространство над притихшей поляной, лесопарком и Стадионом. Даже жизнерадостное журчание спортивного комментатора, звучавшее фоном всё это время, стало тихим и невнятным.

Я нависал над противником, связывал его, не давал двинуться. Я подавлял Ворона, рубил его вектор своим, словно клинком. Я прижимал его к энергетическим каналам, и пульсирующая ярко-красная линия извивалась, крутилась как уж на сковородке, но не могла вырваться из моей хватки.

В какой-то момент тальвар перестал повиноваться хозяину. Ужас отразился на лице моего врага: собственная сабля, прокручиваясь в руке, норовила ударить его самого. Теперь он тоже плясал, но уже свой танец — с непокорной партнершей. Больше всего это походило на попытку удержать раскаленный предмет: Ворон перехватывал и перебрасывал оружие из руки в руку, не забывая уклоняться.

И всё-таки он был настоящим бойцом, почетно иметь такого врага. Невероятным усилием удержав своенравную саблю, фехтовальщик совершил длинный прыжок и тут же попытался нанести мне сильный вертикальный удар!

Вот только в последний миг тальвар вильнул — клинок скользнул в сторону, предав своего хозяина, и я в ответ ударил по открытому телу, через правое плечо, по ребрам. Алая кровь хлынула на белую шелковую рубашку, правая рука Ворона моментально обвисла плетью, но он всё же успел перехватить клинок левой...

...Это свершилось, дамы и господа! Первая минута восьмого раунда, Хорхе Лопес предпринял атаку в последнем усилии. Уже из своего угла чемпион выходил с трудом, покачиваясь. Здесь, у ринга, пронеслась весть, что секундант предлагал ему выбросить белое полотенце, прекратить бой. Но не таков Хорхе Лопес-и-Баррера, чемпион мира в тяжелом весе, спортсмен, достойный уважения и восхищения! Такие люди не сдаются, они бьются до последнего! Хорхе вышел, но сделать ничего не успел. Молот начал ураганную атаку, держать такие удары тяжело даже в начале боя, что говорить об измотанном чемпионе. Окончание задумывалось, по-видимому, как тройка: удар левой, потом правый боковой и завершение прямым с левой рукой. Но оказалось достаточно первых двух ударов: потрясающий левый в голову и правой точно в челюсть! Всё! Огромное тело Хорхе падает по дуге, как сухой лист, к ногам победителя. Занесенную было левую руку Молот, проявив благородство, остановил и не стал добивать поверженного противника. Рефери в ринге открыл счет: «...восемь-девять-аут!» Мы стали свидетелями рождения нового чемпиона мира в тяжелом весе! Махмуд Алий вернул себе титул, что удавалось до него лишь одному, также легендарному боксеру...

Ворон гортанно вскрикнул, его качнуло вправо, но равновесие он удержал. Левая рука была повреждена ударом погибшего Дагга-Оззи, но он крепко ухватил ею саблю и кинулся ко мне вновь, распылив в яростном крике рот, пытаясь нанести еще один удар.

Поймав тальвар на встречном движении, я рубанул горизонтально по клинку, вкладывая в удар всю силу своего внутреннего убеждения, всю волю и страсть. Клинок лопнул так же, как это совсем недавно произошло с моим кинжалом — с громким хлопком, на сотню блестящих осколков, до самого эфеса.

Ворон впал в ступор, он смотрел на изуродованные останки сабли в руке и не верил в происходящее. Помотал головой, пытаясь прогнать наваждение, а потом крикнул «нет!» и поднял глаза, полные слез, боли и тоски. В следующий миг глаза умерли, превратились в два остывающих костровища, засыпанных холодной золой. Ничто сейчас не напоминало о том жарком пламени, которое билось здесь совсем недавно.

— Будь ты проклят, Зрячий, — выдохнул Ворон и запустил в меня эфесом. Я еле успел уклониться. — Ты тоже не найдешь счастья с Дагг-Ош, боль и несчастья будут тебе наградой. Помни мои слова...

Он резко повернулся и бросился бежать к деревьям.

— Ворон! Стой! — крикнул я и кинулся следом.

Теперь, с безоружным и обезвреженным противником я готов был разговаривать. Мужество Ворона вызывало уважение, за время поиска — удивительно! — я почти сроднился со своим врагом. Но еще более того меня мучил вопрос...

Кого ты любил, Ворон? Ведь если танец можно обратить в бой, то и схватку нужно переплавить в любовь! У меня есть кого любить, и потому Дагг-Ош повинуется мне, а ты?!

Убивать — ты убивал. А любил?..

И я кричал, чуть не разрывая горло:

— погоди, Ворон! Мы еще не всё сказали друг другу!..

Но он не слушал. Мы стремглав проскочили лесополосу и вылетели, как камни из пращи, на ровное пустое пространство. Впереди виднелись кусты. Несмотря на рану, потерю крови и возраст, Ворон бежал очень быстро. Я не мог догнать его и старался хотя бы не

отставать.

Мы вломились в заросли, продрались через них и опять очутились на пустом пространстве, сером и неприглядном. Травы здесь уже не было, под ногами столбами взлетала сухая мелкая пыль. Впереди виднелась неширокая мощеная дорожка, а за ней берег обрывом уходил вниз, к руслу Капаллы. Я наконец узнал место, куда мы бежали.

Его называли Гиблым Местом. Несколько лет назад здесь собирались построить мост. Однако потом что-то изменилось, строительство забросили, но на обоих берегах реки выросли уродливые бетонные сооружения. Русло тут значительно сузилось, и Капалла, раздольная в других участках, здесь превратилась в сущую стремнину. Поговаривали, где-то поблизости сбрасывают сточные воды.

Таким образом, под бетонным козырьком бурлил зловонный поток, закручиваясь воронками с шапками грязно-зеленой пены. Это место не любили, его побаивались, даже рыбаки никогда не ловили здесь рыбу. О купании или прогулках на лодке и речи быть не могло — бурное течение и водовороты делали подобную затею смертельно опасной.

Неужели Ворон бежит к реке?! Думает спастись вплавь? В Гиблом Месте?! Но ведь это самоубийство!..

— Ворон! Стой! Остановись, давай поговорим! — закричал я, выбиваясь из сил.

Но он уже запрыгнул на уродца из бетона. Несколько быстрых шагов к обрыву...

На краю он остановился и обернулся. Я приближался, но слишком медленно — как во сне, когда хочешь рвануться изо всех сил и не можешь — вязнешь, еле движешься в воздухе, словно в киселе...

Ворон смотрел на меня своими мертвыми глазами, и я понял, что о бегстве он и не помышляет.

Губы его шевельнулись. Я ничего не мог слышать за шумом воды, но по движению губ понял — он проклял меня еще раз. В следующую секунду силуэт мелькнул на фоне реки и исчез.

* * *

Я запрыгнул на бетон. Внизу бурлил и крутился в водоворотах поток. Ничто не мелькнуло на его поверхности, только грязная пена водила свой бесконечный хоровод. Ни один пловец не смог бы здесь выплыть, тем более — раненый человек.

Тем более если нет желания жить и спастись...

Я отпрянул от обрыва. Гиблое Место вызывало какой-то безотчетный страх, к нему примешивались разочарование и досада — казалось, всё могло получиться по-другому. Эти чувства погнали меня обратно, к подножию сооружения. Я опустился без сил на землю, привалился к шершавому прохладному бетону.

Впереди, над Стадионом, громко треснуло. Вспыхнуло в небе разноцветье фейерверков, раздался восторженный рев толпы. Высоко и победно запел горн.

Сзади мощно и ровно гудела Капалла.

Я сидел между праздником и смертью, в образовавшейся пустоте, и не знал, что делать теперь со своей победой...

— Ма-а-арти-и-ин! — крик разорвал мою бесплодную пустоту. Через унылый пустырь, где еще недавно мчались мы с Вороном, бежала Ева. Ее волосы растрепались, сзади развевался длинный цветной шарф.

— Как ты? Где Ворон? Ты справился с ним, ты не ранен? — забросала она меня вопросами, едва приблизившись. Ева с трудом справлялась с дыханием, щеки покраснелись, глаза были наполнены неподдельной тревогой.

— Всё в порядке, Ева, — глухо ответил я. — Враг повержен, артефакт в надежных руках, народ чествует своего героя.

Коротко я поведал о встрече с Вороном. В небе с треском расцвело новое цветастое полотнище фейерверков.

— Герой сегодня Махмуд Алий. Он выиграл чемпионский титул, — улыбнулась девушка, успокаиваясь. — А ты одолел опасного маньяка. Об этом будут знать немногие, но те, кого мы посвятим, отдадут должное твоей победе. И уверяю тебя, эти посвященные будут стоить много дороже, чем толпа на Стадионе. Зачем тебе всенародная слава, Мартин? Народ вряд ли оценит твои усилия, скорее всего, даже не поймет, что произошло...

— Вот и я думаю, нужен ли людям Дагг-Ош?

— Не знаю, как людям, но вот нам... Всё складывается очень хорошо, Мартин, просто прекрасно... — Ева уже полностью успокоилась. — Ты понимаешь, что произошло? Ты теперь единственный человек, который владеет силой чудотворной сабли! Ты монополист! Кое-кому теперь придется это учитывать.

— Чем тогда я отличаюсь от сабли? Ведь это просто кусок металла, а ты хочешь, чтоб и меня использовали как инструмент? Может, лучше стать всесветным диктатором, как того хотел Ворон?..

Я горько усмехнулся, но Ева не приняла моей иронии. И не услышала моего вопроса.

— Глупости, Мартин! Какой диктатор, что за детские мысли? Ворон был опасным маньяком. Ты его обезвредил, и эта заслуга не будет забыта. Я позабочусь. Но всё это игрушки в сравнении с перспективами, которые открывает клинок. Только действовать надо умно — никаких диктаторских замашек, никакой самодеятельности. Сам видишь, чем заканчиваются попытки самочинно править миром. Против тебя встает система, объединяются службы... Чуть раньше, чуть позже тебя изловят. Или убьют.

На секунду она знакомо прикусила губку и продолжила:

— Нет, клинок должен достаться ведомству — АСА или тайникам, неважно. Но они будут лишь хранить саблю, а вот для применения пригласят тебя. И только тебя! Ну, а ты, надеюсь, не забудешь свою верную помощницу... — Девушка лукаво улыбнулась и тут же восхитилась: — Какие дела можно закрутить с помощью такой штуки! Только представь: политика, военные, да в любой сфере... С аристократами теперь можно будет разговаривать совершенно иначе.

Глаза девушки сияли. Она уже видела головокружительные комбинации, грандиозные интриги и мировые скандалы. Она уже раскручивала их... Ева горела желанием отомстить и утереть нос своим давним обидчикам.

— Да, сила в сабле заключена — твоим покровителям и не снилось. Можно ею так махнуть, что полмира изменится. Но тогда насилие будет совершаться уже над тысячами людей. Ворон, похоже, был школьником в сравнении с твоим размахом...

— Конечно! Ворон — авантюрист-недоучка, местечковый буонопарте! Что он мог придумать оригинального? Стащить деньги из банка? Посадить в магистрат своего поверенного, который наградил бы его орденом Святого Бенедикта? Нет, мы используем клинок по-другому. Все будут довольны, уверяю тебя. Мы ведь не злодеи и думать будем не только о себе. Мы поставим клинок на службу государству!

— Ева, Ева! — попытался я докричаться до нее. — Подумай, какое страшное оружие мы пустим в мир, отдадим в чьи-то руки! И чьи это будут руки? Ты уверена, что Дагг-Ош всегда будет использоваться — ну хотя бы во благо Республики? Но даже в Республике есть аристократы, и есть воспитанники приютов... И стремления у них разные, и чаяния разные...

— Не волнуйся, Мартин. Я всё продумала, ошибки не будет. Сейчас нам необходимо как можно скорее попасть в отдел. Начнем с Аусбиндера — хоть он и дурак, но у него есть связи, и я знаю, как их использовать. Как лучше отсюда выбраться?

— А как ты вообще нашла меня?

— Лили сказала о вчерашнем звонке, — отстраненно ответила девушка, мысли ее уже были далеко. — Нашла телефонистку и вытрясла из нее содержание разговора. Остальное просто, жаль только, опоздала. Может, разговор с Вороном сложился бы иначе...

«Если бы здесь сейчас была Ева, мы, возможно, смогли бы договориться...» — вспомнил я. И далее: «Ты тоже не найдешь счастья с Дагг-Ош, боль и несчастья будут тебе наградой».

— Я не хочу нести клинок в АСА, Ева, — тихо проговорил я. — Я не хочу отдавать его тайникам. Не за это сложил голову Стефан...

— Вот как? — Что-то изменилось во взгляде моей верной помощницы. Мелькнул в них образ нелепого дворника, метущего пустынный заснеженный двор.

Если война ступила на порог, сожги свой дом и будь готов отдать всего себя борьбе. А если война перешагнула через порог? Если пожар уже бушует внутри?

— Я что-то не понимаю вас, Зрячий? — Глаза Евы стали холодными, как тот снег, что я усердно мел в своих видениях. Подбородок упрямо задрался кверху. — Куда же вы собрались его нести? Вы с честью выполнили ответственное задание, теперь время получить с этого проценты. Только надо довести дело до конца. Ну же, Марти-и-ин...

Ева видела во мне капризного ребенка, а сама уже просчитывала варианты, строила комбинации. А я думал, что всё это чертовски несправедливо. Всё: смерть друзей и врагов, планы самой дорогой мне женщины, всё то, что могло случиться скоро со мной и моей подругой-саблей. Да и со многими другими людьми тоже.

Когда война ступила за порог...

Я давно заметил достаточно широкую щель между бетонных плит. Клинок прошел туда ровно на две трети длины. Прошептал: «Прости!» — я навалился всем телом на эфес, сталь громко хрустнула, и обломок клинка жалобно звякнул о мостовую. Быстро подобрав его, я закинул останки сабли в бурлящий поток Капаллы. Прощай, подруга...

Ева застыла на месте, на миг лицо ее стало растерянным, но тут же закаменело:

— Вы только что совершили очень большую ошибку, оператор. Самую большую в своей жизни. Непоправимую... — промолвила она, глядя куда-то поверх моей головы.

А потом повернулась на каблуках и пошла прочь. Развевался на ветру цветной веселенький шарфик.

Прочь уходила моя любовь. Будущее, еще недавно обещавшее стать блистательным, наполниться необычными и яркими делами, закрывалось теперь серой пеленой. Я выиграл схватку с врагом, но проиграл бой.

Что ж, так тому и быть. Я не могу занять место Ворона в играх наших веселых служб. И в головокружительных планах моей очаровательной Евы Марии тоже не могу.

Не могу и не хочу, уж извините...

Эпилог

Директор тринадцатого отдела АСА господин Ганс Аусбиндер-Меерштрассер-Ладенау-цу-Беккрештоккер-цу-Грюненвальден... и прочая, и прочая — попробуйте-ка выговорить без запинки все имена высокородного аристократа! — смотрел, как обычно, поверх моей головы. В точку, известную ему одному, где он мог наблюдать нечто важное и сокрытое от глаз всех остальных людей. Может быть, он видел там смысл и результат всего того, чем мы здесь занимались.

— Таким образом, оператор Мартин, — продолжил он свою мысль, — результат предпринятых вами усилий признан в Ставке неутешительным. Оба артефакта, и тот, что существовал в виде сабли, и тот, который был кинжалом, утрачены. Автор уникальной методики погиб, и как он достиг результатов, мы не знаем. Я правильно понял суть вашего отчета?

— Совершенно правильно, господин директор, — подтвердил я, и он удовлетворенно кивнул.

Шел третий день после поединка с Вороном. Я написал подробный отчет, и началась бесконечная череда бесед, а лучше сказать — допросов, во время которых меня придиристо расспрашивали вначале чиновники АСА, а потом тайники. Никого из них я не знал, все они были из соответствующих главных управлений. Пришлось соврать, что оба клинка оказались уничтожены во время схватки. Во всём остальном я ни на миллиметр не отошел от истины.

Никто не уличал меня во лжи, никто не ссылался на показания Евы, которая могла бы пролить свет на обстоятельства исчезновения Дагг-Оша. Я тоже обошел молчанием ее появление в Гиблом Месте. Как будто и не было этой нашей встречи...

И еще — я ни словом не обмолвился о том, что разгадал орнаменты на ножнах, понял новый принцип управления информационными структурами. Уникальная пара погибла безвозвратно, без нее методика мертва, так кому нужны все эти перипетии? И меня опять никто не поправил. Как видно, Ева молчала. Дворянка не любит проигрывать, а для нее мой поступок равносителен поражению.

В кабинете повисла пауза. Помимо нас с директором здесь находился специальный агент Серый — с забинтованной головой, сбежавший, как я подозреваю, из госпиталя раньше времени. Он стоял у окна и внимательно разглядывал что-то за вымытым стеклом, не вмешиваясь в беседу.

— Проведение каких-либо исследований в этом направлении признано нецелесообразным. Тема закрыта. Но вы же понимаете, Мартин, делом живо интересовались в верхах. Да что там, — директор вяло махнул рукой, — я ведь сам писал отчеты. Теперь нами недовольны и желают заклятия агнца...

Он пожевал сухими губами. Выглядел патрон неважно: осунулся, под глазами залегли тени, а во взгляде читалась смертельная усталость. Наверняка у старика были собственные планы в отношении Ворона, и, наверное, обширные.

— Тринадцатый отдел расформировывают. В Ставке сказали, мол, это давно спланированная акция. Дескать, не укомплектован штат... Будто могли знать заранее о гибели Стефана. — Он горько усмехнулся. — Вас переводят в другое место, а мне... Мне намекнули на возраст и былые заслуги.

Вот, значит, как! Господина Аусбиндера в отставку, меня с глаз долой, в какую-нибудь глушь, а то, что устранена серьезнейшая угроза обществу, вроде уже и забыли. А разве могло быть иначе? Не судят только победителей...

А может, и не было никакого Ворона? Его таинственной методики, старинной сабли? И Корга, и скрипачек из «Bluesafé», и ребят из «Спаты» и «Елмани»... Поставшего на набережной, павших агентов...

— Эйдельмана, Венеру и Патоку переводят в двенадцатый, — продолжал скучным голосом господин директор. — Вы получаете назначение в подотдел Брокскена, приказ подписан. Это небольшой городок, расположенный... Что такое?

Виной последней реплики послужила моя неудачная попытка сдержать смех. Вот как! Можно будет зайти в гости к престарелой госпоже Сантос, передать привет от дочери!

— Извините, господин директор, — поправился я. — Мне известно, где расположен этот город. Я слышал, госпожа региональный эксперт...

— Не надо, — раздраженно прервал меня бывший патрон. — Не будем о госпоже региональном эксперте. У нее свои обязательства перед Управлением Экспертного отдела и свои проблемы...

Что-то они не поделили между собой, высокородные. Но мне какое дело, я сейчас пойду собирать вещи. Невелик труд — маленький чемоданчик, дел на полчаса. Надо обязательно купить у толстяка Юлека ящик моих любимых папирос. Так хоть будет повод нанять носильщика на вокзале. Иначе неприлично — оператор с маленьким чемоданчиком в руках...

— Вы ничего не должны отделу? — вернул меня к действительности голос бывшего начальника.

— Нет, господин директор. Ножны от клинков я сдал леди Макензи под роспись, как и приказано. Операционная свободна, инструменты я забрал.

— Вот и славно, оператор. Я вас больше не задерживаю.

— С вашего позволения пойду и я, дел много, — раздалось от окна.

Грузная фигура приблизилась, лицо у Серого сохраняло нейтральное, даже скучное выражение. Не удивлюсь, если узнаю, что господин специальный агент разобрался во всей этой истории гораздо лучше, чем все остальные участники. Он очень хорошо умеет слушать, а еще более того — слышать. Порой даже то, что не произнесено.

— Конечно, господа, ступайте... — проронил директор. Его мысли были уже далеко.

За дверью агент придержал меня за локоть:

— Одну минуту, Мартин. Не буду рассыпаться в соболезнованиях, нам это не к лицу. Решение принято, а мы с вами подчиняемся приказам. И всё же хочу, чтоб вы знали. История еще более сложна и запутана, чем кажется. Есть у нее двойное дно...

Я отстраненно смотрел на тайника. Какое мне теперь дело до всех ваших интриг и сложностей? Я еду в Броксен! На ближайшем поезде! И разбирайтесь тут сами, как хотите...

— У меня есть информация, — продолжал специальный агент, стараясь не обращать внимания на выражение моего лица, — за Вороном стоял кто-то, человек с самого верха. Вы понимаете, что это значит?

Я молчал.

— Ну же, Мартин! — тормозил меня Серый. — Ворон не был маньяком, психом-одиночкой или кем-то в этом роде! Ему было обещано... Его использовали в определенных целях, и с этими людьми предстоит разбираться...

— Боюсь, господин Серый, возиться со столичными проблемами вам придется без меня. От Брокскена до Капиталлы триста километров... Как вы себе представляете мое

участие?

— Я не осуждаю ваш поступок, — промолвил тайник, и я понял, что ему известно, как был уничтожен Дагг-Ош. Черт возьми, и откуда он всё знает? Но Серый продолжал: — Я бы этого не сделал, но уважаю ваше право поступать так, как велит совесть. Однако игра не закончена, более того — она еще только начинается. И понадобятся игроки — решительные, думающие, опытные... При необходимости все вопросы можно уладить...

— Не в этом случае, — я усмехнулся и с удивлением отметил, что в душе ничего не ворохнулось. — С сегодняшнего дня я штатный оператор заштатного подотдела, не более того. У меня теперь свои заботы, задачи и свои маленькие радости. Не до высокой политики, знаете ли...

— Зря вы так, Мартин. — Специальный агент смотрел осуждающе. — Я на вас рассчитывал.

— Жаль, не оправдал вашего доверия... — С этими словами я резко повернулся и начал спускаться по лестнице.

Агент остался стоять на месте, глядя мне вслед.

Незаменимых людей нет, зато охотников стать неизменными помощниками властей предержащих полно. И полно в мире загадочных предметов и необычайных явлений, подходящих для этого. Найдут дурака — бегать, искать, сражаться... Передвигать фигуры где-то наверху...

А я — просто оператор АСА, теперь из маленького подотдела. Хотя так ли уж «просто»? Теперь мне доподлинно известно, что миром правит загадочное триединство: бой, танец и любовь. Три стороны, три грани единого процесса бытия.

Проживай каждый день как бой — со всей страстью, неистовством и яростью чистого сердца! Если взялся за оружие, иди до конца, будь то клинок или вектор. Но не одной схваткой живет человек.

Танцуй по жизни — победу приносит легкость и грация! Внутреннее состояние, как говорила Венера. Стань умелым: танцы и балет — великий труд. Отточенные движения, до миллиметра выверенные па, холодный расчет в горячечном буйстве прыжков и кручений... В призрачном мире энергетических каналов... Процедура тоже танец, но одного порхания мало.

Люби. Любовь — кровь и суть жизни, ее сердцевина. Без нее бой обращается в бесцельную бойню, а танец — в пустое кривлянье или скотскую похоть. Впрочем, что есть любовь, вам лучше спросить у поэтов.

Ворона из меня не получилось, да и не стремился я в мировые диктаторы. Но и прежним быть уже не смогу — хоть в Брокскене, хоть в столице, да хоть у черта на рогах. Ну и ладно, жизнь всё расставит по своим местам...

Вот только найти бы еще женщину, похожую на Еву.

Пролог

ПРОЛОГ

Каждый, кому довелось побывать в столице, знает: Капиталла делится на две части, как разрезанное пополам яблоко. И темп жизни там различается, как течение реки на стремнине и где-нибудь в тихой заводи. Деловой центр высится громадами многоэтажных строений —

банки, конторы, отели. Сияет вывесками дорогих магазинов, гудит клаксонами авто. Жизнь там кипит, захватывает и мчит человека, словно осенний палый лист.

А на окраинах города всё совершенно иначе. Узенькие улочки петляют между уютными домиками старой постройки, раскрашенными в теплые цвета. И перед каждым обязательная клумба с нарциссами и гиацинтами. Вдоль мощеных тротуаров тянутся старые развесистые липы. Тишина, покой, аромат цветов...

В обеденный час здесь не встретишь даже прохожих, добропорядочные люди обедают в кругу семьи. Честные граждане наслаждаются блюдами домашней кухни — борщами и солянкой, отбивными на ребрышках и бифштексами, салатами и сложными гарнирами — кому что нравится. Но в этот раз не все жители окраины предавались праздному чревоугодию.

В тени лип по тротуару шествовали двое мужчин. Один чуть впереди: высокий, с волевым, но угрюмым лицом, он вышагивал широко и размеренно. Из-под шляпы, надвинутой на лоб, выбивались черные волосы, густо припорошенные сединой. Хрящеватый длинный нос напоминал клюв хищной птицы. Фигуру скрывал просторный темный плащ до пят, а на плече висел тубус, какими пользуются чертежники, но больших размеров.

Второй, среднего роста и обычного сложения, выглядел как типичный молодой маргинал городской окраины: потертые кожаные штаны, заправленные в стоптанные сапоги, бесформенная рубаха, утратившая свой первоначальный цвет. Давно не мытые длинные волосы были схвачены сзади в хвост, а щеки покрывала трехдневная щетина. Молодой человек пытался идти расхлябанной ленивой походкой, но, чтобы не отстать от старшего товарища, ему всё время приходилось ускорять шаг, и парню это явно не нравилось.

— Слышь, дядя, долго еще топать-то? — ухмыльнулся молодой спутник. — Укромных мест мало? Да здесь за любым углом...

— Не бренчи, — резко оборвал старший. — Уже почти пришли. За любым углом нельзя.

Его пронзительные недобрые глаза внимательно ощупали улицу и нашли мясную лавку на углу. От одноэтажного домика с незамысловатой вывеской, изображавшей сочную вырезку, улица уходила вбок, а сразу за лавкой зеленела плотная стена живой изгороди.

— Здесь, — сказал старший и подвел спутника к узкому проходу в густом колючем кустарнике.

Внутри оказалась обширная ровная площадка, заросшая невысокой травой. Было ясно, что люди сюда не заходят — трава имела совершенно нетронутый вид, то тут, то там синели васильки. Высокие кусты живой изгороди надежно укрывали пустырь от чужих глаз, лавка мясника осталась в стороне, никаких других строений поблизости не наблюдалось.

— Ну, вот здесь и расположимся. Нравится, Сиг? — обратился старший к напарнику.

— Нормально, — нехотя протянул тот. — По мне, так хоть посреди площади, лишь бы топтать недалеко. Но раз уж привел, будем здесь.

Старший бережно устроил на траве свою ношу, аккуратно сложил плащ и шляпу. Теперь стало видно, что это сухощавый, легкий в движениях мужчина в просторной, не стесняющей движений рубаше и широких штанах. Он перехватил ленточкой длинные темные волосы на затылке и принялся за содержимое тубуса.

Оттуда появились два клинка без ножен, обмотанные ветошью и обвязанные бечевкой. Мужчина быстро размотал ветошь, и на свет появился индийский тальвар — широкая и длинная сабля с небольшим изгибом к обуху. Обоюдоострое утолщение в конце клинка — елмань — придавало оружию вид грозный и внушительный. Бочкообразную рукоять

украшало традиционное для этих сабель навершие в виде диска. Старший отложил тальвар в сторону, а спутнику протянул спату, прямой метровый клинок с заточенным острием, которым удобно наносить колющие удары. Массивная крестовина без украшений, рукоять, перевитая сыромятной кожей, навершие в виде шара — никаких изысков.

— Ты вроде к такому привык? — Старший посмотрел на товарища с легкой усмешкой. — Уговор помнишь?

— Что тут не помнить... Деньги принес?

— Сразу по окончании развлечения всё сполна. Так ведь договаривались?

— Ну да... — неохотно протянул Сиг, но, взяв оружие, оживился. — Хороший меч, таким работать одно удовольствие. Слышал я, дядя, что способен ты доставать правильные клинки, теперь и сам вижу. Ну, давай...

Рубанув несколько раз воздух для разогрева, а также чтоб почувствовать клинок, бойцы встали в стойку. Первые осторожные пробы — звякнула сталь. Поединчики сместились, двинулись по кругу, внимательно наблюдая друг за другом. Каждый примеривался, рассчитывал дистанцию, скорость, выбирая момент для атаки. Чувствовалось, что оружие в умелых руках: мужчины двигались с той особой грацией, что появляется в результате длительных и упорных упражнений.

Сиг не торопился, двигался как бы с ленцой. Охота дяде потеть в жару, и пусть его — главное, платит звонкой монетой, без обмана. Правда, и медлительность его, и расслабленность были кажущимися. Защитив свою жизнь в десятке поединков, этот неказистый с виду парень умел драться.

— Ну давай, давай, дядя, — подначил он. — Покажи мастерство... Сабелька у тебя знатная, а вот как ты умеешь с ней управляться?..

Старший не ответил, настроен он был более решительно. Лицо, и без того мрачное, стало и вовсе жестким, напряженным и сосредоточенным. Глаза сузились, выбирая место на теле соперника, куда вопьется тальвар. Боец нехорошо усмехнулся.

Бросок был стремительным. Рубящие вертикальные удары чередовались с секущими диагональными, справа и слева, потом опять рубящий удар сверху и снова горизонтальный. Клинок превратился в сверкающую разящую молнию. Но Сиг ловко переступал, уходя с линии атаки, уклонялся, успевал отражать удары скуными сбивами, не подставляя спату жестко под атакующий клинок.

Дистанция между поединщиками увеличилась, и они вновь пошли по кругу.

— Ты осторожнее, дядя. — Сиг чуть запыхался. — Больно прытко начал...

— Договор был друг друга не жалеть, не так ли? Всё по правилам...

Последовал неожиданный и молниеносный выпад. Тальвар больше предназначен для рубки, но из-за небольшой кривизны клинка им можно колоть. Сиг успел увернуться, подставив свое оружие и изменив направление атаки, но всё же полностью уберечься не смог. Хищный зуб тальвара распорол рубаху, рассек кожу на боку. Теплая липкая кровь потекла из раны, и, почувствовав ее, молодой негодуя изогнул брови:

— Эй! Потихе, дядя! Ты в своем уме? Мы так не договаривались...

Закончить он не успел. Старший боец вдруг неувовимо изменился: лицо застыло, черты заострились. Вмиг отяжелевшие веки прикрыли глаза, но это никак не сказалось на его проворстве. Наоборот, он стал двигаться еще быстрее, удары посыпались на противника — размашистые, хлесткие, точные. Атакующий неувовимо менял направление, и косые секущие удары мгновенно переходили в горизонтальные или вертикальные.

С молодого бойца слетела вся его ленивая расслабленность. Он понял, что сейчас, на этом уединенном пустыре, защищаться придется всерьез, и теперь рубился в полную силу. Тальвар скрестился со спатой не на жизнь, а на смерть.

Сиг жестко отбивал атаки, надеясь использовать длину клинка и достать противника в молниеносном выпаде, но сделать этого не мог. В последний момент тот уклонялся неуловимым движением, похожим на танцевальное па, и тут же отвечал новой серией рубящих ударов, принуждая Сига всё больше уходить в оборону, пятиться.

Силы молодого поединщика начинали иссякать. Фью-у-у! — свистнул тальвар, и на груди бойца расцвела алая полоса. А сабля, повернутая легким кистевым движением, уже летела обратно, на добивание. Сиг ушел в низкий присед, пропуская ее над головой, и тут же получил сильный тычок ногой в бок. Упал, перекатился, попытался встать, но схлопотал новый удар эфесом в висок. В глазах поплыло, тело повело в сторону. В следующий миг волна острой боли обожгла спину, разрезала надвое, затопила сознание...

...Страшный сабельный удар настиг со спины. Боец выгнулся, как в судороге, хриплый клекот вырвался из горла. Но старший с мертвым лицом рубанул еще раз, потом еще и еще. Тело рухнуло на истоптанную траву, орошая всё вокруг кровью, но убийца продолжал свою страшную работу, превращая уже мертвого противника в груды изрубленной плоти.

Наконец он остановился. Отошел от мертвеца, покачиваясь, тяжело и надсадно дыша, с ног до головы покрытый чужой кровью, опустился на землю и, казалось, задремал: голова свесилась на грудь, руки плетями упали вдоль тела, сабля выскользнула из ослабевшей кисти. Какое-то время он пребывал в неподвижности, но постепенно дыхание его выравнилось, плечи распрямились. Через несколько минут человек упруго вскочил на ноги.

Дальше он всё делал быстро и сноровисто, не обращая ни малейшего внимания на мертвое тело: собрал оружие, тщательно вытер клинки, руки и лицо ветошью, извлеченной из тубуса. Аккуратно обмотав оружие, спрятал его вместе с испачканной ветошью обратно. Оставалось только нахлобучить пониже на лоб шляпу и закутаться в плащ, что и было сделано. Теперь ничто не выдавало его участие в страшных событиях, разыгравшихся здесь совсем недавно.

Мужчина еще раз внимательно оглядел пустырь, проверяя, не забыл ли чего, и, убедившись, что всё в порядке, двинулся к проходу. «Нет, не то! Всё-таки это не то, и делать надо не так...» — прошептал он сам себе, уходя и отрицательно качая головой. Колыхнулись ветви кустов...

Три часа спустя мальчуган, отправленный мамкой в лавку дядюшки Эдварда за гусиными потрошками, решит сократить путь — пройти со стороны пустыря. Он и обнаружит изрубленное тело с тучей выющихся над ним черно-зеленых жирных мух. Прибывшего на место полицейского чиновника, бывалого служаку, повидавшего на своем веку всякого, чуть не стошнит от вида страшной находки. Документов либо чего-то еще, что помогло бы установить личность убитого, на теле не найдут. О происшествии сообщат по инстанции, дело ляжет в дальний ящик стола дознавателя. До лучших времен...

Часть 1, глава 1

ЧАСТЬ 1. СЕНС

Глава 1

Бульвар Усталых Грез, тенистый и притихший. Милая старозаветная окраина

Капиталлы, что зовется Предместьем. Ток времени здесь как бы замедляется, а сама ткань его густеет, становится более плотной, почти осязаемой. Станьте в тени раскидистой липы, замрите, затаите дыхание и прислушайтесь, — и вы услышите мерную поступь столетий по щербатым мостовым.

Я снимаю комнатуху на улице Заплутавшего Счастья. Каждое утро покидаю сумрачную прохладу подъезда и коротким переулком Одинокой Мечты прохожу на бульвар Усталых Грез. Я люблю эти неспешные улочки с уютными одноэтажными домиками под черепичными крышами.

Здесь соседи знают друг друга по имени и чинно раскланиваются при встрече. Здесь «блошинные» рынки, где продают всякую всячину и где можно торговаться до упада из-за старого поломанного велосипеда и купить-таки его, совершенно ненужный, задешево. Здесь бегают красная дребезжащая конка, которая довезет вас всего за три монетки от Парка до Стадиона, и усатый добродушный кучер обязательно пожелает доброго здоровья и всяческих успехов.

Я иду по чисто выметенному тротуару под сенью старых лип. Вот аптека, где заправляет дядюшка Илларион. За двадцать минут он приготовит любое снадобье: от мигрени и насморка, от подагры и радикулита, от несчастной любви или для процветания в делах.

Вот антикварная лавка старины Поля, которую он открыл задолго до моего появления на свет. На витрине старинные кинжалы, чайный набор и картина неизвестного автора. Поль утверждает, что это работа самого великого Откена, но подобное заявление полностью на его совести.

На углу улиц Усталых Грез и Розовых Очков лоток — пожилой астматический толстяк Юлек торгует здесь газетами и табаком. Я каждое утро беру у него коробку крепких папирос с летящим всадником на этикетке, он меня давно запомнил и готовит товар, лишь только завидит, и всегда предлагает в придачу «Политик Ревю».

Я отказываюсь, политика меня не интересует, но он предлагает всё равно. Мы обмениваемся несколькими фразами о погоде и здоровье — это стало традицией, неким ритуалом, который мы добровольно, но очень тщательно соблюдаем.

Чуть дальше расположена известная пивная «Пена». Здесь собираются местные знаменитости: самый ловкий карманник Капиталлы и непререкаемый авторитет в этой области Антонин Кисть, предводитель разномастных рыночных жуликов Ганс Сундук. А порой заходит неуловимый налетчик, легендарный Лорд Железный Коготь, гроза ростовщиков и содержателей ломбардов Предместья.

Через десять минут неспешной ходьбы улица выводит на проспект Свершений. Здесь всё по-другому — вас оглушит какофония звуков: топот копыт и шелест шин, протяжные крики извозчиков, рев моторов и резкие гудки клаксонов новомодных авто. Пронзительной трелью взрывается свисток полицейского — в ярко-синем мундире и ослепительно белых перчатках, он стоит в меловом круге посреди дороги незыблемым символом закона.

Толпы горожан, нескончаемым потоком идущие по тротуарам, создают тот неповторимый колорит большого города, который невозможно спутать ни с чем. А вдоль тротуаров разряженные, как новогодние елки, модные магазины, чопорные офисы, строгие банки, тяжелые строения муниципальных служб. Кажется, старые дома задумчиво наблюдают за прохожими.

Здесь царит дух деловитой напористости. Именно тут накапливаются деньги столицы, рождаются новые возможности, реализуются грандиозные проекты и авантюры. Или не

реализуются. Словно в некой огромной кастрюле, варится тут удивительный бульон под названием «благосостояние нации».

Молодые мужчины и женщины с жадными холодными глазами, дежурными улыбками и цепкими пальцами штурмуют мир больших денег. Кто-то добирается до вершины и получает право смотреть на сограждан свысока, кто-то срывается и летит в пропасть — обдирая кожу, ломая кости...

Вечером проспект заливают сияние электрических огней. Днем здесь деньги зарабатывают, вечером их тратят, стараясь получить максимум удовольствия. В шикарных ресторанах, модных кафе и закрытых клубах идет горячее болезненное веселье, когда самые грубые и низменные забавы соседствуют с самыми изысканными и утонченными развлечениями.

Экономикой я тоже не интересуюсь: не бегу вдогонку за птицей удачи, не принимаю участия в марафоне, где призами будут дом в престижном районе и именной счет в Мировом банке. Я двигаюсь между этими двумя мирами: сонным Предместьем и лихорадочным Центром — и не принадлежу ни одному из них. Они не властны надо мной, у меня своя судьба.

Мало кто пожелает поменяться со мной местами. Я — оператор Агентства Социальной Адаптации.

* * *

Утреннее путешествие заканчивается около неброского здания с затертой табличкой над входом. Может, по прихоти судьбы, а может, умышленно, следуя конспиративным планам первых руководителей проекта, трехэтажный особняк АСА теряется между двумя гигантами.

Справа расположена громада Мирового банка: циклопическое изображение земного шара на фасаде здания поражает воображение даже привычных ко всему иностранцев.

Слева — новомодный магазин «Вижу цель» с огромным макетом артиллерийского прицела под крышей — и не думайте безнаказанно пройти мимо, невидимый пушкарь вам этого не простит! В ассортименте есть всё: от булавок до стиральных агрегатов на электрической тяге, и вам не уйти от стрелка с пустыми руками.

На этом фоне особняк Агентства выглядит более чем скромно. У нас вообще не любят внешних эффектов, зато внутри всё очень благопристойно. На первом этаже небольшой зал для клиентов и приемная: глубокие удобные кресла, пальмы, столики с журналами. Бассейн с фонтаном и обои спокойных тонов создают атмосферу покоя и психологического расслабления. Это важно.

В приемной — миловидные улыбчивые девушки в униформе с логотипом АСА: стилизованный глаз на шахматном поле. Девушки выслушают вас со вниманием и сочувствием, проникнутся вашими проблемами, помогут составить заявку. А если до приема остается время, предложат посидеть в уютном кафе, где посетителю подадут горячий чай и свежие хрустящие булочки.

На втором этаже расположены бухгалтерия, вспомогательные службы и ряд глухих дверей, почти всегда закрытых. Владельцев этих кабинетов мы видим редко, но значение их для жизни Агентства огромно. Наконец, на третьем — начальство.

Я проскальзываю через прихожую, минуя зал, иду коротким боковым коридором и

ныряю в малозаметную дверь в приемной. Это диспетчерская, и дежурит сегодня Лили, симпатичная девушка, общение с которой всегда улучшает мне настроение. Лили приветлива и улыбчива, и я теряюсь в догадках — то ли нравлюсь ей, то ли она легкий и отзывчивый человек по природе.

Скорее второе, внешность-то у меня самая заурядная: рост чуть выше среднего, никаких рельефных мышц, ничего от расхожего образа мужской привлекательности. Сухощав, подвижен, порывист. Да и лицом — не герой синематографа, увы. Глаза серые, скорее водянистые, брови — светлый пух, волосы цвета спелой ржи, но жидковаты. Всегда завидовал мужчинам с буйной растительностью на голове. Чтоб грива до плеч, усы роскошные... Не дал бог.

В общем, ничего примечательного. Но известен мне секрет обаяния — улыбайся! Будь приветлив, не хмурь брови! Не переносу серьезных людей — все беды от них. Такой всем видом своим показывает — я один знаю, как правильно! Лопается от осознания собственного величия, значимости мыслей, слов и свершаемых деяний.

Даже когда в голове пусто, слова еще не родились, а до поступков дело может и вовсе не прийти...

В приюте, где я воспитывался, простые истины вколачивали доступными методами. Стал чересчур серьезным, заважничал, посматриваешь на окружающих свысока — по ушам! Не усвоил урок — «темная». И так, пока не дойдет до спинного мозга: ты здесь равный, но не лучший.

И если что-нибудь умеешь, доказывай делом. Не пустословием, не цветастыми фразами и громкими обещаниями, а поступками. А если всё-таки пообещал — умри, но выполни. Потому что цена слова у приютских очень высока. Улыбайся и делай, даже когда силы на исходе и злые слезы закипают на глазах.

— Здравствуйте, Мартин, — улыбается Лили мне навстречу, — рада вас видеть. Проходите в операционную, клиент уже ожидает. — Тут она заговорщически подмигнула. — Директор у себя и пока не показывался...

— Здравствуйте, Лили, — улыбаюсь в ответ и я. — Вот увижу вас, и солнце светит ярче, и тучам не остается места в небе! А что до старой перечницы, нашего директора, так я сегодня вовремя...

Руководитель имеет обыкновение наведываться в приемную в самом начале рабочего дня. У опоздавших сотрудников нет ни малейшего шанса проскочить незамеченными, так как директор почитает пунктуальность первейшей добродетелью служащего Агентства.

— Даже пять минут в запасе, — смеется Лили, — но я всё равно не люблю, когда он приходит. Станет за спиной и дышит в затылок, как цапля на охоте, а я поневоле начинаю чувствовать себя лягушкой...

— Если б все лягушки были столь очаровательны — я б жил на болоте! — восклицаю с жаром.

— Скажете тоже, оператор, — кокетничает Лили. — Но вообще мне показалось, что сегодня директор чем-то озабочен. Проскочил насупленный, еле кивнул в ответ... Обычно он так себя не ведет — всегда здоровается: «Как дела, Лили?»

— А как вы думали — большое начальство, большие заботы... — смеюсь я и прохожу дальше.

Вторая дверь, обитая металлическими полосами, пропускает меня в маленькую комнатку, где на складном стульчике сидит здоровяк Тодд по кличке Столб. Этот

добродушный малый в форме охранника и с револьвером на боку держит здесь пост. По хорошему надо предъявлять пропуск, но меня Столб знает и не придирается.

Тодд, как и я, воспитывался в приюте и не имеет фамилии. В его понимании я символ человека, достигшего в этой жизни определенных высот, невзирая на сиротскую долю, и это вызывает его уважение и дружеское расположение.

К тому же мы оба увлекаемся боксом и оба страстные поклонники чемпиона мира в тяжелом весе Махмуда Алиа. Тодд сам не чужд кулачной забавы и по выходным выступает в Народном ринге. Как многие крупные люди, он выглядит добродушным, даже чуточку медлительным, но впечатление это обманчиво. При случае охранник ударом кулака легко своротит скулу любому.

— Привет, Тодд! В эти выходные Алий бьется с Хорхе, и я догадываюсь, на кого ты поставишь. У нашего парня убойная правая, Хорхе придется туго! — Спортивное событие будет предметом обсуждения всю предстоящую неделю.

— Привет, Мартин! Видит бог, против этой правой мало кто устоит! — Столб возбужденно потирает ладони. — Через верного человека я уже заказал себе билет на стадион. А как вы?

— Честно говоря, пока нет, но что-нибудь обязательно придумаю...

— Может, поспособствовать?

— Не стоит, дружище, справлюсь сам.

Тодд стремится поддерживать со мной хорошие отношения еще и потому, что у нас есть маленькая тайна. Вернее, тайна его, а я — поверенный. Хранитель и сообщник. Но об этом как-нибудь после...

С поста охраны крутая лестница ведет на глубину трех метров под землю. Здесь располагается узкий коридор с тремя безликими дверьми без табличек. Открываю своим ключом ближнюю — и вот я в операционной. В груди появляется легкий зуд, приятное нетерпение, почти как перед свиданием. Конечно, встреча с симпатичной девушкой — это не работа, это... Ох, ну кто из нас не знает, что такое свидание?! Только вот и перед встречей с клиентом я испытываю этакое томление духа. Радостное ожидание и предвкушение того основного, ради чего хожу в Агентство, — операции.

* * *

Не подумайте, что мы режем людей, к хирургическим операциям наше ведомство не имеет никакого отношения. И всё-таки здесь находится основная, самая главная часть Агентства. Именно здесь мы проводим операции по коррекции судеб людей, помогаем изменить жизненный путь человека, строим его будущее. Называйте как хотите. Я чуть позже постараюсь объяснить, чем именно мы занимаемся и как это делаем, но сейчас не до того — надо работать.

Стол пуст, если не считать листочка заявки на операцию адаптации, заполненную самим клиентом. Итак, что мы имеем:

«Карл Густав Бревиус» — недурно. Не потомственный аристократ, конечно, но наличие двух имен в Республике говорит об определенном социальном статусе. Буржуа средней руки, чиновник рангом не ниже мэрии, не исключены некоторые особые заслуги перед государством. Далее...

«Предприниматель». Расплывчатое, но самое распространенное определение в наше

непростое время. Предпринимать попытки, прикладывать усилия можно в какой угодно области. Например, разводить крокодилов в бассейне городского Парка на потеху публике. Или продавать секреты бабушкиных пирогов. А можно проворачивать головокружительные махинации на фондовой бирже. Ясно, что господин не хочет афишировать свой род занятий, но правилами это не возбраняется.

Далее. Возраст, подданство, вероисповедание... Всё понятно... Вот:

«Цель визита — адаптация в сфере предпринимательской деятельности... создания оптимальных условий для делового сотрудничества... конструктивного развития коммерческой активности... перспективного взаимодействия в инновационной сфере...» Уф! Явно не обошлось без девочек из приемной. Только они умеют так лихо закручивать формулировки.

Если сказать простым языком, то Карл Густав хочет быть уверен в честности партнеров, их заинтересованности в «перспективном взаимодействии» и опасается оказаться обманутым на кругленькую сумму.

В углу кабинета имеется шелковый шнур, конец которого тянется к колокольчику в приемной. Как только я готов к работе, даю об этом знать девушкам-консультантам, и они направляют клиента. Посетитель спускается на три метра под землю, но уже с другой стороны: лестница здесь более пологая и нарядная, двери отделаны красным деревом и пронумерованы.

Услышав деликатный стук, распахиваю створку. Обмен приветствиями, представление: «Если угодно, просто Карл». — «С удовольствием, но и я прошу вас — просто Мартин!» — и я усаживаю «просто Карла» в кресло.

Операционная представляет собой обычный кабинет пяти метров в длину, трех в ширину и двух в высоту. Плюс три метра грунта над потолком. Операторам нужна тишина, в определенные периоды работы — максимальная сосредоточенность, даже вдохновение. По той же причине приглушен свет.

До недавнего времени мы пользовались свечами, но сейчас электричество вытесняет прежние виды освещения повсеместно. На улицах почти не встретишь масляных фонарей, разве что в самых глухих уголках Предместья. Технический прогресс добрался и до АСА: на стенах появились бра с матовыми стеклами, а на моем столе — лампа под зеленым абажуром с кисточками.

Салатные обои, такой же ковер под ногами, зеленый цвет преобладает во всём. Известно, что он успокаивает нервную систему.

— Прошу вас, Карл, несколько слов — вы сомневаетесь в честности партнеров, хотите выяснить их намерения или для вас важнее оптимальное решение проблемы?

— И то и другое, Мартин. Сделка подразумевает сумму не астрономическую, но для меня это немалые деньги. — При этих словах «просто Карл» слегка вильнул взглядом, как видно, денежки на кону приличные. — Коммерция всегда риск, но хотелось бы иметь некоторую уверенность. Насколько это возможно...

— Количество партнеров?

— Трое.

— И все будут решать судьбу соглашения?

— Нет. Двое имеют статус младших партнеров с совещательными голосами. Окончательное решение за третьим, и меня больше интересует он.

— Определимся сразу, Карл. Я не смогу дать вам точный прогноз поведения этого

человека, предугадать, какие решения он будет принимать и как поведет себя в том или ином случае. Но я могу дать — и дам — анализ ситуации в целом, основное направление развития. Вектор, который может быть благоприятным или неблагоприятным для вас. И постараюсь подсказать, какие действия могут способствовать развитию событий в вашу пользу. Договорились?

— Безусловно, Мартин. Меня вполне устроит подобный результат.

— Когда вы виделись с партнерами?

— Вчера был предварительный тур переговоров, обговорили общие положения, даже, я бы сказал, намерения. Через два дня заключительная встреча, уточнение позиций и подписание.

Посреди операционной — стол, точно такой же, как и тысячи других в конторах и присутствиях Республики, и два кресла. Предназначенное мне — удобное рабочее кресло без каких-либо секретов, второе — для клиента. Оно несколько больших размеров, с подголовником и при помощи специального рычага может изменять свое положение, раскладываясь горизонтально, как кушетка.

— Хорошо, Карл. Теперь попытайтесь максимально расслабиться. — Я начал регулировать спинку кресла, укладывая клиента. — Вот так удобно? Немного выше? — секунду... Чудесно. Расслабляемся, Карл. Вы чувствуете, как ваше тело наливается приятной горячей тяжестью. Становятся горячими руки...

Стандартная процедура релаксации, только расслабление неглубокое. Именно для этого приглушен свет и в интерьере преобладают успокаивающие тона. Мне не нужно, чтобы клиент уснул или впал в транс, он должен сохранять ясное сознание, но быть при этом максимально расслабленным.

Подношу ладонь левой руки к темени Карла (левая рука воспринимающая, правая — дающая). На пальцы начинает давить поток энергии, подобный легкому теплему ветерку. Поток закручивается по часовой стрелке — я запоминаю этот факт. Пальцы слегка покалывает, энергия достаточно жесткая. Судя по всему, Карл Густав привык достигать поставленных целей. Тем лучше, больше шансов на положительный результат, а оценивают нашу работу именно по результату.

Потом устанавливаю ладони с обеих сторон головы, на расстоянии примерно десяти сантиметров. Вожу кругообразно — вначале в одну сторону, по часовой стрелке, потом обратно. Теперь сверху вниз: от темени, над шеей, к плечам, как будто скольжу, разглаживаю нечто упругое и одновременно мягкое. Ощущаю легкое сопротивление поля: я действительно разглаживаю его руками, это не просто поэтический образ.

Справа, на уровне уха, в ладонь болезненно «стреляет». У клиента проблема, небольшое воспаление, походя можно немного «подчистить». Но долго задерживаться и лечить ухо мне не с руки (в данном случае в прямом смысле!), я не целитель, проблемы здоровья меня не интересуют. Еще несколько скользящих пазов: я отрешаюсь сейчас от всего земного, затихают мысли, гаснут эмоции, тело становится невесомым. Дыхание глубокое, с короткой задержкой сразу после вдоха. Раз, два, три и...

Распахиваю объятия миру, на резком выдохе разбрасываю руки широко в стороны, как будто хочу обнять всю вселенную. Одновременно делаю глубокий медленный вдох через вытянутые трубочкой губы и сжатые зубы. В области крестца возникает раскаленный шар. На вдохе он начинает подниматься вдоль позвоночника, достигает черепа и взрывается там миллионом цветных искр, тупо отдаваясь в затылок горячим ударом. Я издаю хриплый стон.

Тело вытягивается в струнку, и, кажется, сейчас я воспарю над креслом с распластавшимся Карлом Густавом, над операционной, над особняком АСА...

Все мое существо наполняет неопишуемый восторг! Ради этих секунд стоит жить — мириться с господином директором, дружить с Лили и Тоддом, ходить ежедневно в Агентство. Ради секунд единения с потаенным смыслом, сокровенным содержанием наших судеб. Для того чтобы увидеть в конце вектор!..

Волна пьянящей радости накрывает меня и тут же стремительно отступает. Этот момент нужно уловить, почувствовать, в чем и заключается мастерство профессионального оператора. Чуть промедлишь — и миг чудесного перехода на новую ступень бытия будет безвозвратно упущен. Останется только память о волшебной возможности...

Вслед за «отливом» тело немеет, голова становится пустой и ясной. Наступает момент, из-за которого мы называем себя Зрячими.

— Карл, вы слышите меня? — Голос немного осип, во рту пересохло.

— Слышу... — слабо бормочет Карл, всплеск энергии не прошел незаметным и для него. Мои коллеги чувствуют точку прорыва на расстоянии: сотрясается ткань бытия, возмущение идет волнами, как от камня, брошенного в воду. Но и обычные люди ощущают нечто, краткий миг резонируют со мной, с каналами, с энергетикой мира. Чаще всего после этого развивается легкое оглушение.

— Прошу вас, Карл, начинаем работать. Вспоминайте вчерашний день, своих контрагентов, всех троих. Чем больше подробностей, деталей — тем лучше. Вообразите себе их внешность, жесты, постарайтесь услышать вновь, о чем и как говорилось во время встречи. Это очень важно...

Теперь многое зависит от самого клиента. Чем лучше у него зрительная память, воображение и способность к образному мышлению, тем легче будет мне. Похоже, у господина Бревиуса получилось, потому что я увидел — будто в кино.

Крест. Парусник. Копье.

Вглядываюсь, стараюсь различить детали. Не просто крест, а большой, темного дерева, стоящий у стены огромного полутемного зала. Стены выложены грубо отесанным камнем, маленькие оконца высоко под потолком, но это не темница, скорее зал старинного замка. Факелы на стенах. Блики от огня играют на гладкой поверхности дерева.

Взор скользит по кресту, по залу, упирается в низкую, окованную металлическими пластинами дверь. Та беззвучно растворяется, и открывается широкий обзор: внизу море, зажатое в подкову бухты, пристань, от причала отходит парусник. Ветер туго наполняет его паруса, трепещут флаги на мачтах, и за кормой остается пенный след. У двери лежит сломанное копье — свежий излом древка, сверкающий стальной наконечник.

Можно провести анализ увиденного: крест в общем смысле — затруднения и неудачи; полутемный зал, каменные стены, факелы — всё это характеристики ситуации. Намерения у партнеров серьезные с обеих сторон, они готовы к активным действиям. Отплывающий парусник символизирует предприятие с сомнительным исходом, пенный след за кормой — ненадежность и зыбкость.

Судя по образам, дело Карлу Густаву предстоит непростое, с гнильцой, а вот сломанное копье — это хорошо. Возможность успеха в результате настойчивых усилий. И дверь — возможность выхода, преобразований.

А теперь действовать! Хватаю в руки обломок копья и бросаюсь к пристани. Бежать приходится с горки, спуск крутой, тропинка неровная. Под ноги то и дело попадают камни,

выступающие корни растений, какой-то мусор. Тело ускоряет бег за счет инерции, земля чувствительно бьет в подошвы, дыхание перехватывает. Всё выглядит очень реально, я абсолютно уверен, что, если споткнусь, полечу кубарем и набью себе совершенно реальные синяки и шишки. Хотя всё это лишь череда образов...

В конце спуска всё-таки спотыкаюсь, нелепо размахивая руками, пытаюсь сохранить равновесие, и это мне каким-то чудом удается. И вот уже живым снарядом вылетаю на пристань, под ногами ровная надежная поверхность. На бегу, не снижая скорости, отвожу руку с копьём и за пару метров до кромки воды с силой запускаю снаряд вдогонку каравелле. Вкладываю в бросок всю мощь инерции движущегося тела!

Короткий посвист, тупой звук удара — копьё вонзается в корму. С дребезжанием вибрирует обломок древка со свежим сколом. Вот так — копьё моих благих намерений в корму ваших плутовских хитростей!

Потом неспешно поднимаюсь в гору, обратно к замку. По пути нахожу длинную прочную палку и, подойдя к двери, намертво зажимаю ее в открытом положении. Пусть вход и выход из ситуации будет свободным.

Всё, больше мне эти картинки не нужны. Мысленно помещаю галерею образов на школьную доску, ту, что была в моей приютской школе когда-то. Беру в руки влажную тряпку и всё стираю.

— Отлично, Карл, продолжаем. Теперь представьте себе хорошенько третьего, от которого зависит результат сделки. Постарайтесь увидеть его как можно ярче. Что он говорил, предлагал?

— Да, конечно... — Голос моего подопечного слегка плывет, и это хорошо. Значит, действительно пытается вспомнить и представить себе картину вчерашних событий.

— Какие предложения он вносил? Их последовательность, содержание... Помните?

— Да...

— Сколько было позиций?

— Всего четыре...

— Первая позиция! Вспоминайте!

Прикрываю глаза, концентрируюсь на точке между бровями. Вместо ярких образов в средневековом стиле появляется не такое красочное, но четкое серебристо-серое куриное яйцо. Оно правильной формы, с ровными краями, без изъянов и трещин. Это и есть образ устремлений партнеров моего клиента. Поскольку форма гармонична, то и намерения честны.

— Отлично! Вторая!

Второе яйцо слегка вытянуто кверху, немного больше в размерах. Тоже нормально, хоть и примешиваются тут какие-то попутные интересы, но они для клиента не опасны. Между образами тянется отчетливая серебристая нить: образ причинно-следственной связи.

— Очень хорошо, Карл! Продолжаем! — Меня самого в подобные моменты охватывает нешуточный азарт. — Третья позиция!

Есть, вот оно! Скорлупа яйца в трещинах, сердцевина алая, пульсирующая, к краям алый фон затухает и цвет становится обычным, серебристо-серым. Верный признак тщательной маскировки. Это то, что на своем профессиональном сленге мы называем «гвоздем», — скрытое враждебное намерение, ущемление интересов клиента.

Серебристая нить после треснутого яйца превращается в пунктир. Если «гвоздь» сработает, интерес партнера к моему клиенту резко упадет: результат достигнут, к чему

утруждаться? Прошу Карла «дать» четвертую позицию — так и есть, она размыта, форму рассмотреть не удастся. Не позиция, а скорее, страховка, запасной вариант.

Перевожу дух. Теперь энергетическая связь замкнута на меня и для просмотра можно тратить гораздо меньше усилий. Карл Густав тоже заворочался в кресле, до этого сидел (или лежал) не шелохнувшись.

— Можно открыть глаза, Карл. Возвращайтесь на бренную землю... Вы выступали со встречными предложениями, уточнениями? Предлагали свою программу сотрудничества?

— Да, Мартин. — Клиент слегка шурится, потряхивает головой, окончательно приходя в себя. Всё-таки насчет транса я был не совсем прав — в какой-то степени наши подопечные в него впадают.

Предприниматель по моей просьбе мысленно прокручивает цепочку предполагаемых действий, а потом и проговаривает вслух то, что считает возможным. Под звуки голоса Карла в моей голове, как на фотографической пластине, проступает энергетическая структура договора.

На темном, почти черном фоне проявляется, чуть колеблется, будто дышит, ажурная ярко-изумрудная сеть энергетических линий — прихотливый узор мыслей, чувств и устремлений клиента и людей, с ним связанных. Поверх узора, как проложенный на карте маршрут, пульсирует алым положительный вектор. Он струится, слегка меняя направление от одной опорной точки к другой, и чем-то похож на суставчатую конечность. «Рука судьбы», сказал бы я. Это благоприятный для господина Бревиуса сценарий развития событий.

— Вы обратились к нам не зря, Карл. — Я привожу кресло клиента в обычное положение. Карл Густав внимательно меня слушает — ни сонливости, ни рассеянности. — В третьем пункте предложений противной стороны скрыта безусловная угроза. Какой-то подвох, незаметный с первого взгляда. Этот пункт стоит изучить от первой буквы до последней, рассмотреть под увеличительным стеклом. Привлекайте самого грамотного юриста и требуйте от него тщательнейшего анализа сделки с оценкой всех возможных последствий. За два дня, я уверен, вы найдете ловушку и, избежав ее, сможете получить немалую выгоду от переговоров. Отказываться от партнеров не стоит, нужно только развернуть ситуацию в свою сторону.

Говорю и вижу мелькнувшее в глазах Карла узнавание. Похоже, и сам делец чувствовал в третьей позиции какую-то гнильцу, только понять не мог. Если маскировка умелая и дело готовит опытный человек, то на логическом уровне можно ничего и не найти. Тут уже вопрос интуиции, чутья. Зубры с тонким деловым чутьем к нам за консультациями не ходят, все сами норовят...

На этом процедуру можно считать завершенной. Кстати, именно так этот этап работы мы и называем. Я раскланиваюсь с клиентом, мы трогательно прощаемся на самой мажорной ноте. Теперь «просто Карл» пойдет заниматься изучением документов и работой с юристом, а я буду заканчивать операцию адаптации своим, только мне доступным способом.

Называется это финтом.

* * *

Есть в Капиталле Университет Естественных Наук, один из старейших в стране. Можно

пойти в библиотеку, заказать и перечитать стопку толстых научных трудов. Я всей этой заумью голову не забиваю, да и образование не позволяет свободно разбираться в измышлениях высоколобых мужей. Но своими словами, простенько могу объяснить, чем мы тут занимаемся.

Миром правят причины и следствия. Всё, что случается с человеком, это не цепь случайностей, хотя нам порой кажется именно так, не хаотичный набор встреч, событий и сказанных слов. Каждый прожитый день есть прямое следствие дня предыдущего. Как прожил ты «вчера», так и аукнется тебе сегодня, а нынешний день будет строить светлое «завтра». Или не очень светлое, это уже как у кого получится.

Каждый из нас прокладывает свой курс в море житейских проблем. И каждый из нас проходит свой маршрут, свой путь. Но море — это не пассивная лужа стоячей воды. Это стихия — шквальные ветры, волны до небес, властные течения и подводные рифы... Да много чего встречается человеку в бурном океане жизни.

Представьте, что вам нужно добраться до некоего счастливого острова. Там цветут сказочные сады, пляшут веселые островитяне и жизнь наполнена счастьем. Но путь по прямой невозможен. Только взяли вы курс на желанные берега, а тут шторм — и вас относит к югу. Только выбрались из передраги, сориентировались по солнцу, подправили курс — на дороге течение. Сносит к западу — хоть плачь! Приходится плыть по дуге, удлиняя путь, платить затраченным временем за экономию сил. Точно так же нужно обходить рифы и отмели, преодолевать прочие превратности стихии...

Вот так и человек на жизненном маршруте. Каждый движется к намеченной цели, но путь по прямой далеко не всегда самый легкий и короткий. Кроме попутного ветра собственного желания и воли дуют сбоку — а иногда и в лоб! — чужие устремления и чаяния. Сносят течения посторонних мнений, скребут о днище поступки и слова других людей.

Дорога из одной точки жизненного пути в другую часто оказывается запутанной — с петлями, зигзагами, вынужденными возвратами и длинными обходными маневрами.

Если вы не нравитесь начальнику, ваше продвижение по службе может оказаться крайне затруднительным. Даже если он не преследует вас в открытую, не ставит подножки и не придирается по мелочам. Но напоминаете вы ему, к примеру, соседского мальчишку из далекого детства. Того, что мутузил и обижал его по-всякому. Неосознанная глубинная неприязнь может не проявляться в реальных поступках, но путь к цели в житейском море будет отклоняться настолько, насколько сильно эта неприязнь выражена.

А теперь представьте себе на миг, что есть где-то в мире лоцманская карта, на которой проложены все маршруты. На глубокой синеве морской глади прочерчены линии — пути следования людей. И карта эта не застывший кусок картона, косная материя, данная нам один раз и навсегда. Она живая. Струятся по ней алые векторы человеческих судеб — выются, изгибаются под влиянием слов, поступков, и даже мыслей других людей. Смещаются, а иногда и попросту ведут в тупик. К жизненному краху.

И пересекаются. Много-много раз — перекрещиваются, сходятся и расходятся, сдвигают друг друга, перекрывают одна другой путь... Всё это — встречи, поступки, разговоры, ситуации. И сильнее других — отрицательная энергия неприязни, раздражения, гнева. Она очень сильна и «не пропускает» объект коротким путем, отталкивает. Путь отклоняется и удлиняется, расход сил на его преодоление значительно возрастает. Вы можете побороть ситуацию, «пробить» препятствие и достигнуть желаемого, но результат,

скорее всего, не оправдает затраченных усилий.

Вот это и видят сенсы во время процедуры. Паутину, ажурную вязь, восхитительный узор энергетических каналов, словно маршруты на карте. Работа с образами — лишь предварительный этап, необходимый, но не основной. Увидеть вектор — вот главная цель оператора. Посмотреть на ситуацию, как она выглядит на энергетическом плане — тоже в виде образов, — но через это подобраться к линии судьбы и... стать лоцманом! Капитаном! Кормчим! Пусть на небольшом, доверенном клиентом отрезке его жизни, но — корректором! Направляющим...

В этом и заключалась изначально цель проекта «Адаптация» — позволить всем гражданам Республики просчитывать с помощью операторов шансы на успех в своих начинаниях, жизненных планах и проектах. Выбрать лучший вариант и воплотить задуманное. Общество равных возможностей.

Случай с Карлом Густавом классический — надо делать деньги, рисковать, но есть определенные опасения. Таких клиентов у нас большинство, они надеются получить от оператора Агентства точные рецепты, как медный грош в короткий срок и безопасно превратить в хорошие деньги. Не ловчат ли партнеры, не собираются ли обмануть? Что способствует и что препятствует задуманному?

Траекторию жизненного пути мы называем линией судьбы. Чаще всего она выглядит как кривая с большим количеством петель и извивов. Точки, где пересекаются каналы, можно назвать опорными. Здесь энергетический потенциал гораздо выше, чем на остальном ее протяжении. Быть может, заряды суммируются, резонируют, как бы то ни было, именно тут происходят чудесные превращения: количество преобразуется в качество, лягушка обращается в прекрасную царевну, мышление принимает эвристический характер, и знаменитое яблоко падает на еще более знаменитую голову.

Опорные точки могут выполнять функцию неких трамплинов, значительно ускоряющих движение по линии судьбы. Как по камешкам через ручеек — прыг-прыг, и вы на другом берегу!

Может быть, везением как раз и называют способность попадать как бы случайно в узловые моменты ситуаций. Может быть, интуиция связана именно с этим — человек неосознанно, на уровне чутья, находит в жизни проекции опорных точек. Отталкиваясь от энергетических узлов, он достигает цели максимально быстро и с минимальными затратами, принимает единственно верное решение. При этом логически оно может выглядеть спорным или даже ошибочным.

Вся эта механика плохо поддается изучению и измерению, ученые в этой области делают лишь первые робкие шаги, но есть люди, которые видят каналы, их переплетения, взаимодействия, опорные точки. Таких людей немного, для работы с информацией нужны специфические способности, и к тому же способности надо развивать, умение считывать информацию — шлифовать.

В официальных бумагах нас называют операторами, люди — сенсами, между собой мы зовем друг друга Зрячими. Отсюда и логотип АСА: распахнутый глаз на фоне шахматного поля. Глаз — данное нам природой видение, поле — линии судеб с опорными точками.

* * *

В правом углу операционной, за темной портьерой скрыта неприметная дверь, ведущая

в совершенно особое помещение. Это сугубо мои владения, предназначенные для завершающего элемента работы. Открываю, вхожу и попадаю в темный обширный зал. Моя Мастерская, площадка для танц-коррекции.

Каждый оператор имеет свой метод воздействия на линию судьбы клиента, так называемый финт. Советы, которые я дал Карлу Густаву, сыграют свою роль: хороший юрист найдет в третьем пункте договора скрытый подвох, я в этом уверен. Клиент предупрежден, а значит, уже вооружен и предпримет необходимые меры. Ведь он сам назвал себя предпринимателем!

Но этого мало. Если контрагент горячо желает добиться результата, он сможет напряжением воли, за счет упорного стремления сохранить «гвоздь» в энергетическом узоре. Эта скрытая «мина» будет переходить в договоре с позиции на позицию, изменять внутренние связи, порождая всё новые возможности для обмана. Тогда даже многократные коррекции не дадут ощутимого результата. Брешь, заделанная в одном месте, обязательно появится в другом.

В конце концов, ловушка может и вовсе потерять зримые очертания, но это не значит, что она исчезнет. Изменится знак вектора, из положительного он станет отрицательным, после чего ситуацию не поправить никакими силами. Более того, несчастья и поражения могут распространиться по линии судьбы, и жизнь человека перейдет совсем в другое русло. Болезни собственные и близких людей, крах начинаний, фатальное невезение — вот неполный перечень печальных событий, угрожающих клиенту. Это полный провал для оператора — заказ на адаптацию не выполнен, квалификация сенса оказывается под вопросом.

Поэтому оператор, помимо процедуры, закрепляет линию судьбы клиента. Делает это каждый по-своему, и здесь не обойтись без специального помещения, методики и принадлежностей. Однако в свое время мне пришлось немало потрудиться, чтобы доказать необходимость такой вот Мастерской.

На стенах зала канделябры со свечами, которых ровно дюжина, и я зажигаю их одну за другой. Господин директор предлагал и сюда провести новомодное электричество и навесить светильники, но я наотрез отказался. Это моя территория, здесь всё будет обустроено на мой вкус. Разве можно сравнить холодное сияние ламп с теплым трепетным светом свечей? Это совсем другая атмосфера: игра теней, загадочные флюиды, совершенно особый настрой.

Пол покрыт ковром, мягким и в то же время упругим. У дальней стены маленький изящный столик, на котором покоятся метроном и кинжал. Это мои инструменты.

Снимаю верхнюю одежду и обувь, надеваю что-то наподобие бриджей из мягкой хлопковой ткани. Достаю кинжал из тяжелых ножен: мощная рукоять, обмотанная сыромятной кожей, круглая массивная головка, называемая навершием, широкий прямой клинок. На тусклом металле отсвечивают огоньки свечей. Никаких излишеств: инкрустаций, золота или камней. Настоящее боевое оружие.

Старина Поль, продавший мне клинок, клялся, что каких-то пятнадцать-двадцать лет назад им пользовались по прямому назначению — лишали жизни недругов. Кинжал принадлежал горцу. В тех краях еще и сегодня можно услышать о краже невест, кровной мести и непримиримой войне между кланами — это необычная страна с древними обычаями.

Клинок обагрался кровью врагов — кинжал напитывался силой.

Во многих мировых религиях и философских доктринах крови придается особое значение. Она рассматривается как некая сакральная субстанция, материальное воплощение души. На Востоке поток животворной энергии неразрывно связан с током крови, а перемещение энергии в теле — с кровеносными сосудами. В христианстве причащают кровью Христа. В огромном количестве культов, при совершении самых разных ритуалов именно кровь — человека или животного — является основным пусковым моментом магических превращений. Мы, сенсы, тоже относимся к священной жидкости с большим почтением.

В свою очередь, холодному оружию давно приписывают уникальные и даже мистические свойства. Это отражено во множестве сказаний разных народов о легендарных мечах древности, которые помогали воину побеждать чудовищ, противостоять злым чарам и спасти прекрасных принцесс.

Оружие ковали в единственном экземпляре, из особых материалов и по уникальной технологии. Мечи, сабли, боевые топоры и копья делали под определенного человека, героя, и давали им собственные имена. Чудо-оружие принимало не всякого. Если нет сродства с воином, клинок может проявить неповиновение, даже обернуться против хозяина.

В лавке старины Поля, кстати, неплохая коллекция холодного оружия. На витрине представлены имитации, а вот в закромах у старого антиквара можно увидеть вещи действительно любопытные. Например, старинные кинжалы. Здесь немало интересных экземпляров.

Я задумался, вспоминая, как сам покупал этот клинок...

По моей просьбе Поль провел меня в заднюю комнату, за тяжелую дубовую дверь, укрепленную металлическими полосами, и достал сундучки, шкатулки, кожаные скатки с карманчиками, где покоятся кинжалы всех времен и народов. Моему взору открылось богатейшее разнообразие клинков на любой вкус — треугольные и листовидные, широкие и узкие, прямые и изогнутые, двояковогнутые и волнистые.

Вот изящный старинный квилон с загнутой двухсторонней гардой. Широкий крестьянский хаусвер, более похожий на хозяйственный нож, да часто таковым и являвшийся. Вот тонкий, как шило, стилет и широкий итальянский чинкведеа, что в переводе значит «пять пальцев» — именно такова ширина клинка у основания. Рядом дага с чашеобразной мощной гардой. Этот кинжал вытеснил в свое время щит. Длинные и мощные персидские карды, маленькие пиха-каетты из Шри-Ланки и множество других.

Отдельно Поль держит оружие с загнутыми клинками. Индийские кханджары и загнуто-выгнутые кханджарли, хищные арабские джамбии и, наконец, катар — нелепый с виду и крайне опасный в умелых руках кинжал, который надевают на руку наподобие кастета. Да при этом имеющий три лезвия, направленные вперед, вверх и вниз.

Был тут и мой любимец, длинный кинжал с богатой инкрустацией серебром и камнями. Не оружие, а воплощенный гимн оружейной эстетике. Несколько раз я порывался купить его, но Поль запросил столько, что я лишился дара речи. Все мои попытки торговаться со старым антикваром ни к чему не привели, он ни в какую не хотел сбрасывать цену.

Каждый раз, попадая в закрома, я беру кинжал в руки, любуюсь и шумно восхищаюсь им в надежде растопить его сердце торговца, но дальше разговоров дело не идет.

Коллекция не ограничивается короткими клинками, здесь есть и длинные. Отличный средневековый эсток: меч с широким основанием и тонким и острым, как игла, острием. Поль по праву считает его своей гордостью. Радуют глаз огромный двуручный эспадон и

полуторный бастард, мечи внушительные и по-своему очень красивые.

Отдельно в небольшом простом ящике лежат две сабли: сильно загнутая турецкая пала и другая, малой кривизны, больше похожая на польскую карабелу. Судя по навершию в форме птичьей головы, с двумя нелепыми углублениями вместо глаз, это карабела и есть. У меня имеется сильное подозрение, что сабли — новоделы. Поль утверждает, что это не так. Палу он называет «султанской», приписывая ее некоей легендарной личности, рассказать о которой, правда, ничего толком не может. Ну да картина «великого Откена» тоже красуется на витрине...

Карабела имеет скромную табличку: «Сабля кавалерийская». Антиквар уверяет, что клинок очень старый, найден, мол, еще его отцом, когда тот только начинал дело далеко на юге, откуда был родом. Что в словах хитреца правда, а что нет — для меня загадка...

Я с трудом вернулся в реальность и поудобнее перехватил клинок. Сейчас не время для воспоминаний об оружии — время его использовать.

В моем случае кинжал — это связь с информационным полем, проводник, облегчающий приток информации. Продолжение моей руки, волшебная указка, способная находить верные направления.

Я беру благородное оружие, познавшее кровь врагов и радость побед. Клинок становится некоей дирижерской палочкой, способной управлять грандиозным оркестром, составленным из линий судеб. Как послушные музыканты, начинают они исполнять партии, подвластные моей воле, выстраиваться необходимым образом, струиться в нужном направлении. Картина мира наполняется новым содержанием и смыслом. В такие минуты я чувствую себя почти Творцом, созидающим хрупкую ткань мироздания...

Становлюсь в центре зала, кинжал прижат к внутренней поверхности предплечья. Метроном отмеряет пять восьмых — мой любимый размер. Стою на носочках, вытянувшись струной, прикрыв глаза. Жду, слушаю, внимаю всем телом — вот-вот должна появиться мелодия, созвучная миру, гармоничная с хрупкими линиями энергетических каналов.

Четыре опорные точки, четыре поворотных пункта Карла Густава Бревиуса. Сейчас я в первом, отсюда и начну писать его судьбу. Не всю, конечно, но тот ее отрезок, сопричастным которому я стал, который доверен мне Карлом.

Взрыв! Падаю в пропасть. Весь, без остатка. Очень глубокий присед на правую ногу с одновременным махом правой руки вверх, левая нога вытянута в сторону, левая рука чуть отведена. Кинжал устремлен ввысь.

Мелодия рождается в области солнечного сплетения, звучит всё громче, поднимается, заполняет грудь, горячей волной вливается в голову. А в животе холод! — ощущение морозной свежести! Медленно поворачиваюсь на опорной ноге, вычерчивая другой ногой правильную окружность, а потом переносу на нее вес тела. В средней точке встаю из приседа: руки вверх, кинжал устремлен в небо, скрытое потолком зала.

И начинаю кружиться волчком — каскад фуэте, нога как хлыст стегает пустоту. Рука с кинжалом делает мощные горизонтальные махи, клинок рассекает воздух. И следом переход в баллоне — прыжками передвигаюсь по залу сначала в одну сторону, затем в другую. Тело порхает, клинок продолжает рубить сверху вниз. Переход в ан дедан — вращение волчком по часовой стрелке, начинаю двигаться в нем. Именно по часовой стрелке крутился поток над макушкой клиента, и сейчас я это учитываю. Вращением своим व्यю тугой жгут будущих успехов, протаптываю тропу в рыхлом сугробе чужих недобрых намерений и досадных случайностей.

Останавливаю бег, переход — что-то вроде джиги. Топчусь и вышагиваю на месте, утрамбовываю достигнутый результат, закрепляю. Клинок сейчас в вытянутых руках, горизонтально лежит на ладонях. То низко кланяюсь земле, то выгибаюсь максимально, запрокидывая голову и поднимая руки к небу. Сейчас я во второй точке. Еще немного...

И опять взрыв! Жете ан авант — с ноги на ногу по кругу, высокий кабриоль — нещадно луплю в полете ногой об ногу, рассекаю пространство зала. Трепещут свечи, тени удивленно шепчутся по углам. Воздух становится густым и вязким, клинок режет его с мелодичным посвистом.

И еще каскад фуэте! Мой учитель балета — а было время, я обучался этому искусству вполне серьезно — остался бы доволен. Он говорил, что у меня есть будущее. Спасибо, учитель, сегодня я строю будущее других людей так же легко, как ты выпивал кружку крепкого пива после занятий со школярами.

Третья точка, самая ответственная. Теперь я выплясываю что-то наподобие горской лезгинки. Только не хожу по кругу, а вытанцовываю на одном месте, руки в это время работают с кинжалом — отмахиваю широко и свободно, перекидывая клинок из руки в руку, играю им. Закаленная сталь постреливает тусклыми бликами. В какой-то момент вижу, как острое наливается сочным малиновым свечением, кисть нещадно колет, по руке пробегают упругие волны...

И опять движение по кругу, в больших падеша взлетаю высоко над землей и парю, ноги тянутся в шпагат. Чередую падеша с револьтадами, закручивая тело в воздухе по часовой стрелке. Всё время по часовой стрелке. Во время махов — от плеча, с разворотом корпуса — с кинжала летят алые брызги. Тело наполняет пьянящий восторг, кружится голова, и хрустальные молоточки стучат в висках. Вот так, шире и сильнее, рублю всё ненужное, вредное и в то же время созидаю необходимое...

Из прыжка падаю на колени, замираю, припадаю к разогревшемуся клинку губами. Четвертая точка. Перед внутренним взором четко встает линия судьбы — такая, как надо, ровненькая, намертво вмороженная в ткань бытия. Зеленая улица для господина Бревиуса.

Вслед за танц-коррекцией приходит похмелье. Тело заливают горячий пот, в голове гудящая пустота, меня словно выпотрошили, как рыбу перед готовкой. На слабых ватных ногах иду в душ. За него тоже пришлось побороться с господином директором, считавшим душ ненужной роскошью. И ведь знал о моем методе работы, понимал, что после сеанса от меня пахнет, как от стада жеребцов после дикой гонки по степи, но всё равно сопротивлялся.

Теперь все мои усилия оправдываются: расслабленно, почти сонно стою под прохладными струями. Вода стекает по телу, унося напряжение, усталость, а вместе с ними и буйное счастье творчества.

В течение пяти долгих лет я честно служил в подотделе заштатного городишки в провинции, способствуя успешному развитию местной торговли и образованию новых супружеских пар. Однако три года назад где-то наверху скрипнули тайные пружины, непредсказуемо провернулись бюрократические жернова, грянула очередная реорганизация и меня перевели в столичный тринадцатый отдел АСА.

Теперь я чрезвычайно рад такому изменению в своей судьбе и сейчас, после сеанса, по инструкции обязан отдыхать не менее одного часа. Имею полное право!

Глава 2

Если подняться по лестнице, перекинуться парой слов со Столбом, улыбнуться Лили и пройти через приемную, то можно попасть в заднюю часть здания. Здесь располагается веранда, выходящая на задний двор особняка. Увитая диким плющом, тенистая и прохладная, она дает отдохновение утомленным операторам.

Возьмите легкий плетеный стул, присядьте за большой стол светлого дерева. Закажите чай, кофе или лимонад, булочки с конфитюром или швейцарский сыр и будьте уверены: чай подадут горячий и крепкий, а булочки — свежие. В жаркую погоду на веранде прохладно и тихо, осенью рабочие поставят остекление, и здесь можно будет посидеть с чашечкой какао, расслабленно глядя на потоки дождевой воды за стеклом.

В тринадцатом отделе служит пять операторов.

Стефан Стацки — живая легенда проекта. В системе с момента основания, а может, и раньше. С тех самых пор, когда существовал еще консультативный отдел Тайной полиции. Это опытный и умелый профессионал, у нас он за старшего. О себе распространяться не любит, но на его счету немало славных дел.

Выглядит Стацки желчным мужчиной хорошо за сорок. Невысокого роста, худощавого сложения, с грубым морщинистым лицом. Костюм, а он предпочитает цивильные костюмы от модных портных, сидит на нем, словно на вешалке. Волосы у Стефана совершенно седые, кожа желтоватая, а воротничок рубашки вечно несвежий.

Вне операционной он не выпускает изо рта толстую сигару, которая у него постоянно тухнет, и ветеран беспрестанно ее раскуривает, бросая на пол горелые спички. В кармане пиджака болтается неизменная фляжка с выдержанным коньяком, и хоть алкоголь в отделе строго запрещен, Стефан прихлебывает по глоточку. Стацки прощается многое.

Жан Клод Эйдельман — полная противоположность ветерану. Высокий мускулистый молодой человек, стройный и широкоплечий, из-под короткой челки смотрят наивные голубые глаза. Жан увлекается восточной борьбой, основанной на прыжках и ударах руками, ногами и головой, поэтому на лбу у него непроходящая шишка, которая, впрочем, его ничуть не портит. Он работает оператором второй год, опыта еще не набрался, и сложных случаев ему, как правило, не поручают. Но парень рвется в бой.

Помимо меня и указанных господ в штате состоят еще Венера Спай и Яков Патока. Венера — единственная известная мне женщина-оператор. Почему-то дамы не слишком расположены к нашей профессии. Яков — совсем молодой сенс-стажер, у него всё впереди. Сейчас ни нашей матроны, ни юного дарования поблизости не наблюдалось. За столом сидели Стефан и Жан Клод.

Разговор протекал вяло. Это было заметно хотя бы по чашкам собеседников. Молодой оператор почти допил свой чай, чашечка же ветерана была, напротив, полна. Я давно заметил, что Жан Клод — спорщик по натуре — увлекшись, забывает обо всем, и о чае в первую очередь. Стацки же во время содержательной беседы обязательно прихлебывает коньяк из фляжки, опустошив предварительно чайную посуду.

— ...Вы этого, к счастью, не застали, — цедил Стефан. — Пятнадцать лет назад никто и помыслить не мог, что возможна другая жизнь. Без эрцгерцога, без всей этой одряхлевшей клики — князей-баронов-виконтов... Статус-кво казался незыблемым, и когда всё это рухнуло в одночасье — вы представляете, что началось в умах людей?! Левые и правые

сомкнулись — революционеры, мечтающие о переделе мира, и сторонники крепкой власти на грани диктатуры пошли рука об руку, как воркующие голубки! Только что не целовались...

Стацки постепенно воодушевлялся, в его глазах появился задорный блеск. Старый оператор вспоминал молодость — я тихонько подвинул стул поближе.

— Тут подросли умеренные. У тех, кто никогда не мог сказать внятно, что же им нужно от властей, вдруг прорезался голос! «Выборов!» — кричали все они хором! «Хотим выборов!» И получили Президента. Первого Президента — вот так будет правильно!.. — Он чиркнул спичкой, но раскурить сигару забыл. — Вы бы видели, что здесь началось!

Жан Клод слушал с легкой усмешкой. Конечно, всё это можно прочесть в архивах и даже в учебниках истории. Но Эйдельман — воспитанный юноша, он не прерывает старших. Да и в рассказах ветерана порой мелькали очень интересные детали и подробности, каких не встретишь ни в одном официальном документе.

— Ну представьте себе, молодой человек! Аристократы обеими руками держатся за свои привилегии. Их вотчины, гербы, закрытые клубы... Бла-бла-бла! Денег-то у старой гвардии было к тому времени уже немного, а возможностей заработать — и того меньше. Традиции, неписанные правила... да и пункты Устава Дворянского собрания не позволяли им ни торговать, ни служить. С другой стороны подпирали денежные мешки, — вчерашние менялы и торгаши, — способные купить иного графа, а то и князя с потрохами. Со всеми его ленными владениями, родовым гербом и высокородной спесью! Они мечтали быть со сливками общества наравне — ан нет! Скоробогачей аристократия не подпускала к себе и на пушечный выстрел.

Он всё же раскурил сигару.

— Наконец, появилась еще одна группа. Руководители среднего звена, коим несть числа и от которых частенько как раз и зависит равномерное и исправное верчение шестеренок государственной машины. А вкупе с ними предприниматели средней руки — опора экономики и двигатель торговли. До денежных мешков ни те, ни другие недотягивали — доходы не позволяли! В дворянские клубы их тоже не пускали — рылом не вышли! А люди эти, заключив союз и поддерживая друг друга, уже осознали свою силу. Им хотелось признания!..

— А как же конституция? — не выдержал Жан Клод. — Свод законов...

— Да, появились и конституция, и свод, — перебил Стацки, — но вопросов они не решили. Парламент заседал круглыми сутками — комиссия сменяла комиссию, сессия — сессию, за поправкой следовала поправка, а ситуация оставалась прежней. Работяги, те, кто как раз всё и производят, молча взирали на эту свистопляску, но долго так продолжаться не могло. Все понимали — еще немного, и полыхнет пожар народных бунтов! Тогда наверху поднатужились и родили Билль о правах. Эдакий компромисс, разрешивший знати наживать состояния, заводчикам — получать из рук Президента титулы, а всем прочим, вернее, тем, кто оказался Президенту полезным, — примкнуть со временем к тем или другим. Но шансы у последних были невелики. Даже сейчас, через столько лет, посмотрите, господа, — много ли на ведущих должностях людей низкого происхождения? Дворянин на дворянине...

Я прихлебывал чай с лимоном и слушал с удовольствием — Стефан был неплохим рассказчиком. К тому же он увлекся — на свет появилась заветная фляжка. Чаю места в чашке не осталось, ароматный напиток окропил фикус, что стоит у окна веранды в древней деревянной кадшке.

— И вот прошло еще два года. Все — сверху донизу — изрядно устали от взаимных нападков, полумер и постоянной изматывающей борьбы, и кому-то пришла в голову идея. Было объявлено о проекте «Адаптация». Планировалось создать общенациональную сеть отделов и подразделов Агентства, этакую «службу всеобщего благоденствия»... Назвать идею гениальной трудно, но свою отвлекающую функцию она выполнила.

— А почему нет? — рассмеялся Эйдельман. — Плати денежки и получай прогноз, даже инструкцию — как быстро и без потерь прорваться к финишу первым!

Стацки снисходительно усмехнулся:

— Если не брать в расчет, что из-за плеча Агентства явственно проглядывают ушки Тайной полиции. Тайники на протяжении многих лет занимались планомерным поиском сенсов. Вначале сами, потом основали Академию и сейчас присматривают за одаренными юношами. Следят за подготовкой профессиональных операторов. Не удивительно, что именно там, в департаменте Тайной полиции, появился консультативно-аналитический отдел. А это прогнозы, господа. Социального и политического развития...

— Всё это верно, — кивнул я, — без тайников здесь, конечно, не обошлось. Но тема была интересна не только полицейским, ведь так? А политики? А высшая власть? Армия, наконец...

— Безусловно, — Стацки отхлебнул коньку, — начавшись под патронажем тайников, дело быстро расширилось. И хотя у истоков Агентства стояли совсем другие люди, скоро заинтересованных сторон стало как блох на дворовой собаке. А консультативный отдел существует и сейчас, слегка изменив название. Но это уже другой вопрос...

— А те вечно закрытые двери, куда мы сдаем свои подробнейшие отчеты? Любой оператор задается вопросом — куда они потом уходят? Если это не контроль состояния умов — настроений, идей, тенденций, то я ничего не понимаю в нашей жизни! Мы не впервые говорим об этом, но вы всегда уходили от ответа, Стефан...

— А как вы хотели, Мартин? — вяло отмахнулся он. — Любое государство стремится себя обезопасить, следит за подданными, промывает им мозги...

— Так, может, это и было первейшей целью? А всё остальное — для доверчивых дураков, тех, кто хочет искренне верить, что у нас тут и впрямь равные возможности?

— А разве ваши прогнозы и рекомендации не помогают людям? — насмешливо возразил ветеран. — Конкретным людям в совершенно реальных житейских ситуациях?

Иронии в его словах было куда больше, чем желания ответить на вопрос. Ах, Стацки, никогда не поймешь сразу — где ты шутишь, а где вкладываешь в сказанное неявный смысл. Тот, который становится понятен лишь спустя некоторое время или под давлением обстоятельств — чрезвычайных и даже невероятных.

Недавно я стал замечать — Стефан приобрел странную способность выворачивать беседу, обычный застольный треп наизнанку. Переводить разговор на совершенно неожиданные темы. Раньше за ним такого не водилось, а вот теперь...

— Кстати, насчет промывки мозгов... Послушайте, Мартин, — Стацки прищурился, и я готов побиться об заклад, что дело было не в сигарном дыме, — а вы могли бы отсмотреть, если бы вам вдруг это чрезвычайно понадобилось, энергетику человека без его согласия? И построить произвольный вектор?..

Услышанное меня настолько ошеломило, что я не нашелся, что ответить.

— А энергетику ситуации, в которую вовлечена группа лиц? — продолжал он, глядя на меня испытывающе, с непонятным интересом. — Просмотреть и смоделировать конкретный

результат?

— Глупости, Стефан. — Я слегка растерялся. — Никогда не слышал о чем-либо подобном...

— Тем не менее такие работы проводились, — задумчиво продолжил Стацки. Он смотрел поверх наших голов отсутствующим взглядом. — В самом начале. Я тогда был совсем молодым, начинающим оператором и многого не понимал...

— И что потом? — полюбопытствовал Жан Клод.

— Ничего, тема была признана негуманной, и ее свернули. С нас, участвовавших в работе, взяли подписку о неразглашении. Так что, господа, я только что нарушил инструкции, — он скупой улыбнулся, — прошу не выдавать.

Повисла пауза, но тут дверь распахнулась, и вошел посыльный:

— Господин Мартин, господин директор срочно требует к себе. Велел не откладывая...

Я раскланялся с коллегами и пошел к двери, чувствуя на спине испытывающий взгляд Стацки...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

* * *

Директорствует в Агентстве господин Ганс Аусбиндер-Меерштрассер-Ладенау-цу-Бекрештоккер-цу-Грюненвальден... и прочая, и прочая, — попробуйте выговорить все имена высокородного аристократа! Воистину это по силам только герольду на приеме у эрцгерцога. Есть такой элитный клуб для дворян, где раз в месяц собираются все древнейшие фамилии города и тешат свое тщеславие. Да и пусть их. Так вот, поскольку в обиходе выговаривать все имена и титулы господина директора нет никакой возможности, то зовем мы его по-простому — господин Аусбиндер.

Его кабинет расположен на третьем этаже, и я поднимался туда со смешанным чувством. Экстренный вызов к начальству ничего хорошего не обещает по определению. Ну что можно услышать от директора, кроме въедливых вопросов и нудных поучений? С другой стороны, и промахов за собой в последнее время я не припоминал. Даже опозданий не было.

Хотя пунктуальность — это совсем другая статья. Опоздавших директор ловит прямо на входе, в приемной. Что же заставило его отправить за мной посыльного? Раньше такого не случалось... И странный вопрос Стефана...

В душе нарастала тревога. Чувство неловкости появилось еще на веранде, во время разговора со Стацки, и теперь усиливалось с каждым шагом, превращалось в неприятное предчувствие.

Постучав и услышав короткое «Войдите!», я толкнул тяжелую дверь и оказался в просторном кабинете. Массивный стол, два кресла для посетителей, картины на стенах. В шкафах красного дерева фолианты в толстых обложках свиной кожи, с тисненными золотом названиями на корешках.

Никогда не видел патрона читающим, никогда не видел открытой книги на его огромном, орехового дерева столе. Да и что, спрашивается, может изучать господин директор в служебное время? Как улучшить организацию работы в Агентстве? Параграфы должностных инструкций и уложений, я уверен, он знает наизусть! Всё это чистый антураж...

Но профессионалом господин Аусбиндер является крепким и руководить умеет.

Внешность его навевает мысли о классическом портрете аристократа: высокий, сухощавый, с гривой гладко зачесанных седых волос и гордым профилем.

Директор имеет неприятную особенность не смотреть собеседнику в глаза. Зрит поверх голов, туда, где виднеется некая конечная цель всей нашей деятельности и, более того, всей нашей жизни. Всякий поймет, что господину Аусбиндеру дано видеть много больше, чем прочим смертным.

В кабинете патрон обязательно надевает очки в тонкой золотой оправе. Курить предпочитает очень дорогие сигары, что привозят из далеких заморских краев, а горький дым запивает крепким чаем. Однако сейчас чаем с сигарами не пахло, невостребованные очки сиротливо лежали на столе, зато взгляд господина директора с порога уперся прямо мне в глаза.

— Заходите, Мартин, присаживайтесь, — указал он на одно из двух кресел перед столом.

Второе было занято, и это оказалось сюрпризом не меньшим, чем прямой взгляд аристократа.

Кресло занимала Ева Долорес Мария Сантос-Д'Эспиноза-и-Гальярес-и-Ностре и прочая, и прочая. Попробуйте перечислить все имена высокородной! А Ева из очень старинного рода. Но еще важнее то, что она — эксперт.

Экспертная служба была образована сразу же после создания Агентства. Изначально предполагалось приглядывать за операторами. Ну, представьте себе: сидит человек в кресле, сосредоточенно хмурит брови, шепчет что-то неразборчиво. Говорит, мол, исправляет энергетику ситуации клиента, но поди разбери — может, прикидывает, как ему ловчее после службы сходить в пивную или пригласить на свидание соседку? А оклад получает немаленький, и выделяет его казна.

Возникла необходимость в контроле, но контролеры сразу же столкнулись с трудностями понятного характера — как залезть в голову сенса? Говорить-то можно всё, что угодно, но как установить правдивость слов? Однако эксперты принялись добросовестно отрабатывать свой хлеб.

Понимая, что внутренний мир оператора доступен только через общение, они разработали систему психологических тестов. Тогдашние эксперты вели с сенсами длительные беседы, пытаясь наладить контакт, некую духовную близость, даже дружеские отношения. Однако те быстро осознали свою исключительность и кастовость, на контакты шли неохотно и всегда помнили, что эксперт есть структура проверяющая. А какая дружба может быть с ревизором?

С другой стороны, эксперты тоже люди, и им не чуждо общее отношение к сенсам. Они, эти операторы, конечно, помощники, порой даже спасители, но они ж ненормальные! Что там в голове у этих чокнутых? А если его обидишь невзначай, не так оценишь деятельность? Возьмет, да и наколдует в отместку какую-нибудь гадость. Надо быть с ними осторожнее. Примерно такие мысли, достойные больше обывателя из Предместья, чем образованного эксперта, посещали порой их головы.

Шло время, методы работы Экспертного отдела менялись. От дружеских бесед отошли ввиду неэффективности последних, и постепенно сформировалась нынешняя система отношений. Появились глухие двери на втором этаже, за операторами закрепили постоянных экспертов.

Сегодня эта служба приглядывает за операторами и попутно контролирует настроения

сограждан. Достаточно большие полномочия позволяют эксперту вмешиваться в работу оператора. Например, после поведенной процедуры эксперт может опросить (или допросить?) сенса, уточнить что-то по отчету и даже встретиться и побеседовать с клиентом. На деле эксперты редко пользуются своими немалыми правами, ограничиваясь просмотром отчетов и дежурными встречами раз в неделю.

Ева Мария Сантос курировала наш отдел и вела себя в рамках традиционной политики: пока всё идет гладко, клиенты довольны, а отчеты подробны и поступают вовремя, можно не суетиться и не мешать оператору. Но за время совместной службы у меня создалось стойкое убеждение, что такой уровень ее не устраивает.

Ева — гордячка! Высокородная гордячка и немножечко стерва с амбициями. Ей недостаточно рутинной работы в отделе, деятельная натура требует большего — размаха, головокружительных комбинаций с тайниками, командных высот в АСА. Ничего этого пока нет, приходится возиться со штатными операторами и быть под началом директора, о котором она, судя по всему, не слишком высокого мнения. Отсюда постоянная маска холодности на красивом лице, подчеркнутая отчужденность ко всем и сугубый официоз в общении.

Вот и сейчас Ева Мария никак не отреагировала на мое появление — на ее узком лице застыло отрешенное выражение, табачного цвета глаза смотрят даже не на господина директора, а куда-то за его спину, в угол кабинета. Внешний вид до крайности строг: черные блестящие волосы стянуты в тугий узел на затылке, полное отсутствие косметики и украшений. На рукаве форменного костюма логотип Экспертного отдела — всё тот же распахнутый глаз, глядящий на вас через увеличительное стекло.

Она всегда строга, холодна и неприступна. А жаль, порой мне хотелось, чтобы госпожа эксперт была чуть-чуть приветливее. Но куда нам! — обычный штатный оператор, да еще сирота без титула не ровня высокородной аристократке...

Я осторожно опустился в свободное кресло, отбрасывая бесполезные и даже вредные мысли.

Госпожа Сантос продолжала изучать угол кабинета.

Директор побарабанил длинными холеными пальцами по полированной столешнице.

— Я собрал вас здесь, дамы и господа... — Директор запнулся, по-видимому, вспомнив, что он не на расширенной конференции сотрудников. Иногда патрона заносит. При всём своем опыте и умении угадывать желания начальства — первейшая и необходимейшая черта для чиновника! — на собраниях и форумах он чувствует себя увереннее.

Но сейчас вид у него был действительно растерянный. Что-то его беспокоило, а ведь смутить господина Аусбиндера нелегко. Он начал руководить отделом задолго до моего прихода, повидал на своем посту всякого и был опытным управленцем. Но теперь директор, похоже, не знал, с чего начать. Подыскивал слова.

— Опустим вступление, — наконец стряхнул он нерешительность и хлопнул ладонями по столу. — Суть дела: клиент обратился с жалобой. Сбой в работе случился не у нас, в пятом подотделе, но вы помните — это наша территория. Жалоба пришла в региональное бюро, а оттуда ее перенаправили к нам. Ставится под вопрос работа оператора, его компетенция, есть реальная угроза судебного иска и материальных претензий...

Я молча слушал, пока не очень понимая, каким образом жалоба на оператора из подотдела касается меня. Сам пять лет трубил в провинции. Как правило, подотдел — это крохотный кабинет, где ведет прием зачастую один, редко два сенса. Структуры разбросаны

по городам и весям, принимают на себя немалую нагрузку, но квалификация операторов там разная. При затруднениях они, как правило, направляют клиента в ближайший отдел, в чем и заключается принцип территориальной подчиненности. Но какова моя роль в предстоящем разборе жалобы?

— Неделю назад, — продолжал директор, — клиент обратился к оператору пятого подотдела по вопросу, связанному с выполнением профессиональных обязанностей. Проще говоря, просил помощи в карьерном продвижении. Служит он в какой-то небольшой конторе, названия которой я не запомнил. Что-то связанное с торговлей зерном, ничего секретного или ответственного в помине нет. Была проведена стандартная операция адаптации. Имеются отчеты оператора и записи его показаний, снятые экспертами. — Господин директор постучал сухим согнутым пальцем по кожаной папке с вытисненным золотом логотипом АСА.

Я продолжал недоумевать. Для работы с операторами подотделов есть эксперты регионального бюро, там же и региональная администрация, можно было разобраться на месте. Обычно так и делается, крайне редко регионалы передают дела на территорию, только когда отчетливо пахнет осложнениями... И при чем здесь Ева? Она сотрудник другого уровня, у куратора городского отдела свои обязанности... Кстати, госпожа эксперт пока не выразила отношения к происходящему ни единым движением.

Директор наконец заметил мое недоумение и смилостивился:

— Я вызвал вас, Мартин, как одного из наиболее грамотных и опытных операторов. И, конечно, вашего куратора от Экспертного отдела, таковы правила. Дело в том, что после проведения стандартной, заметьте, именно стандартной операции адаптации на службе у клиента ничего не изменилось. Никакого продвижения не состоялось. Вместо этого его жена, назовем ее пока мадам N, на следующий день после процедуры пришла в тот же подотдел, к тому же оператору с предложением адюльтера. Получив категорический отказ, женщина покинула подотдел, но появилась вновь на следующий день и возобновила свои притязания. Так продолжалось три дня подряд. Сейчас несчастная в приюте для душевнобольных, в состоянии полного помрачения рассудка, а супруг возлагает вину за происшествие на Агентство...

Господин Аусбиндер удостоил меня еще одним прямым взглядом водянистых глаз. Воистину сегодня примечательный день! Но то, что я услышал, было полной неожиданностью.

Случалось, операции не приводили к ожидаемому результату. Бывало, клиенты ждали от нашей работы больше того, что мы могли им предложить. Рассчитывали на быстрое и незатруднительное решение своих проблем, а это не всегда возможно. Недовольные в любом случае найдутся. Но получить совершенно иной, неожиданный эффект, рядом не лежавший с ожидаемым результатом?..

— Вы позволите несколько вопросов, господин директор?

Господин Аусбиндер склонил голову и стал похожим на старого мудрого грифа.

— Может такое случиться, что мадам N была больна еще до произошедших событий?

— Исключено. Мадам служит сестрой милосердия в госпитале Святой Барбары.

Это многое меняло. Госпиталь Святой Барбары славится далеко за пределами Республики. Там светила медицины проводят сложнейшие, уникальные хирургические операции, туда обращаются за помощью самые известные и знатные люди со всего света. Соответственно, персонал жесточайше отбирается и контролируется. Душевнобольная

женщина никак не могла попасть в ряды сотрудников этого госпиталя.

— Совпадение по времени? Может, она заболела только что и начало болезни совпало с визитом супруга в подотдел?

— Сомнительно. — Господин директор слегка покачал головой. — Во всяком случае, психиатры так не считают. Они вообще не могут понять, что происходит с пациенткой. Картина болезни не укладывается ни в одну схему, поставить диагноз врачи не в силах.

— В таком случае, быть может, связь между оператором и мадам действительно имела место? Это объяснило бы многое...

— Клиент от подобных предположений приходит в ярость, уверяет, что его супруга была верхом благочестия. Могу добавить, что к делу подключились оперативники Тайной полиции, опрошено большое количество свидетелей, знавших пострадавшую, а также ее мужа. Установить какие-либо контакты между оператором и мадам N до последних печальных событий не удалось. Мы вынуждены считаться с версией, что они ранее не были знакомы.

Вот так-так — сразу подключили тайников! Уже само по себе это событие экстраординарное. Я помнил лишь несколько дел, когда с ходу вступали оперативники, в том числе знаменитое дело о похищении наследника. Обычно Агентство старается решать свои проблемы само, без постороннего участия.

— Действительно, много непонятного. Включая то, чем я могу помочь в данной ситуации, господин директор.

Господин Аусбиндер помолчал, пожевал губами и в третий раз посмотрел мне в глаза:

— Об этом и речь, Мартин, — несмотря на молодой возраст, вы у нас один из лучших сотрудников и достаточно опытный. Я хочу поручить это дело вам. Необходимо обследовать оператора. Поговорить с ним... Сейчас в Ставке решается вопрос о гипнотическом воздействии, может, и так — поговорить под гипнозом. Главное — увидеть линию судьбы, которую он построил, проверить вектор. Если попутно сумеете что-то исправить, бог в помощь, но основное — мы должны очиститься от обвинений. Если эта чертова тетка сумасшедшая, — он поднял сухой указательный палец, — что было бы самым простым и самым лучшим ответом на все вопросы, то нам придется это доказать. — Лицо господина директора затвердело, на нем читалась нешуточная решимость. — Если имела место супружеская неверность и теперь партнеры выгадывают какой-то свой интерес и путают всех нас, — нам придется вывести их на чистую воду.

— Может, просто провести повторную процедуру клиенту?

— Пострадавший и слушать об этом не хочет! Скорее он засудит всех нас, Мартин. Всё это теперь нельзя оставить как есть, необходимо внести в историю полную ясность. И снять обвинения с Агентства. Работать придется с оператором, и работать придется вам...

— И последнее, господин директор, почему я? У нас в отделе есть куда более опытные работники. Например, Стефан Стацки, кавалер ордена «Большого Орла»...

— Поверьте, Мартин, предложение сделано вам, но другие варианты тоже были рассмотрены, — прервал меня господин Аусбиндер. — Мы уверены, что вы справитесь с задачей, и назначение уже согласовано на самом верху. К слову сказать, сам Стацки рекомендовал именно вас.

Вот это мне не понравилось. Что это Стефан отказался от задания? Трудностей он не боится, опыта и умения через край. Не захотел связываться?

— Вопрос решенный, оператор Мартин. — Ева Мария наконец повернулась ко мне и

одарила взглядом своих чудесных, удивительного табачного цвета глаз. — Работать будем вместе. Любое содействие с моей стороны гарантировано. И я хочу быть в курсе всех ваших намерений, Зрячий. Постоянно.

Она смотрела на меня в упор, чуть изогнув бровь, а я думал о том, что всё это как-то странно и не к добру: подключившаяся с первых шагов Ева, отказавшийся Стацки и растерянный директор.

— Забирайте документы и приступайте немедленно. На втором этаже для этого приготовлен двадцать второй кабинет. Курировать вас будет эксперт Ева Мария Сантос. Как всегда... — Господин директор подвинул уже знакомую папку и посмотрел куда-то поверх моей головы.

* * *

Кабинет двадцать два на втором этаже Агентства встретил меня не слишком радушно. Слишком неуютно и голо. То ли дело моя операционная. Но выбирать не приходилось. Сказал директор работать здесь, значит, так тому и быть.

Посреди комнаты совершенно пустой стол и два стула. В одном углу рукомойник, в другом — сейф. Вот это, пожалуй, единственная примечательная деталь интерьера. Сейфы в наших помещениях редкость, да и кому они нужны, эти громоздкие железные ящики? Что в них хранить, от кого оберегать? Разве только... Вот оно как! Похоже, я попал в кабинет бойца невидимого фронта.

Сегодня Агентство раскинуло густую сеть своих структур на всю страну — региональные бюро, отделы и подотделы, Центральный департамент, который мы между собой называем Ставкой. Система исправно собирает информацию и прокачивает ее в таинственные кабинеты, где обитают молчаливые люди с незапоминающейся внешностью.

Стефан прав: первоначально идею подали массам как перспективу равных возможностей для всех. За определенную плату любой гражданин Республики мог подать заявку в АСА, прийти на прием к оператору и получить рецепт преуспевания, решение насущных проблем. Рождалась своеобразная «служба успеха», призванная помочь каждому в достижении намеченных целей.

На деле всё получилось несколько иначе. Во-первых, стоимость процедуры оказалась не столь уж мала, и позволить себе взнос мог не каждый. Во-вторых, люди с опаской относились к сенсам. Воздействие рекламировалось как доброе волшебство, помощь, призванная облегчить жизнь, но многие видели в нем непонятное, а потому страшноватое действо с неизвестными последствиями. Далеко не все решались на операцию адаптации.

С течением времени страхи эти потускнели, утратили былую остроту. У службы появилась добрая слава, ее несли люди, которым процедура реально помогла преуспеть. Поток клиентов увеличился.

Однако коммерческим предприятием Агентство так и не стало. Но и отказываться от сети отделов правительство не собиралось. По моему твердому убеждению, причина заключалась как раз в источнике информации. В первую очередь наша служба необходима Тайной полиции для контроля над умами.

Наконец, существовал еще один аспект. Официально работа оператора регламентируется определенными правилами, которые запрещают давать советы, несовместимые с этикой и моралью, не говоря уже о прямом нарушении закона.

Практически же сенс не исповедует клиента, не вникает в этические подробности. Может сложиться так, что мелкий служащий затребует схему, как ему лучше подсидеть директора; наследник третьей очереди попытается вступить в наследство, минуя прямых претендентов; коммерсант — ловчее обмануть партнера.

Вот еще одна причина, по которой мы пишем подробнейшие отчеты и сдаем их в те самые кабинеты. Молчаливым людям с незапоминающей внешностью, среди которых Ева Мария приятное исключение. Драгоценное украшение среди безликих истуканов.

Теперь можно посмотреть, в каких условиях трудятся бойцы невидимого фронта. В спартанских, прямо скажем. Я присел на жесткий стул, положил на пустой стол заветную папку и закурил папиросу. Пепельница имелаась.

В документах ничего необычного не обнаружилось. Некий господин, назовем его Х, обратился в подотдел со стандартным заявлением. Оператор Корг принял к обслуживанию... Стоп. Оператор Корг. Неожиданность и какая-то неправильность назначения не давали мне покоя. Парень имеет такое же простое, односложное поименование, как и я. Может, в этом всё дело?

Сословность в нашем обществе довольно запутана. Например, Венера в любом официальном документе будет прописана как «оператор В. Спай». Жан Клод имеет двойное имя, а поименование тоже будет простым — оператор Ж.К. Эйдельман. Но вот Стацки — другое дело, как кавалер ордена «Большого Орла» он имеет двойное поименование — Стефан Стацки.

Ну и дворяне: там при соблюдении официоза будут называться все имена, какие есть. На службе можно обратиться к Еве «госпожа Сантос», это допускается. Можно про себя назвать ее несравненной Евой, или прелестницей Евой Марией, или еще как душе угодно, но в документе будут прописаны все три строчки ее имен и титулов. А если понадобится, то и произнесены вслух.

Если бы в деле был замешан аристократ, а среди операторов они встречаются, хоть и очень редко, меня, скорее всего, к делу не подпустили бы. А тут Корг, и всё. Парень тоже из приюта, круглый сирота, как и я. Только у нас, приютских, нет ничего, кроме имени.

Может, начальство решило, что штатный оператор будет откровеннее с таким же, как и он сам? Один сирота с другим? Может, рассчитывают, что я хорошо знаком со службой в подотделе и мне легче окажется разобраться? Но Стацки вызывал бы у Корга помимо доверия еще и почтение, и поговорить ветеран умеет на равных... Странно всё как-то...

Итак, господин Х обратился в подотдел с весьма нередкой заявкой: помочь наладить отношения со старшим приказчиком. Для взаимопонимания и нужно-то было — провести выгодную торговую сделку. Вот тут он и просил подсказки: с кем, как именно, в какие сроки. Ничего необычного, здоровые карьерные устремления.

Судя по отчету, оператор установил границы ситуации, выявил составляющие — старший приказчик, контрагенты, поставщики. Проделал, и довольно грамотно, немалый объем работы и провел стандартную процедуру: вышел на информационный уровень, прочел энергетические каналы и определил опорные точки.

В отчете всё прописано: последовательная четырехуровневая конструкция, шесть опорных точек, из которых «горячими» являлись только три. На второй висел «гвоздь», судя по описанию, не очень-то и мощный. Скорее всего, взаимное непонимание в каких-то вопросах, амбиции... Именно этот «гвоздь» портил всё дело. Корг дал толковые советы — ситуация вырисовывалась вполне управляемая — и отпустил клиента с чистой совестью. По

бумагам всё гладко...

Что же случилось дальше? Почему всё обернулось таким неожиданным и страшным образом? Почему сделка не состоялась, а мадам N принялась донимать сотрудника АСА? Имея вполне благополучную, по уверениям большинства опрошенных людей, семью. Двое детей, пяти и семи лет, вполне обеспеченный муж, мир и благоденствие в доме. Никаких поползновений на сторону ранее...

Оператор пишет, что ясно видел линию судьбы клиента, отработал ее «доступным образом». Именно так коллега счел возможным назвать деликатный момент финта, то, что я называю танц-коррекцией, и то, что никто из сенсов не раскрывает и не описывает детально.

Далее следовали показания свидетелей благонравия супруги клиента и его самого. Соседи, домовый староста, приказчики из торговой компании, сестры милосердия и врачи госпиталя Святой Барбары — работенка тайниками проведена немалая. И нигде ни одной зацепки, всё гладко. Из бумаг следовало, что семья абсолютно благополучная.

Пепельница наполнялась окурками. Ничего путного на основании документов придумать не получалось. Окажись я на месте Корга, делал бы всё точно так же, а потом составил бы точно такой же отчет и так же недоумевал бы: почему правильно отработанная линия судьбы привела не к успешному гешефту, а в психиатрическую лечебницу?

Есть еще один метод. Можно попробовать поработать с документами на энергетическом уровне, так же примерно, как и с человеком. Я сел насколько возможно удобно, расслабился. Начал вспоминать сухие строчки протоколов, отчет оператора и попытался представить себе его и проведенную им процедуру. Я никогда не был в пятом подотделе, не знаю, как выглядит Корг, не видел клиента, поэтому включил фантазию.

Перед прикрытыми глазами встала комната, как две капли похожая на мою операционную — да и откуда взяться другому образу? Можно придумать интерьер и внешний вид незнакомых мне людей. Попытался представить себе участников событий, услышать вопросы и ответы. Поиграл с обликами, потасовал образы...

Ничего путного не получилось: картинка вышла блеклой, фразы пустыми, а внешность участников расплывчатой. Нечего зря терять время...

И уже на выходе из релаксации неожиданно на границе поля зрения мелькнул силуэт черной птицы. Вдруг стало зябко. Резкий звук — будто крылья хлопнули! — прорезал тишину. Тень метнулась по комнате, скользнула по мне — и сразу торопливо, с перебоями забило сердце. Перехватило дыхание.

Я непроизвольно дернулся от стола в угол — защитная реакция. Птица смогла бы атаковать и там, только делать этого не стала. Черной тенью метнулась она к окну, и в следующий миг всё исчезло.

Я жался в углу чужого кабинета: дрожащий, испуганный, не понимая, что произошло. По спине текла горячая струйка пота, руки дрожали. Мозг лихорадочно искал ответ — что это?! Или кто?! Как такое вообще стало возможным? В реальной опасности птицы я не сомневался ни секунды, даром, что выглядела она тенью — видением, мороком, порождением задремавшего разума... Меньше всего хотелось бы мне встретиться с такой фантазией вновь!

Возвращаться к столу почему-то очень не хотелось.

* * *

В этот самый момент дверь без стука отворилась, и вошла госпожа региональный эксперт Ева Мария Сантос. Выражение холодной неприступности на ее красивом лице сменилось легким удивлением. Я с трудом переводил дыхание, а Ева уже отреагировала:

— Что, оператор Мартин, ищите в углу истину? — Она насмешливо прищурилась и прошла к столу. — Всё правильно, истина не любит открытых освещенных пространств. Она прячется по темным пыльным углам. Но вооруженный фонарем истинного видения Зрячий всё равно ее отыщет.

Все-таки она стерва! Надменная, холеная, высокородная стерва. Даже перенесенное только что потрясение не могло затмить закипавшее в душе негодование. Применять в данном случае наше кастовое самоназвание — верх бестактности, но в этом вся Ева Мария! Ей глубоко плевать, что подумают другие. А может быть, просто делает вид, что плевать, но мне от этого не легче.

Я выбрался из облюбованного угла и уселся на свободный стул. Как-то так получилось, что госпожа эксперт теперь сидела на моем месте, а я — на стуле для посетителей. Сказано, урожденная аристократка — акценты вмиг расставлены, дистанция определена, право первой руки не вызывает сомнения.

— Как вам показались документы? Судя по благородной бледности, не иначе как на вас снизошло откровение свыше. Признавайтесь, какое гениальное открытие вы сделали?

— Дело обстоит как раз наоборот, госпожа Сантос, — проямлил я. — В бумагах ничего интересного я не обнаружил...

О видении говорить совсем не хотелось. Тем более, я еще не определил для себя, как к нему относиться — то ли это галлюцинация, то ли серьезное предупреждение? Скорее, второе, но необходимо время. Нужно подумать в спокойной обстановке, вспомнить всё детально, постараться оценить...

— Очень плохо, оператор. Вы зря потратили два часа казенного времени. Может, вычесть эти деньги из вашего оклада?

В ее голосе звучала откровенная насмешка, почти издевка. Но удивительно, я почти успокоился. Расслабился — перестали дрожать руки, выровнялось дыхание. Всё-таки нас теперь двое.

Мы работаем вместе полгода, с прошлой зимы. До Евы нас курировал господин Дортенд. Ни имени, ни поименования его мы не знали, он сам настаивал на таком обращении — господин Дортенд, и всё. Это был типичный клерк: невысокого роста, сухонький, невзрачный, с незапоминающимися мелкими чертами лица.

Он встречался с операторами раз в неделю, строго по графику, расписав для каждого свой день. Задавал дежурные вопросы, говорил традиционные слова о гуманности нашего дела и исчезал до следующей встречи. Даже во время памятных событий, связанных с похищением наследника, когда весь отдел встал на дыбы и работа шла круглосуточно, он ухитрялся оставаться незаметным, как бы в стороне от происходящих событий.

Юноша был похищен террористами «двадцать-двенадцать». Организация эта прорицает скорый конец света. Цифра 2012 имеет для них некое мистическое значение, смысл которого сокрыт в туманных образах из забытых пророчеств и древних легенд. Накануне этого печального события члены организации, а проще говоря, бандиты, занимались грабежами, похищением людей и вымогательством в самой неприглядной форме. Практиковали крайнюю жестокость и оправдывали самые тяжкие свои преступления неизбежностью божьей кары.

Похищение было совершено дерзко, среди бела дня. Преступники потребовали за заложника миллион золотом. Стацки отследил ситуацию, помог полиции найти «крота» в их рядах и даже — редчайший случай! — смог вычислить загородный дом, где прятали похищенного. В результате тайники провели блестящую операцию, Стефана наградили орденом «Большого Орла», а его прогноз попал в анналы как классический пример работы с информацией.

Я успел поучаствовать тогда, помогал Стацки и снискал его благосклонность — заслуженный мастер начал относиться ко мне если не как равному, то с большим пиететом. А вот Еве такая возможность пока не представилась.

Усмешка тем временем исчезла с ее губ, лицо стало задумчивым, а взгляд — прицеливающимся. Под тугим узлом волос, в точеной головке шла упорная работа мысли.

Из недр стола Ева извлекла высокий стакан, наполнила водой и поставила передо мной. — Послушайте, Зрячий, — негромко проговорила она и села напротив. — Нам с вами надо очень постараться и дать результат. Господин директор поведал мне приватно, что кое-кто пытается свести дело к заболеванию женщины. Подумаешь, просто сумасшедшая, место которой в госпитале, под неусыпным присмотром врачей. С кем не бывает? На худой конец, другая, но тоже обычная ситуация: оператор тайно встречался с женщиной, обоих это устраивало, а потом всё пошло не так — может, он решил ее бросить, разлюбил или еще что-то... Мужчина начал рвать отношения, женщине это не понравилось. Далее по уже известному сценарию — от неразделенной любви у бедняжки помутился рассудок. Снова дело житейское, к Агентству никакого касательства не имеет.

Я глубокомысленно кивал в такт ее словам, прихлебывая воду.

— Но только дело обстоит совершенно не так. — Последняя фраза прозвучала так резко, что я невольно вздрогнул. — Есть информация, что это не первый случай, когда оператора используют в каких-то непонятных целях. Именно так — используют! Впервые это произошло пять месяцев назад, в Абитаре, небольшом городке на юге Республики. Там рассматривался матримониальный заказ: молодой мужчина решил жениться. Свадьба состоялась, и всё бы хорошо, но у невесты была родная сестра. Так вот — в роли жены оказалась она. Сватался к одной, а женился совсем на другой.

Ева откинулась на неудобном стуле, легким движением погладила пальчиком переносицу.

— Оператор клялся и божился, что делал всё правильно, линию судьбы вывел в направлении, заказанном клиентом. Как такое могло случиться, он объяснить не смог. Будто взял кто-то и передвинул вектор с одной цели на другую. Рядом расположенную. К счастью, скандал не разразился — незадачу уладили внутри семьи полюбовно. Отцу было безразлично, которая из трех дочерей выйдет за достойного человека. Молодые тоже как-то между собой договорились. Но факт осел в архиве как не поддающийся объяснению. А это плохо, когда мы не знаем, что происходит в результате информационного воздействия. Такого Экспертная служба позволить себе не может...

Я забыл про воду. Сейчас госпожа инспектор открывала мне секретную информацию, в этом сомнений быть не могло. Ничего подобного я ранее не слышал, слышать не мог, да и не должен был. История поворачивалась неожиданным ракурсом, начинала играть новыми красками. Что же здесь так цепляет надменную красавицу? Разве рискнула бы она без веской причины пойти на серьезное нарушение устава? Не тот человек Ева Мария, чтобы откровенничать с оператором ради приятного общения. Совсем не тот...

— Повторный случай был зафиксирован спустя три месяца в Капиталле, — продолжала Ева Мария. — Обычная процедура с мелким банковским служащим, призванная способствовать его карьерному росту...

— Его тоже женили? — не выдержал я. — На дочери директора банка?

— Нет. — Ева улыбнулась, и я поразился, насколько идет ей улыбка. — Сети Гименея на сей раз оказались ни при чем. По роду службы клерк принимал почту у курьеров и передавал ее по инстанции. Однажды он задержал одно письмо и передал другое. Не по назначению. В результате казначейская карета отвезла мешок с деньгами совершенно иному получателю, которого потом не нашли. Ошибка обнаружилась не сразу, а чуть позже выяснилось, что служащий накануне был на процедуре. Дальше уже знакомо: клерк быстро и качественно сходит с ума, продолжать дознание в этом направлении не представляется возможным. Оператор пребывает в полном недоумении — все его действия укладываются в общепринятые схемы работы.

— И вы полагаете, что кто-то опять передвинул вектор?

— Полагаю.

— Кто проводил расследование? — Я немного вольничал, вставлять вопросы в беседе с вышестоящим начальником не принято, но госпожа Сантос не обратила на это ровным счетом никакого внимания.

— Регионалы. Имена называть ни к чему, но уверяю вас, Мартин, компетенция господ достаточно высока. Была создана совместная комиссия из экспертов и операторов, — я невольно отметил, что экспертов она поставила на первое место, — по заключению которой оператора признали невиновным. Это не было ошибкой в процедуре, Мартин. Это было целенаправленное воздействие. Теперь сомневаться в этом не приходится — кто-то активно разрабатывает методы перехвата линии судьбы, произвольно меняет ее направление и получает результат.

— А банк? — оторопело спросил я. Всё, что я сейчас услышал, еще не поместилось в моей голове.

— Банк? — Ева Мария недоуменно поглядела на меня своими удивительными глазами. — Банку Агентство выплатило компенсацию. Из своих резервов. Вы понимаете, что это дело должны поднять мы? Тайников привлекли втемную, они пока собирают информацию, не зная всех обстоятельств. Но долго так продолжаться не может. Скандал набирает ход, и скоро количество участников достигнет того уровня, когда места для секретов не останется. Мы должны успеть первыми, оператор.

Теперь я начал кое-что понимать. Еве необходимо громкое дело, масштабное, с широким резонансом в пределах как минимум Агентства. Дело, на котором можно будет совершить карьерный скачок наверх, к ключевым постам. Мне тоже карьерные устремления не чужды, но еще больше меня заинтересовала суть происходящего. Я и предположить не мог, что такое возможно — перехватить вектор и перенаправить его в произвольном направлении!

Как там спрашивал Стачки: «А вы могли бы отсмотреть, если бы вам вдруг это чрезвычайно понадобилось, энергетику человека без его согласия? И построить произвольный вектор?..»

А далее Стефан сказал: «Тем не менее такие работы проводились...» Что имел в виду старый оператор? И что он знает?

Глава 3

Глава 3

В свое время в Академии нам преподавали специальный предмет — работа с клиентом, находящимся в состоянии гипноза или под действием инъекции «сыворотки правды».

Гипнотизер после ввода объекта в транс дает установку на полную и безоговорочную правдивость. Готовность к сотрудничеству становится абсолютной, и объект рассказывает даже то, что в другом случае попытался бы скрыть. Учтем, что устная информация для меня второстепенна, важнее, какие образы и схемы появятся в голове объекта.

Нужно поймать момент, когда оператор увидит линию судьбы, и проследить, как он оценит и построит вектор. Весь фокус гипноза заключается в том, что при отключении сознательной сферы обнажается подсознание, контакт становится максимальным и мои возможности многократно увеличиваются.

Считается, что гипнотическое состояние клиента значительно облегчает работу, но на практике я такого никогда еще не делал. Методы суггестии в отношении граждан запрещены законами Республики и применяются только с ведома Генеральной прокуратуры. В случаях, когда преступления представляют особую опасность для общества, выдается специальное разрешение на воздействие. И случаи эти можно пересчитать по пальцам одной руки.

Суть происходящего не давала мне покоя. Ускользая от ясного понимания, события, что мне открылись, вызывали неясную тревогу, наподобие ноющей зубной боли. Вроде бежать к дантисту сломя голову рано, но задуматься о визите вполне своевременно.

Во время обучения мы с Наставником не раз обсуждали возможности применения дара сенсов в криминальной среде. Мошенничества с недвижимостью, перевод денежных средств, липовые завещания и долговые расписки, многое другое становилось доступно оператору, если бы он вдруг решился использовать свои знания и умения во вред клиенту. Но отчет о процедуре тщательно изучают эксперты, а строить вектор без взаимодействия с клиентом до сих пор считалось невозможным.

И всё-таки преступления редко, но бывали. Нашумевшей историей — нашумевшей, естественно, в узких кругах сенсов — стал случай с оператором седьмого отдела. В течение месяца он, по сути, руководил деятельностью небольшого банка. Директор и управляющий обращались за консультациями, оператор принимал их раз за разом, но векторы строил так, что деньги утекали третьим лицам. В итоге банк разорился, а злоумышленники обогатились на очень значительную сумму.

Однако дело было раскрыто, виновные найдены и наказаны. Выяснилось, что жену и дочь оператора эти самые третьи, заинтересованные лица удерживали в заложниках. Теперь вот снова похожая комбинация. Но есть и отличие. Кардинальное. Там оператор сознательно использовал служебную информацию в преступных целях. Пусть и по принуждению, но выполняя свою основную работу. Тут же — оператор клянется всем святым, что проводил стандартную процедуру, но вот эффект...

Эффект оказался совершенно иным.

Значит, вновь встает зловещая тень методики, дающей контроль над поступками человека.

И тут вспомнилась черная птица, и опять по телу прошла дрожь. Привиделся мир людей-марионеток: по улицам Капиталлы, по проспекту Свершений идут идеально ровные

колонны. Застывшие лица, устремленные в одну точку глаза, механические монотонные движения...

Меня передернуло. Неужели бредовые идеи и досужие вымыслы о навязанном поведении могут воплотиться в реальность?

* * *

— Ну же, Зрячий! — Ева нетерпеливо теребила мой рукав, выводя из задумчивости. — Вы осознали важность происходящего? Готовы действовать решительно?!

— Да, госпожа эксперт, сделаю всё, что в моих силах, — твердо ответил я.

Мне теперь покоя не даст вопрос — что же случилось? Действительно возможно строить векторы без согласия клиентов или здесь что-то другое? В любом случае загадка эта требовала решения. Да и успешно проведенное дело не помешает. Утвердить свою репутацию в Агентстве — это мне на руку.

— Рада, что я в вас не ошиблась! Теперь вот что, бросайте копаться в бумажках. Всё равно из них ничего нового не выжать. С минуты на минуту привезут Корга, а гипнотизер уже находится в директорском кабинете. Я лично ходатайствовала перед региональным директором о подключении лучшего специалиста в этой области. Не будем терять времени на лишние разговоры и неэффективные методы дознания. Ах, если бы я сама могла его протестировать! — Ева азартно сжала кулачок. — Увы, бог не дал такого таланта. Поэтому всецело полагаюсь на вас. Проведите оператора по всем уровням, отследите все каналы и опорные точки, но найдите разгадку этой тайны!

На ее щеках проступил румянец, глаза сверкали, нежно очерченные губы сжались упрямой складкой. В сердце у меня что-то екнуло. Вот уж не думал, что могу залюбоваться госпожой экспертом...

— Куда доставить клиента? — Она перешла на деловой тон.

— В кабинет, там привычнее...

— Я так и думала и, уж извините, сама дала соответствующие указания. Ступайте, Мартин, и помните — в ваших руках сейчас ваше будущее. И не только ваше. Мы, аристократы, добро помним, Зрячий, это у нас в крови. И да поможет вам бог...

А ведь действительно, понятия о чести у благородных на недостижимой для простых смертных высоте, и в некоторых вопросах они чрезвычайно щепетильны. Я еще раз взглянул на Еву Марию — да, такая действительно поможет в продвижении по службе.

Я покинул кабинет и направился в операционную. Улыбаться Лили или обсуждать со Столбом предстоящий боксерский матч желания уже не было, я настраивался на свой бой — с непонятным и грозным явлением. Если б знать тогда, чем всё это закончится...

На ступенях лестницы широкими мазками расплескались багряные цвета заката. Невольно подумалось — как запекающаяся кровь, но я тут же попробовал одернуть себя. К чему такие мрачные сравнения! Предстоит знакомое дело: провести процедуру, как делал это уже много раз...

Нет, шептал внутренний голос, не просто процедуру, и ты прекрасно знаешь это. Зачем себя обманывать? Перед тобой будет не рядовой клиент, а твой коллега, оператор. Ты не ставишь себе обычную цель — устроить счастливый брак или посадить кого-то на теплое местечко, — а собираешься оживить построенный вектор, повторить состоявшееся действие. Одно это уже для тебя внове. Ты хочешь разобраться в событиях, которые не должны были

произойти в принципе, но произошли...

Я толкнул дверь и шагнул в операционную. Одновременно с этим открылась дверь для посетителей, и незаметный человек в штатском завел оператора Корга. Его сутулая грузная фигура мелькнула в проеме, а потом он зашаркал к креслу. Виден опыт, даже подсказывать ничего не нужно.

В операционной присутствовал еще один участник предстоящего действия — пухленький коротышка с внешностью знакомого с детства доброго доктора Неболита. Старомодное пенсне, борода-эспаньолка, пухлые розовые щечки. Лицо лучится улыбкой. Это и есть гипнотизер, понял я. Вот так, улыбаясь, он и выворачивает мозги наизнанку...

Корг опустился в кресло и поднял лицо. Посмотрел на меня, и сердце мое болезненно сжалось. Такого страдания мне еще не приходилось видеть: полные мировой скорби глаза, трагически опущенные, как на старинной театральной маске, уголки рта, печально обвисший нос. Человек, сумевший выразить столько горя на лице, не может быть злоумышленником. Права не имеет.

Что же случилось с тобой, парень? Кто же так жестоко с тобой обошелся? Это и предстояло выяснить...

— Приступим? — ощерился Неболит и весь подался к креслу с застывшим Коргом.

— Да, доктор, начинайте, — откликнулся я.

Улыбка исчезла с его лица, будто ее стерли мокрой тряпкой. Кошачьей походкой гипнотизер двинулся к креслу, натягивая на ходу черные замшевые перчатки. Весь он был облачен в темные одежды и за счет мягкости движений терялся на фоне операционной, сливался с интерьером. Как бесплотная тень, как морок в полуночный час.

Подойдя к оператору, забормотал успокаивающим голосом с мурлыкающими модуляциями:

— Дорогой мой коллега, расслабьтесь. Вы должны мне довериться. Садитесь поудобнее, ручки свободнее, вот так... и расскажите всю правду о событиях недавнего прошлого. Здесь собрались не враги — друзья. Мы хотим вам помочь, но и вы должны откликнуться на наш призыв...

Продолжая убаюкивать клиента бархатным голосом, специалист извлек из кармана хрустальный шар с огромным количеством мелких граней и расположил его перед лицом Корга. Луч от светильника упал на грани, и те сразу откликнулись острыми иглами света.

Из-за того что доктор был едва виден, а рука его облачена в темную перчатку, казалось, что переливчатый шар висит в воздухе сам по себе. Слегка вращаясь, сияя всеми цветами радуги.

Я прикрыл глаза — пусть специалист занимается своим делом, мне тоже нужно настроиться. Пусть ничего принципиально нового делать не придется, но и проводить подобные процедуры самостоятельно мне еще не случалось.

Интересно, что разрешение на гипноздействие выдано фантастически быстро. Бюрократическая машина во всех сферах жизни работает примерно одинаковым образом, и такая оперативность могла означать, что мы столкнулись с чем-то очень опасным, угрожающим устоям государства. Либо приложил руку кто-то очень влиятельный и своей властью подвинул неторопливых чиновников к активным действиям. Либо и то и другое вместе...

Я волновался. Всё-таки передо мной был оператор, попавший в непростую и опасную переделку. Такой же сирота, как и я, пробивавшийся в жизни сам. Может, не слишком

талантливый и удачливый, но свой. Какие чувства я к нему испытывал? Радость оттого, что всё это произошло не со мной? Сочувствие? Ведь на месте этого парня мог быть любой из нас. Каждый оператор может оказаться под угрозой, и я в том числе!

Да, все эти мысли меня занимали, но еще — жгучий интерес к тому, как это могло произойти.

— Оператор... — услышал я и открыл глаза. — Клиент готов. Можете беседовать. Лучше задавать конкретные вопросы, обращаясь непосредственно к объекту по имени. Но у вас своя специфика, поэтому... Можно вызвать объект на разговор, пусть он рассказывает сам, только направляйте в нужное русло.

Гипнотизер жестом фокусника убрал свой волшебный шар, мягко отступил от кресла и тут же потерялся в тени у стены.

Я приблизился. Лицо коллеги, успевшего за короткое время стать «объектом», изменилось, стало неживым. Веки прикрыты, глазные яблоки утекли вверх, щеки и нос обвисли еще больше, но уже по-другому. Как-то безысходно...

— Приветствую тебя, оператор Корг, — начал я негромко. — Я — оператор Мартин, тринадцатый отдел. Сейчас мы будем работать. Это очень важно, нужно разобраться в том, что случилось. Постарайся вспомнить, коллега, как это происходило: пришел клиент, вы беседовали, что спрашивал ты, что отвечал он. Восстанавливай всю картину событий — постепенно, не торопясь и как можно подробнее. Начинай с момента появления клиента в операционной...

Корг начал монотонно рассказывать тихим, но внятным голосом. Всё, что он говорил, я уже хорошо знал, изучив документы накануне, поэтому я не стал вслушиваться. Поднес руки на десять сантиметров к его голове, стараясь ладонями почувствовать теплый ветерок энергии. Кожу стало покалывать морозцем, вращения не было, от Корга шел мощный холодный ток. Я сделал глубокий вдох с короткой задержкой — раз, два, три и...

Распахиваю объятия миру, на резком выдохе разбрасываю руки широко в стороны, как будто хочу обнять всю вселенную. Волна восторга захлестывает, тело вытягивается в струну, словно собирается взмыть в небо.

Деньги. Золотые монеты сыплются каскадом — на землю, в рыхлый жирный чернозем, и тонут в нем. В траву — ныряют между гибких стеблей, прячутся под широкие темные листья. Звонят по остроугольным, в трещинах, камням горного склона, по булыжной мостовой, по гладкому узорчатому мрамору чьих-то ступеней...

Столбиками лежат на грубом дубовом столе, между кружками с пивом и какими-то объедками. Звонят в маленьком кожаном кошельке, тяжелой тусклой массой заполняют большой кованый сундук...

Сейчас я вижу ситуацию господина X так, как видел ее Корг во время процедуры. Образы у нас могут различаться, но суть остается прежней — человек был прямо-таки помешан на деньгах. Сколько символов богатства одновременно! И рассыпавшиеся монеты — сожаление о каких-то упущенных возможностях. И желание обратить золото в насущные хлеб и вино.

И в то же время яркое стремление к накопительству, к сундуку. Жаден он, этот господин X. Может, его супруге было с ним не так уж и сытно...

Но всё это «мусор», мне нужен энергетический рисунок.

Быстренько сооружаю образ бухгалтера-счетовода. Я видел такого как-то в банке: маленький, серенький, над сутулыми плечами выглядывает желтоватая, вытянутая огурцом

лысына. Сажаю его за стол, даю мысленный приказ считать деньги и складывать в стандартные банковские мешочки по сто крон. Непропорционально большая рука с длинными пальцами с неимоверной скоростью пересчитывает монеты, ловко прихватывает и укладывает золотые столбики. На каждый пузатый наполненный мешочек счетовод ловко прищепляет ручным компостером бирку с прописанной суммой и подписью.

Отлично, пусть занимается делом, а рядом поставлю румяную щекастую хозяйку, дородную, статную, с лукавой веселой улыбкой. Пусть убирает со стола объедки и кружки, следит за порядком. Если надо, поможет бухгалтеру.

Все это расчищает ситуацию, облегчает выход к каналам.

Каким путем шел до меня Корг, сейчас не важно, главное — увидеть то, что видел он, и поймать линию судьбы клиента. И у меня получилось: несколько в отдалении от моей благолепной картинки, где бухгалтер продолжал сноровисто пересчитывать монеты, а хозяйка, благодушно улыбаясь, убирала со стола, тихо и незаметно трудился дворник. Маленький сгорбленный старичок в кошмарной шапке с торчащими ушами, в тулупе и высоких войлочных сапогах без каблуков, мел огромной метлой пространство. Что это за пространство, видно не было.

Вот так-так! Похоже, я поймал образ Корга! Что это, выверты контакта в гипнотическом трансе? И где он взял такой образ, совершенно не похожий на наших классических дворников в фартуках до пят, ботфортах и с бляхами на груди? Судя по всему, оператор работал незатейливо, сооружал собирательный образ уборщика, не размениваясь на детализацию и всякие красоты. Не гонялся за парусниками, не бросался острыми копьями. Это совершенно ему не в упрек, можно работать и так, порой эффект от простых картинок даже ярче.

Но всё это было уже неважно. Дворник медленно, но уверенно двигался в каком-то определенном, одному ему известном направлении. Конечно, ведь сейчас Корг шел уже проторенным путем, повторяя те действия, которые совершал. Не раздумывая, я пристроился за проводником, навел внутренний взор в точку между бровей и поднапрягся...

Краем сознания отметил, что оператор уже какое-то время молчит, грузное тело расплылось в кресле. Пусть...

Есть! Вот она, четырехуровневая модель ситуации. Всё как описывал Корг. Четыре четкие составляющие: сам клиент, старший приказчик, поставщик и партнер. Каким образом я разобрался, кто кем является, объяснить не могу, но мне самому всё совершенно понятно и хорошо видно. Рисунок у каждого уровня разный, но сомнений в распределении ролей никаких!

Вот шесть опорных точек, выстроились как на схеме. Так и есть — три горячих, оранжевых, и столько же холодных — голубоватых. На второй висит «гвоздь». Точка выглядит расплывчато, цвет «плавает», переходит из оранжевого в алый, мерцает. Приглядываюсь, возникает знакомый образ куриного яйца, на скорлупе несколько трещинок и шероховатости.

Между второй и третьей точками связь не прямая и ровная, а волнистая. Но алого свечения внутри нет, грубой деформации тоже, так и было сказано — не особенно-то и мощный «гвоздь». Оператор должен был разложить этот участок по пунктам и дать необходимые рекомендации, что, наверное, и сделал.

Словно подслушав мои мысли, яйцо начало медленно вращаться, поверхность его на глазах становилась гладкой, появился здоровый блеск. Я зачарованно смотрел на картинку

— сейчас передо мной открывался результат процедуры так, как он выглядит в информационной сфере. Результат не моей, а чужой работы!

Наверное, они о чем-то говорили тогда. Наверное, Корг убеждал господина Х, призывал понять или, быть может, простить своего начальника, старшего приказчика. Такой «гвоздь» чаще всего бывает результатом взаимного непонимания, мелких обид, борьбы мнений. Разве это трудно — послушать друг друга чуть внимательнее и постараться понять? И как часто мы этого не делаем...

Как бы то ни было, результат Корг получил. Яйцо медленно повернулось вокруг оси, и трещины на его поверхности исчезли. Связывающая нить между опорными точками потеряла извилистый характер, стала ровной и четкой. Точки засветились ярко и уверенно.

Все признаки информационной коррекции налицо. И следом, как столбик окрашенного спирта в термометре, немного рывками, от точки к точке, пополз рубиновый пульсирующий вектор. Линия судьбы.

Вектор прочертил всю информационную модель ситуации, от границы до границы, и застыл. Вокруг змеился изумрудный узор чужих мыслей и побуждений. Картинка слегка подрагивала, конфигурация линий немного изменялась, но общий вид устойчиво сохранялся.

А еще через миг призрачное видение затвердело, стало предельно четким и объемным. Линия судьбы — как замороженная в лед молния. Дивное полотно работы великого мастера... Финт! — понял я. Неким своим, неповторимым образом коллега выполнил финт! Теперь операция социальной адаптации считалась полностью завершенной, при этом с положительным результатом. Никаких вопросов к оператору после этого и быть...

Что за черт! Грязно-серые хлопья посыпались откуда-то сверху совершенно неожиданно. Представьте себе серый, истоптанный тысячами подошв снег городского тротуара, по неизвестной причине вдруг посыпавшийся с неба. Картинка на глазах стала терять четкость, размываться. И тут же вектор сдвинулся, как будто некая сила, ухватив за один конец, потащила его куда-то в сторону. На миг мне показалось, что я слышу треск и хруст раздираемой ткани бытия!

Я стоял потрясенный. На моих глазах некто неизвестным мне способом насильственно менял линию судьбы! Этого не должно было быть по определению, это не укладывалось ни в какие рамки, ни в какие представления о самой природе информационного поля. Это было невозможным, и это происходило здесь и сейчас!

Неожиданно на границе слышимости появился тихий, словно отдаленный аритмичный перезвон и еще что-то — может, топот ног, может, шуршание одежды. Одновременно на краю поля зрения мелькнуло движение, будто размытые тени за грязным стеклом...

Потом послышалось сдавленное и яростное: «Эк-х-х!» — и всё исчезло. Вектор встал под углом примерно в сорок пять градусов к первоначальному положению. Его верхний край теперь уходил за границу видимости, а цвет линии изменился: из рубинового он стал грязно-бурым. Из положительного — отрицательным.

Я был совершенно растерян, почти паниковал. Что теперь делать? Применять свои методы? Завести танц-коррекцию в тесном, заставленном мебелью пространстве операционной? Бессмысленно!..

Работу с образами отбросил не рассуждая, был абсолютно уверен — не поможет. Тут нужно было нечто иное, но что?

В отчаянии я потянулся к вектору. Хватать его руками, пусть даже мысленно, почему-то побоялся. Пришлось наспех соорудить крепкий, надежный на вид крюк. Зацепил им за

ближнее колено и что было сил потянул вниз, туда, где вектор располагался еще совсем недавно.

Острая боль ударила под ложечку, горячей волной прокатилась по позвоночнику. Ноги стали ватными, подкосились, и я согнулся пополам, пытаюсь выровнять дыхание. И в тот же миг утробно и страшно закричал оператор Корг...

Белым блином мелькнуло лицо гипнотизера, в котором не сохранилось и тени розовощекого добродушия.

Меня скрутило, повело по операционной. В кресле грузное тело Корга выгнулось дугой, его начали сотрясать сильнейшие судороги. Руки и ноги мотались из стороны в сторону, как у тряпичной куклы.

Я двигался к дальней двери, налетая на мебель, неверными, мучительными шагами, словно пьяный. Сознание отстраненно фиксировало происходящее. Уже у самого выхода меня вытошнило прямо на бледно-зеленый ковер. Ударом плеча я распахнул дверь и вывалился наружу.

Чьи-то крепкие руки подхватили мое тело, но не разум, стремительно проваливающийся в темноту...

* * *

Я открыл глаза — белый, высокий, совершенно незнакомый потолок, на котором играют веселые солнечные зайчики. Комната, судя по всему, просторная, но я здесь никогда раньше не был. Осторожно повернул голову и увидел высокое стрельчатое окно, створка чуть покачивается от сквозняка. Вот откуда резвящиеся на потолке зайчики. В проеме близкие ветви акации, а дальше — бескрайнее небо.

Так я и лежал, глядя в бездонную голубизну. Совершать какие-либо движения совершенно не хотелось.

Думать тоже не хотелось, но я мужественно предпринял попытку логического анализа. Если за окном светло и, учитывая положение солнца, время движется к полудню, значит, настал новый день. Вчера было... вчера. А теперь сегодня... Очень глубокий вывод.

Что же случилось? Вереница удивительных событий, произошедших со мной и завершившихся неожиданным финалом. Память восстанавливает картинку за картинкой: директор Аусбиндер в своем кабинете, задание, разговор с Евой Марией. Оператор Корг с печатью вселенской скорби на лице, розовощекий гипнотизер, процедура...

Да, вот оно, самое главное. Вчера мне удалась полная реконструкция информационного воздействия. Я проследил все этапы, а в конце наблюдал финт моего коллеги Корга! Здорово! Оператор проделал всё безошибочно, получил положительный результат, устранил затруднения клиента, к вящему его удовольствию. А вот потом... Потом началось страшное и невероятное...

Как наяву я опять увидел: вектор, меняя цвет, смещается, подвижный враждебной непреодолимой силой. Затрещало, будто кто-то огромный рванул над ухом прочное полотно, и я опять в панике кидаюсь к злополучному вектору. И страшно кричит, бьется в кресле оператор Корг...

Под ложечкой екнуло, и тело моментально покрылось гадким липким потом.

В это время скрипнула дверь, послышался звук шагов, приглушенное: «Он проснулся!» — и надо мной склонились двое. Сестра милосердия в высоком головном уборе с красным

крестом и господин Аусбиндер.

— Как вы себя чувствуете? — мягко спросила сестра и улыбнулась.

Я лишь шумно сглотнул и кивнул. Патрон смотрел на меня встревоженно и пытливо. Какое-то время он вглядывался в мое лицо, будто искал некие знаки, потом повернулся к спутнице:

— Вы позволите, сестра Анна? Нам с оператором необходимо побеседовать, дело чрезвычайной важности.

После воркования женщины голос директора прозвучал как скрип несмазанных дверных петель. Сестра Анна с сомнением взглянула на меня и неуверенно кивнула.

— Только недолго, — тут же заторопилась она. — Пациенту нужен покой...

— Конечно-конечно, всё будет так, как вы скажете. — Господин Аусбиндер, прихватив милосердную сестру под локоток и кивая в такт словам, уже тащил ее по направлению к выходу.

Хлопнула дверь, и орлиный профиль директора вновь повис надо мной.

— Давайте, Мартин, выкладывайте! — нетерпеливо заговорил он. — Уф! Как вы всех нас напугали... Что, черт подери, произошло вчера в операционной?

— Где Корг? — спросил я, глядя ему в лицо.

Патрон слегка запнулся, на секунду вильнул взглядом, но потом отчеканил, более не отводя глаз:

— Вчера после проведения процедуры Корг впал в глубокое беспамятство, а еще через два часа, не приходя в сознание, умер. У него было больное сердце. Что послужило причиной столь тяжелого приступа, врачи определить затрудняются. Но вы не придумывайте себе лишнего, Мартин. Пусть мертвые хоронят своих мертвецов, нам с вами надо думать о живых. Рассказывайте.

— А я где?

— Вы? — Господин директор чуть удивленно оглянулся вокруг. — В госпитале Святой Барбары, где же еще. Сказать правду, вы тоже были вчера не в лучшем виде. Вас притащили охранники еле живого и бледного как смерть. Я на своем авто стремглав помчал вас сюда. Здешние врачи просто кудесники — вкололи какое-то снадобье и обещали, что к утру вы будете на ногах. Слава богу, обещание свое они выполнили. А теперь рассказывайте. Чертов гипнотизер не смог связать двух слов. Всё, что удалось у него узнать, — вы стояли над Коргом в напряженной позе, тот вначале рассказывал, потом замолк, а затем началось это буйство. Ну же!..

На благородном лице господина директора отражался жадный интерес с легкой примесью беспокойства.

Говорить про меня, что я уже на ногах, наверное, несколько преждевременно. Но в голове действительно прояснилось, и чувствовал я себя вполне сносно. Сжато, без излишних эмоций, я изложил директору самую суть вчерашнего происшествия. Лицо господина Аусбиндера по ходу повествования вытягивалось всё более, а к концу стало и вовсе обескураженным:

— Вы хотите сказать, что кто-то изменил линию судьбы, построенную Коргом?

— Да, господин директор. Именно это я и хочу сказать.

— Но этого не может быть!

— До вчерашнего дня я тоже так думал...

— Что же мы имеем? — задумчиво промолвил он, справившись с изумлением. — Некто

неизвестный подключается к проведению процедуры или воздействует на результат по ее завершении. Может менять направление и знак вектора, смещать линию судьбы, куда ему заблагорассудится... Вы понимаете, что это значит?

Я молчал. Что тут можно сказать? Мои выводы были такими же, а о последствиях страшно помыслить.

— Этот некто сможет управлять людьми. Как бессловесными куклами, как опытный режиссер — актерами. И судя по всему, это только начало, проба пера.

О том, что это не первый случай, он промолчал. И я помалкивал. Как видно, в управлении отделом свои игры. Интриги, борьба интересов... Но я-то уже решил, кому буду помогать с большим рвением. И хоть стремление у нас пока одно на всех — поймать злоумышленника, но не стоит подставлять под удар Еву Марию. Кстати, где она? Мне очень недостает взгляда этих чудесных, табачного цвета глаз. И потом, мы же заключили договор, где же мой верный союзник?

— Мартин! Вы меня слышите? — Голос директора вернул меня к действительности. — Если всё так и обстоит — а у нас пока нет повода сомневаться в этом, — то дело принимает очень неприятный и опасный оборот. Под вопросом дальнейшее существование Агентства.

— Да уж, — поддакнул я. — Ни один оператор не сможет теперь спокойно работать...

— Не говоря уже о том, что применение подобного метода, даже его существование уже само по себе несет величайшую опасность для общества. Вы представляете, что может случиться, если навязать линию судьбы видному политическому деятелю? Это значит навязать ему линию поведения — заставить принимать нужные решения, утверждать необходимые законы. Какую ни возьми сферу — политическую, экономическую, да любую, — можно будет направлять жизнь Республики по своему усмотрению! Что это будут за усмотрения? И чьи? Врагов у государства предостаточно. А криминал? А «двадцать-двенадцать»? Только одних этих... господ хватило бы с головой!

Директор перевел дух и принялся шагать от койки до двери и обратно.

— Такой инструмент управления не должен оставаться в руках злоумышленников. Да вообще в чьих-либо частных руках. — Тут директор слегка замедлил бег и остро глянул на меня из-под излома брови.

Я понял, что в светлой директорской голове оформилась идея: в руках определенных государственных служб такой инструмент находится просто обязан. Эта мысль лежала на поверхности. Такие работы уже проводились, говорил Стачки, но исследования были признаны негуманными...

Патрон вновь возвышался над моей койкой:

— Мы должны его найти, Мартин! Именно мы, Агентство, и в ближайшее время, — директор слегка замялся, но ненадолго, — точнее, это сделаете вы. Как себя чувствуете? Я вижу, что неплохо. Некогда разлёживаться, оператор. Каждый потерянный день грозит непредсказуемыми последствиями. Кто может знать, что в голове у этого маньяка? Быть может, прямо сейчас, пока мы с вами тут говорим, он задумывает какое-нибудь чудовищное злодеяние! Воздействие на первых лиц государства! Или уже претворяет свои низкие замыслы в жизнь...

При последних словах голос господина директора снизился до шепота. Несмотря на патетику, картина действительно получалась апокалипсическая. Чуть сбросив накал, патрон продолжил:

— Вопрос очень серьезный. Принимайтесь, оператор, немедленно. Любое содействие

будет вам обеспечено: допуск к секретным архивам, при необходимости консультации любых специалистов. Самые широкие полномочия... Вот только у меня есть к вам просьба.

Ого! Господин директор, высокородный дворянин, обращается к штатному оператору, своему подчиненному, с просьбой?!

— Постарайтесь сделать всё это по возможности тихо. Тайников мы всегда успеем подключить, и вообще широкая огласка нам сейчас навредит. Слишком нестандартная ситуация. Поэтому пусть о наших выводах будем знать пока только мы с вами. Вот когда появятся результаты, подумаем, как эффективнее пресечь деятельность опасного чудотворца. И все новости о маньяке сообщайте мне в первую очередь...

Как видно, господин директор не чурается венца спасителя отечества. Он желает заполучить метод и разработчика, чтобы потом передать их скопом высокопоставленному покровителю. Эту персону Аусбиндер выберет сам, и его заслуги не будут забыты. А мне предстоит таскать для него каштаны из огня.

И сейчас он одной рукой выдает мне карт-бланш, а другой, в то же самое время, ограничивает мои возможности. Старый хитрец! Прежде чем делить шкуру медведя, надо бы ее сначала добыть! А что может произойти во время охоты, пока неизвестно.

Но моего мнения, похоже, не спрашивают. Всё уже решено, и если надо будет, господин Аусбиндер заручится любым, самым высоким покровительством. Я грустно молчу в ответ.

Тут дверь отворилась. К тому времени я уже сидел в постели. Заботливые сестры госпиталя Святой Барбары нарядили меня в длинную холщовую рубаху, но при появлении Евы Марии я испытал легкое смущение.

Быстрым шагом женщина приблизилась к кровати:

— Боже праведный, я уже всё знаю! Главное, что вы живы, Мартин! — Она заметила или сделала вид, что только сейчас заметила директора, и слегка замялась. Выдержала эффектную паузу. Мною овладевало чувство, будто я на подмостках — участвую в отлично срежиссированном и отрепетированном представлении.

— Хорошо, что вы пришли, Ева Мария, — протянул патрон. — Мы как раз обсуждаем с оператором Мартином будущую стратегию. Совершенно необходимо, чтобы в деле участвовали и вы. Сейчас я оставлю вас вдвоем: обсудите всё и выработайте совместную тактику.

С этими словами он обернулся ко мне, а я перехватил взгляд из-под пушистых ресниц, что метнула госпожа эксперт в господина директора. Не хотел бы я, чтоб на меня когда-нибудь так посмотрели!

Но тот ничего не заметил, сухо проронил:

— Уже сегодня надеюсь увидеть составленный план действий, оператор.

И с тем степенно удалился, бросив на прощанье взгляд поверх голов. Туда, где одному ему был виден результат наших будущих усилий.

Вот так! Обсуждать стратегию оператор Мартин будет с господином директором, а с вами, госпожа эксперт, только тактику. Ну, аристократы! Высший пилотаж!

Я посмотрел на Еву — презрительная усмешка превратила нежное личико в холодный отталкивающий лик. Но лишь на миг — дворянка быстро взяла себя в руки. Прикусила губку, усмехнулась и встретила со мной глазами.

Этот чудесный табачный цвет начинает действовать на меня прямо-таки гипнотически. Не к ночи будь помянуто сие славное действо. Пусть высокородные играют в свои игры, мне до этого нет дела. Но вот за такой взгляд Евы я могу отдать многое...

— Вам придется теперь всё рассказать мне, Мартин, — мягко проворковала она.

Я смотрел на нее и думал: сколько во всем этом игры и сколько искреннего чувства? Я вам всем сейчас нужен, это понятно. Понятно и то, что господин директор посчитал достаточным отдать приказ. А что ты, Ева, готова пообещать? А подарить?

Пришлось всё рассказать снова. Она внимательно слушала, в ее глазах появился азартный блеск.

— Что ж, Аусбиндер благословил наш тандем, значит, так тому и быть. Я надеюсь на вас, Зрячий. Любая помощь с моей стороны гарантирована — только скажите, что нужно сделать. Мы должны найти этого парня, Мартин! Найти и препроводить тепленьким в Агентство. И тогда, я вам обещаю, наши имена прозвучат в самых высоких сферах. И прозвучат очень благоприятно.

О том, что предприятие может оказаться опасным, господа аристократы, похоже, не думали. То, что рисковать своей шкурой буду я, тоже никого не интересовало. Мне стало грустно, и Ева Мария это уловила.

— Послушайте, Мартин, — она придвинулась ближе, положила руку на плечо, и глаза ее вновь наполнило участие. — Я понимаю, вы порядочно пережили вчера. Может даже, были на волосок от смерти. Бедняга Корг так и вовсе ушел в мир иной. Но сделанного не воротишь, а нам надо двигаться вперед. Сейчас отдыхайте, набирайтесь сил, я распоряжусь, чтобы уход был по высшему разряду. Только долго лежать нет возможности, время играет против нас.

Вот так, всё во множественном числе, объединяющее...

От нее шел дивный запах каких-то дорогих духов, очень женский, и я впервые подумал, что, может быть, Ева Мария не такая уж гордячка. И совсем не стерва, а просто стремится завоевать положение, достойное себя. И если я смогу ей помочь, то обязательно помогу. А попутно, может быть, спасу мир. Благо, не я первый и, наверное, — не последний.

* * *

Все произошло так, как обещала госпожа эксперт. Врач настоятельно рекомендовал остаться еще в течение нескольких дней (вам просто необходим покой!), попенял мне за мою нетерпеливость, но потом отпустил с богом. Меня накормили сытным и вкусным обедом, вернули вычищенную одежду, дали на дорогу пузырек с коричневой жидкостью (хотя бы принимайте лекарство, это вас поддержит), о котором я сразу же постарался забыть, и на госпитальной карете отправили в Агентство.

Несколько часов я составлял схему возможных направлений поиска и план действий. Окончательно утомившись, решил, что пора сходить на веранду — испить кофею с булочкой, пообщаться с коллегами, если таковые там найдутся.

Близился вечер, всё было как вчера. Тогда я вышел из директорского кабинета и направился на встречу с Коргом, закончившуюся столь трагически. Точно так же лучи заходящего солнца окрашивали ступени лестницы резкими багровыми мазками и сгущался по углам таинственный сумрак. И отражались на перилах, отполированных тысячами ладоней, загадочные алые блики.

Так же пружинил мягкий ковер под ногами и из приемной доносились негромкие голоса. На какой-то миг мне показалось, что ничего не было — операционной, злосчастной процедуры, Корга и задания директора.

Увы, всё это было.

На третьем этаже сидят два человека, ожидающих от меня быстрых результатов, и по крайней мере одному из них я хочу доставить эту радость.

Где-то ходит другой человек, задумавший превратить наш мир в театр, где он будет главным кукловодом.

Умер оператор, и этого не изменить, но очень хочется верить, что не по моей вине. Только кто может знать это наверняка? И если всё-таки я повинен в смерти Корга — хоть краешком! даже по неведению! — то я в неоплатном долгу. И отдать этот долг можно, только преградив путь преступнику. Тому, кто метит в кукловоды.

Наконец, я сам не желаю быть куклой. Если сегодня ничего не предпринять, не остановить злоумышленника — а в его злом умысле сомневаться не приходится, — то завтра все мы можем превратиться в покорных бессловесных рабов. А я — не раб!

Мысли эти крутились в голове безостановочно, и с каждым шагом решимость моя продолжать поиск крепла. Я шел будто не на веранду — выпить чаю, — а в бой! Будто там мог ждать меня противник. После вчерашних событий, после смерти моего товарища — такого же, как я, оператора, сироты и честного человека — я чувствовал, что неизвестный маньяк становится моим личным врагом.

На веранду я не вошел, а ворвался, полный боевого задора. Но противника там не оказалось — за столом в полном одиночестве восседал Стацки. Перед ним в крошечной чашечке кофе — давно остывший, в углу рта зажат неизменный окурочок сигары — давно погасший. Может быть, чашечка наполнена совсем не кофе, а содержимым знаменитой серебряной фляжки Стефана.

Он уставился на меня из-под отяжелевших век, в глазах плавали шальные огоньки. Губы кривила пьяная усмешка. Таким я Стацки видел впервые. Он мог позволить себе чуть-чуть коньяку, но оставался всегда в рамках приличий.

— Наше вам с кисточкой, Зрячий, — ухмыльнулся ветеран. — Как продвигается расследование преступлений против Агентства?

— Здравствуйте, Стефан, — выдохнул я вместе с воздухом боевой задор и присел. — Вы о чем?

Он полностью в курсе событий? Как же насчет секретов, нежелательного подключения тайников и прочей конспирации? Допустим, Стацки пытались привлечь к вопросу, и он знает о проблеме, хоть и отказался участвовать. Однако у меня сложилось впечатление, что ему известен и результат вчерашней процедуры.

Стацки оперся, почти лег на стол и уставил в меня прокуренные пальцы с зажатым окурком:

— Бросьте, Мартин, — нараспев протянул он. — Вначале администрация с экспертизой ищут кого-либо, кто возьмется разобраться с бедолагой оператором, попавшим впросак. Потом означенный бедолага неожиданно умирает от острого сердечного приступа. А заодно в госпиталь попадает тот, кто с ним работал. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы связать одно с другим.

Так и есть, его тоже приглашали на беседу, предлагали, а он...

— Почему вы отказались, Стефан?

— Потому что я уже играл в эти игры.

Стацки откинулся на спинку стула, на столе осталась лишь рука с забытым окурком. Он уставился куда-то в угол, веки прикрыли налитые мутиью глаза, но голос прозвучал

неожиданно трезво и внятно:

— Я говорил вам, что тема управления поведением людей уже разрабатывалась. Давно это было... Нам тогда поставили вопрос — как работать с информацией, как строить линии судьбы, чтобы человек поступал определенным образом? Можно ли через информационное воздействие запрограммировать отдельного человека, а еще лучше — группу людей на определенные поступки?

Стефан невесело улыбнулся воспоминаниям.

— Мы были молоды... Хотелось интересных сложных задач, неожиданных ярких решений. Хотелось славы, хоть бы и в пределах собственного Агентства. Из нас, тогда еще начинающих сенсов, сформировали группу. Четыре человека получили одну и ту же задачу: провести процедуру и завершить ее финтом так, чтобы клиент потом выполнил некие заранее оговоренные действия. Например, пошел и купил в ларьке коробку определенных папирос. Кто были эти испытуемые, я не знаю — от нас это скрывали, да мы и не интересовались...

Он помолчал.

— Все четверо уже имели опыт работы. Обладали своими методами, отработанным финтом, но результата никто получить не смог. Объект никогда не выполнял задание полностью, всегда что-то путал. Потом двое отошли от программы, заявив, что задача не имеет решения и управление людьми невозможно в принципе. Но двое остались — я и Ворон...

До этого момента я молча слушал, не пропуская ни слова, но тут встрепенулся:

— Как вы сказали, Ворон?

— Да, Ворон, — задумчиво повторил Стацки. — Так мы его называли. Кроме прозвища мы ничего про этого человека не знали... Он был талантлив, Мартин. По-настоящему талантлив. Он говорил, что танец, любовь и бой есть один и тот же процесс, проявленный в разных своих ипостасях. Все три действия — грани единого целого, а целое это поворачивается к нам той стороной, которую мы в состоянии воспринять. Отсюда танцевальные па могут походить на движения во время любовного соития. Любовь сродни завоеванию, схватке между мужчиной и женщиной. И, наконец, бой должен выглядеть со стороны как танец. И любая из этих граней — прямой путь к информационным структурам. И не просто к структурам, а туда, где нет различия между причиной и следствием. Где действительно зарождаются все происходящие в реальности события.

Стацки потянул из кармана заветную флягу, жестом предложил мне, и я так же жестом отказался. Я сейчас жаждал не коньяка, а продолжения рассказа. Стацки хлебнул из фляги, пожевал губами, и я не выдержал:

— Что же было потом, Стефан?

— Потом... А потом произошли мутные события, Мартин. Ворон увлекался фехтованием. Встречался с такими же любителями поножовщины, как и он сам, — был у них свой клуб по интересам. Пропадал там целыми днями. Часами мог рассказывать о холодном оружии: кинжалах, мечах, рапирах. Он не уставал повторять, что фехтование есть бой, совмещенный с танцем, почти готовый мостик к решению нашей задачи.

— Он добился успехов? — с замиранием сердца спросил я.

— Как сказать... Столь ярко, чтоб объект выполнил команды точно и в срок, такого результата он не получил. Но продвинулся дальше всех нас намного. Задания были простыми, объекты иногда путались, и всё же... Представьте себе человека, который в

определенное время приходит в определенный дом, имея при себе мешок динамита. Поджигает фитиль и сосредоточенно ждет, когда прозвучит взрыв. Это не религиозный фанатик, не сумасшедший и не самоубийца. Это совершенно обычный, среднестатистический гражданин Республики. Конечно, задача была учебной, и динамит тоже, но я видел такое однажды собственными глазами. Реального воплощения подобные операции не получили, и всё же...

Оператор вновь замолчал, раскуривая сигару, но потом продолжил:

— А кстати, Мартин, Венера тоже знала Ворона. Она не входила в экспериментальную группу, но была с ним знакома через меня. Порой мы весело проводили время в кабачках и дансингах. Так вот, Венера слушала рассуждения Ворона, раскрыв рот, и, похоже, кое-что запомнила. А может, и применяет сегодня в работе. Ну да бог с ней, разговор сейчас не о том. Я тоже слушал своего товарища с неподдельным интересом, хотя мой финт лежит в совершенно иной плоскости. А потом, неожиданно, Ворон пропал. Говорили, что он убил человека на дуэли. Я знал, эти любители поножовщины в своем клубе практиковали такие вещи — биться до смерти одного из поединщиков. Естественно, полиция такого не одобряла. Но накануне что-то произошло в Агентстве, какая-то крупная неприятность, которую замяли. Сути никто не знал, но сразу три высших чиновника Главного управления подали в отставку. Без объяснения причин сменили директора регионального управления, который только набирал ход и имел, по мнению многих, большую служебную перспективу. Куда он подевался потом — никто не знает. Исчез и Ворон. Следом закрыли тему, а мне приказали всё забыть, будто ничего и не было. Через два года я узнал, что человек, которого мы знали как Ворона, погиб при невыясненных обстоятельствах. Даже могила его есть на ведомственном кладбище Агентства, и я там был. На надгробии только псевдоним и дата смерти, тайна Ворона погребена вместе с ним.

Я глубоко задумался. Мне сразу припомнилась тень птицы, преследовавшая меня, те странные звуки и звон, что слышались во время изменения вектора. Но главное, теперь я знал, что кто-то уже прошел этим путем, добился реальных результатов. Знал, что изменение линии судьбы, а следовательно, и поведения человека возможно. Значит, всё виденное не горячечный бред, не плод моей больной фантазии...

— Знаете, почему я вам всё это рассказал, Мартин? — Я вздрогнул от голоса Стефана, от прикосновения его руки к своему плечу.

Теперь я смотрел ему в глаза, и никакой пьяной мути в них не было.

— Вы единственный, кто может повторить путь Ворона. Уж не взыщите, все мы знаем друг о друге многое, и я знаком с вашим финтом. Танец с клинком — это почти прямое воплощение его идей. Немного иное, но очень близкое. Я любил Ворона, этот человек был мне другом, но незадолго до исчезновения он начал бредить своим величием. Грезил мировым господством и временами становился по-настоящему опасным. Сдается мне, что сегодня старая забытая идея вновь приобретает актуальность. Не удивляйтесь тому, откуда я это знаю, слишком долго я в системе... Одно хочу сказать: если кто-то сегодня вновь вышел на тропу Ворона, да хоть бы и он сам, восстав из Ада, его надо остановить. Нельзя выпускать в мир такой метод, мир к нему не готов. Обязательно найдется деятель, который захочет переделать жизнь так, как ему это покажется правильным. Вот тогда и наступит конец света...

Мы смотрели друг на друга и думали об одном и том же — как найти и остановить маньяка?

— Если мне потребуется помощь, вы мне поможете, Зрячий? — спросил я Стефана.

— Да, Зрячий, всем, чем смогу, — ответил он.

Часть 2, глава 1

ЧАСТЬ 2. ТЕМНЫЕ ГОРИЗОНТЫ

Глава 1

Сегодня утром я изменил своему обычному маршруту. Похоже, теперь многое предстоит менять в жизни, и порой кажется, что я живу уже в какой-то новой эпохе, другом времени, а может быть, и в ином измерении. Человечество стоит на пороге грандиозных событий, но никто об этом пока не знает и даже не догадывается.

Все так же лениво течет время в узких улочках Предместья, старенькая конка исправно везет пассажиров, и у поляка не переводятся папиросы моего любимого сорта. В пивной «Пена» подают свежих раков, размерами напоминающих сказочных подводных чудовищ, и, может быть, именно сейчас легендарный налетчик Лорд Железный Коготь сдувает с хмельного напитка летучую белую пену...

Вчерашний день, неимоверно длинный, закончился относительно спокойно. Я составил-таки план действий и предъявил его господину директору. Патрон воспринял мои труды благосклонно, и теперь мне предстояло выполнить первый пункт — повидаться с Наставником.

Стать оператором можно по-разному, но чаще всего в АСА попадают со школьной скамьи. В современных школах предусмотрены группы детских психологов, исследующих психику ребенка: этапы взросления, адаптацию к новым условиям, усвоение знаний и сопротивляемость к нагрузкам. И мало кто знает, что почти все эти психологи являются штатными или хотя бы внештатными сотрудниками Академии Прикладных Знаний.

Количество психологов может быть разным и зависит от статуса учебного заведения. В престижном колледже для дворян такой специалист, как правило, один на класс, дюжину учеников, и действительно имеет не только диплом Академии, но и немалую практику в АСА, а порой и научную степень. В бедняцких районах это один, редко два человека на всю школу, ничем особенным во время учебы не отличившиеся. Они не тратят много времени на изучение детской психики, зато внимательно следят за пополнением рядов будущих операторов.

Проходя по школьному коридору, лавируя среди мельтешащей детворы и раскланиваясь с господами учителями, вы сразу и без труда определите психологов. Это сплошь мужчины, все как на подбор невысокого роста, в неброской одежде, невзрачной внешности, но с мягкими манерами и улыбчивыми лицами. Они часто и охотно кланяются, никому не перечат и никогда не конфликтуют.

В то же время психологи чаще учителей встречаются с детьми: с младшими играют, со старшими беседуют, находят общий язык, даже дружат и ищут, выявляют, отсеивают из общей массы детей с повышенным чувственным фоном. У них есть критерии, которые позволяют точно определить у ребенка сенситивные возможности, и даже шкала, способная ранжировать выраженность этих возможностей.

Все это я узнал много позже, будучи уже курсантом Академии, а в приютской школе у нас был господин Батлинг. Я хорошо помню его лисью мордочку и вкрадчивый тихий голос. То ли квалификация Батлинга оставляла желать лучшего, то ли находить юные дарования

действительно непросто, но никаких способностей школьный психолог у меня не определил.

Судьба ребенка, взятого на заметку, тоже может быть разной. В любом случае об этом сообщается родителям. Аристократы могут в будущем выбирать — стоит ли их чаду связывать свою жизнь с Агентством. Такой выбор делают очень немногие, и высокородных операторов в нашей системе единицы. Гораздо чаще титулованную особу, как и в нашем отделе, можно встретить в рядах администрации или экспертов.

Из людей простого сословия многие соглашаются отдать детей в обучение. Почета и уважения тут не заработаешь: люди операторов недолгоблiviaют, и сенсы чаще ведут замкнутый, уединенный образ жизни. Но вот обеспечены сотрудники АСА очень неплохо и получают по выслуге лет хорошую пенсию. Это привлекает многих, и дети из бедных семей часто попадают на учебную скамью.

Пример — Жан Клод и Яков Патока. Оба оказались в Академии в пятнадцать лет. Жан Клод почти год как работает после пятилетнего обучения и стажировки. Патока стажирется после трех лет учебы. Срок обучения у всех разный, и определяет его только Наставник. Чем короче срок, тем способнее ученик. Если исходить только из этого критерия, Патоку ждет успешная карьера.

Из приютов пополнять ряды курсантов еще проще. Там брать согласие не у кого, сообщать некому, ребенка сразу переправляют в специальный лагерь и после короткого карантина приставляют к нему Наставника. Вырастают операторы, которые до поры даже не догадываются, что могли бы стать учителями, военными или дворниками. Впрочем, учитывая невеселую статистику, согласно которой большинство приютских пополняют собой банды Капиталлы, можно считать способности этих детей истинно даром божьим.

Со мной всё получилось не так. Родителей я не знал, сколько помню себя, отца с матерью заменяли воспитатели приюта Святого Мартина. Отсюда и имя, в нашем приюте Мартинами звали больше половины мальчишек. Воспитатели были не грубыми, били редко и еду у воспитуемых не воровали, что случалось довольно часто в других приютах. Так что грех жаловаться мне на тяжелое детство.

Рос как многие другие мальчишки: не хныкал, не просил и не очень верил окружающим людям. Как все учился в приютской школе, проскочил мимо недреманного ока господина Батлинга и в пятнадцать лет получил путевку во взрослую жизнь — направление на Биржу труда, которое до поры должно было заменить мне паспорт, а в придачу казначейский билет в пять крон. Но воспользоваться этой путевкой мне не довелось.

Так случилось, что, покинув гостеприимные стены приюта, давшего мне свое имя, по пути на Биржу я заметил уличных картежников. Двое мальчишек моего примерно возраста сидели около Рынка и катали зевак в блек-джек. Один метал карты, второй собирал деньги. Ощущая в кармане приятное похрустывание ассигнации, я подошел и стал наблюдать за игрой.

Надо сказать, что в то время я считал себя опытным картежником. В приюте развлечений было крайне мало, и все сверстники увлекались игрой в карты и кости, но блек-джек стал для меня новостью. Достаточно быстро разобравшись в стиле и манере игры, я решил попытать счастья.

Как всегда это бывает, вначале мне дали несколько раз выиграть, а потом незаметно вытянули все деньги — и выигранные, и собственные. Попытка восстановить справедливость привела к тому, что мальчишки брызнули в разные стороны, и я рванул за одним из них. Как забежал на задние дворы Рынка, в тупик, в пылу погони я не заметил.

Малолетний картежник юркнул в какую-то малоприметную щель, а я в тот же миг получил такой удар по голове сзади, что свет в глазах померк.

Очнулся я с сильнейшей головной болью и изматывающей тошнотой. Первое время видел перед собой только смутные силуэты, слышал отдаленный непонятный говор. Потом к моим ощущениям прибавилось мерное покачивание, и лишь спустя несколько дней я разобрался, что нахожусь в цыганской кибитке. Дядюшка Марло был самым настоящим цыганом. Он подобрал меня, оглушенного, с разбитой головой, без денег и вещей, и принес в свой табор. Маленькую котомочку со скудным скарбом, что дали мне в приюте, уличные шулеры забрали, исчезло и направление, единственный мой документ в то время.

Цыгане не были редкостью в Республике, они кочевали по просторам страны, как и сотню, и две сотни лет назад. Занимались извечным своим промыслом — воровали лошадей, торговали контрабандой, женщины гадали, а дети таскали кошельки из карманов на ярмарках.

Повезло мне или нет, что табор проходил тогда через Капиталлу? Наверное, повезло, во всяком случае, я об этом никогда впоследствии не пожалел. Не говоря уже о том, что дядюшка Марло и его племянница Мера спасли мне жизнь. Они выходили меня, отпоили отварами трав, секрет которых известен только старым цыганкам, и приняли в свою дружную семью. Да и куда я мог пойти без денег и документов? Даже обратно в приют меня бы уже не взяли...

И начался незабываемый период моей жизни, самый яркий и авантюрный. Табор кочевал по всей Республике. На юге мы крали лошадей, на востоке выступали на ярмарках, на севере принимали у контрабандистов товар и везли нехожеными тропами, через горы, на юг. А там вновь крали лошадей...

В таборе меня научили танцам, жарким, как объятия цыганки, и пылким, как сердце молодого ромала. Там я познакомился и подружился с длинным, хищно изогнутым ножом. Цыгане показали, как в танце рождается движение, неожиданное и неуловимое, которое становится последним, что увидит враг в своей жизни.

Дядюшка Марло относился ко мне как к сыну. Мера лишила меня девственности в неполные семнадцать лет. «Это тоже надо знать и уметь, золотой мой...» — сказала она тогда. Три прекрасных года, наполненных ветром, риском и волей, я провел в таборе, три незабываемых года, пока однажды полиция не устроила на цыган облаву.

Конные жандармы загоняли нас, как опытные охотники лисиц. Место было выбрано с умом — голая степь под одним из южных городков, по которой нас беспощадно гнали, настигали, убивали, пленили... Спасти не смог никто.

Но дядюшка Марло остался верен себе. Он показал полицейским, что я — захваченный гражданин Республики, за которого цыгане хотели получить выкуп. Что к бродячему племени я никакого отношения не имею. А может, и приплатил кому следовало. Так или иначе, всех уцелевших цыган, Меру и дядюшку Марло с простреленным плечом погнали в крепость Вюрт, а меня отпустили на все четыре стороны.

Я остался один, никому не нужный, всеми презираемый. Жандармы выдали справку, записанную с моих слов, но с такой справкой ни один фермер не хотел брать на работу. Всюду меня гнали как нищелюда и попрошайку. Неизвестно, чем закончились бы мои скитания, если б не прибил я к бродячему цирку, дававшему представления на площадях небольших городков. Три года колесил с маленькой труппой по стране, выступал акробатом и фокусником. Точнее, фокусником был старина Росс, а я ассистировал. Трюк назывался

«Зрящий в ночи» и заключался в том, что мой напарник угадывал предметы на расстоянии с завязанными глазами.

Росс становился на площади спиной к толпе. Я завязывал ему глаза полоской плотной ткани и просил зрителей разместить на небольшом, специально приготовленном столике какую-либо мелочь.

Что может быть у горожан при себе в ярмарочный день? Складной нож, гребень, пояс, что-то из фруктов. Потом вызывался доброволец. Под замирание толпы он поднимал любой предмет со стола. Напарник начинал шумно дышать, делать руками замысловатые пасы, всеми силами обозначая завязного ясновидящего, и, конечно, называл предмет. Толпа ревела...

Предвидеть нехитрый набор вещей несложно, и трюк был незамысловатым: простыми, обговоренными заранее условными знаками я сигнализировал Россу о том, что ему в данный момент показывают. Вот и всё.

И всё бы хорошо, пока однажды мы не попали в захудалый городишко Тирсенброн. Публика там собралась на редкость вредная, восторгаться нашим искусством не торопилась, наоборот, норовила подловить на обмане и изобличить в шарлатанстве.

Для начала на стол легло золотое кольцо. Обычно дорогие вещи выкладывать опасались — кто их знает, этих заезжих чародеев! Потом местный полицмейстер, присутствующий на представлении и поглядывающий на нас с большим подозрением, достал свой большой черный пистолет. Мы выкручивались, как могли, но когда на столе появился микроскоп, принесенный в пылу азарта местным учителем...

Вещь, в сельской местности невиданная и, конечно, нами не предусмотренная. Я уже был готов к тому, что сейчас нас с Россом под ликующий рев толпы поведут в местную кутузку. Из последних сил я напрягся, пытаюсь сообразить, как подать знак партнеру, как выбраться из провального положения.

И в этот миг вдруг увидел изумрудную паутину силовых линий, опорные точки и стрелу вектора. Тогда я не знал всех этих названий, не представлял, с чем имею дело, но в отчаянии послал неведомому рубиновому лучу образ глаза! И напарник воспринял его каким-то чудом! «Глаз! — заголосил тогда он. — Волшебный глаз сейчас на столе!» Публика остолбенела, тем более что многие этот диковинный прибор именно так и называли...

С тех пор наш стиль работы изменился. Мы больше не обговаривали систему условных знаков. В нужный момент я находил благодатную паутинку, улавливал направление рубиновой стрелки и посылал по ней образ предмета. Фокус стал более изощренным и теперь пользовался у нашей непритязательной публики небывалым успехом.

Так длилось до тех пор, пока цирк не заехал в Капиталлу. Я опять оказался в родных пенатах, хотя выступали мы в Предместье, но мне всё равно была приятна встреча с городом моего детства. Именно здесь после очередного выступления ко мне неожиданно подошел человек, внешностью очень напоминавший господина Батлинга.

— Ну-ка, сынок, расскажи поподробнее, как ты это делаешь, — ласково обратился он ко мне.

Тем же вечером за мной приехала карета с темными занавесками на окнах. Больше бродячего цирка я никогда не видел, для меня началась новая жизнь.

Сентиментальное путешествие я проделал вчера вечером в родной мансарде, с кружкой охлажденного пунша в руке. Его я приготавливаю по старинному пиратскому рецепту, вычитанному как-то в древней книге: крепкий ямайский ром, сухое красное вино, мед, сахар, ананасовый сок и немного специй. Тут главное — соблюсти пропорции, и у меня есть собственная формула. Вкус и крепость напитка просто восхитительны! Я прихлебывал из кружки, вспоминал свою жизнь и одновременно продумывал схему беседы с Наставником. Именно так мы их называли — людей, открывших для нас мир информационных взаимосвязей.

И вот я стою перед неброским зданием с вывеской «Академия Прикладных Знаний». Привлекать внимание здесь никто не стремится, и здание расположено под боком Университета Естественных Наук.

Этот старейшина учебных заведений страны выглядит основательно и тяжеловесно. Помпезное крыльцо главного корпуса — крылатые львы у подножья длинного ряда мраморных ступеней, портик с величественной колоннадой, золотые метровые буквы над входом сообщают миру, что здесь, собственно, расположено.

По всей территории разбросаны учебные корпуса. Меж ними по выложенным брусчаткой аллеям бегут студенты в мантиях, окликают друг друга, смеются. Неторопливо шествуют преподаватели в старинных напудренных париках, ведут неспешные беседы, чинно раскланиваются со студентами. Кажется, попадаешь в прошлый век...

А вот на задворках, за столярной мастерской, у заброшенной рощицы приютилась Академия. Здесь нет просторных лекционных залов, многолюдных аудиторий и учебных классов, увешанных наглядными пособиями. Не слоняются толпы студентов, не слышно веселых молодых голосов и смеха. Тишина и запустение. Одноэтажный домик хитро щурится на соседа-гиганта подслеповатыми окнами.

И это лишь верхушка айсберга. Подобно ледяной горе, здание уходит на многие уровни под землю. На каждом — уединенные кабинеты Наставников, которые занимаются с двумя-тремя курсантами по индивидуальной программе. Мы почти не встречались друг с другом, лишь раз в год, на выпуске можно было увидеть собратьев по alma mater в лицо.

Много позже, когда я стал оператором, мне не раз приходило в голову, что Академия, по сути, была моделью моей будущей жизни. Внешняя невзрачность, незначительность и мнимая простота нашей учебы сочетались с ярким и напряженным внутренним содержанием занятий. Картина мира, приоткрытая мне Наставником, манила и притягивала, а способность рукотворно изменять чужую судьбу пьянила сильнее всякого вина.

И подземные кабинеты, и старенькое, нуждающееся в ремонте здание как бы приучали нас, курсантов, к мысли — всё самое главное будет происходить в глубине, в тишине и уединении этого нового мира. Но всё это стоит много дороже, чем призрачная мишура и фальшивая позолота снаружи. Так куда же мне было идти в первую очередь, как не сюда?..

На входе охранник, похожий на нашего Столба, но не такой добродушный. Увидев удостоверение оператора, он вежливо интересуется целью визита, и я сообщаю трехзначное число. Это номер, который пожизненно принадлежит моему Наставнику, и знают его очень немногие. В любое время, назвав число как пароль, я могу потребовать аудиенции с мэтром.

Охраннику цифра ничего не говорит, но по заведенному порядку он должен сообщить ее ответственному дежурному. И тут происходит неожиданное. Важно кивнув, охранник снимает со стены странное приспособление — некий раструб на короткой ручке, крутит рычаг и, к моему непомерному изумлению, говорит в раструб номер Наставника и мое

поименование. Затем слышится треск, шипение, и голос собеседника отвечает, мол, пропустить, и называет знакомый мне номер кабинета.

Так вот ты какой — дальнотелефон! Еще его называют телефон. В последний мой визит здесь использовали вестового. Быстро же ориентируются в Академии, даром что снаружи домик неказист и явно требует ремонта. Действительно, техника развивается семимильными шагами.

Итак, Наставник на месте. Миновав проходную, я сталкиваюсь с новым сюрпризом. Вместо знакомой лестницы, ступени которой я исходил много раз, меня ожидает кабина лифта. Еще один вооруженный охранник гостеприимно распахивает передо мной металлическую дверь. Одно нажатие кнопки, и кабина начинает плавно спускаться под мерное жужжание мотора.

Нельзя сказать, что я не видел паровых лифтов ранее — громоздкие медлительные сооружения, требующие очень много свободного пространства, — но этот был явно на электрической тяге. Компактный и быстрый. Право же, сколько изменений за какой-то год, что я здесь не был!

Спустившись с помощью чуда технического прогресса на третий уровень, я прохожу в знакомый кабинет. А вот тут ничего не меняется.

Необъятный рабочий стол, заваленный бумагами, книгами в кожаных переплетах, старинными свитками. Вряд ли сам хозяин разбирается во всем этом. Бездонное кресло, сейчас пустое, способное поглотить троих человек моей комплекции.

А рядом — маленький изящный столик для кофе со спиртовкой и всем необходимым. Стулья на гнутых ножках, атласные пуфики. Вдоль дальней стены — книжный стеллаж под самый потолок, а все остальные стены покрыты масками африканских колдунов, асегаями, старинными картами, зодиакальными таблицами и руническими текстами.

Электрические светильники освещают весь этот творческий бедлам.

Хозяин кабинета встречает меня на входе. Внешность Наставника полностью соответствует представлению сторонних людей о ненормальном профессоре, оторванном от жизни и витающем в эмпиреях неких загадочных исследований.

Блестящая лысина бильярдным шаром торчит из венчика легких как пух, совершенно седых волос. Розовые щеки и неизменная чуть виноватая улыбка. Голубые глаза радушно и слегка рассеянно смотрят на вас через круглое пенсне с треснувшей дужкой. Старомодный потертый сюртук, мягкие туфли и прямая английская трубка в руке дополняют впечатление простоты и благодушия.

Но меня всем этим не обмануть. Я-то знаю, что всё это — маскировка, отвлекающий маневр, хорошо продуманный образ. За броским антуражем скрывается умный и хваткий профессионал, знаток своего дела, подготовивший не одну сотню операторов. И мишура на стенах тоже для дураков — или для высокого начальства, которое Наставник никогда в грош не ставил и которое никогда не откажется от его услуг. Слишком высок уровень — такими специалистами не разбрасываются.

— Мартин, дружок, как я рад! — Наставник счастлив, глаза его излучают восторг, точно состоялась долгожданная встреча старых друзей. — Чай, кофе, может, рюмочку выдержанного коньяку? У меня есть отменный напиток...

— Здравствуйте, Учитель, — отвечаю я, поддерживая игру. — Спиртное на работе нельзя, и вы это знаете, а от кофе не откажусь.

— Ну да, ну да, — причитает Наставник. — Конечно, ты же на службе. Вы, операторы,

всегда на работе. Безусловно — а кто же еще сможет охранить интересы наших соотечественников?

Этот человек ведет беседу только так, как сам считает нужным. Размешивает крупички полезной информации в потоке пустых слов.

Болтая необязательную ерунду, он молот кофе, потом, помешивая, варил его на спиртовке, а когда показалась шапка светлой пены — разлил в крошечные чашечки старинной работы. По комнате поплыл густой благородный аромат, Наставник, наивно улыбаясь, ждал, когда я перейду к цели визита.

Отхлебнув обжигающего кофе, я задал первый вопрос из числа тех, ради которых пришел:

— Учитель, вы стояли у истоков Агентства. То, что сегодня называют «социальной адаптацией», рождалось и развивалось у вас на глазах. Скажите, удачно выдать замуж дочь мелкого чиновника или помочь ее братцу выгодно повернуть очередную сделку — это действительно наша первейшая и ответственнейшая задача перед обществом?

— Конечно, дружок, и это широко известно! Общество всеобщего благоденствия — вот наша конечная цель! Агентство — один из столпов будущего мира свободных и равных людей...

— А если без агитационной шелухи, Учитель? Тайники охотятся за врагами государства, заговорщиками и прочим крамольным народцем, а мы? Куем в тиши своих операционных маленькие кусочки счастья для неудачников или?..

— Если без шелухи, Мартин, то скорее «или». А как ты думал, дружок, — кто родил АСА? Ты знаешь, чем занимался консультативный отдел? Прогноз тенденций развития общества, ни больше, ни меньше. Агентство — прямое продолжение упомянутого отдела. Ведь вы пишете отчеты, и наиподробнее.

— И они попадают на столы тайников...

— Они попадают в очень высокие кабинеты. Ну, не сами отчеты, конечно, а резюме. Выжимка из них...

— Пусть так, но одно дело — отслеживать тенденции, другое — влиять на жизнь общества. Так кто мы: исследовательская лаборатория Республики или действенное оружие власть имущих?

— А Тайная полиция — карающий меч или надежный щит Республики? Эти грани порой едва различимы, и вряд ли найдется человек, способный четко разграничить два лика единого. А операторы — недреманное око Республики! Не так ли, Зрячий?

— И двуединство предполагает использование целого и так, и этак? — не поддался я.

— Возможно, но мне об этом ничего не известно. Я всю жизнь работаю с молодежью, учу несмышленишек, кую кадры... — Учитель благодушно улыбнулся.

— А я был способным учеником?

— Вне всяких сомнений, Мартин! Именно поэтому я не дергаю тебя часто на положенные встречи. Не беспокою, не отрываю от дел...

— Если мне дадут неожиданное и крайне непростое задание, вы поможете мне советом?

— Какие могут быть вопросы, дружок! всем, чем только смогу... А тебе дали такое задание?

— Да, Учитель. Мне поручили очень ответственную и... — я слегка замялся, — опасную работу.

— Не интригуй меня, Мартин. — Наставник ослепительно улыбнулся. — Что же это?

— Принудительное построение вектора и навязанное поведение, — негромко сказал я.

Наставник продолжал улыбаться, но улыбка утратила всю свою лучезарность, а через миг взгляд стал холодным и острым. Он потянулся за трубкой и начал набивать ее табаком.

— Слушаю тебя, оператор.

* * *

Синие клубы дыма крепкого трубочного табака поплыли по кабинету. С позволения хозяина я тоже достал папиросы.

— Ты действительно был очень способным мальчиком, — задумчиво произнес Учитель, попыхивая трубкой. — Учítывая, что поступил на обучение в двадцать один год...

— Когда мы с вами встретились, двадцати одного мне еще не исполнилось.

— Исполнилось вскоре после встречи... Оставь, Мартин, в такой дотошности сейчас нет необходимости.

— Вы сами учили меня точности.

— Это правда, но не перебивай меня. Так вот, всё равно это поздно. Обучение на сенса нужно начинать не позднее чем в пятнадцать-шестнадцать лет: лучше усвояемость, способности раскрываются полнее, не мешает жизненный опыт, называемый здравым смыслом. Скажу тебе по секрету, сейчас рассматривается возможность набирать детей более раннего возраста. Можно создавать интернаты и ковать кадры не спеша, нацелившись на тонкую специализацию операторов. Ребенок верит в чудо. То, что взрослому приходится многократно объяснять и доказывать, в чем его надо убеждать, ребенок способен воспринять на уровне игры. Если он тебе верит, то примет и правила игры.

— И дети эти, конечно, будут из приютов? Где же еще можно безнаказанно набрать малолеток? — невесело усмехнулся я.

— Ну-ну, не принимай близко к сердцу, дружок. В конце концов, тебе лучше многих известно, что судьба оператора АСА не худшая доля для воспитанника приюта. Порой даже самое благоприятное из того, что может с ним случиться. Но это в проекте, а нынешняя система подразумевает возраст от тринадцати до пятнадцати. В среднем. Ты появился в моем классе гораздо позже, но я как-то сразу поверил в тебя. В жизни каждого учителя бывают такие моменты. Каждый из нас втайне мечтает о блестящем ученике, который перевернет мир. Пусть даже это будет мир информации.

Нечасто увидишь Наставника задумчиво-неторопливым, без всегдашнего напускного благодушия и притворной наивности. И это уже третья его ипостась. Я рассказал ему о Корге (которого он знал) — и увидел Учителя встревоженным. Передал рассказ Стацки — передо мной предстал Учитель удивленный. Поделится своими мыслями и выводами — и Наставник, задав несколько скупых вопросов, глубоко задумался.

Теперь он рассуждал вслух, вспоминал былое:

— Ты прошел базовый курс за два года и три месяца — рекордный срок для наставляемого. Никто быстрее не справлялся с этой задачей. Да к тому же имел уже почти готовый финт, что тоже редкость. Не зря я целый год гонял тебя в балетную школу, к старому пьянице Буше. А потом еще год на уроки фехтования к Маркизи, хоть ты и сердился на меня за это.

— Вы сразу предполагали для меня определенный финт? — поразился я.

— Нет, — покачал блестящей лысиной Наставник и поправил треснувшее пенсне. — Никто не может угадать финт оператора. Это не в силах даже самого лучшего Наставника. Но я видел, что тебе это нравится, это — твое. Цыгане постарались?

— Может быть, Учитель. Я и сейчас с нежностью вспоминаю табор...

— Прекрасно, дружок, прекрасно. Я рад, что мы с тобой не ошиблись. — все-таки «мы», старый хитрый лис. Но Учитель продолжал: — Ты говоришь, Ворон... Нет, я его не знал. В те времена еще не существовало института наставничества. Я занимался другими вопросами, операторы учились сами кто во что горазд. Были только кураторы от Тайной полиции, но тайники не лезли в профессиональные вопросы операторов. Лишь следили за секретностью и требовали результатов. Стачки за это их очень не любил...

Учитель улыбнулся каким-то своим воспоминаниям и раскурил потухшую трубку.

— Да, периодически молодежь привлекали к тем или иным проектам. Быть может, был и тот, о котором тебе поведал Стефан, но я об этом ничего не знаю. Сама идея принудительного построения вектора кажется мне абсурдной. Наши профессиональные знания отрицают подобную возможность. Но что интересно, в древних шаманических культах, ныне основательно забытых, бытовала легенда о некоем герое, сумевшем при помощи танца противостоять врагам. Дело было очень давно, во времена общинного строя. Его звали Элколкост. Это имя в нескольких фонетических вариантах встречается почти у всех древних племен, и везде говорится, что герой исполнял перед лицом врага некий танец под барабан. Точнее, под то, что сегодня мы назвали бы барабаном. После чего враги — будь то люди или животные, неважно — обращались в бегство. В архивах Музея древностей можно найти и другие интересные сказки. Например, о пастушке со свирелью. По преданию он с помощью музыки направлял стада овец в нужном направлении. Заставлял их спать, пить и есть, когда ему этого захочется. Всё как в наблюдательном лагере для будущих операторов АСА. Ты помнишь лагерь?

— Да, Учитель. Такое не забывается...

— Ну, полно, дружок. Вас, сопливых пацанов, там, конечно, немножечко обижали. Вернее, воспитывали, и для вашего же, заметь, блага. Мужской характер куется в горниле лишений, в преодолении судьбы. Только так! А вот пастушок считал по-другому. Он принимался играть на свирели, потом пританцовывать, потом и вовсе пускался в пляс, орудуя свирелью, как дирижерской палочкой. И овечки послушно следовали его воле. Всё это, конечно, сказки. Легенды об Элколкосте были записаны древними значками на сводах пещер. Их скопировали исследователи древностей, передали музею, а там попытались расшифровать. Как одни копировали, а другие расшифровывали — одному богу известно! Нет сегодня методов управления людьми без их на то воли, равно как и управления животными...

Я и сам пляшу с кинжалом в руке, подумалось мне под рассуждения Учителя. И получаю реальный результат. Кинжал в руке... Дирижерская палочка...

— Были в истории человечества и мрачные культы — кровопролития, жертвоприношения, прочие страшные вещи, — продолжал Наставник. — Но в наше просвещенное время они бы считались откровенным криминалом. Хотя, заметь, сейчас повальная мода на холодное оружие, исторические бои, ролевые игры. Повсеместно организуются клубы, общества, «кружки умелого драчуна». Люди куют мечи, сабли, кинжалы по забытым рецептам, или лжерецептам, не знаю. Или покупают старинное

оружие, а может, подделки под старину. Изучают приемы боя, которыми пользовались наши далекие предки...

Он помолчал и вдруг оживился:

— Да, оружие! Заметь, Элколкост исполнял ритуальный танец, и ему этого хватало. Пастушок помогал себе дудочкой — для достижения желаемого ему понадобился некий инструмент. И Черный Рыцарь не мог обойтись без Астракса. С течением времени оружие приобретает первостепенное значение, и в более поздних сказаниях без чудо-меча уже никак. И сейчас еще можно услышать о легендарных клинках — носителях мистических свойств. Настоячивые поиски продолжаются...

Я слушал очень внимательно. Наставник был верен себе: в водопаде слов и извержении насмешек были сокрыты некие вешки, указатели возможных направлений поиска. Недопитый кофе в чашке давно остыл.

— В чем причина этого феномена? Может, собирая крупницы древней мудрости, отделяя зерна от плевел, можно отыскать возможность изменить собственную судьбу? А тогда и пробовать должны были, и безуспешно. Или судьбу других людей? Я во всё это не верю, но сегодня люди ищут чего-то подобного. Ведь по преданию Элколкост после победы вознесся в верхний мир. Начал водиться с духами, ему повиновались стихии. Образ древнего героя сейчас актуален как никогда. В какой-то мере это и наша заслуга, я имею в виду АСА. Мы подготовили сознание людей к тому, что мир информации не сказка, а реальность, доступная нашим операторам. Способный человек может замахнуться на высокие цели. Или низкие...

Наставник смотрел на меня с неподдельным интересом, а я не мог понять — или он продолжает рассуждать вслух, или вновь развлекается.

— И вот еще. Для применения некоторых знаний необходим совершенно преступный склад ума. Черный Рыцарь из сказок северных народов, завладев чудотворным мечом Астраксом, используя уникальные приемы боя, добился трона Ледяной Страны и руки принцессы. Но чего ему это стоило? Помнишь интересные подробности? Все в детстве читали подобное, думаю, ваш приют не составил исключения. — Я кивнул, а Наставник продолжал: — Рыцарь не пережил победу. Под ним рухнула крепостная стена в тот самый момент, когда он обходил свои владения, любясь достигнутым. Камень не выдержал его веса, читай — тяжести грехов, скопившихся на плечах. Если бы вдруг кто-либо решился на завоевание трона, я бы рекомендовал ему перечитать старую сказку и задуматься о соблюдении баланса: добра и зла, побуждений и возможностей, воздействия и результата. На энергетическом уровне все эти банальные истины обнажаются и работают в буквальном смысле. Сдвинутый камень в горах может раздавить неопытного скалолаза, но если этого не происходит, значит, парень умел и предвидит, куда камни покатятся...

Учитель помолчал и вдруг добавил:

— За всё в этом мире надо платить, Зрячий. Это известно давно, но я не боюсь повториться. Разменной монетой здесь всегда была и будет человеческая кровь — вот субстанция, не подверженная влиянию времени. Ее невозможно обесценить. Золото застит глаза людям приземленным, рвущимся к сиюминутным результатам. Знания — это капитал, который дает силу, но часто сам ею не является. Это скрытая энергия, высвобождает же ее кровь. К этому выводу пришли все известные мистики древности, и сейчас я хочу сказать тебе: если кто-то задумал большое дело — переделать мир или подмять его под себя, — ищи, где и чью кровь он проливает. Без этого полет превратится в падение...

Лицо Наставника, только что серьезное, даже суровое, вновь осветилось улыбкой:

— Еще кофе, дружок?

Я понял, что аудиенция закончена, и встал:

— Спасибо, Учитель, — поклонился и вышел.

* * *

Вновь иду мимо корпусов Университета, вокруг студенты в мантиях. В голове немного гудит, мысли прыгают как испуганные белки. Сейчас мне нужен тайм-аут — отдышаться, обдумать полученную информацию. За кофе и разговорами мы просидели с Наставником дольше, чем могло показаться, и время стремительно приближается к обеду.

Молодежь направляется к маленьким кафе, разбросанным тут и там по территории. Не мешает перекусить и мне, но сейчас всё заполнили студенты, и я выбираю небольшой парк, в эти минуты совершенно пустой. Присев на крашенную скамеечку, вспоминаю нашу беседу.

Итак, что упомянул Учитель — древние легенды, поиски нового в хорошо забытом старом. Криминальные круги. Общества исторического фехтования... И вся эта каша густо приправлена пролитой кровью. М-да, задачка — надо бы тебе, оператор, почаще вспоминать о собственной шее...

Так что из этого следует? Горячая информация может лежать в архиве Музея древностей. Среди древних сказок и забытых легенд Наставник находил интересные, те, что прямо касаются моей темы. Иначе не рассказывал бы обо всех этих Элколкостах, пастушках и Черных Рыцарях. Он изучал материалы, и, значит, в сказаниях присутствует некое рациональное зерно. То, что он не имел никакого отношения к проектам АСА, пусть старый лис рассказывает кому-нибудь другому — не могли тайники обойти вниманием специалиста такого класса.

Наставник редко рассказывал о себе и всегда очень скуп: обмолвки, намеки, обрывки воспоминаний. Но даже из этих обрывков было понятно, что этот человек начал заниматься сенсами задолго до появления Агентства. Тем более что стройной структуры еще не имелось, Академии не существовало, он же сказал — учились сами, кто как мог. Кого же еще привлекать, как не его?

А направление было заманчивым, вот и прорабатывал ученый архивные материалы, искал аналогии, строил версии. Значит, и мне необходимо пройти этот путь или хотя бы часть его. Прочсть всё то, что читал когда-то он. Про пастушков, рыцарей и прочих сказочных и былинных героев. Благо в океане пыльных бумаг у меня найдется отличный лоцман...

Далее — криминал. Что имел в виду Наставник? Бандитам-то что за интерес в сложных методиках, как старых, так и новых? Заставлять служащих банков выносить деньги и отдавать грабителям в руки? Стоп, но именно это и произошло три месяца назад! Ева рассказывала: чиновник действительно передал деньги в руки преступника, а то, что не напрямую, так это вопрос техники. Значит, нельзя сбрасывать со счетов и рыцарей с большой дороги, какой-то интерес могут иметь и они. Как теперь всё это узнавать? У кого? Запомним вопрос...

Наконец, общества исторического фехтования. Это уже интереснее. Я тоже когда-то посещал такое, но было это еще во время обучения, лет десять назад. Учитель фехтования Маркизи, которому сосватал меня Наставник, пытался привить мне классическую

итальянскую школу шпажистов, а я тяготел к мечам и саблям.

Любители собирались в заброшенном спортивном комплексе, рядом со Стадионом. Сейчас, наверное, и нет уже такого. Удобств не было никаких: переодевались в кустах, после боев обливались водой из ведра, чтобы хоть немного освежиться. Всю амуницию мастерили сами из подручных материалов. Только оружие покупали — имена мастеров, что ковали мечи на заказ, сообщали друг другу под большим секретом. Но как было весело, сколько было энтузиазма!

Что творится в этой сфере сейчас? Среда благодатная... Если предположить, что обязательным условием методики является бой или хотя бы фехтование, то лучше места для проб и тренировок не найти. Значит, надо искать среди фехтовальщиков и ролевиков.

И опять кровь... Учитель сказал: методика обретает истинную силу, лишь когда обогрится человеческой кровью. Только в сатанинских культах приняты человеческие жертвоприношения, да и то не всегда. Чаше обходятся черной курицей или другими животными. Неужели от этого зависит сила воздействия? Укокошил курицу — получи послушного дворника, угробил дворника — приказывай полицмейстеру. Так, что ли?

Но тогда дело может принять очень серьезный оборот. Пока что я лишь наблюдаю за событиями. Конечно, если не считать эпизод с Коргом. Но там я сам был хорош — хвататься за линию судьбы, словно подвыпивший гуляка за фонарный столб! Однако может прийти время, когда всё это коснется меня напрямую и рассуждения о человеческой крови обретут совершенно иной смысл...

Еще раз — береги шею, оператор...

* * *

Я не сразу обратил внимание, что кто-то подошел и присел рядом на скамейку. Однако близость незнакомца начала меня беспокоить, и пришлось отвлечься от размышлений. Рядом, почти вплотную, с независимым видом — разве что не насвистывая популярный мотивчик — расположился господин очень занимательной наружности.

Даже сидя он был много выше меня, а уж стоя имел наверняка не менее двух метров росту. На широченных покатых плечах основательно укрепилась крупная голова, покрытая буйной растительностью: шевелюра русых волос, пышные усы, щегольски завитые кверху, и мохнатые бакенбарды. Нос картошкой и маленькие хитрые глазки придавали лицу выражение простоватое и плутовское.

Сильные руки с огромными, как пивные кружки, кулаками расслабленно лежали на коленях, перстень с крупным камнем вызывал ассоциации с фальшивыми бриллиантами, а тросточка у правой руки казалась игрушечной. Круглый живот уютно возлежал на брючном ремне. Котелок, явно не подходящий по размеру, чудом держался на макушке. Серый мешковатый сюртук с короткой жилеткой, поверх которой вызывающе сверкала массивная латунная цепочка, вышел из моды лет десять назад, как и узкие, явно коротковатые брючки. Добавьте к этому наряду ярчайший, совершенно дикой расцветки галстук бантом, и вы, быть может, получите отдаленное представление об этом господине.

— Сударь? — невольно отодвинулся я.

— Не стоит беспокоиться, оператор Мартин, — добродушно прогудел он.

Ах, вот как! Не иначе как господа тайники появились на горизонте. Пока директор с Евой еще только опасаются их подключения, они уже тут как тут.

— Агент Серый, Отдел глубоких исследований Тайной полиции, — развеял последние сомнения тайник.

— Только вас и не хватало... — вырвалось у меня помимо воли. Мной овладела досада — «Отдел глубоких исследований», придумают же такое! И что этот агент собрался глубоко исследовать? Или кого — может, меня?!

— Не ершитесь, оператор, — добродушно улыбнулся тот, — давайте лучше сотрудничать. Объясните хоть вы мне — из первых, так сказать, уст, — что случилось в Агентстве и кого вы ищете?

— Это секретная информация. — Я попытался принять вид независимый и строгий насколько возможно. — Господин директор строжайшим образом меня предупредил...

— Полноте, оператор, — лениво растягивая слова, прервал меня агент. — Какие могут быть секреты между своими?

— Мы уже «свои»? — поразился я.

— Безусловно, Мартин, — широко улыбнулся он, — одно дело делаем! — И тут же прищурился, отбрасывая всю свою вальяжность: — А вы как думали? — будете играть в свои игры, резвиться с летальным исходом для штатных операторов АСА, и всё это на собственной лужайке? Без присмотра?! Все, какие надо, допуски у меня есть, не сомневайтесь. Вот предписание...

Сомневаться не приходилось: бумага была совершенно официальная, с подписями и печатями, и указывала содействовать агенту Серому во всем, что касается расследования «дела оператора Корга». Вот так. Уже дело оператора... Совсем недавно считалось, что тот умер от сердечного приступа. Очевидно, приступ чем-то не понравился департаменту Тайной полиции. И еще, Серый — это оперативный псевдоним или поименование?

— Я бы вас назвал агентом Ярким, — обреченно проговорил я.

— Что делать, законы ремесла, — усмехнулся он, вновь принимая вид простака. Но, заметив мое недоумение, продолжил: — Да, классический вид тайного агента другой — невзрачно, неброско, незаметно. Точнее, классические представления о нем, этом образе, именно такие, а потому можно и так — ярко, глупо, вызываяюще. Никто не подумает, что ты серьезный человек, относятся со смешком, а это, согласитесь, козырь. Так я вас слушаю.

Мне пришлось рассказать всю историю, но коротко, самую суть. А что делать? Агент внимательно слушал, похлопывая ладонью по рукоятке трости в такт своим мыслям.

— Интересные дела у вас творятся, — заключил он, когда я закончил повествование. — Стало быть, некто, используя ваши хитрые методы, может при желании заставить меня, например, купить на обед баранину, хоть я ее терпеть не могу. Так?

— Примерно так. Ни один сенс ранее не проводил подобных воздействий. Даже теоретически это считалось невозможным.

— А может, всё-таки это результат процедуры? Ну, мало ли — сделал оператор что-то не так, отошел от общепризнанной методики... Допустил ошибку, наконец. Все ж мы люди...

— С Коргом никакой ошибки. Предыдущие случаи я не изучал, но тут скажу точно: всё проделано квалифицированно. И развивалось в соответствии с законами нашего искусства. А потом будто пришел кто-то и дернул вектор за веревочку!..

На миг перед глазами вновь проявилось, как на фотографическом негативе: я тянусь к вектору, хватаю его самодельным крюком, тяну... И острая боль под ложечкой...

— Ну хорошо, а защита есть? — вернул меня к действительности агент.

— Нет. От тонких энергий не существует ни экранов, ни заслонов. Мы все сейчас беззащитны перед лицом маньяка. Если бы он захотел, сделал бы с нами всё что угодно... Хоть прямо сейчас.

От этой простой мысли холодок пробежал по позвоночнику. Действительно — в любой момент каждый из нас может превратиться в объект воздействия. Хорошо, если всё обойдется бараниной, но ситуация может обернуться и любыми другими сторонами. В том числе и самыми пагубными.

Агент промолвил после паузы:

— Примерно это и предполагалось. Конечно, оператор, мы отслеживаем ситуацию, фиксируем все странности и скандалы в вашем ведомстве. А как иначе? Не оставлять же столь необходимую структуру, как АСА, без внимания...

Я пожал плечами.

— Вот только масштаба опасности не знали — задумчиво продолжал он. — Теперь знаем. Надеюсь, вы тоже правильно оцениваете значение происходящего. Последствия могут оказаться даже серьезнее, чем представляется. Подобного оружия еще не было, а поэтому неизвестно, что можно ему противопоставить. Выпустили джинна из бутылки, теперь будем за ним гоняться... Есть мысли?

— Буду искать методику. Мне открыт доступ в архивы, обещана всяческая помощь и консультации. Слушайте, агент, а вы тоже консультант?

— Ну, в каком-то смысле...

— Тогда подскажите — кому это может понадобиться? Где искать автора? Может, это бандиты?

— Вряд ли, — с сомнением покачал головой он. — Грабитель проще — топором по шее и тащит деньги из кармана. Здесь скорее политика...

— Почему топором? Я думал, преступники оснащаются в соответствии с достижениями технического прогресса.

— Оснащаются, — кивнул Серый, — про топор это я так, к слову пришлось. Но холодное оружие, кстати, в ходу даже чаще огнестрельного. Не знаю почему, может, традиции? Достать револьвер сегодня не так уж и трудно...

— Возможно, именно холодное оружие играет в этой истории не последнюю роль. Ритуальное или боевое: меч, кинжал или что-то подобное.

— Вот как? Недавно нас подключили к работе Криминальной полиции — больно уж дело оказалось громкое. Вы знаете, что у эрцгерцога богатейшая в Европе коллекция мечей и сабель?

Об этом знают все. Время от времени его светлость выставляет коллекцию в Главном Вернисаже. Однажды я даже посетил такую экспозицию, о чем и сказал агенту.

— Но вам вряд ли известно, — продолжил тот, — что нашими совместными усилиями сорвана попытка хищения выставленного. Информацию мы получили странную и расплывчатую. Осведомитель сообщил, что в определенный день из Вернисажа будут вынесены и переданы третьему лицу две единицы оружия. Кто именно вынесет, кому передаст — ничего этого узнать не удалось. Но сигнал был слишком серьезный: дело взял под контроль сам президент, сформировали смешанную группу. Мы устроили засаду, перекрыли все подходы, ждали под Вернисажем всю ночь, но никто так и не появился. Можно было бы принять сигнал за ложную тревогу, но осведомителя на следующий день нашли мертвым. Изрублен на куски. Это заставляет задуматься. Я свяжусь с коллегами из

Крипо, постараюсь узнать подробности.

— Из нашей истории чем дальше, тем больше торчат уши фехтовальщиков и старинное оружие. Каким-то образом всё это связано... Вам известны клубы и общества, организованные любителями драк с использованием холодного оружия?

— Да, оператор. Мы фиксируем такие образования и отслеживаем тенденции, которые там главенствуют. В общей массе это нормальные ребята, спортсмены. Куют себе доспехи, безопасные мечи без заточки, устраивают красочные празднества. Хотя встречаются и любители острых ощущений, причем в прямом, а не переносном смысле. Год назад мы занимались группой «Ярые копьеносцы». Начинали они так же, как и многие другие, только предпочтение отдавали древковому оружию. Но потом начали скатываться к кровавым забавам, серьезно точить наконечники своих копий и биться насмерть. Заводилой там был некто Стокс, парень из низов, возмечтавший о власти, пусть даже над оборванцами, такими же, как и он сам. Всё держалось на нем — он был и идеологом группы, и ее флагом. Но в один не слишком счастливый для себя день Стокс был вызван на поединок...

Агент сделал паузу, возвел очи горе и тяжело вздохнул:

— Противник оказался сильнее. Намного сильнее. Предводитель был убит. А как вы хотели, оператор? Если выбираешь себе развлечением протыкать насквозь ближних своих, то будь готов, что и тебя когда-нибудь проткнут. Нет?

Я согласно покивал: «Конечно, справедливость всегда торжествует. Особенно если ситуацию отслеживает Тайная полиция».

— После этого группа распалась, и скоро о ней забыли. Однако сейчас у полиции появилась новая головная боль. Да и у нас тоже. Сообщество «Спата». Говорят, основатель обожал этот прямой меч, и его последователи поголовно носят именно такое оружие. Излюбленное место сбора — Предместье, заброшенный цирк. Ходят упорные слухи, что эти ребята практикуют поединки со смертельным исходом — до последнего вздоха, так сказать. Прямых улик нет, очевидцев, способных дать показания, тоже. Так — кто-то что-то видел, кто-то якобы даже участвовал и потом-де рассказывал другу... Но конкретных людей найти не удалось. Видите, как интересно получается — уехали ребята. Неожиданно, и все разом, и никто не знает куда. Достоверно известно лишь, что к сегодняшнему дню пропали шестеро членов сообщества. Ни тел не найдено, ни информации о месте их пребывания — как в воду канули. Полиция ведет расследование, но на быстрый результат в делах о пропаже людей рассчитывать не приходится.

Заброшенный цирк в Предместье я знал — полуразрушенный амфитеатр, непролазные заросли дикого кустарника вокруг, до ближайшего жилья не менее километра. Идеальное место для тренировок.

— Однако самому вам туда соваться не рекомендую, — словно прочитал мои мысли Серый. — Если то, что болтают об этих сборищах, правда хотя бы на треть, это может стоить вам головы. Давайте так — работайте в архивах, покопайтесь в Музее древностей. Пообщайтесь с коллегами, со знатоками оружия, продавцами и коллекционерами. А я, в свою очередь, используя связи в полиции и некоторые другие возможности, попытаюсь найти подходы к «Спате» и нелегальным торговцам антиквариатом.

Агент Отдела глубоких исследований посмотрел на меня безо всякой веселости.

— Дело нам предстоит, оператор, непростое. Мне дали очень широкие полномочия, а это говорит о том, что на кон поставлено очень многое. Из высоких кабинетов следить будут пристально, а права на ошибку у нас нет. И давайте договоримся — всё, что будете знать вы,

должен знать и я.

Он подумал секунду и всё-таки добавил:

— И наоборот.

Глава 2

Глава 2

Наскоро перекусив в ближайшем кафе, я отправился в отделение. Значит, решено — начинать надо с архивов. Не зря Учитель в свое время именно там разыскал интересные сказки и легенды.

Но, для того чтобы добраться до некоторых стеллажей, наверняка понадобится разрешение. Такой допуск может выдать только господин Аусбиндер, он ведь обещал широчайшие полномочия. Пришло время выполнять обещание, да и отчет о походе в Академию он всё равно потребует. Я представил себе лицо патрона, когда тот услышит о Сером! К тому же я не прочь увидеть Еву Марию, переброситься словечком, совета спросить. Тоже ведь было обещано всемерное содействие...

Однако ни господина директора, ни госпожи эксперта на месте не оказалось. Девушки из приемной сообщили, что оба в Ставке, отбыли по срочному вызову, когда появятся — неизвестно. Оставалось ждать. Слоняться по коридорам без дела в Агентстве не принято, и я решил заглянуть на веранду.

Честно говоря, чаепития в теплой компании меня теперь мало привлекали — просыпался охотничий азарт. Он настойчиво гнал меня в архив, пробуждал нетерпеливое желание поскорее погрузиться в документы, начать поиск. В то же время Стацки говорил, что Венера знала Ворона, а как раз сегодня она принимает клиентов. Вполне вероятно, что именно сейчас наша дама расположилась на веранде.

К счастью, так и случилось — она была там. Сегодня Венера надела длинное, до пят платье с индейскими узорами и выдержанное в том же стиле тяжелое ожерелье — что-то похожее на чередующиеся кости и зубы. Хотелось надеяться, это клыки и прочие останки леопардов, убитых во исполнение какого-то ужасно экзотического ритуала каким-нибудь диким-диким племенем где-то очень-очень далеко, в южной сказочной стране. Своей любовью к атрибутике Венера напоминала мне дражайшего Наставника.

Она сидела в расслабленной позе, перекинув традиционную косу через плечо, и теребила прядь волос. Глаза с поволокой нехотя уставились на меня, ярко накрашенные губы (никакой другой косметики Венера не признавала) тронула ленивая улыбка. Чашка с дымящимся напитком на столе издавала странный запах. С нашей дамы станется заказать не простой чай, а некий травяной отвар, травку для которого она приносит загодя.

— Ма-арти-ин... — пропела она грудным голосом с легкой хрипотцой. Черт подери, как всё-таки чувственно это у нее получается!

Сказала и умолкла. По понятиям Венеры, этого вполне достаточно, дань вежливости она отдала. Но мне сегодня нужно больше.

— Мое почтение, о лучезарная! При появлении твоём меркнет свет солнца, время замедляет свой бег, а мужчины теряют разум! А какое платье — о, я ослеп!

Я продолжал нести подобную чушь еще около минуты, но с Венерой иначе нельзя. Нужна некоторая прелюдия. Она щурилась, словно кошка, которой чешут за ухом, только что не мурлыкала. Улыбалась, чуть кивая в знак согласия. Мне никогда не понять, то ли всё это

для нее игра, то ли женщина воспринимает мои слова всерьез.

— Ма-арти-ин... — снова пропела наша дива, бархатистых ноток в голосе прибавилось, и я понял, что нужно переходить к сути.

— У меня к тебе вопрос несколько деликатного свойства, — начал я, не зная, как половчее узнать то, что хотел. — Мы работаем вместе, кое-что знаем друг о друге... Конечно, спрашивать оператора о финте не принято, но поверь, для этого у меня есть веские причины. Иначе я ни за что бы не решился...

Я сбился, а Венера смотрела выжидательно. Операторы действительно нечасто обсуждают финт, это личное дело каждого из нас. Чтобы окончательно не запутаться, рубанул:

— Я слышал, ты для финта используешь... любовь?

— Использую любовь? — Венера рассмеялась грудным смехом. — С чего ты взял, мальчик? Да и как можно использовать любовь для чего-либо?

Она лет на десять старше и вполне может позволить себе такое обращение. Хотя Венера может назвать мальчиком и Стацки.

— Наверное, ты говоришь о плотских отношениях между мужчиной и женщиной, — лукаво улыбнулась она. — О постели? Или ты имеешь в виду возвышенные чувства, воспетые поэтами? Вздохи при луне, серенады под окном... Или поединки?! В честь прекрасной дамы, до смертельного исхода одного из соперников!

Она рассмеялась, а я при последних словах вздрогнул. Может статься, что и до смертельного исхода недалеко. Одного из соперников...

— Знаешь, в восточных культах любовь считается самым коротким и доступным путем к Абсолюту. Так называют единое начало, разлитое в мироздании. Источник всего сущего. Понять или познать Абсолют невозможно, можно лишь слиться с ним. И вот с помощью любви — речь идет именно о плотской любви, Мартин, — можно сделать это легко и быстро. Ты понимаешь меня? Ныряешь в постель, а вынырываешь уже в Абсолюте! Каково?!

— И для этого обязательно... э... — Я смутился. Разговаривать на подобные темы с женщиной мне еще не приходилось. После незабвенной Меры я встречался с несколькими девушками, но там всё было просто. Каждый знал, чего хочет, и не претендовал на большее. Оттенки чувственных отношений мы не обсуждали.

— Ты хочешь спросить, нужно ли для этого переспать с женщиной? — Венера коснулась моего плеча и заглянула прямо в глаза. Взгляд ее манил и обещал. Черт! Так и до греха недалеко...

В следующий миг лицо ее стало очень серьезным, почти строгим, и она торжественно продекламировала:

— Да, оператор Мартин. Ты просто обязан переспать с оператором Спай. Аминь.

И она звонко расхохоталась, а мои уши полыхнули пожаром.

— Ладно, Мартин. Не переживай, тетушка Венера не будет тащить тебя в койку... Так что ты хотел услышать? Как я делаю финт?

— Правильнее будет — как можно использовать... любовь в нашем деле... Ну, и в финте тоже...

— Вот. Это другое дело. Спрашивать сенса о финте — признак дурного тона. Верх неприличия. При том что сексуальные контакты между оператором и клиентом строжайше запрещены, ты же знаешь. Тем не менее взаимодействие мужского начала и женского — есть основополагающий принцип существования вселенной. Не всегда для этого нужен

телесный контакт, поверь. Хотя это было бы и неплохо... — Она опять лукаво улыбнулась. — Угости папироской.

Я достал коробку, и мы дружно закурили. Венера продолжала, тема ей нравилась:

— День и ночь, жар и холод, белое и черное, плюс и минус. Мужское и женское. В математике при сложении плюса с минусом получается ноль, а в жизни — рождается что-то третье, новое. Вернее, кто-то. Это простые вещи, сама жизнь, и ее не изменишь параграфом инструкции. В стародавние времена жила на востоке танцовщица Лейла. Она обладала чудесным даром. При помощи обольщения — а для этого она использовала танцы — могла изменять судьбы народов, переиначивать ход истории. Вынуждала владыку принимать необходимые решения. Она в совершенстве знала правила древней как мир игры и владела языком общения мужчины с женщиной. Соитие — лишь физиологический акт, где на первом месте гормоны. А игра — это нечто совсем другое. Вот тут есть место танцу. Так неужели я не могу применить нечто подобное для изменения линии судьбы?

— Ты танцуешь? — растерянно спросил я.

— Нет, — рассмеялась Венера, — но я тоже знаю правила игры. Я должна почувствовать партнера, представить его себе, слиться с ним. И я умею переводить внутреннее состояние в образ танца. Результат один и тот же.

— Лейла завоевала мир руками владык?

— Если бы это свершилось, жили бы мы сейчас при матриархате. Увы, везде властвуют мужчины. Но мы, женщины, знаем, как свою слабость превращать в силу, а вашу мужскую силу — в слабость. Танец, скажу тебе по секрету, должен быть эротичным. Не важно, существует он во внешнем проявлении или во внутреннем состоянии танцовщицы. Главное — поманить, вызвать движение к себе. В этот момент человек распахивается. На этом основаны многие эротические техники древности — управлять через слияние. Это вам, мужчинам, кажется, что вы выбираете женщину. На самом деле всё как раз наоборот...

— Ну да, — тихо проговорил я. — Элколкост танцем отпугивал от пещеры врагов. Ты обещанием любви приманиваешь клиентов. И был кто-то еще, кто считал, что танец, бой и любовь — три грани одного процесса. Танцем можно убивать, любовью — воевать, а войну превращаться в любовный танец. Когда же созидать?..

Какой-то миг Венера еще улыбалась, а потом улыбка ее угасла, как свечка под порывом ветра.

— Не знаю, Зрячий...

Вслед за улыбкой угасла и беседа. Венера сделалась задумчивой и печальной, рассеянно докурила папиросу, допила одним глотком свой необычный чай.

— Пока, Мартин... — Ее пышная фигура в несуразном индейском платье растаяла за дверью.

Значит, всё правильно. Венера знала Ворона и не забыла его. Сказанные когда-то слова запали в душу, и сегодня она пользуется одним из принципов друга юности. Может, даже сама не понимая этого до конца. И опять древние сказки, теперь о танцовщице Лейле. А за сказками — действенный метод работы, использование для финта особого внутреннего состояния — состояния танца. Как уж там она это проделывает, не знаю, да и не столь это важно, результаты у Венеры вполне на уровне. Но вот для Ворона этот путь вряд ли был приемлем. Тот любил оружие, любил драку, схватку. Обожал клинки. Но и про танцы упоминал, и про любовь... Триединство процесса... Есть над чем подумать.

Поняв, что начальства сегодня не дожидаться и в отделе мне больше делать нечего, я

ушел.

* * *

Покинув Агентство, я решил посвятить вечер изучению холодного оружия. Вспомнил лавку, где можно купить нужные книжки, а по пути решил зайти перекусить. Рядом расположилось чудное местечко под названием «Blue Cafe», воспетое популярным артистом. В заведении тихо, прилично и кормят вкусно. Небольшой уютный зал на полдюжины столиков, пятачок для танцев посередине и струнный квартет. Состав музыкантов постоянный: две девушки-скрипачки, брюнетка и блондинка, обе хорошенькие; пожилой альт во фраке и с гривой седеющих волос (мне почему-то кажется, что он руководитель) и улыбчивый молодой виолончелист.

Девушки в коротких темных платьях не стоят на месте: приплясывают, выходят в зал и общаются с посетителями. Классическую музыку здесь играют редко, чаще народные песенки, переложенные для струнных инструментов, попури из модных мелодий и оперетт. Всё это создает приятную и непринужденную атмосферу.

Я зашел — колокольчик на двери мелодично звякнул — и занял столик у входа так, чтобы лучше видеть оркестр. Свежекупленный глянцевый каталог положил рядом.

Посетителей было немного. В дальнем углу зала справа сидели четверо студентов: куртки с нашивками Университета, потертые синие штаны, какие в моде у нынешней молодежи, и ботинки на толстой подошве. На столе возвышались две большие бутылки красного вина: видно, ребята что-то праздновали. Одна бутылка была уже наполовину пуста.

Слева от меня расположилась парочка: молодой, приличного вида человек угощал мороженым свою барышню с внешностью институтки.

Чуть дальше приютилась благообразная старушка — старомодная шляпка с искусственными цветами, платье в оборочках. На столе зонтик и крохотная сумочка, какие были в ходу, наверное, полвека назад. Старушка чинно лакомилась пирожным, которые здесь делали на редкость вкусными.

Подошла симпатичная миниатюрная официантка в идеально чистом переднике и с заколкой в волосах. Я заказал котлету по-домашнему с гарниром из молодых стручков сладкого перца и свежими овощами, штрудель и чай.

Оркестранты находились прямо передо мной, пробовали инструменты. В ожидании заказа я открыл было каталог, но вскоре отодвинул его на край стола — читать не хотелось. Хотелось сидеть расслабленно в ожидании ужина: любоваться симпатичными скрипачками, слушать музыку и забыть хоть на время страшные сказки, героев и злодеев, директора и тайников...

Заиграли «Раз-два-три», развеселую и очень популярную в этом сезоне песенку. Одна из девушек, блондинка, двинулась по залу, подошла к компании студентов. Склонившись к молодому человеку с шапкой светлых спутанных волос, играла будто для него одного и улыбалась. Парень притоптывал ногой в огромном башмаке с квадратным носком, весело подпевал, компания разразилась радостными криками. Они подзывали вторую скрипачку, и та двинулась к столику, не переставая играть.

Все это выглядело забавно, хотелось подхватить незатейливый мотивчик, я даже начал мурлыкать себе под нос слова песни, отбивать пальцами такт по столешнице и потому, наверное, не сразу уловил изменение, произошедшее в зале. Будто начал сгущаться воздух, и

дышать стало труднее. И вдруг словно прогрохотало где-то вдали — то ли гром неожиданной грозы, то ли хлопок крыльев гигантской птицы. И острое чувство тревоги родилось в груди, захотелось вдруг крикнуть в пространство: осторожно!..

Но крикнуть я не успел. Вообще ничего не успел, потому что в следующий миг все в зале разом сошло с ума — и события понеслись вскачь.

Светловолосый студент, не переставая улыбаться, схватил блондинку за руку и резко потянул к себе. Жалобно всхлипнув, смолкла скрипка. Девушка не удержалась на ногах и прыгнула к студенту, который уже вставал. Парень резко вывернул руку музыкантши, та согнулась, а студент со всего маха ударил ее ногой в живот. Пинок чудовищного квадратного ботинка подбросил хрупкое тело, скрипачка безжизненно рухнула наземь. С коротким тоскливым звуком отлетела скрипка...

В этот момент приблизилась вторая музыкантша и, не переставая играть и улыбаться, с ходу хлестко и сильно двинула светловолосого острым носком туфельки в коленную чашечку. Тот согнулся, неразборчиво вскрикнув, а девушка принялась хлестать его смычком. Хрупкая вещь превратилась в опасное оружие. Брызнула кровь...

Студенты повскакивали с мест, роняя стулья, и те, дребезжа, разлетались по мраморному полу. Альтист прекратил игру и бросился к столику, зажав в правой руке инструмент как дубину. Девица с институтской внешностью истошно завизжала, а ее кавалер вскочил, растерянно озираясь по сторонам. Лишь я и нахохлившаяся, как птичка, старушка оставались на местах, да еще виолончелист продолжал играть свою партию, на лице его застыла мертвая улыбка, словно нарисованная красным по белому.

Безумство раскручивалось на глазах. Альтист сцепился с высоким и плечистым студентом: разбил об него свой альт, схватился за стул... Студент отвечал размашистыми ударами кулаков. Музыкант раскачивался, но не падал и отбивался обломками стула. Дрались яростно, не издавая ни звука.

Блондинка лежала под столом, не подавая признаков жизни. Брюнетка продолжала насаждать на светлого, тот был уже весь в крови, но не прекращал попыток ухватить девушку за горло.

Тем временем двое оставшихся студентов, один темный и рябой, другой русоволосый, схватились с молодым человеком приличного вида. Тот ловко уходил от ударов, приседал, крутился на месте. Столы мешали студентам, и они отталкивали их сильными пинками. Пнули и тот, за которым сидела старушка, окаменевшая от всего этого бедлама. Та неожиданно резво вскочила, схватила зонтик и резко, с разворота, всадила его острый конец студенту в глаз. Тот рухнул, как подкошенный.

Я только теперь заметил, что у всех людей в зале неживые лица: плоские, со слепыми глазами и замершими, будто приклеенными улыбками. Мне казалось, мой рот тоже растягивается в такой же жуткой, нелепой ухмылке, но при этом не мог пошевелить и пальцем — словно всё тело сковали невидимые цепи. А внутри натянулись невидимые нити, и они вибрировали созвучно чему-то неведомому, но отдаленно знакомому. Казалось, еще чуть-чуть, и я узнаю, почувствую — за звоном бьющейся посуды и воплями драки — то ли в окружающем пространстве, то ли где-то внутри себя — почему? почему стало возможно всё это злодейство?!

На миг захотелось закрыть глаза и разбросать руки — как в операционной...

Но вместо этого я глаз не мог оторвать от старушки. А та топталась у тела поверженного врага, слегка пританцовывала на месте со страшным выражением лица,

отряхивая ладошки, похожие на птичьи лапки. Русоволосый студент увидел ее, резко ударил по шее — отчетливо и мерзко хрустнули позвонки. Сухонькое тело невесомо упало на мрамор пола. Но молодой человек приличного вида уже зашел сбоку — прыгнул, вцепился студенту в горло. Вначале руками, а потом и зубами...

Плечистый добивал на полу альтиста. Брюнетка-скрипачка вместе с девицей, подругой молодого человека, пыталась совладать со светловолосым. Девица висла на парне, вцепившись ему в плечи и руки, а скрипачка, забегая с разных сторон, колотила его чем попало, что подворачивалось под руку. В какой-то миг подвернулась вилка для рыбы — стальная, двузубая, длинная и острая игрушка. Музыкантша тут же пустила ее в ход, намереваясь попасть студенту в живот, но тот круто развернулся, и удар, предназначавшийся юноше, пришелся в поясницу девицы. Та выгнулась и закричала, потом рухнула под ноги дерущимся.

Но и студент не ушел от расплаты — окровавленная вилка вонзилась ему в пах, потом в живот, потом в грудь...

Я сидел на единственном уцелевшем стуле посреди всего этого ужаса, не в силах пошевелиться. Прямо передо мной распахнулась картина жуткой бойни, и если Учитель говорил об этой крови, то сегодня ее здесь с избытком. Столько, что впору захлебнуться любому, кто мечтает владеть миром.

Слева, страшно рыча, извивались в смертельных объятиях приличный молодой человек и русоволосый.

Правее плечистый покончил с альтистом. Он стоял, озирался, на лице его застыло выражение слабоумного ребенка. Вот только события в зале происходили совсем не детские. В следующий миг он увидел брюнетку. Резко нагнувшись, вытащил из-за голенища невысокого сапога нож с длинным прямым клинком. Брюнетка ничего не успела сделать — получила два удара в сердце и кулем повалилась на пол.

Повисла пауза, и в этой внезапной тишине дико и противоестественно звучала виолончель. Последний живой музыкант пилил струны на одной тоскливой ноте, приклеенная улыбочка кривила лицо. Плечистый с ревом повернулся к нему, одним прыжком оказался рядом, широко взмахнул ножом. Музыка стихла.

Плечистый озирался, тяжело дышал: глаза его были уже не слепыми, а совершенно безумными. И тут его блуждающий, полный ненависти взгляд остановился на мне. Последнем, как я думал тогда, живом человеке в зале.

И он пошел на меня. Приближался скользящей походкой хищника, вышедшего на охоту. И тут я очень отчетливо понял — да, это охота. Роли еще не распределены, и сейчас я сам могу стать дичью. А в загонщиках — тот, кого я искал.

Еще секунда, и убийца в окровавленной одежде навис надо мной — потянулась рука с растопыренными пальцами, но в тот же миг путы упали с моих плеч. И прорезался окончательно слух.

Ка-ар-р! — каркает ворон прямо в ухо...

Р-раз-з! — приседаю еще глубже, выталкивая стул из-под себя...

Фью-ю-ю! — прочерчивает над головой опасную дугу нож...

Дв-ва-а! — я в падении с переворотом назад кувыркаюсь через плечо и снова на ногах...

Ф-фух-х! — клинок летит мне прямо в лицо...

Три-и-и! — ухожу с линии атаки легким поворотом корпуса, прихватывая руку противника...

Х-хлоп-п! — крылья, оглушительно, над ухом...

Раз-два-три! — висну на сопернике, который еще не закончил движения...

«Раз-два-три» — самая популярная песенка сезона...

Раз!!! — моя левая рука на локтевом сгибе противника...

Два!!! — правая фиксирует кулак с оружием...

Три!!! — переступаю, придавая сопернику круговое движение, чуть подбиваю локоть и поворачиваю его кулак, направляя клинок в грудь...

Финал — наваливаюсь сверху на падающее тело, придавливаю, насаживаю противника на его собственный нож.

Плечистый всхрипнул, вздрогнул подо мной, дернулся... и затих.

Я с трудом встал... Меня шатало.

В углу, около служебного входа, сидела на корточках миниатюрная официантка — сжавшись в комок, прикрыв голову подносом, она негромко монотонно скулила. Второй после меня человек, оставшийся в живых из всех тех, кто был в зале, когда я сюда пришел.

Часы на стене показывали, что минуло всего десять минут — разум отказывался этому верить.

Вокруг творилось невообразимое: разгромленное помещение, перевернутая и разбитая мебель, осколки посуды. Из горлышка опрокинутой бутылки падали на мрамор багровые капли — ах, как весело гуляли студенты еще совсем недавно. В луже чего-то красного — то ли вина, то ли крови — плавал мой каталог, красивый и совершенно истерзанный.

От одной мысли, что я мог бы сейчас лежать рядом, мертвый, меня замутило.

За дверями «Blue Safe» бледными тенями появлялись лица любопытных, они вглядывались и испуганно шарахались обратно в темноту. Где-то далеко заверещал свисток постового...

Посидел, называется, расслабленно в хорошем кафе, полюбовался симпатичными скрипачками, послушал приятную музыку и забыл, хоть на время, обо всех своих проблемах.

* * *

Утро мое, как и вчерашнее, началось с рассматривания потолка. И я подумал, что жизнь моя становится похожей на шахматное поле, изображенное на нашей эмблеме. Темные поля странных и страшных событий чередуются с белыми квадратами утренних сомнений, страхов и надежд. Да со мной ли всё это было?

Было, ответил потолок. И было с тобой. И нет оснований не верить, потому что отвечал потолок моей собственной мансарды, родной и знакомый, с разводами высохшей влаги. По весне, во время дождей, протекла кровля. С потолка капало, и я пережил массу неприятных минут, пока не принудил домовладельца отремонтировать крышу. Эх, разве можно сравнить те неприятности с нынешними! Поистине всё познается в сравнении.

А уже через час мы сидели в кабинете директора — господин Аусбиндер, Ева Мария и я. Рассказывать о вчерашнем было очень трудно, но я смог: как гибли ни в чем не повинные люди, один за другим, даже не успев — я в этом уверен! — понять, что же происходит...

Как через несколько минут после окончания кошмара прибыли агенты Кристо. Бывалых полицейских выворачивало при виде открывшейся картины. Они тут же вызвали бойцов Отдела физического воздействия, до зубов вооруженных, с надетыми под форму кольчугами из какого-то специального сплава. Оцепили улицу, а что толку? Размахивать саблями уже не

имело смысла.

Потом появилось высокое начальство, всё задвигалось с новой силой, а меня повезли в участок. Но перед этим ко мне тихо и незаметно подошел агент Серый. Как такое возможно при его внешнем виде и комплекции, совершенно непонятно. Тем не менее всё происходило именно так — создавалось впечатление, что никто из окружающих агента не замечает. Одно слово — профи!

Серый был серьезен, даже мрачен, он ухватил меня за лацкан и, приблизив к себе, проговорил прямо в ухо:

— Теперь вы видите, во что влезли? Я вас прошу, оператор, постарайтесь ограничиться кабинетной работой. Архивы, бумаги, в крайнем случае беседы с приличными людьми — экспертами и консультантами. Видите, что порой бывает... Сейчас полиция начнет вытрясать из вас душу, ничего не поделаешь — так надо. Но и мне, уж не взыщите, понадобится подробнейший отчет о происшествии. Чуть позже...

Так всё и получилось. До двух часов ночи, сменяя друг друга, меня допрашивали дознаватели. Люди были разные, но интересовало их одно и то же: как началась драка, кто зачинщик, как могло случиться, что в бойню были вовлечены все музыканты и посетители, включая безобидную старушку?

И я отвечал одно и то же — не знаю. Что я мог им сказать? Что в чистом небе перед трагедией грохотал гром? Что я опять краем сознания уловил в самом начале драки отдаленный звон клинков и яростное «Эхх-х!», хотя теперь и сам не уверен, было ли это на самом деле? Или следовало им рассказать, как трудно слышать хлопки крыльев и карканье ворон посреди предсмертных хрипов и стонов? Кто бы мне поверил?

Поэтому я только обрисовал подробно всё, что видел своими глазами, расписался под показаниями, и меня отвезли домой. Там я выпил полный до краев стакан рома и упал в постель без сил и желаний.

Теперь, по окончании рассказа, мы сидели в угрюмом молчании. И первым нарушил его господин Аусбиндер:

— Вы уверены, Мартин, что мы имеем дело с тем же самым человеком? Это он, маньяк? Случайности исключены?

— Какие уж тут случайности, господин директор, — ответила за меня Ева. — Где вы видели бабешек, убивающих зонтами, и студентов, дерущихся как заправские наемники? И главное — мотив. Из-за чего началась драка — Мартин, вы видели? Думаю, никто не смог бы ответить на этот вопрос. Вот так сразу — и все друг на друга! А при полевом воздействии подобные эффекты возможны. Заставил украсть, сможет принудить и к убийству. Конечно, это наш объект, вот только что теперь с ним делать? Одиннадцать трупов — и сам Мартин, чуть было не лишившийся жизни...

Директор смотрел в стол, на его худом породистом лице играли желваки. Не поднимая глаз, он произнес:

— С этого момента я ограничиваю вашу активность, Мартин. Всё это слишком опасно, я не могу посылать своих операторов в сущую мясорубку. Забудьте всё, что я вам говорил, и вспомните всё, что написали в своем плане. Что там у вас — посещение архива? Музей древностей? Отлично, вот этим и займитесь. Никаких обществ, будь то спортивные или криминальные. Никаких опасных контактов. В конце концов, у нас есть специалисты — оперативники Тайной полиции. Им положено заниматься такими вещами по долгу службы. Пусть отрабатывают свой хлеб.

— Уже отрабатывают, — вставил я ровным голосом. — На контакт со мной вышел агент. Еще вчера.

— Почему не сообщили? — изогнул бровь господин директор.

— Не успел...

— Завидная оперативность. Я надеялся на некоторый резерв времени, однако... — Директор задумчиво пожевал губами и бросил взгляд поверх наших голов, туда, где высвечивался одному ему видимый окончательный результат наших усилий. — Что же, теперь ничего не изменишь. Пусть тайники ведут расследование, а вы будете только собирать информацию...

Ева Мария закусила губку, но помолчала.

— Вам всё понятно, оператор? Это приказ. Я вас более не задерживаю, допуск к архивам получите в приемной.

Я встал, поднялась и Ева:

— С вашего позволения, я тоже пойду, господин директор, — промолвила она.

Директор рассеянно кивнул, и мы покинули кабинет. Стоило двери затвориться, как Ева ухватила меня под руку:

— Мартин! Я понимаю, вы побывали в ужасной передрыге! — заговорила она жарко и немного нервно. — В утренней газете написано расплывчато, мол, в кафе произошла кровавая пьяная драка. Криминальная полиция исказила информацию, чтобы не сеять панику среди обывателей. А теперь ваш рассказ — это чудовищно!

Я молча слушал, уже догадываясь, что будет дальше.

— Кто бы мог подумать, что дойдет до такого. И всё же, Мартин, я хотела вас просить...

Я повернулся к Еве, и она смолкла на полуслове. Ее удивительные глаза смотрели на меня с мольбой.

— Вы хотите просить меня продолжить поиски, Ева, — сказал я скорее утвердительно, чем вопросительно. — Мой ответ — да! Я сделаю всё, чтобы поймать маньяка. Хотя бы в память о тех людях, которые погибли на моих глазах...

Вдруг вспомнилась во всех деталях бутылка, валяющаяся на затоптанном мраморе. И из горлышка падают багровые капли — то ли вино, то ли кровь, — будто жизнь истекает из тела.

— Вся их вина заключалась лишь в том, что они хотели провести приятный вечер в кафе. — Голос предательски сел, но я нашел в себе силы закончить: — Я поймаю его, чего бы мне это ни стоило. Можете на меня рассчитывать.

— Но это действительно может оказаться опасным...

— Теперь это меня не остановит. Время игр закончилось вчера.

— Я в вас не ошиблась, — прошептала она, и мне показалось, что теперь мы с Евой связаны не только честолюбивыми устремлениями. Появилось еще что-то...

* * *

Архив АСА — это государство в государстве. Он располагается в подвале Музея древностей, что для меня очень удобно. Верховодит здесь леди Грета Макензи, пожилая дама с внешностью «синего чулка»: волосы, собранные в тугой пучок на затылке, неизменные круглые очки, темное платье до пят с глухим воротником. Даром, что мы обращаемся к ней запросто — леди Макензи. У пожилой дворянки два десятка имен и

титулов, но она не бросает место скромного архивариуса. Видит в этом свое предназначение, берегает и дарит людям давно забытое Знание, и я уважаю ее за это.

Выражение ее лица может показаться холодным, даже высокомерным, но лишь до той поры, пока дело не касается старинных хроник, летописей и прочих пожелтевших бумаг. Как только это происходит, леди Макензи преображается — на щеках появляется румянец, речь становится живой и подвижной, а ее памяти можно только позавидовать.

Мне уже доводилось бывать в архиве, и отношения со стареющей леди сложились самые доброжелательные. Это ее я назвал для себя лоцманом в океане архивных документов, и хорошее отношение леди Греты дорогого стоит. Как-то я стал свидетелем сцены, когда одному невежливому и заносчивому просителю было отказано в помощи, а чуть позже случайно узнал, что сотрудник этот имел крупные неприятности — он попросту заблудился в горах бумаг, перепутал что-то и провалил важное задание.

После предъявления допуска хозяйка архива провела меня в свой кабинет на первом этаже. Здесь царил идеальный порядок. Небольшое элегантное бюро с аккуратными стопками книг, папок, свитков — всё подписано, промаркировано. В симпатичной вазочке букетик цветов. На отдельном столике заварной чайник с иероглифами, китайский чай, фарфоровые чашечки. Подавая мне ароматный напиток, леди Макензи поинтересовалась целью визита.

— О, Мартин, в архиве достаточно документов о деяниях великих героев, — воскликнула она, выслушав мою просьбу. — Трудно сказать, кто из них существовал на самом деле, а кого породила народная молва. Людям свойственно стремление создавать героев, мечтать о победах и свершениях. К сожалению, в жизни яркие события встречаются гораздо реже, — она улыбнулась, — и тогда великие подвиги приходится придумывать. Тем не менее многое из того, о чем говорится в старинных сказаниях, имеет под собой фактическую основу, отражает реальные события. Надо лишь уметь отделять правду от вымысла. Если научитесь читать древние послания между строк, вам откроется многое.

Говоря всё это, она достала три длинных ящичка с ярлыками. Края ярлыков были усеяны отверстиями. Потом она взяла обыкновенную вязальную спицу и отточенным движением просунула ее в одно из отверстий первой карточки. К моему удивлению, спица прошла стопку ярлыков на всю длину, и, когда архивная леди подняла свой инструмент, несколько карточек остались висеть на спице.

— Как вам такой метод сортировки? — весело улыбнулась архивариус. — Последнее изобретение наших ученых мужей. На карточке в зависимости от темы либо отверстие, либо щель. Теперь нет необходимости нудно перебирать ярлыки, достаточно один раз их упорядочить.

Следом леди Макензи проделала то же самое со вторым ящичком, потом с третьим. Уловом оказалась стопка пожелтевших архивных ярлыков. Вооружившись ими, архивариус повела меня в свои владения.

Мы спустились в подвал. Леди уверенно шагала меня в лабиринте пыльных стеллажей, мимо бесконечных полок, плотно заставленных папками, папочками, грессбухами и фолиантами. Попадались стеллажи, заваленные, словно вязанками дров, тубусами с древними свитками.

Грета Макензи, не останавливая движения, уверенно выхватывала с полок нужные папки, лишь иногда сверяясь с каталожными ярлыками, и вывела меня наконец в небольшую комнату. Вездесущее электричество добралось и сюда: на стене горел светильник. Пустой

стол с настольной лампой и стул — вот и всё убранство.

— Присаживайтесь, Мартин. Здесь вам будет удобно. — Она положила на стол отобранные папки. — Это вам на первое время, часть материалов придется поискать.

Я поблагодарил и принялся за работу. Трепетно раскрывал пропахшие пылью папки, осторожно листал ветхие страницы. С легким шуршанием разматывались древние свитки. Оттуда буквами в старинных завитушках, выцветшими чернилами и поблекшими рисунками сходили герои и вожди. Люди, жившие когда-то, а быть может, и придуманные, и их необычные дела. Были тут и Элколкост, отгоняющий врагов от входа в родную пещеру, и пастушок со своей свирелью, и даже повелительница повелителей Лейла. Встречались и другие любопытные послания из глубины веков, но скоро я понял, что информация эта расплывчата, разрозненна и не всегда достоверна. Найти с ее помощью какие-то зацепки во времена нынешних вряд ли удастся, всё это были лишь красивые сказки.

Но вот на документах, посвященных истории оружия, я задержался. Всегда любил ножи, мечи и прочие колющие и режущие штуки! Одна лавочка старины Поля чего стоит! При виде изящного кинжала, элегантной шпаги или доброй сабли настроение улучшается само собой. А стоит взять в руки славный клинок, почувствовать тяжесть отточенной стали в руке, рубануть воздух, чтоб прозвучал мелодичный посвист, — это уже просто восторг! Как свидание с любимой девушкой!..

Хотя девушки — это всё же нечто иное. Некстати появилась игривая мыслишка о Еве Марии, но я отогнал непрошеную фантазию усилием воли и вновь сосредоточился на бумагах.

По всему получалось, что стародавние герои еще могли себе позволить песни и пляски, но времена менялись. Менялось оружие и взгляды на его применение. Появились тяжелые доспехи, мечи и боевые топоры. Рыцарь нес на себе до тридцати килограммов брони — попробуй спляши в таком снаряжении! Рубящее оружие требовало физической силы и использования сил инерции — боец раскачивал собственное тело и свой тяжелый меч и уже потом вкладывал весь этот вес в удар. Все изменения, какие претерпел клинок за долгие годы, привели к появлению длинного узкого жала, способного проникать в щели доспеха. Так родились эсток и кончар — мечи с удлинненным острием. Всё это не приближало меня к решению задачи — невозможно представить себе воина, легко фехтующего пятикилограммовым оружием. Да и не фехтовали тогда, а рубились — просто и незамысловато.

Стало ясно, меч оружием энергетического воздействия быть не может. Я мысленно сравнил свой любимый кинжал с двуручником и еще раз убедился — нет, не может.

Однако люди с удовольствием продолжали совершенствовать орудия для убийства себе подобных.

Появилась шпага — колюще-рубящее оружие с длинным клинком и заточкой. На смену большому щиту пришел баклер: маленький круглый щит, легко удерживаемый одной рукой. Баклером можно было не только отражать удары шпаги противника, но и отвесить ему при случае увесистую оплеуху. Вторым вариантом стала дага — короткий кинжал с очень мощной гардой, которая вполне могла выполнять функции щита. А еще чуть позже пришли рапиры — граненые клинки без заточки, которыми только кололи.

Вот это уже было ближе. Со шпагой можно танцевать почти как с кинжалом. Я представил себя в Мастерской со шпагой или рапирой в руках — образ получился вполне правдоподобный. Ну а что там дальше? Кажется, я по-настоящему увлекся документами и

справочниками...

Несколько особняком стояли сабли, появившиеся позже мечей, но обладающие мощным как рубящим, так и колющим потенциалом. При этом выбор — рубить или колоть — зависит от кривизны клинка и от смещения центра тяжести. Палаши и шпаги имеют тяжелый эфес и прямой, относительно узкий клинок, что делает особенно опасными колющие удары. Такими же могут быть слабо загнутые сабли с тяжелой рукоятью. Но если увеличить кривизну, а острие утяжелить елманью, получится оружие, сравнимое в рубке с топором.

До тех пор, пока на полях сражений основную роль играли тяжелые латники, сабля перспективы не имела — прорубить броню она не могла, а колющий удар не получался таким метким, как у эстока. Зато позже, когда от брони стали отказываться — пули легко пробивали доспех, — сабля начала по праву завоевывать всё большую популярность.

Нельзя сказать, что всего этого я не знал раньше. Лет десять назад у меня был свой полуторник — меч с прямым, почти метровым клинком и весом более килограмма. И в кружок «умелого фехтовальщика» я ходил, и в постановках исторических сражений участвовал, и старинные приемы боя изучал с большой охотой. Всё это нам очень нравилось тогда, но потом пришлось уехать к месту службы. Перед отъездом я подарил оружие одному из своих товарищей, такому же свихнувшемуся на мечах и историческом фехтовании, как и я сам.

Сейчас, роясь в горах документов и исследований, я начинал понимать, что если и существует техника, направленная на соединение фехтования и танцевальных движений, то более выгодного варианта, чем сабля, или горская пашка, не сыскать. Именно это оружие при определенном соотношении кривизны клинка и баланса позволяло гармонично совмещать колющие и рубящие удары. Именно сабля давала наибольший простор в движениях и перемещениях.

И скоро я нашел сразу несколько любопытных подтверждений своим мыслям. Первым я обнаружил документ двухсотлетней давности, повествующий о некоем Орландо, знаменитом бретере тех времен, который не знал себе равных в искусстве владения тальваром. Эта оригинальная индийская сабля имеет клинок средней кривизны и выраженную елмань, или перо — заточенное утолщение на острие. Именно такое оружие лучше всего приспособлено для рубки.

В документе было сказано, что Орландо добился блестящих успехов благодаря оригинальной методике тренировок, то ли разработанной им самим, то ли скопированной у кого-то из древних мастеров. Суть ее заключалась в том, что боец перед ответственной схваткой всегда практиковал многочасовой «бой с тенью», который, по свидетельству очевидцев, более всего походил на танец с саблей.

Вот так — опять танец и опять старые мастера! Если предположить, что во время «боя с тенью» Орландо мог ярко представить себе образ противника, становится понятным — бретер занимался информационным конструированием. По сути, он делал то, что мы называем финтом, выстраивая заблаговременно выгодный вектор будущей реальной схватки. Или что-то похожее...

От такого неожиданного вывода у меня пересохло во рту. Вот тебе и крупницы знаний, вот тебе и зерна с плевелами... Я перечитал документ внимательно еще раз. Получалось именно так.

Но и это было не всё. Чем больше я изучал документы, тем больше убеждался, что многие мастера фехтования и великие воины любили поплясать и не упускали такой

возможности в праздники, а в будни танцевали в виде своеобразной тренировки. Так, командир легендарной Раскаленной сотни Паприс сто лет назад устраивал для своих бойцов «танцевальный день», отменяя все другие виды подготовки и заставляя воинов выплясывать на специальной площадке под звуки полковых барабанов.

Время летело незаметно. Леди Макензи успела принести мне еще одну стопку папок и чашку чая. Я рассеянно поблагодарил пожилую даму, но оторваться от чтения не мог.

Следующая подборка перенесла меня с полей сражений в кузницы и мастерские. Здесь были собраны легенды и мифы об оружии, изготовленном особым способом и обладающем уникальными свойствами. Искусные мастера древности, стародавние рецепты, специальные материалы. Вопросыковки и металлургии, в которых всё равно ничего не смыслу, я отбросил, но основное для себя вынес.

Оказалось, большую часть оружия изготавливают по общим методикам, и клинки различаются лишь в частностях. Но есть особые случаи: возможности таких клинков много больше, а порой это оружие обладает даже собственной силой. Мастер брался выковать меч для определенного человека с определенной целью. Здесь важен был и материал, и способ изготовления. Непременным условием успеха считалось мастерство кузнеца, но этим дело не ограничивалось.

На эфес или тело клинка наносились надписи, символы или знаки, придававшие оружию новую информационную структуру. Это могли быть обращения к богам, магические формулы, наконец, обозначение цели, ради достижения которой изготавливался меч. Сегодня не всегда понятен смысл написанного, да и не умеем мы его правильно прочитать или расшифровать, но информационный заряд был обязательной составляющей будущего уникального клинка.

Часто надписи сделаны на давно и прочно забытых языках. Тут, к своему удивлению, я натолкнулся на упоминание о Черном Рыцаре и его чудесном мече по имени Астракс, на клинке которого тоже присутствовали загадочные знаки, помогавшие хозяину добиваться желаемого. А я-то думал, что все рассказы о Черном Рыцаре — выдумка от начала до конца. Вот уж истинно: сказка — ложь, да в ней намек.

Кстати, давать имя оружию — тоже древняя незыблемая традиция, и несть числа Суровым, Грозным, Разящим. Не говоря уже об оружии, принадлежавшем легендарным личностям, — например, Экскалибуре.

Но буквенные обозначения, к какому бы языку они ни принадлежали, не единственный метод кодировки. Вторым, еще более распространенным способом является нанесение узоров и орнаментов на эфес, основание клинка и в ряде случаев ножны. То, что мы можем принимать за необязательные украшения, на самом деле является графическим изображением информационной структуры.

Образы растений, животных и птиц могут иметь особый смысл, а хитросплетение ажурных линий орнамента напоминает картину, которую видит оператор во время процедуры. Тот самый изумрудный узор информационных каналов, сеть взаимных интересов и устремлений.

И, наконец, третье — возможность изменения информационной структуры за счет украшения оружия драгоценными камнями. В мистической традиции хорошо известно, что кристаллическая структура минералов является идеальным хранилищем информации. Добавление одного такого камня в навершие клинка может придать ему уникальные свойства.

Таким образом, в чудо-оружии совмещаются личность мастера, личность бойца и информационная формула, нанесенная тем или иным способом.

Цель, то великое деяние, для которого изготовлен меч, и личность хозяина образуют нечто вроде души.

Душа подразумевает собственное имя.

Такая схема взаимосвязей порождает особые отношения между мечом и воином, когда меч может признать или не признать владельца. Если человек не соответствует определенным качествам, заложенным в клинок, он может считаться лишь хранителем, и меч не проявляет своих удивительных свойств.

У меня голова пошла кругом. Конечно, встретить подобные сложности я не ожидал, но и сдаваться не собирался. В глазах уже мельтешило от имен, дат и названий стран, но я настойчиво вчитывался, сравнивал, сопоставлял факты и начинал понимать, что легендарные клинки, известные на весь свет, вряд ли имеют отношение к моему поиску. Те, что лежат на стеллажах Музея древностей или экспонируются в коллекции эрцгерцога, — они уже выполнили свое предназначение. Ведь не зря попытка похищения из Вернисажа не возобновлялась. Или это совпадение и злоумышленник просто не имел такой возможности? Опять вопросы.

Последняя папка оказалась самой любопытной. Полицейские отчеты, доклады, допросы арестованных и пострадавших, а то и просто слухи и сказания о лихом атамане Дагомире, гулявшем по южным степям в давние времена. История гласила, что атаман был личностью необычной. Имел он мечту — найти сокровище, сокрытое в одном из курганов и якобы принадлежавшее его роду. А для этого заставлял своих ватажников заниматься раскопками. Нравилось это далеко не всем, но атаман умел настоять на своем. Да вдобавок обещал соратникам на эти деньги построить в степях вольный город, где всем будет житься сытно и счастливо.

Вот в одном из таких курганов и отыскался кривой меч, какими пользуются кочевники. Что это был за меч и кому он принадлежал, Дагомир не рассказывал, но после находки объявил ватаге, что клад будет обнаружен в самое ближайшее время и древний меч, мол, тому порука.

Но время шло, а сокровище так и не отыскалось. Тут еще удача отвернулась от ватаги — конная полиция преследовала их по пятам, устраивала засады. Добыча ускользала из рук. Часть разбойников погибла в стычках, другие ушли от неудачливого атамана, и остался он с малой кучкой приспешников.

Гонимый конными разъездами, атаман ушел на север и прятался с остатками ватаги в неприступных горных районах. Там-то, по слухам, и нашел разбойник кузнеца, мастерство которого славилось на весь Горный край. Он отдал ему меч, поврежденный из-за долгого хранения в земле, и наказал превратить его в боевое оружие. Старый мастер выполнил задание, но переделал меч в саблю и дал ей имя — Дагг-Ош.

С тех пор атаману стала сопутствовать удача. Он вернулся в богатые южные степи, набрал новую ватагу из злых и отчаянных бойцов и, хоть сокровище больше не искал, собирал богатую мзду с купцов и караванщиков. Мечту свою Дагомир не забыл, и денег у него скоро стало столько, что он мог ее осуществить.

Но налеты его были столь дерзкими, что власти взялись за него всерьез. К делу подключили армейскую кавалерию, и ватагу обложили в степи. Разбойники отбивались до последнего человека, в плен не сдался ни один, и все погибли. Разделил их судьбу и атаман,

а Дагг-Ош попала в Полицейский музей.

История мне понравилась, я бы с удовольствием подержал в руках легендарную саблю, но сорок лет назад в музее случился пожар. Часть экспонатов сгорела, часть пострадала вследствие неумелого пожаротушения. Музейные посетители потом долгое время разбирались в пострадавших помещениях, многое было найдено и восстановлено. Но часть экспонатов отыскать не удалось, среди них была и сабля...

* * *

Только я закончил чтение, вошла леди Макензи.

— Время закрывать архив, Мартин, — сказала она. — Я надеюсь, вы почерпнули из документов что-то полезное.

— О да, уважаемая госпожа. Весьма благодарен вам за помощь. Скажите, я могу подняться в музей?

— Да, они заканчивают работу позже. Не все залы сейчас доступны осмотру, Большая галерея открыта всего четыре часа в сутки и охраняется. Потом ее запирают на крепкие замки.

— Мне нужен только оружейный зал...

Леди согласно кивнула, после чего мы тепло попрощались.

Наверху меня встретила смотрительница, очень похожая на Грету Макензи: такое же темное платье, волосы, собранные в пучок, очки, вот только в облике леди чувствуется порода.

Меня проводили в оружейный зал. Самые дорогие и редкие экспонаты действительно собраны в Большой галерее и во время выставки охраняются вооруженными стражниками. Там больше драгоценностей и золота, чем действительно оружия. Конечно, именная шпага национального героя генерала Толя или абордажная сабля прославленного географа, первооткрывателя, а по совместительству пирата Огюста Блейка вызывают восхищение.

Но вы можете себе представить, чтобы парадной рапирой эрцгерцога, эфес которой усыпан крупными бриллиантами, рубинами и сапфирами, бился кто-нибудь ну хотя бы на заурядной дуэли? Я, например, представить такое не мог, поэтому и прошел в оружейный зал — рабочее помещение музея, предназначенное для показа образцов холодного оружия различных эпох и народов.

У стен высокие стойки: алебарды, секиры, боевые топоры. Рядом копья, пики, дротики. Дальше, в стойках пониже, мечи: древние гладиусы и акинаки, более поздние спаты и эстоки, двуручные великаны цвайхендеры и фламберги. Более легкие — шпаги, рапиры, сабли и палаши — развешены на стенах. Отдельно разместилось оружие с изогнутыми клинками — хопеши, ятаганы, кописы и флакаты. Между стоек открывался проход к застекленным стеллажам с ножами, кинжалами и стилетами.

В углу кресло, обычно занимаемое служительницей. Сейчас она вышла, подчеркивая доверие к человеку с допуском из АСА. Я присел в это кресло и стал разглядывать экспонаты, перебегая глазами с одного на другой, пытаюсь представить, как можно использовать их для воздействия. Как вела бы себя при этом прямая спата, кривой, похожий на секиру, хопеш или элегантная шпага. Как должен двигаться фехтовальщик, какие позы принимать...

Похоже, я слегка задремал — сказывалось напряжение предыдущей ночи, а полумрак и

тишина музейного зала очень этому способствовали. Острое чувство тревоги заставило вздрогнуть. Опять, как тогда, в двадцать втором кабинете, стало вдруг зябко и заторопилось, засбоило сердце. Электрические светильники давали достаточно света, и я увидел, как под высоким сводчатым потолком с легким хлопком развернулось гигантское птичье крыло.

Оно жило своей потайной жизнью: чуть вздрагивало, трепетало и в то же время — я уверен! — было плотным и жестким, с бритвенно острым краем.

Я вскочил и кинулся к выходу, точнее, попытался это сделать, потому что крыло кругнулось на месте и спикировало в мою сторону. Острие нацелилось прямо в грудь, и мне с трудом удалось отскочить. Путь наружу оказался отрезан необычным, но грозным противником. Свободного пространства передо мною осталось примерно пять на пять метров. Рядом возвышалась стойка с мечами...

Крыло совершило в воздухе крутой пируэт, зацепив стену — брызгами полетела штукатурка, на беленой поверхности осталась глубокая борозда. Противник замер, готовясь к новой атаке.

Что же это творится, а?! Неведомый враг настигает меня повсюду — ввергает в гущу кровавой драки, превращая безобидных обывателей в бездушных убийц, машет над головой своими отточенными крыльями, гоняет меня, как мышь по углам! А я — мне так и бегать, спасая свою шкуру?! Нет уж, я не позволю прикончить меня хладнокровно и безнаказанно!

Страх пропал, появилась ярость.

Одним прыжком достиг я стойки с мечами и ухватил первое, что попало под руку. Им оказался двуручный фламберг — пятикилограммовый гигант с волнистым клинком до полутора метров. Таким можно пользоваться как увесистой дубиной.

Крыло шевельнулось, встало вертикально и теперь походило на нож громадной гильотины. А дальше — представьте себе исполинского повара, шинкующего колоссальным ножом невидимую гигантскую морковь! Точно такими же невероятно быстрыми рубящими движениями крыло-гильотина начало нарезать воздух от потолка до пола, неумолимо приближаясь ко мне.

Я попытался найти зазор в этом дьявольском движении — тщетно! Крыло занимало все пространство от стены до стены! Путь к бегству был отрезан...

Я стоял, выставив вперед двуручник, и понимал, что осталось только драться. Из чего состоит крыло? поддастся ли оно металлу? — этого я не знал, но выбирать не приходилось. И в миг, когда колоссальное лезвие приблизилось вплотную и начало падать, я качнул тело и рубанул по кругу, встретив опасную диковину мощным — по диагонали снизу вверх — ударом!

Клинок врезался на противоходе в темную клубящуюся ткань, брызнули алые искры, и в следующий миг крыло смялось, потеряло форму и утратило упругость. А вместе с этим и опасность.

Как раненое животное, чуть ли не поскуливая, оно отскочило к дальней стене. Ага! Не нравится?! Попробовало моего меча?!

Но сражение еще не закончилось. В следующий неуловимый для глаза миг крыло восстановило форму, налилось пружинной силой и стало на бок, напоминая теперь острие ножа. А еще через мгновение этот гигантский нож стремительно двинулся в мою сторону...

Сомнений, что противник способен легко рассечь мое тело, не оставалось ни малейших! В последнюю секунду я отступил с линии атаки, сильным ударом погрузил клинок в клубящуюся черную ткань почти по гарду и вцепился в рукоять, почти повис на ней,

удерживая меч. Крыло продолжало двигаться, вспарывая самому себе — так и хочется сказать «брюхо», но нет брюха у крыла! — что? — эту самую ткань, плоть, черный как сажа туман, из которого состояло...

Опять летели фейерверком алые искры, я изо всех сил держал двуручник в прежнем положении, и крыло сдалось. Оно не распалось, как я ожидал, а снова скомкалось. Как бы свернулось. Крутнулось волчком и исчезло с легким хлопком.

Я стоял, тяжело дыша, посреди пустого музейного зала, сжимая в руках огромный меч с изогнутым, как змея, клинком. Было совершенно тихо, и я силился понять — может, всё здесь произошедшее мне привиделось? Может, я задремал в уютном кресле и утомленный мозг породил образ врага и сцену боя?

Вот только в воздухе остался неприятный запах плесени и влажной земли, а на стене зала — глубокая царапина, след первой атаки.

Я едва успел вставить меч в стойку, как вошла служительница.

— Вы закончили, господин? Подошло время закрывать музей...

— Да, благодарю вас, мне действительно пора уходить, — промолвил я, с трудом выравнивая дыхание.

Ноги едва держали меня, но, покидая зал, я сумел спросить почти обычным голосом:

— А что это за свежая царапина на стене?

— Царапина? — удивленно откликнулась женщина. — Недавно меняли стеллажи и стойки. Наверное, повредили рабочие... Обязательно скажу младшему смотрителю, чтобы заделал.

Я кивнул и покинул здание.

Всего лишь проулок отделял Музей древностей от проспекта Свершений. Я вышел на залитый огнями простор. Солнце село, и здесь начиналась бурная вечерняя жизнь: ярко горели электрические фонари, мерцали красочные витрины дорогих ресторанов, модных кафе и казино. Распахивались двери заведений, впуская хорошо одетых мужчин и женщин — степенных и вальяжных, веселых и беспечных. Отовсюду доносились музыка и смех.

По проезжей части двигались сплошным потоком экипажи и сверкающие авто, гудели клаксонами, лошадиное ржание смешивалось с рычанием моторов. Размахивал жезлом неизменный жандарм-регулировщик.

Люди спешили жить, торопились к счастью, успеху, удовольствиям. Никто не чувствовал и тени опасности, нависшей над миром. А я вздрагивал при мысли о кафе.

Можно зайти в отдел, директор и Ева наверняка еще там, но делать этого я не буду — отчитываться нет сил. Да и что я скажу? Что весь день читал древние сказки и подшивки старых документов? Это можно доложить и завтра, а выводы делать еще рано.

То, как бился с крылом? Так я и сам не уверен, было ли это на самом деле. Задремал утомленный оператор, привиделось что-то, спросонья помахал мечом. Хорошо хоть ничего не разбил. Стена поцарапана? Так, может, сам и поцарапал, неуклюжий. Или действительно рабочие выносили старые стеллажи...

Вот только для меня всё произошедшее было совершенно реальным. Я точно знаю, зацепи меня крылышко по руке — отсекло бы руку, обвалилось сверху — порубило бы в фарш. Неаппетитные кровавые куски мяса на полу музейного зала. И для меня всё это — знак того, что я на правильном пути.

Кому-то очень не нравится направление моих поисков, а значит, надо продолжать. Теперь абсолютно понятно — это война, а на войне как на войне. И вопрос можно поставить

просто и однозначно — или ты найдешь его, оператор Мартин, найдешь и приведешь в стойло — к директору, Еве, Серому, — но в темницу, каземат... В клетку, как опасного свирепого зверя. Или он тебя убьет, оператор Мартин. Без сомнений и сожалений.

Увы, не смогу я воспользоваться добрыми советами агента Серого и даже выполнить прямой приказ директора Аусбиндера — общаться только с приличными людьми и изучать документы. Потому что я теперь на тропе войны. Я — обозленный и жаждущий драки Мартин из приюта, готовый смять любого, кто посягнет на мое достоинство. Потому что я теперь точно знаю — победить противника можно, только сунув руку в пасть черту. Вооруженную руку. И я это сделаю — суну ее и вырву аспиду ядовитое жало! И пусть он хоть тысячу раз при этом назовется птицей!

Завтра же с утра займусь фехтовальщиками. И домой, в любимую мансарду, пить ром в одиночку — не пойду. Не до рома мне теперь, нужно искать зверя, открывшего на меня сезон охоты...

И я свернул на улицу Усталых Грез.

Глава 3

Глава 3

Интересно порой складывается судьба. Живет человек неторопливо и размеренно. Ходит изо дня в день в привычную контору, на верфь, в мастерскую, выполняет знакомую до мелочей работу. Когда интересную, а когда и не очень, но всем вроде доволен. Всё воспринимает как должное и не мыслит себе иного существования. А потом вдруг — бац! — словно включили свет в полутемной комнате! И всё знакомое и привычное тут же оборачивается новыми гранями. Вроде очертания прежние, а суть, значение, смысл — другие.

Раньше я думал, что пора резвой юности давно прошла. Приют, скитания с цыганами, бродячий цирк — тогда невзгоды и неожиданности были обычным делом, скорее повседневностью, чем исключением. Но потом началась учеба в Академии Прикладных Знаний, служба в АСА, отдел — я привык считать себя обычным столичным жителем. Пусть уникальной профессии, но рядовым гражданином Республики, каких много. И жар, и пыл юного сердца в далеком прошлом. А теперь?..

Я смотрел на Еву Марию как на недосягаемую звезду, холодную красавицу аристократку, холеную и неприступную. А теперь?.. Мне казалось, что общая цель объединила нас, но не как заговорщиков, не деловыми партнерами мы с ней стали, а... кем?

Историческое фехтование, приключения, разгадывание страшных тайн — всё это мне заменили процедура и финт, возможность влиять на чужую судьбу. А сейчас я чувствовал холодок опасности между лопаток, легкую дрожь в теле, возбуждение в крови — и не сказать, чтобы всё это мне не нравилось! Что ж, я готов вновь, как в былые времена, взять оружие в руки и броситься в бой?! Не считаясь с последствиями и потерями?..

Но ответ являлся сам собой, бился где-то на краешке сознания — неявно, не в голос, но настойчиво повторял — да. Возьмешь. Бросишься. Победишь...

Я шагал по улице Усталых Грез молодой упругой походкой.

Когда я очнулся от размышлений, то не сразу и сообразил, что стою аккуратно напротив «Пены». Видно, ноги сами привели сюда, пока разум терзался сомнениями. Если в кафе меня сейчас не затянешь на веревке, то старая добрая пивная — как раз то, что нужно. Да и люди в «Пене» обычно собирались интересные. Я поднялся по невысоким ступенькам и толкнул массивную дубовую дверь.

В зале царил полумрак. Интерьер пивной оставался неизменным, наверное, уже лет сто. На стенах были развешаны фитильные лампы. Думаю, электричество еще не скоро найдет сюда дорогу, традиции важнее. Посетители сидели на крепких табуретах за столами, стилизованными под пивные бочки, пили крепкое темное пиво из рифленых стеклянных кружек и закусывали соленым сыром, вареным горохом и перьями зеленого лука. Всё здесь просто, прочно и добротно.

В воздухе висела плотная пелена табачного дыма, стоял ровный гул голосов, все столы-бочки были заняты, но меня интересовал вполне определенный человек. Пошарив глазами по залу, я нашел искомое — в дальнем углу, в окружении своих помощников восседал Ганс Сундук.

Если вы хоть раз увидите Ганса, то уже никогда не спутаете его с кем-нибудь другим. Это горбун, рост которого едва достигает полутора метров. Длинные, как у обезьяны, сильные руки с огромными кулаками свисают чуть не до колен, короткие ноги оканчиваются непропорционально большими ступнями, которые Ганс зимой и летом обувает в калоши громадного размера. Маленькая головка с хитрыми глазками, на шишковатом черепе редкий пух рыжих волос. Этот человек может показаться комичным или отталкивающим, и оба впечатления будут неверны.

Сундук держит Рынок — огромное пространство Предместья, застроенное павильонами, складами, палатками и торговыми рядами с хлипкими навесами. Здесь честно торгуют мясом, маслом, зеленью и фруктами. Но не только. В укромных местах и темных задворках Рынка играют в карты, продают и покупают контрабанду, сбывают фальшивые деньги. Круглые сутки обслуживают клиентов притоны с дешевыми проститутками. Тысячи людей зарабатывают на Рынке деньги самыми разными способами. Честными и не очень.

Обладая незаурядной физической силой, Ганс начинал вышибалой в павильонах. Многие поплатились тогда за то, что не восприняли сразу этого человека всерьез. Сколько челюстей сломал Ганс, сколько ушей отрезал, теперь уже не сосчитать, но сегодня это полномочный предводитель рыночного теневого народца.

Железной рукой правит он жуликами всех мастей: торговцами «веселой травкой» и оружием, шулерами, мошенниками и сутенерами. В то же время все грузчики и рубщики мяса, зеленщики и весовщики знают, кто хозяин на Рынке, и все платят нелепому горбатому карлику долю с доходов. Теперь отношение к Гансу не только серьезно, но и с большой толикой уважения и страха. Сундук слывет предводителем жестоким, но справедливым. Он выступает третейским судьей в спорах между здешними уголовниками, наказывает виновных и держит подпольную казну.

Вот к этому человеку я и направился. Ганс сидел в окружении троих отъявленных маргиналов, ни одного из которых я не знал, но это и неважно — я знаю Ганса. И что еще важнее, Ганс знает меня.

Вернее сказать, он был знаком с цыганами и уважал дядюшку Марло. Этот вольнолюбивый народ умел заставить себя уважать: стоило обидеть цыгана, и на его защиту вставал весь табор. Обидчику предстояло разбираться с отчаянными парнями, умевшими

даться и, если необходимо, не щадившими ни себя, ни врагов. Поэтому с цыганами, считавшими себя одной большой семьей, старались не связываться. А с дядюшкой Марло Сундук вел когда-то дела и признавал за старым цыганом ту честность, которая ценится в этих кругах превыше всего.

Я остановился за шаг от стола и выдержал почтительную паузу. Первый из компании, высокий, с сумрачной физиономией мужчина средних лет, жевал, уткнувшись в тарелку, и ни на что не обращал внимания. Второй, постарше, воззрился на меня с подозрением, а третий, совсем молодой, со шрамом через всё лицо, вопросительно уставился на жожака. Не сомневаюсь, если бы возникла необходимость, меня бы тихо прирезали прямо здесь, незаметно и аккуратно. Потом вынесли бы через черный ход и спрятали так, чтоб никто никогда не нашел. Но Сундук расплылся в улыбке.

— Мартин! — проговорил он высоким надтреснутым голосом. — Черт меня забери, я страшно рад тебя видеть! Ты, наверное, подумал над моим предложением и решил перейти в команду папочки Ганса?

Действительно, помимо нежных воспоминаний юности, он знал меня и в более позднее время как артиста цирка. Постоянно гастролируя в провинции, мы тем не менее несколько раз выступали в Капиталле, давая представления как раз на Рынке. Ганс видел наш с Россом трюк, и его изощренный криминальный ум сразу построил несколько вариантов мошенничества с использованием моих способностей. Он предлагал мне участие в аферах, и кто знает, если бы не АСА, может, я бы сейчас либо являлся подданным империи Ганса, либо находился бы на каторге.

Кстати, к операторам главарь вообще относился уважительно, и Агентство было чуть ли не единственной службой, которую он признавал. Конечно, после полиции.

— Мое почтение всей честной компании, — ответствовал я с поклоном. Эта публика любит уважительное отношение. — Спасибо, Ганс, но я еще подумаю...

— Ха! — откликнулся он. — Думай и, когда надоест казенная похлебка, подмигни. Старина Ганс обязательно найдет для тебя теплое местечко! Садись, парень...

Как по волшебству появился еще один табурет, на столе оказалась полная кружка и лишнее блюдо с сыром. Потекла неспешная застольная беседа, рыночные новости: кто с кем, когда и за что. По большей части всё это мне не интересно — людей этих я не знаю, от криминальной жизни Рынка далек. Я слушал ради приличия, кивая и прихлебывая пиво, и ждал возможности задать интересующий меня вопрос.

Как-то незаметно разговор перешел на недавнюю драку, случившуюся в рядах, чью-то смерть, а потом заговорили о ножах. Тут я и влез:

— Ты же знаешь, Ганс, я всегда был равнодушен к клинкам, — заговорил я доверительно, но так, чтобы слышали все. — У меня есть хороший кинжал, но хочется собрать приличную коллекцию. Сабли, шпаги, мечи...

— Хо, Мартин! Ты становишься настоящим обывателем. Будешь вешать их на стену? — засмеялся главарь. — Могу поспособствовать в приобретении отличной навахи! Нож надо носить за поясом или, на худой конец, за голенищем сапога...

— Да нет же, Ганс, я не собираюсь никого резать...

— И в этом твоя беда, парень. Оружие должно действовать, применяться по назначению. Оно живо, пока питается кровью! В противном случае клинок покрывается мертвой ржавчиной.

Его слова неожиданно откликнулись во мне:

— Ты знаешь людей, которые оживляют клинки кровью? — спросил я вроде в шутку, но внутри меня все замерло.

— Конечно, — рассмеялся горбун. — Ты видишь их сейчас перед собой. Это мы не даем клинкам ржаветь! Правда, парни?

Компания дружно заржала, и у меня отлегло от сердца — обычный треп подвыпивших бандюков.

— Что тебе вся эта старинная дребедень? — гнул свое Сундук. — Или ты надумал открыть антикварную лавку, наподобие старины Поля? Вот у кого, кстати, бывают интересные экземпляры. Ты не смотри, что пройдоха Поль с виду прост, дело открывал еще его отец. Тогда собирать редкие образцы было проще...

— Я захожу к нему постоянно, но старый хитрец ломит такие цены, что на приглянувшуюся вещицу оклада оператора не хватает!

— Вот! А тут отличные клинки из Толедо! Задешево... А тебе, по знакомству, так и вовсе считай задаром.

Беседа продолжалась в том же духе, Ганс предложил мне еще с полдюжины ножей, армейский револьвер и краденное новенькое авто. Но в конце заявил:

— Ты не по адресу обратился, парень. Дорогими штучками типа сабелек мы не промышляем. Слышал я, антикварным оружием занимался недавно Коготь. Их светлость, — тут рыночный король скривился, — изволят гулять сегодня здесь, в отдельном кабинете. Поскольку я знаю тебя с юных лет, могу устроить аудиенцию. Авторитета на это хватит. Много времени он тебе не уделит, не того ты полета птица, но несколько минут...

— Мне бы только узнать, Ганс.

— Рубец, сынок. — Главарь поманил пальцем молодца со шрамом через всё лицо и пошептал что-то ему на ухо. Тот, сорвавшись с места, ускакал по лестнице на второй этаж.

Через несколько минут я поднимался в сопровождении Рубца по пологим ступеням. Здесь располагались кабинеты для особо важных гостей. Сундук едва ли мог претендовать на отдельные апартаменты, хоть и утверждал, что хозяин «Пены» ему это предлагал. А он, мол, гордо отказался, дескать, с народом ему приятнее. Но, по-моему, всё это отговорки.

Около кабинета стоял мрачный громила с подозрительно оттопыренной полкой пиджака. Он цепко оглядел меня с головы до пят и мрачно кивнул: я допущен в кабинет.

Здесь всё было обустроено по-другому, никакого сходства с деревенской корчмой уже не угадывалось. Свечи в канделябрах, бархатные портьеры на стенах, изящная мебель. На столе хрусталь и серебро, тонкие блюда и благородные напитки.

Лорд Железный Коготь больше похож на благородного искателя приключений, какими их рисуют в романтических романах. Курчавые темные волосы до плеч, голубые глаза взирали на мир открыто и дружелюбно, красивое мужественное лицо с тонкими чертами украшала располагающая улыбка.

Но и здесь первое впечатление обманчиво — этим ребятам порой могли позавидовать профессиональные актеры. Передо мной в свободной элегантной позе сидел самый дерзкий, жестокий и неуловимый налетчик Капиталлы, а может, и всей Республики. Никакого отношения к дворянству он не имел, зато пролил немало крови честных ювелиров и ростовщиков.

Коготь не предложил мне сесть, не сказал каких-то приветственных или вступительных слов, произнес только: «Что?» Я понял: сам факт аудиенции говорил о достаточном доверии к моей особе, и следовало быть предельно кратким.

— Сабля либо шпага, — сказал я без эмоций, по-деловому. — Старинной работы, лучше известного мастера. Может быть, с предысторией...

— Антиквариат? Дорогое оружие с драгоценными камнями, золотом и платиной? — изогнул аристократическую бровь Коготь.

— Нет... — Я замялся. — Дорогие побрякушки, усыпанные камнями, меня не интересуют... — Действительно, как объяснить, что я ищу оружие уникальное, способное участвовать в информационных процессах?

— За обычными «рабочими» клинками не обязательно обращаться ко мне, — проронил Лорд. — Их можно приобрести гораздо проще.

— Старое, даже старинное оружие. Может быть, коллекционное. С «биографией»... Может, забытое, но всплывшее недавно...

Еще несколько мгновений Лорд смотрел на меня с легким удивлением, а потом в глазах его мелькнуло неожиданное понимание, и он резко встал.

— У меня нет ничего похожего. Иди и передай своему хозяину, что я не желаю играть в эти игры. Это мое последнее слово, и я очень надеюсь, что больше не увижу ни тебя, ни кого-то похожего на тебя или твоего патрона...

— Не понимаю... — промямлил я, совершенно не ожидая такого оборота.

— Не понимаешь?! А я думаю, ты отлично всё понял! Что приключилось с Персивалем? Почему он найден мертвым недалеко от Вернисажа? И не просто мертвым, я бы понял, если б бедолагу хватил удар от переживаний. Но его зарубили, как свинью на бойне!

Коготь сверкнул глазами, и я невольно попятился. Стена сзади не позволяла двигаться, но я с радостью вжался бы в нее целиком, сам стал бы камнем.

— Я честный разбойник, так и передай своему хозяину! Я зарабатываю свой кусок хлеба тяжким трудом и непомерным риском! Агенты Кристо много бы дали, чтоб знать, где я ужинаю. Но никогда не убиваю ради развлечения или каких-то туманных целей! Только в самом крайнем случае... А этот твой господин — ему не место среди людей!..

— Но... — я смешался окончательно.

— Никаких «но»! — Глаза налетчика сверкнули, и я как-то сразу поверил — будет нужно, этот человек легко переступит через чужую жизнь. Несмотря на заверения...

Вдруг зрачки его расширились, и он страшно прошипел мне в лицо:

— Уходи!

Я вылетел из кабинета, как пробка из бутылки. Вот так-так! Похоже, кто-то уже обращался к Лорду с подобным предложением. Похоже, налетчик меня с кем-то спутал, но главное — Коготь боится этого человека! Обижен, не хочет связываться — и боится. Кто же мог напугать отчаянного головореза, которому сам черт не брат? На сегодняшний день я знал только одного такого человека. Того, который очень легко льет кровь и уже присылал ко мне смертоносное крыло.

Я посидел еще немного с парнями Сундука и скоро стал прощаться, а перед уходом спросил как бы невзначай:

— Ганс, ты знаешь такое сообщество — «Спата»? Ребята дерутся на длинных ножиках...

— Ха, ты посмотри на морду нашего Рубца! Где, ты думаешь, он получил столь шикарный шрам? Всяко не в уличной драке...

Я вопросительно уставился на юношу, и тот согласно кивнул.

— Хочу вспомнить молодость, помахать клинком, размяться. Устроишь?

— Сынок, надо помочь моему другу! — пропищал со своего места пьяный Сундук.

Рубец кивнул еще раз:

— Завтра в два, у заброшенного цирка. Знаешь, где это?

Я знал. Хоть в чем-то сегодня да повезло...

* * *

Утро началось с совещания у господина директора. Я коротко, по пунктам доложил о своих архивных изысканиях и обозначил выводы. О крыле и посещении пивной я не сказал ни слова.

Директор глубокомысленно выслушал, потом благословил мой дальнейший план действий — продолжить работу в архиве и Музее, покопаться в полицейских картотеках (всякое содействие, Мартин, вам будет оказано!) — и отпустил меня с богом.

Ева слушала доклад с серьезным видом, кивала, и из кабинета мы вышли вместе. Как только дверь захлопнулась, она прихватила меня под локоток и жадно заглянула в глаза.

— Ну же, Мартин! Я надеюсь, ваши действия не ограничились тем, что вы повели этому напыщенному болвану?

Я вновь почувствовал запах восхитительных горьковато-терпких духов, увидел эти удивительные глаза, взирающие на меня умоляюще и требовательно, и в груди что-то дрогнуло. Сегодня она собрала волосы в хвост, смещенный по нынешней моде к правому уху, и это придавало ей вид задорный и совершенно юный...

Я не заблуждался на счет Евы Марии Сантос. Что ей обычный штатный оператор Агентства, безродный сирота, пробивающий себе дорогу в этом безжалостном мире. Да и внешне ни особой стати, ни красоты и обаяния знаменитого актера Харрисона Плимута.

Но и считать себя лишь орудием в ее руках мне не хотелось. Мысли эти появлялись, но я гнал их, убеждая себя в том, что мы союзники, делаем одно дело и к общей пользе... Получалось плохо. Всех этих рассуждений мне становилось недостаточно. Я теперь многое бы отдал за благодарную улыбку Евы.

А главное, пропасть между высокородной дворянкой и простолюдином больше не казалась столь непреодолимой. Проводится операция против опаснейшего государственного преступника. В этой борьбе все мы — и тайники, и директор, и Ева — выступаем одним отрядом, но я незаметно выхожу на острие атаки, начинаю играть в поиске ключевую роль. И в случае успеха приоритеты будут расставлены, а награды, хотелось бы надеяться, розданы по праву.

Однако до поры я спрятал свои мечты и желания поглубже. Подробно рассказал Еве Марии о событиях вчерашнего дня и поделился планами на сегодня.

Эксперт слушала предельно внимательно.

— Это может быть опасным, — Ева закусил губку, — но я с вами согласна, Мартин. Только постоянно тревожа маньяка, наступая ему на хвост, мы сможем добиться результата. Сделаем так. Я тоже знаю, где заброшенный цирк. Все называют его Ареной. С десяти утра я буду поблизости и постараюсь подстраховать вас на случай неожиданностей. Насколько это окажется возможно. И вы, Мартин, будьте осторожны...

Она вновь посмотрела мне прямо в глаза, и я опять подумал, что между нами возникает некая новая связь. Или мне просто очень этого хочется? Не родился еще мужчина, способный до конца понять женщину...

В ответ же тряхнул головой и улыбнулся как можно беспечнее:

— Не волнуйтесь, госпожа эксперт. Все будет в порядке. Порой мужчинам приходится играть роль истинных героев, даже если не очень хочется.

Мы встретились с Рубцом, как и договаривались, в два часа неподалеку от Арены. Парень принес собой большой мешок с амуницией и три клинка на выбор.

— Сегодня особый случай, предполагаются гости из сообщества «Елмань». Поборемся...

Ага! Судя по названию, там будут саблисты! Как раз это оружие меня сейчас интересует больше всего. Очень хорошо!

Рубец принес немецкий гросс-мессер, широкий и длинный, тяжелый и надежный меч, похожий на горячо любимую спату; индийский тальвар, саблю с сильным загибом и мощной елманью, и, наконец, слегка изогнутую польскую карабелу.

Я выбрал как раз ее — рукоять с навершием в виде головы орла удобно легла в ладонь, вес был подходящим, а элегантность и пропорциональность неширокого клинка радовали глаз. Крутанул саблю кистевым движением, и она радостно откликнулась посвистом рассекаемого воздуха. Я не поверил себе, осмотрел и осторожно потрогал лезвие пальцем — так и есть, заточка была вполне серьезной. Рубец осклабился, видя мои манипуляции, и довольно покивал — мол, «полный порядок!».

В мешке для амуниции нашлись толстые шерстяные перчатки, длиной почти по локоть и обшитые кожей, налокотники, наплечники и наколенники и, наконец, два жилета из толстой кожи с металлическими полосами. Памятуя былые дни, я оделся в легкие просторные штаны и прочные, но тоже легкие ботинки.

И всё бы хорошо, но только такая защита помогает, когда оружие не заточено. Тупой клинок соскользнет по коже, толстая шерсть смягчит удар. Бойцу грозит синяк, в крайнем случае — перелом. Но всё это ерунда при использовании заточенных клинков — острая сталь прекрасно разрубит и кожу, и шерсть, и плоть.

— А где шлемы? — озадаченно спросил я Рубца.

В наше время войлочная шапка, обшитая металлическими бляхами и с защитой для глаз, считалась обязательным элементом экипировки. Впрочем, здесь та же история — всё дело в заточке. Едва ли самодельный шлем спасет от вострой сабли.

— А вот шлемы у нас не приняты, — ухмыльнулся фехтовальщик. — Настоящий воин встречает противника с открытым лицом! Так завещал великий Ван Гааль. Если надо, возьмешь баклер, там будет.

Ага, Ван Гааль, стало быть. Тот самый основатель, помешанный на прямых клинках.

— Он сегодня будет? — спросил я.

Рубец удивленно воззрился на меня, а потом поведал снисходительно, явно сочувствуя моему невежеству:

— Руперт Ван Гааль, магистр сообщества «Спата», погиб полгода назад, защищая честь нашего братства. Он бился с двумя противниками сразу, обоих победил, но умер от ран чуть позже...

Вот так-так! Ничего этого агент Серый мне не говорил, то ли не знал, то ли не счел существенным. Конечно, что особенного? Бился предводитель на заточенных мечах с двоими противниками, порубил обоих, судя по всему, в капусту и сам благополучно представился. А шлемов мы не носим, гордые...

Сомневаться в серьезности молодцев из «Спаты» не приходилось, но и отступать было

некуда. Да я и не собирался — Арена влекла меня! Хотелось взять клинок в руки, почувствовать азарт сечи! Испытать то особое состояние, когда кровь закипает в жилах, а тело невесомо порхает над землей в опасном танце сабельной схватки.

Мы быстро переоделись, побросав лишнюю одежду в опустевший мешок, и двинулись к Арене.

Старый цирк порядком обветшал. Когда-то, в незапамятные времена, здесь проводились спортивные состязания, массовые игры и праздничные концерты. Потом отстроили Стадион, и все зрелища переместились туда, о цирке забыли.

Сейчас амфитеатр зиял чудовищными проломами в каменном теле на западе и востоке, как раз там, где когда-то были входы. Вокруг стеной стоял дикий колючий кустарник, но к большому пролому вела протоптанная дорожка, которой, судя по всему, постоянно пользовались. По этой тропе мы и вошли в цирк.

Сама Арена находилась много ниже входа, и я мог хорошо рассмотреть всё сверху. На аккуратно подстриженной траве стояли группами, бродили, переходя от компании к компании, переговаривались и смеялись около трех десятков человек. Перчатки, обшитые кожей, пока все держали в руках, оружие — в ножнах. Большинство, как и мы, носили кожаные жилеты.

Однако часть участников, примерно треть, отличалась от остальных. Эти были одеты в легкие кольчуги, на головах — круглые войлочные шапки. Хотя какая-то защита, не то что наши пижоны... Гости, стало быть...

Оружие пока не доставали. У «наших», которых легко было узнать по однотипным жилетам и непокрытой голове, имелись в основном прямые клинки. Ведь спата — длинный, прямой, обоюдоострый меч с закругленным или заостренным окончанием. У чужих, которых я про себя назвал «кольчугами», были сплошь изогнутые клинки — разные виды сабель и восточные мечи.

Мы с Рубцом как раз приближались к Арене, спускаясь по проходу мимо полуразрушенных зрительных рядов, когда толпа оживилась. Из людской массы вышел высокий парень с мощными плечами и поднял руки, призывая к тишине.

— Наш старшина! — жарко выдохнул мне в ухо Рубец.

— Доброго всем дня, господа! — заговорил он громким голосом. — О, простите, дамы и господа!

Послышались смешки. Приглядевшись, я, к своему удивлению, заметил среди «кольчуг» девушек. Их было немного, но они стояли среди ребят, экипированные и с оружием. Это оказалось для меня новостью. Мы тоже иногда приглашали девчонок, но только в качестве зрителей.

— Сегодня наконец свершилось давно задуманное и ожидаемое — мы принимаем гостей из славного братства «Елмань»! — продолжал глашатай. — Это наши братья по духу, единомышленники и единоверцы! Для каждого из нас нет ничего краше и притягательнее отточенной закаленной стали!

Под одобрительные выкрики мы влились в толпу. Я продвигался среди оживленных молодых людей. Ребята гомонили, сыпали шутками и незлобивыми подначками, готовые в любой момент взорваться хохотом. Чувствовалось, что у всех приподнятое настроение и здесь собрались для праздника.

Рубца многие узнавали, приветствовали и хлопали по плечу. На меня мало обращали внимание, иногда мельком кивали. Всех поглотила подготовка к действию.

Голос старшины гремел над Ареной:

— Рад поделиться с вами секретом, дорогие соратники, — наши друзья-елманцы тоже точат свои сабли! Они, как и мы, не променяют огненный праздник истинного боя на вяленькую забаву с тупыми клинками. Оставим такое развлечение сытым ленивым обывателям, нам с ними не по пути! Мы привыкли развлекаться трудно, с потом и кровью, с победной песней на сведенных судорогой губах!

Слова потонули в одобрительном реве. Глашатай сделал паузу и поднял руку. Гул стих.

— В наших рядах много отважных и умелых бойцов. В первую очередь давайте вспомним основателя «Спаты» Руперта Ван Гааля, павшего в неравном поединке и обессмертившего свое имя! — Толпа взревела. — И Збышека Ягодку, основоположника «Елмани»! Наш брат Збышек в тюрьме, власти заточили его за стремление к воле и победе! Но мы помним тебя, брат! Настанет день, и ты вернешься в наши ряды! И обыватель вздрогнет!..

Все потонуло в многоголосом реве. Клинки покинули ножны и заблестали на солнце, но старшина вновь поднял руку. На миг мне показалось, что он управляет толпой, как опытный дирижер оркестром. Тоже ведь информационная работа...

— Конечно, это не значит, что мы собрались в этот чудесный солнечный день для того, чтобы перерезать друг друга! — Из толпы слышались смешки. — У нас дружественная встреча, потому прошу соблюдать осторожность и пользоваться баклерами, — он указал на груды круглых щитов, обитых медью. — Тут должно хватить на всех желающих...

Предложение бойцы встретили вяло, я понял, что и от такой защиты многие откажутся.

— А сейчас традиционный выбор. Как всегда — гостям почетное право. Бои один на один, два на два, трое против троих. Групповые, если будут к этому желающие, проведем во второй половине дня. После перерыва...

* * *

Гостей оказалась дюжина, членов «Спаты» — вдвое больше. Мы выстроились в шеренгу по левую руку от старшины, и началась, как я догадался, хорошо знакомая многим процедура. Из группы «кольчуг» выступал боец. Иногда сразу подходил к нашей шеренге, иногда прохаживался в раздумьях перед строем, потом выбирал противника и хлопал его перчаткой по плечу. Соперники выходили на свободное пространство и обнажали оружие, отбрасывая ножны к щербатому бордюру арены.

Зазвенели клинки, и арена превратилась в ристалище.

Начавшиеся схватки меня несколько успокоили — бойцы не бросились в рубку, не спешили калечить друг друга. Во всяком случае пока. Есть еще, правда, азарт, который возникает и крепнет по ходу поединка. По себе знаю, сам был таким, но сейчас всё выглядело вполне благопристойно.

День выдался теплый и солнечный, веял легкий ветерок, и казалось, молодежь выехала на пикник и теперь разминается от нечего делать.

Пары фехтовали, нанося удары вполсилы. Образовалась и четверка, где упражнялись двое на двое. Время от времени бойцы останавливали спарринг — по-другому назвать происходящее было трудно — и показывали друг другу приемы боя, повторяли движения в замедленном темпе.

Я почти успокоился — ну действительно, не каждое же сборище должно обращаться в

кровавую вакханалию. Хотя случай для злоумышленника предоставляется удобный. То, что я успел понять о своем противнике, диктовало — нет, просто кричало! — он где-то рядом. Куча народа с боевым оружием в руках! Если он умеет сводить с ума толпу — а он это умеет, кафе тому подтверждение, — то самое время...

Тут Рубец толкнул меня в плечо.

Передо мной стояла девушка. Гибкую фигуру не могла скрыть ни кольчуга, ни широкие просторные шаровары, на боку в ножнах висела сабля. Девушка поиграла перчаткой, а потом, грациозно изогнувшись, хлопнула меня по плечу.

Миловидное лицо, волосы заправлены под круглую шапку, на губах чуть застенчивая улыбка. Я слегка замешкался, хотя на подобном сборище надо быть готовым к вызову на бой. Делать нечего — я шагнул навстречу судьбе.

Мы вышли на свободное пространство и обнажили сабли. Я показал жестом на баклеры, сваленные кучей в стороне, но девушка опять улыбнулась и отрицательно помотала головой.

Стали в стойку, у девушки оказалась гаддарэ, широкая восточная сабля с сильно загнутым клинком и массивной елманью. Оружие тяжелое, в опытных руках очень опасное и, на мой взгляд, девичьей руке не подходящее, но воительница с ходу обозначила два хлестких засечных удара — сверху и по диагонали. На первый я ответил отводом, на второй — сбивом. Сталь зазвенела о сталь. Не останавливая руку после сбива, я и сам махнул несильный горизонтальный удар, от которого девушка легко ушла, отпрянув назад.

Ногами она работала отлично — легко перемещалась, пританцовывая вокруг меня, меняла позиции. Потом неожиданно сделала глубокий выпад. Движение получилось очень быстрым, и хоть колоть такой саблей, как гаддарэ, не слишком сподручно — ею пристало более сечь и рубить, — но острие мелькнуло в опасной близости от моей груди. И заточено оно было по-настоящему!

Спасла скрутка корпусом — клинки скрестились с шершавым скрежетом, и я направил ее саблю в сторону. И тут же, следом, с вывертом кисти провел свою карабелу под оружие девушки — гарды сабель уперлись одна в другую, — а потом широким кругообразным движением, двумя руками откинул ее от себя.

На девичьих щеках играл румянец. Воительница прерывисто дышала, и я видел, что всё происходящее приводит ее в восторг. Мы продолжали кружить друг против друга. Краем глаза я заметил, что поединки оживились, движения бойцов ускорились, а удары и сбивы стали резче. И всё равно ничего опасного вокруг не происходило. Слышались возбужденные голоса, порой звучал смех...

Когда неприятный холодок пополз по телу, я воспринял это почти спокойно, почти привычно. Слишком было бы просто — вот так потренироваться немного, размяться на свежем воздухе и пойти с Рубцом пить пиво. Маньяку требовалась кровь, и чего-то подобного я ожидал с самого начала. Хоть и не желал...

На этот раз не гремел гром вдалеке, не звучал птичий клекот, но знакомо заторопилось и тут же сбилось сердце. Девушка продолжала улыбаться, вот только улыбка стала другой, пугающе знакомой по «Blue café». Я не забыл ту страшную кафешку и те мертвые, будто приклеенные улыбки на лицах.

Стиль поединка сразу изменился. Теперь «кольчуга» рубила сосредоточенно и сильно, полностью используя преимущества своей тяжелой гаддарэ. Девушка наступала, секущие удары — диагональные, сверху и снизу — сыпались на меня градом. Принимать их на клинок моей карабелы было смерти подобно: сабля не выдержит, а там и мой черед.

Поэтому я сбивал атакующую сталь, уходил уклонами и отступал — отступал — отступал, почти бежал уже по широкой дуге от фурии, в которую превратилась девушка, только что такая милая.

В какой-то момент я поравнялся с грудой баклеров и, прихватив один, попытался отбиваться теперь уже щитом. Получилось раз и другой, но я понял — третьего удара такой силы баклер не выдержит. Сабля разрубит его вместе с моей кистью.

В поединке образовалась короткая, в долю секунды, пауза, и я отчетливо осознал, что вокруг идет отчаянная сеча. Никакого благодушия на Арене не осталось и в помине. В тот же миг воздух прорезал крик ярости и боли...

Ристалище превратилось в поле боя.

Фурия продолжала атаковать. На ее стороне были молодость и быстрота, а то, что сил во время воздействия прибавляется, я знал по «Blue café». Помнил, как сосредоточенно, не ведая усталости, била скрипачка двузубой вилкой девицу и сталь с мерзким хрустом вонзалась в поясницу. И как девица, в свою очередь, держалась до последнего издыхания за студента, вцепившись ему в шею.

Сильный горизонтальный удар по верхнему уровню — и я еле успел спастись низким подсадом. Следом так же сильно по нижнему уровню — выпрыгнул что было мочи. Стремительно, по среднему — спас отрыв живота, я втянул его, кажется, до самого позвоночника... Надо было что-то предпринимать, больше всего мне сейчас хотелось выйти из боя...

Чем виновата эта девочка? Ведь сейчас она марионетка, не владеет собой, не ведает, что творит! Кто-то умелый и очень жестокий превратил судьбы этих ребят в разменную монету своих чудовищных планов и непомерных амбиций. Их всех надо спасать, выводить из рубки, заканчивать быстрее эту бойню. Только как? Если со всех сторон на тебя нацелено отточенное боевое оружие? Да одной этой девчонки хватило бы! Чужая злая воля превратила ее в автомат, машину для убийства. Как же ее остановить?

— Стой! — попытался крикнуть я в краткий перерыв между ударами.

Дыхание сразу сбилось, в звоне клинков и звуках боя мой крик был едва ли громче комариного писка. Но я повторил попытку:

— Остановись! Брось оружие, я приказываю тебе!

Приказывать девчонке я, конечно, никакого права не имел, надежда была лишь на властные интонации старшего по возрасту человека. Но тирада моя не возымела ни малейшего действия...

— Да погоди же! — отбивая очередной опасный удар, уже не прокричал, а проревел я. — Брось саблю! Я всё объясню, дай мне возможность...

Девушка возможности мне не дала. Я еле успел уйти из-под вертикального удара, но второй, невероятно быстрый, летел мне прямо в голову. Уже не щадя карабелы, я защитился сбивом и одновременно с этим метнул бесполезный баклер в голову «кольчуги».

Лишь на секунду она потеряла ориентацию. Сила инерции развернула ее тело, открыв на миг незащищенную спину и шею, и я рубанул по этой беззащитной шее с еле заметным бугорком позвонка.

Девушка замерла, какой-то миг я думал, что не достал ее, хотя рука чувствовала сопротивление удару, но в следующее мгновение ноги воительницы подкосились, и она рухнула ничком в истоптанную траву. Голова неестественно вывернулась, и из широкой раны хлынула кровь.

Поле боя превратилось в бойню.

Вокруг неистово рубились. Сквозь неумолчный звон клинков слышались яростные крики, хрип и стоны. Кто-то тонко заверещал вдруг на одной ноте. В бойне участвовали все, «жилеты» смешались с «кольчугами», теперь все бились против всех, каждый — против каждого. Вокруг мелькали неживые лица бойцов, искаженные бешеным оскалом и замороженными улыбками — потухшие глаза и тупая настойчивость в стремлении рубить, рвать, крошить живую плоть...

Прости меня, девочка! Видит бог, я не желал твоей смерти, но и отступить не могу! Чем виноваты эти ребята? Только тем, что сегодня на их собрание пришел я?! Как остановить это помешательство?! Хотелось выть, кататься по земле, кусаться...

Но ничего этого делать было нельзя, потому что я понял, как остановить кровопролитие — единственно правильным способом. Сейчас мне не нужны были особые условия — сосредоточенная тишина операционной или трепетный полумрак мастерской. Градус возбуждения заменил всё это.

Я отскочил от бьющихся воинов и, не покидая бранного поля, раскинул руки с окровавленным оружием. Раскинул, как будто хотел обнять всю вселенную...

* * *

Знакомый рисунок информационных линий возник перед глазами, совместился с реальной картиной боя. Изумрудный узор, живой и трепетный, принял необычные очертания. Линии противостояли, будто пытались оттолкнуть друг друга. Во время процедур я такого никогда не видел.

Но еще более поразился я линиям судеб. Во-первых, их оказалось непривычно много. Во-вторых, они изготовились, как клинки перед сечей. Угрожали, опасно изламывались в опорных точках. Казалось, еще миг — и ринутся друг на друга, встретятся со звоном и лязгом.

А по краю картинки пролегал особенно яркий вектор — толстый, пульсирующий рубиново-красным. Он появлялся из ниоткуда и исчезал в никуда. Руководил всей этой свистопляской, направлял кровавые события.

Зачарованно смотрел я на открывшийся вид, забыв на миг, где нахожусь и что делаю. И вдруг один из воинственных векторов поменял в опорной точке свое направление и нацелился прямо мне в лицо, как наставленное копьё. С усилием я сфокусировал взгляд на реальных событиях — так и есть! Невысокий крепыш в жилете, сжимая в руке сильно загнутый килич, кинулся на меня, как волкодав на загнанного зверя.

Я еле успел отмахнуться, уйти в сторону. Мы начали рубиться — зло, нерасчетливо, осыпая друг друга градом ударов. Из-за спины первого вдруг вынырнул второй, они попытались взять меня в «коробочку». Я сместился вбок, так, чтобы один перекрывал линию атаки другому. Но ребята ловко перестроились, чувствовался опыт работы в группе.

Противники уже готовы были атаковать меня с двух сторон, когда рядом с криком: «Держи-и-ись!!!» — неожиданно появился Рубец. В его руке был тот самый гросс-мессер, который я видел утром. И оружие, и сам парень были все в крови, но, не теряя ни секунды, мой нежданный помощник включился в драку. Вот кстати! Студенты в кафе тоже бились единым отрядом против всех остальных, видно, так тоже бывает... Но раздумывать над превратностями группового помешательства было некогда.

Гросс-мессер с ходу скрестился с клинком одного нападавшего. Противники, размахивая мечами, выпали из поля зрения. Я сосредоточился на том, что остался передо мной. Он нанес удар сверху, целя в голову, но я поймал его клинок своим, крутанул кисть. Карабела за счет малой кривизны хорошо приспособлена для колющих ударов, и я в глубоком выпаде, вложив в оружие вес тела, вогнал саблю в грудь крепыша. Как раз над вырезом жилета.

Отточенное лезвие с хрустом прорезало грудину, порвало аорту, лицо бойца вмиг стало пепельно-серым, и он начал заваливаться. Помогая себе ногой, я выдернул саблю из падающего тела. Ни одна капля крови не показалась снаружи, вся она излилась внутрь грудной клетки.

Парень рухнул — уже второй мертвец на моей совести! Только за сегодня. Что же это делается, а?! Почему мне приходится обагрять свои руки кровью невинных?! За что мне это...

Я оглянулся. Рубец заканчивал схватку — на моих глазах он отрубил противнику левую руку по локоть. Кровь фонтанировала из раны, парень страшно кричал. Потом, получив удар по правому плечу, упал.

На Арене сражались лишь несколько бойцов. Картинка замедлилась, они двигались как во сне, но не оставляли попыток поразить друг друга. Арена была завалена телами, «кольчуги» и «жилеты» лежали вперемешку, кто-то еще стонал. Вытоптанная трава сплошь была залита кровью. Всё, чего я сейчас хотел, — достать виновника этого кровавого пира!

Я выскочил за бордюр, на кольцевую брусчатую дорожку, что опоясывала Арену, и здесь наконец перевел дух. Секунды хватило, чтоб зажмуриться, сосредоточить взгляд на точке между бровями... Есть!

Изумрудная сеть трепетала, вздрагивала, векторов стало меньше. Часть еще пульсировала рубиновым цветом, другие потеряли яркость и четкость, двигались едва заметно. Как беспомощные инвалиды, пытались они менять направление в опорных точках. Третьи обратились в безжизненные борозды, заполненные розовой мутью — остывающая зола сгоревшего костра. Я понял, что это мертвецы.

Поискал глазами главного виновника всех бед. Вот он! — никуда не ушел, не спрятался, не растворился в череде страшных событий. Висит у верхнего края картинки, взирая холодно и беспристрастно на происходящее. Нет, он не просто наблюдатель! Он действует, поддерживает боевой дух своих пленников, и люди на Арене из последних сил убивают...

Стремительно закручиваюсь в головокружительном волчке — фуэте! Нога хлещет воздух. Чередуя фуэте и ан дедан и с ходу выпрыгиваю в высокий жете ан авант, потом в большой падеша — парю над брусчаткой птицей, вытягиваюсь в струнку сам и тяну носок так, что мог бы поразить им противника, точно пикой. Чувство легкости наполняет тело, но вместо восторга я испытываю сейчас лишь ожесточение.

Я не могу изрубить противника мечом, в моем распоряжении только информация, но и она может стать оружием. И я вкладываю в танец весь жар души, всё огромное желание победить. Так сложилось, что только я сейчас могу повлиять на ситуацию.

И ситуация стала-таки меняться. Едва живые векторы перестали атаковать, начали расходиться, меняя направления в опорных точках. Мне показалось, даже окраска поблекла, стала менее воинственной.

Люди на Арене разом прекратили сражаться. Их осталось всего четверо: израненные, обессиленные бойцы. Они слепо озирались по сторонам, потом начали разбредаться в

разные стороны, спотыкаясь, волоча окровавленное оружие по земле...

И тут главный злодей, вектор-дирижер, двинулся к верхней границе картинки, норовя уйти за кромку. Он покидал поле боя! На раздумья не осталось ни секунды. Да и не знал я, если честно, что нужно делать, однако рука с мечом вдруг настойчиво потянулась вверх. Полностью доверившись телу, я принялся крутить клинок против часовой стрелки — вначале кистью, потом от плеча, потом всем корпусом. Секундная пауза — и всё сначала — кисть, плечо, всё тело. И еще — раз за разом!

Я не понимал, зачем это делаю. Попросил бы кто объяснить — не смог бы. Но что-то внутри меня знало — будто горн запел вдруг в сердце высоким и чистым голосом, — и неведомая, но властная сила заставляла продолжать вроде бы бессмысленное верчение. А еще через миг я почувствовал, как создается вокруг меня некая воронка, что-то вроде водоворота, затягивающего в свое кружение энергетику пространства.

Воронка тянула к себе чужака!

И тот затормозил: я почувствовал почти физически, как он напрягся, пытаюсь вырваться из моей хватки, и я еще усилил вращение! Люди на Арене остановились, стали оглядываться, искать глазами — меня? Мелькнуло лицо Рубца, залитое кровью...

Тень скользнула по брусчатке, и я еле успел отпрянуть в сторону. Клинок рассек воздух на том самом месте, где я только что находился. Старшина! Пятый оставшийся в живых после страшной рубки.

Вблизи парень оказался еще выше, чем казался издали, — настоящий гигант! Сколько времени прошло с тех пор, как он объявил начало праздника, — час, три, вечность? Мощная шея, плечи, длинные руки и спата с метровым клинком. Да и могло ли быть иначе, чем еще мог быть вооружен старшина сообщества, названного в честь этого самого оружия?

Совершенно дикие глаза, лицо, искаженное гримасой ярости, я понял: он ничего не соображает, себя не помнит! Беззвучно и потому еще более страшно старшина кинулся на меня. Все преимущества были на его стороне: и в оружии, и в силе, и в ярости — я-то не хочу с ним драться, не желаю ему зла!

И я отступил, попятился, пытаюсь сбивать чужой клинок и уклоняться, но напор был слишком силен. Удар, еще удар! — я неловко подставил саблю, спата обрушилась всей своей тяжестью на карабелу... и перерубила ее у самого эфеса!

Гигант остановился, воздел руки к небу и победно заревел, а я, воспользовавшись паузой и отшвырнув рукоять сабли, бросился бежать. Вверху виднелся пролом в стене, через который мы с Рубцом входили в цирк. Я кинулся к нему по проходу, в считанные секунды достиг пролома, вылетел из цирка, как снаряд из пращи, и стремглав помчался по дорожке.

Тропинка круто уходила вниз, неровности били по ступням. На миг появилось чувство, что всё это уже было недавно. Конечно! Сейчас всё происходило в точности так, как в процедуре с господином Бревиусом! Вот только вместо безопасной тишины операционной сзади топали тяжелые сапоги преследователя.

Я летел как на крыльях, едва успеваю перебирать ногами и вписываться в повороты. Впереди уже виднелась небольшая полянка, что мы с Рубцом проходили утром, — и я лихорадочно соображал, как отделаться от преследования.

Человеческая фигура выросла на пути совершенно неожиданно. Я еле успел вильнуть, избежать столкновения и теперь с трудом тормозил, чудом сохраняя равновесие... Встал, оглянулся и охватил одним взглядом — камзол амазонки на стройной фигурке, краги, ботфорты, широкополая шляпа, из-под которой задорно торчит хвост иссиня-черных волос,

по нынешней моде сдвинутый к правому уху. Ева.

Гигант вылетел из-за поворота, размахивая спатой. Инерция движения была столь велика, что казалось, его не остановит даже каменная стена — огромное тело протаранит преграду одним ударом! Но Ева вскинула руку, и я увидел небольшой дамский револьвер. Что она делает? Разве можно остановить бешеного слона выстрелом из рогатки?

Выстрел прозвучал совсем негромко, но голова старшины дернулась. Не снижая скорости, он начал заваливаться набок, спата сверкающим колесом полетела в кусты. Потом огромное тело грохнулось на землю и еще несколько метров скользило по тропинке в туче пыли, пока наконец не замерло у ног девушки — пуля попала прямо в правый глаз...

— Я же обещала подстраховать вас в случае неожиданностей, Мартин — произнесла Ева спокойным голосом. Слишком спокойным, деревянным...

* * *

— Где вы научились так метко стрелять? — с трудом восстанавливая дыхание, спросил я.

Надо было хоть что-то спросить. Черт, третий! Пусть убитый не моей рукой, но при моем непосредственном участии. Когда же будет конец череде этих жертв?

— Наш инструктор по стрельбе ставит мне всегда низшие оценки. Говорит, что я слишком невыдержанна. Сюда бы его сейчас... — Голос девушки дрогнул, она всхлипнула.

Ясно, у эксперта шок, а из шока два выхода: либо действие, либо истерика, рыдания, сопли. Я шагнул к ней вплотную, взял за плечи и крепко встряхнул — колыхнулся хвост у правого уха. Рывком развернул девушку к себе лицом — застывшая маска и омуты табачного цвета. Встряхнул еще раз:

— Ева! Слушайте меня! Он где-то рядом!

— Кто?

— Маньяк! Он был рядом, он регулировал воздействие, его можно найти!

— Так... — в глазах появилось осмысленное выражение, — за мной!

Она оттолкнула меня и бросилась вниз по тропинке. Я кинулся за ней.

Всего в десятке шагов, за густыми кустами, притаился автомобиль. Красивая лакированная игрушка темно-вишневого цвета — двухместный кабриолет. Ева одним прыжком вскочила на водительское место и, крикнув мне «Садитесь!», завела двигатель. Я еле успел следом, как мотор взревел, и авто рвануло с места.

От растерянной всхлипывающей Евы не осталось и следа, лицо стало сосредоточенным, жестким. Совершенно не щадя дорогую машину, по ухабам и буеракам она вырулила из кустов. Мы промчались сотню метров едва заметной дорожкой и выскочили на проселок, разбитый и запущенный, что лихую наездницу нисколько не смутило.

— Я знаю эти места, объезжала здесь лошадь для конкур... — прокричала она сквозь рев двигателя. — Здесь одна дорога, на колесах больше деться некуда... Даже верхами здесь непросто, только если он удирает пешком...

Я молча вцепился в никелированный поручень, открыть рот означало рискнуть зубами. Авто немилосердно трясло и подбрасывало, жалобно скрипели рессоры, днище цеплялось за грунт с неприятным скребущим звуком, но Ева не сбавляла скорости. Длинный шлейф пыли тянулся за нами. Поворот, еще поворот, и вот впереди показался точно такой же пыльный столб. Эксперт добавила газу.

Мы нагоняли беглецов. Уже можно было рассмотреть, что это легкая двухосная карета, запряженная двойкой, и кучер немилосердно настегивает лошадей. На ровном шоссе машина легко догнала бы конную повозку, но на проселке использовать полную мощность двигателя трудно. За счет колес большего радиуса карета даже имела некоторое преимущество. За счет этого же она проигрывала в устойчивости, но дорога была прямой, без поворотов, и карета, отчаянно раскачиваясь на ухабах, как судно на волнах, продолжала резво двигаться вперед.

И всё-таки расстояние между нами неумолимо сокращалось. Я уже раздумывал, как остановить экипаж, когда мы поравняемся, и вдруг, после плавного поворота, впереди блеснула водная гладь — один из бесчисленных притоков широкой Капаллы, на берегу которой расположилась столица.

Лошади безбоязненно бросились в воду, и карета, поднимая фонтаны брызг, начала преодолевать водную преграду, но Ева резко затормозила. Знакомо закусив губу, девушка досадливо забарабанила кулачками по рулевому колесу.

— Что? — дернулся я к ней.

— Нам не проехать! Даже им вода по ступицу, а мы просто сядем на брюхо. Двигатель зальет...

Но уже в следующий миг лицо ее стало решительным, и, взревев двигателем, она развернула авто круто влево. Теперь мы мчались по берегу вдоль кромки воды, безнадежно удаляясь от кареты. Той оставалось совсем немного до противоположного берега. Но Ева жала на газ, и скоро впереди показался горбатый мостик, построенный во времена оны. Девушка направила авто прямо к нему.

Подъехав, мы увидели безрадостную картину. Мост представлял собой бревна, закрепленные на опорах, поверх которых был уложен дощатый настил. Но посреди моста настил отсутствовал — между несущими бревнами зияло пустое пространство метра в три. Теперь даже пешему, решишь он перебраться, пришлось бы преодолевать это расстояние, балансируя, подобно канатоходцу в цирке.

Я был уверен, что Ева остановится, но не учел, с кем имею дело. Авто, почти не снижая скорости, въехало на мост. Под колесами застучали разболтанные доски, машина неумолимо приближалась к поврежденному участку. Я бросил взгляд на Еву — девушка окаменела, вцепившись в руль, глаза ее расширились, но ножка в ботфорте упрямо нажимала на акселератор. В следующий миг машину тряхнуло, настил кончился, и у меня засосало под ложечкой. Я будто почувствовал, как при падении обрывается сердце, и — боль от удара, объятая холодной водой...

Не тут-то было! Авто продолжало двигаться — ювелирно точно Ева вырулила колесами на бревна! Несколько бесконечных секунд под урчание двигателя продолжалось это скольжение. Приближался покрытый участок. Сейчас передние колеса ударятся в возвышение, зад авто поведет, и — оборвется сердце от падения, скомкает тело удар, покроет холодная вода...

Ева аккуратно притормозила перед самым настилом и в тот момент, когда колеса уперлись в него, газанула на низкой передаче. Машина подпрыгнула — и вновь застучали доски...

Только на другом берегу девушка позволила себе остановиться: шумно выдохнула, диковато покосилась на меня и тут же тронула машину. Я сидел, еле переводя дыхание, и молился о том, что госпожа эксперт знает, куда рулит и что делает.

Так оно и вышло. Скоро вновь показался шлейф пыли, знакомая карета мчалась по

относительно ровной и достаточно широкой дороге со всей возможной скоростью. Но Ева смогла обогнать беглянку по окружному пути и сейчас норовила выйти наперерез. Наша дорога должна была вот-вот пересечься с той, по которой мчалась карета.

Оставалось совсем немного, мы успевали первыми и могли бы перегородить проезд. И вдруг скорость резко упала, машину повело юзом, а скоро она и вовсе встала. Под колесами оказался желтый, мелкий, как мука, песок. Колеса авто увязли. Откуда взялся на плотном проселке этот рыхлый участок, теперь было не важно, но мы на нем безнадежно застряли.

Ева давила на газ: мотор ревел, из-под задних колес песок летел фонтаном. Машина раскачивалась взад-вперед, но тронуться с места не могла. Ева выкрикивала слова, которые молодой женщине ее положения и знать-то не положено, а потом сунула мне в руку тяжелый продолговатый предмет.

Я автоматически принял его и только потом разглядел. Чугунное грушевидное тело, от верхнего полюса спускается выгнутый рычаг, повторяющий форму корпуса. В верхней части рычага кольцо. Вот так-так, граната! Я однажды видел такую — во время памятной операции против «2012».

Тогда бойцы отдела физического воздействия захватили адрес с террористами. Нам со Стачки позволили войти и посмотреть. У бандитов было немало всякого оружия, и среди прочего — ручные гранаты. Офицер показывал нам тогда эти доступные, с его слов, лишь специальным подразделениям, новинки. Теперь выяснилось — террористам доступные тоже. Рассказал даже, как ими пользоваться, но после того случая я никогда не держал в руках этих опасных игрушек. И вот теперь...

— Когда они приблизятся, — кричала Ева Мария, — дерни кольцо и бросай! Иначе уйдут!

Она еще пыталась вырвать автомобиль из цепких объятий песчаной ямы. Двигатель ревел, колеса буксовали, а экипаж уже почти поравнялся с нами. Я рванул кольцо — рычаг пружинисто надавил на ладонь, — размахнулся и бросил гранату по ходу движения кареты. Туда, где экипаж должен был оказаться секундой позже.

Может, я плохо рассчитал расстояние, а может, конструкция гранат пока несовершенна, но карета безнаказанно миновала место падения снаряда, проскочила еще несколько метров, и тут оглушительно грохнуло. Взметнулась туча пыли, над головой тонко пропели осколки. Лошади шарахнулись, и повозка перевернулась.

Я видел, как рыбкой нырнул с облучка кучер. Лошади, разрывая построики, вырвались из упряжи и ускакали прочь. Карета лежала на боку, в облаке пыли, и никакого движения там не наблюдалось.

Мы с Евой, прекратившей наконец терзать авто, кинулись туда. Ева размахивала револьвером, ее миловидное лицо покраснелось и выражало самые решительные намерения. Первым к поверженному экипажу подоспел я и, не думая об опасности — азарт погони оказался слишком велик! — ухватился за дверцу, рванул и заглянул внутрь. Там никого не было.

Спустя пять минут мы выловили в кустах обезумевшего от страха кучера. Тот, заикаясь и стуча зубами, поведал нам, как был нанят неким прилично одетым господином, внешности которого он не запомнил. Как ждал сего господина недалеко от цирка — тот заплатил вперед и сполна, а по прошествии времени вернулся и велел гнать, потому что его преследуют грабители.

Сам господин выскочил из кареты сразу после ручья, наказав ему, кучеру, гнать что есть

мочи, так как преследователи, если догонят, не пощадят. Закончил бедняга слезной просьбой сохранить ему жизнь, ссылаясь на троих малых детей и больную жену...

* * *

Первый раунд мы проиграли. Маньяк запугал кучера и заставил нас гнаться за пустой каретой, а сам в это время растворился в неизвестном направлении. Что ж, надо было возвращаться в отделение. Не скажу, что мне этого хотелось после всех приключений. Я представил, какие вопросы посыплются со стороны директора. Похоже, Ева думала о том же.

При помощи кучера мы вытащили авто. Тот, уяснив, что опасность ему не грозит и мы не душегубы, а служащие солидного учреждения, немного успокоился и тут же попытался стребовать с нас компенсации за лошадей, которых теперь якобы не отыскать, за поломанную карету, которую не починить, и за моральный ущерб. В ответ плут удостоился такой тирады от госпожи эксперта, что враз поскучнел и об исках более не заикался.

Так мы и уехали, провожаемые его тоскливыми взглядами и плаксивыми стенаниями, пообещав прислать помощь из ближайшего полицейского участка.

Кабриолет, подозрительно поскрипывая и постукивая на каждой кочке, доставил нас к особняку. Так мы и явились в Агентство: покрытые с ног до головы толстым слоем пыли и грязи. Камзол Евы утратил свой первоначальный цвет и выглядел теперь однородно серым, пышный хвост волос превратился в жалкую кисточку, и только глаза горели на перепачканном лице неукротимым огнем.

Я пребывал всё в той же кожаной жилетке, которую дал мне Рубец, в наплечниках и наколенниках. Перчатки куда-то пропали, и я совершенно не мог вспомнить куда. Волосы стояли колтуном, и вдобавок к дорожной грязи весь я был покрыт бурыми пятнами самого неприятного вида.

В Агентстве нас ждали. В приемной снова дежурила Лили, она попыталась нам улыбнуться, улыбка получилась жалкой, и девушка сразу же попросила подниматься вверх, к господину директору. В директорском кабинете, помимо господина Аусбиндера, находились агент Серый, расположившийся у окна с независимым видом, и статный седой полицейский с полковничьими погонами, нервно мерявший шагами комнату.

Директор сидел за столом. Он оценил наш внешний вид покачиванием головы и жестом пригласил садиться. Полицейский тут же подошел и замер в шаге от нас, вытянувшись в струну и вздернув подбородок. Агент отвернулся и стал смотреть в окно.

— Не знаю, будет ли для вас новостью, оператор, — начал господин директор, обращаясь ко мне и будто не замечая до поры Еву Марию, — что в районе заброшенного цирка в Предместье обнаружены тридцать два мертвых тела. Сейчас туда направлены все мобильные силы Криминальной и Тайной полиции. Господин начальник Кристо, полковник Штотц, — жест холеной кисти в сторону седого полицейского, — поедет туда тотчас же после ваших объяснений. Мы слушаем вас...

— Сегодня с десяти утра, — ровным голосом начал я, — на арене старого цирка поводилась встреча сообществ исторического фехтования «Спата» и «Елмань». Я участвовал в качестве приглашенного... — и без выводов и ненужных подробностей изложил суть событий, ровно до того места, когда за мной погнался старшина.

Полицейский полковник кивал. Не знаю, насколько его удовлетворил мой рассказ, но

свое место в расследовании он, определенно, знал и что в государственные секреты его не пустят, тоже понимал. Главный полицейский произнес короткую, но прочувствованную речь о распоясавшихся хулиганах, взявших моду махать мечами, уточнив, что, мол, и на них найдется управа. С чем и откланялся: «Извините, господа, я должен лично руководить работой своих людей!»

Мы не возражали. Напоследок полковник напомнил, что позже мне придется дать подробные показания полицейским дознавателям. Что ж, мне не привыкать...

Как только дверь за ним затворилась и в комнате остались лишь посвященные, господин Аусбиндер дал волю чувствам:

— Какого черта, Мартин! Я же вам говорил, да что говорил — приказывал: работать с архивами, документами, учеными мужами. Кто просил вас лезть на рожон, размахивать саблями и рисковать порученным делом?

— Но господин директор, я лишь собирался познакомиться с людьми. Поговорить, разузнать подробности, — сделал я попытку отбиться. Не хватало еще, чтоб озабоченный руководитель отстранил меня от поисков. С него станется, передаст всё тайникам — недаром же агент Серый в этом кабинете? — и дело с концом. Точнее, конец делу.

— Разузнали, поговорили?

— Не успел. Кто мог предполагать, что именно в этот день и час маньяк устроит там кровавую баню? — и следом я рассказал всё остальное: про информационную работу, про то, как засек маньяка поблизости от Арены и как Ева спасла меня от разъяренного старшины.

— Представление, стало быть, устроено в вашу честь? — Директор остро взглянул на меня и следом удостоил вниманием Еву. — А вы, сударыня, как вы оказались вовремя в столь нужном месте?

Ева еще выше вздернула благородный подбородок. Ровным голосом, чеканя слова, поведала она окончание истории. Пришлось сознаться и в нашей договоренности.

— Я восхищен! — с сарказмом воскликнул директор и трижды хлопнул в ладоши, подчеркивая степень этого своего восхищения. — Мой оператор и региональный эксперт составляют этакий заговор и бросаются сообщая в романтическое приключение, а я, непосредственный руководитель и начальник, ничего не знаю. При этом оператор нарушает прямой приказ, а эксперт ему в этом потворствует. Как это понимать?

Ответить было нечего. Мы действительно действовали на свой страх и риск, нарушая и субординацию, и все имеющиеся предписания.

— В итоге блестяще спланированной и ювелирно проведенной операции мы имеем тридцать зарубленных плюс одного застреленного. Спасибо, теперь хоть ясно, что это результат снайперских упражнений нашей уважаемой госпожи Сантос. Кстати, есть еще один, обнаруженный за оградой Арены. Изрублен так, что фрагменты тела собирали по кустам. Сейчас туда съезжаются все самые высокопоставленные лица, наделенные очень серьезными полномочиями. Дело получит широкий резонанс, ни о какой секретности уже речи быть не может. Контроль будет осуществляться с самого верха.

Директор еще долго упрекал нас с Евой, сетовал на судьбу — теперь именно ему придется улаживать вопрос об убиенном старшине. Я же размышлял о том, как образовался последний погибший. Почему за оградой? Кто-то сражался в кустах, покинув Арену? Зачем? На площадке гораздо удобнее, больше места, да и происходило всё на глазах.

Волна навязанного поведения накрыла всех участников трагедии сразу, с головой,

застигнув на месте. Сомнительно, чтобы морок погнал кого-то за ограду, хотя полной уверенности у меня не было.

— Не стоит пенять оператору Мартину за его инициативу, — вдруг прогудел от окна агент Серый. Ева с удивлением воззрилась на него, и господин директор представил:

— Специальный агент Серый, Отдел глубоких исследований Тайной полиции.

Ого, уже специальный агент! Наш новый знакомый повышает свой статус на глазах. Похоже, он пока единственный, кому удалось составить на этом деле определенный капитал.

— Я также давал оператору некоторые рекомендации по соблюдению осторожности, — продолжал Серый, — но что теперь говорить — сделанного не воротишь. Однако благодаря его усилиям мы теперь имеем не только неоспоримый факт наличия самого злоумышленника, но и неприглядности, чтоб не сказать большего, его методов. Если сам по себе случай в «Blue café» еще можно рассматривать как случайность, то происшествие на Арене двоякое толкование исключает. Это уже система. Методы его, — тут он взглянул на меня, — связаны с жертвоприношением?

— Не совсем так, скорее это поединок, схватка, но обязательно со смертельным исходом для противника. По какой-то причине ему необходимо пролить кровь ради достижения нужного результата.

— Подытожим, — продолжал агент, взяв на себя роль ведущего. — Есть человек, имя которого неизвестно. Мы называем его по-разному, но пока для простоты можно обозначить как маньяка. Этот термин будет сегодня наиболее корректным. Конечная цель, которую преследует маньяк, нам не ясна, хотя ничего хорошего, судя по всему, задумать он не мог. Поэтому будем рассчитывать на худшее. О нем вообще ничего не известно, кроме одного — человек этот активно разрабатывает, а может, и уже овладел методикой навязанного поведения, направленной как на отдельных людей, так и на группы. Методика эта требует кровопролития. Мне удалось просмотреть полицейские сводки. Непосредственно перед казусом с Коргом, а до этого и в Абитаре, и в случае с банковским клерком в Капиталле — всегда накануне были зафиксированы странные, немотивированные убийства, произведенные одним и тем же способом. Уверен, вы уже догадались каким. Совершенно верно, люди зарублены холодным оружием с длинным клинком: саблей, тесаком, палашом или мечом. Личности убитых не представляли для полиции большого интереса, мотивы остались невыясненными. Дела повисли как не имеющие следственной перспективы.

— Значит, он берет меч, находит жертву и, совершая процедуру, рубит ее в куски — заключил я. — Эти люди имели отношение к клинкам — изготовлению или продаже?

— Нет, о таком аспекте никто не подумал, и теперь это предстоит выяснить.

— А те члены «Спаты», которые пропали? Вы о них говорили...

— Тоже ноль информации. Тела не найдены, выяснить место их пребывания, если таковое существует, не удалось. Боюсь, в свете новых данных и не удастся.

Серый сделал паузу, выпил воды из графина и продолжил:

— Первый групповой опыт привел к смерти одиннадцати человек, второй — тридцати двух. Как вы считаете, Мартин, ваше участие в обоих эпизодах — случайность или спланированное действие?

— Скорее, удачное для маньяка стечение обстоятельств, — ответил я. — Не думаю, что он убивал такое количество людей ради меня одного, но и я ему мешаю. Во всяком случае, он знает о моих поисках и пытается им воспрепятствовать.

И я рассказал о птице, нападавшей на меня в двадцать втором кабинете и в музее. Господина директора особенно поразил случай в кабинете: «Как?! Здесь, в Агентстве, моего оператора атакует невеста кто или что?!» — но агента больше заинтересовал как раз музей.

— Вы всерьез думаете, что это крыло причинило бы вам ущерб? — с улыбкой спросил он.

Я к смеху был не расположен: если бы не фламберг, неизвестно, чем бы всё закончилось.

— В таком случае, сам собой напрашивается вывод: вопрос оружия является первостепенным, — продолжал специальный агент. — А скажем, из револьвера его подстрелить можно?

Этого я не знал, но вопрос об оружии действительно оставался актуальным. Не зря все те жертвы, которые были обнаружены, убиты одним способом. Огнестрельное оружие обладает совершенно другим разрушительным действием, другой эстетикой, другим содержанием, если угодно. Воздействие его дистанционно, не дает контакта с противником и потому безлично. Не говоря уже о том, что оружие это является гораздо более поздним изобретением человечества. В легендах и мифах ружья и револьверы не упоминаются.

— Тем не менее, — продолжал тайник, — если есть человек, то можно попытаться его найти. Где-то он живет, появляется в обществе, с кем-то общается. Покупает овощи у зеленщика, наконец, и, значит, оставляет следы в этом мире. Разыскать эти следы — вопрос техники и количества людей, которых можно будет привлечь. Всё это я беру на себя. Думаю, дело заберут у Кристо и передадут нам, в Тайную полицию. Ваши проблемы с убитым старшиной, госпожа Сантос, будут решены. Я абсолютно уверен, что оружие было применено правомерно.

Ева слабо улыбнулась. Девушка устала, сказывалось нервное напряжение последних часов. Она не принимала участия в беседе, отрешенно глядя в сторону.

— Вам придется продолжить поиски меча, Мартин. — Как-то незаметно роль руководителя перешла к агенту. — Но прошу вас — исследуйте каталоги, коллекции, посещайте выставки, оружейные лавки, наконец. Вы нам нужны как аналитик, а не как оперативник. И не вступайте в контакты с проблемными личностями. Криминалом, например...

Серый благодушно улыбнулся, но я понял, что мой визит в «Пену» для него не остался незамеченным.

— Да, да, Мартин! — подал голос господин директор. — Я повторяю свой приказ — ваше место в тиши библиотек и архивов, — сухой аристократический палец постучал по столешнице, — никакой оперативно-поисковой работы во всех этих обществах, сообществах, компаниях, шайках, бандах и так далее. Этим есть кому заниматься, не так ли, специальный агент?

Серый кивнул:

— Да, мы примем все необходимые меры для проверки всех сколько-нибудь подозрительных персон. Мы прочедем места их пребывания частым гребнем. Силы будут мобилизованы нешуточные, и это пока единственное положительное следствие несанкционированной активности Мартина и госпожи Сантос. Однако нужно дать господам оператору и эксперту возможность отдохнуть. День выдался трудным, все заботы, как и полицейских дознавателей, можно отложить на завтра. Я думаю, мы можем их отпустить, господин директор? Нам-то с вами еще есть чем заняться...

Мы покинули кабинет. Незаметно пролетел этот действительно трудный и долгий день. Над Капиталлой сгущались сиреневые сумерки, на проспекте Достижений зажигались огни. Начиналась шальная ночная жизнь, но нам с Евой было не до того.

— Садитесь в машину, Мартин, — сказала девушка усталым голосом. — Я надеюсь, довезти нас домой эта колымага еще в состоянии.

Авто, поскрипывая и постукивая, тронулось. Ева вела машину, не спрашивая, куда ехать, и вообще не произнося ни слова. С проспекта мы свернули к богатому спальному району и, немного покружив, остановились у основательного многоэтажного особняка с портиком, бельведерами и эркерами в псевдостаринном стиле.

— Я подумала, — взглянула на меня с мимолетной улыбкой госпожа эксперт, — что после всего пережитого имею право пригласить вас в гости. Уверена, Мартин, у вас нет даже ванной комнаты...

Как видно, у аристократов это в крови. Неужели даже после всего пережитого она помнит о дистанции? С другой стороны, ванны у меня в мансарде действительно нет. Зато есть душ.

Мы прошли в обширный вестибюль. Вышколенный консьерж в богато расшитой ливрее почтительно поклонился, не показав, что хоть сколько-то удивлен нашим внешним видом, и провел нас к лифту. Поднявшись на третий этаж, мы оказались в покоях. Иначе назвать анфиладу просторных, богато обставленных комнат не поворачивался язык. Я не сомневался, что в доме имеется прислуга, — в моем понимании это неотъемлемая составляющая быта дворян. Но в комнатах оказалось пусто. Заметив мое недоумение, Ева Мария улыбнулась:

— Не люблю чужих. Здесь горничные приходят, уборщицы, всё необходимое приносят. Дворецкий следит за порядком очень хорошо, не нужно заботиться обо всяких бытовых мелочах.

В апартаментах оказалась и ванная комната, и душ. Ева ушла в ванную, предупредив, что ей потребуется не менее двух часов, чтобы прийти в себя. Можно пока вызвать упомянутого дворецкого и заказать ужин, «он знает мой вкус, Мартин, он же принесет чистое платье...».

Действительно, дернув за шелковый шнур, я вскоре услышал деликатный стук в дверь. На пороге стоял высокий пожилой джентльмен, по виду очень похожий на директора Аусбиндера. Я не знал, что говорить и как держаться, но дворецкий понатливно кивнул:

— Ужин для госпожи? Переодеться?

Мне оставалось только кивнуть. Чувствовал я себя полным дураком. Что, такие заказы (в смысле переодеться) здесь не редкость? К своему удивлению, я почувствовал укол ревности. Может быть, все мои надежды — пустые фантазии. Наше опасное предприятие может всяко повернуться, и в любом случае — приз еще предстоит завоевать. Но сердце всё равно неприятно сжалось.

Пока Ева принимала ванну, я, не чинясь, воспользовался душем и переоделся в новое запакованное белье и чистые вещи, принесенные хорошенькой горничной. Куртка свободного покроя и штаны из синей хлопковой ткани с модными строчками были весьма кстати, и я почувствовал себя гораздо свободнее.

Скоро принесли ужин, а там появилась Ева, в красивом, но скромном домашнем платье.

Лицо девушки посвежело, от прежней усталости не осталось и следа. Глаза заблестели, а на щеках появились очаровательные ямочки.

Мы с аппетитом поужинали: омары, три вида салатов, запеченное мясо — такого я никогда еще не пробовал, но было очень вкусно — и фрукты. Выпили выдержанного красного вина дорогой марки. После ужина я подумал, что быть аристократом и иметь много денег не так уж плохо. Ради этого стоило, наверное, карабкаться по служебной лестнице, и поделился этим глубоким наблюдением с Евой.

— Мой отец умер семь лет назад, — задумчиво проговорила она. — Мама живет в Брокскене, это местечко на востоке Республики. Там у нас небольшое имение. Крестьяне ленивы и тупы, земля родит плохо, доходы мизерные... Мама отчисляет мне на содержание, но этих денег не хватило бы даже на оплату таких вот апартаментов. А я люблю роскошь, Мартин. Люблю комфорт, люблю окружать себя красивыми дорогими вещами. Люблю хорошую пищу и тонкие вина, красивую одежду. То, что вы видите вокруг, это еще не роскошь, но тоже требует всего моего жалования эксперта. Да еще долги...

Ева смотрела куда-то в пространство, а я молча слушал.

— Вы не знаете, как трудно пробиваться женщине без поддержки, без связей и денег. Вокруг засилье мужчин. На любой хоть сколько-нибудь стоящей должности уже сидит начальник, до краев полный мужского шовинизма. Выше — такие же, заинтересованные в его продвижении, ниже те, в продвижении которых заинтересован он сам. И нет никакого просвета в этой череде...

Она помолчала, как бы собираясь с мыслями.

— Кое-кто пытается пробиться в ряды власть имущих мужчин через постель. Другие рассчитывают на хитрость, подлость, интриги. Мне всё это претит, Мартин. Я, урожденная Сантос-Д'Эспиноза, — девушка невесело улыбнулась, — не буду утомлять вас перечислением всех своих имен, и я достойна лучшей доли. Вот только, Зрячий, одного имени сегодня мало. Только на громком деле можно себя проявить, доказать свое право быть наверху, повелевать, а не бесконечно подчиняться чужим приказам. Когда грянуло похищение наследника молодчиками из «двадцать-двенадцать», я подумала — вот оно, пробил мой звездный час! Наконец-то смогу блеснуть умом и талантом, ведь они у меня есть! Не тут-то было... Меня отодвинули нагло, почти не скрываясь, используя всё те же интриги.

Вот оно, значит, как. Знатное имя и титулы, не давшие на деле никаких преимуществ. Засохшая ветка некогда могучего дерева, на которой строптивым побегом, диким цветком распустилась Ева Мария.

Современные женщины склонны искать счастья во всех сферах жизни. Желают без малейших скидок составлять конкуренцию мужчинам, бороться за власть и влияние. Вот только возможностей у них гораздо меньше. Во многом Ева права, хотя я считаю, что женщина должна оставаться прежде всего женщиной. Не след представительницам прекрасного пола гарцевать на авто по разбитым проселкам и размахивать револьвером. С другой стороны, если бы не Ева, неизвестно, чем закончился бы для меня сегодняшний день.

— Отец был чиновником высокого ранга. Очень высокого, а умер в нищете и безвестности, всеми забытый и покинутый. Никто не поддержал его в трудную минуту, не протянул руку и мне. Или стать женой какого-нибудь напыщенного идиота? Золоченой игрушкой, что выводят в свет по праздникам... Приложением к чванливому ничтожеству, которое не стоит твоего мизинца... Нет, это не по мне. Я, дочь своего отца, стою большего и

докажу это!

Ева замолчала, а я подумал: хотелось бы мне иметь в женах высокородную, да еще с такими амбициями? Жить с нею, наверное, было бы очень непросто.

— Но одной слабой женщине в этом жестоком мире не пробиться, Мартин! — продолжила девушка, заглянув мне в лицо своими удивительными глазами. — Женщине нужен герой. Кто-то, кто мог бы стать опорой в бурном море житейских невзгод.

Она уже не говорила, а горячо шептала. Ее глаза обещали, и на щеках появился тот самый румянец, который был ей так к лицу. Жар заливал и мои щеки, перехватило дыхание...

— Стань моим героем, Мартин! — то ли прошептала, то ли выдохнула она.

А может, мне померещилось? Может, я только очень хотел это услышать? Будто дуновение ветерка...

Я потянулся к ней всем сердцем, душой и телом. Я потерял над собой контроль, забыл обо всех своих сомнениях. Я забыл обо всём на свете. Даже о пропасти, что лежит между нами. Даже о том, что обзаводиться семьей не входит в мои планы. Я раскрыл свои объятия, будто собрался обнять всю вселенную в лице этой единственной женщины. Будто начал процедуру, самую главную в своей жизни.

Пусть нет у меня в руках моего верного кинжала — он мне сейчас не нужен! И не буду я выпрыгивать по апартаментам фуэте и падеша, хоть сердце и колотилось в груди от счастья. Ведь танец может стать внутренним состоянием! Раньше мне было неизвестно, что это так прекрасно — танцевать всем существом своим, каждой клеточкой тела. Я невольно прикрыл глаза...

Снег. Образ появился совершенно неожиданно, я даже не сразу понял, что это. Незнакомый захламленный переулочек, крупными хлопьями падает и падает снег. Наметает сугробы, укрывает землю холодным ровным покрывалом. И посреди этого снегопада стою я в наряде дворника из процедуры бедняги Корга — дурацкая ушастая шапка, тулуп, высокие войлочные сапоги — и пытаюсь мести снег огромной метлой. На губах моих застыла глупая улыбочка...

Она говорила, мол, не надо спешить и торопить ее не надо. Что победителю достанется всё, и у нас еще будет время, и возможность будет, и говорила еще что-то... А я остро чувствовал ее маленькую, изящную, но крепкую ладошку у себя на груди, остановившую мое движение. Ах, эта ручка не дрожала, она умела быть сильной, хотя, наверное, — и нежной. И я теперь точно знал, что Ева играет: эта честолюбивая и красивая женщина лишь использует меня.

Интересно, что чувствует кот, возмечтавший съесть хозяйскую сметану, но не дотянувшийся до кувшина? А если бы он вдруг узнал, что в кувшине совсем не сметана, а, например, негашеная известь?

Но и кинжал — тот самый, сделанный для великих побед и свершений, — может порой обладать собственной волей. Может иногда спорить с хозяином, расценивая его лишь как носителя. И тогда стоит попробовать посмотреть на верного помощника с другой стороны.

И если танец вдвоем сегодня не получился, то настанет завтра. Обязательно настанет завтра...

Часть 3, глава 1

ЧАСТЬ 3. КОГДА ВОЙНА СТУПИЛА ЗА ПОРОГ

Глава 1

Вчерашний вечер сохранился в моей памяти как самый необычный и самый печальный в жизни. На сердце — досада, глухая тоска, но в то же время и надежда.

Как только я всё понял, тотчас ушел от Евы, чувствуя себя полнощным вором, покидающим место преступления. Дворецкий многозначительно глядел мне вслед...

Вот только кража не состоялась. А что состоялось, требовалось хорошенько обдумать. Этим я и занимался в своей мансарде до глубокой ночи в обнимку с кружкой крепкого рома. Кто для меня теперь Ева? Партнер, вышестоящий начальник, женщина, отвергшая любовника? Хотя любовник — это слишком смело, поправлял я себя. Между нами ничего не было кроме взглядов и редких прикосновений. Но, черт возьми, порой и это немало!

Кто я, в игре затеянной АСА и тайниками? Проходная пешка? Лошадь, на которую ставят те и эти? Инструмент, отмычка, ключ к заветной двери, что ведет к неограниченной власти? Но есть еще и изобретатель методики, злоумышленник, готовый сметать любые преграды на своем пути...

От вопросов пухла голова.

В итоге я для себя вывел: сейчас стоит держаться Евы. На сегодняшний день она мой самый верный союзник. Личные вопросы мы решим потом, и многое здесь будет зависеть от моих успехов. Директор, скорее всего, сошел с дистанции, а роль Серого пока не ясна. Тут еще предстоит разобраться. И, наконец, злоумышленник. Вот с ним как раз всё понятно — это мой враг. Мой личный, персональный враг, которому объявлена беспощадная война. Я буду расчетлив и умен, холоден и осторожен, решителен и точен в ударах — и побью его! Клянусь святым Мартином!..

С тем и уснул.

На следующее утро, в полном соответствии с вновь полученными инструкциями, я сидел в знакомом двадцать втором кабинете, обложившись каталогами и справочниками по холодному оружию. Этому предшествовали два события. Первое — визит в полицию и объяснение с дознавателем. На сей раз визит закончился гораздо быстрее, чем после злосчастного кафе, — меня не мучили многократными допросами. Быстро, даже формально сняли показания и отпустили с миром. Видно, дело забирали тайники, и в полиции об этом уже знали.

Второе событие взволновало меня гораздо больше. По возвращении в отдел новенькая девушка из приемной передала мне послание от Стачки. В плотном конверте лежал листок мелованной бумаги, где Стефан своим каллиграфическим почерком просил меня быть на веранде в два часа пополудни. Далее следовал намек на новые сведения по интересующему нас делу.

Шел уже пятый день с того памятного вызова в кабинет директора, а поиски особенно не продвинулись. Мои бдения в архиве завершились туманными догадками о возможности существования новой методики, а в это время злодей с успехом ее применяет. Улучшает, пробует варианты. Гибнут люди, я сам не единожды подвергался опасности.

Личность злоумышленника остается тайной, и к разгадке я не продвинулся ни на шаг. Правда, есть еще специальный агент Серый и аппарат сыска, может, им повезет больше. Но мне и самому хотелось расшифровать преступника. Одно слово — враг, а с врагом лучше встретиться лицом к лицу.

Стефана я не видел с того самого дня, как он рассказал о Вороне и обещал свое

содействие. Потом мы не встречались, и я понятия не имел, где он и чем занимается, поэтому сейчас испытывал нетерпение: что нашел ветеран, о чем поведает? Но до условленного момента приходилось сидеть в кабинете, вяло листать каталоги, постоянно поглядывая на часы. Как всегда бывает в таких случаях, время тянулось мучительно медленно. Имена и даты не откладывались в голове, названия клинков путались.

Мельком заглянула Ева, спросила про успехи и убежала. Разговор получился короткий и нейтральный. Будто ничего вчера не произошло, будто я не побывал у нее в гостях и не звучал в тишине апартаментов ее жаркий шепот, не блистали в вечернем полумраке огненные взоры... А может, и правда ничего этого не было?

В два часа дня я направился на веранду. Стацки был там. Сегодня он выглядел подтянуто, даже строго: гладко выбритый и благоухающий хорошим одеколоном, в ослепительно белой сорочке, без всегдашней своей сигары. Как-то непривычно даже...

— Здравствуйте, Мартин, — сказал он совершенно по-деловому и указал на стул рядом с собой. — Город полнится слухами. Вы газеты читали?

Я отрицательно покачал головой. Зачем мне газеты, если я и так непосредственный участник новостей?

— Побоище в «Blue café» представлено пьяной дракой, мол, музыканты что-то не поделили со студентами, отсюда все беды. Трагедия на Арене — всего лишь хулиганство двух неформальных объединений. Тоже случайность, допущенная по недосмотру властей. Давно надо было взять под контроль всех этих фехтовальщиков и ролевиков. Ваше имя нигде не упоминается. — И неожиданно спросил: — Как вам работается с Евой?

Вопрос застал меня врасплох. Что интересует Стацки? С некоторых пор отношения с Евой Марией стали для меня вопросом особенным, обсуждать который не хотелось даже с ним. По счастью, ответа и не потребовалось.

— Вы помните «дело Сантьяго»? Это было лет десять назад, вы тогда уже работали в Агентстве?

— Нет, Стефан. Я тогда еще обучался у Наставника. Но о Сантьяго слышал, все мы тогда интересовались этим делом. Только информация была крайне скудная.

— Что ж, тогда послушайте одну занимательную историю, — усмехнулся Стефан и начал рассказ.

Десять лет назад возникла реальная угроза возобновления Горского конфликта. Строго говоря, конфронтация в Горном крае никогда до конца и не прекращалась, то затухая на время, то вспыхивая вновь. Таковы горцы — они воюют всю историю своего существования. Если вдруг, не дай бог, нет внешнего врага, они ищут его на собственной территории. Повод для войны между кланами найти нетрудно и можно чудесно резать друг друга.

Но тогда обстановка сложилась иначе. Появился сильный и волевой лидер — Шай-Дагг. Скорее всего, это не имя, а прозвище, в переводе с их тарабарского наречия что-то вроде «удачливый как черт» или «дьявольски успешный». Или «тот, кому покровительствует нечистая сила».

Это был поистине исключительный человек, обладавший сумасшедшей харизмой. Молва приписывает ему любимую поговорку: «Когда война ступила на порог — сожги свой дом». Он так и жил — конь, сабля, вольный ветер... И еще непомерное честолюбие и гордость!

Ему удалось собрать под своей рукой вождей всех основных кланов и примирить их, насколько это вообще возможно в отношении горцев. Он затеял беспрецедентную акцию, а

именно: проведение тайного референдума. Обсуждался вопрос о полном отделении Горского края от Республики с предоставлением краю суверенитета.

В последующем Шай-Дагг как независимый правитель планировал обратиться к северному соседу с просьбой о протекторате. Вы же знаете — обычаи и уклад жизни северян гораздо ближе горцам по духу. Вожди, образовавшие к тому времени так называемое «Братство Шай-Дагга» и полностью покорные его воле, должны были склонить к повиновению свои племена. В финальной части — на собрании совета вождей — они предоставили бы согласие горских народов с решением Шай-Дагга. Беспроектный вариант!

Тайники отслеживали ситуацию, и Аналитический отдел утвердился на острие этой интриги. Директором отдела был тогда Князь, двоюродный брат эрцгерцога. Личность ситительная, но совершенно не сведущая в тайных операциях. Князь блистал на балах и охотах, проводил время в светских развлечениях и был никудышным профессионалом. Он лишь номинально руководил структурой, а вот Сантьяго, а точнее, Карлос Сантьяго Д'Эспиноза-Рубио и прочее, и прочее — совсем другое дело.

Стефан прервался и испытующе посмотрел на меня, но я и сам уже уловил знакомое имя:

— Д'Эспиноза?

— Да, да, — покивал мой собеседник, — отец Евы. Сантос она по матери. Сантьяго Д'Эспиноза считался отличным аналитиком, крепким профессионалом и заместителем Князя. Он стоял у колыбели АСА, являлся инициатором создания Агентства и его основоположником. Сам не был лишен экстрасенсорных способностей, но стезя оператора его не привлекала. Его стихией стали комбинации и интриги, глубокий и многосторонний анализ запутанной международной политики. Легендарный человек, мы тогда только что не молились на него.

Именно Сантьяго разработал операцию с горцами. Считалось, что он ответственен за информационное обеспечение, но, по существу, он держал в руках все нити. А ведь привлекали и армейскую разведку, но мозгом был Сантьяго.

«Братство Шай-Дагга» на самом деле оказалось не столь сплоченным и однородным. Амбиции бродили в нем, как молодое вино в курдюках, а наши агенты умело пользовались этим и подогревали страсти. Одним из ближайших соратников Шай-Дагга был Шада-Озз, или, по данным других источников, Шада-Оззи.

Вождь одного из самых многочисленных и воинственных кланов, Шада-Озз поддерживал лидера на словах, но на деле мечтал о самостоятельности. Посудите сами, прозвище его означало: «следующий за Шай-Даггом». А при желании «Озз» можно перевести как «поклоняющийся» или даже «прислуживающий». Каково такое гордому сыну гор?

Тайникам удалось подвести к Шада-Оззу своих агентов. Ловко играя на его честолюбии и подогревая амбиции республиканским золотом, агенты сумели заручиться его согласием выступить против Шай-Дагга. Дата и место всеобщего сбора вождей и окончания референдума были известны. Предполагалось, что произойдет всё в старинной мечети, связанной с какой-то древней легендой.

Мечеть состояла из большого молельного зала и минарета. В зале должны были собраться в условленный день и час «Братство Шай-Дагга» и небольшое количество вождей, в «братство» не вошедшие, чтобы принять единое решение, подразумевалось — выгодное

Шай-Даггу. Вот тут-то Шада-Озз и должен был выступить с заявлением, суть которого заключалась в требовании предоставить автономию его клану, а его самого провозгласить полновластным правителем этой автономии.

Таким демаршем вождь противопоставлял себя и весь свой народ остальным горцам и вызывал раскол в рядах. Допустить такого Шай-Дагг не мог, он никогда не потерпел бы никаких автономий внутри своего края. Далее, в зависимости от хода событий, Шада-Озз либо поднимал бунт, опираясь на своих сторонников, либо его захватывал Шай-Дагг. Учитывая характер предводителя, второй вариант сценария был более вероятен. В любом случае, лично или через соплеменников, возмущенных захватом вождя (верные люди в клане для этого имелись), Шада-Озз должен был обратиться за помощью к правительству Республики и самому Президенту.

На этот случай у границ края стоял наготове Корпус горных стрелков в полном штатном расписании. По приказу он занял бы главные коммуникации: дороги, мосты и всё прочее, что делают военные в подобных случаях. В результате имя Шай-Дагга было бы скомпрометировано, сам он либо убит, либо захвачен в плен и заточён, а войска утвердились бы на территории края на основании законного требования одного из вождей. Со временем тайники нашли бы возможность привести к власти нужных правителей...

Стацки перевел дух. Нам принесли чай, никакого коньяка Стефан на этот раз не пил. Я слушал с неослабевающим вниманием, захваченный этой старой историей.

— Всё было готово, но, как это часто бывает в крупных операциях, что-то пошло не так. Где-то произошла утечка информации, или не хватило решимости кому-то из исполнителей, да мало ли... В назначенный день Шай-Дагг заранее призвал Шада-Озза в молельный зал, но не для того, чтобы прижать к груди верного соратника, а препроводил его в маленькую каморку под самой крышей минарета и там запер под охраной.

Заседание вождей началось без Шада-Озза. Шай-Дагг объявил, что его лучший друг и сподвижник заболел, не может принять участие в совете и от его имени будет говорить он сам. Может статься, что всё так и вышло бы, авторитета и воли у лидера хватило бы на три совета, но в рядах вождей были подкупленные тайниками провокаторы. Этаким страховочный вариант на случай непредвиденных обстоятельств. А обстоятельства оказались непредвиденными донельзя.

Стацки помолчал, улыбнулся каким-то своим воспоминаниям... Оператор достал-таки сигару, но раскуривать не торопился:

— Нас, операторов АСА, привлекали к сбору информации, вот почему я знаю об этом деле. Факты собирали по крупицам, составляя картину из отрывочных донесений и показаний оставшихся в живых свидетелей. Дело, кстати, до сих пор считается секретным.

— Ворона тоже привлекали?

— Да, и его. Какой-либо роли в событиях мы не сыграли, но суть знали. Кончилось всё печально.

Провокаторы тайников затеяли на референдуме вначале спор, а потом и раздор. Горцы, народ горячий и необузданный, ограничиться парламентскими дебатами не смогли — обсуждение перешло во взаимные обвинения, а следом в драку. Что там происходило, достоверно неизвестно, но они все перерезали друг друга. Погибли и Шай-Дагг, и многие его сторонники. Может, это стало результатом подкупа и работы агентуры, а может — противоречия в рядах вождей имели еще более глубокие корни, чем думали тайники.

Как бы то ни было, уцелели единицы из числа прибывших. Даже запертый наверху

Шада-Озз был найден с перерезанным горлом. В результате мы получили то, что получили: гражданскую войну в Горном крае на три долгих года, непопулярный в народе ввод ограниченного контингента горных стрелков и широкий отрицательный международный резонанс. Дипломаты потом еще долго сглаживали углы и обходили скользкие места в отношениях с дружественными и недружественными соседями.

Операция потерпела крах. Как водится, начали искать виновных. Влияние эрцгерцога было уже не тем, что прежде, и всё-таки трогать Князя не осмелились.

Надо сказать, что Сантьяго был из тех дворян, что приняли революцию и стали под знамена Президента сознательно. Но к тому времени одно из самых громких некогда имен потускнело. Маленькое имение в Брокскене почти не давало доходов, отсюда постоянная нужда и стремление занять в обществе достойное место. За несколько лет Сантьяго сделал головокружительную карьеру, но и врагов за это время нажил достаточно: служаки завидовали его успехам, аристократы ненавидели за сотрудничество с республиканцами. Лучше фигуры было не сыскать. Сантьяго обвинили в провале, лишили чинов и отправили в отставку. Он оказался вынужден был вернуться в родовое имение и зажил тихой жизнью сельского помещика.

— А дочь?

— Еве было тогда пятнадцать, — отвечал Стефан. — Девушка имела возможность вращаться на равных в среде золотой молодежи, посещать светские рауты в самых знатных домах, учиться в престижном лицее и прочее... А потом в миг всего этого лишилась. После столичного света — захудалый городок, узкий круг мелкопоместных дворянчиков, убогие сельские праздники и незатейливые развлечения. В перспективе — брак с отпрыском какой-либо захудалой фамилии, куча детей и общество местных сплетниц по выходным. Три года спустя Сантьяго умер, всеми забытый и покинутый, а Ева приехала покорять столицу.

Стацки всё-таки зажег сигару.

— Не знаю, снабдил ее отец перед смертью рекомендациями, или девушка сама оказалась столь талантливой, но успехов добилась немалых. Амбиции, гордость и честолюбие в ней выражены еще больше, чем в родителе. Добавьте к этому желание реабилитироваться и чувство ущемленного достоинства, и вы получите гремучую смесь. Перед смертью бывший тайник наверняка научил дочь кое-чему из того, что умел сам. К тому же Ева имеет определенные экстрасенсорные способности, что поделать — фамильная черта. Их не сравнить со способностями вашими или моими — она не смогла бы стать оператором, да никогда и не стремилась к этому, — но в совокупности с острым умом и настойчивостью кое-чего стоит. Так что дружите с ней, Мартин...

Я слушал и понимал, что вчера вел себя глупо. Разве можно обижаться на девушку, с которой жизнь обошлась столь сурово? К чему еще может она сейчас стремиться, кроме восстановления справедливости?

— А где вы пропадали три дня, Стефан? — спросил я.

— Занимался сентиментальными путешествиями, Зрячий, — откинулся на спинку стула Стацки. — За эти дни я повидался с множеством людей из тех, что начинали вместе со мной когда-то. Не все стали операторами, среди них много самых разных персонажей, но все, так или иначе, знали Ворона. Мы разговаривали, вспоминали былое, и вот что я вам скажу, Мартин. Ворон если и не разработал метод управления людьми полностью, то подошел к этому вплотную. Вы же понимаете, в нашем деле слово «разработать» имеет особый смысл. Скорее всего, метода как такового, в общем понимании этого слова, не существует —

слишком многое здесь зависит от оператора, его интуиции, его искусства. Короче, от его личности. Оператором в данном случае я называю любого человека, который проводит информационное воздействие.

Он помолчал, пристально глядя на меня:

— Я настаиваю, Мартин, — вы наиболее подходящий человек для этого дела. Вы похожи на Ворона — по внутреннему содержанию, отношению к жизни, пониманию того, что такое путь воина и каким должен быть настоящий мужчина. У вас много общего с тем молодым Вороном, которого я знал когда-то.

Стацки на время задумался, вспоминая то ли себя в молодости, то ли друга.

— Не удивляйтесь, — продолжил он, — я давно наблюдаю за вами, и вы мне нравитесь, но дело даже не в этом. Я продолжаю настаивать, что только вам по силам остановить маньяка, пользующегося методом Ворона. Да, именно так — метод, в том или ином виде, есть. Авторство у меня сомнения не вызывает, но это сейчас не столь важно. Важно, что им пользуются, и, как показали последние трагические события в кафе и на Арене, не без успеха.

Старый оператор еще раз испытующе поглядел мне в глаза.

— Завтра многое должно проясниться, Мартин. Предстоит встреча, после которой я, возможно, смогу вам сообщить нечто важное. Но не буду забежать вперед, сейчас скажу следующее: и мне запомнилось, и в беседах со старыми знакомыми прозвучало красной нитью — Ворон, особенно в последние дни перед исчезновением, активно искал оружие. Некий меч, который, как я теперь догадываюсь, был обязательным условием воздействия, его неотъемлемой частью. И, судя по всему, не нашел. Не обнаружен он и сейчас, иначе акции проводились бы по другой схеме: не сумбур со всеобщей поножовщиной и кровопролитием, а точечные воздействия на ключевых людей, выгодных для достижения того или иного результата. Именно таким планировал свой метод Ворон. Именно такую задачу ставили нам сверху в те далекие годы.

Стацки попытался затянуться, сигара погасла, и ветеран принялся крутить ее в руках.

— Так бывает, когда не хватает компонента для нормальной работы системы. На переходном этапе его пытаются заменить избытком другого компонента. Может, отсюда столько крови... Наверняка я, конечно, знать не могу, но в любом случае это временная мера. Злоумышленнику, кто бы он ни был, до зарезу нужно оружие. То единственное и уникальное, которое делает метод по-настоящему действенным. Значит, этот меч необходим и нам. Нельзя допустить, чтобы он попал в руки маньяка, слишком тяжелые последствия он может нарезать этим клинком, уж извините за каламбур. Ищите меч, Мартин!

Он опять пристально посмотрел на меня, сунул сигару в рот, пожевал, но так и не раскурил.

— Ищите не в Музее древностей, не в известных коллекциях и не на громких выставках. Уверяю вас, все эти места Ворон прочесал частым гребнем еще тогда. Думаю, последователь уже повторил его путь...

Я сразу вспомнил рассказ специального агента Серого: покушение на коллекцию эрцгерцога закончилось ничем. Убитый осведомитель и ни малейших попыток повторить кражу. Значит, всё-таки грабитель потерял интерес к объекту преступления. Очень похоже.

— ...У него были на то и время, и возможности. Ищите в оружейных лавках. Займитесь знатоками оружия, антикварами. Не обладателями крупных коллекций, а мелкими собирателями и посредниками. Среди тех клинков, что продаются и покупаются через них

— что сделаешь, модно! — может мелькнуть хвостик золотой рыбки. Так мне кажется...

Стефан вытащил из внутреннего кармана плотный конверт и протянул его мне:

— Возьмите. Здесь адрес и время нашей завтрашней встречи и еще кое-что.

Я открыл конверт, внутри оказался квадрат плотной бумаги с написанным адресом. Я знаю этот район, и найти дом не составит труда. Время — шесть часов вечера. А следом на ладонь выкатились два овальных ограненных камня размером с ноготь мизинца. По виду рубины — острый багровый лучик стрельнул в глаза. Я не знаток драгоценных камней и сейчас глядел на них с сомнением.

— Возьмите-возьмите, — сказал Стефан, — пусть они пока побудут у вас. Эти камни оставил мне Ворон незадолго до своего исчезновения. Наши отношения тогда были уже не безоблачны, но никого ближе у него всё равно не имелось. Видно, что-то угрожало Ворону или кто-то, он просил сохранить камни, обещал вернуться, но больше живым я его не видел.

Я покатал рубины по ладони — две багрово-красные застывшие капли чуть удлиненной формы. Зачем они мне? Но если просит Стацки, отказывать неловко.

— Мой бывший друг ничего не объяснил тогда. Я не знаю, зачем они нужны и какую роль могут сыграть. Может, и никакой... Но Ворон был поглощен идеей с головой, ни о чем другом думать не мог, и если доверил мне камни, то это неспроста. Возьмите, потом разберемся. И жду вас завтра, Зрячий, в указанное время в указанном месте. Думаю, у меня будет, что вам поведать...

Стефан подарил мне еще один внимательный взгляд, его рука легла на мое плечо. А затем вышел, так и не раскурив сигары.

* * *

После встречи со Стацки я, не откладывая в долгий ящик, отправился в приемную и по дальнотелефону созвонился с информационным бюро Агентства, имеющим достаточно полную базу по самым разным вопросам. Мне выдали не менее двух десятков фамилий и адресов лиц, занимающихся торговлей старинным холодным оружием. Я и не предполагал, что их так много. Записав данные на листе бумаги, я вернулся в кабинет и принялся внимательно изучать их.

Барышня из информбюро любезно сообщила мне не только адреса лавок и магазинов, но и примерный ассортимент. Оказалось, что часть заведений занимается главным образом ножами и кинжалами, и можно поставить их во вторую очередь. Например, лавку старины Поля. Сблaзн пойти в первую очередь к нему, поговорить и полюбоваться своим серебряным любимцем я подавил волевым усилием — уж что-что, а коллекцию Поля я знаю досконально.

Отбрасывать эти заведения совсем тоже не стоило, помимо ножей там могло оказаться что-то интересное, но существовали и специализированные магазины, в которых продавали почти исключительно длинные клинки. Я выписал их в отдельную группу, составил маршрут и направился к директору утвердить план действий. После всего произошедшего я меньше всего опасался взысканий или выговора, но кровь невинных жертв в кафе и на Арене стучала в моем сердце, преследовала меня и побуждала к действию.

Посещение директорского кабинета оказалось недолгим, но плодотворным. Мы согласовали план действий и договорились о казенной карете, которую я получал в свое распоряжение с сегодняшнего дня. Также директор выдал некую сумму денег на

представительские расходы. При необходимости я мог совершить не очень дорогую покупку в интересах дела. И я отправился наносить визиты.

Потянулась длинная череда одинаковых встреч и бесед. Карету с зорким глазом на дверце я предусмотрительно оставлял в некотором отдалении. Афишировать расследование не в моих интересах — маньяк может двигаться по пятам. В магазинах я представлялся коллекционером, благо необходимые знания в данной области у меня имелись. Потом следовало долгое изучение ассортимента, разговоры о клинках, обсуждение и вопросы. Всё это отнимало достаточно много времени и забирало не меньше сил, к вечеру я обошел едва ли полдюжины заведений, торгующих антикварным оружием. Но делать нечего, с утра предстояло заняться всем этим сызнова.

На следующий день я не смог отказать себе в удовольствии и всё-таки посетил лавочку Поля, поиграл с кинжалами, полюбовался на своего фаворита и поторговался со стариком для порядка. Мне было интересно узнать его мнение, и, не открывая всех обстоятельств дела, я спросил, где и как лучше искать прославленные мечи. И не получил в ответ ни грана полезной информации. Старый хитрец с ходу начал сватать мне свой эсток, но потом заинтересовался, зачем мне нужны клинки.

— Я слышал, Мартин, — шептал он мне заговорщицки, — на старой Арене случилась недавно жуткая трагедия. Погибла куча людей. Не связывайтесь вы с этими мечами, всё равно все сообщества скоро запретят. И в дальнейшем, я слышал от знающих людей, меры будут только ужесточаться!

Знал бы ты, старина Поль, что говоришь с непосредственным участником, а может быть, и виновником этих страшных событий...

Я покинул гостеприимную лавочку и ее радушного хозяина и пустился в дальнейший обход магазинов по списку. Визит следовал за визитом, дело пошло веселее, видно, сказывался вчерашний опыт, но ничего интересного я так и не обнаружил. К тому же чем ближе большая стрелка на часах приближалась к шести, тем большее я испытывал нетерпение. Что же такое архиважное собирался сообщить мне Стефан?

Мсье Ришак стоял в списке предпоследним. Он владел магазином подарков и сувениров для мужчин под названием «Для него», и оружие здесь продавалось больше в подарочном варианте. Но поскольку в ассортименте фигурировали мечи и шпаги, я решил не пренебрегать и этой возможностью.

Сам мсье Ришак, пухленький коротышка с розовой лысиной и с пышными бакенбардами на щекастой румяной физиономии, в пиджачке с коротковатыми рукавами, перекатывался по залу собственного магазинчика наподобие мячика — из угла в угол, от стойки к стойке.

Зал был поделен пополам: слева высились витрины с сияющими кубками, серебряными флягами, подарочными портсигарами, трубками, пепельницами и прочей тому подобной мужской мишурой. Справа — ножи для резки бумаги и колки льда, подарочные тупые кинжалы, декоративные шпаги и мечи. Я уже было подумал, что зря пришел и надо, коротко поговорив и вежливо попрощавшись, уходить. Но мсье Ришак не дал мне такой возможности.

Едва услышав, по поводу чего я посетил его торговое заведение, он деликатно, но плотно прихватил меня под локоток и препроводил на второй этаж, в личный кабинет. Тут же служанка принесла крошечные чашечки кофе, меня попотчевали сигарой, и потекла беседа двух любителей и знатоков холодного оружия. Вернее будет сказать, беседовал в

основном мсье Ришак, на мою долю оставалось слушать. Но торговец оказался действительно знатоком, даром что продавал сувениры, и я услышал много любопытного.

— Вы видите, господин Мартин, — говорил мсье Ришак, прихлебывая кофе, — я торгую блестящими игрушками. Ничего серьезного, боже упаси! В городе творятся страшные вещи, слухи ползут один ужаснее другого. Но это не значит, что я не понимаю в клинках. Было время, когда у меня в кладовочке стояли настоящие пары. Вы знаете, что такое пара?

Я удивленно воззрился на мсье, и он довольно хохотнул:

— Я так и думал. Это редкий вид вооружения, не получивший широкого распространения. Дело в том, что мастер берется изготовить сразу две единицы оружия. Например, шпагу и дагу к ней или меч и кинжал «милосердия», коим добивали поверженного противника сквозь щели в латах. Милосердие по-рыцарски, ха-ха! Или палаш и «засапожник», короткий широкий нож, который боец в самый неожиданный момент вытаскивает из-за голенища и наносит им неуловимый для глаза завершающий удар.

Щеки мсье Ришака разругались еще больше, глаза блестели, видно было, что беседа приносит ему истинное наслаждение.

— Обычные наемники, которые ватагами бродили по проезжим трактам Республики каких-нибудь двести лет назад, подбирали себе оружие по руке, не заботясь о его происхождении. Другое дело — мастера фехтования, настоящие искусники боя на мечах, шпагах, саблях. Таковые были всегда: и во времена рыцарства, и позднее, — и вот они-то относились к оружию по-другому и заказывали именно пары. Настоящий мастер вкладывает в творение не только свое умение. Баланс клинка, выделка металла, специальные виды стали — булаты и дамаски — всё это тоже важно, но не только.

Я с возрастающим интересом слушал Ришака. Сейчас он озвучивал мои недавние выводы, сделанные после прочтения толстой стопки исторических документов в архиве, и мне было крайне интересно, что он скажет дальше. К счастью, понукать мсье не требовалось, сев на любимого конька, он с упоением говорил без остановки.

— Специальное оружие мастера древних и не очень древних времен не изготавливали, а творили. Первоочередным для них было предназначение клинка. Сам воин тоже должен был знать и понимать предначертанный путь. Только гармония взаимопонимания и полное слияние воина с оружием могли дать тот уникальный результат, на который и ориентировались истинные герои. Во всяком случае, так должно быть. Но в поединке двух героев, силы и оружие которых равноценны, цели равно благородны и устремления одинаково высоки, кто победит? Для нас это вопрос праздный, а для них он был очень актуальным. Они рассчитывали на встречу с равным противником и не хотели проигрывать.

Мсье Ришак раскурил погасшую сигару и увлеченно продолжил:

— А теперь представьте себе, что оружейная пара делает бойца сильнее даже не вдвое. Подсчитать точно тут не удастся, но силы его увеличиваются многократно. Взяв в каждую руку по клинку, — тут торговец изобразил, как это нужно делать, — боец оказывается в центре коловращения. Он становится осью, вокруг которой вертится смертоносная сталь. На востоке это называли мандалой, священным кругом, символом вечного движения. Остается только слегка направлять это движение, обрушивать рубящее колесо на выбранный объект. С таким противником сражаться крайне трудно.

Вот так-так! Мало мне было нестандартных методик боя, уникальных клинков и прочих заклинаний в камне и металле, теперь еще и оружейные пары. Когда-то я слышал краем уха о методиках боя двойным оружием, но внимательно этим вопросом не занимался, и рассказ

о нем оказался крайне интересным.

— Обычно вторым в паре, — продолжал мсье Ришак, — выступал нож, стилет или небольшой кинжал, носимые скрытно — за голенищем сапога, под одеждой, даже на спине. И только у горцев пара была скорее правилом, чем исключением.

Опять горцы! Что-то слишком многое в последнее время замыкается на этом диком крае и его народе...

— Горцы носили и пашку, и кинжал открыто, при этом второй иногда мало уступал по длине первой. Бой велся обоими клинками от начала до конца и требовал особой филигранной техники. Сейчас эти стили утрачены, а последним человеком, который, по слухам, владел боевой парой, был легендарный атаман Дагомир...

— Кто?.. — я чуть не подавился остывшим кофе. — Как, вы говорите, его звали?

— Дагомир... — удивленно поглядел на меня Ришак. — Есть такая легенда: много лет назад в южных степях гулял лихой атаман. Вы знаете ее?

— Не важно, мсье Ришак. Прошу вас, продолжайте, вы чудесный рассказчик, и мне всё крайне интересно...

— У этого чудака была мечта — построить страну Утопию, где все люди будут свободны и счастливы. Но путь к Утопии пролегал через грабеж на большой дороге... — Ришак помедлил мгновение. — Так вот, имелся у атамана Дагомира чудесный клинок, выкованный старым горским мастером. А точнее, мастер сумел переделать в саблю очень древний меч. Одни говорят, что принадлежал он Горчаку, покорителю степных народов. Другие, наоборот, приписывают оружие личности не менее легендарного царя Куса, что правил этими народами и возглавлял борьбу с тем же Горчаком. Честно говоря, обе теории кажутся мне довольно спорными, но дело не в них. Меч был основательно поврежден, но старый кузнец, как гласит легенда, не сразу согласился выполнять требуемое, посмеив отказать самому Дагомиру! Однако он всё же взялся за работу, но только после того, как нашел достойный материал. Этим материалом оказался старый длинный кинжал. Как мастер определил, что именно этот кинжал может быть использован? Более того, каким образом смог взять часть кинжала на перековку меча? Всё это является тайной, которую теперь вряд ли кто-нибудь разгадает. Во всяком случае, современной металлургии такие способы неизвестны. Получился новый меч, названный мастером Дагг-Ош, что в переводе с горского наречия обозначало «приносящий удачу», и небольшой кинжал. Два этих клинка образовали уникальную пару, как бы связанную кровным родством. Вот этим оружием и владел виртуозно Дагомир...

— Удивительно, в имени атамана присутствует тот же корень — «даг». Это совпадение?

— Скорее всего.

— И что дальше?

— К сожалению, атаман был самым натуральным разбойником. Клинки действительно приносили ему удачу, но до тех пор, пока власти не поставили себе целью уничтожить его. От пули ни меч, ни кинжал защитить не могут...

— А судьба оружия?

— Где находится Дагг-Ош, не знает никто. Я пытался наводить справки, но результатов не добился. Что же касается кинжала... — тут мсье Ришак застенчиво потупился, — то его владелец перед вами...

К счастью, к этому моменту я уже допил кофе, иначе я бы всё-таки подавился.

Молочный брат Дагт-Оша, так интересовавшего меня, был всего в двух шагах! Пришлось взять себя в руки и постараться не показывать своей заинтересованности, хотя старого торговца это не обмануло. Он смотрел на меня с хитринкой во взгляде, как бы говоря: «Я знаю, что тебя интересует этот товар, и своего не упущу!»

— Можно взглянуть? — сколько мог спокойно спросил я.

— Конечно, господин Мартин! Один момент, — и Ришак вышел из комнаты.

Не прошло и трех минут, как он вернулся со свертком в руках. Действительно, это был кинжал. Больше всего клинок походил на квилон — круто загнутые выступы гарды, узкое как жало, не очень длинное лезвие. Мощная рукоять, оплетенная толстой кожей. Из общего стиля выбивалось только навершие — круглое и массивное, характерное для горской оружейной традиции.

Я взял кинжал. Чувство, охватившее меня вслед за этим, трудно передать словами: радостное волнение, предвосхищение чего-то светлого, что ждет впереди и непременно вот-вот случится!.. Прилив сил, ожидание чуда!..

Я положил клинок на стол, и наваждение тут же исчезло. Интересная вещица...

— И название его звучит как-то вроде Дагт-Озз? — попытался я блеснуть знанием горской этимологии.

— Почти правильно, — с уважением посмотрел на меня Ришак. — «Озз» может означать и слуга, и друг, хотя чаще мы переводим это горское слово как «последователь». У горцев понятие «слуга» значительно отличается от нашего, там слуга сам выбирает себе хозяина, а тот, принимая служение, одновременно принимает значительную долю ответственности за судьбу человека. Есть еще одно слово: «Оззи». Это тоже последователь, можно сказать — и младший слуга, но чаще так называют младшего брата. То есть кровное родство или хотя бы родство по духу. Мастер назвал кинжал Дагга-Оззи. Что это означает, вы теперь знаете...

Да, теперь я понял. Значит, Шада-Озз был не просто сподвижником Шай-Дагга и уж никак не слугой. Так ли сильны были его амбиции и стремление к самостоятельности, как это представил Стацки?

Ведь его еще называли Шада-Оззи, то есть верный друг, братишка. Может быть, коварные замыслы умело взрастили агенты тайников, посланцы Сантьяго? И не приложил ли к этому руку Ворон со своей чудодейственной методикой? Одни вопросы, и как же всё переплелось...

— Красивая легенда, смелые и красивые люди, звучные имена, — сказал я Ришаку. — И знаете что, я, пожалуй, куплю у вас кинжал.

Мсье потупился вторично и заломил совершенно несусветную цену. Моих представительских не хватало на покупку категорически, и вряд ли господин директор выпишет мне такую сумму даже после соответствующих объяснений.

— Погодите, мсье Ришак. — Я понял, что придется торговаться. — Но к кинжалу наверняка должны прилагаться ножны?

— Ножны? — Легкая тень досады промелькнула по лицу собеседника. — Да... Вы правы, ножны существуют, это незыблемая традиция. Что такое горский кинжал без ножен — брачная ночь без невесты!.. Вот только у меня их нет.

— Ну... я даже и не знаю... — Теперь пришел мой черед сбивать цену. — Без ножен кинжал стоит совсем других денег... А где они могут быть?

— Я искал их, и очень усердно, но, увы. — По всему было видно, что мсье Ришак

принял решение. — Согласен, господин Мартин. Кинжал без ножен будет стоить меньше.

Названная цена, гораздо более приемлемая, по словам торговца, была окончательной и обсуждению не подлежала. Моя попытка сделать ее равной той наличности, что звенела в кармане, наткнулась на ожесточенное сопротивление. Мы договорились, что я оставляю задаток. Той суммы, которая была у меня при себе, на это хватало. Оставшуюся часть денег я должен буду занести завтра в первой половине дня. Тогда же заберу кинжал.

Мы расстались чрезвычайно довольные друг другом, попрощавшись, словно добрые друзья. Я был совершенно уверен, что смогу добыть недостающие кроны в Агентстве. В списке оставался последний магазинчик, но я туда катастрофически не успевал. Времени едва хватало на то, чтобы добраться по адресу, данному мне вчера Стефаном. Даже наличие экипажа не меняло дела.

Со всей возможной скоростью кучер помчал меня по вечерним улицам.

* * *

Адрес располагался в западной части города, рядом с набережной Капаллы. Серебристая гладь реки угадывалась между темными домами и листвой деревьев.

Застройка здесь была редкой, перемежаясь обширными пространствами, заполненными кустарником почти в рост человека и развесистыми дубами. Редкие фонари еще не зажглись, и закатное солнце окрашивало старые дома в призрачный таинственный цвет, смесь темно-серого с багряным.

Я отпустил кучера — сегодня мне его услуги уже не понадобятся — и прошел к означенному в записке зданию. Это был трехэтажный особняк, мрачный и тяжеловесный, с большим количеством лепных украшений. Так строили в начале прошлого века, когда-то дом мог принадлежать богатому промышленнику или чиновнику достаточно высокого ранга.

Сейчас особняк пустовал. Без человеческого пригляда и ухода здание медленно, но неуклонно разрушалось: штукатурка местами отвалилась, и ранами мясного цвета проглядывала кирпичная кладка. Краска на дверях и ставнях поблекла и облупилась, под крышей виднелись потеки не просыхающей сырости.

Зачем Стефан назначил свидание в заброшенном доме? В душе появилось неприятное предчувствие.

Окна первого этажа были закрыты ставнями, на третьем — кромешно темны, только лучи заходящего солнца бликовали на стеклах кровавыми отблесками. На втором этаже, прямо по центру фасада, виднелись два освещенных окна. «Значит, мне туда», — понял я.

Дверь неожиданно легко и без скрипа подалась на хорошо смазанных петлях. Внутри царила мерзость запустения. Широкий коридор уходил в обе стороны: толстый слой пыли, обрывки старых газет, еще какой-то мусор и обшарпанные двери апартаментов говорили всем своим видом — тут давно не живут.

По заплеванной лестнице с обрушенными кое-где перилами я поднялся на второй этаж. Здесь был такой же коридор. Стачки не указал номер апартамента, наверное, рассчитывал, что я разберусь сам. По моим прикидкам, нужная комната находилась слева, и действительно, одна из дверей резко отличалась от остальных. Прочная на вид, подкрашенная, она поблескивала новенькой ручкой.

Я осторожно постучал. Ответом мне была звенящая тишина, только где-то наверху хлопало на сквозняке неприкрытое окно или дверь. Я постучал еще раз и, не дожидаясь

ответа, толкнул створку. Та подалась, и я вошел внутрь.

Вполне жилая прихожая со всеми необходимыми приметами такого помещения: неяркая лампа под потолком, вешалка, зеркало, диванчик, стойка для обуви. Всё имело вид вещей, которыми пользуются ежедневно. Я прошел коротким коридором и очутился в просторной комнате с одним неярким светильником, тонувшей в полумраке.

Всё пространство комнаты, за исключением левого дальнего угла, представляло собой мастерскую художника. Большой стол для смешивания красок заставлен банками, баночками, бутылками и флаконами. Разложенный мольберт с установленным, но не тронутым холстом, рядом палитра и кисти. В углу подрамники, накрытые бархатным покрывалом.

Так вот куда пригласил меня Стефан — в святая святых, в мастерскую, где он творит финт! Картины, что стоят под покрывалом в углу, наверняка результат проведенных процедур, окончившихся финтом в этом странном заброшенном доме. Впрочем, почему странном? Оператору и нужна такая обстановка — уединение, доведенное до крайности.

Но каков ветеран! Поводить процедуры днем в Агентстве и лишь вечерами писать картины, обращая их в финт?! Воистину, чтоб вытворять такие штуки, нужно обладать незаурядным мастерством! Недаром Стачки считается не только самым опытным, но и лучшим оператором в Отделе...

В левом дальнем углу стоял изящный столик, покрытый веселенькой скатертью и заставленный какой-то снедью. В центре стола красовалась большая бутылка вина. Два кресла, одно сейчас пустовало, в другом сидел человек.

Единственный светильник давал недостаточно света, высокая спинка не позволяла рассмотреть подробно, и в сумерках я видел только плечо и руку, безвольно свесившуюся с подлокотника. Но я сразу узнал пиджак Стачки. Именно в нем он был вчера во время нашей встречи.

— Стефан... — несмело окликнул я. Предчувствие, появившееся сразу, как только я вошел в этот мрачный дом, усилилось. Человек сидел слишком неподвижно и неестественно тихо. На мой призыв никакого ответа не последовало. — Стефан, это вы? — позвал я громче и сделал неуверенный шаг к столу.

И тут он застонал.

Тяжело, тоскливо, предсмертно...

Я кинулся к столу, развернул кресло и увидел. Даже в полумраке лицо Стачки было совершенно бледным, черты заострились. Из груди, чуть выше сердца, торчала рукоять ножа. Всю одежду ниже раны пропитала запекшаяся кровь, и я не решился вытаскивать клинок, зная, что это может усилить кровотечение. На какой-то миг меня охватила паника: «Что делать? Кого позвать? Как ему помочь?»

— Стефан! — крикнул я в отчаянии, беря его за безвольную руку. — Держитесь, старина! Я сейчас вызову карету неотложной помощи! Или вас перевязать? Черт, чем я могу вам сейчас помочь?!

— Не надо, — тихо ответил он. Голос его прерывался. — Потом карету, отсюда до ближайшей помощи двадцать минут добираться... Слушайте меня, Мартин... Это Ворон! Он был здесь, и я видел его так же ясно, как сейчас вижу вас. Ошибиться я не мог, да он и сам не скрывал. Мы разговаривали, даже вспомнили немного молодость... Он довел дело до конца, создал метод... Но без меча ему приходится проливать реки крови, и он вынужден убивать случайных людей. Результат его не устраивает...

Лицо Стацки сморщилось от боли, тело вздрогнуло, кровь опять потекла из-под ножа.

— Стефан! Я сейчас отнесу вас вниз! Мы найдем какой-нибудь экипаж и поедem в госпиталь!..

Он неожиданно цепко ухватил меня за руку, зашептал горячечно:

— Нет времени... По этим улочкам никто не ездит... Слушайте, Ворон ищет меч... Он очень опасен, Мартин! Очень!.. Мечтает о мести, считает, будто все его предали... Но мстью Ворон не ограничится, пойдет дальше... Его надо остановить. Если вы найдете оружие, Ворон сам придет к вам... Вы сможете... Там...

Стефан указал на прикрытые покрывалом картины, но силы оставляли его. Голос затихал с каждым словом, а следом тело обмякло, рука беспомощно упала, глаза закатились.

— Стефан! — закричал в отчаянии я, но тщетно. Жизнь покинула старого оператора.

Я потерянно стоял возле кресла, перед остывающим телом, одетым в тот же костюм, что и вчера, когда мой товарищ был жив и так интересно рассказывал истории десятилетней давности.

Все точки над «і» расставлены. Теперь у меня есть еще и последняя воля умирающего.

Что я могу противопоставить Ворону? Волю и несокрушимое стремление к победе! Этот человек ответит за всё совершенное — за мертвых студентов, девушку из «Елмани», а теперь еще и за Стефана Стацки, которого я считал своим другом, хоть и не отдавал себе в этом отчета. Мало? Я знаю, как можно победить Ворона — нужно лишь отыскать заветный меч. И я найду клинок, чего бы мне это ни стоило! И наконец — я сенс, оператор, Зрячий и могу воевать с врагом на его поле и тем же оружием. Хватит?

Вот и я думаю, что хватит.

У дальней стены, — где указал Стацки, — я сдернул бархатное покрывало и увидел... На картине огромная черная птица распластала крылья. Угрожающе тянулись, казалось, прямо ко мне страшные когти. Голова птицы с изогнутым, как кривой кинжал, клювом была чуть вздернута, но сквозь птичьи черты отчетливо проступало человеческое лицо. Пронзительные темные глаза, волевой подбородок, упрямая линия губ. И хрящеватый хищный нос, похожий на орлиный клюв.

Я запомнил это лицо сразу — во всех деталях и навсегда. Я найду тебя, Ворон...

* * *

Отчаяние вперемишку с решимостью погнали меня прочь из комнаты. Через наполненную одиночеством тишину, грязь и запустение, мимо слепых заколоченных дверей — по коридору, по полуразрушенной лестнице, на пустую улицу. Уже зажглись фонари, хоть солнце еще не село за горизонт, и сливочно-желтый электрический свет смешивался с багрянцем закатных лучей.

Нужно было сообщить о происшествии директору и специальному агенту, вывезти тело Стефана и забрать его картины. Надо было, наконец, выбираться, черт побери, из этого мрачного безлюдного района...

Я метнулся по улице в одну сторону, потом в другую, потом встал. Всё это слишком походило на паническое бегство. Надо сосредоточиться. Я не беглец, я — мститель и сделаю всё необходимое, возобновлю поиски. Ворон будет пойман, и тогда посмотрим...

Но сейчас нужно идти к набережной. Там можно найти извозчика, там всегда полно людей, даже поздним вечером, а мне это сейчас необходимо — услышать живую речь,

встретить чей-нибудь взгляд, пусть даже совершенно незнакомого человека.

Раздумывая, каким путем лучше пройти к набережной, я не сразу заметил две фигуры, вынырнувшие из сумерек. Только когда звук шагов стал слышен совсем близко, я обернулся. Они двигались быстро и сосредоточенно, широкополые разбойничьи шляпы надвинуты на глаза — лиц разглядеть невозможно. Один, высокий и плечистый, шел чуть вразвалку. Второй — маленький, легкий, почти скользил, стелился над поверхностью земли.

Улица была совершенно пуста. Вокруг заброшенные дома, откуда здесь могут взяться случайные прохожие? И на празднующихся эти двое никак не походили — слишком деловиты, собраны...

Я стоял столбом. В фигурах чувствовалась неприкрытая угроза, и я не сомневался, что люди приближаются ко мне, причем с самыми недобрыми намерениями. Что я могу им противопоставить? Драться-то я умею, но что можно сделать против двух опытных противников? А в опытности их сомневаться не приходилось, достаточно увидеть, как они двигаются.

Незнакомцы приостановились. Так хищники приседают в последний миг перед броском. Я продолжал стоять, ноги сделались ватными. Силы и выдержка изменили мне после всего пережитого, я сейчас не мог ни бежать, ни драться...

— Одну минуту, господа! — послышался знакомый спокойный голос от двери, через которую совсем недавно я покинул особняк.

От крыльца к мостовой вел недлинный проход, окруженный с обеих сторон запущенным газоном с окаменевшей землей. Специальный агент Серый, а это был именно он, шел вальяжной неспешной походкой прямо по газону, срезая путь. Крохотный котелок удерживался на голове вопреки всем законам физики.

Незнакомцы не испугались, не бросились наутек. Длинный подобрался, как перед прыжком, хотя до агента было слишком далеко, а маленький выхватил нож. Растопырив руки, он сделал аккуратный скользящий шаг навстречу противнику. Отдавать свою жертву, то есть меня, без боя они не собирались. Почему-то я был уверен, что длинный тоже вооружен, но появление специального агента придало мне сил. Я шарил глазами по земле в поисках хоть чего-нибудь, что можно использовать как оружие.

Серый остановился, не доходя до нашей группы несколько шагов. Одним быстрым движением он выхватил из недр своего широкого бесформенного сюртука чудовищных размеров револьвер. Он сильно отличался от того, что я видел у Евы, пуля к такому оружию была, наверное, не меньше крупной вишни.

Агент неторопливо переступил, выставя правую ногу вперед, поднял руку с револьвером и изготовился к стрельбе. Маленький разбойник продолжал двигаться навстречу, на лице его мелькнуло искреннее недоумение. От такого нелепого, даже комичного персонажа, каким казался специальный агент, разбойники не ожидали столь решительных действий. Кажется, они не верили, что незнакомец может выстрелить.

Серый не произнес больше ни слова. Он не угрожал злоумышленникам и не предупреждал об ответственности. И не требовал сдаться. От грохота выстрела заложило уши.

Пуля угодила маленькому в грудь. Будто удар бревном швырнул легкое тело на мостовую. Разбойника вынесло прямо под ноги длинного, и труп кувырком прокатился мимо. Длинный ошарашенно проводил полет мертвого товарища взглядом, не в силах пошевелиться или вымолвить хоть слово. Потом поднял голову и завороченно уставился на

агента...

А Серый тем временем перевел свое грозное оружие на него. Длинный встрепенулся, крутнулся на месте и бросился бежать. Он успел сделать несколько шагов, когда грохнул второй выстрел. Пуля ударила человека в спину, сбила с ног и протащила по мостовой.

Всё закончилось в считанные секунды, оба разбойника, растеряв широкополые шляпы, недвижимо лежали на земле.

— Вас совершенно нельзя оставлять без присмотра, Мартин. — Специальный агент подходил ко мне неспешным шагом, пряча свой громобой в закутки просторного сюртука. — Вы буквально притягиваете к себе всяких темных личностей. Вот эти, например, — шелупонь, любители уличных драк, пасующие при виде серьезного оружия, но для безоружного человека, да стаей, могут быть очень опасны.

Серый был совершенно спокоен, как будто не пристрелил только что двоих, а отогнал назойливых мух. Он встал передо мною, я с трудом перевел дыхание:

— Господи, специальный агент! Откуда вы здесь взялись?

— Стачки сообщил мне о вашей предстоящей встрече. Я на всякий случай пришел чуть раньше вас.

— Стачки мертв, лежит наверху, — я кивнул в сторону окон второго этажа.

— Знаю, — посмурнел лицом Серый. — Я прятался на первом этаже, потом крался следом и заглянул в студию сразу после вас. Стефан снял эту берлогу пару месяцев назад, раньше он квартировал в другом районе. К сожалению, я не видел, кто был его гостем, всё произошло еще до моего прихода...

— Прятались?! Крались?! Сдается мне, господин Серый, что вас крайне интересовало, кто и каким образом встретит меня на улице. Вы использовали меня как живца! — я был близок к истерике.

— Прекратите, оператор! — жестко одернул меня агент. — Не в бирюльки играем. Да, я должен понять, кто вами интересуется. Тем более что теперь это вплотную связано с убийством. Ничего страшного к тому же с вашей персоной не произошло...

— Ну да, если не считать двух трупов. И что, помогло вам всё это? Вы теперь знаете, кто на меня охотится?

— Увы, нет. Эти двое — мелкие сошки, скорее всего их наняли за небольшие деньги. Я уверен, они не смогли бы даже внятно описать личность нанимателя. Руки еще марасть... — Агент зло сплюнул.

— Уходим отсюда, — сказал я. — Думаю, надо идти по направлению к набережной.

Улица давила, какие-то тревожные флюиды продолжали витать в неподвижном воздухе.

— Вы совершенно правы. Там есть полицейский пункт, недавно оснащенный дальнозвукком...

Не закончив фразы, агент сгреб меня рукой, притянул и тут же резко навалился на плечи всем своим немалым весом. Одновременно он резко присел, как бы укоротив ноги одним движением.

Я не успел ни удивиться, ни воспротивиться, как с другой стороны улицы, из кустов засверкали вспышки и загрохотали выстрелы — один, второй, третий! Над головой опасно засвистело. Восхититься чутьем и проворством Серого я тоже не успевал — мы были на открытом пространстве. В десятке метров от нас, выступая из-за дома изогнутым языком, начинались заросли кустарника, но туда надо было еще добраться!

Тайник выхватил револьвер, трижды выстрелил навскидку в сторону засады и,

прихватив меня за шкуру, рванул в сторону зарослей. Ноги, компенсируя приданое ускорение, заработали с немыслимой скоростью. Вслед нам противник открыл шквальный огонь: пули свистели, казалось, над самой макушкой, с тупым звуком вбивались в грунт, взбивая фонтанчики пыли, срезали ветки кустов, к которым мы отчаянно рвались.

Последний метр до укрытия я преодолел в прыжке и живым снарядом протаранил зеленую стену. Ветки больно хлестнули по лицу и рукам, я еле успел защитить глаза. Сзади взбесившимся бегемотом проламывал заросли Серый. Насаждения имели вид неширокой полосы, за которой образовался довольно просторный проход. Мы бросились по нему вправо...

Агент оказался впереди. Я не возражал — бежать, ориентируясь в сумерках на его широкую спину, стало легче. Это был настоящий коридор в густом кустарнике, с поворотами то вправо, то влево, как лабиринт, и мы следовали ему, не представляя, куда этот путь выводит.

Заросли кончились разом, и мы выскочили на поляну. Сюда открывались еще два или три подобных прохода-коридора. Из одного навстречу вылетел худой тип в кожаной жилетке, бандане и с револьвером в руке. Он успел вскинуть оружие первым. Специальный агент прикрывал меня своим мощным телом, но сам представлял собой отличную мишень. Мы продолжали сближаться, замедляя бег.

— Падай! — крикнул мне партнер, и я послушно рухнул на землю, продолжая наблюдать за происходящим. Руки Серого были опущены вдоль тела. Он начал пританцовывать на месте с удивительной для его комплекции легкостью. Постоянно менял положение корпуса, двигая плечами, подергиваясь неожиданно то в одну сторону, то в другую.

Худой выцеливал агента, поводя стволом. Вот рот его искривился в хищном оскале, похожем на судорогу, и он нажал на спуск. Но за долю секунды до этого Серый дернулся, неуловимо коротким движением повернулся боком к стрелку и уклонился от пули. Та просвистела точно там, где только что находилась мишень.

Я слышал об этом приеме, называемом «качать маятник», но видел его впервые. Моих отрывочных знаний по огневой подготовке хватило, чтобы понять — проделывать такое может только очень подготовленный человек...

Худой нервно рассмеялся и принялся целиться вновь. Агент продолжал свой странный танец, я с удивлением заметил, что в то же самое время он незаметно сокращал расстояние до разбойника. Второй выстрел! — и всё повторилось! Неуловимый уклон в сторону в самый последний миг, и пуля просвистела мимо.

Нервы худого сдали, он начал палить подряд раз за разом, а тайник глубокими нырками, раскачивая корпус, уходил от пуль, неминуемо сближаясь с противником. После шестого выстрела курок глухо щелкнул, и Серый, сорвав дистанцию, вырос перед стрелком. Могучий кулак с зажатым громобоем описал широкую дугу и со всего маху врезался худому в висок. Злоумышленник рухнул, не издав ни звука.

В тот же миг откуда-то сбоку вынырнул еще один, небольшого роста и юркий. В его вытянутой руке был зажат длинный нож, нацеленный напарнику в спину. Рывком поднявшись с земли, я бросился ему наперерез и еле успел отбить оружие. Юркий крутанулся на месте, ловко переступил. Нож играл в его руках как живой, перелетал из руки в руку, боец постоянно менял хват с переднего на задний и обратно.

Потом он кинулся на меня, показывая прямой удар в лицо, но в последний миг

неуловимым движением изменил траекторию, и клинок сверкнул уже где-то сбоку и снизу. Я откачнул корпус и носком правой ноги хлестко рубанул противника под коленную чашечку опорной ноги. Слитное движение бойца немедленно сломалось — он присел, вскрикнув, вооруженная рука на миг зависла на отлете.

Не теряя времени, я прихватил кисть с ножом и надавил в сторону локтя. Созданный рычаг позволял мне теперь вести его тело в любом направлении, и я отправил противника по кругу, чуть приседая и нагружая движение массой своего тела. Юркий начал отчаянно перебирать ногами, пытаясь удержать равновесие — он шагал спиной вперед, и ему стало совершенно не до ножа.

Прихватив клинок, я вывернул оружие через большой палец. Потом, резко поменяв направление излома, рванул противника к себе, навстречу его же клинку. Удар получился таким сильным, что клинок вошел в щуплую грудь по самую рукоять. Разбойник вскрикнул, неожиданно тонко и жалобно, но тут же в груди у него заклокотало, на губах появились розовые пузыри. Я выдернул нож из раны и оттолкнул обмякшее тело.

Специальный агент стоял, тяжело дыша, поводя стволом револьвера вокруг себя, и косил налитым глазом в нашу сторону.

— Для кабинетного работника очень даже неплохо, оператор, — прохрипел он.

— Ну, до вас, специальный агент, мне далеко, — преодолевая одышку, просипел я. — Но спину вам прикрою. Мы ж теперь в одной лодке!..

— Да уж, — крикнул Серый, но прозвучало это скорее одобрительно. — Однако пора в путь...

Перед нами располагались два прохода в стене кустов, в обоих могли поджидать злоумышленники, но надо было на что-то решаться. Вдруг слева от нас наметилось какое-то движение, послышались сдавленные выкрики, и мы тут же бросились в правый. Снова стремительный бег, мелькание веток перед глазами, повороты. Откуда в этих зарослях самые настоящие лабиринты?

Сзади слышался топот преследователей...

Неожиданно заросли закончились. Мы очутились около строения, соседствующего с особняком Стефана, такого же темного и заброшенного. Всё это время мы петляли вокруг двух домов! Уже порядочно стемнело, но как раз здесь горел один из немногих фонарей, и мы оказались в желтом круге света.

Серый сразу же повлек меня в тень, он рассчитал правильно. Выскочившие вслед за нами двое преследователей на свету ослепли и замешкались. Этого оказалось достаточно, чтоб агент метким выстрелом свалил одного, но тут патроны в револьвере закончились. Перезарядить оружие во время бегства было совершенно некогда.

Второй вскидывал тем временем обрез дробовика устрашающего калибра, но я оказался проворнее. Нож оставался в моей руке, и я метнул его что было сил! Как учил когда-то дядюшка Марло, непревзойденный специалист по этой части. Клинок рассек противнику гортань, сосуды и застрял в шейном позвонке. Ноги злоумышленника подкосились, и тело рухнуло навзничь.

Мы стояли, обратившись в слух, но вокруг царил полная тишина. Не слышно было треска веток, не топали шаги в проходах, не лязгало оружие. Серый перезарядил свой громобой, сыпя под ноги гильзы размером с палец. Потом, со словами: «Идите сюда», он потащил меня к мертвецам.

Оба были в кожаных жилетках и черных банданах с рисунком, напоминающим

стилизованные человеческие кости. Стволom револьвера агент сдвинул отворот рубахи на убиенном разбойнике и показал татуировку на его груди — «2012».

— Видите? Готов побиться об заклад, у остальных можно найти такие же тату. Первая двойка уличных босяков была пробным шаром, в засаде же сидели люди более опытные. Увидев, что первоначальный план — а я думаю, что вас собирались спеленать и препроводить в какое-либо потайное место, — не удался, приступили ко второму, резервному варианту. И он, судя по всему, допускал физическое уничтожение вас, оператор, коль скоро захват окажется невозможным.

Я не мог не согласиться с логикой агента. Если к делу подключились парни из «2012», это еще более усугубляло ситуацию. Хотя я уже почти свыкся с постоянным пристальным интересом к своей персоне. Интересом очень недоброжелательным.

— Похоже, на сегодня приключения закончены... Или еще нет? — Серый посмотрел на меня, и я не понял, чего было больше в его взгляде — иронии или надежды. — В любом случае, надо отсюда выбираться...

— Будем надеяться. — Я постарался улыбнуться как можно бодрее. — Но сейчас я полагаюсь на вас, специальный агент. Ведите.

— Дай, господи, нам сил... — откликнулся гигант.

* * *

Мы пошли в сторону набережной, огни которой были хорошо видны в сгустившемся мраке. Поплутав какое-то время по темным и безлюдным тупикам и переулкам, мы наконец сумели выйти на ярко освещенное пространство, заполненное нарядными людьми. Парами и группами они прохаживались по набережной, пили газировку, ели мороженое, оживленно беседовали, смеялись и шутили. Здесь не было месту страху, стрельбе, погоням и кровавым расправам, и мы с агентом словно попали в другой мир, иное измерение.

Наша пара продвигалась сквозь праздничную толпу, словно ледокол и ведомое судно через поле ледяных торосов. Будто возвращались в тихую гавань из длительного плавания, пережив бури, шторма, нападение пиратов и еще бог весть какие жуткие приключения.

Сюртук Серого был изодран в клочья, яркий шейный платок сбился набок, но смешной котелок незыблемо держался на кудлатой, гордо поднятой голове, а бакенбарды воинственно топорщились в разные стороны. Я двигался в кильватере его грузной фигуры и выглядел не менее потрепанным. Да еще во время бега по кустам успел расцарапать себе лицо и руки. По счастью, на нас мало обращали внимания. Толпа жила своей жизнью, лишь иногда я ловил на себе чей-то удивленный взгляд.

Другое дело — постовой: пузатенький коротышка в выглаженном синем мундире, с вислыми усами и значительным лицом человека, всю жизнь посвятившего службе. Он-то сразу приметил двух странных субъектов самой непрезентабельной наружности, слоняющихся среди чистой публики. С решительным видом полицейский двинулся к нам.

Специальный агент перехватил его, не дав произнести грозное «Документики!», сунул под нос удостоверение и повел в сторону парапета. Выражение лица служивого из подозрительного быстро превращалось в почтительное. Серый втолковывал, что нам нужно, тот понимающе кивал, и я подумал было, что сейчас всё наконец устроится, когда что-то в толпе привлекло мое внимание. Мелькнуло, зацепило взгляд и тут же исчезло. Пока тайник и полицейский договаривались, я шарил глазами, пытаюсь найти в суете праздных людей

причину своей тревоги. И увидел...

Знакомая бандана вынырнула из-за голов и плеч и тут же скрылась, потом еще раз, уже ближе. Человек двигался к нам в потоке праздной публики. Я стоял за спиной агента, тот продолжал беседовать с постовым. Вокруг нас образовалось пустое пространство: слева в двух шагах находился каменный парапет, справа, в нескольких метрах, — живой людской поток.

Я потянулся к плечу Серого, желая привлечь его внимание, и в тот же миг человек в бандане сделал резкое движение. В нашу сторону полетел, вращаясь и оставляя в воздухе дымный след, блестящий предмет.

Он приземлился в нескольких метрах, подпрыгнул от удара об землю раз и другой и подкатился прямо к постовому. У него под ногами лежала самодельная бомба — продолговатый цилиндр, многократно обмотанный клейкой лентой, с дымящимся запалом, вставленным с одной стороны.

Я остолбенел, не в силах вымолвить ни слова, но полицейский с неожиданной для его фигуры резвостью наклонился и подхватил бомбу. Он начал поворачиваться в сторону реки, намереваясь, как видно, бросить страшный снаряд за толстый каменный парапет, в воду...

Секунды растянулись на часы. Я видел, как постовой отводит руку с дымящейся бомбой... Широко размахивается, вот сейчас бросит... Как Серый с искаженным лицом выхватывает из-под изорванного сюртука свой чудовищный револьвер и вскидывает руку...

Яркая вспышка ослепила, не спас даже свет фонарей. Тугой хлопок больно ударил по барабанным перепонкам, и тут же стена плотного горячего воздуха сбила с ног, подбросила и со всего маху приложила о брусчатку набережной. Пыль и едкий дым затянули всё вокруг...

Какое-то время я проваливался на камнях, не в силах понять, где нахожусь и что со мной произошло. Потом ветерок с реки отнес дым в сторону, и я увидел: от бедняги постового осталось обожженное тело без правой руки и со страшной черной маской вместо лица. Синий мундир, еще недавно отутюженный, такой парадный и праздничный, превратился в дымящиеся лохмотья.

Судя по всему, бомба взорвалась либо в руке служивого, либо только-только покинув ладонь. Но его плотное тело стало своеобразной преградой на пути взрывной волны, и специальному агенту досталось уже меньше — он слабо шевелился на земле, загребая руками. Грузное его тело, в свою очередь, прикрыло меня...

На набережной началась паника: сквозь звон в ушах я слышал женский визг, топот ног и перестук каблуков. Кто-то хрипло ругался, кто-то зывал о помощи. Люди бестолково метались по аллее, лишь некоторые сообразили броситься наутек. Мостовая была усеяна оброненными во время бегства зонтиками, сумочками, еще какой-то мелочью.

И в совершенном одиночестве, посреди всего этого сумасшествия стоял убийца в ненавистой бандане и традиционной кожаной жилетке. Он не бежал и не прятался, бандит считал, что мы с агентом, оглушенные взрывом, легкая добыча, и намеревался довести начатое до конца. И возился с кресалом, намереваясь поджечь фитиль второй бомбы, зажатой в руке.

В какой-то миг я подумал, что всё кончено. Сейчас бандит метнет вторую бомбу, и нас ничто не спасет, но Серый, издав натужный, сдавленный стон, из последних сил выбросил руку, и в мою сторону — гремя и позвякивая о тротуар — заскользил некий предмет...

Громобой агента! Серый передавал мне свое оружие!..

Я потянулся, зацепил указательным пальцем за предохранительную скобу и потащил револьвер к себе. Он оказался еще тяжелее, чем производил впечатление снаружи, — настоящая пушка, достойная своего хозяина.

Уперев рукоять в землю и молясь, чтобы револьвер не был на предохранителе — искать его на незнакомом оружии времени уже не оставалось! — я начал выцеливать бомбиста. Тот справился с огнем, дымно занялся фитиль. Противник уже разворачивался для броска. Ствол револьвера подрагивал, я пытался ухватить рукоять покрепче, но та скользила в потной ладони. Тело мое окаменело, глаза заливал едкий пот, но медлить больше было нельзя! Я нажал на спуск, крепко при этом зажмурившись...

Отдачей мне чуть не оторвало руку, звук выстрела оглушил, но глаза распахнулись. Я видел, как бомбист, уже готовый к броску, вдруг крутанулся на месте, как будто ужаленный в бок. Рука со смертоносным снарядом, предназначенным для нас с агентом, неловко подогнулась внутрь, к животу. И в тот же миг мелькнула яркая вспышка, и взрыв вторично прогремел над набережной. Фигура бандита разлетелась бесформенными клочьями, а мне в лицо во второй раз за сегодняшний день ударила горячая волна, воняющая гарью и пироксилином. Глаза запорошило пылью...

— Где это вы научились так стрелять? — хрипло проговорил Серый. — Из моего револьвера далеко не каждый смог бы произвести прицельный выстрел.

— Я со страху, агент. И не просите повторить этот фокус снова, — пролаял я, сплевывая коричневую от пыли слюну. Песок противно скрипел на зубах.

— С вами небезопасно гулять по вечерам, — молвил специальный агент. — Но и оставлять без присмотра тоже нельзя. Так, чего доброго, по вашей милости весь город взлетит на воздух.

Над пристанью повисла необычная тишина, еще более явственная после грохота взрывов. За парашютом с мерным шумом катила свои воды неутомимая Капалла.

— Спасибо, Серый — тихо и серьезно ответил я. — Сегодня, если бы не вы...

— Да бросьте, Мартин. Одно дело делаем.

Глава 2

Глава 2

Стояло чудесное солнечное утро, легкий ветерок играл листвой деревьев, солнце отражалось в хрустальных струях фонтанов улицы Первой Встречи, по которой мы с Евой катили в авто. Не в том, что приняло участие в знаменательной погоне по проселкам Предместья за Вороном. Тот автомобиль, по словам Евы, нуждался в основательном ремонте, и ездить на нем можно будет нескоро. От управления Тайной полиции госпоже эксперту выделили другой.

Откровенно говоря, я чувствовал себя немногим лучше того несчастного самобеглого механизма.

Вчера после взрывов всю набережную оцепили полицейские вооруженные всадники, прибывали открытые экипажи с оперативниками и закрытые кареты с гербами на дверцах. Началось столпотворение, сравнимое с гуляньями, которые были здесь всего десять минут назад, но вместо фланирующей праздной толпы теперь всюду сновали сумрачные деловитые люди в серых сюртуках.

Впрочем, мне и Серому не пришлось наблюдать работу сыщиков и криминалистов. Нас

сразу же погрузили в медицинскую карету, врач осмотрел первым специального агента и нашел у него тяжелую контузию. Потом меня — я отделался ушибами и царапинами.

Серого намеревались отправить в госпиталь Святой Барбары, ему предстояло провести там несколько дней в строгом постельном режиме. Но еще до отправки он пошептался с подтянутым невысоким господином с суровым непреклонным лицом. Господин внимательно выслушал агента и потом коротко и властно бросил несколько фраз врачу, после чего оказалось, что меня тоже везут на обработку ран.

В госпитале меня действительно отмыли и обработали. Ночь я провел в отдельной палате, под заботливым наблюдением сестры милосердия, но, когда открывалась дверь, я видел толпившихся в коридоре вооруженных гвардейцев в серебристых мундирах и тайников в серых костюмах.

Ушибы и ссадины не слишком меня беспокоили, зато одолевали мысли. Стефана больше нет, Серый выбыл из игры на неопределенное время. Рассчитывать придется только на себя, а в союзниках осталась только Ева Мария. Разбрасывать широкие сети поиска, копаться и дальше в среде коллекционеров и перекупщиков не остается времени, необходимо верное решение. И действие — точное и эффективное. Однако разгадка была где-то близко, это я чувствовал. Нужно срочно забрать Дагга-Оззи, кинжал, что в паре с заветным мечом...

Тут сестра поднесла мне склянку с лекарством, и я погрузился в глубокий, без сновидений сон.

Утром за мной приехала Ева, и это было чертовски приятно. Мне казалось, я не виделся с ней целую вечность. Девушка вбежала в палату, она была взволнована, и мне оставалось лишь догадываться, каких усилий ей стоило не показывать этого при посторонних. Тревога сквозила во взгляде, чувствовалась в подрагивании руки и прерывистом дыхании. Она присела на заправленную кровать (ко времени ее прихода я успел не только подняться, но и побриться, и выпить чая), взяла меня за руку и заглянула в глаза.

— С вами ничего не должно случиться, Мартин, — произнесла она дрогнувшим голосом. — Хватит Стефана. Какой ужас! Поверить не могу, что не увижу его больше...

— Вы с ним работали?

— Более того, я считала его своим другом. Это был единственный человек, кто дал положительный отзыв по делу отца. Он говорил вам об этом?

Я кивнул, и девушка продолжила:

— Тем лучше. Отец рассказывал, как операторов привлекли к анализу провальной операции в Горском крае. Стачки один стал на защиту Сантьяго и оценил перспективу комбинации как положительную. Еще один оператор попросту отказался делать анализ, остальные написали то, что им было приказано. А ведь именно отец основал Агентство, выносил эту идею и воплотил ее в жизнь. Они уничтожили его, применив его же собственное оружие...

— Тот, что отказался, его звали Ворон?

— Я не знаю. — Ева тряхнула волосами, сегодня свободно ниспадающими на плечи. — Ни отец, ни Стефан не делились подробностями. Я очень хорошо относилась к Стачки... Мы встречались иногда, с ним можно было поделиться сомнениями, посоветоваться. Он помогал мне...

— Стефан и мне рекомендовал вас, Ева Мария, как надежного напарника.

— Только напарника? — улыбнулась Ева. — Хотя, конечно, что еще мог сказать

Стефан...

В ее голосе мне послышалась горечь. Или сожаление... Но перед внутренним взором вновь встало видение: я гребу и гребу снег здоровенной метлой, в дурацком треухе и странных войлочных сапогах.

Еще недавно я бы, наверное, пришел в смятение. Я терзался бы сомнениями и без счета решал бы одни и те же теоремы: кем я считаю Еву, кем вижу себя по отношению к ней и как тоскливо мести нескончаемый снег, падающий с неба в безлюдном чужом переулке.

Но прошлая ночь не прошла даром, как и все предшествующие события. Я рассказал Еве о дворнике, но закончил тем, что иногда такая метла может расчистить путь к новой, счастливой жизни.

— Глупенький мальчик, — сказала Ева и нежно погладила меня по волосам. — Разве в отношениях с женщиной можно полагаться на сверхчувственное восприятие, логику или рассудок? Можно верить только своим чувствам и своему сердцу...

Я наклонился к ней, вдохнул аромат терпких духов, утонул в дивных глазах и приник к губам. Ответом мне был страстный поцелуй.

И тут за дверью послышались шаги. Мы отпрянули друг от друга. Появившийся вестовой доложил, что госпожу эксперта хочет видеть начальник Тайной полиции, прибывший только что. Ева встала, но прежде, чем она покинула палату, я рассказал о найденном вчера кинжале и своих соображениях.

— Положись на меня, — она слегка сжала мою руку, — мы еще всё обсудим.

Стефан Стачки был прав — девушка действительно многого добилась в столице. Начальник тайников приезжает в госпиталь собственной персоной для встречи с экспертом АСА, пусть даже и региональным! Такое встречается нечасто. Впрочем, меня не вызывали, и я был этому рад — чем дальше от высокого начальства, тем лучше.

Отсутствие Евы не продлилось долго, но результат превзошел мои ожидания. Уже через двадцать минут мы имели в своем распоряжении авто, ярко-красный кабриолет, такой же, как пострадавший в гонке за Вороном. Но еще сверх того очень серьезный документ: «Подателю сего... оказывать всяческую поддержку и всемерное содействие... имеет право на изъятие материальных ценностей и документов, представляющих интерес для расследования дела государственной важности... в кратковременное либо долгосрочное пользование... в целях защиты безопасности Республики...» Подпись начальника департамента Тайной полиции и первого секретаря Президента Республики. Печати. Ничего более солидного я не только не держал ранее в руках, но даже не видел издали.

Мы заехали ко мне, и я переоделся. Потом добрались до особняка АСА и увиделись с господином Аусбиндером — нехорошо действовать через голову непосредственного руководителя. Я доложил по всей форме, и мы с Евой получили начальственное одобрение.

Говорю «мы», потому что Ева Мария заявила мне, что несет теперь за меня персональную ответственность, одобренную якобы в самых высоких сферах управления государством, и никуда меня одного теперь не отпустит. Я не возражал, господин директор тоже.

За нашим авто неотступно следовал черный крытый лимузин, набитый вооруженными тайниками, и в плане безопасности — в первую очередь не своей, а девушки — я мог чувствовать себя относительно спокойно.

Сейчас мы ехали по улице Первой Встречи по направлению к магазинчику «Для него».

и я представлял себе, какой неприятный сюрприз ожидает мсье Ришака. Вместо обещанных звонких монет ему придется познакомиться с моими новыми полномочиями.

Так всё и получилось. Мсье владелец встретил нас широчайшей и сладчайшей из своих улыбок, только что не кинулся обниматься, а Еве наговорил кучу комплиментов. Пригласил испить чаю и после вежливого отказа уже начал потирать руки в предвкушении денег, но завершение сделки оказалось совершенно не таким, как ему представлялось.

Увидев казенную бумагу, наш торговец спал с лица, улыбка его стала более похожей на гримасу человека, хлебнувшего по ошибке уксуса вместо тонкого выдержанного вина. Но перечить не посмел — в документе всё прописано очень четко: «имеет право на изъятие материальных ценностей...» Так-то, братец, надо было соглашаться, когда предлагали тебе реальную цену!

Я взял в руки Дагга-Оззи — радостное волнение, предвосхищение чего-то светлого, что ждет впереди и непременно должно вот-вот случиться, вновь охватили меня. Колдовской клинок! Больше меня не интересовали переживания Ришака. Я был ему благодарен за рассказ о Дагомире, еще более того — за кинжал, но впереди меня ожидала важная и интересная работа, и стало не до торговца.

Я попросил Еву ехать обратно в отдел. Сопровождаемые охраной, мы возвратились в особняк. Тайники остались у входа. В приемной и холле было непривычно тихо, ни одного клиента, зато в коридорах стояли вооруженные гвардейцы. Стояли и сидели, по одному и по двое, опираясь на магазинные винтовки и положив на колени тяжелые армейские палаши.

Господин Аусбиндер встретил нас у входа и пояснил, что в течение нескольких дней прием клиентов приостановлен в связи с чрезвычайными обстоятельствами. Я не слишком внимательно слушал директора, по мере приближения к Мастерской мною овладевало нетерпение. Видно, всё как-то сложилось — смерть Стефана, бой в кустах, ранение Серого, ночь в госпитале и поцелуй Евы, — но сейчас я точно знал, что делать дальше.

Прижав к груди кинжал и недослушав пространные объяснения, я кинулся в закуток Столба, проскочил его, даже не поздоровавшись, и устремился вниз. За мной следовала Ева, я позволил ей зайти и сесть в свое кресло, но дальше, в Мастерскую, не пустил. Ничто не должно отвлекать меня сейчас, и девушка осталась сидеть в пустой комнате, грустно глядя, как я закрываю за собой двери. Потом, всё потом...

Я зажег свечи, всю дюжину.

Я скинул костюм и надел мягкие бриджи. Голые ступни утонули в ворсе ковра.

Я установил метроном и взял в руки Дагга-Оззи. «Помоги мне найти своего брата!» — заклинал я мысленно.

Неверный свет свечей, трепетные тени по углам, удобная рукоятка кинжала в руке. Чувство радости и взволнованного ожидания притупляется, на смену приходит сосредоточенность. Теперь необходимо расслабиться и отбросить все мысли — о важности миссии, о потерях и находках, об ослепительной перспективе выигрыша и катастрофичности проигрыша.

Выравниваю дыхание, расслабляю руки, освобождаю тело... В груди зарождается в такт ударам метронома робкая мелодия, пока еле слышная... Еще вдох-выдох, теплая волна разливается по телу от затылка до пяток... Раз, два, три, и...

Руки сами распахиваются, как будто я хочу обнять сейчас весь мир! Тело рвется ввысь, вытягивается струной, хочет взлететь! Горло исторгает хриплый вопль восторга и ликования...

Статный человек на коне. Вислые усы, глубокий шрам через всё лицо, серьга в ухе. На голове черная папаха с белым верхом. Он смеется и что-то говорит беззвучно, только губы шевелятся. За ним ватага людей, вооруженных пиками, саблями, старинными пистолетами. Передний ряд я могу разглядеть, остальные сливаются в сплошное людское море — воздетые руки, неразличимые улыбающиеся лица, кто-то подбрасывает шапку. Все они смеются, приветственно размахивают оружием.

Я нигде не встречал описаний внешности Дагомира, но сейчас точно знал, что это он. Человек, в имени которого заключено понятие «счастливый мир» и который мечтал построить этот мир если не для всех, то хотя бы для своих товарищей.

Видение стоит перед глазами еще какое-то время и вдруг сменяется. Те же люди, что стояли в первом ряду со своим предводителем, но теперь в степи спина к спине. Изорванные одежды, непокрытые головы, отчаянная решимость на лицах и окровавленные сабли в руках.

А вокруг кружат на лошадях драгуны. Их много, первый десяток подъезжает почти вплотную и дает залп из карабинов. Беззвучные вспышки выстрелов, султаны дыма, и ватажники валятся один за другим. Дагомир что-то кричит, распылив рот.

Строй рассыпается, всадники разъезжаются, но на их место выступает стройная шеренга новой десятки. И всё повторяется — вспышки выстрелов, дым застилает конников, на телах окруженных разбойников вспухают и лопаются алые пузыри. Валятся убитые. Падает Дагомир.

На мгновение мелькает лицо командира драгун — суровое, брови сходятся на переносице под козырьком фуражки с кокардой, но в глазах нет ни ненависти, ни презрения. Может даже, нечто похожее на уважение. Чем-то лицо командира кажется мне неуловимо знакомым, но видение исчезает, и я вновь оказываюсь в зале...

Осторожно переступаю ногами по ковру, почему-то зная наверняка — сегодня никаких танцевальных па, прыжков и подскоков делать нельзя. Медленно кружусь по залу, за ногами не слежу, всё внимание кинжалу. Руки сами, без участия воли, играют в некую затейливую игру: расходятся, сходятся, переплетаются. Кинжал переходит из руки в руку, хват постоянно меняется с переднего на задний и обратно, клинок описывает затейливые петли, дуги, спирали...

Стоит только моргнуть, и появляется новая картинка. Спешившиеся драгуны собирают оружие: сабли, палаши, ножи и стилеты. Всё укладывают на повозку. В отдалении видны тела, выложенные в ряд и прикрытые дерюгами. На миг мелькает лицо командира кавалеристов: сумрачное, озабоченное. И тут же исчезает.

И снова повозка с наваленным окровавленным оружием. Тело Дагомира, сабельный удар через всё лицо, и теперь там одна сплошная рана, но видна знакомая серьга в ухе, а на голове двухцветная папаха. Спина в зеленом мундире заслоняет убитого атамана, кавалерист тянется к отброшенной в сторону руке трупа, чтобы забрать зажатый клинок. Сейчас я увижу Дагг-Ош!

И в тот же миг черная тень заслоняет картину. Тень в форме птичьего крыла! И здесь ты успел, Ворон!

Но теперь всё не так, как прежде. Он уже не нападает, не атакует, не целит в меня острым своим оружием. Не дает разглядеть картинку, но это лишь тень силы бывшего Ворона.

Значит, я на правильном пути, нужно продолжать!.. Драгун забирает оружие из охладевших рук и исчезает из поля зрения. Опять повозка, клинки навалом, где здесь чей — теперь уже не разберешь...

Танцую медленно и плавно по залу. Кинжал в руках продолжает выписывать затейливые пируэты, а я топчу ковер, стараюсь тверже ставить стопу, будто троплю дорожку к заветной цели. Знаю — сейчас надо именно так. Спросите почему? — не отвечу, просто знаю, и всё. Уже не только Дагга-Оззи, само поле ведет меня, беззвучно подсказывает правильные ходы. Я сроднился с клинком, вошел в информацию с головой, я слился с ними — проводником и тропой! Теперь только вперед!..

Комната казенного вида, и в ней такой же казенный человек: в круглых очках, сером сюртуке, с желтым недовольным лицом. На широкий стол перед ним руки в зеленой кавалерийской форме вываливают трофейное оружие: клинки беззвучно сыплются из мешка, скользят друг по другу, падают на пол.

Человек что-то гневно выговаривает невидимому собеседнику, размахивает руками, мол: «Забирайте весь этот хлам к чертовой матери и проваливайте!» Потом сокрушенно качает головой и обреченно машет рукой...

А следом в поле зрения появляется витрина, стандартный музейный застекленный шкаф с помещенным туда клинком, но даже форму его я рассмотреть не успеваю, потому что вновь вмешивается злосчастное крыло. Вот как, Ворон?! Ты заслоняешь от меня Дагг-Ош. Мешаешь из последних сил, пакостишь по-мелкому... Я различаю только смутный силуэт, и видение сменяется.

Пожар, пламя, языки огня! Мечущиеся люди, остроконечные пожарные ведра с выплескивающейся водой, багры, топоры... Горят картины в золоченых рамах, сияющий кубок темнеет на глазах... Пожарный в каске неловко и размашисто орудует багром, цепляет прекрасную статую — женщины в венке из роз, — та падает и беззвучно разлетается на сотни осколков. Пожарный не обращает на это внимания, продолжает тушить...

Внутренний двор, обгорелые экспонаты свалены кучами на землю, между ними суетливо бегают люди. Появляется знакомый желтолицый служитель, растерянно разводит руками, выговаривает что-то невидимому собеседнику. Всё это время я не слышу ни звука, но краски яркие, предметы — объемны, игра теней, движения, выражения лиц — всё это различимо.

Служитель показывает собеседнику на ближнюю кучу изуродованных вещей, нагибается и вытаскивает из навала удлинённый предмет. И опять я не могу его рассмотреть — налетает тень, делает изображение расплывчатым, неузнаваемым. А следом — мелькание искаженных картинок, каких-то обрывков, сумбур без смысла и порядка. Появляется давление в висках. Судьбу клинка до пожара я знал и раньше, а вот потом?..

Я понял, что таким образом дальше не продвинусь. У Ворона есть эффективный метод блокады моего восприятия, и я могу сейчас видеть всё что угодно, кроме Дагг-Ош. И его нынешнего места хранения. Так найти саблю не удастся, надо предпринять что-то иное, новое.

Я кинулся к двери, распахнул — в кресле испуганной птицей встрепелась Ева. В глазах вопрос и тревога.

Стачки рассказывал, что ты не чужда способностям сенса? В тот незабываемый вечер, проведенный в твоих апартаментах, ты говорила, что любишь танцевать? Пришло время поучаствовать в увлекательном путешествии по образному миру — миру информации и

энергетических каналов, ясновидения и разгадок самых страшных тайн...

Не теряя времени на объяснения, я подошел и схватил девушку за руку, выдернул из кресла и потащил в Мастерскую. Ева непонимающе пискнула, но не сопротивлялась. Мы ввалились в зал. Дверь я захлопнул, Ева ничего не видела со света в полутемном помещении.

На ней был надет форменный костюм эксперта. С рукава жакета паялся увеличенный лупой всевидящий глаз — я сорвал жакет. Она опять пискнула, теперь уже протестующе, но протесты сегодня не принимались. Юбка была узкой, ниже колен, с небольшим боковым вырезом, и стесняла движения...

Раздевать девушку полностью не входило в мои планы, поэтому я с силой рванул ткань там, где заканчивался вырез, и юбка разошлась по шву почти до пояса. Мелькнули розовые трусики, а глаза Евы расширились в полном недоумении. Но я и тут не снизошел до объяснений, а вместо этого, завершая действие, сдернул с ее ног туфельки.

Правой рукой я продолжал сжимать Дагга-Оззи, но левой крепко обнял госпожу эксперта за талию. Она положила мне руки на плечи, и мы начали танцевать. Это был странный танец: без музыки, под мерное щелканье метронома, под перестук сердец. Три четверти — ритм вальса, и мы закружились по залу в этом удивительном вальсе, под едва слышное потрескивание свечей и шелест нашего дыхания.

Ева прикрыла глаза, на щеках появился румянец. Она была потрясающей партнершей, чувствовала малейшее мое движение, даже желание движения, и позволяла вести себя: покорно и пластично, гибко и чутко. Это не был вальс в полном смысле слова, иногда я закручивал ее послушное тело волчком, иногда вдруг ронял себе на колено, как это делают в танго. Я шагал широко и уверенно, она двигалась вслед легко и скользяще — это было слияние не столько тел, сколько душ.

Жил на свете молодой талантливый оператор. Мечтал изменить мир, быть может, хотел сделать людей счастливее и богаче. Он говорил, что танец, любовь и бой — три грани единого процесса, некоего чудесного созидającego начала. Мы с Евой сейчас следовали его выводам и соединяли любовь с танцем ради боя. И бой придется давать именно ему, человеку, предавшему свое предназначение.

Я прикрыл глаза, всё земное отодвинулось в иную сферу бытия. Вдохнул дивный аромат девушки, сжал крепко ее талию, в другой руке — кинжал... Реальность отступила. Веером темного бархата раскрылось перед взором информационное поле, изумрудными нитями проступили энергетические каналы. Рубиновым светом пульсировал наш с Евой вектор.

Он виделся мне сейчас единой широкой полосой, двухцветной, с двумя оттенками красного: мой более насыщенный и жгучий, ее — с розовым отливом, нежный и трепетный. Линия судьбы, одна на двоих.

По краю поля зрения, напряженно и угрожающе, натянулась темно-багровая струна. Я догадывался, чей это вектор, но не собирался предпринимать что-либо. На этом поле, здесь и сейчас, я властвую безраздельно. Мне открыты любые информационные источники, я вижу всё, и только в моей воле, станет ли это доступным кому-то другому.

Пусть вибрирует в бессильной злобе вектор Ворона, ему не дано знать того, что открылось мне. Я не позволю ему видеть каналы так, как вижу их сам, заблокирую понимание происходящего. А всё важное я скрою легким, но совершенно непроницаемым крылом любви и нежности. Быть может, он увидит его как голубиное...

Мы с Евой остановились. Метроном еще щелкал, но размер нам был больше не нужен, танец завершился. Девушка открыла глаза, чуть встряхнула черной гривой волос: «Ма-а-

арти-и-ин...»

Я размахнулся и с силой метнул кинжал. Тот вонзился в столик для инструментов, и тут же метроном смолк. Я крепко обнял девушку, и она утонула в моих объятиях: «Ма-а-арти-и-ин...»

Мы стояли посреди задумчивой Мастерской, связанные незримой, но неразрывной нитью в этом огромном гулком мире. И вдруг я с предельной ясностью понял всё: где сабля, что она в себе несет и что дает оружейная пара человеку.

Во времена Дагомира не существовало сенсов, во всяком случае, специально обученных профессионалов. Тогда Дагг-Ош и Дагга-Оззи были лишь саблей и кинжалом — оружием хорошего качества, но не более. Ими можно было только рубиться, но теперь... При наличии определенных знаний и умений эти два предмета обретали совершенно иное содержание, и я невольно содрогнулся от предчувствия, какой силы оружие может попасть нам в руки...

Однако пару еще предстояло собрать.

Мы переоделись. Ева вновь натянула жакет, состояние юбки ее нисколько не волновало. Покинув Мастерскую, мы через толпу вооруженных гвардейцев и тайных агентов поднялись в приемную.

Я был уверен, что теперь охранять нас нет необходимости. Ворону стало невыгодно убивать меня, я стал теперь единственной ниточкой, связывающей его с Истинным Оружием. Так я назвал для себя Дагг-Ош, составляющий пару с Дагга-Оззи. Скорее, он попытается договориться, принудить отдать ему пару. Но это мы еще посмотрим...

На пути вырос господин директор, но я, направляясь к выходу, отодвинул его в сторону. Ева едва поспевала за мной, теперь мы не смогли бы друг без друга. Надо отдать должное господину Аусбиндеру: чутьем опытного управленца он уловил, что сейчас мне лучше не мешать, и не сказал ни слова.

Мы сели в авто, предоставленное тайниками.

— Куда? — спросила Ева.

— Домой... — ответил я.

* * *

— Домой? — не поверила она. — Я думала...

— ...Мы бросимся ловить злодея и через час приведем его в АСА?

— Ну, примерно так...

— Домой, пока домой, моя госпожа, — успокоил я эксперта, — а по пути заглянем в Музей древностей.

Ева понятливо кивнула, удивление на ее лице сменилось воодушевлением. Девушка верила в меня: после загадочного танца она чувствовала себя участницей погони и готова была преследовать маньяка со всем жаром. Кабриолет тронулся, вслед потянулся автомобиль, набитый вооруженными тайниками.

Добрались мы без приключений. Во время езды по улицам Капиталлы я успокоился, на смену горячечному нетерпению пришла холодная собранность.

Бессменная, так похожая на «синий чулок» Грета Макензи приветливо встретила нас у входа:

— Я рада вас видеть, Мартин. Сегодня вы будете изучать бумаги вместе с госпожой экспертом? — она с интересом взглянула на Еву и на ее разодранную юбку.

Та ответила ослепительной улыбкой, означавшей: «Это ни в коем случае тебя не касается, старая перечница!» Подразумевались, конечно, и цель визита, и состояние наряда, но в мои планы не входило способствовать ссоре двух дам. К архивариусу я относился с искренней симпатией, не говоря уже о Еве.

— О нет, леди Макензи! — воскликнул я и улыбнулся широко и дружески. — Сегодня нас интересуют не документы, и просьба моя может вам показаться несколько странной, но это очень важно. У вас существует склад ненужных вещей? Что-то вроде чуланчика, где бы хранились экспонаты, не нашедшие места на витринах и стеллажах музейных экспозиций?

— Вы правы, Мартин. Такой чуланчик есть, он обязательно появляется в процессе хранения. Но что вас может заинтересовать в наших кладовках?

— Леди Макензи... — нетерпеливо начала Ева, но я остановил помощницу движением руки:

— Нам очень надо туда попасть.

— Ну, хорошо, идемте, — удивленно проговорила она и повела нас уже знакомыми мне проходами между полок и стеллажей с манускриптами и свитками.

Чуланчик имел самый обычный вид — небольшая комната, захламленная мешками, кулями и свертками.

— Где тут у вас холодное оружие? — спросил я.

В углу стояли ящики и сундуки, и леди подвела нас к одному из них.

— Вот здесь непарные экземпляры, не имеющие ценности...

Я уже открывал сундук, точно зная, что и где нужно искать. Под ворохом ржавого железа лежало то, ради чего я пришел. Ножны. Скромные на вид кожаные ножны с инкрустацией медными пластинами, без камней и золота. Но пластины покрыты сложным орнаментом.

Я вытащил из внутреннего кармана завернутый в холстину Дагга-Оззи, развернул и вложил в ножны. Так рука входит в перчатку. Так воссоединяются два близких человека, две любящих души. Я почувствовал восторг этого слияния, будто зазвучала вдруг под низкими сводами светлая и радостная мелодия.

Предъявил Грете волшебную бумагу, дающую право брать всё, что может пригодиться для защиты государства, и удостоился понимающего кивка.

Мы с Евой неспешно поднялись наверх и прошли к авто. Наша охрана была на месте. Парни, как видно, тоже немного успокоились: двое из них контролировали обстановку снаружи, трое агентов сидели в автомобиле. Вслед за нами они расселись в своем экипаже.

— Вот теперь домой, — сказал я Еве, — но по пути заглянем еще в одно место. Я скажу, где остановиться.

Вырулив на улицу Усталых Грез, автомобиль подкатил к антикварной лавке старины Поля. Я попросил Еву остановиться: нужно навестить старого пройдоху, заодно засвидетельствовать почтение серебряному любимцу, и не только...

Ева затормозила. Наши ангелы-хранители встали на расстоянии нескольких метров за нами. Двое выскочили из лимузина и принялись зорко осматривать окружающее пространство. В это время дня улицы Предместья безлюдны, и сейчас прохожих на тротуарах не было совсем. Только старые липы шумели ветвями.

Мы прошли в лавку. Поль разулыбался при нашем появлении. После взаимных приветствий, как только я представил ему Еву Марию, он провел нас в заветную комнату и стал доставать сундуки и скатки.

При Еве старик чрезвычайно оживился, начал сыпать комплиментами, засверкал глазами. Ему не терпелось похвастаться перед новым человеком своими богатствами. Пусть даже это не специалист в области оружия, зато это молодая привлекательная женщина. На малиновой скатерти стола, как по волшебству, стали возникать кинжалы: треугольные и листовидные, широкие и узкие, прямые и изогнутые, двояковогнутые и волнистые. На любой вкус, для любых нужд, всех времен и народов.

Поль принялся живо рассказывать Еве их историю, способы изготовления стали и область применения. Девушка внимательно слушала, кивала и улыбалась. Я тихонько отошел немного в сторону, оставив их вдвоем. Пусть старик потешится с симпатичной слушательницей. Скоро мне предстояло его огорчить.

Бережно взял я в руки клинок, стоявший под скромной табличкой «Сабля кавалерийская». На ножнах такие же пластины из блестящей бронзы, как и у Дагга-Оззи, на пластинам вился тонкий орнамент. Я провел пальцами по шероховатой поверхности, почувствовал на ощупь линии, изломы, петли и вензеля. Вгляделся в сложный причудливый узор, рисунок показался мне теперь знакомым.

Массивный эфес, крестовина вызывала ощущение надежности, но одновременно радовала глаз изяществом линий. Нижняя ветвь ее под углом чуть больше прямого плавно переходила в изогнутую гарду, покрытую совсем уже тонким, едва заметным рисунком. Место соединения гарды с рукоятью слегка сужалось, что подчеркивало форму навершия. Птичья голова, скорее всего, орлиная — хищная, плоская, с воинственным хохолком, мощным, загнутым книзу клювом и слепыми углублениями глаз.

Я вытащил клинок из ножен. Девяносто сантиметров смертоносного металла: кривизна небольшая, радиусом не более пяти сантиметров; едва заметная елмань, органично переходящая в заточенное острие. Широкий дол — продольный желоб — пролегал по всей длине клинка.

Сабля очень напоминала мне верную карабелу, которой я отбивался на Арене, только была тяжелее, массивнее. Ощущение хрупкости не возникало совершенно. А вот в эстетике и функциональности не уступала ни на йоту.

Ведь я не один раз держал эту саблю в руках, и ничего в душе не ворохнулось. Древние герои, легенды и мифы, может быть, собственная приверженность в молодости к спатам и фламбергам — всё это настраивало воображение на образ меча. Если не двуручника или полуторника, то всё равно тяжелого и большого, как мечу и положено. Элегантная и легкая сабля таких ассоциаций не вызывала.

Прочитав документы в Музее древностей, я пришел было к выводу, что оружие должно быть достаточно легким и динамичным, рассуждал, что сабли и палаши для этого подходят почти идеально, и всё-таки...

Я перешел к противоположному краю стола. Вложил саблю в ножны, устроил на малиновой скатерти и достал портмоне. Поль с интересом наблюдал за моими манипуляциями, ручеек его рассказа журчал всё тише, а потом и вовсе иссяк. Ева тоже с любопытством на меня поглядывала. Повисла пауза.

— Чем вас, Мартин, заинтересовала вдруг эта старая сабля? — спросил антиквар. — Вы ее видите не первый раз, но никогда еще не держали в руках с таким благоговением...

— Вы говорите, это старинное оружие, Поль? Найденное еще вашим отцом где-то на юге? Или всё-таки новодел?

— Э-э-э... Да... Конечно, сабля... — Хитрый старый лис! Печенкой почувствовал

опасность для своей собственности и готов признать в клинке чуть ли не самоделку. — Не то чтобы новая, но и... — продолжал тянуть Поль.

Глядя в глаза Полю, я достал из портмоне два маленьких рубина, тех самых, которые дал мне Стачки в нашу предпоследнюю встречу. Приложил один камень к странному углублению на навершии рукояти — размер и форма совпали идеально. Слегка нажал — щелк! — и камень встал в углубление, как будто всегда там и находился. Потом повторил то же самое со вторым, и птичья голова обрела два красных пронзительных глаза.

Ну, здравствуй, Дагг-Ош!

* * *

Следом, как фокусник достает из шляпы кролика, я извлек из портмоне свой карт-бланш, документ, дающий мне нешуточные права. Антиквар молча кивнул, он уже всё понял.

Мы вышли из лавки на улицу и сели в кабриолет. Наши сопровождающие не покидали салона своего автомобиля, только захлопнули дверцы. Ева возилась с ключами зажигания, я рассматривал вновь обретенную оружейную пару, все мои мысли были заняты только ею, и мы не сразу обратили внимание на приближающийся звук двигателя.

Лавка располагалась на перекрестке — прямо напротив в улицу из недр Предместья вливался узкий тенистый переулочек. И по нему катилось самое настоящее механическое чудище.

Сразу после появления легковых авто, элегантных кабриолетов и строгих лимузинов на улицах Капиталы довольно скоро стало можно увидеть и грузовые автомобили. По внешнему виду они сильно проигрывали своим легковым собратьям, но полезность их не вызвала сомнений. Обычно за закрытой кабиной такого авто следовал вместительный кузов. То, что увидели мы, было изначально именно грузовиком, но что с ним сделали!

Везде, где только возможно, — перед решеткой радиатора, по обеим сторонам капота, над дверями кабины — были установлены клепанные бронированные листы самого внушительного вида. Над колесами нависали такие же металлические шторки. На лобовом стекле натянута стальная сетка, и силуэт водителя в кабине лишь угадывался. Кузов грузовика нес такую же защиту из металлических щитов, но еще большего размера. На крыше кабины возвышалась тренога странного вида непонятного назначения.

И вот этот угловатый неповоротливый монстр медленно и тяжело катился по переулочку прямо на нас, надсадно сипя и чахоточно кашляя двигателем, выплевывая облака сизого дыма. Не доехав до нас с десятков метров, он встал у противоположной стороны улицы.

В кузове обозначилось движение, и оттуда вынырнули две головы в уже знакомых мне ненавистных банданах. После короткой суеты «банданы» с видимым усилием извлекли из кузова продолговатый предмет вроде большого ружья с толстым стволом и установили его на треногу. Один из бандитов тут же приладился к «ружью», поводил взад-вперед стволом и что-то коротко сказал второму. Тот производил некие действия сбоку, открывал и закрывал крышку на «ружье», расправлял нечто длинное и блестящее, похожее на змею.

Я зачарованно следил за действиями «бандан» в этом нелепом грузовичке, когда Ева, первой разобравшись в происходящем, истошно закричала: «Ложии-и-ись!» и нырнула под торпеду. И тут же на конце «ружья» расцвел огненный желто-красный цветок вспышки, по ушам ударил грохот выстрелов, сливающийся в один непрерывный звук. Казалось, сказочный великан, проходя по улице и шутики ради, провел циклопической палочкой по колоссальному

забору из штакетника. Но сказка только начиналась, с мерзким звуком «вьи-и-ю-ю-ю» над головой запели пули...

Так вот оно что! Пулемет! Эти изделия лишь недавно появились в войсках, о них писали в газете «Волонтер», восхваляя мощь республиканских вооруженных сил. В статье говорилось, что теперь наша армия оснащена по последнему слову техники, имеет и пулеметы, и бронеавтомобили.

Сейчас я воочию убеждался в том, что пулеметы действительно есть, только пользуется ими банда террористов, а мишенью стали мы с Евой и тайники.

Длинная очередь свинцовым горохом сыпанула по лимузину наших защитников с левого борта. Металл крыльев, капота и дверей с визгом и жестяным гулким звуком покрывался россыпью круглых ровных дырок. Автомобиль сотрясала мелкая дрожь, на глазах он превращался в решето. Под градом пуль крошились и разлетались сверкающими осколками стекла, потом лопнули баллоны, и кузов с шипящим звуком просел на одну сторону.

Водитель погиб на месте, мертво распластавшись в кресле. Остальные тайники посыпались из салона с противоположной стороны. Пользуясь корпусом авто как прикрытием, они открыли отчаянную стрельбу по самодельному броневику из револьверов. Пули с визгом, выбивая искры, рикошетили от металлических щитов, не причиняя противнику видимого урона. Казалось, пробить такую броню было под силу только артиллерийскому снаряду.

Я, оцепенев, забыв об осторожности, смотрел на происходящее. Благо, в нашу сторону не прилетело пока ни одной пули. Видно, нападающие ставили себе целью уничтожить в первую очередь тайников, подавить их плотным огнем.

В стрельбе наступила короткая пауза — пулеметчики перезаряжали свою мясорубку. В этот миг один из тайников выглянул из-за изуродованного лимузина и, размахнувшись, бросил в сторону броневика небольшой предмет. Разгадав, что это, я поспешно пригнулся в автомобиле и всё-таки успел увидеть вспышку у правого колеса железного чудовища.

От грохота взрыва заложило уши, по броневым листам звонко хлестнули осколки, на нас с Евой посыпались куски горячего каменного крошева. Броневик затянуло дымом, но уже в следующий миг пулемет ожил, дождь пуль снова забарабанил по лимузину тайников, не давая им высунуться из-за прикрытия.

Наш кабриолет по-прежнему был вне зоны огня, и я мог продолжить наблюдение за обстановкой. Ева сделала попытку высунуться из-под торпеды, но я удержал ее, с силой нажав на плечо. Достаточно с нас одного наблюдателя, и если что, наблюдателю тоже будет достаточно одной шальной пули или осколка.

Тем временем под прикрытием пулемета началась высадка десанта. От грузовика к старым развесистым липам и кустам метнулись быстрые тени. Сосчитать я не успел, но было их не менее пяти-шести человек.

В этот момент тайники бросили еще одну гранату. Она перелетела через изрыгающий огонь грузовик и взорвалась за ним. Зазвенели стекла в окне ближнего дома. Броневик опять не пострадал, но взрыв вызвал суматоху среди десантников. Кто-то закричал, кто-то упал, а двое, пригибаясь, кинулись через дорогу. Остальные спрятались за деревьями, и их стало не видно.

Тайники разделились, теперь двое стреляли по атакующим, а двое других сосредоточились на пулеметчиках. В сторону броневика полетела третья граната, и вот она уже угодила точно в кузов.

Из-за высоких броневых щитов харкнуло огнем и дымом, к грохоту взрыва добавился звук, сходный с гулом колокола. Вновь зазвенело битое стекло. Взрывная волна подбросила тело одного из стрелков высоко в воздух, он описал дугу и рухнул на мостовую бесформенным ворохом обгорелого тряпья. Второго террориста не было видно, но стало ясно, что живых в кузове нет. Броневи́к стоял безмолвный, как памятник.

Тем временем двое разбойников форсировали дорогу и укрылись за массивными мусорными баками у края тротуара. Им навстречу, стреляя из револьверов, кинулись двое тайников. Завязалась ожесточенная перестрелка.

Два других агента сместились ближе к нашему авто. С другой стороны улицы, заложив длинную дугу и намереваясь воспользоваться кабриолетом как прикрытием, атаковала еще одна пара разбойников. Я ничем не мог помочь нашим защитникам, оружия кроме Дагг-Оша и Дагга-Оззи у меня не было.

Тайники обтекали кабриолет с правой стороны. Над дорогой, значительно ухудшая видимость, стелился черный едкий дым от загоревшегося грузовика. Вот из клубов этого дыма и выскочили атакующие — два рослых дети́ны в банданах с рисунком, очень напоминающим человеческие кости, и с револьверами в руках.

Они буквально столкнулись с тайниками нос к носу. Никто из них — ни бандиты, ни агенты — не успевал спрятаться. Да и укрытий никаких поблизости не было — пустая и гладкая проезжая часть, вымощенная брусчаткой. Всё это происходило прямо перед капотом кабриолета и мне было видно как на ладони.

На мгновение и те и другие замерли. Агенты расположились ко мне спиной, а вот физиономии бандитов просматривались очень хорошо: всё те же приклеенные улыбочки и пустые глаза. Все четверо одновременно вскинули руки с оружием и открыли огонь.

Стреляли почти в упор — я видел, как содрогаются тела под ударами пуль, как выплескивается кровь из ран. Один из тайников начал пятиться, откидывая корпус и отступая на шаг с каждым новым выстрелом, но при этом сам не переставал стрелять...

Пальба прекратилась неожиданно, тишина, еще более гулкая после канонады, разлилась над пустой улицей. Четыре тела обрушились на брусчатку одновременно, глухо стукнуло по камням выпавшее из рук оружие.

Выстрелы позади тоже стихли. Дым плыл над полем боя, над пустынной улицей. Ни одного человека не показалось на тротуаре за всё это время, ни один силуэт не мелькнул в окне — полное безлюдье. Я больше не мог оставаться в авто. Сдавленно выдохнув Еве: «Сиди!» — я вывалился из машины и огляделся.

От расстрелянного лимузина ко мне медленно, чуть покачиваясь, шел последний нападающий. Невысокий плотный тип в бандане и кожаном жилете. В вытянутой руке он сжимал револьвер, дуло которого было направлено прямо мне в грудь...

Клинки, пусть даже самые лучшие, пусть хоть сто раз легендарные, не способны защитить от пули. Как не спасли они Дагомира от кавалерийских карабинов, так вряд ли помогут сейчас и мне. Но другого оружия не было, а стоять и покорно ждать выстрела и смерти я тоже не мог. Поэтому одним движением стряхнул ножны с клинков.

Плотный ухмыльнулся. Лицо его, перемазанное сажей, было совершенно нормальным, живым и подвижным. Он удобнее перехватил рукоять револьвера и стал тщательно целиться...

Повинуясь больше наитию, чем здравому смыслу, — тому чувству, что появилось недавно и вело меня, помогало в трудную минуту, — я распахнул руки как можно шире.

Освободившись от ножен, клинки мелко задрожали, в один миг вибрация стала такой, что щекотало ладони. Руки сами, без вмешательства воли, начали расходиться: правая пошла вверх, левая — вниз и в сторону.

В лице разбойника что-то дрогнуло, он продолжал целиться, но ухмылка стала какой-то неуверенной, почти жалкой. А я узнал на себе, что называют коловращением, священным кругом, символом вечного движения.

Я усиленно размахивал руками и со стороны напоминал, наверное, ветряную мельницу. Клинки свистели, чертили в воздухе два прозрачных круга — один чуть больше, другой поменьше. Ступни плотно стояли на земле, корпус раскачивался из стороны в сторону. Мое оружие не доставало противника, до него оставалось не менее двух метров, но что-то изменилось.

Лицо террориста исказилось, и он нажал на курок. Грохнул выстрел, пуля просвистела около моего уха. Рука бандита ходила ходуном, он давил на спуск еще и еще раз. Пули пролетали мимо. Он ухватил револьвер обеими руками, на лице отобразилось нечеловеческое напряжение — он пытался направить оружие. На миг ему это удалось, дуло опять смотрело мне в грудь.

Я не двинулся с места, продолжая работать клинками в прежнем ритме. Палец стрелка нажал на спуск, но за долю секунды до этого ствол дрогнул — опять мимо! «А-а-а-а!» — тонко и страшно заголосил он и начал беспорядочно стрелять, слепо направляя револьвер в мою сторону. Пули пролетали мимо, не причиняя вреда.

Наконец боек глухо щелкнул, пустой барабан провернулся, боек клацнул еще раз — патроны закончились. Одновременно силы оставили нападавшего: он безвольно уронил руку с оружием, крик его оборвался. Я сделал шаг вперед и резким вертикальным ударом рубанул саблей по ненавистой бандане.

В этот удар я вложил всё напряжение последних минут, всю свою ненависть к преследователям и весь свой страх тоже. Отлично приспособленный для секущих ударов клинок не застрял в ране, не скользнул по черепу — он развалил голову пополам. Тело обрушилось с тупым звуком...

Броневик чадно горел, перед ним еще дымилась воронка от взрыва гранаты. Я прошел к кабине и заглянул внутрь — водителя убило при взрыве в кузове. Не защищенная с этой стороны кабина не смогла стать преградой для осколков.

Вокруг лежали трупы. Изрепеченный остов лимузина горбился уродливым скелетом, подле него тоже валялись мертвые — свои и чужие. Где-то стукнула ставня, далеко в небе вскрикнула птица...

— Мартин... — раздался тихий жалобный голос. Ева испугано выглядывала из салона кабриолета, вздрагивая и озираясь.

Я подобрал ножны, обтер клинок и сел в авто.

— Поехали в Агентство, Ева, — тихо проговорил я. — Может быть, там мы будем в безопасности...

Не успела Ева завести мотор, как к перекрестку подкатил огромный черный лимузин тайников, набитый до отказа агентами. За ним, ревя двигателем, следовал армейский броневик — строгая, по-своему даже красивая в своей функциональной завершенности стальная коробка. Угловатая, вся из клепаного металла, с двумя башнями, из которых угрожающе глядели, шевеля дулами, пулеметы. Кустарная поделка «2012» в сравнении с ним казалась бы жалкой и смешной, если бы я не наблюдал ее в деле каких-то десять минут

назад. Пять мертвых агентов лежали на земле, мне было не до смеха.

Из лимузина выпрыгнул тот самый подтянутый господин с непреклонным лицом, который был на набережной. Неужели это случилось только вчера?! Он быстро огляделся, деловым шагом прошел между трупов и склонился над бортом кабриолета:

— Я вижу, вы живы. Не пострадали?

Мы молча смотрели на тайника. Какие тут могли быть комментарии? Все его люди пали, спасая нам жизнь. Молодцам из «2012» нужны были клинки, но агенты связали их плотным огнем, отвлекли на себя, и только благодаря погибшим ребятам мы с Евой остались целы. А могли бы лежать вместе со всеми на горячей брусчатке...

— Можете вести машину? — спросил господин у Евы. Та знакомо закусил губку и вздернула подбородок — никто, никакой тайник не смеет усомниться в силах и возможностях гордой аристократки! Господин понял всё без слов:

— Езжайте... — и, повернувшись к броневика, махнул рукой.

Тот взревел двигателем, куда более мощным, чем был у грузовика. Мне показалось, что я теперь все автомобили буду сравнивать с чудовищем, чуть было не убившим нас. Ева тоже завела мотор и тронула кабриолет. Броневики поехали следом, сопровождая нас почетным эскортом. Так мы и двигались по улицам Капиталлы, под надежной охраной двух пулеметов.

* * *

В Агентстве суеты прибавилось: гвардейцев и тайников стало еще больше, броневик занял позицию у подъезда. Нас встретили встревоженные взгляды девушек из приемной. Откуда ни возьмись появился господин Аусбиндер:

— Мартин, Ева! Больше из особняка ни ногой! Это приказ, слышите — приказ! Наверху есть гостевые апартаменты — занимайте. Отдыхайте, и никакого расследования, никаких встреч... Здания не покидать.

Директор на время утратил весь свой аристократический лоск. Как видно, наше дело вызвало серьезный резонанс, а господин Аусбиндер, судя по всему, получил от вышестоящего начальства серьезную накачку. Ева кивнула, вид у нее был утомленный. Как видно, остаток сил ушел на вождение автомобиля.

Она сразу отправилась на третий этаж, где действительно располагались гостевые комнаты для командированных сотрудников. Я же знал, что ни спать, ни отдыхать сейчас не смогу. Потому отправился в операционную.

Тодд сидел в своем закутке. На миг мне показалось, что тишина и незыблемость его комнатухи, основательность и спокойствие самого Столба — это и есть истинная реальность. Всё, что произошло со мной за эти дни, было страшным сном, мороком и совершенно не затронуло охранника и его службы. Да так оно, в сущности, и было. Каждый делает свое дело.

— Привет, Тодд, как ты тут, бродяга? — спросил я устало.

— Здравствуйте, господин Мартин, — почтительно прозвучало в ответ.

Вот так-так! Никогда раньше Столб не обращался ко мне столь официально. И такого уважения, какое звучало сейчас в его голосе, я тоже раньше никогда не замечал. Слухи о наших приключениях, по-видимому, гуляли по отделу, придавая нам с Евой героический ореол.

— Когда состоится поединок Алиа с Хорхе? Мне не терпится поставить последнюю

крону на этого безумного эфиопа...

— Завтра, господин Мартин, уже завтра! Это будет знаменательный день! Обязательно приходите на Стадион, бой состоится под открытым небом. Ни один зал не вместил бы всех желающих! К тому же говорят, что на спортивной арене теперь разместили громкоговорители. Это что-то вроде дальнотрубы — бой будет комментировать диктор, а его голос смогут слышать сразу тысячи людей по всему Стадиону. Даже те, кто не смогут увидеть, хотя бы услышат, как проходит бой!

— Конечно, Тодд! Конечно... — Знать бы еще, как сложится завтрашний день. Да и директор не велел никуда выходить. Эх, мне бы твои заботы, дружище Столб...

Я спустился в кабинет. На пустом столе разложил оружие, клинки и ножи отдельно. Орнамент на них очень привлекал меня. В архиве я прочел с десятков документов, исследований историков и знатоков древнего холодного оружия о том, что такие узоры и орнаменты могут оказаться вовсе не простым украшением.

К тому же еще камни, не зря же Ворон в свое время нашел и хотел сохранить любой ценой эти два рубина. Не побоялся обратиться к Стацки, хотя друзьями их, судя по всему, к тому времени назвать было уже трудно. Не из-за них ли он вонзил в грудь бывшему другу кинжал? Теперь спросить это можно только у Ворона, и, может быть, я еще спрошу...

Камушки нашли свое место, стали глазами птичьей головы в навершии Дагг-Ош. Надписей на незнакомых языках, вообще каких-либо символов я на клинках не заметил. Зато орнаменты имелись в избытке. Кое-что из этой области — о языке символов и переплетений линий и черт — я почерпнул из тех же документов.

В столе у меня с давних времен лежала лупа, почти такая, как на эмблеме Экспертного отдела. Сейчас она очень пригодилась. Достав увеличительное стекло, я вознамерился внимательно изучить все четыре предмета и начал с Дагг-Ош.

Уже после беглого осмотра стало ясно, что на самой сабле узоров много меньше, чем на ножнах. Клинок был свободен от них, только около эфеса, на незаточенной части, называемой пятой, с обеих сторон располагался крылатый диск. Это символ свободного нравственного выбора каждым человеком благих мыслей, устремлений и деяний.

По гарде шел тонкий витой узор, который под лупой мог смотреться как две переплетенные змейки. Переплетающиеся змеи сами по себе — знак двойственности природы: дня и ночи, севера и юга, плюса и минуса. В более широком понимании — противодействие темного и светлого в человеке, добра и зла. Или мужского и женского.

На время я оставил клинок и взялся за ножи. Гарнитур был выполнен из темного металла, и здесь тоже одной из ведущих деталей инкрустации были перекрещивающиеся ленты, сделанные из бронзы. Бронза от времени не позеленела, старый мастер знал секреты своего ремесла. Возможно, уже тогда он умел соединять медь с алюминием или каким-то другим металлом. Ленты шли снизу, от наконечника ножен до их верхней части — обоймицы, и встречались под самой крестовиной.

Я вложил саблю в ножи и отодвинул ее от себя на расстояние вытянутой руки. Получились те же переплетающиеся змеи, заканчивающиеся крыльями. Двойственность природы, две ее составляющие, призванные в конце концов соединиться. Крылья, как символ преодоления границ, безбрежности. Если клинок принять за жезл, то получался кадуцей, древний символ ключа!

У меня вспотел лоб. Ключ к какой двери я сейчас держу в руках? Одно ясно, сочетание всех этих знаков древний мастер нанес не зря. Процесс прочтения тайного языка символов

захватывал меня всё больше.

По лентам шел гравированный орнамент по типу меандра — ломанной под прямыми углами линии. Меандр был сложный, образовывал повторяющиеся правильные геометрические фигуры — квадраты, — но различался на двух лентах. Один был более частым, напористым, другой — более разреженным, плавным.

Вообще меандр — это выраженный в графическом изображении ритм. Что, орнамент задает ритм? Тогда это ритм чего — танца? Или скорость передвижений в бою? Я задумчиво провел пальцами по ребристой поверхности ленты снизу вверх, повторяя ход ее колец. Помимо всего прочего, есть еще и спираль, символ развития всего сущего. Пока одни загадки...

Между переплетениями лент (или змей?) на гарнитур были инкрустированы бляхи, овальные и в виде стилизованных ромбов. У наконечника ножен они были меньше по размеру, у обоймицы — самые крупные. Я принялся рассматривать через лупу верхние, самые крупные — сначала одну, потом другую, на обороте ножен.

Обе имели форму овала и были покрыты узором, более всего похожим на кельтскую плетенку. По контуру расположились символы птичьих — опять птичьих! — голов; в центре находилась сложная вязь линий. Или одной линии?..

Плавно изгибаясь, эта линия выписывала сложные пируэты, кольца, ныряла под изгибы самой себя. Совершив неожиданный поворот, струилась дальше, закручивалась в хитросплетениях. Угадывался некий общий рисунок — но лишь угадывался. Проследить его последовательно и детально было крайне трудно, почти невозможно.

Я перевернул ножны. Там красовалась такая же бляха. Рисунок орнамента был похож, но не одинаков, отличался от предыдущего в мелочах, если очень внимательно приглядеться. На других фрагментах и форма блях, и рисунок орнамента тоже были несколько другими.

Я чувствовал, что этот рисунок имеет прямое отношение к поискам Ворона. Это было бы логично. Информация, открывавшая перед злоумышленником столь широкие возможности, могла быть сокрыта именно здесь, в этих скользких, переплетающихся линиях. Оставалось только ее прочесть и понять.

На Дагга-Оззи роспись была скромнее. Сам кинжал сделан полностью по канонам горских традиций и не расписан. Рукоять, обмотанная сыромятной кожей, навершие тоже традиционное, в виде полусферы. Полное отсутствие крестовины и совершенно чистый клинок.

Но вот ножны в этом плане были куда интереснее. От наконечника к обоймице шла одна широкая лента из той же блестящей бронзы. По ней также вился затейливый меандр, при этом неоднородный. Здесь наблюдалось чередование квадратов как символов земли, кругов — как символов солнца и, конечно, треугольников — символов гор. Эти фигуры следовали друг за другом в разных вариациях, змеясь по всей длине ленты.

В свободных зонах нанесен узор по типу арабского аканта — остроконечные листья, направленные навстречу друг другу, расположенные гармонично и симметрично. И под самой рукоятью кинжала с обеих сторон красовался анх, египетский крест с петлей на вершине. Тоже, кстати, символ ключа, но земного.

Вообще символы земли преобладали в рисунке — горы, листья, твердь земная — и вызвали ощущение некой подчиненности, а может, сопричастности, неразрывной связи с более «крылатым» Дагг-Ошем. Ну, что скажешь — младший братишка!

Символы... Меандры... Плетенка...

Я принялся снова разглядывать под лупой рисунок плетенки. Попытался увидеть его под другим углом — как путь, траекторию движения. Вот эта петля — здесь можно было бы крутануть на месте волчка, — и сразу уход влево. А потом что, присед? Скорее всего присед, и тогда он будет выглядеть на рисунке вот таким образом: одна линия ныряет под другую. Клинок обороняющегося ныряет под клинок атакующего... Вектор одного бойца ныряет под вектор другого...

Прыжки — заостренные пики, линия как будто взмывает ввысь. На фоне сложного узора, составленного плавными закругленными линиями, просматривался другой — четкий геометрический квадрат, вплетающийся в его ткань, в его плоть. Прошивающий его слева направо и сверху вниз. Плотность линий в зоне квадрата была много выше, чем в других участках узора.

Я перешел в Мастерскую. Затеплились, мерцая, свечи — все двенадцать. Тени испуганно попрятались по углам, тишина настороженно ждала — что будет дальше? Кинжал я пока положил на столик, рядом с его более крупным собратом. Дагг-Ош держал в ножнах перед глазами.

Осторожно провел пальцами по одной ленте-змее, завивая спираль. В теле отозвалась легкая вибрация. Под ложечкой дрогнуло нежно и трепетно, как робкий огонек свечи. Я скользнул пальцами по орнаменту еще раз, надавил чуть сильнее, вздохнул глубоко и услышал...

Тугими горячими ударами ритм начал пульсировать в животе, солнечном сплетении, отдавался в позвоночник. Теперь не нужен был метроном, ритм и размер жили во мне, их подарил мне Дагг-Ош.

Клинок, вжикнув, покинул свое обиталище. Ножны я держал перед глазами, пришло время попрактиковаться. Я мысленно наметил себе квадрат три на три метра и двинулся по периметру, стараясь попадать в ритм, заданный клинком. Шаг получался легким, как бы скользящим, стремящимся перейти то ли в бег, то ли в полет!

А если представить себе линии узора как энергетические каналы, тогда их пересечения есть не что иное, как опорные точки! Я тут же попытался проверить догадку и двинулся по диагонали. В один вдох я оказался на другом конце мысленно очерченной фигуры, как по камушкам через ручей — раз, два, и там! Вот так-так! Кто мог знать, что такое перемещение возможно?

Неожиданно в голову пришла мысль, и я тут же ее проверил: провел по второй ленте-змее подушечками пальцев. Характер движения сразу стал другим, более вязким, тягучим, шаги как будто растянулись. Какое-то время я двигался этим замедленным растянутым шагом, но, вспомнив предыдущий ритм, сразу перешел на скользяще-летающий шаг. Вот как резко можно менять ритм и скорость, спасибо тебе, Дагг-Ош!

С квадратом стало ясно, а основной округлый узор, несущий квадрат в своем теле? Если приглядеться внимательнее, создается впечатление, что это одна замкнутая линия. Я попробовал двигаться, выдерживая ее рисунок. Ничего не получилось, квадрат и закругленный узор не сочетались...

Пришлось присесть на ковер, подогнув ноги по-турецки, и более внимательно рассмотреть орнамент. Через некоторое время я пришел к выводу, что линий всё-таки две. В любом случае в каждом конкретном фрагменте узора линию можно рассматривать как взаимоотношение двух пересекающихся извилистых отрезков. Тогда весь рисунок можно разложить на ряд законченных фрагментов, неких узловых ситуаций, связанных между собой

в один большой узор. Теперь у меня потел не только лоб — всё тело.

Я встал и еще раз попробовал двигаться по линии, изображенной на орнаменте, шаг за шагом. Ничего не получалось, я сбивался, даже ритм стал чувствовать хуже. Надо было что-то менять, и я изменил. Отложил ножны на столик, где пребывали старый верный кинжал и метроном, взял в левую руку Дагга-Оззи, стал в середину зала. Вдох и выдох... Прикрыть глаза... Отрешиться от всего земного... Дать свободу мышцам... Раз, два, три — я раскинул руки с клинками в стороны, как будто хотел обнять весь мир...

Это был танец. Может, снаружи он выглядел иначе — без привычных фуэте, ан деданов и падеша. Может быть, внешне это были прыжки с парой клинков в руках, хаотичные и бессвязные. А может, яркие взлеты и плавные глиссады — я этого не знал. Я ничего не знал и не чувствовал, кроме внутренней гармонии.

Не видел Мастерской, трепетных огоньков свечей и удивленных гримас теней по углам. Не чувствовал ковра под босыми ногами, движения воздуха, не слышал звуков, если таковые где-то и раздавались. Мои руки, движимые коловращением клинков, двигались в одном ритме. Ноги, направляемые линией узора, переступали и перешагивали в другом. Тело же, опираясь на крылья оружейной пары, подбрасываемое в опорных точках, запечатленных в орнаменте, парило над землей, над миром, над переплетениями чужих судеб.

Именно так: я видел сейчас одновременно тысячи векторов, видел их объемно, во всём многообразии, во всевозможных вариантах развития. Я мог при желании выбрать любой из них, приблизить его мысленно и рассмотреть в увеличении, как под лупой.

Ради опыта, а еще более того — повинуюсь жгучему интересу, нетерпеливому желанию, я представил линию судьбы Евы Марии и увидел яркий взлет, всплеск силы и энергии, успех в начинаниях. Я видел, что этот вектор может идти рядом с моим, может прильнуть, прижаться тесно, поддерживая и подпитывая... Может...

Я взглянул на линию господина Аусбиндера и увидел монотонную прямую с умеренной пульсацией. Поворотов и изгибов там не предполагалось, лишь в одном месте от опорной точки мог пойти мощный росток. Я видел лишь тень этого ростка — быть может, это нынешняя история? Выигрыш в гонке за Вороном?

Я посмотрел в таинственную книгу судеб, на страницу агента Серого, и взгляду моему предстала зубчатая пила, череда пиков и провалов, потерь и находок... Тебя ждет полная событиями жизнь, дружище! Держись, служака, твоя судьба в твоих руках!

В какой-то миг я понял, что теперь мне становится подвластной сама жизнь, любая судьба, любой вектор. Твердой рукой я могу сейчас взять любой из них на выбор и править его по своему разумению. Так, как считаю нужным.

Мы с Евой можем быть вместе, а можем и не быть. Жизнь слишком сложная и непредсказуемая штука, в ней находятся тысячи причин, — но вот здесь, в этой точке я могу взять и подправить слегка, и всё тогда сладится. Гарантированно.

Я могу вдохнуть жизнь и силу в тот единственный росток, который видел в линии господина директора, и всё изменится — он станет совсем другим человеком. Могу сгладить провалы и подрисовать больше пиков в судьбе Серого, наметить ему блестящую карьеру. И не только карьеру.

А могу запрограммировать завтрашнюю победу Алиа над Хорхе в матче века.

Я понял всё это и остановил танец, безмятежное свое скольжение по Мастерской и чужим судьбам. Именно этого и добивается Ворон, именно так он и хочет осчастливить человечество.

В истории подобное уже было: когда одни люди брали на себя право решать за других. Обещали построить рай на земле, всеобщее счастье, а если кто-то не понимал, что это и есть рай, его вели туда силой: на цепи, погоняя ударами плети. Или проливая кровь, оставляя на обочине столбовой дороги в светлое будущее трупы сомневающихся и несогласных.

Я остановил танец — я не стану изменять линию судьбы Евы Марии. Ей придется самой делать выбор — кем быть и с кем. Я не хочу вмешиваться в чужие жизни, строить судьбы, создавать чье-то благосостояние. Как и не желаю защищать интересы Президента, Республики, дело мира и прогресса во всём мире. Карать виновных и воздавать достойным...

Я хочу только одного — обязательно остановить Ворона. Теперь это дело чести и моей мести. К этому взывает кровь друзей и невинных жертв. «Когда война ступила на порог — сожги свой дом», — говорил Шай-Дагг. А если война переступила порог твоего дома?

Ну а программировать боксерский поединок и вовсе неинтересно — пусть победит сильнейший!

* * *

Я вложил оружие в ножны. Как всегда после танц-коррекции, мучило похмелье: сухость во рту, ватные ноги и влажные ладони, слабость и озноб. Как всегда, я долго потом плескался в душе, отвоеванном когда-то у господина директора. Обтирался махровым полотенцем, приходил в себя.

Был уже поздний вечер, прошел еще один длинный-предлинный день. После душа надо подняться на веранду, выпить горячего чая, только неизвестно, есть кто-либо в такое позднее время на кухне. С другой стороны, Агентство на осадном положении, наверняка можно где-нибудь найти горячей воды, да и перекусить не мешало бы.

Занятый подобными мыслями, я поднялся в холл, потолкался между гвардейцев. Они развернули в кафе что-то наподобие полевой кухни, получали питание даже ночью и всегда имели кипяток. Ребята угостили меня кашей с мясом, чай они заваривали крепкий, добавляя в него много сахара, как раз так, как я люблю.

Напоследок я выкурил с ними папиросу, потрепался о жизни и собрался было уже подняться наверх, в апартаменты, когда из приемной появилась Лили. Я и не думал, что она может быть здесь в такое время, наверное, девушкам тоже назначили дежурства. Лили подозвала меня знаками.

— Вас к телефону, Мартин, — как всегда с улыбкой, сказала она. — Он не представился, но сказал, что дело крайне важное и не терпит отлагательств.

Я взял большой эбонитовый наушник, уже догадываясь, кто будет сейчас со мной говорить. Голос оказался чуть хриловатый, приятный и сильный — возникал образ мужественного и привлекательного человека. Вот только руки его были по локоть в крови невинных людей.

— Здравствуйте, Мартин. — Незнакомец сделал едва уловимую паузу, ожидая моей реакции, но я молчал. — Мне кажется, уровень наших с вами противоречий достиг той степени, когда требуется очная встреча главных участников. Вы теперь вооружены и наверняка не опасаетесь меня...

— Вы зря думаете, что я боялся вас раньше, Ворон, — ответил я сдержанно.

— Чудесно. Вы знаете о моем существовании, может, так даже лучше. Нет необходимости прятаться хотя бы от вас. Кстати, каким образом вы обо мне узнали?

— Стефан рассказал. Я говорил с ним перед смертью. Зачем вы убили старого друга?

Слышимость была отличная, казалось, что собеседник находится в соседней комнате, но сейчас на другом конце провода повисло молчание. Потом Ворон тихо и с сожалением произнес:

— У меня не было другого выхода. Я не хотел его смерти, но иначе было нельзя. Вряд ли вы поймете... Единственное, что я мог сделать для старины Стацки, — убить его одним ударом, избавив от предсмертных мучений. Но даже этого, как выясняется, не получилось. Видно, старею...

— Видно, это не так просто — убивать дружбу, — горько заметил я.

— Похоже, вы действительно меня не боитесь... — с едва заметной иронией ответил Ворон.

Он опять замолчал, потом вдруг заговорил совсем другим тоном, жестко и сухо:

— Завтра. В десять утра. На Стадионе. За трибунами есть укромный уголок, куда не заходят зеваки. Обойдете, углубитесь в рощицу по аллее, я вас встречу. Там есть чудные полянки: много места, удобно и укромно. Но запомните — только вы и я. Если появится хоть кто-нибудь из посторонних — тайники, полиция или, к примеру, госпожа Ева Мария Сантос, — разговора не получится. И много тогда еще крови прольется, Мартин. Лишней крови...

— Буду, — сказал я. — И буду один. Это наше с вами дело, Ворон.

— Так тому и быть, Зрячий, — было мне ответом.

Глава 3 и эпилог

Глава 3

...Доброе всем утро, уважаемые дамы и господа! Вот и пришло время самого замечательного спортивного события этого года! Бой, которого все мы ждали с таким нетерпением, начнется через тридцать минут. Но прежде я хотел бы выразить самую искреннюю признательность электрической компании «Оптималь Дайнемикс», предоставившей сегодня возможность присутствовать на матче тысячам людей. Ринг установлен под открытым небом Новой Спортивной Арены, все мы привыкли называть ее Стадионом. Но даже чаща этого грандиозного сооружения не в силах вместить всех желающих посмотреть бой века! Обратите внимание, на всей территории Арены — а ведь это около четырех гектаров лесопарковой зоны! — установлены громкоговорители. Да, да, вот эти плоские тарелочки, из которых сейчас раздается мой голос! Вы можете наблюдать их над своей головой, на столбах. Это последняя разработка компании, где используется тот же принцип передачи звука, что и в знакомом нам телефоне. Но дело не в технических деталях. Благодаря этому изобретению очень многие любители бокса, не уместившиеся на трибунах Стадиона, услышат мой подробный репортаж о бое. Удачного нам всем дня, дамы и господа!..

Я отлично выспался. После звонка Ворона я отправился спать с чистой совестью. Утром в кафе удалось позавтракать омлетом и чашкой крепкого кофе. Ева не показывалась, и я сделал вывод, что она набирается сил после вчерашних приключений. Меня это устраивало, впутывать девушку в финальную часть наших с Вороном разборок я совсем не хотел.

Господин директор укатил с утра в Ставку по вызову начальства, и это тоже было на руку — не воспоследует неожиданного вызова с нудными разборами вчерашних полетов и ненужными теперь рекомендациями на будущее. Это дело я закончу сам.

Итак, обстановка благоприятствовала, если бы не приказ — не выпускать меня одного из особняка даже за любимыми папиросами через дорогу. В наличии такого приказа я не сомневался и потому заблаговременно повидался с начальником караула из тайников и сказал ему, что иду работать в операционную. Попросил не беспокоить по пустякам и получил в ответ заверения в понимании важности момента.

Я действительно спустился в кабинет, взял клинки, завернул их в дерюгу и поднялся в комнатушку Тодда. Здоровяк должен был вот-вот смениться и испытывал серьезное нетерпение — у него есть билет на бой Махмуда Алиа с Хорхе.

Место на Стадионе Столбу удалось достать хорошее, и он сейчас весь в предвкушении зрелища. Но пока что он пребывает на посту и не сможет отказать мне в маленькой просьбе — помочь выскользнуть незаметно через забытую всеми, незаметную дверь.

Есть у нас с Тоддом маленькая тайна. Дело в том, что парень неравнодушен к женскому полу. У него постоянно случаются романы с девушками, вдовушками, сотрудницами Агентства и женщинами совершенно сторонними. Где он их находит, это знает только он сам, да мне это и неинтересно. Интересно другое. Столб умудряется гулять от зверски ревлившей жены.

Я догадываюсь, что вечером или в выходные дни он попросту не имеет возможности бесконтрольно покинуть свой дом, супруга не позволяет ему этого. Посему романтические встречи Столб проводит в рабочее время.

Для своих походов охранник приспособил старый пожарный выход. После реконструкции особняка, проведенной в прошлом году, об этой двери все как-то забыли. К ней ведет укромный коридорчик, в который легко попасть из комнатушки Тодда, и он имеет возможность незаметно покидать особняк на время свидания с очередной пассией.

Конечно, это грубейшее нарушение служебной дисциплины. Узнай кто-нибудь об отлучках охранника с поста, он вмиг лишится своего теплого места. Но Столб директорских проверок не боится: тот никогда не ходит дальше приемной, и работа охраны его не интересует.

Другое дело — жена. Она может нагрянуть в Агентство неожиданно, под предлогом, что соскучилась. Вот тут и надо Тодда прикрыть, отвлечь ее разговором и слегка поморочить голову, пока незадачливый Дон Жуан вернется на свое место.

— Дружище Тодд, — проникновенно начал я. — Только ты можешь помочь мне. Эти чертовы бюрократы запретили выходить из особняка. Они, видишь ли, опасаются за мою жизнь. Но ты-то должен меня понять — чтоб попасть на бой Алиа и Хорхе, можно рискнуть и самой жизнью...

— Истинная правда, Мартин... — кивал кудлатой головой Столб, — лучше и я бы не сказал...

— Я знал, — я положил руку ему на плечо, — ты не откажешь. Только б выскользнуть незаметно и сразу после боя обратно. Никто и не заметит. В любом случае ты будешь совершенно ни при чем...

— Ох, господин оператор, принуждаете к должностному преступлению, — кряхтел Тодд.

«Кто б говорил...» — подумал я, а вслух воскликнул:

— Но ведь этого дня мы столько ждали!

— Только ради мирового бокса!.. — тряхнул головой охранник, и волшебная потайная дверь открылась для меня.

Я сразу попал на улицу Забытых Снов. Оттуда рукой подать до Парка, а дальше на старой доброй конке до Стадиона.

Вокруг бурлило людское море. В переполненном вагоне, на подступах к Спортивной Арене все разговоры крутились только вокруг предстоящего боя: слышались имена боксеров, споры, смех. Знатоки громко давали прогнозы, кто-то заключал пари...

Никто даже заподозрить не мог, что в это же время, совсем рядом может произойти еще один поединок, по важности много превосходящий спортивную схватку.

...Сколько публики собралось сегодня на трибунах Стадиона, дамы и господа! Сколько поклонников бокса, этого чудесного вида спорта! Нет ни единого свободного места, зрители толпятся в проходах, самые молодые оседлали ограждения. И это еще не всё! Только что мне сообщили, что около трибун, в зеленой зоне, рядом с громкоговорителями тоже расположились большие группы болельщиков. Эти люди не смогли попасть в зрительные ряды и будут следить за ходом поединка по моим комментариям. Спасибо «Оптимал Дайнемикс»! А теперь о предстоящем бое: Хорхе Лопес-и-Баррера по прозвищу Бей-В-Нос, действующий чемпион в тяжелом весе. Тридцать два года, вес — сто один килограмм. К настоящему моменту Хорхе провел в ринге сорок восемь боев и не проиграл ни разу. Ни одной ничьей, сорок пять боев закончил досрочно. Чемпионский пояс забрал три месяца назад у Джозефа Фрейза, победив его в третьем раунде нокаутом. Махмуд Али, называемый чаще Молотом, экс-чемпион мира. Ему тридцать восемь лет, вес — девяносто три килограмма. Представлять этого боксера нет необходимости, но напомним: сорок шесть боев, сорок четыре победы, одна ничья и одно поражение. Памятное всем поражение как раз Рукастому Джо Фрейзу! В начале текущего года он вызвал Фрейза на бой и проиграл ему по очкам! Побывав при этом на настиле ринга в нокдауне! К сегодняшнему бою за титул чемпиона боец готовился долгие пять месяцев, но, увы, — Хорхе Бей-В-Нос успел за это время отобрать титул у Рукастого! Какая интрига! Теперь Молоту придется сразиться с бойцом, равного которому еще не знал профессиональный бокс. Этот Хорхе, он ведь настоящая нокаутирующая машина! Он моложе Али, отлично подготовлен, и сегодня мнения экспертов единодушны — шансы Махмуда вернуть себе титул оцениваются как один к десяти. Говорят, Махмуд уже не тот...

Чем ближе подходил я к Стадиону, тем больше становилось болельщиков. Все, кто не смог попасть на трибуны, расположились вокруг, на траве. Из развешанных плоских черных тарелок громкоговорителей звучал бодрый голос спортивного обозревателя. Люди стояли плотными группами, другие разворачивали подстилки, выставляли на них снедь, пиво и вино, усаживались шумными компаниями. Спортивное событие грозило перейти во всенародный праздник.

Большое количество полицейских, снующих тут и там в толпе, видимо, несколько не мешало этому. Стражи порядка лишь внимательно следили за болельщиками, не мешая согражданам праздновать бой века и готовясь вмешаться только в случае вспыхнувшего скандала или драки. Такое, к сожалению, бывало, но пока ничто не омрачало приподнятую атмосферу радостного события.

Однако стоило отойти от Стадиона на два десятка шагов, и количество любителей бокса значительно поубавилось. Вот и рощица, через которую действительно пролегла неширокая аллея. Сзади оставалась бурлящая чаша Стадиона, впереди расстилались просторы лесопарковой зоны, выходящей на берег Капаллы.

Надо признаться, что место было выбрано с умом. С одной стороны, в такой день и в таком столпотворении два человека не привлекут ничьего интереса. Да и внимание всех, кто пришел сегодня на Новую Спортивную Арену, было занято предстоящей боксерской схваткой. С другой стороны, стоило отойти немного в глубь рощи, и вы оказывались в полном уединении. Вся публика, пришедшая сегодня на Стадион, тянулась ближе к трибунам и громкоговорителям, хотя стрекот диктора было хорошо слышно и здесь.

Я ступил на плиты аллеи и углубился в зеленый прохладный сумрак. Поначалу дорожка имела вид вполне благоустроенный: вымощена плиткой, на небольших площадках с обеих сторон имелись удобные симпатичные лавочки с урнами для мусора. Было заметно, что сегодняшнее безлюдье объясняется исключительно боксерским матчем, в другое время здесь полно гуляющей публики.

Однако чем дальше я подвигался в глубь рощицы, тем меньше становилось примет цивилизации: лавки исчезли, плитка под ногами закончилась, и аллея незаметно превратилась в тропинку. Роща стала более походить на лес.

...И вот, дамы и господа, боксеры поднимаются в ринг! Хорхе, как всегда, блистателен! При почти двухметровом росте это сто килограммов тренированных мышц. Знакомая грива иссиня-черных волос, глаза как горящие уголья — совершенно брутальная внешность! Да он мачо, этот Бей-В-Нос! Не одно женское сердечко вздрагивает, когда этот красавец ныряет под канаты. Трибуны взрываются аплодисментами, болельщики скандируют имя бойца, размахивают его портретами и национальными флагами. Это ли не всенародная любовь?! Но вот и Молот. Он ниже Хорхе, не так фактурен и заметно легче, но не заблуждайтесь на его счет! Форму боец держит отличную: ни грамма лишнего веса, легкость в движениях, а внешняя расслабленность — это состояние плети, готовой в любой момент стегнуть страшной силы ударом! И это наш Махмуд! Он еще очень опасен и может стать неразрешимой проблемой для любого противника...

* * *

Фигура в серой куртке и бриджах вынырнула из-за кустов неожиданно — легкая, стремительная походка и грация хищника в движениях. На плече висел тубус, какими обычно пользуются чертежники, но больших размеров. Я узнал его сразу — тот же пронзительный взгляд, волевой подбородок и упрямая складка губ, что и на портрете Стефана. Старый оператор не зря пользовался именно таким финтом, он действительно был мастером: лицо, несмотря на отсутствие полного портретного сходства, было узнаваемо сразу и без труда.

Издали Ворон показался мне моложе, и только вблизи я понял, что он действительно сверстник Стачки. Читалась во взгляде накопившаяся усталость, морщины расходились от упрямо сжатого рта. Заметная седина в волосах. Лицо еще крепкого, но уже стареющего мужчины. И ничего inferнального во внешности, если бы только не нос, очень уж похожий на клюв.

Мы остановились в трех шагах друг от друга.

— Здравствуйте, Мартин, — начал Ворон. — Я представлял вас несколько иным.

— Более героическим? — ответил я с усмешкой. — Сказочным богатырем?

— Может быть... Хотя сущность человека не всегда соответствует его внешности. За то долгое время, что я живу на земле, пора бы это уяснить. Порой в невзрачном теле встречается неукротимый дух...

— Как было, например, со Стефаном Стачки. Другом вашей молодости.

Лицо моего визави помрачнело:

— Не будем о нем. Я предлагал Стефану партнерство, еще тогда, в те далекие времена. Предлагал союз и сейчас — вдвоем мы смогли бы перевернуть мир. Достичь невиданных высот!

— За счет жизней других людей? — более утвердительно, чем вопросительно проговорил я.

— Вы многого не знаете! — нервно выкрикнул Ворон. — Пролитая кровь лишь досадная издержка на пути исканий! Мне не доставало настоящего инструмента, приходилось оттачивать метод на людях. Если их можно только назвать людьми: человеческие отходы, никчемные пустые личности. Да, мне приходилось их убивать, но это были неизбежные жертвы, предтеча грядущих великих свершений! Совершались и ошибки, как без них в новом деле?... Будь у меня необходимое оружие, да еще в тандеме со Стефаном, воздействия имели бы другой вид. Совершенно некровожадный...

— Другими по форме, но теми же по содержанию: люди должны стать послушными вашей воле. Совершать необходимые действия как куклы, как стадо...

— Бросьте, Зрячий, — горячо оборвал меня Ворон. Сейчас я верил, что он действительно маньяк — в его глазах разгорался неистовый и неукротимый огонь. — Людям нравится, когда их ведут и направляют. Они не хотят принимать решений, не хотят ответственности, они предпочитают готовые рецепты, поданные в виде команд. Толпа просто обожает поводырей и кормчих, готова следовать за ними и при этом боготворит и превозносит своих кумиров!..

— Вы зря называете меня Зрячим, Ворон. Вы не имеете на это права, — холодно бросил я, сбивая патетику его речи.

— Что так? — обиделся мой противник. — Я как-никак стоял у истоков АСА. И процедуры проводил уже в то время, когда вы, Мартин, только учили арифметику в одноименном приюте. Даже названий таких: процедура, финт — тогда еще не существовало, но уже была работа с информацией.

— Опять ошибка, — с деланным сожалением поправил я. — Это меня называли в честь святого Мартина, а не наоборот. А Зрячими называют себя сенсы, выполняющие свой профессиональный долг. Честные и порядочные люди. Когда-то, наверное, и вы были таким, а теперь?..

— Приберегите этот словесный мусор для митингов в честь господина Президента, Мартин. — Ворон неожиданно успокоился. — Давайте рассуждать здраво. Что ждет вас на службе? До конца своих дней помогать всяким недоноскам устраивать собственную счастливую жизнь? Творить им успешную карьеру, достаток, выгодные браки? При этом получать ничтожное жалование, а впереди — скромный пенсион... И тешить себя сознанием причастности к государственной политике! Ну станете вы со временем живой легендой АСА, каким был Стачки, и что? Жалкий старый дурак! Я предлагал ему блестящее

будущее, но он уперся. Да еще не хотел вернуть то, что ему не принадлежало. Что ж, это был его выбор...

— Я очень уважал Стефана и почитал его как старшего товарища. Наши взгляды во многом совпадали. К тому же, Ворон, не поздно ли договариваться? Вы неоднократно хотели убить меня. Положили кучу людей, под угрозой была и Ева Мария Сантос, мой партнер. Только когда ничего не вышло, вы приступили к переговорам.

— Если бы здесь сейчас была Ева, мы, может быть, смогли бы договориться, — усмехнулся мой противник. — Возможно, это моя ошибка — запретить вам привести ее сюда. Это очень здравомыслящая девушка с чудовищным честолубием. Ее папенька Сантьяго передал ей стремление к власти вместе с кровью, как фамильную черту. А насчет переговоров — они, как видно, затягиваются. Прошу сюда...

С этими словами Ворон шагнул за стену кустов, росших недалеко от тропинки. Я последовал за ним и оказался на чистой и просторной поляне с невысокой травой. Вокруг стеной стояли деревья, ни одной живой души не наблюдалось.

— Предлагаю в последний раз, — проговорил противник, напряженно глядя мне в глаза, — давайте договариваться, Зрячий. Вы отдаете мне Дагг-Ош... Вы ведь нашли ее и даже поняли силу этого оружия? Но вам с ним не справиться. Только я имею право распоряжаться саблей. Я истратил на поиски всю жизнь, терял друзей, мне самому пришлось погибнуть и родиться заново. Да, я, черт возьми, положил за право обладать саблей кучу народу и не жалею об этом! И не вам, Мартин, останавливать меня. Взамен я позабочусь о вашем будущем и клянусь — вы никогда не пожалеете о своем выборе.

Он говорил и сбрасывал с плеча свой тубус. В серьезности его намерений сомневаться не приходилось, да я и не сомневался. Но лишь покачал отрицательно головой. Быть куклой в чьих-то руках очень не хотелось, и про Еву он так зря. Он ведь совсем ее не знает.

...Итак, дамы и господа! Событие, которого мы все так долго ждали, началось! Последний удар перчаток о перчатки и... гонг! Я думаю, вам не трудно будет различать спортсменов: более светлый в алых с серебром трусах — Хорхе и темнокожий, в снежно-белых трусах и гетрах — Алий. Бой начался. Хорхе бросается в атаку, похоже, он сразу хочет показать, кто хозяин в ринге. Чемпион проповедует атакующий стиль: работать от обороны, строить хитроумные комбинации не в его правилах. Напор, ураганный натиск, удар — вот его испытанный прием! Всем любителям и знатокам бокса хорошо известно — Молоту нельзя уходить в углы ринга. Там Хорхе забьет любого, самого стойкого и выносливого бойца. Эфиопу придется разрывать дистанцию, уходить, искать счастья в контратаках. Посмотрите, как он движется! Как работают ноги! Хорхе придется попотеть сегодня... Но какая мощь в кулаках чемпиона, его удары отбрасывают Молота к канатам! Только виртуозное владение корпусом спасает пока претендента. После таких ударов очень многие оказывались на настиле ринга, теряя ориентацию в пространстве и волю к дальнейшим выступлениям. Это будет замечательный бой! Опыт и мастерство против силы и натиска! Две железные воли, два страстных желания победить встретились сегодня на ринге. Я поздравляю всех нас, нам выпало присутствовать на незабываемом зрелище!..

Я скинул дерюгу и достал оружие. Ворон впился взглядом в клинки, казалось, еще чуть-чуть, и у него потекут слюнки. Он пробормотал что-то неразборчивое, вроде: «Ага, и

ножичек здесь...» и криво усмехнулся.

Его серенькая курточка полетела на землю, следом отправился и тубус. Ворон остался в белой шелковой рубаше с воротником апаш и своих удобных бриджах. В его руках сверкнул индийский тальвар — мощная сабля с длинным, широким и тяжелым клинком. Таким оружием можно легко разбить саблю, учел ли это фехтовальщик? Через миг я понял — да, учел, всё продумал и принял решение.

— Или Дагг-Ош достанется мне, или не достанется никому, — прошипел мой противник. — Время уговоров прошло, Мартин. Пусть нас рассудит бой!

* * *

Я тоже сбросил всё лишнее: просторная светлая рубаша, широкие штаны, не стесняющие движений, и обнаженный клинок в руках. Ворон крутанул саблю кистевым движением, и тальвар призывно свистнул.

Стойку он принял классическую: немного боком, чуть выставив вперед левую ногу и отведя назад вооруженную руку. Статичность и обыденность позы меня не обманывали, это был слишком опытный и умелый боец, и положение он мог сменить в любой момент.

В то же время мне требовалось несколько мгновений для того, чтобы почувствовать информационное поле. Моя сила заключалась не в искусстве фехтования — здесь Ворон наверняка мог дать мне сто очков вперед, — а в возможности противостоять ему построением вектора. Я собирался выиграть схватку в призрачной ипостаси финта, тем оружием, за которое бился Ворон. Клинки уже привычно развели мои руки наподобие крыльев ветряной мельницы.

Может, необходимая мне пауза была тому виной, может, в глубине души я помнил, что передо мной ровесник Стацки и Венеры Спай, но первая же атака противника чуть не стала для меня фатальной. Она была столь стремительной, что только разведенные руки, благоприобретенные автоматизмы и уникальные клинки спасли мне жизнь.

Скрутка развернула тело быстрее, чем мозг успел что-либо понять, и я ушел с линии атаки. Сабля Ворона мелькнула в сантиметрах от моей груди, но тут же неуловимым движением, прямо-таки мистическим каким-то образом вновь оказалась перед моим лицом.

Я успел сделать скользящий сбив атакующего клинка и вынужден был отпрыгнуть от противника, разрывая дистанцию. Да, такой прыти я не ожидал! Но и отступать было некуда. Кто-то из нас останется сегодня здесь, на этой поляне, а уцелевшему в награду достанется весь мир...

...Третий раунд! Если кто-то опоздал к началу состязания, хотя я даже представить себе не могу такого человека, скажу вкратце, что бой складывается пока в пользу действующего чемпиона. Подавляющее преимущество Хорхе Лопеса: он забрасывает Махмуда Алиа градом ударов, прижимает его к канатам, загоняет в углы ринга. Поистине удивительно, как экс-чемпион выдерживает всё это! Молот принимает удары на руки, на плечи, использует уклоны и приседы. Его работа корпусом достойна восхищения — едва уловимые движения, тело отклоняется на какие-то миллиметры, но удары Лопеса получаются не акцентированными, а скользящими, не достигают цели. Между тем кроме джебов — легких ударов передней рукой, отвлекающих внимание противника, — Молот еще ничего не показал. Он пока не смог прицельно ударить Хорхе ни разу, только защищается!

Как долго выдержит Алий такой натиск? Хватит ли сил претенденту, чтобы дотянуть до конца схватки? Ведь формула чемпионского боя — пятнадцать раундов! Давайте же следить за поединком дальше, дамы и господа! Пока в ринге ничего не меняется. Хорхе в который раз прижал Молота к канатам, загнал в угол, обрушивает на него тяжёлые удары по корпусу с переходом в голову. Левый боковой, кросс в голову, ещё двойка по корпусу! Алий держится, часть ударов принимает на защиту, часть пропускает мимо. За счёт своих феноменальных ног он выворачивается из угла и порхает по рингу... Смотреть на этих величайших боксеров нашего времени — истинное наслаждение! Ну а кому не хватило мест на трибунах, может хотя бы послушать мой репортаж. За это поблагодарим электрическую компанию «Оптимал Дайнемикс», предоставившую возможность...

Какое-то краткое время мы кружили друг против друга, тяжело дыша, а потом Ворон бросился в атаку вновь. Удары летели справа и слева, диагональные секущие, вертикальные рубящие и опять секущие, но уже горизонтальные. За счёт более тяжелого оружия Ворон имел преимущество — жестко принимать его клинок я не рисковал. Дагга-Оззи в данном случае тоже был бесполезен.

Оставалось только отступать, и я отступал. Кружил по поляне, и она уже не казалась мне такой просторной, как раньше. Менял стойки и пятился, пятился, пятился — Ворон гонял меня как зайца. Слева и справа опасно посвистывал тальвар, отточенная сталь мелькала в сантиметрах от моей головы, плеча, руки...

Вот я запнулся обо что-то и упал на спину, ушел перекатом через плечо, но вставать пришлось бы прямо под горизонтальный секущий удар, и я нырком кинулся вперед. По шее горячей волной прошёлся воздух, рассекаемый саблей противника, и клинок срезал мне прядь волос с головы. Так долго продолжаться не могло — в конце концов Ворон поймает меня на удар. Одними уходами, только защитой победить невозможно.

И тут я вспомнил о лентах-змеях на ножнах Дагг-Ош. Ритм бился во мне с самого начала схватки, я чувствовал его в области солнечного сплетения и только благодаря этому мог поддерживать тот бешеный темп, который навязал мне Ворон. Но это был ритм ленты с более частым и сложным рисунком меандра, а ведь существовал ещё и другой рисунок на второй ленте!

Я представил себе второй меандр как можно более ярко, и в тот же миг мое движение замедлилось, как и тогда в Мастерской. Изменение застало меня в резком перемещении, почти прыжке, но секунды вдруг начали растягиваться, как резиновые. На миг я завис в воздухе, потом плавно опустился на землю.

В то же время я видел, как Ворон продолжает атаковать пространство впереди меня, там, где я должен был появиться, но не появился. Надо отдать ему должное, мастером он был выдающимся и сориентировался мгновенно — удары посыпались назад, за видимого противника, как бы в пустоту. Но для меня это значило — прямо в лоб!

Для ухода пришлось тут же возвращаться в исходный ритм, ускорение рвануло сухожилия, болью резануло по мышцам, но сумасшедшим рывком я ушел из-под атаки. Вот, значит, как! Я могу менять ритм произвольно, опережая противника или намеренно отставая от него по мере необходимости...

...Итак, заканчивается пятый раунд, дамы и господа, первая треть боя! Каковы же предварительные итоги? Бей-В-Нос главенствует в ринге, он всё так же атакует Алия,

осыпает его жесткими ударами, прижимает в углах ринга. Но экс-чемпион стоит. Непостижимо, но после такого количества пропущенных ударов Молот остается на ногах и выглядит довольно свежим. Чего не скажешь о чемпионе, пять раундов длится сплошная непрерывная атака — какие силы надо иметь, чтобы поддерживать такой темп?! Движения боксера уже не так быстры, он меньше перемещается, порой входит в клинч, виснет на сопернике, пытаясь восстановить силы. Сейчас Хорхе нужен сильный завершающий удар, «лаки панч», как его называют. Если чемпиону не удастся свалить претендента на настил в шестом раунде, бой грозит перейти в позиционное противостояние с непредсказуемым исходом. Хорхе атакует! Это его шанс: двойка — удары с левой и правой, тройка — левая, правая и еще раз левая. Правый апперкот в туловище и сразу левой в голову — смотрите, экс-чемпион потрясен, он шатается! Уходит в глухую защиту! Вот сейчас, сейчас Молот не выдержит и рухнет!.. Гонг! Минута перерыва для спортсменов...

Ворон продолжал атаковать, но темп снизил. Видно, понял, что одним напором и скоростью ему меня не взять. От рубки мы перешли к фехтованию, и у меня появилась надежда, что сейчас я смогу наконец приступить к информационной работе. Тем более что вслед за сменой темпа я прикинул в голове узор-плетенку с ножен. Я уже видел большой овал, вписал в него квадрат, примерился для передвижения по опорным точкам... И чуть не пропустил опасность.

В какой-то неуловимый миг глаза Ворона стали плоскими, неживыми, будто подернулись пеплом, движения — размашистыми. Шагал он теперь гораздо шире, как бы скользя над землей. Момент перехода я пропустил и теперь отчаянно искал возможности противостоять новому бойцу, который был передо мной.

А еще через миг левая рука Ворона превратилась в крыло, широкое и острое, черное птичье крыло. В сравнении с ним тальвар казался игрушкой, и, как и тогда в Музее, не было времени размышлять: фантом это или материальный объект? У меня не имелось ни малейшего сомнения в том, что, попади мне этим крылом по руке, руку отсечет начисто.

Вновь пришлось зайцем скакать по поляне. Только теперь это был не простой заяц, а со сверхчувственным восприятием. Я передвигался по заветному плетенному квадрату, по пересечениям его нитей, отталкиваясь от опорных точек, как от трамплинов. Поймать меня, возникающего то там, то тут, было крайне трудно, почти невозможно.

Однако и противостоял мне человек, всю свою жизнь посвятивший фехтованию и информационным воздействиям. Он встретил меня в момент прыжка, когда изменить уже ничего невозможно. Тело оторвалось от земли и стремительно двигалось по намеченной траектории.

Крыло выросло впереди неожиданно — бритвенно острая кромка летела мне навстречу точно на уровне глаз. Я едва успел сложиться, но этого оказалось мало — я не помещался в зазор под крылом. И тогда в отчаянии я выставил перед собой Дагга-Оззи. Правая рука с Дагг-Ош была на отлете, и тело само распорядилось согласно инстинкту самосохранения. Кинжал врезался в крыло!

Раздался громкий хлопок, клинок разлетелся на сотни сверкающих осколков до самого эфеса, в моей руке осталась лишь рукоять с почти незаметной, по горской традиции, крестовиной. Я грохнулся на землю, приземление стало больше похожим на падение. И тут же где-то высоко в небе раздался протяжный тоскливый звук, будто крик расставания и

боли. Завибрировала в руке Дагг-Ош, всхлипнув по младшему братишке...

Но и крыло, резко вздрогнув, метнулось в сторону. Ворон вскрикнул и, прижав левую руку к животу, согнувшись, попятился от меня. Я вскочил, выставив бесполезную рукоять, и не мог двинуться с места — передо мной распахнулась детальная картина информационной структуры.

На темном бархатистом фоне изумрудными нитями пролегли энергетические каналы, мерцали опорные точки, рубиново пульсировали векторы. Картинка совмещалась с реальным ландшафтом, и сквозь пелену изображения я хорошо видел Ворона на поляне с поникшей, вытоптанной травой.

...Седьмой, седьмой раунд, дамы и господа! Посмотрите, как всё изменилось в ринге! Махмуд Алий выстоял! Да, дорогие друзья, это фантастический бой! Хорхе затратил на атаки столько сил, что этого хватило бы на троих соперников, но не хватило одному Молоту. Прошу учесть, что если каждый акцентированный удар забирает силы боксера, то каждый удар, не попавший в цель, «провалившийся», забирает их вдвойне или даже втройне. Посмотрите на Хорхе, на его ватные удары, на замедленные движения! Положительно, Бей-В-Нос без сил! Искусно работая корпусом и уклоняясь, Молот измотал Лопеса и сумел выйти с честью из первой половины боя. Сохранил силы для дальнейшей борьбы и, — посмотрите! — теперь переходит в атаку! Теперь уже двойками и тройками бьет Махмуд! Смотрите, он начал плотно ставить стопу, удары его жалят Хорхе в полную силу. Чемпион шатается, он с трудом выдерживает этот натиск! Прошло время кружения и порхания по рингу, настало время познакомиться с кулаками Молота. А прозвище свое Алий носит по праву!

Информационная картинка и ландшафт накладывались, совмещались, но не мешали одна другой. Орнамент четко возник перед внутренним взором. Я прикрыл глаза, теперь настало время расслабиться — пусть Дагг-Ош ведет меня по завитой и прихотливой дорожке, начертанной на ее ножнах. Узором танца, равного схватке. Тактикой боя, сравнимой с развеселой пляской. Ты ведь сам так говорил, Ворон? — вот и попляшем...

Это действительно был танец. Я не приближался к противнику: крутил на поляне фуэте, взлетал к небу в кабриолях и больших падеша, связывал глиссадами элегантные жете. Мой учитель балета был бы горд, мой противник — стал беззащитен.

Свой вектор я хорошо отличал от вектора Ворона. Теперь мы скрещивали не клинки, мы фехтовали линиями судеб. Казалось, лязг и скрежет наполнили пространство над притихшей поляной, лесопарком и Стадионом. Даже жизнерадостное журчание спортивного комментатора, звучавшее фоном всё это время, стало тихим и невнятным.

Я нависал над противником, связывал его, не давал двинуться. Я подавлял Ворона, рубил его вектор своим, словно клинком. Я прижимал его к энергетическим каналам, и пульсирующая ярко-красная линия извивалась, крутилась как уж на сковородке, но не могла вырваться из моей хватки.

В какой-то момент тальвар перестал повиноваться хозяину. Ужас отразился на лице моего врага: собственная сабля, прокручиваясь в руке, норовила ударить его самого. Теперь он тоже плясал, но уже свой танец — с непокорной партнершей. Больше всего это походило на попытку удержать раскаленный предмет: Ворон перехватывал и перебрасывал оружие из руки в руку, не забывая уклоняться.

И всё-таки он был настоящим бойцом, почетно иметь такого врага. Невероятным усилием удержав своенравную саблю, фехтовальщик совершил длинный прыжок и тут же попытался нанести мне сильный вертикальный удар!

Вот только в последний миг тальвар вильнул — клинок скользнул в сторону, предав своего хозяина, и я в ответ ударил по открытому телу, через правое плечо, по ребрам. Алая кровь хлынула на белую шелковую рубашку, правая рука Ворона моментально обвисла плетью, но он всё же успел перехватить клинок левой...

...Это свершилось, дамы и господа! Первая минута восьмого раунда, Хорхе Лопес предпринял атаку в последнем усилии. Уже из своего угла чемпион выходил с трудом, покачиваясь. Здесь, у ринга, пронеслась весть, что секундант предлагал ему выбросить белое полотенце, прекратить бой. Но не таков Хорхе Лопес-и-Баррера, чемпион мира в тяжелом весе, спортсмен, достойный уважения и восхищения! Такие люди не сдаются, они бьются до последнего! Хорхе вышел, но сделать ничего не успел. Молот начал ураганную атаку, держать такие удары тяжело даже в начале боя, что говорить об измотанном чемпионе. Окончание задумывалось, по-видимому, как тройка: удар левой, потом правый боковой и завершение прямым с левой рукой. Но оказалось достаточно первых двух ударов: потрясающий левый в голову и правой точно в челюсть! Всё! Огромное тело Хорхе падает по дуге, как сухой лист, к ногам победителя. Занесенную было левую руку Молот, проявив благородство, остановил и не стал добивать поверженного противника. Рефери в ринге открыл счет: «...восемь-девять-аут!» Мы стали свидетелями рождения нового чемпиона мира в тяжелом весе! Махмуд Алий вернул себе титул, что удавалось до него лишь одному, также легендарному боксеру...

Ворон гортанно вскрикнул, его качнуло вправо, но равновесие он удержал. Левая рука была повреждена ударом погибшего Дагга-Оззи, но он крепко ухватил ею саблю и кинулся ко мне вновь, распылив в яростном крике рот, пытаясь нанести еще один удар.

Поймав тальвар на встречном движении, я рубанул горизонтально по клинку, вкладывая в удар всю силу своего внутреннего убеждения, всю волю и страсть. Клинок лопнул так же, как это совсем недавно произошло с моим кинжалом — с громким хлопком, на сотню блестящих осколков, до самого эфеса.

Ворон впал в ступор, он смотрел на изуродованные останки сабли в руке и не верил в происходящее. Помотал головой, пытаясь прогнать наваждение, а потом крикнул «нет!» и поднял глаза, полные слез, боли и тоски. В следующий миг глаза умерли, превратились в два остывающих костровища, засыпанных холодной золой. Ничто сейчас не напоминало о том жарком пламени, которое билось здесь совсем недавно.

— Будь ты проклят, Зрячий, — выдохнул Ворон и запустил в меня эфесом. Я еле успел уклониться. — Ты тоже не найдешь счастья с Дагг-Ош, боль и несчастья будут тебе наградой. Помни мои слова...

Он резко повернулся и бросился бежать к деревьям.

— Ворон! Стой! — крикнул я и кинулся следом.

Теперь, с безоружным и обезвреженным противником я готов был разговаривать. Мужество Ворона вызывало уважение, за время поиска — удивительно! — я почти сроднился со своим врагом. Но еще более того меня мучил вопрос...

Кого ты любил, Ворон? Ведь если танец можно обратить в бой, то и схватку нужно

переплавить в любовь! У меня есть кого любить, и потому Дагг-Ош повинуется мне, а ты?!

Убивать — ты убивал. А любил?..

И я кричал, чуть не разрывая горло:

— погоди, Ворон! Мы еще не всё сказали друг другу!..

Но он не слушал. Мы стремглав проскочили лесополосу и вылетели, как камни из пращи, на ровное пустое пространство. Впереди виднелись кусты. Несмотря на рану, потерю крови и возраст, Ворон бежал очень быстро. Я не мог догнать его и старался хотя бы не отставать.

Мы вломились в заросли, продрались через них и опять очутились на пустом пространстве, сером и неприглядном. Травы здесь уже не было, под ногами столбами взлетала сухая мелкая пыль. Впереди виднелась неширокая мощеная дорожка, а за ней берег обрывом уходил вниз, к руслу Капаллы. Я наконец узнал место, куда мы бежали.

Его называли Гиблым Местом. Несколько лет назад здесь собирались построить мост. Однако потом что-то изменилось, строительство забросили, но на обоих берегах реки выросли уродливые бетонные сооружения. Русло тут значительно сузилось, и Капалла, раздольная в других участках, здесь превратилась в сущую стремнину. Поговаривали, где-то поблизости сбрасывают сточные воды.

Таким образом, под бетонным козырьком бурлил зловонный поток, закручиваясь воронками с шапками грязно-зеленой пены. Это место не любили, его побаивались, даже рыбаки никогда не ловили здесь рыбу. О купании или прогулках на лодке и речи быть не могло — бурное течение и водовороты делали подобную затею смертельно опасной.

Неужели Ворон бежит к реке?! Думает спастись вплавь? В Гиблом Месте?! Но ведь это самоубийство!..

— Ворон! Стой! Остановись, давай поговорим! — закричал я, выбиваясь из сил.

Но он уже запрыгнул на уродца из бетона. Несколько быстрых шагов к обрыву...

На краю он остановился и обернулся. Я приближался, но слишком медленно — как во сне, когда хочешь рвануться изо всех сил и не можешь — вязнешь, еле движешься в воздухе, словно в киселе...

Ворон смотрел на меня своими мертвыми глазами, и я понял, что о бегстве он и не помышляет.

Губы его шевельнулись. Я ничего не мог слышать за шумом воды, но по движению губ понял — он проклял меня еще раз. В следующую секунду силуэт мелькнул на фоне реки и исчез.

* * *

Я запрыгнул на бетон. Внизу бурлил и крутился в водоворотах поток. Ничто не мелькнуло на его поверхности, только грязная пена водила свой бесконечный хоровод. Ни один пловец не смог бы здесь выплыть, тем более — раненый человек.

Тем более если нет желания жить и спастись...

Я отпрянул от обрыва. Гиблое Место вызывало какой-то безотчетный страх, к нему примешивались разочарование и досада — казалось, всё могло получиться по-другому. Эти чувства погнали меня обратно, к подножию сооружения. Я опустился без сил на землю, привалился к шершавому прохладному бетону.

Впереди, над Стадионом, громко треснуло. Вспыхнуло в небе разноцветье фейерверков,

раздался восторженный рев толпы. Высоко и победно запел горн.

Сзади мощно и ровно гудела Капалла.

Я сидел между праздником и смертью, в образовавшейся пустоте, и не знал, что делать теперь со своей победой...

— Ма-а-арти-и-ин! — крик разорвал мою бесплодную пустоту. Через унылый пустырь, где еще недавно мчались мы с Вороном, бежала Ева. Ее волосы растрепались, сзади развевался длинный цветной шарф.

— Как ты? Где Ворон? Ты справился с ним, ты не ранен? — забросала она меня вопросами, едва приблизившись. Ева с трудом справлялась с дыханием, щеки покраснелись, глаза были наполнены неподдельной тревогой.

— Всё в порядке, Ева, — глухо ответил я. — Враг повержен, артефакт в надежных руках, народ чествует своего героя.

Коротко я поведал о встрече с Вороном. В небе с треском расцвело новое цветастое полотнище фейерверков.

— Герой сегодня Махмуд Алий. Он выиграл чемпионский титул, — улыбнулась девушка, успокаиваясь. — А ты одолел опасного маньяка. Об этом будут знать немногие, но те, кого мы посвятим, отдадут должное твоей победе. И уверяю тебя, эти посвященные будут стоять много дороже, чем толпа на Стадионе. Зачем тебе всенародная слава, Мартин? Народ вряд ли оценит твои усилия, скорее всего, даже не поймет, что произошло...

— Вот и я думаю, нужен ли людям Дагг-Ош?

— Не знаю, как людям, но вот нам... Всё складывается очень хорошо, Мартин, просто прекрасно... — Ева уже полностью успокоилась. — Ты понимаешь, что произошло? Ты теперь единственный человек, который владеет силой чудотворной сабли! Ты монополист! Кое-кому теперь придется это учитывать.

— Чем тогда я отличаюсь от сабли? Ведь это просто кусок металла, а ты хочешь, чтоб и меня использовали как инструмент? Может, лучше стать всесветным диктатором, как того хотел Ворон?..

Я горько усмехнулся, но Ева не приняла моей иронии. И не услышала моего вопроса.

— Глупости, Мартин! Какой диктатор, что за детские мысли? Ворон был опасным маньяком. Ты его обезвредил, и эта заслуга не будет забыта. Я позабочусь. Но всё это игрушки в сравнении с перспективами, которые открывает клинок. Только действовать надо умно — никаких диктаторских замашек, никакой самодеятельности. Сам видишь, чем заканчиваются попытки самочинно править миром. Против тебя встает система, объединяются службы... Чуть раньше, чуть позже тебя изловят. Или убьют.

На секунду она знакомо прикусила губку и продолжила:

— Нет, клинок должен достаться ведомству — АСА или тайникам, неважно. Но они будут лишь хранить саблю, а вот для применения пригласят тебя. И только тебя! Ну, а ты, надеюсь, не забудешь свою верную помощницу... — Девушка лукаво улыбнулась и тут же восхитилась: — Какие дела можно закрутить с помощью такой штуки! Только представь: политика, военные, да в любой сфере... С аристократами теперь можно будет разговаривать совершенно иначе.

Глаза девушки сияли. Она уже видела головокружительные комбинации, грандиозные интриги и мировые скандалы. Она уже раскручивала их... Ева горела желанием отомстить и утереть нос своим давним обидчикам.

— Да, сила в сабле заключена — твоим покровителям и не снилось. Можно ею так

махнуть, что полмира изменится. Но тогда насилие будет совершаться уже над тысячами людей. Ворон, похоже, был школьником в сравнении с твоим размахом...

— Конечно! Ворон — авантюрист-недоучка, местечковый буонопарте! Что он мог придумать оригинального? Стащить деньги из банка? Посадить в магистрат своего поверенного, который наградил бы его орденом Святого Бенедикта? Нет, мы используем клинок по-другому. Все будут довольны, уверяю тебя. Мы ведь не злодеи и думать будем не только о себе. Мы поставим клинок на службу государству!

— Ева, Ева! — попытался я докричаться до нее. — Подумай, какое страшное оружие мы пустим в мир, отдадим в чьи-то руки! И чьи это будут руки? Ты уверена, что Дагг-Ош всегда будет использоваться — ну хотя бы во благо Республики? Но даже в Республике есть аристократы, и есть воспитанники приютов... И стремления у них разные, и чаяния разные...

— Не волнуйся, Мартин. Я всё продумала, ошибки не будет. Сейчас нам необходимо как можно скорее попасть в отдел. Начнем с Аусбиндера — хоть он и дурак, но у него есть связи, и я знаю, как их использовать. Как лучше отсюда выбраться?

— А как ты вообще нашла меня?

— Лили сказала о вчерашнем звонке, — отстраненно ответила девушка, мысли ее уже были далеко. — Нашла телефонистку и вытрясла из нее содержание разговора. Остальное просто, жаль только, опоздала. Может, разговор с Вороном сложился бы иначе...

«Если бы здесь сейчас была Ева, мы, возможно, смогли бы договориться...» — вспомнил я. И далее: «Ты тоже не найдешь счастья с Дагг-Ош, боль и несчастья будут тебе наградой».

— Я не хочу нести клинок в АСА, Ева, — тихо проговорил я. — Я не хочу отдавать его тайникам. Не за это сложил голову Стефан...

— Вот как? — Что-то изменилось во взгляде моей верной помощницы. Мелькнул в них образ нелепого дворника, метущего пустынный заснеженный двор.

Если война ступила на порог, сожги свой дом и будь готов отдать всего себя борьбе. А если война перешагнула через порог? Если пожар уже бушует внутри?

— Я что-то не понимаю вас, Зрячий? — Глаза Евы стали холодными, как тот снег, что я усердно мел в своих видениях. Подбородок упрямо задрался кверху. — Куда же вы собрались его нести? Вы с честью выполнили ответственное задание, теперь время получить с этого проценты. Только надо довести дело до конца. Ну же, Марти-и-ин...

Ева видела во мне капризного ребенка, а сама уже просчитывала варианты, строила комбинации. А я думал, что всё это чертовски несправедливо. Всё: смерть друзей и врагов, планы самой дорогой мне женщины, всё то, что могло случиться скоро со мной и моей подругой-саблей. Да и со многими другими людьми тоже.

Когда война ступила за порог...

Я давно заметил достаточно широкую щель между бетонных плит. Клинок прошел туда ровно на две трети длины. Прошептал: «Прости!» — я навалился всем телом на эфес, сталь громко хрустнула, и обломок клинка жалобно звякнул о мостовую. Быстро подобрав его, я закинул останки сабли в бурлящий поток Капаллы. Прощай, подруга...

Ева застыла на месте, на миг лицо ее стало растерянным, но тут же закаменело:

— Вы только что совершили очень большую ошибку, оператор. Самую большую в своей жизни. Непоправимую... — промолвила она, глядя куда-то поверх моей головы.

А потом повернулась на каблуках и пошла прочь. Развевался на ветру цветной

веселенький шарфик.

Прочь уходила моя любовь. Будущее, еще недавно обещавшее стать блистательным, наполниться необычными и яркими делами, закрывалось теперь серой пеленой. Я выиграл схватку с врагом, но проиграл бой.

Что ж, так тому и быть. Я не могу занять место Ворона в играх наших веселых служб. И в головокружительных планах моей очаровательной Евы Марии тоже не могу.

Не могу и не хочу, уж извините...

Эпилог

Директор тринадцатого отдела АСА господин Ганс Аусбиндер-Меерштрассер-Ладенау-цу-Беккрештоккер-цу-Грюненвальден... и прочая, и прочая — попробуйте-ка выговорить без запинки все имена высокородного аристократа! — смотрел, как обычно, поверх моей головы. В точку, известную ему одному, где он мог наблюдать нечто важное и сокрытое от глаз всех остальных людей. Может быть, он видел там смысл и результат всего того, чем мы здесь занимались.

— Таким образом, оператор Мартин, — продолжил он свою мысль, — результат предпринятых вами усилий признан в Ставке неутешительным. Оба артефакта, и тот, что существовал в виде сабли, и тот, который был кинжалом, утрачены. Автор уникальной методики погиб, и как он достиг результатов, мы не знаем. Я правильно понял суть вашего отчета?

— Совершенно правильно, господин директор, — подтвердил я, и он удовлетворенно кивнул.

Шел третий день после поединка с Вороном. Я написал подробный отчет, и началась бесконечная череда бесед, а лучше сказать — допросов, во время которых меня придирчиво расспрашивали вначале чиновники АСА, а потом тайники. Никого из них я не знал, все они были из соответствующих главных управлений. Пришлось соврать, что оба клинка оказались уничтожены во время схватки. Во всём остальном я ни на миллиметр не отошел от истины.

Никто не уличал меня во лжи, никто не ссылался на показания Евы, которая могла бы пролить свет на обстоятельства исчезновения Дагг-Оша. Я тоже обошел молчанием ее появление в Гиблом Месте. Как будто и не было этой нашей встречи...

И еще — я ни словом не обмолвился о том, что разгадал орнаменты на ножнах, понял новый принцип управления информационными структурами. Уникальная пара погибла безвозвратно, без нее методика мертва, так кому нужны все эти перипетии? И меня опять никто не поправил. Как видно, Ева молчала. Дворянка не любит проигрывать, а для нее мой поступок равносителен поражению.

В кабинете повисла пауза. Помимо нас с директором здесь находился специальный агент Серый — с забинтованной головой, сбежавший, как я подозреваю, из госпиталя раньше времени. Он стоял у окна и внимательно разглядывал что-то за вымытым стеклом, не вмешиваясь в беседу.

— Проведение каких-либо исследований в этом направлении признано нецелесообразным. Тема закрыта. Но вы же понимаете, Мартин, делом живо интересовались в верхах. Да что там, — директор вяло махнул рукой, — я ведь сам писал отчеты. Теперь нами недовольны и желают заклятия агнца...

Он пожевал сухими губами. Выглядел патрон неважно: осунулся, под глазами залегли тени, а во взгляде читалась смертельная усталость. Наверняка у старика были собственные планы в отношении Ворона, и, наверное, обширные.

— Тринадцатый отдел расформируют. В Ставке сказали, мол, это давно спланированная акция. Дескать, не укомплектован штат... Будто могли знать заранее о гибели Стефана. — Он горько усмехнулся. — Вас переводят в другое место, а мне... Мне намекнули на возраст и былые заслуги.

Вот, значит, как! Господина Аусбиндера в отставку, меня с глаз долой, в какую-нибудь глушь, а то, что устранена серьезнейшая угроза обществу, вроде уже и забыли. А разве могло быть иначе? Не судят только победителей...

А может, и не было никакого Ворона? Его таинственной методики, старинной сабли? И Корга, и скрипачек из «Blue café», и ребят из «Спаты» и «Елмани»... Постового на набережной, павших агентов...

— Эйдельмана, Венеру и Патоку переводят в двенадцатый, — продолжал скучным голосом господин директор. — Вы получаете назначение в подотдел Броксена, приказ подписан. Это небольшой городок, расположенный... Что такое?

Виной последней реплики послужила моя неудачная попытка сдержать смех. Вот как! Можно будет зайти в гости к престарелой госпоже Сантос, передать привет от дочери!

— Извините, господин директор, — поправился я. — Мне известно, где расположен этот город. Я слышал, госпожа региональный эксперт...

— Не надо, — раздраженно прервал меня бывший патрон. — Не будем о госпоже региональном эксперте. У нее свои обязательства перед Управлением Экспертного отдела и свои проблемы...

Что-то они не поделили между собой, высокородные. Но мне какое дело, я сейчас пойду собирать вещи. Невелик труд — маленький чемоданчик, дел на полчаса. Надо обязательно купить у толстяка Юлека ящик моих любимых папирос. Так хоть будет повод нанять носильщика на вокзале. Иначе неприлично — оператор с маленьким чемоданчиком в руках...

— Вы ничего не должны отделу? — вернул меня к действительности голос бывшего начальника.

— Нет, господин директор. Ножны от клинков я сдал леди Макензи под роспись, как и приказано. Операционная свободна, инструменты я забрал.

— Вот и славно, оператор. Я вас больше не задерживаю.

— С вашего позволения пойду и я, дел много, — раздалось от окна.

Грузная фигура приблизилась, лицо у Серого сохраняло нейтральное, даже скучное выражение. Не удивлюсь, если узнаю, что господин специальный агент разобрался во всей этой истории гораздо лучше, чем все остальные участники. Он очень хорошо умеет слушать, а еще более того — слышать. Порой даже то, что не произнесено.

— Конечно, господа, ступайте... — проронил директор. Его мысли были уже далеко.

За дверью агент придержал меня за локоть:

— Одну минуту, Мартин. Не буду рассыпаться в соболезнованиях, нам это не к лицу. Решение принято, а мы с вами подчиняемся приказам. И всё же хочу, чтоб вы знали. История еще более сложна и запутана, чем кажется. Есть у нее двойное дно...

Я отстраненно смотрел на тайника. Какое мне теперь дело до всех ваших интриг и сложностей? Я еду в Броксен! На ближайшем поезде! И разбирайтесь тут сами, как хотите...

— У меня есть информация, — продолжал специальный агент, стараясь не обращать внимания на выражение моего лица, — за Вороном стоял кто-то, человек с самого верха. Вы

понимаете, что это значит?

Я молчал.

— Ну же, Мартин! — тормозил меня Серый. — Ворон не был маньяком, психом-одиночкой или кем-то в этом роде! Ему было обещано... Его использовали в определенных целях, и с этими людьми предстоит разбираться...

— Боюсь, господин Серый, возиться со столичными проблемами вам придется без меня. От Брокскена до Капиталлы триста километров... Как вы себе представляете мое участие?

— Я не осуждаю ваш поступок, — промолвил тайник, и я понял, что ему известно, как был уничтожен Дагг-Ош. Черт возьми, и откуда он всё знает? Но Серый продолжал: — Я бы этого не сделал, но уважаю ваше право поступать так, как велит совесть. Однако игра не закончена, более того — она еще только начинается. И понадобятся игроки — решительные, думающие, опытные... При необходимости все вопросы можно уладить...

— Не в этом случае, — я усмехнулся и с удивлением отметил, что в душе ничего не ворохнулось. — С сегодняшнего дня я штатный оператор заштатного подотдела, не более того. У меня теперь свои заботы, задачи и свои маленькие радости. Не до высокой политики, знаете ли...

— Зря вы так, Мартин. — Специальный агент смотрел осуждающе. — Я на вас рассчитывал.

— Жаль, не оправдал вашего доверия... — С этими словами я резко повернулся и начал спускаться по лестнице.

Агент остался стоять на месте, глядя мне вслед.

Незаменимых людей нет, зато охотников стать неизменными помощниками властей предержащих полно. И полно в мире загадочных предметов и необычайных явлений, подходящих для этого. Найдут дурака — бегать, искать, сражаться... Передвигать фигуры где-то наверху...

А я — просто оператор АСА, теперь из маленького подотдела. Хотя так ли уж «просто»? Теперь мне доподлинно известно, что миром правит загадочное триединство: бой, танец и любовь. Три стороны, три грани единого процесса бытия.

Проживай каждый день как бой — со всей страстью, неистовством и яростью чистого сердца! Если взялся за оружие, иди до конца, будь то клинок или вектор. Но не одной схваткой живет человек.

Танцуй по жизни — победу приносит легкость и грация! Внутреннее состояние, как говорила Венера. Стань умелым: танцы и балет — великий труд. Отточенные движения, до миллиметра выверенные па, холодный расчет в горячечном буйстве прыжков и кручений... В призрачном мире энергетических каналов... Процедура тоже танец, но одного порхания мало.

Люби. Любовь — кровь и суть жизни, ее сердцевина. Без нее бой обращается в бесцельную бойню, а танец — в пустое кривлянье или скотскую похоть. Впрочем, что есть любовь, вам лучше спросить у поэтов.

Ворона из меня не получилось, да и не стремился я в мировые диктаторы. Но и прежним быть уже не смогу — хоть в Брокскене, хоть в столице, да хоть у черта на рогах. Ну и ладно, жизнь всё расставит по своим местам...

Вот только найти бы еще женщину, похожую на Еву.

Больше книг на сайте - Knigolub.net